

XIX.

РУССКОЕ СЛОВО.

XI.

Философия?

27.688 нел.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1860.

2, 11. 12
1860

Н О Я Б Р Ъ .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Семена Сѣдинкина, въ торговой 17.

Рес. 261 ^и / 2, 11. 12

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 20 Ноября 1860 года

Ценсоры *И. Дубровский.*

Ө. Рахманиновъ.

[2], 11.

ЯНЪ ГУНІАДИ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.)

Статья первая.

I.

Завоеванія Турокъ на юго-востокѣ Европы въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтій, вызвали на сцену дѣйствій рядъ доблестныхъ личностей, о которыхъ исторія или упомянула какъ бы мимоходомъ, или же начертала ихъ на своихъ скрижаляхъ единственно съ той цѣлю, чтобы пополнить пробѣлъ этой эпохи, но равнодушно и какъ бы безъ всякаго сочувствія къ пменамъ этихъ славныхъ поборниковъ независимости и дунайскихъ народностей. Среди этихъ личностей рѣзко обозначился образъ Яна Гуніади, олицетворившій въ себѣ не одну только Венгрію, но весь міръ дунайскихъ народностей, которыя онъ нѣсколько разъ поднималъ противъ возраставшей власти ислама. Румынъ по рожденію, Мадяръ по воспитанію, — этотъ великій полководецъ равно вмѣщалъ въ душѣ своей глубокое сочувствіе и къ Сербу, и къ Болгарину, и къ свободолобивому горцу Ешира. Постоянная, неутомимая борьба его съ Османами, не ограничивалась однимъ только огражденіемъ венгерскихъ границъ отъ ихъ частыхъ вторженій: главной, господствующей въ немъ идеей было — изгнаніе ихъ изъ Европы, что заставляло его переносить войну за Балканы и къ берегамъ Чернаго Моря.

Отд. I.

1

Безцвѣтною, можно сказать, легендарною тѣнью прошлѣта его младенчества и юности, и между тѣмъ какъ недосягаемо высоко выросъ онъ, когда усобицы венгерской земли, вуждаясь въ честномъ, правдивомъ, украшенномъ лучшими гражданскими добродѣтелями сподвижникѣ, находпли его въ лицѣ Гуниади. Онъ одинъ являлся постоянно передовымъ вождемъ христіанства противъ изувѣрной силы Османовъ, и несмотря на понесенныя имъ пораженія, подобно древнему Антею, вставалъ съ новыми силами.

Много любопытнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительнаго представляетъ жизнь этого великаго человѣка; о которомъ доселѣ извѣстно намъ едвали болѣе, какъ одно его имя. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ исторій и учебниковъ упоминаютъ о немъ, какъ объ участникѣ варискаго пораженія во времена Владислава *варненчика*, за тѣмъ какъ о зашитникѣ Бѣлграда, — и ни слова болѣе. Не одни политическіе расчеты и исключительная любовь къ Венгріи заставляли его ополчаться на возраставшую силу Османовъ. Ниже увидимъ, что Янъ Гуниади недовольствовался огражденіемъ верхняго Дуная отъ турецкихъ завоеваній: главная цѣль его была поднять павшія силы Сербовъ и Болгаръ *), особенно послѣднихъ, въ земли которыхъ онъ постоянно стремился переносить театръ военныхъ дѣйствій. Что же такъ влекло его особенно за Дунай, въ Болгарію? Невольно приходитъ на умъ одна изъ многочисленныхъ легендъ, называвшихъ Гуниади потомкомъ болгарскихъ царей **). Исторія, однакожъ, молчитъ объ этомъ. Одно предположеніе Капринан, не основанное ни на какомъ достовѣрномъ фактѣ, принято быть не можетъ, а стремленіе Гуниади переносить войну въ Болгарію и Фракійскія равнины скорѣе объясняется стратегическими видами мадярскаго предводителя. Какъ бы то ни было, для насъ равно дорого и поэтическое преданіе

*) Лаоникъ Халкокондилъ, которому событія его эпохи были хорошо извѣстны, говоритъ, что Гуниади былъ расположенъ къ грекамъ, ἰάγγος, τοῖς μὲν Ἕλλησι φίλος ἦν — De rebus Turcicis. l. VI. p. 283. Ниже мы увидимъ, что его усилія стремились къ тому, чтобы соединить всѣ христіанскіе народы въ общій союзъ противъ турокъ.

**) У *Kaprinat. Hung. dipl. temporibus Mathiae Corvini. ps. II. p. 565.*

о его происхожденіи, и фактически записанныя дѣянія его въ одну изъ знаменательныхъ эпохъ юго-востока Европы. Знакомясь съ многотрудною и полною доблестныхъ дѣяній жизнию этого человѣка, нельзя умолчать и о сказочной сторонѣ его происхожденія, которая прикрываетъ своею таинственною завѣсой рожденіе и первые годы его молодости. Лѣтописцы, записавшіе сказку о происхожденіи Яна Гуиади, противорѣчатъ только въ нѣкоторыхъ частностяхъ; главная же нить разсказа выдержана почти у всѣхъ, и, изъ сближенія этихъ отрывочныхъ извѣстій, можно легко воспроизвести приблизительно вѣрный очеркъ рожденія и воспитанія доблестнаго защитника Бѣлграда, и верховнаго правителя Венгріи въ самую опасную эпоху этой страны.

Преданіе говоритъ, что въ послѣднихъ годахъ XIV столѣтія (1393), венгерскій король Сигизмундъ повелѣлъ на султана Баязида, опустошавшаго области нижняго Дуная и поработившаго Болгарію и Сербію, все свое рыцарство, почитавшееся лучшимъ войскомъ того времени. Пройдя нижнюю Венгрію и вступивъ въ Трансильванію, король остановился, чтобы выждать свои резервы. Однажды, говоритъ преданіе, Сигизмундъ выѣхалъ изъ лагеря обозрѣть окрестныя мѣста. Случайно встрѣтился онъ съ дочерью одного боярина, Елизаветою Морсиня, которой красота до-того плѣнила Сигизмунда, что онъ волюгѣ предался своей страсти. Молодая Валахія, прельщенная съ своей стороны блескомъ царскаго вѣнца, обольстительными обѣщаніями влюбленнаго, предалась ему всей силой первой любви. Наступило время разстаться. Сигизмундъ готовился перейти Дунай и, уѣзжая, обѣщалъ Елизаветѣ возвратиться вскорѣ, давъ клятву въ вѣчной вѣрности.

Походъ этотъ за Дунай не осуществился. Сигизмундъ, надѣясь на помощь западныхъ державъ, которой однакожь не получилъ, вынужденъ былъ возвратиться обратно въ Венгрію, куда онъ отправился прежнею дорогою, т.-е., черезъ Трансильванію. Здѣсь онъ снова увидѣлся съ Елизаветою Морсиня, которая объявила ему о своей беременности. Обрадованный король обѣщалъ своей возлюбленной богатства и почести будущему ребенку, и въ доказательство, что

онъ сдержитъ свои обѣщанія, вручилъ ей золотое кольцо, посредствомъ котораго она могла-бы вездѣ и во всякое время имѣть свободный къ нему доступъ. Послѣ чего онъ уѣхалъ въ Буду.

Отецъ Елизаветы, продолжаетъ тоже сказаніе, — менѣе довѣряя обѣщаніямъ короля, выдалъ ее замужъ за одного Валаха, который увезъ молодую жену на свою родину, гдѣ она вскорѣ родила сына и назвала его Яномъ. Прошло нѣсколько лѣтъ и новый походъ противъ Турокъ *) вызвалъ снова Сигизмунда въ Валахію. Елизавета, взявъ съ собою ребенка, явилась къ королю, который предложилъ ей пріѣхать въ Буду, по окончаніи похода. Смерть ея мужа освободила Елизавету отъ обязанностей супруги и она не замедлила пуститься въ путь, имѣя въ виду будущую судьбу своего сына. Въ сопровожденіи своего брата, взявъ съ собою заветное кольцо, Елизавета медленно пробиралась къ столицѣ Венгріи. Однажды путешественники остановились отдохнуть на берегу одного пруда. Елизавета начала мыть бѣлье, братъ ея отправился гулять по окрестнымъ мѣстамъ, а молодой Янъ, лежа на травѣ, игралъ золотымъ кольцомъ, оставленнымъ ему матерью. Въ это время спустился къ ребенку воронъ, схватилъ кольцо и, поднявшись, сѣлъ не вдалекѣ на вѣтвь дерева. На крики ребенка прібѣжала мать и видя, что кольцо исчезло, пришла въ неописанное отчаяніе. Вернулся вскорѣ и братъ, который замѣтилъ, что воронъ все еще сидитъ на деревѣ, держа въ клювѣ своемъ золотое кольцо. Онъ поспѣшно натянулъ лукъ, мѣткою стрѣлой сразилъ хищную птицу, и кольцо снова было возвращено обрадованной Елизаветѣ. Прибывъ въ Буду, путешественники явились къ воротамъ дворца и, представивъ королевское кольцо, были тотчасъ допущены къ Сигизмунду. Король не измѣнилъ своему слову: обласкавъ мать и ребенка, онъ велѣлъ отвести имъ приличное помѣщеніе въ Пестѣ, и не проходило дня, чтобы, по его приказу, не приводилъ къ нему молодого Яна, къ которому видимо росла любовь Сигизмунда. Бонфи-

*) По всему вѣроятію походъ 1396 года, кончившійся пораженіемъ христіанъ при Никополѣ.

ни рассказываетъ *), что важныя государственныя дѣла, вызвавшія короля изъ Буды, понудили его посѣлшить обезпеченіемъ будущности своего любимца. Онъ особыми грамотами закрѣпилъ за нимъ огромное помѣстье, или ключъ Гуніади въ Трансильваніи, которому принадлежали до шестидесяти селъ; пожаловалъ ему также дворянскій гербъ, изображавшій ворона, держащаго въ клювѣ золотое кольцо, и отправилъ его, подъ опекой матери, въ дарованныя ему земли.

Эта легенда о происхожденіи рода Гуніади, обще-принятая въ Венгріи и Трансильваніи, не есть единственная. Преданія о первомъ Гуніади существуютъ и между Сербамъ и Румынами. Приводимъ еще одно изъ множества другихъ, показывающихъ до какой степени дунайскіе народы дорожили, каждый изъ нихъ, усвоить рожденіе въ своей средѣ героя, бывшаго страшнымъ громителемъ Турокъ. Въ Сербіи ходитъ сказаніе, что одинъ изъ ея князей отправился однажды въ Буду посѣлшить Сигизмунда **). Венгерскій король, угощая своего друга, предложилъ ему, между прочимъ, одну изъ красивѣйшихъ дѣвицъ своего двора, и въ урочное время, по отъѣздѣ сербскаго князя, она родила мальчика, который впоследствии сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Яна Гуніади. Эти преданія, живущія въ памяти не одного только народа мадарскаго, но повторяемыя и другими племенами, обитающими по обѣимъ сторонамъ Дуная, достаточно рисуютъ личность, которой они приписаны. Историки также любятъ повторять ихъ, а многіе изъ нихъ, находясь подъ напѣтиемъ сказочной старины, дѣтски вѣрили романтическому происхожденію знаменитаго полководца. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Гаммеръ и Энгель ***), указы-

*) *Regum hungaricum, decades tres.* — Историкъ Бонфини, умершій въ 1502 г., пользовался особенной милостью короля Матвѣя Корвина и пресмыкающаго его Владислава, по порученію которыхъ писалъ исторію Венгріи.

**) Историческое основаніе этого извѣстія лежитъ въ посѣщеніи Буды Стефаномъ Лазаревичемъ въ 1412 г., во время тѣснѣйшихъ сближеній Венгріи съ Сербіей.

***) Второй изъ нихъ, въ *Aeltere Gesch. der Walachey*, p. 158, указываетъ на 1395 годъ и на *Huniader Comitatus*.

ваютъ даже на мѣсто и время рожденія Гуниади. Бонфини д'Асколи первый заподозрилъ достовѣрность этихъ сказаній о началѣ рода Гуниади, а Прай и Катона *), приводя до мелочи все то, что было записано ихъ предшественниками, приходятъ къ тому заключенію, что всѣ эти сказанія — чистая выдумка. Но не смотря на ихъ стараніе раскрыть истину, они новыми предположеніями и выводами еще болѣе затемнили и запутали самое событіе, такъ что рассказанное нами выше преданіе имѣетъ болѣе смысла и достовѣрности. Одинъ изъ мадарскихъ ученыхъ, графъ Юсифъ Телеки, бывшій президентомъ мадарской академіи, написалъ сочиненіе, которое по случаю преждевременной его смерти не было вполне издано. Оно посвящено подробнѣйшему изслѣдованію гуниадовой эпохи **). Въ этомъ сочиненіи Телеки смѣло опровергаетъ легендарное сказаніе объ общепринятомъ происхожденіи Гуниади, на самыхъ положительныхъ доводахъ. Во-первыхъ, говоритъ онъ, еслибъ Сигизмундъ дѣйствительно былъ отецъ Яна, то взявъ въ соображеніе обстановку, въ какую обыкновенно вставляютъ отношенія его къ Елизаветѣ Морсиан, и любовь его къ сыну, онъ не преминулъ-бы дать этому послѣднему значительныя помѣстья. Изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ извѣстно, и даже документально доказано, что Гуниади при смерти Сигизмунда, владѣлъ весьма ограниченнымъ состояніемъ, и только при Албертѣ, возведенный въ званіе барона, былъ пожалованъ довольно богатыми помѣстьями. Кромѣ того, когда Матвѣй I былъ избранъ королемъ, онъ не преминулъ-бы подтвердить законность наследственнаго права на имѣнія, противъ котораго подняли споръ Фридрихъ III и крамольные магнаты, еслибы Гуниади былъ объявленъ потомкомъ Сигизмунда. Извѣстно, что въ XV вѣкѣ, рожденные внѣ брака, пользовались, по слѣдствію завѣщанія, одинаковыми гражданскими правами съ законнорожденными. Большая часть удѣльныхъ князей Италіи были признаваемы за незаконнорожденныхъ, а между тѣмъ

*) Первый въ *Annales regum* ps. III. p. 185—186. Другой въ *Hist. crit. reg. Hung.* t. XIII. p. 1109 Seqq.

**) Мадарское его заглавіе: *Huniadiák Kora Magyarországon.*

они свободно пользовались предоставленными имъ правами. Если Янъ Гуниади не предъявлялъ кровнаго родства своего съ Сигизмундомъ, то это было по той причинѣ, что онъ вовсе не былъ его сыномъ.

Вякъ этого преданія, сплещагося сроднить Гуниади съ владѣтельнымъ домомъ Брандебурговъ, отъ котораго, какъ извѣстно, происходилъ и Сигизмундъ, король Венгріи, мы находимъ другое, отчасти близкое къ истинѣ. Бонфини, жившій при дворѣ Матвѣя Корвина, говоритъ *), что отецъ Яна Гуниади былъ Валахъ, по имени Буть или Буто (Butho), а мать гречанка Елизавета Морсиана. По свидѣтельству этого историка, Елизавета происходила отъ царственнаго рода византійскихъ императоровъ, а прозваніе Корвинъ показываетъ родство этого семейства съ древнимъ римскимъ родомъ *Корвини*. Съ перваго взгляда подобная родословная показываетъ въ историкѣ придворнаго льстеца и напоминаетъ извѣстную родословную Василія Македонскаго, и не менѣе любопытную въ этомъ отношеніи исторію Василія Деспота, самозваннаго господаря Молдавіи **). Не смотря на то, что многіе историки ***) слѣпо вѣрятъ въ валахо-греко-римское происхожденіе Яна Гуниади, мы прибавимъ, что для ловкихъ составителей родословныхъ, не можетъ встрѣтиться большаго затрудненія найти связь между Палеологами и Константиномъ Великимъ, между Византіей и Римомъ, и такимъ образомъ достигнуть древняго рода римскихъ Корвиновъ. Предположеніе это легко рушится само собою, если вспомнить, что не только въ Римѣ, но и въ Польшѣ былъ родъ Корвиновъ ****). Притомъ прозвище *Корвинъ*, приданное Яну нѣкоторыми историками по изображенному на его гербѣ воробю, еще не есть доказательство, что оно дѣйствительно было его фамильнымъ названіемъ, а скорѣе указываетъ на прозвище, данное ему вслѣдствіе принятаго изображенія на

*) Decada III. l. III. и l. IV p. 423.

***) Срв. *Румынск. Господ. Валагія и Молдавія*, Спб. 1859. стр. 85 и слѣд.

****) Срв. Прая, рз. III. р. 185, 186.

*****) Катова t. XIV. р. 1, что заставило нѣкоторыхъ признавать въ Гуниади польское происхожденіе.

его гербѣ. Многіе роды въ Германіи носятъ на своихъ гербахъ одинаковыя изображенія, какія видны и на гербѣ Гуніади. Кромѣ того изъ сохранившихся документовъ, дипломовъ, писемъ, ясно видно, что Янъ ни гдѣ и никогда не называлъ себя Корвиномъ. Онъ также чуждъ потомкамъ Θεодосія Великаго, какъ далекъ и отъ побочнаго родства съ Сигизмундомъ. Турочъ, знавшій лично Яна Гуніади, говоритъ, что онъ былъ дворянскаго происхожденія изъ *Трансильваніи* *). Николай Олахъ **) указываетъ на сродство Гуніадовъ съ воеводами Валахій; историкъ же Фесслеръ ***) , опираясь на свидѣтельство своихъ предшественниковъ, утвердительно говоритъ, что Янъ Гуніади происходилъ отъ древняго, но обѣднѣвшаго валахскаго рода.

Изъ всего этого видно, что Янъ Гуніади, если не по происхожденію, то по рожденію своему, скорѣе Валахъ, нежели Мадяръ. Таково, по-крайней-мѣрѣ, общепринятое мнѣніе. Но вновь открытые графомъ Телеки документы, разливаютъ совершенно новый свѣтъ на личность знаменитаго героя Венгріи. Выше мы видѣли, что отецъ его назывался Бутъ или Буто, мать же Елизавета Морсинан. По удостоверенію Телеки, родовое имя Морсинан чисто мадарское и встрѣчается во многихъ документахъ XVI вѣка. Названіе же Бутъ, встрѣчаемое и въ другой формѣ, именно — Вука и Войка, показываетъ въ носившемъ это имя или Серба, или Болгара, или Валаха, потому что у всѣхъ этихъ народовъ оно встрѣчается очень часто. Во многихъ древнихъ грамотахъ послѣ имени Вукъ, Бути, слѣдуетъ названіе *Олахъ*, т.-е., Валахъ. Такъ назывались очень часто и Янъ, и отецъ его. На это Телеки возражаетъ, что подобное названіе придано было Гуніади потому, что его долгое время считали происхожденія валахскаго; но Вукъ, Бути и Олахъ, — могли быть приняты какъ имена, принадлежавшія отцу Яна Гуніади, могли даже относиться и къ самому Яну, и все это не мѣшаетъ однакожъ послѣднему быть истымъ Мадяромъ.

*) Chron. p. IV. cap. XXX.

**) Hungaria cap. XII.

***) Mathias Corvinus. t. I. p. 15.

Настоящее названіе отца Яна встрѣчается въ грамотахъ Владислава II, короля польскаго и венгерскаго, гдѣ Янъ названъ Ванкъ Гуніади, въ оригиналѣ *de Huniad*. Последнее наименованіе могло ли быть дано ему на томъ основаніи, что Ванкъ получилъ помѣстье Гуніади въ Трансильваніи, вслѣдствіе чего оно обращено было въ родовое названіе Гуніадовъ? Едва ли; потому что Сигизмундъ, бывшій прежде Владислава, употребляетъ въ своей дарственной грамотѣ выраженіе: *nova donatio* *. Это показываетъ, что родъ Гуніади владѣлъ помѣстьями гораздо прежде Сигизмундова времени, и согласуясь съ выводами Телеки, основанными на несомнѣнныхъ данныхъ, можно заключить, что еще въ началѣ XIV столѣтія существовалъ въ Венгріи дворянскій родъ Гуніади. Не смотря на это, трудно однако жъ показать, какую степень занималъ этотъ родъ въ феодальной іерархіи венгерскаго королевства. Одно только извѣстно, что родъ этотъ не былъ въ числѣ высшей военной или гражданской аристократіи, и даже первое полуисторическое лицо этого рода, Ванкъ, не былъ ни магнатомъ, ни барономъ. О немъ извѣстно только, что онъ былъ *miles aulicus*, въ родѣ почетнаго тѣлохранителя, или дворцоваго рыцаря. Но что Ванкъ не могъ быть плебейскаго происхожденія, это показываетъ женитьба сына его Яна съ Елизаветою, дочерью Слагги, родъ которой былъ могущественнѣйшій, богатѣйшій и древнѣйшій между родами Венгріи. На этихъ выводахъ основываютъ новѣйшіе малярскіе историки доказательство, что Янъ Гуніади происхожденія чисто малярскаго.

Любопытно взглянуть на чѣмъ основываютъ свои показанія и тѣ, которые утверждаютъ, что знаменитый полководецъ ведетъ родъ свой изъ Валахія. Георгій Прай **) говоритъ, что Янъ родился въ Трансильваніи. Новѣйшій биографъ Гуніади, графъ Телеки, не противорѣча извѣстію Прая, не рѣшается однако жъ утвердительно показать на Трансильванію, какъ мѣсто рожденія Гуніади. Оба эти писателя сбиваются на неопредѣленности народностей Трансильваніи,

*) У *Fehér's* Cod. diplom. Hungar. t. X. p. 493.

**) *Annales*. p. III. 186.

валахское населеніе которой часто смѣшивали съ мадарскимъ, и на оборотъ. Населеніе валахское въ гуниадскомъ комитатѣ гораздо значительнѣе мадарскаго; но среди этихъ Румыновъ находятся и мадарскіе поселенцы, которыхъ древность, по увѣренію Телеки, восходитъ къ эпохѣ перваго покоренія, т. е. къ IX — X вѣку. Эней Сильвій *) первый утвердительно выдалъ Гуниади за Румына, но бездоказательно и не приводя никакихъ особенныхъ свидѣтельствъ. Какъ бы то ни было, трудно, почти невозможно опредѣлить, на основаніи существующихъ данныхъ, гдѣ именно, въ какомъ городѣ или замкѣ получилъ жизнь знаменитый герой варнскаго погрома. Всѣ, писавшіе объ этой эпохѣ Венгріи, старались умалчивать объ этомъ вопросѣ, не смотря, что нѣкоторые лѣтописцы только гадательно указывали на мѣсто рожденія Гуниади **).

Эти несогласія о происхожденіи Яна Гуниади сводятся однакожъ къ слѣдующему выводу: Янъ былъ сынъ не Спигизмунда, а Вука—Бута изъ Гуниади и Елѣсаветы Морсинап; отецъ его происходилъ отъ древняго мадарскаго рода, хотя и обѣдѣншаго впослѣдствіи. Родился же онъ, по всѣмъ соображеніямъ, въ Трансильваніи, въ родовомъ помѣстьи своихъ предковъ, Гуниади, не ранѣе 1387 года. Кромѣ его у Бута было еще двѣ дочери, не оставившія никакого слѣда въ исторіи и меньшей сынъ, также именемъ Янъ или Яносъ, раздѣлявшій труды старшаго своего брата до 1440 или 1442 года. Оба Яна провели молодые свои годы въ родительскомъ домѣ, и какъ видно, умственное образованіе ихъ, вслѣдствіе ли недостаточныхъ средствъ ихъ отца, или по другимъ обстоятельствамъ, было весьма ограничено ***); но за то воен-

*) Cod. diplom. t. II. 33.

**) Такъ напр. Халкокондиль говоритъ, что Гуниади родился въ городѣ *Гуниадъ* въ Эрделии, — *υἱοῦς δὲ — ἀπὸ Χωνιάτης πόλεως Ἐρδελίου ἀποκείμενος*. De reb. Turc. l. v. Бонфини называетъ мѣсто гдѣ Янъ родился — Голлосъ, въ гуниадскомъ комитатѣ, гдѣ, однакожъ, такого названія не существуетъ.

***) Это видно изъ того, что онъ плохо зналъ латинскій языкъ, бывшій въ его время общепотребительнымъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ. Свидѣтельство это приводитъ Швандтнеръ, гл. XIII: De dictis et factis Mathiae regis.

ное ихъ воспитаніе было въ такой степени развито, что Турочъ, въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи, описывая характеръ Яна старшаго, говоритъ, что онъ былъ рожденъ для воинскихъ подвиговъ, предназначенъ спасти свою родину; ему нужна была война, какъ рыба вода, какъ лѣсъ оленю *). Но въ какое именно время и подъ чьимъ руководствомъ упражнялся Янъ воинскому строю и бою? Здѣсь также исторія уступаетъ мѣсто преданію, по причинѣ отсутствія достовѣрныхъ данныхъ, а преданіе ограничивается однимъ извѣстіемъ, часто впоследствии повторявшимся мадарскими лѣтописцами, и которое первоначально записано было Халкокондиломъ, бывшимъ современникомъ Яна Гуниади. Въ молодости, говоритъ греческій писатель, Янъ Гуниади, родомъ изъ Эрделін, (Транспльванія), находился въ службѣ князя Трибалловъ, т. е. Сербовъ. Находясь однажды на охотѣ, князь поднялъ огромнаго волка, силы необычайной, и далъ приказаніе Яну идти въ слѣдъ за звѣремъ. Гуниади съ жаромъ бросился преслѣдовать указанную ему добычу. Волкъ, встрѣтивъ на своемъ пути быстрый потокъ, переплываетъ его. Янъ не отстаётъ и, въ свою очередь, переплываетъ рѣку. Наконецъ онъ настигаетъ его, убиваетъ и, содравъ шкуру, приноситъ этотъ трофей князю. Тогда, говоритъ Халкокондилъ, князь Трибалловъ, удивленный храбростію молодого человѣка, сказалъ окружающимъ его, что этотъ юноша рожденъ быть великимъ **). Черезъ нѣсколько лѣтъ, заключаетъ рассказъ свой Халкокондилъ, Гуниади возвратился въ Венгрію, куда предшествовала ему слава доблестнаго воина, и вступилъ въ королевскую службу.

Это было въ царствованіе Сигизмунда. При такихъ превосходныхъ качествахъ, Яну не трудно было отличиться и обратитъ на себя вниманіе короля. Онъ быстро возвысился до степени королевскаго совѣтника и находился въ свѣтѣ

*) Chron. p. IV. cap. XXX.

***) Халкоконд. De reb. Turc. p. 256. *μακροθωμένος δὲ αὐτοῦ* (т. е. у князя Трибалловъ или Сербовъ) — *διετριβε συχρὸν πικὰ χρόνον*, — находясь у него наемникомъ, служилъ довольно долгое время. По всему вѣроятію это было въ періодъ Бранковичей, начавшійся въ Сербіи въ 1427 году.

Сигизмунда, когда тотъ отправился во Франкфуртъ, чтобы вѣнчаться императоромъ германскимъ. При смерти Сигизмунда, Янь Гуниади былъ уже въ числѣ *milites regii*, тѣхъ многихъ дворянъ высшаго разряда, которые составляли главный оплотъ Венгріи, были лучшимъ украшеніемъ націи Мадяръ. Отсюда начинается достовѣрная исторія этаго необыкновеннаго человѣка, который одинъ олицетворялъ въ себѣ живой протестъ христіанскихъ народностей юго-востока противъ турецкаго преобладанія.

Оба брата, оба Яна Гуниади, отличившіеся въ царствованіе Сигизмунда, еще болѣе прославились при наслѣдникѣ его Албертѣ. Прай приводитъ древнее свидѣтельство, что король Албертъ, возводя обонхъ Яновъ на степень бароновъ Венгріи, пожаловалъ имъ богатое и обширное банство Сѣрени. Банство это, расположенное по Трансильванской границѣ, подвергалось постояннымъ нападеніямъ Османовъ, такъ что оба Гуниади, защищая свое владѣніе, были какъ бы передовою стражей Венгріи, постоянно бодрствовавшей на ея границѣ. Турки въ эту эпоху владѣли уже всѣмъ теченіемъ Дуная до предѣловъ Бѣлградскихъ, распространивъ ленное свое право и по сю сторону Дуная на господарства Молдавію и Валахію. Бѣлградъ, окруженный толстыми стѣнами, укрѣпленный бойницами, былъ, какъ бы ключемъ къ Венгріи, и въ правленіе Сигизмунда, Турки въ первый разъ пытались овладѣть имъ, но безуспѣшно. Видя трудность взять этотъ городъ, они рѣшились оставить прямую осаду, и начавъ опустошать окрестную страну, имѣли въ виду этимъ самымъ обезсилить гарнизонъ Бѣлграда и отрѣзать всякое съ нимъ сообщеніе. Этимъ объясняются ихъ постоянныя вторженія въ Трансильванію, доходившія иногда до стѣнъ Германштата, по всей линіи восточной границы, и преимущественно въ банатъ Сѣрени. Вторженія эти продолжались во все время царствованія Алберта австрійскаго и до второго года правленія Владислава. Въ теченіе этого времени оба Яна были представителями мадярскаго рыцарства въ постоянной борьбѣ ихъ противъ османскихъ нашествій. Подробности ихъ доблестныхъ подвиговъ, относящихся къ этому періоду времени, или затеряны, или малопзвѣстны, но тѣмъ не менѣе мадярскіе лѣтописцы

и историки единогласно говорятъ, что подвиги ихъ были безчисленныя и приносили самыя существенныя выгоды странѣ, для которой они были лучшими стражами. Благодаря братьямъ Гуніади, неоднократно прогонявшимъ Турокъ изъ Трансильваніи, набѣги этихъ послѣднихъ становились рѣдки, и не приносили имъ ни какой пользы. Безполезны были также и осады, которыя предпринимали они противъ Орсовы, Сѣрени и Михалда.

Во время одного изъ этихъ нашествій, Янъ Гуніади младшій, былъ раненъ, и едва не лишился жизни. Послѣдующая судьба его неизвѣстна, и его имя болѣе нигдѣ не встрѣчается. Съ 1441 года на сценѣ дѣйствій въ постоянной борьбѣ Венгріи съ Турками, стоитъ одна личность, — это Янъ Гуніади старшій, и съ этой поры исторія воиномъ освѣщаетъ великаго человѣка, рисуетъ его во всемъ величїи и блескѣ. Одинъ Англичанинъ, долгое время занимавшійся характеристикой многихъ доблестныхъ мужей древности и среднихъ вѣковъ, говоритъ, что только семеро изъ нихъ, не бывши государями, по всей справедливости достойны были украсить чело свое царскимъ вѣнцомъ; это были: Велизарій, Нарцесъ, Гонзалвъ Кордуанскій, Вильгельмъ I, принцъ Оранскій, Александръ, герцогъ Пармскій, Скандербергъ и Янъ Гуніади *). Изъ исторической половины жизни этого необыкновеннаго мужа можно видѣть, въ какой мѣрѣ заслужилъ онъ своими доблестными дѣяніями столь высокую оцѣнку у потомства. Четыре знаменательныя эпохи въ исторіи Венгріи первой половины XV вѣка постоянно представляютъ Гуніади передовымъ вождемъ, какъ на поприщѣ военномъ, такъ и на административно-политическомъ. Усобицы, начавшіяся тотчасъ по смерти Алберта, и за тѣмъ турецкая война 1440 года; несчастный походъ подъ Варну 1444 года, гдѣ такъ трагически кончилъ жизнь Владиславъ *варненчикъ*; восьми-лѣтнее (1445 — 1453) почти самостоятельное правленіе Гуніади Венгеріей, и наконецъ, геройская защита Бѣлграда (1453 — 1456), во время которой Янъ Гу-

*) Essai sur les vertus héroïques.

ніади былъ верховнымъ вождемъ, главнымъ предводителемъ силъ Венгріи, — вотъ тѣ эпохи, которыя, можно сказать, были созданы въ исторіи этимъ великимъ человѣкомъ.

II.

Правленіе короля Алберта въ Венгріи было кратковременно. Оно продолжалось не болѣе двадцати мѣсяцовъ, и когда онъ умеръ въ Октябрѣ 1439 года, то оставилъ только двухъ дочерей. Престоль Венгріи, слѣдовательно, оставался безъ наслѣдника. Предчувствуя скорую свою кончину, Албертъ созвалъ къ смертному своему ложу все высшее дворянство Венгріи и объявилъ, что, такъ какъ Елизавета, его супруга, беременна, то онъ проситъ магнатовъ королевства принять, какъ ее, такъ и будущаго младенца, подъ свое покровительство. Нужно сказать, что еще передъ тѣмъ, въ Январѣ 1438 года, сеймъ, собранный по случаю коронаванія Алберта, утвердилъ особымъ декретомъ наслѣдство мадарской короны за Елизаветой, бывшей дочерью короля Сигизмунда, и за имѣющимъ родиться отъ нея ребенкомъ мужескаго пола. Но послѣ похоронъ короля Алберта, какое-то безпокойство овладѣло всей Венгріей. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе Мадяръ было не совсѣмъ нормально; съ одной стороны гусситская революція въ Чехіи не была вполне подавлена, и могла снова вспыхнуть; съ другой увеличивающаяся сила Турокъ, занявшихъ уже Смедереву, — (Сендре по мадарски), готовилась нагрянуть на Бѣлградъ, почитавшійся ключемъ къ Венгріи, главнымъ ея оплотомъ противъ османскаго завосванія. Въ виду подобныхъ опасностей, что оставалось дѣлать Венгріи и ея магнатамъ? Этой странѣ нуженъ былъ мужъ съ дѣятельнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ, а она была обречена на долю слабой женщины, да ребенку, который еще не видѣлъ Божьяго свѣта. Были и другія предположенія и расчеты, проходившія въ смутномъ воображеніи магнатовъ Венгріи, и которые не предвѣщали имъ ничего утѣшительнаго. Они задавали себѣ вопросъ: сама ли королева будетъ управлять

страпой, или предоставитъ это управленіе одному изъ нихъ, и кому именно? Младенецъ, имѣющій родиться, будетъ ли еще живъ, и если суждено ему остаться въ живыхъ, то родится ли онъ мальчикомъ или дѣвочкой? Покойный король Албертъ былъ герцогомъ австрійскимъ, былъ также императоромъ нѣмецкимъ, слѣдовательно, если младенецъ родится мальчкомъ, то по всему вѣроятію не поручать ли его воспитаніе родственникамъ — Нѣмцамъ и такимъ образомъ удалить его отъ всего мадарскаго, и съ самаго ранняго возраста внушать ему идею, чуждыя народу, надъ которымъ призванъ онъ царствовать по наследственному праву? Какой же онъ послѣ этого будетъ Мадарь? Въ подобномъ случаѣ, говорили истинные патріоты, наша прекрасная страна неминуемо обратится въ междоусобное побоище! Намъ нуженъ король, — кричали они, — король въ настоящую минуту, а не въ смутномъ будущемъ! Король положительный, а не воображаемый! — Такъ рассказываетъ Калимахи, описавшій жизнь и дѣла Владислава варненчика, и бывший слѣдовательно современникомъ этихъ событій *).

Не смотря на эти обстоятельства, магнаты королевства не рѣшались однако жъ искать себѣ короля изъ семейства Алберта и Сигизмунда. Оба они оставили по себѣ добрую память въ сердцахъ своихъ мадарскихъ подданныхъ, что заставляло послѣднихъ быть вѣрными и Елизаветѣ. Но вдовствующая королева сама разрѣшила узелъ, связывавшій ее съ предоставленнымъ ей управленіемъ Венгріи. Она, по свидѣтельству Туроча **), видя критическое положеніе дѣлъ, предоставила магнатамъ полное право избрать въ государя челоуѣка, который бы могъ доставить Венгріи славу и благоденствіе. Устраняя себя добровольно отъ правленія, Елизавета имѣла и другую причину, именно то, — какъ она говорила, что по всѣмъ признакамъ ея беременности, она родитъ дочь, а не сына. Это самоотверженіе вдовы Алберта, приносившей въ жертву на пользу общую вѣнецъ Св.

*) De rebus Wladislai. См. у Шванднера, а также и у Муратори.

***) *Chronica*, l. IV. cap. XXX.

Стефана, заставило Мадяръ немедленно приступить къ избирательному совѣщанію по началамъ конституціи мадарской. Одни изъ представителей народа предложили призвать на правленіе Елизавету, не смотря на ея отреченіе, и терпѣливо ожидать рожденія младенца. Другіе же, напротивъ, — и между ними первый Янъ Гуниади, — рѣшились дословно слѣдовать предложенію королевы, и положили призвать на венгерскій престолъ польскаго короля Владислава, сына Ягеллы, имѣвшаго тогда не болѣе восемнадцати лѣтъ отъ роду. Призывая Владислава въ Венгрію, партія Гуниади имѣла въ виду союзъ двухъ народовъ, Мадяръ и Поляковъ, которые легче могли бы устоять противъ новыхъ завоевателей на юго-востокѣ Европы, противъ Турокъ. Партія эта имѣла также въ виду возвратить Венгріи обширный комитатъ спшскій или Сепесь, находившійся тогда въ закладѣ у Польши. Кромѣ этихъ двухъ предположеній, было и третье, именно: сочетать бракомъ Елизавету съ королемъ Владиславомъ. Будущій младенецъ не представлялъ большихъ затрудненій относительно права престолонаслѣдія, потому что магнаты рѣшили, что если родится мальчикъ, то предоставитъ ему право на престолы Чехіи и Австріи, дѣти же отъ короля Владислава будутъ признаны заблаговременно владѣтелями избирательныхъ престоловъ Венгріи и Польши.

Королевѣ понравилось это предложеніе, принятое также большинствомъ голосовъ сейма, который тутъ же рѣшилъ отпратить въ Краковъ пословъ предложить Владиславу вмѣстѣ съ рукою Елизаветы и корону Венгріи. Краковскій сеймъ съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтилъ это двойное предложеніе; но самъ Владиславъ долго колебался; ему не нравилось соединиться брачными узами съ женщиной, бывшей старѣе его нѣсколькими годами. Этотъ не соразмѣрный бракъ въ отношеніи лѣтъ жениха и невѣсты, при всѣхъ политическихъ выгодахъ, которыя онъ представлялъ обѣимъ сторонамъ, пугалъ юношеское воображеніе Владислава. Но совѣты приближенныхъ взяли верхъ, и онъ рѣшился объявить въ февралѣ 1440 г., что принимаетъ вмѣстѣ съ рукою Елизаветы и вѣнецъ Св. Стефана, и тутъ же далъ присягу сохранять неизмѣнными древнія права, законы и конституцію сво-

ихъ новыхъ подданныхъ. Присяжный листъ, подписанный Владиславомъ, неограничивался однимъ только этимъ показаніями. Король польскій обязывался, кромѣ того, защищать Венгрію польскими силами и возвратить тринадцать городовъ спшскаго комитата, заложенныхъ Сигизмундомъ, тѣхъ самыхъ, о которыхъ упоминали мы выше. Скрѣпленный списокъ этого присяжнаго листа былъ врученъ венгерскимъ депутатамъ, которые, въ свою очередь, принесли отъ имени мадярскаго народа присягу вѣрности и покорности новоизбранному своему государю.

Въ собраніе сейма, рассказываетъ Калмахи, были затѣмъ введены посланные отъ султана. Нужно сказать, что передъ тѣмъ Муратъ предлагалъ Владиславу и брату его Казимиру союзъ противъ приверженцевъ Алберта въ Чехіи, если сеймъ воспротивится соединенію Польши съ Венгріей. Когда же союзъ этотъ былъ скрѣпленъ обѣими сторонами, то Владиславъ сказалъ предстоявшимъ посламъ, что такъ, какъ обстоятельства измѣнились со смертью Алберта, то и турецкое посольство сдѣлалось въ настоящемъ случаѣ излишнимъ. Впрочемъ, — продолжалъ онъ, когда я буду вѣнчаться на княженіе въ Венгріи, вы будете имѣть случай войти со мной въ переговоры, если только этого искренно желаетъ султанъ вашъ, и если, довольный своими границами, онъ отъ души пожелаетъ поддержать съ нами миръ.» Слова эти, скрѣпившія въ самомъ началѣ союзъ двухъ народовъ, произвели въ сеймѣ взрывъ радостныхъ восклицаній. Изъ нихъ видно, что Владиславъ отдавался весь той партіи, которая такъ лихорадочно ждала минуты выступить неукротимымъ бойцомъ противъ невѣрныхъ.

Въ то время, когда эти событія происходили въ Краковѣ, королева Елизавета родила въ Февраль 1440 года сына Владислава Постума (послѣ рожденнаго), котораго рожденіе уничтожало все бывшія предположенія и угрожало будущей судьбѣ Венгріи внутренними неустройствами и усобицами. Образовались двѣ партіи; во главѣ одной стояли графъ Ульрихъ Силлей, двоюродный братъ Елизаветы со стороны Варвары Силлей, второй супруги Сигизмунда, за тѣмъ бапъ

Славоніи, Владиславъ Гара и Діонисій архіепископъ Эстергёма (Грана), которые принуждали королеву отказаться отъ обязательствъ, заключенныхъ въ Краковѣ и объявить себя правительницею королевства до совершеннолѣтія ея сына. Другая партія, на сторонѣ которой была большая часть сейма, состояла изъ Стефана Банфи, Николая Перени и преимущественно Яна Гуниади,—объявившихъ неизмѣннымъ союзъ, заключенный съ Владиславомъ польскимъ, и отвергшихъ, какъ противозаконными, притязанія разъ уже устранившихъ Владислава Постума отъ мадырскаго престола. Положеніе обѣихъ партій обозначилось довольно ясно. Искра, зароненная въ государство, могла быть легко потушена въ самомъ началѣ, все зависѣло отъ одного слова королевы; но она не произнесла его. Партія Силлея, надѣясь управлять отъ имени слабой женщины, поддерживала ее въ той мысли, что священнѣйшая обязанность ея состоитъ въ томъ, чтобы, во чтобы то ни стало, сохранить вѣнецъ Венгріи для ея сына. Поэтому рѣшенію, и безъ вѣдома сейма, Елизавета отправила въ Краковъ своихъ пословъ объявить о рожденіи мадырскаго короля и отмѣнить прежнее рѣшеніе относительно брачнаго ея союза съ Владиславомъ, равно также и призваніе сего послѣдняго на мадырскій престолъ.

Столь безцеремонное и явное нарушеніе правъ будскаго сейма, вызвало съ его стороны новое подтвержденіе краковскихъ рѣшеній и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе, посланное Владиславу отъ имени народа, поспѣшить занять праздный престолъ Венгріи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что скорый пріѣздъ польскаго короля въ Буду предупредилъ бы всякія непріязненныя дѣйствія противной партіи; но Владиславъ, удержанный въ Краковѣ вѣстями о неурядицахъ въ Лявѣ, упустилъ удобное время, которое дало возможность противной партіи изготавиться къ сопротивленію.

Борьба началась слѣдующимъ образомъ. Послы будскаго сейма, возвращаясь изъ Кракова въ Венгрію, были схвачены на дорогѣ подосланными королевою войнами и брошены въ темницу. За тѣмъ насильно отняли у нихъ договорныя грамоты, и чтобы уничтожить всякое законное ихъ доказатель-

ство, отняли у нихъ и государственныя печати. Сеймъ, узнавши объ этомъ, отправилъ къ Владиславу особаго гонца съ просьбою, какъ можно скорѣе послѣшить своимъ приѣздомъ, въ противномъ случаѣ ему придется съ оружіемъ въ рукахъ пробиваться къ престолу Венгріи. Къ счастью Владислава и преданной ему партіи Мадяръ, волненія въ Литвѣ успокоились, и король, окруженный блестящею свитой, выступилъ вскорѣ въ дорогу. Достигнувъ мадарской границы, онъ былъ встрѣченъ мадарскими магнатами и вмѣстѣ съ ними направилъ путь свой въ Буду. При этомъ извѣстіи, партія Елизаветы послѣшила предупредить Владислава польскаго тѣмъ, что вѣнчала на княженіе Владислава Постума. Это происходило слѣдующимъ образомъ: Владиславъ Гара, одинъ изъ хранителей государственныхъ регалій, взялъ въ Вышеградѣ корону Св. Стефана и перенесъ ее въ Фегерваръ, гдѣ находилась королева Елизавета съ младенцемъ Постумомъ. Архіепископъ гранскій помазалъ трехмѣсячнаго Владислава и вѣнчала его на княженіе короною Св. Стефана. Воевода Уйлаки опоясалъ за тѣмъ ребенка вмѣсто сабли одной портупейей, а Ульрикъ Спллей пропзнесъ, отъ имени короля въ неленкахъ, обычную клятву: хравить свято и ненарушимо права и вольности Мадяръ, а также поддерживать и расширять, буде возможно, территорію мадарской короны. По окончаніи этого импровизованнаго торжества, королева и главные ея приверженцы внесли обратно въ Вышеградъ королевскія регаліи и вѣнецъ Св. Стефана. Тѣмъ временемъ король Владиславъ, изъ Эгера, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней для отдыха, отправился далѣе къ Будѣ и былъ вездѣ торжественно встрѣченъ толпою магнатовъ, среднимъ дворянствомъ и народомъ. Янь Гуниади одинъ изъ первыхъ привнесъ ему присягу вѣрности, какъ своему государю.

Первымъ дѣломъ Владислава, по прибытіи въ Буду, было принять мѣры къ возстановленію общаго спокойствія, для чего онъ незамедлилъ созвать къ концу Іюня общій съѣздъ всѣхъ чиновъ королевства. Назначенный сеймъ долженствоваль, во первыхъ, утвердить избраніе Владислава и, во вторыхъ, найти средства къ возстановленію внутренняго поряд-

ка, убѣдивъ королеву Елизавету исполнить тѣ обязательства, которыя она дала до рожденія Постума. Прай сохранилъ грамоты короля Владислава, относящіяся къ этому времени, въ которыхъ онъ даруетъ всепрощеніе всеѣмъ приставшимъ къ противной партіи. Кромѣ того находится и другое его письмо къ Фридриху III, римскому императору, въ которомъ Владиславъ, поздравляя его съ избраніемъ на императорскій престолъ, подробно рассказываетъ за тѣмъ все происходившее въ Венгріи со времени смерти Алберта, проситъ сохранить къ нему тѣ же дружественныя отношенія, какія Фридрихъ питалъ къ отцу Владислава *).

Не смотря на миролюбивыя средства, употребленныя Владиславомъ, чтобы устранить междоусобіе, Елизавета не унималась. Противупоставляя прямымъ дѣйствіямъ короля хитрость, она, пользуясь своимъ пребываніемъ въ Вышеградѣ, успѣла при содѣйствіи одной изъ своихъ приближенныхъ женщинъ, взять къ себѣ и скрыть корону св. Стефана. За тѣмъ, слѣдуя совѣту Силлея, она пыталась возмутить свободные города и въ особенности колоніи Саксовъ въ Трансильваніи. Кромѣ того, она успѣла пріобрѣсти покровительство Фридриха III, и пригласила на помощь полки Чеховъ, противъ которыхъ неоднократно ратовали ея отецъ и ея мужъ. Накопецъ, собравъ войско, Елизавета отступила къ границамъ Австріи и утвердившись въ Гибрѣ, рѣшилась воспрепятствовать вѣнчанію Владислава.

Между тѣмъ время съѣзда, назначенное Владиславомъ, приближалось. Не смотря на проски Елизаветы, все предвѣщало, что сеймъ будетъ на сторонѣ польскаго короля, тѣмъ болѣе, что трое изъ первыхъ магнатовъ Венгріи, бывшихъ на сторонѣ Постума, перешли къ партіи Владислава; это былъ — Николай Уйлакъ, воевода Трансильваніи, архіепископъ Грана, вызвавшійся короновать Владислава, и Гара, который такъ дѣятельно принималъ сначала сторону новорожденнаго Постума. Слѣдуя примѣру этихъ трехъ магнатовъ, большая часть средняго дворянства перешла так-

*) *Prag. Annales*, p. II. pag. 333—340.

же на сторону Ягеллона. Но, чтобы приступить къ послѣд-
нему акту избранія, именно къ вѣнчанію, слѣдовало раз-
сѣять вооруженную силу королевы, слѣдовало взять Гнѣръ,
гдѣ она укрѣпилась. Выбить ее оттуда поручено было Яну
Гуиади; но городъ былъ сильно укрѣпленъ и достаточно
снабженъ войскомъ, снарядами и продовольствіемъ. Гуиади,
не имѣя достаточнаго количества войска, чтобы вести пра-
вильную осаду, рѣшился расположить свою дружину такъ,
чтобы она, при малѣйшей вылазкѣ изъ города, могла бы
отбросить непріятеля обратно въ его стѣны, и тѣмъ очис-
тить дорогу, ведущую въ Буду, куда Владиславъ напра-
вилъ торжественно свое шествіе. Цѣль была достигнута.
Гуиади, снявъ свои посты въ виду Гнѣра, отправился так-
же въ Буду и привелъ съ собою Ульриха Силлея, котораго
взялъ въ плѣнъ въ то время, когда послѣдній старался убѣ-
жать изъ осажденнаго города. Владиславъ спсходительно
принялъ плѣнника и дорожа имъ, какъ вѣрнымъ залогомъ
будущаго мира, велѣлъ оказывать ему все почести, не упу-
скаая однакожъ его изъ вида.

Наконецъ собрался сеймъ и съ перваго засѣданія еди-
ногласно показали свое искреннее расположеніе къ польско-
му королю. Избирательная грамота была приготовлена и
немедленно подписана всеми главными представителями сей-
ма. Въ ней было сказано, что такъ какъ престоль Венгріи
остался празднымъ со смертію Алберта и вельдствіе сво-
боднаго отреченія королевы Елизаветы, то на престоль
этотъ былъ избранъ, по единодушному согласію государ-
ственныхъ чиновъ и народа, Владиславъ Ягелло, король поль-
скій. Что же касается тайнаго вѣнчанія Владислава Посту-
ма, то оно было признано недѣйствительнымъ. По окончаніи
избранія приступлено было къ торжеству вѣнчанія Влади-
слава, который, въ сопровожденіи бароновъ и магнатовъ
отправился въ Вышеградъ, чтобы взять оттуда корону, ски-
петръ, мечъ и багряницу. Тогда только замѣтили, что вѣ-
нецъ св. Стефана, эта неприкосновенная святыня Венгріи,
исчезъ. Народъ пришелъ въ сильное волненіе. Спрошенный
Гара не могъ уже скрыть истины и признался въ чьихъ ру-

кахъ находился драгоцѣнный вѣнецъ Венгріи. Тогда многіе магнаты, не въ силахъ будучи умѣрять гнѣвъ свой, съ обнаженными саблями бросились на Гара и, если бы не защита, которую Владиславъ лично поспѣшилъ подать ему, онъ былъ бы изрубленъ на мѣстѣ. Не смотря однакожь на исчезновеніе священной короны, государственныя чины рѣшились довершить начатое, и Владиславъ былъ вѣнчанъ на царство небольшимъ золотымъ вѣнцомъ, найденнымъ въ гробницѣ Стефана I. Это обстоятельство грустно подѣйствовало на народъ, который видѣлъ въ немъ предзнаменованіе скорой смерти. Спустя четыре года, варнская битва оправдала тайное предчувствіе Мадяръ.

Время споровъ и интригъ породили въ Венгріи кровавыя распри. Въ то время когда Владиславъ всѣми силами старался предупредить междоусобіе, Елизавета отдавала Фридриху подъ залогъ корону св. Стефана, и на взятые у него деньги вооружила полки въ Чехіи, снабдила крѣпости, расположенныя по нѣмецкой границѣ, снарядами и продовольствіемъ, и чтобы переманить на свою сторону знатнѣйшихъ магнатовъ, тайно обѣщала имъ взростить и воспитать сына своего въ Венгріи и содѣлать его истымъ Мадяромъ. Чешскіе и Моравскіе полки, предводимые Искрой Брандисомъ, т. е. изъ Брандейса, начали уже опустошать сѣверную Венгрію, но не смотря на это, Елизавета не рѣшалась еще двинуть свое войско къ Будѣ. Измѣна Владислава Гары, плѣнь Силлея, утрашили и се и ея приближенныхъ. Но вдругъ этотъ самый Гара является снова въ станъ Елизаветы и во второй разъ объявляетъ себя приверженцемъ Постума. Вслѣдъ за нимъ Ульрихъ Спллей, обманувъ короля, которому принесъ клятву вѣрности, и пользуясь вслѣдствіе этого, полною свободой, ушелъ въ свою очередь къ Елизаветѣ. Тогда вдова Алберта рѣшилась выступить противъ Владислава. Янъ Искра, предводитель Чешско-Моравскаго отряда, получивъ приказаніе дѣйствовать въ сѣверныхъ провинціяхъ Венгріи, Владиславъ Гара назначенъ былъ въ области Кроацію и Далмацію, большая часть которыхъ были на сторонѣ Постума, а Ульрихъ Спллей оставался при ней главнымъ начальникомъ ея дружины.

III.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Владиславъ вынужденъ былъ употребить вооруженную силу для своей защиты. Войско свое онъ раздѣлялъ на четыре корпуса, во главѣ которыхъ стояли Янъ Гуниади, Стефанъ Банфи, Николай Перени и воевода Трансильваніи Николай Уйлаки. Самое трудное порученіе выпало на долю Яну Гуниади. Онъ получилъ приказаніе идти въ Трансильванію, которую занялъ уже Владиславъ Гара съ значительнымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ Далматовъ и Кроатовъ. Этотъ Гара былъ изъ всѣхъ непріятелей Владислава важнѣйшимъ, какъ по личнымъ своимъ достоинствамъ, такъ и по тому вліянію, которое имѣлъ онъ на Елизавету и ея партію. Противъ него направленъ былъ Гуниади, кромѣ того, по той причинѣ, — говоритъ Калимахи, — что Янъ былъ чрезвычайно искусенъ въ военномъ дѣлѣ, удивительно ловокъ владѣть всякаго рода оружіемъ, краснорѣчивъ, и имѣлъ особенный даръ притягивать къ себѣ и мирить враждующія стороны. Поставленный такимъ образомъ на первомъ планѣ дѣйствій, Гуниади доказалъ вскорѣ, что онъ былъ вполне достоинъ высокаго довѣрія короля и народа. Современники и въ особенности Калимахи, сохранили подробности войны, опустошавшей въ эту эпоху Венгрію. Благородная личность Гуниади рельефнѣе другихъ рисуется на этомъ кровавомъ фонѣ исторіи XV вѣка. Приведемъ нѣкоторые факты, которые яснѣе покажутъ высокое достоинство нашего героя.

Принявъ начальство надъ войскомъ, Гуниади выступилъ въ походъ вдоль береговъ Дуная къ тому мѣсту, гдѣ Гара сосредоточилъ свои силы, защищенный стѣнами и бойницами Сегсарда. Явившись предъ этою крѣпостью и расположивъ войско свое на возвышенности, не вдалекѣ отъ города, Гуниади послалъ къ Владиславу Гара предложеніе покориться законному государю и сдать городъ; но вмѣсто отвѣта, приверженецъ Елизаветы, выступивъ мгновенно изъ Сегсарда, въ беспорядкѣ ударилъ на корпусъ Гуниади. Завя-

залась кровавая сѣча, въ которой воины Яна имѣли то преимущество, что были лучше обучены стросвой службѣ и знакомы вполнѣ съ военной дисциплиной. Это помогло Гуниади удержать поле битвы и заставить Гару отступить въ городъ, куда, по слѣдамъ непріятеля, ворвались и воины Гуниади. вмѣстѣ съ крѣпостью осталось въ рукахъ побѣдителя и множество плѣнныхъ. Противъ всякаго чаянія и обычая времени, воины Гуниади получили строгое приказаніе уважать частную собственность жителей, и воздерживаться отъ всякаго насилія. Отсюда Гуниади попытка было взяты укрѣпленные замки Симонторни и Сиклосъ, но долженъ былъ безъ всякаго успѣха возвратиться въ Буду.

Походъ этотъ внутри Венгрии далъ туркамъ возможность осуществить задуманный имъ планъ вторженія чрезъ Дунай въ Трансильванію. Не смотря на междоусобіе въ Венгрии, жизненные силы мадярскаго племени не совсѣмъ изсякли; напротивъ, опасность извнѣ дава имъ случай развернуться съ новою энергіей. Въ то время когда Владиславъ, какъ мы выше видѣли, съ радостію принималъ предложенія будскаго сейма, и отвергнувъ союзъ съ невѣрными, султанъ Муратъ стягивалъ уже къ верхнему Дунаю значительныя силы, чтобы осадить Бѣлградскую крѣпость. Эта осада, продолжавшаяся не болѣе шести мѣсяцевъ (1439—1440), оказалась безуспѣшною для Турокъ, и Муратъ, тревожимый безпрерывными налетами мадярскихъ отрядовъ, искусно направляемыхъ Гуниади, принужденъ былъ удалиться и выжидать болѣе благоприятнаго случая. Дѣятельное участіе, которое принималъ Гуниади въ освобожденіи Бѣлграда, стойкость его убѣжденій при избраніи Владислава на венгерскій престолъ и походъ, принятый имъ для усмиренія Гара, заставили короля наградить Гуниади за заслуги, не только ему лично оказанныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и своей родиной. Еще въ началѣ своего прибытія въ Венгрію Владиславъ пожаловалъ обомъ братьямъ нѣсколько помѣстій на границѣ, порученной ихъ защитѣ. Послѣ побѣды при Сегсардѣ, старшій Гуниади былъ возведенъ въ достоинство воеводы и сдѣланъ товарищемъ Николаю Уйлаки по управленію Трансильваніей, получилъ Темесское графство и банатъ Сѣрени. Наконецъ въ 1440 г. Вла-

дпславъ назначилъ его комендантомъ Бѣлграда и главнокомандующимъ войсками нижняго Дуная. Эти почести и отличія, пожалованныя Гуніади въ столь короткое время, не ослѣпили его своимъ блескомъ. Возвысившись на первую степень мадарскаго дворянства, онъ сумѣлъ удержаться на этой высотѣ, на которую возвели его личныя доблести и заслуги.

При содѣйствіи Николая Уйлаки, Гуніади перешелъ венгерскую границу, и у города Смедерево (Сендре), разбилъ корпусъ Ишакъ-паши; оттуда, обремененный огромною добычею, возвратился въ Трансильванію (1441). Этотъ смѣлый набѣгъ Мадяръ и еще болѣе неудача осады Бѣлграда, понудили султана Мурата предпринять противъ Венгріи рѣшительный походъ. Войско турецкое, подъ командою Меджидъ-бея, получило приказаніе перейти Дунай, и чрезъ Валахію, вторгнуться въ Трансильванію. Неустойчивый Гуніади послѣдшилъ съ гораздо меньшими силами предупредить османскіе полки и двинулся имъ на встрѣчу. Онъ сошелся съ неприятелемъ у мѣстечка Сентъ-Имре, при св. Эмериха, не вдалекѣ отъ Вайссенбурга. *) Исходъ этой встрѣчи былъ несчастливъ для Гуніади. Многочисленность османской рати, окружившей со всѣхъ сторонъ Мадяръ, взяла верхъ, и только успѣвшіе скрыться съ своимъ предводителемъ, остались въ живыхъ. Все остальное погибло. Погибъ и храбрый святитель Вайссенбурга, епископъ Георгій Лепесь, находившійся въ первыхъ рядахъ мадарской рати. **) Меджидъ-бегъ двинулъ всѣ свои силы къ столицѣ Трансильваніи, Герман-

*) Алба Юлія, туземцы называютъ *Гивла-Феерваръ*.

**) Въ Вейссенбургскій соборной церкви, гдѣ былъ похороненъ Лепесь, Катона (см. его *Hist. crit. regum Hungariæ stirpis mixtæ*, p. 216), — читалъ надпись на его гробѣ, изъ которой видно, что сраженіе это происходило 18 марта 1442. Нѣтъ сомнѣній, что Катона, или ошибся самъ, или ошибочно передано это извѣстіе издателемъ, потому что Турочъ, продолжая разсказъ свой послѣ битвы и побѣды Гуніади не вдалекѣ отъ Бѣлграда въ 1441 г., говоритъ далѣе: *Post hanc ipsi Domino Wojwode divinitus datam victoriam, non nullo dierum intervallo praetereunte etc.* и повѣствуетъ о походѣ Меджидъ-бега. Въ 1442 былъ, какъ увидимъ, походъ Шагинъ-паши, и побѣда при Васалѣ.

штату, *) въ намѣреніи тѣсною блокадой принудить его къ сдачѣ. Потеря этого города повлекла бы за собою и потерю всей области, слѣдовательно, нужно было во чтобы ни стало отстоять его. Гуниади, не смотря на нанесенное ему пораженіе, не упалъ духомъ; онъ провозгласилъ поголовное возстаніе и поспѣшилъ на выручку Германштата вмѣстѣ съ Николаемъ Уйлаки, и дружинами мадарскихъ магнатовъ. Меджидъ-бегъ, узнавъ о приближеніи Гуниади, снялъ осаду и двинулся къ нему на встрѣчу. На степномъ пространствѣ между Наги-Себенемъ и Сентъ-Имре еще разъ сошлись Османы съ полками Мадяръ. Битва еще не начиналась, какъ странный слухъ разнесся по рядамъ мадарскихъ воиновъ, поразившій ихъ ужасомъ. Турецкій военачальникъ, чтобы заранѣе обезпечить за собой счастливый исходъ сраженія, далъ приказаніе отборному отряду спахievъ не терять во время битвы изъ виду одного только Гуниади, котораго всѣ примѣты, какъ его вооруженія, такъ и его коня, были заблаговременно узнаны, и противъ котораго должны были устремиться удары спахievъ. Къ счастью Гуниади былъ извѣщенъ своими лазутчиками объ этомъ планѣ, и въ тоже время принялъ свои мѣры. Одинъ изъ его товарищей, Симонъ Кэмени, котораго ростъ и поступь имѣли разительное сходство съ Гуниади, предложилъ ему обмѣниться съ нимъ боевымъ конемъ и вооруженіемъ, чтобы отвлечь отъ него предательскіе удары Османовъ. Гуниади, по замѣчанію Туроча, принялъ это предложеніе не потому, чтобы избѣжать личной опасности, но чтобы сохранить жизнь свою для родины, которой спасеніе заключалось единственно въ немъ. Переодѣтый Кэмени, окруженный небольшимъ отрядомъ отборныхъ рыцарей, явился впереди авангарда. Отрядъ спахievъ, лишь только увидѣлъ знакомое знамя воеводы, съ яростію устремился на свою жертву. Горсть рыцарей и храбрый Кэмени съ невозмутимою твердостію смотрѣли какъ летѣлъ на нихъ гораздо-многочисленнѣйшій отрядъ Османовъ, и ни одинъ мадаръ не тронулся съ мѣста, напротивъ, подпустивъ ихъ на извѣстное

**) Объ этой осадѣ Германштата (Наги-Себенъ), говоритъ одинъ Хакондиль, V. р. 134, называя его τὸ Σιβίνον.

пространство, Маляры бросились сами имъ на встрѣчу, и въ тоже мгновеніе можно было замѣтить одно сверканіе мечей при полномъ блескѣ солнца, да падавшіе съ коней трупы воиновъ. Ни одинъ изъ рыцарей, въ томъ числѣ и Кэмени, не остались въ живыхъ. Всѣ они легли на мѣстѣ, окруженные грудями турецкихъ тѣлъ; но эта добровольная жертва искуплена была полной и блестящей побѣдой, которую одержалъ Гуниади въ тотъ же день надъ Османами. Въ то время, когда все вниманіе турецкой рати устремлено было на мнимаго Гуниади и его воиновъ, многочисленный отрядъ, оставшійся въ Германштатѣ, смѣлой и стремительной вылазкой ударилъ въ тылъ турецкихъ полковъ, освободилъ плѣнныхъ и произвелъ страшное опустошеніе въ рядахъ невѣрныхъ. Самъ Гуниади предводительствовалъ и направлялъ эту атаку. Разбитые и разстроенные по всей боевой линіи Турки обратились въ бѣгство, и Германштатъ былъ спасенъ. О важности этого пораженія можно судить по множеству Турокъ, павшихъ на полѣ битвы. Всѣ историки единогласно повѣствуютъ, что Османы потеряли въ этотъ достопамятный день двадцать тысячъ воиновъ, своего главнокомандующаго и его сына, между тѣмъ какъ со стороны Маляръ пало только три тысячи. Но въ числѣ послѣднихъ находился и храбрый Симонъ Кэмени, пораженный множествомъ ударовъ. Его кираса и шлемъ были раздроблены на мелкія части.

Остатки турецкой рати стремительно бросились, чрезъ ущелія Карпатъ къ Дунаю. Гуниади хотѣлъ довершить пораженіе и надъ ними, и послѣднимъ чрезъ горный проходъ Карпатъ, пменуемый Красною вѣжей (извѣстный на картахъ Rotherthurm), отрѣзалъ имъ отступление, и произвелъ вторичное кровопролитіе. Вплоть до береговъ Дуная преслѣдовалъ онъ остатки Турокъ и только здѣсь остановился для отдыха *).

*) Бонфини рассказываетъ (decada III, l. V, pag. 434), что когда Гуниади, послѣ этого пораженія турецкой рати, возвратился въ Венгрію, то все малярское населеніе выходило къ нему на встрѣчу, провозглашая его освободителемъ родины. Желая показать союзнику своему, Георгу Бранковичу, благодарность за его вѣрность и преданность малярямъ, Гуниади послалъ ему въ даръ огромный возъ, наполненный самыми дорогими оружіями и не-

Въ то время, когда на восточной оконечности Венгріи происходили эти кровавыя событія, сѣверная и западная части этой страны, представляли не менѣе грустное позорище внутреннихъ убійствъ. Преимущества, которыя, какъ мы видѣли, получили Гуниади надъ Гарой, были временны, и не могли установить въ Венгріи внутренняго спокойствія. При томъ самъ Владиславъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ проникнуть рыцарскимъ духомъ, чтобы противопоставить интригѣ дипломатическую двуличность, либо силу оружія. Онъ, какъ полякъ, слѣдовательно чужеземецъ въ странѣ, избравшей его своимъ правителемъ, чувствовалъ себя не вполне въ ней утвержденнымъ, и избѣгалъ дѣйствовать рѣшительно, чтобы не оскорбить другую половину націи, которой былъ обязанъ избраніемъ на второй престолъ. Елизавета очень хорошо понимала либеральную неопытность, юношеское великодушіе и слабость своего противника. Слѣдуя коварнымъ совѣтамъ Ульриха Силлея, который ни на минуту не покидалъ ее, она успѣла ловко воспользоваться нерѣшительностію Владислава. Елизавета усилила свою партію, переманивъ къ себѣ нѣсколько городовъ королевства, которыхъ жители, вслѣдствіе нѣкоторыхъ привилегій, дарованныхъ имъ Албертомъ и Сигизмундомъ, чувствовали себя связанными благодарностію къ супругу перваго и дочери втораго. Этимъ способомъ въ защиту Постума явилось нѣсколько богатыхъ и населенныхъ городовъ, въ томъ числѣ и Кассовія или Кассо. Кромѣ того Елизавета старалась возбудить въ самой мадарской знати патріотическую гордость, напоминая ей тѣ печальные случаи, когда Польша неоднократно являлась соперницей Венгріи. Этимъ она намекала на противоположное избраніе Владислава въ такое время, когда былъ уже на лицо прямой наследникъ мадарской короны. Ловко подготовленные происки успѣли обольстить часть мадарскаго дворянства, такъ что партія Влади-

пріятельскими знаменами. Съ верху этой добычи были выставлены, воткнуты въ копья, головы Меджидъ-бега и его сына. Тутъ же сидѣлъ плѣнный турокъ, долженствовавшій, при сдачѣ Георгу кроваваго трофея, сказать краткое привѣтствіе о пораженіи Османовъ.

слава Постума усилилась значительно. Не смотря однакожь на это, большая часть высшей мадярской знати оставалась все-таки вѣрною Владиславу I-му, который имѣлъ на своей сторонѣ то преимущество, что былъ избранъ свободнымъ голосомъ народа. Вотъ почему, не смотря на все усилія и упорство Елизаветы, Владиславъ Ягелло былъ предпочтенъ ей сыну.

Елизавета, увидѣвъ наконецъ невозможность взять перевѣсъ надъ своимъ противникомъ въ самой Венгріи, рѣшилась искать себѣ союзниковъ внѣ королевства. Выше мы упомянули, что она по мужу родилась съ австрійскимъ домомъ Габсбурговъ. Въ эпоху нашего разсказа во главѣ этой династіи былъ Фридрихъ, и къ нему-то обратилась Елизавета за помощью. Осторожный, лукавый, въ высшей степени честолюбивый, скупой и даже трусливый Фридрихъ, тѣмъ не менѣе взялся помочь своему родственнику въ пеленкахъ, который притомъ былъ и послѣднимъ представителемъ старшей линіи династіи Габсбурговъ. Кромѣ того въ расчетъ австрійца входило въ высшей степени выгодное предпріятіе: это былъ удобный случай вмѣшательства во внутреннія дѣла Венгріи. Фридрихъ вызвался даже ходатайствовать передъ нашою о правахъ Постума; но эта моральная помощь не могла удовлетворить Елизавету, которой всего нужнѣе были деньги и солдаты. Чтобы не огорчить свою родственницу, Фридрихъ предлагалъ ей денегъ, но подѣ вѣрный залогъ, и, разумѣется, на большіе проценты. Залогомъ долженствовалъ служить вѣнецъ св. Стефана, похищенный незадолго передъ тѣмъ изъ Вышеграда, и Елизавета получила за него сначала 2,500 золотыхъ флориновъ, вскорѣ послѣ того еще 5,000, за тѣмъ, въ третій разъ, еще другіе 9,000, и наконецъ въ четвертый разъ Фридрихъ послалъ ей еще 2,000. За симъ императоръ остановилъ дальнѣйшую ссуду денегъ, потому что въ его глазахъ, цѣнность заложенной короны не стоила болѣе выданной имъ суммы, и онъ потребовалъ новый залогъ. Елизавета согласилась на все его предложенія, вслѣдствіе чего все пограничныя съ Германіей крѣпости были предложены Фридриху, какъ новый залогъ, и даже дозволено было ему занять Вѣну и австрійское гер-

погство, бывшее наследственною принадлежностію Алберта. Кромѣ того, ему былъ врученъ и младенецъ Постумъ, съ тѣмъ, чтобы Фридрихъ озаботился о его воспитаніи и до его совершеннолѣтія имѣлъ бы право управлять подъ его именемъ. Такимъ путемъ императоръ достигъ своей желанной цѣли. Ему оставалось только выждать удобнаго случая, чтобы осуществить и другія свои намѣренія относительно остальной Венгріи. Обстоятельства не позволяли ему вступить въ открытую борьбу съ Владиславомъ, который былъ еще довольно силенъ и могъ-бы въ свою очередь разстроить планы австрійца. Фридрихъ удержался отъ прямого нападенія и держалъ себя въ строжайшемъ оборонительномъ положеніи. Онъ до того простеръ свое нейтральное положеніе, что даже отказался защищать тѣхъ, которые вполнѣ отдавались подъ его покровительство. Это было, правда, нѣсколько нечестно, но за то политично, чисто по-австрійски.

Такимъ образомъ, не смотря на все свои усилія, Елизавета долженствовала извернуться въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ собственными средствами. Наемникамъ ея, предводимымъ Ульрихомъ Силлею, посчастливилось въ нѣсколькихъ незначительныхъ стычкахъ съ отрядами Владислава; но видя, что силы ея со дня на день слабѣютъ, она стала серьезно помышлять о томъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ заключить съ Владиславомъ выгодное для себя перемиріе. Но это намѣреніе было пріостановлено неожиданныю помощію, которую получила Елизавета изъ Чехіи. Въ началѣ 1442 г. чешскій отрядъ, предводимый Искрой изъ Брандейса, прибылъ въ Венгрію и принялъ сторону Елизаветы. Эти новые союзники вдовствующей королевы, овладѣвъ нѣсколькими городами Сепесскаго или Спишскаго комитата, у Эгера (Эрлау) вдругъ были встрѣчены партизанами Владислава и совершенно разбиты. Елизавета, растерявшись окончательно послѣ этого пораженія, поручила Ульриху Силлею начать съ Владиславомъ переговоры о мирѣ.

А между тѣмъ султанъ Муратъ готовилъ страшный ударъ Венгріи. Беглербегъ, румилійскій, Куллэ-Шагинъ-паша, получилъ приказаніе отомстить недавнее пораженіе ос-

манскаго оружія. Мурать предоставилъ ему всё средства, могущія содѣйствовать къ счастливому успѣху этого предпріятія. Румилійскіе правители и шесть начальниковъ анатолійскихъ намѣстничествъ получили приказаніе собрать свои корпуса и къ веснѣ 1442 года явиться подъ главное начальство Шагинъ-паши. У Софіи султанъ сдалъ команду надъ восьмидесяти тысячной арміей своему главнокомандующему, который, переправясь черезъ Дунай, и не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія, подобно урагану пронесся съ своимъ войскомъ до самой Трансильваніи. Современные историки говорятъ, что если-бы не разгульная жизнь Шагинъ-паши, то ему легко было-бы вторично перейти Дунай и молодецкимъ налетомъ накрыть въ Будѣ Владислава и захватить въ Пресбургѣ самую Елизавету *). Вѣсть объ этомъ неожиданномъ нападеніи застала Гуніади, единственнаго человѣка, въ которомъ сосредоточивалась судьба Венгріи, среди занятій возстановленія и водворенія мира внутри государства. Первымъ его дѣломъ было бросить дипломатическіе переговоры и призвать собственныхъ своихъ васаловъ къ оружію. Онъ зналъ, что средства эти недостаточны и сдѣлалъ воззваніе къ поголовному возстанію Венгровъ. На знакомый зовъ полководца являлось тридцать тысячъ воиновъ.

Было дерзко сойтись въ открытомъ полѣ съ непріателемъ, почти втрое сильнѣйшимъ, и Гуніади рѣшился повести малую войну и воспользоваться отличнымъ знаніемъ мѣстности. Быстрые налеты Мадяръ на растянутую рать Шагинъ-паши заставили послѣдняго отступить и выйти изъ ровныхъ пространствъ въ дефилеи горъ. Этого только и ждалъ Гуніади, чтобы нанести непріятелю самый рѣшительный ударъ. Приблизившись къ *железнымъ воротамъ*, у Васкапу или Васапъ **), предводитель Мадяръ узналъ черезъ своихъ

*) Турецкій историкъ Сеадединъ (въ итальянскомъ переводѣ Bratutti), по свидѣтельству Цинкайзена, говоритъ, что Шагинъ-паша любилъ вино и женщинъ, и часто, насмѣхаясь надъ непріятелемъ, съ высокомеріемъ указывалъ на свой мечъ, который, какъ онъ выражался, есть облако, проливающее кровь, вмѣсто воды. *Gesch. des Osmanischen Reiches in Europa. t. I. p. 602.*

***) У Туроча, p. 251. ad locum qui Waskapu dicitur.

лазутчиковъ, что Шагинъ-паша расположился здѣсь лагеремъ, отрядивъ кавалерію и часть пѣхоты для разграбленія окрестныхъ городовъ и селеній. Гуниади воспользоваться удобнымъ случаемъ и битва, закипѣвшая въ этихъ ущеліяхъ, принадлежитъ къ самымъ блестящимъ подвигамъ доблестной жизни венгерскаго полководца. Съ утра до вечера дилась кровопролитная брань. Множество Мадыръ легло съ честію на полѣ битвы, но еще болѣе побито Османовъ, которыхъ ряды съ каждой минутой рѣдѣли. Уже подъ вечеръ, видя что все потеряно, Шагинъ-паша первый далъ примѣръ къ постыдному бѣгству, и вслѣдъ за нимъ все остальное войско бросилось спасать жизнь свою. Спѣша по направленію къ Дунаю, только немногимъ удалось достигнуть этой рѣки, и почти вся осмидесяти тысячная армія Османовъ легла подъ ударами преслѣдовавшихъ ее Мадыръ, нещадно поражавшихъ ихъ на бѣгу вплоть до самаго Дуная. Многіе изъ предводителей отдѣльныхъ корпусовъ пали въ этой битвѣ. Болѣе 5,000 османовъ были взяты въ плѣнъ, и огромная добыча досталась побѣдителю, которую онъ тутъ же раздѣлилъ между своими соратниками, въ видѣ вознагражденія за ихъ безпримѣрную храбрость. Въ то время, когда ничтожныя остатки блестящей арміи султана Мурата достигли Болгаріи, ликующая Венгерія готовила торжественный пріемъ своему избавителю; но триумфаторъ отказался отъ этихъ почестей и, по свидѣтельству современныхъ сказаній и по сохранившемуся особому повелѣнію воеводы, жители Трансильваніи призывались къ трехдневному молобствію Тому, Кто свыше даровалъ имъ эту побѣду.

Впечатлѣніе, произведенное этой побѣдой въ Венгеріи и въ остальной Европѣ, было невыразимо. Тогда только христіанскіе государи поняли, какой опасности подвергался ихъ владѣнія, и въ особенности передовой оплотъ ихъ, отъ нападений Османовъ. Хотя они и были разбиты, и отброшены за Дунай, но никто не могъ поручиться, чтобы средства ихъ къ новымъ вторженіямъ изсякли, и не хватило бы ихъ силъ къ новымъ нападеніямъ на верховья Дуная. Эти соображенія заставили Мадыръ серьезно подумать о своемъ положеніи и искать себѣ помощи внѣ Венгеріи. Католицизмъ

съ своей стороны прилагалъ всевозможныя старанія поддержать Венгровъ въ борьбѣ ихъ съ Османами, но характеръ этой поддержки былъ чисто религіозный. Политика и народность мало или вовсе не были принимаемы въ расчетъ, но фанатизмъ времени былъ до такой степени развитъ, что самъ Гунади долженъ былъ ему подчиниться и вмѣсто возбужденія народностей юго-востока, чтобы идти противъ Турокъ, во имя утраченной ихъ независимости, онъ, движимый Римомъ, двигалъ и эти народы въ свою очередь, во имя торжества католичества. Во время этой борьбы на Дунаѣ, римская церковь раздѣлена была на два враждебные стана. Двое папъ раздѣляли власть римскаго престола — Евгений IV, въ Италиі, и Феликсъ V, избранный со стороны Германіи базельскимъ соборомъ. Эти непогрѣшимые представители католичества отпавили въ Венгрію своихъ легатовъ, для прекращенія междоусобія Владислава и Елизаветы. Епископъ Сабинскій, Юліанъ Чезарини, являлся со стороны папы Евгенія, а епископъ Тридентскій, Александръ, прибылъ отъ имени Феликса. Польскіе историки говорятъ, что когда оба легата явились въ Буду съ предложеніемъ Владиславу своихъ примирительныхъ услугъ, король отвѣчалъ имъ, что принимая съ радостію ихъ содѣйствіе, имѣвшее цѣлю возстановить спокойствіе въ Венгріи, онъ желалъ бы видѣть прекращеніе въ самой церкви соблазна. Видно, что Владиславъ не желалъ подчинить политическіе свои виды церковному влиянію; но дѣло приняло вскорѣ другой оборотъ.

Мы видѣли выше уполномочіе, которое дано было Елизаветою Силлею, вести переговоры о мирѣ съ Владиславомъ. Когда это предложеніе было представлено Владиславу, Чезарини, какъ ловкій дипломатъ, успѣлъ обратить на себя вниманіе и Владислава и Елизаветы, и такъ какъ главною цѣлю его порученія было возбудить и поддержать совокупныя силы Мадяръ и Поляковъ противъ невѣрныхъ, то обѣ стороны пачали болѣе и болѣе слушать совѣты панскаго легата. Чезарини удалось согласить ихъ на слѣдующихъ условіяхъ: Владиславъ долженствовалъ отказаться отъ званія короля, и только могъ управлять Венгріей, пока Постумъ не достигнетъ совершеннолѣтія. Онъ обязывался сочетаться бракомъ съ

Анною, дочерью Алберта, и получить въ видѣ приданнаго 120 тысячъ золотыхъ флориновъ, затѣмъ еще 200,000. Городъ Цинсъ (Szepes), съ округомъ того же имени, поступалъ во владѣніе польскихъ королей въ видѣ вознагражденія за понесенные военные убытки, равно также Подоля и Молдавія, бывшія до того въ вассальной зависимости отъ Венгріи *). Совѣтъ Чезарини, принятый и Владиславомъ и Елизаветой, былъ однакожь отвергнутъ магнатами и мадярскимъ дворянствомъ, которое видѣло въ этихъ условіяхъ мира раздробленіе и ослабленіе Венгріи, противное кореннымъ учрежденіямъ мадярской конституціи. Историкъ Калпмахи сохранилъ на этотъ счетъ отвѣтъ Гуніади, къ которому дворянство обратилось за совѣтомъ. «Конечно, — отвѣчала Янь, — что миръ гораздо лучше всякой войны. Миръ внутри государства, усиливаетъ насъ извнѣ и даетъ болѣе средствъ противостоятъ Туркамъ. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ допустить уменьшеніе государственной территоріи. Миръ, завоеванный силою оружія, будетъ стоить гораздо менѣе того, который намъ теперь предлагаютъ путемъ мирныхъ переговоровъ». Совѣтъ этотъ былъ принятъ единодушно и проектъ Чезарини оставленъ. Несмотря, однакожь, на это противодѣйствіе со стороны дворянства, сношенія между Владиславомъ и Елизаветой продолжались, и Ульрихъ Силлей приготовилъ даже свиданіе между ними въ Гнѣрѣ, какъ вдругъ распространился слухъ, что Елизавета умерла скоропостижно, одни говорили — отъ отравы, другіе же — отъ болѣзни. Какъ-бы то ни было, неожиданная смерть эта значительно упростила состояніе дѣлъ въ Венгріи, хотя и не совсемъ разрѣшила ихъ. Владиславъ оставался съ этихъ поръ единственнымъ обладателемъ венгерскаго престола. Императоръ Фридрихъ съ особою заботой принялъ на себя трудъ воспитать Постума, и вмѣстѣ съ короною св. Стефана, и крѣпостями, уступленными ему Елизаветой въ видѣ залога, за полученное ею золото, онъ въ тайнѣ готовился при удобномъ случаѣ, высказать и свои притязанія на Венгрію. А между тѣмъ приближалась минута новой войны съ невѣрными, го-

*) У Callimachi, de rebus Wladislai, l. II. (въ собраніи Швандтнера.).

раздо упорнѣй и кровопролитнѣй той, которая совершилась на равнинахъ и въ ущеліяхъ Трансильваніи, но имѣвшей другой, болѣе печальный исходъ нежели тотъ, которымъ ознаменовалась битва при Васкапу.

IV.

Въ Январѣ 1443 года прибыло въ Буду великолѣпное посольство отъ Мурата къ Владиславу съ предложеніями мира, главнѣйшимъ условіемъ котораго была уступка Бѣлграда, или же, въ замѣнъ этого, ежегодная подать. Владиславъ, какъ и слѣдовало ожидать, лишь только узналъ объ этомъ унижительномъ для Венгріи условіи, отказался отъ дальнѣйшихъ переговоровъ, и отвѣчалъ, что вскорѣ упономочитъ Гуніади войти въ ближайшія сношенія съ турецкимъ султаномъ, по поводу предложеннаго мира. Подобный отвѣтъ былъ принятъ Турками за угрозу, и посольство удалилось за Дунай, прервавъ всякія сношенія съ Венграми. Эта воинственная склонность Владислава еще болѣе ободрила Юліана Чезарини къ настоятельному требованію новаго похода противъ Турокъ, но уже не во имя огражденія политическаго значенія дунайскихъ народностей, а во имя религіи, осѣненной знаменемъ католицизма. Характеръ боръбы началъ измѣняться, изъ политической она дѣлалась религіозною. Юліанъ прибылъ въ Венгрію не по случаю ея усобицъ, а единственно по тому одушевленію, которое господствовало на верхнемъ Дунаѣ противъ насилувавшихъ эти страны Турокъ. Случай былъ чрезвычайно удобенъ, и папа Евгеній IV, котораго Юліанъ былъ легатомъ, понялъ опасность, какой подвергалось западное христіанство отъ возростающей власти Османовъ. Намѣреніе главы католическаго міра было снасти отъ турецкаго завоеванія по крайней мѣрѣ Константинополь, который почитался ключемъ Средиземнаго моря. Западные государи Франціи, Испаніи, Англіи, Италіи и Германіи, занятые своими домашними дѣлами и феодальными распрями, мистицизмомъ, богословскими спорами и магіей, не обращали никакого вниманія на неоднократные вызовы рим-

скаго первосвященника, и только Венгрія и Польша, расположенныя въ сосѣдствѣ страшнаго врага, видѣвшія свои выгоды въ открытой съ нимъ борьбѣ, только однѣ онѣ отозвались на призывъ Евгенія. Вотъ почему этотъ послѣдній назначилъ ловкаго Чезарини организовать народную войну противъ невѣрныхъ, возбуждая въ Венгрии и Польшѣ религиозный фанатизмъ, и устраниая всякое племенное значеніе дунайскихъ народностей.

Жаркій поборникъ католицизма, одаренный живымъ и тонкимъ умомъ, Чезарини съ успѣхомъ повелъ это трудное дѣло, и хотя результаты его дѣйствій не были вполне удовлетворительны для западной церкви, онъ успѣлъ однако жъ утвердить на Дунаѣ духовную власть Рима и его вліяніе. Расположивъ въ пользу папы большую часть магнатовъ Венгрии и Польши, внушивъ баронамъ и другимъ приближеннымъ къ Владиславу религиозныя идеи предстоявшей войны съ Турками, папскому легату ничего не стоило послѣ этого убѣдить и самого Владислава, и вполне овладѣть его умомъ и сердцемъ. Калимахи довольно подробно описываютъ тѣ приемы, которые употреблялъ хитрый римлянинъ для достиженія своей цѣли. Сначала, чтобы польстить гордости Владислава, онъ успѣлъ доказать ему, что восшествіе его на престолъ было для католическихъ государей запада знакомъ счастливаго начинанія въ борьбѣ христіанъ съ невѣрными, и что онъ, Владиславъ, содѣлался по этому, главнымъ вождемъ воинства Христова. За тѣмъ онъ представилъ ему въ перспективѣ, что въ борьбѣ съ Турками Владиславъ будетъ дѣйствовать не только въ интересахъ Европы, но и къ собственной выгодѣ, тѣмъ, что онъ обезпечитъ границы своихъ областей, въ особенности Польшу и Венгрію, составляющую передовую оплотъ первой. Далѣе, ловкій прелатъ съумѣлъ представить Владиславу, какъ велика была личная обидя его величію, нанесенная Муратомъ, который требовалъ или уступки Бѣлграда, или дани. Онъ доказывалъ ему, какъ легка будетъ побѣда надъ невѣрными по тѣмъ успѣхамъ, какія имѣлъ надъ ними воевода Трансильваніи, и торопилъ его къ открытію военныхъ дѣйствій, чтобы воспользоваться слабостію непріятеля, бывшей слѣдствіемъ нанесенныхъ ему не-

давно пораженій. Наконецъ, чтобы довершить убѣжденіе, Чезарини увѣрилъ Владислава, что дворянство Венгріи избрало его собственно по какому-то вдохновенію свыше, и въ этомъ избраніи онъ видѣлъ руку Промысла, желавшаго сблизить и соединить два предъизбранные имъ народа, чтобы поставить ихъ лицомъ къ лицу съ хулиателями слова Божія. Этотъ самый Промыслъ, по словамъ Чезарини, отдалъ и верховное начальство въ руки ему, Владиславу, какъ стяжателю вѣчной славы и какъ побѣдителю, которому предназначено распространить предѣлы своихъ земель до Чернаго моря, Дарданеллъ и водъ Греціи.

Владиславъ былъ не въ силахъ противустоять подобнымъ искушеніямъ. Онъ было рѣшился начать исподоволь приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турокъ, когда страшная вѣсть изъ-за Дуная, заставила его ускорить военные сборы: Турки, напавъ внезапно на Сербію, начали тѣснить Георга Бранковича, союзника и важнаго сподручника Венгріи, схватили его сыновей, и передали ихъ ужасному увѣщью *). Это обстоятельство принудило Владислава немедленно двинуть войска свои къ Дунаю.

Пора ближе познакомиться съ личностью Георга Бранковича, деспота Сербіи, который въ описываемую нами эпоху, игралъ немаловажную роль на юго-востокѣ Европы. Имя Бранковичей встрѣчается въ Сербской исторіи еще въ до-Неманевскую эпоху. Въ началѣ X вѣка Павелъ Бранковичъ, выбранный предводителемъ Сербовъ во время Сербо-Болгарскихъ войнъ (911 — 927), исчезаетъ въ водоворотѣ этихъ событій, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда, ни даже потомства. Во все продолженіе послѣдующей за тѣмъ эпохи Неманичей, продолжавшейся слишкомъ двѣсти лѣтъ (съ 1165—1370), имя Бранковичей ни разу не является на сцену исторіи, и только въ періодъ Лазаричей (съ 1371 —

*) Callim. p. 488: — *hic indignando filiorum suorum crudos oculos, nefarieque abscissa pudibunda, supra quam humanae aures pati possent, miserabiliter deflebat.* Объ ослѣпленіи сыновей Бранковича говорить и другой современникъ, греческій историкъ Іоаннъ Дука, *Hist. Byzant.* p. 209. ed. Bonnæ.

1427), оно начало снова возвышаться въ лицѣ Вука Бранковича, женатаго на свояченицѣ Царя Лазаря. Этотъ Бранковичъ стяжалъ печальную извѣстность измѣной во время Коссово-польской битвы, бывшей причиною быстрого паденія Сербіи. Былъ ли этотъ Бранковичъ потомокъ Павла, сказать трудно. Намъ кажется, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ родамъ сербскихъ *властелей*, которыхъ такъ высоко поставилъ Сербскій Царь Стефанъ Душанъ, образованныхъ имъ по образцу болгарскихъ бояръ и мадарскихъ первостатейныхъ магнатовъ. Цѣль Вука Бранковича была вытѣснить изъ Сербіи Лазаричей и сдѣлаться самому повластнымъ господиномъ этой страны подъ покровительствомъ новыхъ завоевателей ея, Турокъ. Но планъ этотъ не удался. Вслѣдствіе жалобы Мплицы, вдовы Лазаря, султанъ Баязидъ вызвалъ Вука въ Филиппополь и заключилъ его въ темницу. Убѣжавъ изъ заключенія, онъ вторично былъ пойманъ и умеръ, какъ говорятъ, отъ отравы. (1398 г. 6 Окт.) Удѣлъ Вука былъ занятъ войсками Баязида, и только небольшой участокъ отданъ былъ Марѣ или Маріи, женѣ его. Вукъ оставилъ трехъ сыновей: Григорія, Георга и Лазаря. Первые два должны были сопутствовать Баязиду въ Азію при сербскомъ отрядѣ, бывшемъ подъ главнымъ начальствомъ Стефана Лазаревича, а послѣдній, Лазарь остался при матери. Вражда Бранковичей съ Лазаревичами не была прекращена смертію Вука. Распри этихъ двухъ родовъ продолжались и при Стефанѣ Лазаревичѣ, и только его смертію, съ которой прекратился родъ Лазаря, возвысился домъ Бранковичей на ту степень, къ которой стремился, именно на степень деспота Сербіи (въ 1427).

Георгомъ Бранковичемъ начинается, какъ и выше замѣчено было, четвертая династія, или вѣрнѣе, четвертый рядъ властителей въ Сербской исторіи. Современникъ Гуниади и Скандер-бега, Георгъ былъ уже 60-ти лѣтъ отъ роду, когда провозглашенъ былъ деспотомъ Сербіи, и пользуясь отсутствіемъ Мурата, занятаго осадю Константинополя въ 1427 и дѣлами въ Малой Азіи въ 1428, онъ дѣйтельно занялся этимъ временемъ, чтобъ упрочить свое господство надъ страной, доставшейся ему рядомъ преступныхъ замысловъ,

и еще болѣ случайнымъ пресѣченіемъ рода Лазаря Гребильяновича. Въ 1428 году Георгъ созвалъ въ Бѣлградѣ бояръ и духовенство, которые признали его своимъ деспотомъ. Вся надежда его на христіанскомъ востокѣ была въ Іоаниѣ Палеологѣ и въ братѣ его Ѳомѣ, правителѣ Морен. Съ Адриатическаго поморья, свободный Дубровникъ (Рагуза) также поспѣшилъ, черезъ нарочныхъ посланниковъ, поздравить Георга съ восшествіемъ на престолъ, что заставило поваго деспота предоставить имъ особыя привилегіи и безъ выкупа отпустить дубровницкихъ плѣнниковъ, находившихся въ Бѣлградѣ.

Муратъ, возвратившись въ Европу въ 1430 году, съ неудовольствіемъ узналъ объ избраніи въ деспоты Георга Бранковича, и потребовалъ отъ него немедленной уступки Сербіи, на которую, какъ онъ говорилъ, имѣлъ неотъемлемыя, наслѣдственныя права *). Занятый осадой Солуня, который находился тогда въ рукахъ Венеціанъ, Муратъ ограничился только незначительными вторженіями въ области Бранковича, что заставило его съ своей стороны отбиваться иногда съ успѣхомъ. Георгъ, недовѣряя впрочемъ своимъ средствамъ, хотѣлъ отвести отъ себя нападеніе главныхъ турецкихъ силъ богатою данью; онъ даже рѣшился выдать за Мурата дочь свою Мару, и вмѣстѣ съ нею, въ видѣ приданнаго, часть Босніи. Этими обязательствами Георгъ успѣлъ отвести бурю, но въ слѣдующемъ 1432 году, когда онъ началъ медлить выдачею Мары и обѣщаннаго приданнаго, Муратъ внезапно напалъ на Сербію, взялъ Крушевацъ и осадилъ Среберникъ, что принудило Георга обручить наконецъ дочь свою за турецкаго султана, но до ея совершеннолѣтія она должна была остаться въ родительскомъ домѣ.

Бранковичъ видѣлъ ясно къ чему стремился Муратъ, требуя въ приданное часть Босніи, гдѣ бы онъ могъ устроить постоянный укрѣпленный лагерь, откуда могъ бы во всякое

*) Муратъ основывалъ права свои на Сербію по тому обстоятельству, что дочь Лазаря, Миленя, была женой Баязида, хотя самъ Муратъ и не былъ отъ нея рожденъ.

время нападать на остальные владѣнія деспота. Онъ искалъ себѣ союзника болѣе вѣрнаго и гораздо сильнѣйшаго, нежели тѣ, которыхъ имѣлъ въ слабомъ Императорѣ Царяграда и въ деспотѣ Морен. Женидба старшей его дочери Екатерины съ Ульрихомъ Силлей, родственникомъ короля Сигизмунда, доставила ему дружбу этого короля, и обезпечила тѣмъ, если не самостоятельность Сербіи, по-крайней-мѣрѣ личное его положеніе и его семейства. Около 1433 года Георгъ Бранковичъ отправился въ Венгрію и предложилъ сейму занять угорскими полками Бѣлградъ, взаменъ чего просилъ отвести ему земли въ Венгріи, гдѣ бы онъ и его семейство могли найти себѣ убѣжище, въ случаѣ, если Муратъ овладѣетъ Сербіей. Посредникомъ при заключеніи этого условія былъ зять его Силлей, содѣйствію котораго Бранковичъ былъ обязанъ въ полученіи богатѣйшихъ помѣстій въ Венгріи *). Эта произвольная уступка Бѣлграда сильно подѣйствовала на воображеніе сербскаго народа, который въ ея утратѣ видѣлъ отходившую и послѣднюю тѣнь своей независимости. Нѣсколько строкъ, внесенныхъ по случаю этого событія въ сербскій Цареставникъ, напоминаютъ обстановкою разрушенія Иерусалима, описаннаго Флавіемъ Юсифомъ: молнии бороздили небо, буря сорвала церковныя крыши, множество домовъ, между которыми и домъ сестры бывшаго деспота Стефана Лазаревича, не менѣе пострадали отъ страшнаго урагана. За тѣмъ духота въ городѣ такъ сгустилась, что народъ вынужденъ былъ убѣжать въ поле, а многіе бросились въ храмъ Богоматери, гдѣ, какъ рассказываетъ Цареставникъ, по правую сторону Пресвятой изображенъ былъ Спаситель, по лѣвую Іоаннъ Креститель, а по обѣмъ за тѣмъ сторонамъ двѣнадцать апостоловъ. Иноки, учителя

*) Турочъ приводитъ только главнѣйшія изъ нихъ. Не излишнимъ считаемъ показать ихъ, чтобы судить, какъ важенъ былъ для Венгріи обмѣнъ Бѣлграда, а именно: замки Саланкементъ, Кевелпенъ, Бехей, Виллагосваръ, Токай, Мункачъ, Талия, Регечъ и oppida Сатмаръ, Бессерменъ, Дебрецинъ, Туръ, Варсанъ. Кромѣ того — домъ въ Офенѣ pro descensu et hospitio. Кромѣ того, чтобы судить объ огромности этого обмѣна, нужно вспомнить, что къ каждому изъ замковъ примыкали обширныя земли, а иногда и нѣсколько селеній вмѣстѣ.

и наставники народа громко вопіяли, предавался спльному горю. Чтобы успокоить народъ и отвратить его отъ черныхъ мыслей, Георгъ Бранковичъ посидѣшилъ отпраздновать въ эту зиму (1434 — 1435) свое вѣчаніе на царство. Для этого торжества, какъ рассказываетъ Дука, посланъ былъ ему Иоанномъ Палеологомъ, особый вѣнецъ съ прочими регалиями *).

Сношенія Георга съ Венграми и уступка имъ Бѣлграда въ высшей степени озлобили Мурата: Полки его, вторгнувшись въ Сербію, почти безъ сопротивленія взяли Островицу и Борацъ, и разорили знаменитый монастырь Раваницу. Сигизмундъ, занятый въ Чехіи, не могъ подоспѣть на помощь своему союзнику, такъ, что Бранковичъ, чтобы потушить гнѣвъ султана, посидѣшилъ выслать ему дочь свою Мару. Красота невѣсты, а еще болѣе богатое приданное, заключавшееся въ деньгахъ и въ дорогихъ одеждахъ, смягчили Мурата и постановили дальнѣйшее покореніе Сербіи. Свадьба была отпразднована въ Адрианополѣ въ 1436 г., гдѣ присутствовали также старшіе братья Мары; Стефанъ и Григорій Бранковичи. Казалось, что близкое родство сербскаго деспота съ турецкимъ султаномъ обезпечитъ за первымъ спокойное владѣніе Сербіей; но не прошло и года послѣ свадьбы съ Марою, какъ Муратъ весной 1437 года снова приготовился воевать Сербію. Причина этой войны, по достовѣрному разсказу Дуки, заключалась въ томъ, что Бранковичъ, укрѣпивъ Смедерево, обратилъ его въ сильный сторожевой постъ на Дунаѣ, имѣвшій цѣлю задерживать вторженія Турокъ въ Венгрію **). Муратъ требовалъ, чтобы крѣпость эта занята была турецкимъ гарнизономъ, но Бранковичъ, вмѣсто всякаго положительнаго отвѣта, напомнилъ ему недавній мирный договоръ и союзъ родства. Войска Мурата вошли въ Сербію въ началѣ лѣта и были встрѣчены по-

*) J. Duca. Hist. Byzant. p. 207. ὁ βασιλεὺς Ἰωάννης πέμφας τὸν Γεώργιον τὸν Φίλιπποβάνου σὺν ταῖς παρτιμίαις ἐποίησεν αὐτὸν δεσπότην Σερβίας.

***) Дука рассказываетъ (р. 205), что къ этому разрыву съ Сербіей и желанію занять Смедерево, возбудилъ Мурата фанатическій фадлахъ — τῶν εὐσεβειῶτων τῆς ἡγεμονίας μέγας χριστιανῶν.

доспѣвшимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ Чеховъ, Моравцевъ и Поляковъ. На этотъ разъ крѣпость дунайская была спасена. Но въ слѣдующемъ 1439 году напоръ турецкихъ силъ былъ такъ значителенъ, что Георгъ Бранковичъ, снабдивъ Смедерево всѣмъ нужнымъ для защиты, и вызвавъ изъ Константинополя сына своего Григорія, которому поручилъ защиту крѣпости, самъ въ сопровожденіи жены своей, деспотицы Ирины, меньшаго сына своего Лазаря, многихъ бояръ и духовенства, поспѣшно отправился въ Венгрію, куда перенесъ и всѣ свои сокровища. Престарѣлый Бранковичъ обратился къ Алберту, но помощь, которую онъ ему выслалъ, была такъ недостаточна, что Муратъ, послѣ трехъ мѣсячной осады, принудилъ Смедерево къ сдачѣ и занялъ его укрѣпленія своими полками. Объ этомъ-то завоеваніи Смедерева, мы говорили въ началѣ нашего разсказа, когда Венгрія находилась въ столь тревожномъ состояніи по случаю смерти короля Алберта, неоставившаго послѣ себя наследника престола.

Между-тѣмъ какъ Муратъ, послѣ занятія Смедерева, пыталъ было овладѣть и Бѣлградомъ, Георгъ Бранковичъ, не надѣясь болѣе на помощь Венгровъ, по случаю ихъ внутреннихъ неурядицъ, пустился снова въ путь для присоединенія себѣ другихъ союзниковъ. Къ этому времени относится путешествіе его къ далматинскому поморью, куда отправился онъ черезъ Загребъ. На Венеціанскомъ суднѣ перѣхалъ онъ за тѣмъ въ Антибаръ. Это былъ единственный городъ приморья, остававшійся ему вѣрнымъ. Муратъ, узнавши намѣреніе Бранковича, потребовалъ его выдачи и предложилъ Антибарцамъ на выборъ или военное занятіе на случай отказа, или же богатые дары и разныя преимущества, если они выдадутъ ему деспота. Голоса гражданъ раздѣлились; Бранковичъ, не предвидя для себя ничего добраго, воспользовался этимъ случаемъ, и выѣхавъ за городъ подъ видомъ охоты, сѣлъ на приготовленное заблаговременно дубровницкое судно и уѣхалъ въ Буду. Но и здѣсь, подкупленные турецкимъ золотомъ Черновчпн, не дали ему покоя и онъ укрылся въ Дубровникѣ. Въ исторіи Георга II Бран-

ковича, послѣдняго деспота сербскаго, написанной во время заключенія его въ Эгерской крѣпости, и хранящейся еще въ рукописи въ Карловцѣ, сказано между прочимъ, что Бранковичъ имѣлъ намѣреніе изъ Антибара войти въ переговоры съ султаномъ, а въ случаѣ неудачи, ѣхать въ Римъ и лично просить папу о помощи. Вещь возможная, ибо Георгу II былъ гораздо ближе извѣстны дѣла его предка. Но въ Дубровникѣ Бранковичъ не былъ спокоенъ, потому что преслѣдованіе Мурата п здѣсь наступило его. Въ Дубровникѣ Георгъ взнесъ въ городовую кассу, на сохраненіе, свои деньги и драгоценности, цѣнность которыхъ восходила, какъ говорятъ, за десять милліоновъ червонцевъ *). Муратъ прислалъ въ Дубровникъ сказать, чтобы немедленно выдали ему Бранковича, въ вознагражденіе чего, онъ предлагалъ гражданамъ удержать его сокровища и кромѣ того обѣщалъ имъ свое покровительство, обезпечивая ихъ независимость и свободную торговлю. Дубровничане однакожь рѣшились не измѣнять правамъ гостепрѣимства, но страшась притѣсненій султана, они предложили Бранковичу удалиться изъ ихъ города, предоставивъ особый корабль въ его распоряженіе. Жена Георга, Ирина, совѣтовала ему отправиться въ Константинополь, но Бранковичъ предпочелъ возвратиться въ Венгрію. Рассказываютъ, что онъ все свои сокровища оставилъ на сохра-

*) Сербскій патриархъ Арсеній отмѣтивъ на рукописномъ своемъ экземплярѣ исторіи Бранковича, что вся цѣнность сокровищъ Георга не превышала 10 милліоновъ червонцевъ. Смотри *Энгелъ*, *Gesch. von Serbien*, p. 385. Касательно исчисленія сокровищъ Бранковича, сохранился любопытный документъ, напечатанный въ *Сербскіи Споменници*, изданныи Твартковичемъ въ 1840 г. въ Бѣлградѣ, стр. 227. Документъ этотъ, открытый въ новѣйшее время, не былъ извѣстенъ предшествовавшимъ историкамъ, которые долго находились въ сомнѣніи относительно сокровищъ Бранковича. Изъ него положительнo видно, что деспотъ оставилъ въ Рагузѣ на сохраненіе огромное количество драгоценныхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей съ подробнымъ ихъ поименованіемъ. Не въ одномъ этомъ отношеніи замѣчательнъ упомянутый документъ; названіе самихъ вещей чрезвычайно важно, въ особенности для археолога. Грамота эта начинается обычной формулой славословія, затѣмъ: како прѣписмо отъ многославнаго господина деспота гюрга господара серьпской земли и ктому ниже речено именовано благо (т. е. сокровище). Затѣмъ слѣдуетъ подробная опись вещамъ, а въ концѣ выставленъ годъ 1441, Юлія 26, время, когда Гюргъ находился въ Дубровникѣ.

неніе въ Дубровникѣ и взялъ съ собою только необходимыя расходы на путешествіе, но, чтобы не возбудить гнѣвъ Мурата, граждане этой республики потребовали у деспота прописку въ томъ, что онъ всѣ свои сокровища взялъ съ собою. Выше мы упомянули о шестимѣсячной осадѣ Бѣлграда турками въ 1439 — 1440, который такъ храбро и искусно отстояли осажденные и заставили непріятеля отступить. Осада эта случилась въ то самое время, когда Бранковичъ намѣревался оставить Дубровникъ и это-то извѣстіе, быть можетъ, понудило его предпринять обратный путь въ Сербію чрезъ венгерскія области. Возвратившись въ Сербію, Бранковичъ еще болѣе сблизился съ Венграми, такъ что, по свидѣтельству мадарскихъ историковъ, онъ далъ Яну Гуниади въ началѣ 1443 года довольно значительную сумму денегъ, на которую вооружено было до 25,000 воиновъ. Это показываетъ, что Бранковичъ не всѣ свои деньги оставилъ въ Рагузѣ.

Удачная защита Бѣлграда, возвращеніе Бранковича въ Сербію, устраненіе затѣмъ въ самой Венгріи внутреннихъ усобицъ и новый двигатель предстоявшей войны съ Турками — кардиналъ Чезарини, повели короля Владислава и Яна Гуниади къ ряду блестящихъ побѣдъ, которыя кончились Сегединскимъ или Сегедскимъ миромъ. Подробности этихъ битвъ, записаны были современниками со всею драматическою ихъ обстановкой. Лѣтописцы же послѣдующихъ столѣтій, повторивъ извѣстные уже сказанія, обогатили ихъ новымъ матеріаломъ, именно документами, состоявшими изъ дипломовъ, дарственныхъ грамотъ и другихъ историко-политическихъ памятниковъ, которые даютъ возможность представить эти событія въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Постараемся по этимъ даннымъ изложить эту блестящую прелюдію несчастнаго пораженія при Варнѣ, тѣмъ болѣе, что турецкое могущество, взявъ во вниманіе его увеличивающееся развитіе при Муратѣ II, никогда не подвергалось столь сильнымъ пораженіямъ, какія наносилъ ему, особенно въ теченіе 1443 года, Янъ Гуниади.

V.

Мы прервали рассказ нашъ на томъ мѣстѣ, когда Владиславъ готовился къ походу противъ Турокъ. Всю зиму и часть лѣта 1443 года, приготовленія эти не прекращались въ Венгріи, Трансильваніи, Польшѣ и Сербіи. Въ началѣ Іюля начали сходиться въ Буду отдѣльные корпуса, изъ разныхъ сторонъ королевства, и послѣ торжественныхъ молебствій, продолжавшихся нѣсколько дней сряду, войска перешли Дунай, за тѣмъ Тиссу, и повернувъ снова къ Дунаю, перешли его недалеко отъ Смедерева, чтобы соединиться съ корпусами Георга Бранковича и Яна Гуиади. Смедерево было занято еще турецкимъ гарнизономъ. Оставивъ его въ сторонѣ, союзное войско Владислава быстро двинулось по направлению къ югу. Оно было раздѣлено на два главные корпуса. Первый раздѣленъ былъ на два отряда, изъ которыхъ одинъ въ числѣ 12,000 воиновъ, находился подъ начальствомъ Гуиади, другой, состоявшій изъ сербскихъ полковъ, былъ подъ предводительствомъ Георга Бранковича. На разстояніи одного дня пути, въ арріергардѣ, двигались главныя силы союзниковъ, составлявшія второй корпусъ въ 20,000 воиновъ, подъ личнымъ начальствомъ Владислава, и впереди этого корпуса, шествовалъ съ крестомъ въ рукѣ папскій легатъ кардиналъ Чезарини. Въ такомъ порядкѣ и при такихъ силахъ выступила Венгрія, направленная католичествомъ противъ исламизма. Чудеса храбрости и блестящія побѣды, оказанныя въ этой войнѣ союзниками, и приписанныя исключительно Яну Гуиади, ставятъ его въ рядъ знаменитѣйшихъ полководцевъ древности.

Муратъ, узнавъ о переходѣ черезъ Дунай союзниковъ, выслалъ изъ Адрианополя два небольшіе отряда, которыхъ назначеніе было наблюдать за движеніемъ непріятеля, но не вступать съ нимъ въ битву. Гуиади, наткнувшись почти въ упоръ на эти отряды въ окрестныхъ горахъ Ниша, истребилъ ихъ совершенно и овладѣлъ городомъ почти безъ боя. Тогда явился внезапно въ виду Ниша три корпуса турец-

кой рати, подъ предводительствомъ лучшихъ вождей Мурата. Многочисленность ихъ не утратила храбраго Яна. Двѣнадцать тысячъ Мадарь, состоявшихъ преимущественно изъ всадниковъ, смѣло вступили въ бой съ болѣе многочисленнымъ неприятелемъ, положили на мѣстѣ двѣ тысячи, взяли четыре тысячи въ плѣнъ и овладѣли девятью знаменами. Главный корпусъ, предводимый Иса-бегомъ, сыномъ знаменитаго во время первыхъ вторженій Османовъ въ Европу, — Эвреносъ-бега, — сомкнувъ ряды, двинулся снова въ битву; но Гуніади, повернувъ къ нему свои полки, ударилъ на него съ такою стремительностью и силой, что обратилъ въ бѣгство. Эта удача передоваго корпуса венгеро-польской рати дала возможность союзникамъ утвердиться на Маравѣ, въ окрестностяхъ Ниша, гдѣ, отдохнувъ нѣсколько дней, Гуніади предложилъ королю Владиславу и прочимъ предводителямъ планъ дѣйствій при переходѣ Балкана и во время вторженія во Фракію *).

Планъ войны состоялъ въ томъ, чтобы не теряя времени, проникнуть чрезъ Балканскія ущелія во Фракію и взять Филиппополь, который отстоялъ отъ Ниша на разстояніи трехъ дней пути. Взятіе этого города открыло бы союзникамъ путь въ Адрианополь и даже къ Константинополю. Гуніади шадилъ силы союзныхъ войскъ, которымъ готовилъ рѣшительную битву съ невѣрными въ равнинахъ оракійскихъ. Такимъ образомъ отъ полнаго успѣха этого предположенія Гуніади никакъ нельзя было ожидать и исполненіе предсказанія Юліана Чезарини, относительно владычества Мадарь на пространствѣ отъ Дуная до Геллеспонта и Эгейскаго моря. Но для исполненія этого предпріятія, нужно было преодолѣть большія препятствія при переходѣ Балкана, особенно въ столь позднее время года. Слѣдовало, кромѣ того,

*) Битву подъ Нишемъ полагають 3 Ноября 1443 г. Чрезвычайно важныя подробности этой битвы въ стратегическомъ отношеніи, могущія имѣть значеніе и въ настоящее время, можно найти у Энея Сильвія, стр. 252, и въ письмѣ короля Владислава къ Франческо Фоскари, венеціанскому дожу, отъ 9 ноября 1443 г. См. у Raynaldi, *Annal. Eccles. t. IX. p. 416.* Извѣстія Гаммера, основанныя на сказаніи Катоны, были весьма умно опровергнуты Цинкейсномъ въ его *Исторіи Османовъ въ Европѣ.* Гаммеръ, а слѣд. и Катона, относятъ битву эту до взятія Софіи, о чемъ будетъ сказано ниже.

обезпечить обратный путь и очистить тылъ союзной арміи. Въ такихъ предположеніяхъ передовой отрядъ Гуиади взялъ городъ Софію, одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ на пути во Оракію. По слѣдамъ Гуиади явились и главныя силы союзниковъ, вмѣстѣ съ королемъ Владиславомъ. Трудности и неудобства похода начались собственно тогда, когда войска союзниковъ стали двгаться впередъ и достигать сѣверныхъ склоновъ Балканскаго хребта. Передъ ними воздымались вершины горъ, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, тогда какъ на южномъ ихъ отклонѣ открывались зеленѣющія долины Оракіи и македонскихъ предѣловъ, куда Янъ Гуиади снѣшилъ перенести военныя дѣйствія. Польско-Угорское войско находилось вмѣстѣ съ союзными Сербами въ отличномъ состояніи. Оно увеличивалось притомъ ежедневно добровольными новобранцами изъ Болгаръ, Сербовъ, Босняковъ и Албанцевъ, которые, воодушевившись побѣдами Гуиади и надеждою на близкое освобожденіе изъ подъ власти Турокъ, толпами стекались подъ знамена союзниковъ. Кромѣ того христіанское воинство было вполне обезпечено и со стороны продовольствія. Видя въ немъ своихъ избавителей, притомъ же христіанъ, а еще болѣе единоплеменниковъ, каковы были Поляки и Сербы, жители этой части Болгаріи, принасли все нужное для ихъ прокормленія. Холодъ и стужа, господствующіе обыкновенно на этихъ высотахъ, были въ началѣ похода не такъ чувствительны; затѣмъ тылъ арміи, со времени разбитія Турокъ при Нишѣ, былъ обезпеченъ, такъ что, все пространство, отъ верховьевъ рѣки Искра до самаго Дуная, было очищено отъ непріятели. Казалось все обстоятельства содѣйствовали къ успѣху предпріятія, на которое такъ смѣло вызвалъ Гуиади короля Владислава и союзника своего Бранковича.

На основаніи этихъ предположеній войско союзниковъ двинулось впередъ, но не по прямому направленію къ Ихтимани и троянскому ущелію, а нѣсколько на востокъ, къ Златицѣ, что нынѣ *Ислади*, откуда повернуло уже къ югу на Троянское ущеліе, называемое нынѣ Турками *Суудербентъ*. Путь этотъ, ведущій чрезъ Балканы во Оракію, хотя и болѣе отдаленъ отъ верховьевъ рѣки Искра, за то удоб-

нѣе, тѣмъ болѣе, что по этому направленію проведена была, еще во времена римлянъ, дорога, остатки которой были достаточно сохранены въ началѣ XV столѣтія, т. е. въ описываемую нами эпоху. Дорога эта отъ Златицы подымалась вдоль рѣки Вида до ея истоковъ, и шла на высоту Ихтимани, обогнувъ западную часть этой вершины Балкана и спускаясь къ Банѣ въ долину рѣки Марицы или Эбра, откуда спускается далѣе къ Филиппополю и Адрианополю. Самое неудобнопроходимое мѣсто находится на южномъ склониѣ этого гористаго пространства, а именно въ ущелияхъ Габровицы и *Мошинско бранище* (на картахъ означено по-тур. *Кызъ дербентъ*), расположенныхъ вдоль верховьевъ Марицы. Сюда-то, къ этимъ горнымъ кнсурамъ или проходамъ, укрѣпленнымъ самою природой, было особенно обращено вниманіе султана Мурата, лишь только онъ узналъ о пораженіи при Нишѣ и о намѣреніи Гуниади перейти Балканы. Главнѣйшіе пункты этого пространства, т. е. Сулу-дербентъ и Златица, были заняты турецкими войсками, съ строгимъ однакожъ наказомъ избѣгать всякое наступательное дѣйствіе и ограничиваться одною защитою этихъ ущелий. Муратъ рассчитывалъ на позднее время года и на приближающуюся стужу.

Пока польско-мадярское войско не достигло еще горныхъ и лѣсистыхъ пространствъ, все шло какъ нельзя лучше. Въ городахъ и селеніяхъ Болгаріи оно находило постоянное радушіе и, какъ рассказываетъ Калимахи, — «особенно Польяки, по сходству своего языка съ болгарскимъ, и по единству происхожденія обонхъ племенъ, принимаемы были съ особенной радостью.» Но чѣмъ далѣе шли союзники, тѣмъ болѣе входили въ пространства дебрей и скалистыхъ обваловъ, чѣмъ затруднительнѣе становилось ихъ шествіе, тѣмъ болѣе войны начинали падать духомъ. Препятствія начали увеличиваться съ каждымъ днемъ; ломъ и лопата въ свою очередь призваны были на помощь. Подобная расчистка дорогъ, затруднительная даже и лѣтомъ, тѣмъ болѣе однакожъ была невозможна зимой, которая въ этомъ году начиналась со всею силою. Вѣтеръ дулъ съ сѣвера; дождь и снѣгъ падали непрерывно, гололедца покрывала скалистый путь. Еще

далека была вершина Троянова прохода, а уже оказался большой недостатокъ въ продовольствіи; лошади отказывались идти, а солдаты падали въ изнеможеніи отъ недостатка пищи и отъ холода. Примѣръ Гуиади поддерживалъ еще духъ въ войскѣ, которое, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль героически переносило всякаго рода лишенія; но вскорѣ, выбившись изъ послѣднихъ силъ, оно отказалось идти впередъ и громко стало требовать возвратиться къ Дунаю. Гуиади былъ очень хорошо знакомъ край, гдѣ онъ находился. Онъ звалъ, что перейдя Балканъ, войско его вступитъ въ цвѣтущія долины Фракіи, которыя своимъ благодатнымъ климатомъ, не смотря на господствующую стужу на вершинахъ горъ, заставятъ забыть лишенія и нужды. Вотъ почему, желая довести до конца столь счастливо начатый походъ, онъ всеми силами старался одушевить своихъ соратниковъ, выставляя имъ въ примѣръ самаго себя. Горячею, патріотическою рѣчью, онъ убѣдилъ ихъ идти впередъ, но сила стихій была могущественнѣе пламенныхъ словъ героя. Въ полкахъ угорскихъ и польскихъ начались уже побѣги.

Они продолжались уже нѣсколько дней, когда вдругъ передовые разѣзды донесли Гуиади, что непріятель находится въ самомъ близкомъ разстояніи, между двумя ущельями, Сулу-дербентомъ и Златицею, чрезъ которое прорывается горная рѣчка того же имени. Союзное войско, лишь только замѣтило на этихъ вершинахъ непріятеля, какъ пришло въ неописанную ярость, и не ожидая команды, многіе, оставивъ свои ряды, бросились, чтобы выбить невѣрныхъ изъ занимаемой ими позиціи. Командовавшій Турками, Махмудъ-челеби, не могъ сдержать въ повиновеніи свои полки и, вопреки приказаніямъ султана, вышелъ изъ своихъ засадъ и ринулся на встрѣчу союзникамъ. Уловка Гуиади удалась ему вполне: онъ успѣлъ привлечь непріятеля на небольшую плоскую возвышенность, гдѣ заставилъ его принять сраженіе. Успѣвъ возстановить порядокъ въ войскѣ, Гуиади, какъ главный распорядитель битвы, раздѣлилъ его на два главные корпуса, которыми командовали король Владиславъ и Георгъ Бранковичъ. Самъ же Гуиади давалъ общее направленіе обоимъ корпусамъ. Начался рукопашный бой. Урост-

нѣе всѣхъ бросились на непріятеля польскіе полки, опрокинули передовые его ряды, и разомъ, во многихъ мѣстахъ смѣшали ихъ такъ, что заставили Турокъ отступать въ гору. Въ это мгновеніе явился въ турецкихъ рядахъ самъ предводитель ихъ Махмудъ-челеби, обѣщавшій султану истребить *глуровъ* всѣхъ до одного. Ему удалось возстановить на нѣсколько минутъ порядокъ битвы; но Поляки съ удвоенной яростію бросились снова, уже не на солдатъ, а на лошадей, и опустивъ сабли въ ножны, выхвативъ кинжалы, поражали ими этихъ животныхъ такъ, что въ короткое время груды лошадиныхъ труповъ сдѣлали невозможнымъ даже отступленіе. Конь Махмута, проткнутый копьемъ, сильнымъ скачкомъ впередъ, очутился въ рядахъ христіанъ и бросилъ своего всадника на землю. Обстоятельство это рѣшило битву, потому что, лишь только вѣсть о плѣнѣ военачальника пронеслась по турецкому войску, какъ остатки его стремительно пустились бѣжать въ ущелья. Союзники не отставали. Отбросивъ лишнее оружіе для своего облегченія, они смѣло подымались на крутизны утесовъ, гдѣ, довершивъ пораженіе непріятеля, возвратились въ лагерь далеко за полночь. На другой день ущелья, занятая передъ тѣмъ Турками, были во власти христіанъ, куда перенесли они свой лагерь. Съ этихъ вершинъ, занятыхъ ими въ сочельникъ Рождества Христова 1443 г., они могли видѣть цвѣтуція долины Фракіи и прямой путь, разстилавшійся къ европейской столицѣ Мурата, Адрианополю. Вершина горы, у подошвы которой расположено было христіанское войско, названа самимъ Гуніади *Кунювицей*; названіе теперь не существующее. *)

Это неожиданное пораженіе Турокъ на льдистыхъ высотахъ Балкана, придадо войскамъ Владислава еще болѣе храбрости. Нужно было еще нѣсколько усилій и послѣдній оплотъ былъ бы прорванъ. Турки, пріютившись въ ущельяхъ, вели незначительныя перестрѣлки и вступали въ частыя стычки съ передовыми разбѣдами христіанскаго войска. Подобныя стычки продолжались нѣсколько дней сряду, и король Вла-

*) У Катовы (р. 263) помѣщено письмо Гуніади, въ которомъ описаны всѣ подробности этой битвы.

диславъ, видя успія своего войска безполезными, началъ помышлять объ отступленіи. Только Янъ Гуніади и Георгъ Бранковичъ, по свидѣтельству Бонфини, старались удержать Владислава, но большинство въ военномъ совѣтѣ взяло верхъ и отступленіе было рѣшено. Оно совершилось со всѣми предосторожностями, чтобы не возбудить преслѣдованіе со стороны непріятеля; но не смотря на это, лишь только Владиславовы полки достигли первыхъ Болгарскихъ селеній, какъ непріятельская конница, бросившись ввязъ съ горъ, напала на арріергардъ отступавшихъ. Нападеніе это ограничилось немногими жертвами съ обѣихъ сторонъ, и за тѣмъ, до самаго Дуная, союзное войско не встрѣчало никакихъ препятствій. Отдохнувъ нѣсколько дней въ Бѣлградѣ, оно поднялось за тѣмъ въ Буду, куда совершило торжественный въѣздъ свой, при радостныхъ кликахъ всего населенія *).

Янъ Гуніади, прибывъ въ Колосваръ, свое имѣніе, былъ встрѣченъ женою, которая поднесла ему новорожденного младенца. Это былъ, столь знаменитый впоследствии, Матвѣй Корвинъ Гуніади.

Таковъ былъ исходъ этого похода, продолжавшагося почти безъ малаго шесть мѣсяцевъ. Не смотря на то, что походы этотъ не принесть никакой существенной пользы, ни Венгріи, ни ея союзникамъ, преимущественно Бранковичу, (вопреки даже того, что онъ, какъ мы ниже увидимъ, выговорилъ себѣ при Сегединскомъ мирѣ владѣніе Сербіей), онъ, однакожь показалъ христіанскому западу, что Турки не такъ страшны, какъ ихъ обыкновенно представляли во время первыхъ ихъ вторженій въ Европу. Надежда на болѣе счастливые результаты, при болѣе значительномъ числѣ войска, рисовала уже въ воображеніи не только католическаго міра, но и Византіи, возможность откинуть въ глубь малой Азіи новыхъ завоевателей. Дѣйствительно, блестящія побѣды, одержанныя Владиславомъ въ столь короткое время надъ Турками, вызвали со стороны многихъ государей поздравленія, которыя незамедлль получить отъ нихъ этотъ «верховный

*) Описаніе торжественнаго въѣзда въ Буду. см. у *Callim.* 494 — 496.

вождь Христова воинства,» какъ его звали современники. Въ Буду прибыли послы венеціанской и генуэзской республикъ, явился и посолъ византійскаго императора Юаанна Палеолога, и не съ одними поздравленіями прибыли они къ Владиславу, но, увлеченные недавними его побѣдами, они обѣщали отъ имени своихъ государей принять его сторону, и въ случаѣ продолженія войны съ невѣрными, обѣщали не только свои дружины, но и деньги. Въ то же самое время папа извѣщалъ мадаръ о возмущеніи противъ Мурата караманлійцевъ въ М. Азіи, о бѣгствѣ Скандеръ-бега, бывшаго въ залогѣ у Турокъ, въ Албанію, его родину, гдѣ онъ готовился отложиться отъ невѣрныхъ, и наконецъ о томъ, что значительный флотъ, вооруженный католическими державами, готовъ былъ направиться къ Геллеспонту, чтобы отрѣзать Туркамъ путь изъ Азіи въ Европу. Вся эта обстановка и опасное положеніе, въ которомъ находился султанъ Муратъ, и еще болѣе постоянныя жалобы Георга Бравковича, котораго владѣнія и ослѣпленные сыновья находились еще во власти Турокъ, и котораго союзомъ Владиславъ не могъ не дорожить, заставили послѣдняго рѣшиться начать снова войну, такъ неудачно имъ прерванную.

Но, чтобы начать новую войну, слѣдовало устранить и другія препятствія, слѣдовало обезпечить себя не только со стороны Венгріи, но и Польши. Раздоры, возбужденные Елизаветою и поддерживаемые послѣ ея смерти Фридрихомъ, не были вполне прекращены. Чешскій кондотьеръ Искра все еще занималъ со своими полками нѣкоторые города комитатовъ въ сѣверной Венгріи, а императоръ и не думалъ отказаться отъ своихъ видовъ на Венгрію. Что же касается Польши, то королевство это находилось еще въ худшемъ состояніи. Своевольная аристократія, пользуясь отсутствіемъ короля, довела, своимъ самоуправствомъ, жителей королевства до того, что шляхта обратилась въ чистыхъ разбойниковъ, безнаказанно грабившихъ по большимъ дорогамъ. Неурядицы и безчинства выходили изъ всякихъ границъ. Рассказываютъ, что воевода Опольскій, Владиславъ, нападалъ даже съ своей вооруженной шайкой на беззащитныхъ гражданъ, съѣзжавшихся на ярмарки. Болѣе всего отличалась въ эту эпоху

Лятва внутреними неустройствами. Эти обстоятельство заставляли нѣсколько благомыслящихъ изъ польской знати просить Владислава лично явиться въ Польшу, чтобы своимъ присутствіемъ установить порядокъ и спокойствіе. Но Владиславъ былъ уже сильно увлеченъ внушенными ему идеями относительно изгнанія Турокъ изъ Европы, и не обращая вниманія на Польшу, созвалъ чрезвычайный съѣздъ въ Сегедѣ. На этотъ сеймъ прибыли уполномоченные Мурата просить мира.

Собственно Гуніади не былъ вовсе расположенъ къ миру, но онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удивить турецкихъ уполномоченныхъ военной силой Венгріи, и убѣдилъ Владислава стянуть къ Сегеду все союзное войско, которое было тотчасъ собрано. Незамедленно прибыть и турецкое посольство (въ Іюль, 1444 года). Въ назначенный день, посланникъ Мурата, обращенный въ магометанство грекъ, котораго имя лѣтописи не упоминають, торжественно въѣхалъ въ Сегедѣ, въ сопровожденіи великолѣпной свиты, состоявшей изъ ста человекъ. Онъ обратился сначала къ Яну Гуніади, котораго принималъ за настоящаго короля Венгріи, и, только послѣ настоятельныхъ увѣреній въ его ошибкѣ, посолъ предсталъ предъ Владислава. Это обстоятельство показываетъ, какъ велико было значеніе Гуніади на юго-востокѣ. Грекъ-рenegатъ былъ введенъ въ залу собранія и представленъ королю, окруженному магнатами и баронами, и послѣ краткой пріѣтственной рѣчи, приступлено было къ обсужденію условій мира. Устранивъ разногласія, касавшіяся преимущественно Болгаріи, которую Владиславъ хотѣлъ присоединить къ Венгріи, заключены были слѣдующія условія *): 1). Болгарія должна оставаться во власти Турокъ. 2) Сербія, со всѣми городами и крѣпостями, находившимися во власти Османовъ, какъ-то: Смедерево, Голубаць, Северинъ, Островица, Рудникъ, Лѣсковецъ, Ново-брѣдо и др., кромѣ того Герце-

*) *Callim.* p. 502, также *Thwocz.* p. 255. Нужно замѣтить, что ни у кого изъ лѣтописцевъ не перечислены исполнители условій мира, заключеннаго въ Сегедѣ. Они взяты у разныхъ, — а преимущественно у вышепоименованныхъ.

говина, — возвращаются Георгу Бранковичу, который однакожь обязывается уплачивать Портѣ половину ежегодныхъ доходовъ со всѣхъ этихъ земель *) 3). Размѣнъ плѣнныхъ. Возвращеніе Георгу Бранковичу двухъ его сыновей и выкупъ Махмуда-челеби за сумму 70,000 червонныхъ. 4). Дунай будетъ составлять для Венгріи и Турціи границу, которую тотъ и другой народъ обязывались охранять свято **). 5). Валахія переходитъ подъ покровительство Венгріи ***), и наконецъ 6) Турецкія войска должны очистить занятые ими мѣста впродолженіе восьми дней. Эти условія мира были написаны на двухъ языкахъ и 4-го Августа 1444 года назначенъ былъ день для принесенія присяги. Послы Мурата требовали, чтобы христіане поклялись на святыхъ дарахъ въ вѣрности соблюденія условій, но духовенство отказалось исполнить ихъ требованіе и присяга принесена была Владиславомъ, Георгомъ и Гуниади на евангелии; турецкими же посланцами на коранѣ. Одинъ только папскій нунцій, Юліанъ Чезарини, оставался безмолвнымъ зрителемъ всего происшедшаго.

VI.

Сегедскій миръ, заключенный столъ поспѣшно, послѣ въ самомъ себѣ зачатки скорого разрыва не только со стороны Венгріи, но и со стороны самихъ Турокъ, не смотря на то, что они первые вынуждены были на его предложеніе. Вен-

*) Объ этомъ упоминаетъ одинъ только Халкокондилъ, р. 317 ed. Bonn. *ἐν ταῖς αὐτῆς Ἀμοιράτης ἐπιπέφει πρίσβασις, καὶ τὰς ἀποδοῦς ἐποίησεντο ἐν τῷ τῷ τε Γεώργιου (т. е. Бранковичу) ἔχει τὴν χῆραν αὐτοῦ καὶ τὴν ἡμίτηκον πρόδοτον ἀποδιδόναι τῷ βασιλεῖ.* — Что же касается исчисленія городовъ сербскихъ, то любопытныя ихъ названія сохранены у Длугоша (стр. 312), хотя и въ измѣненномъ видѣ, а именно: Golubiecz (т. е. Голубаць, а не Каламбоиць, какъ обыкновенно пишутъ; турки называютъ его *Göterdžinlik*, т. е. голубятня). Zamow, Kusowicz, Kowin, Sewerin, Nogochedow (Нобородо), Szebrnik, (Сребриникъ), Ostrowicza, Surin, Rosnik, Koperban, Procoria, Liaskowicz, Ziolonygrad, atque toti Rasciae etc.

**) Это условіе записано только у Дуки и Халкокондила.

***) Къ характеристикѣ плѣшательства римской церкви въ дѣла Венгріи, не излишне упомянуть, что папа Евгеній, лишь только узнавъ о подчиненіи Молдавіи и Валахін покровительству Венгріи, тотчасъ послалъ въ эти страны *Inquisitorem haereticae pavitatis. Catona, ad an. 1444, p. 294.*

грія, какъ мы выше видѣли, измѣнила значеніе войны противъ невѣрныхъ тѣмъ, что подпала подъ исключительное вліяніе католичества, возвысившаго ея, для большей приманки, на степень *передового ослота христіанства противъ Османовъ*, не могла уже дѣйствовать отдѣльно отъ западныхъ государствъ, и, допустивши однажды ихъ вмѣшательство, припуждена была вести войну съобща съ ними. До какой степени былъ непроченъ этотъ миръ, видно изъ того, что едва турецкое посольство удалилось за Дунай, какъ прибыли въ Буду гонцы съ письмами отъ кардинала Гондолміери и императора Іоанна Палеолога, которые, незная еще о заключеніи мира, торопили Владислава начать снова военныя дѣйствія противъ Турокъ. Гондолміери извѣщалъ короля, что обѣщанный флотъ, надъ которымъ онъ имѣлъ начальство, уже готовился отплыть къ Геллеспонту; что турки, по случаю волненій въ Караманіи, переправилъ въ М. Азію всѣ свои силы, вслѣдствіе чего европейскія ихъ провинціи остались безъ всякой защиты. Онъ убѣждалъ Владислава неупускать случая, быть можетъ единственнаго, и послѣдовать примѣру своихъ западныхъ союзниковъ. Цареградскій дворъ съ своей стороны подтверждалъ эти извѣстія, и, предупреждая короля не довѣряться слишкомъ греку-отступнику, который былъ посланъ Муратомъ для заключенія мира, извѣщалъ его вмѣстѣ съ тѣмъ, что византійское войско готово и ждетъ только венгро-польскихъ дружинъ, чтобы соединиться съ ними противъ общаго врага. Вскорѣ начали появляться въ столицу Венгріи и другіе гонцы съ болѣе обнадеживающими на непремѣнный успѣхъ извѣстіями, а именно: о скорой посылкѣ въ Венгрію союзныхъ силъ, денегъ, и главное, о важной диверсіи на югѣ, со стороны Албаніи, гдѣ Скандеръ-бегъ съ 30,000 воиновъ долженствовалъ примкнуть къ силамъ союзниковъ.

Владиславъ колебался, и не принимая еще никакого рѣшенія, передалъ эти извѣстія на разсмотрѣніе сегедскому сейму. Но прежде нежели приступимъ къ изложенію, на что именно рѣшился сеймъ, любопытно взглянуть на тѣ отношенія, какія имѣла Венгрія къ Риму, Венеціи, Албаніи и Ви-

зантіи, па которыхъ, кромѣ Сербіи и Румыніи, такъ довѣрчиво возлагали надежды свои Владиславъ и Гуниади.

Въ западно-европейскихъ государствахъ власть папы была, такъ сказать, словомъ и дѣломъ власти князей и государей этой эпохи. Послѣ послѣдняго похода въ Болгарію, Евгений IV былъ одинъ изъ первыхъ, которые успѣли послать къ Владиславу пословъ съ поздравленіями за успѣхъ и съ новыми обѣщаніями скорой помощи запада для дальнѣйшаго продолженія начатаго дѣла. Дѣятельность Евгения была въ этомъ случаѣ замѣчательна: онъ не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы исполнить свои обѣщанія. Болѣе всего настоялъ онъ на вооруженіе морской силы, о которой упомянуто выше, и которой придалъ большое значеніе, такъ какъ сила эта долженствовала перехватить туркамъ путь, неимѣвшимъ еще флота, и отрѣзать ихъ переѣзды въ Европу у Галлполя. Нѣсколько лѣтъ уже мысль эта занимала главу западной церкви, но осуществленіе ея было еще далеко, за неимѣніемъ денегъ и кораблей. Денегъ искалъ онъ во всемъ католическомъ мірѣ, а кораблей у морскихъ державъ тогдашняго времени. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ Венеція болѣе другихъ расположена была отвѣчать задушевному желанію папы, и еще въ Январѣ 1443 года сеньория этой республики рѣшила послать ему десять галеръ, которыя однакожь не были еще снаряжены въ этомъ году. Тотчасъ послѣ окончанія венгерскаго похода въ началѣ 1444 года, папа возобновилъ свою просьбу относительно обѣщанныхъ венеціанскою республикою галеръ, которыя въ этотъ разъ выступили въ море совсѣмъ оснащенные и вооруженныя. Кромѣ этой помощи, высланной Венеціей, самъ папа вооружилъ на свой счетъ нѣсколько судовъ, къ которымъ присоединились еще шесть, выставленныхъ Альфонсомъ, королемъ Арагоніи и обѣихъ Сицилій. Такимъ образомъ въ Іюнѣ 1444 года, т. е. до заключенія мира въ Сегелѣ, папскій флотъ плылъ уже къ востоку подъ главнымъ начальствомъ, какъ мы сказали, кардинала Франческо Гондоліери.

Евгеній сдѣлалъ все, что могъ, и за исключеніемъ этой морской силы, онъ не могъ предоставить ничего болѣе королю Владиславу. Замышляя новый походъ противъ Осма-

новъ, нужно было выставить въ поле силы гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя были въ распоряженіи Венгріи. Рассчитывать на вербовку солдатъ въ странахъ дунайскихъ было также невозможно, по той причинѣ, что оказывался большой недостатокъ въ деньгахъ. Но въ этомъ отношеніи Владиславъ болѣе всего рассчитывалъ на князя Албаніи, Скандербега, этого двойника Яна Гунади на югѣ, а также на византійскаго императора Іоанна Палеолога. Съ Георгомъ Костріотой, или, какъ обыкновенно называли его, Скандербегомъ, король Владиславъ вошелъ въ перениску еще въ половинѣ 1443 года. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ албанскому герою, писанномъ въ Іюлѣ 1443 года *), Владиславъ поздравлялъ его съ успѣшнымъ возвращеніемъ въ Албанію, радовался его блестящимъ побѣдамъ надъ невѣрными, и живо представилъ ему плачевное состояніе, въ какое ввергли враги Христовой церкви Венгрію, Сербію, Болгарію и Греческую Имперію, приглашалъ его вступить въ общій союзъ западныхъ государей, составленный противъ турецкихъ завоевателей. Кастріотъ не рѣшался безъ согласія предводителей общины албанскихъ принять столь важное предложеніе венгропольскаго короля, и представилъ письмо его, нарочно для этого случая созванному, съѣзду. Начальники общинъ единогласно рѣшили выставить отрядъ вспомогательнаго войска, но въ какомъ числѣ долженствовалъ быть этотъ отрядъ? — съѣздъ раздѣлялся на разныя мнѣнія. Принимая во вниманіе постоянно-осадное положеніе, въ какомъ находилась Албанія, нѣкоторые думали, что достаточно было выставить восемь, иные предлагали пять тысячъ воиновъ; иные же не соглашались и на это ограниченное число, уменьшивъ еще болѣе цифру вспомогательнаго отряда. Кромѣ того, общій голосъ рѣшилъ, что Кастріотъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ оставлять Албаніи въ столь смутное время, чтобы лично предводительствовать вспомогательнымъ отрядомъ. Однако рѣчь одного изъ знатнѣйшихъ албанцевъ, Павла Дукатина, убѣдила съѣздъ поручить предводительство Георгію Кастріоту, и въ Августѣ

*) У *Matini Bartetti*, de vita et rebus gestis Skanderbegi. Romae. Безъ означенія года. Письмо это помѣчено: изъ Буди 9 іюля 1443.

того же года король Владиславъ получилъ радостное извѣстіе, что самъ князь Албаніи рѣшился вывести къ нему на помощь тридцать тысячъ лучшаго своего войска *). Этотъ вспомогательный корпусъ былъ тотчасъ же собранъ и выступилъ въ походъ весной 1444 года. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первоначально вспомогательный этотъ отрядъ долженствовалъ соединиться съ польско-венгерско-сербскимъ войскомъ, но, не успѣвши прибыть во время, измѣнилъ свое направленіе и хотѣлъ соединиться съ Владиславомъ подъ Варной. Кастріотъ, приблизившись съ сербскимъ границамъ, засталъ здѣсь горные проходы занятыми войсками Георга Бранковича, который, заступивъ ему дорогу, заставилъ прождать здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, именно то самое время, когда Владиславъ, усиленными маршами спѣшилъ вдоль дунайской долины къ Варнѣ, гдѣ ждало его столь печальное и неожиданное пораженіе. Причина явной измѣны Георга Бранковича заключалась въ личной ненависти его къ Владиславу и Гуніади, овладѣвшей имъ при заключеніи сегедскихъ условій мира. Выше мы сказали что Бранковичъ, уступая Бѣлградъ Венгріи, получилъ въ замѣнъ его огромныя помѣстья, расположенныя въ лучшихъ комитатахъ королевства, которыя обезпечили бы его въ случаѣ завоеванія Сербіи Турками. По случаю же утвержденія его въ сербскихъ областяхъ, по сегедскому миру, большая часть имѣній его въ Венгріи были у него отняты и перешли во владѣніе Гуніади. Это обстоятельство понудило Бранковича оставить сторону союзниковъ, задержать албанское войско, что повлекло за собою пораженіе христіанъ подъ Варной.

Гораздо обманчивѣе были надежды будскаго двора, которыя возлагалъ онъ на непосредственное содѣйствіе византійскаго императора. Излишне будетъ входить въ подробности тѣхъ причинъ, которые повергли Византію въ совершенно ничтожное положеніе и устранили ее отъ возможности принять, хотя самое слабое, участіе въ дѣлахъ юговостока этого времени. Не смотря на это, любопытно вспо-

*) Тамъ же — ex Croix pridie nonas sextiles 1443.

вить здѣсь, какую грустную роль игралъ въ этой кровавой драмѣ Іоаннъ Палеологъ, драмѣ предшествовавшей только нѣсколькими годами окончательному паденію Восточной Имперіи. Если Іоаннъ не переставалъ напоминать западнымъ государствамъ, поднявшимъ оружіе противъ османовъ, что онъ готовъ усилить ихъ коалицію своею помощію, то это былъ чистый обманъ, не имѣвшій другой цѣли, какъ только по возможности заинтересовать ихъ въ пользу своихъ личныхъ выгодъ, и ихъ дѣятельностію въ приготовленіяхъ къ турецкому походу, скрыть свою собственную слабость. Изгнаніе Турокъ изъ Европы сдѣлалось въ эту эпоху любимомъ мечтой, какъ въ Римѣ, такъ и въ Византіи; но это самообольщеніе не могло скрыть, однакожъ, ни слабости настоящаго, ни бѣдственнаго ожиданія въ будущемъ. Общее движеніе, которое уже нѣсколько лѣтъ кипѣло на западѣ относительно похода противъ невѣрныхъ, естественнымъ образомъ обнадеживало и Іоанна Палеолога, относительно сохраненія ему византійскаго престола; вотъ почему онъ первый успѣшилъ отправить въ Буду пословъ, чтобы принести привѣтствіе Владиславу въ счастливомъ окончаніи трояно-балканскаго похода. Не смотря на нравственное и политическое уничиженіе, въ какомъ находились Римо-Греки, они и въ этомъ ничтожествѣ не переставали, при случаѣ, распространять, тѣ бессмысленныя басни, которыми такъ часто старались они обстанавливать знаменательныя событія въ исторіи. Такъ точно и по случаю послѣдняго венгро-польскаго похода, послы Іоанна Палеолога увѣрили Владислава, что въ то время, когда онъ поразилъ невѣрныхъ въ балканскихъ ущеліяхъ, у воротъ Константинополя, ведущихъ въ Македонію, явился красивый юноша на конѣ, въ бѣломъ облаченіи, съ неземнымъ блескомъ, исходившимъ отъ его лица, и, погарцовавъ нѣсколько времени передъ воротами, слова исчезъ, неизвѣстно куда. Явленіе это на первыхъ порахъ произвело сильное безпокойство въ Византіи, потому что не знали, что именно оно знаменовало; но въ послѣдствіи всякій могъ ясно видѣть, что оно было предзнаменованіемъ побѣды, которую провозвѣстилъ византійцамъ вѣстникъ, посланный свыше. Этотъ случай безстыднаго самохвальства римо-грековъ разсказанъ со словъ посла ихъ,

и записанъ историкомъ Калимахи. Подобными баснями утѣшали себя въ Цареградѣ въ то время, когда нуженъ былъ прямой, здравый разумъ, да матеріальная сила, чтобы противостать приближающейся опасности. Изъ современныхъ сказаній видно, что король Владиславъ рассчитывалъ также на вспомогательное войско византійцевъ, потому что, когда продолженіе войны съ Турками было рѣшено, онъ, чрезъ греческихъ пословъ, сообщилъ въ Константинополь свои соображенія относительно диверсіи, какую должны были сдѣлать войска Византіи. Еслибы Владиславу было ближе извѣстно состояніе имперіи при Палеологахъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не польстился бы себя надеждами, которыя не могли осуществиться.

Сегедскій миръ, заключенный, какъ мы сказали, слишкомъ поспѣшно, засталъ Владислава при тѣхъ ожиданіяхъ и сношеніяхъ съ христіанскими державами Европы, восточной и западной, и обширныхъ замыслахъ относительно изгнанія Турокъ изъ Европы, о которыхъ мы только-что говорили. Положеніе Венгріи было въ высшей степени затруднительно: съ одной стороны данная присяга на сохраненіе мира въ продолженіе десяти лѣтъ, съ другой вооруженія, предпріятыя западомъ, обѣщанія Албаніей и Византіей, и вмѣстѣ съ ними, въ перспективѣ, самый вѣрный расчетъ касательно несомнѣнной побѣды. Въ Германіи, Франціи и Италіи вооруженія приходили къ концу. Нѣкоторые отряды были уже въ походѣ въ Венгрію, сборное мѣсто новыхъ крестоносцевъ. Какой же отвѣтъ могли дать имъ недавніе побѣдители Турокъ, вызывавшіе своихъ союзниковъ на новыя побѣды? Въ такой нерѣшительности сеймъ обратился къ единственному человѣку, который, быть можетъ, болѣе самаго короля заслуживалъ всеобщее довѣріе, обратился за совѣтомъ къ Яну Гувиади. И этотъ передовой человѣкъ своей эпохи, не смотря на то, что постоянною, душевною его мыслию было изгнаніе Турокъ изъ Европы, не смотря на то, что онъ первый отклонялъ Венгровъ и Поляковъ соглашаться на миръ съ Муратомъ, отвѣчалъ сейму только нѣсколькими словами, въ которыхъ однакожь онъ высказалъ всю великость души, и пронизательность своего генія: *Non temere*

dandum fidem hostis, et dandum minime violandum! *) Георгій Бранковичъ, хотя и руководимый совершенно иными видами, принялъ также сторону Гуніади, но большинство сейма уже положило разорвать миръ. Не смотря на это, Гуніади, рѣшившись защищать правое и честное дѣло, усиля бы убѣдить сеймъ въ его опрометчивости, но тутъ рѣшительно вмѣшался человѣкъ, который одинъ не подалъ голоса во время присяги о сохраненіи мира съ Турками, и, какъ выше видѣли, оставался безмолвнымъ зрителемъ при подписаніи обоюдныхъ условій. — Юліанъ Чезарини, видя удобную минуту увлечь собраніе на сторону папской власти, произнесъ рѣчь съ такимъ жаромъ и убѣждающимъ краснорѣчіемъ, что голосъ Гуніади не имѣлъ болѣе силы остановить увлеченное собраніе сейма. Эта мастерская рѣчь, записанная у Калимахи, **) есть замѣчательный образецъ Римско-Католической стилистики и ея діалектическихъ приемовъ. Приводимъ ее въ возможно-подробномъ извлеченіи, чтобы показать, до какой степени католическій западъ умѣлъ извращать самыя благородныя стремленія народовъ, и устранять тѣхъ дѣятелей, которые, какъ наиримѣръ Янъ Гуніади, пытались дѣйствовать вопрѣ его исключительнаго вліянія.

Рѣчь Чезарини начинается слѣдующими словами: «Договоръ, заключенный съ Турками, какъ мнѣ кажется, не можетъ имѣть никакой силы. Тѣмъ не менѣе желательно было, чтобы онъ вовсе не былъ заключенъ; не потому, что имѣя намѣреніе продолжать войну, мы ставимъ себѣ въ необходимость измѣнить присягѣ, а потому, что при обсужденіи условій предложеннаго мира, мы потеряли только драгоценное время, бывшее для насъ столь благоприятнымъ для продолженія военныхъ дѣйствій. Съ самаго начала я готовъ былъ протявиться вамъ, если бы не видѣлъ, что умы ваши такъ слѣпо склонялись къ миру, и былъ увѣренъ, что при

*) *Callim. l. II. Pray*, p. III. p. 14—58, также у Катона t. XIII. p. 263 seqq. «Не слѣдовало такъ необдуманно давать слово непріятелю, по одному давши его, не должно его нарушать.»

**) Въ III кн. *De rebus Wladisl. Polonorum atque Hungarorum rege gestis*; въ собраніи Швандтнера: *Scriptores rerum hungaricarum*.

подобномъ настроеніи, вы не послушались бы мнѣхъ рѣчей. Къ тому же мнѣ было пзвѣстно заблаговременно все то, что сообщено теперь вамъ касательно легкости изгнанія Турокъ изъ Европы, особенно въ настоящее время, когда всѣ силы непріятеля находятся въ Малой Азіи. Но какъ бы то ни было, долгъ повелѣваетъ мнѣ объяснить вамъ: слѣдуетъ ли продолжать войну, необходимость которой вы сами чувствуете, и слѣдуетъ ли продолжать ее, не смотря на заключенный съ обѣихъ сторонъ договоръ, каковъ бы онъ ни былъ.

«Виджу, что многіе изъ васъ находятся въ недоульній относително пустыхъ словъ вѣры и договора; какъ будто нѣсколько необдуманыхъ словъ, брошенныхъ съ одной и другой стороны изъ опасенія и надежды, достойны названія и ненарушимости договора!...» *) Но я начну съ того, что, по моему разумѣнію, составляетъ главнѣйшій предметъ спора. Такииъ образомъ, вотъ мое положеніе: быть можетъ король имѣлъ полное право входить въ договоры съ Турками, заключать съ нимъ миръ, тогда только, если бы онъ велъ войну собственно отъ себя, безъ содѣйствія постороннихъ союзниковъ. Но, лишь только ему угодно было сообщить христіанскимъ государямъ проекты* и планъ этой войны, онъ не могъ уже прервать ее безъ ихъ согласія и еще въ такое время, когда помощь этихъ государей готова, чтобы довершить начатое предпріятіе. При томъ, какъ прежде, такъ послѣ сближенія съ иностранными державами, рѣшеніе этого дѣла не зависѣло исключительно отъ власти короля...

«Если-бы непріятель искренно желалъ заключить прочный миръ, неужели онъ не могъ избрать другаго уполномоченнаго, какъ человѣка, чуждаго Османамъ по языку, по племени, и по правамъ, и кромѣ того отступника своей вѣры, чуждаго имъ также и всѣмъ образомъ жизни? Такого человѣка, который не имѣлъ права ничего обѣщать отъ имени Турокъ, и котораго условія не могутъ быть запечатлѣ-

*) *Video enim plerosque inanibus fidei et fœderis nominibus suspensos... quasi verba quaedam inconsulta, per spem metumque mutuo jactata, nomen sanctitatemque fœderis obtineant.... Ibid.*

пы ни истинной, ни вѣрою, ни честью! Въ такомъ разѣ неужели мы не свободны, при случаѣ необходимости, отринуть всѣ эти условія и обѣщанія?..

«Я знаю, что деспотъ и въ-особенности Гунади, имѣя большую опытность и способность въ военномъ дѣлѣ, сами убѣждены въ справедливости словъ моихъ, относительно возможности съ успѣхомъ возобновить военныя дѣйствія. Но Георгъ имѣетъ въ виду возвращеніе ему его сыновей, власти и потерянныхъ областей; Янъ же не довѣряетъ союзникамъ и сомнѣвается въ помощи западныхъ государей для предстоящей войны. И вотъ почему оба они такъ легко поддались предложеніямъ султана. Изъ всего этого вы можете заключить, что подобный договоръ ни для кого не можетъ быть обязательнымъ».

Доказавъ такимъ образомъ, недѣйствительность договора, заключеннаго съ Муратомъ, Юліанъ Чезарини переходитъ къ другому роду аргументаціи, направивъ свои удары на самыя чувствительныя мѣста католическихъ душъ своихъ слушателей.

«Положимъ даже, — продолжалъ онъ, — что все было сдѣлано королемъ въ законномъ порядкѣ, что ничего подложнаго и предиадѣренно-коварнаго не было и со стороны Турокъ; но я долженъ напомнить вамъ, что вы связаны клятвой съ христіанскими державами, вами же вызванными раздѣлять опасности войны, гораздо прежде заключенія мира съ Турками. Такимъ образомъ обстоятельство это подходитъ подъ слѣдующее положеніе: *данная присяга не можетъ быть въпрямъ обьямъ сторонамъ* *). Нужно выбрать ту или другую сторону». И, отправляясь отъ этого начала, Чезарини доказываетъ сейму, что данное безчеловѣчному и лукавому неприятелю слово есть уже преступленіе, которое еще болѣе увеличивается при желаніи сдержать однажды данное обѣщаніе. За тѣмъ, изложивъ въ паныщеныхъ доводахъ непреложность и всемогущество папской власти, онъ заключилъ рѣчь свою слѣдующими словами: *«во имя верховнаго*

*) — data fides minime possit utrinque subsistere...

*святителя Рима, я расторгаю и уничтожаю этот договор, какой бы онъ ни былъ. Разрѣшаю, какъ короля, такъ и всѣхъ прочихъ участвовавшихъ при его заключеніи, отъ данной ими присяги Туркамъ!» *)*

Этотъ смѣлый, неожиданный поступокъ, исподволь подготовленный ловкимъ легатомъ восторженною его рѣчью, произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Война была рѣшена единогласно. Владиславъ въ свою очередь былъ увлеченъ общимъ восторгомъ. Георгъ Бранковичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, присталъ также къ сторонѣ большинства. Оставалось пересилить еще одно препятствіе, увлечь человека, въ которомъ единственно сосредоточивалось исполненіе столь важнаго предпріятія; но здѣсь могли разбиться, какъ объ гранитную стѣну, всѣ аргументаціи римскаго легата, вся его изворотливая діалектика могла оказаться безсильною. Гуниади не хотѣлъ сдѣлаться клятвопреступникомъ; но, однажды уступивъ религіозному вмѣшательству въ дѣлѣ чисто политическаго развитія, Гуниади противъ воли долженъ былъ согласиться и снова принять главное начальство надъ союзными войсками. Калимахи и другіе историки упоминаютъ, что, по предложенію Владислава и по письменному утвержденію многихъ изъ магнатовъ, Яну Гуниади была обѣщана Болгарія, какъ независимое княжество **). Предлогомъ къ разрыву было самое ничтожное обстоятельство, именно то, что Турки не очистили до назначеннаго срока нѣкоторыхъ крѣпостей, которыя обязались возвратить Бранковичу. Въмѣсто семи, прошло уже двадцать дней, а турецкіе гарнизоны занимали еще Смедерево и Голубацъ на Дунаѣ.

Этимъ однакожъ неограничилось вліяніе Чезарини, какое онъ производилъ на короля и магнатовъ. Чтобы болѣе и вѣрнѣе связать ихъ, онъ потребовалъ письменной отъ нихъ присяги въ томъ, что не позже Сентября текущаго года венгро-польское войско должно собраться у Орсовы и у

*) Pontificis se maximi auctoritate id foedus, qualecumque esset, rescindere et abrogare; regemque et coeteros, quorum intererat, a juramento et sponsione, quam Turcis fecerant absolvere. Ibid.

***) *Callim.* p. 507. Также *Diagoz* у Катоны. p. 324, seqq.

близлежащихъ мѣстъ, а въ концѣ года оно должно, во-чтобы ни стало, изгнать невѣрныхъ изъ предѣловъ Европы *). Присяга эта, за подписью короля, Гуиади и множества магнатовъ, была сообщена адмиралу папскаго флота, императору Византіи и западнымъ государямъ, находившимся въ союзѣ съ Венгріей. Извѣстіе было принято съ особенной радостію и надежда на скорое освобожденіе юго-востока Европы отъ новыхъ пришельцевъ, страшныхъ своимъ завоеваніями, вызвала одно изъ восторженнѣйшихъ посланій у Евгенія IV, какія когда либо выходили изъ папской канцеляріи **).

Къ несчастію, вопросъ объ изгнаніи Турокъ изъ Европы въ эпоху перваго ихъ появленія на нашемъ материкѣ, находился въ томъ же положеніи, въ какомъ находится онъ и въ настоящее время. Вопросъ этотъ былъ скорѣе *ria desideria* восторженныхъ умовъ, нежели основательная политическая идея въ значеніи чисто государственномъ. Главное, на что слѣдовало обратить преимущественно вниманіе, это было значеніе, какое долженствовали принять области, занятыя Турками, въ случаѣ если бы изгнаніе ихъ изъ Европы могло осуществиться. Изъ современныхъ извѣстій не видно, чтобы мысль эта пришла кому либо въ голову, а если-бы и пришла, то едва-ли европейскіе государи того времени могли согласовать свои обоюдные интересы въ этомъ восточномъ вопросѣ XV вѣка, какъ не могутъ согласить ихъ и въ настоящее время. Въ случаѣ успѣха, слѣдовало ли присоединить освобожденные области къ Венгріи, какъ державѣ болѣе всѣхъ ратовавшей за освобожденіе юго-востока? Мы видѣли, что Болгарія, наиримѣръ, была обѣщана Яну Гуиади, но это было, такъ сказать, домашнее условіе, уступка изъ-подъ помы, и если-бы она осуществилась, что бы сказалъ на это императоръ Фридрихъ III, который ни одной пяди земли не уступалъ Венгріи, и по этой-то причинѣ не принималъ ни малѣйшаго участія въ войнахъ съ Турками? Возстановить Византійскую Имперію въ древнихъ ея пре-

*) Форма присяги со всѣми подписями находится у Катоны, 325—330.

**) Замѣчательно по этому случаю письмо папы къ албанцу Арианту (Арваниту) въ октябрѣ 1444, помѣщенное у *Raynaldi*, p. 130.

дѣлахъ и въ томъ смыслѣ, въ какомъ мечталъ видѣть ее Іоаннъ Палеологъ, не было никакой возможности, да и никто объ этомъ и не думалъ. Можно было еще помирить эти запутанныя обстоятельства и уступить земли, находившіяся во власти Турокъ, князю Албаніи, образовавъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ скалистымъ Эпиромъ, отдѣльное княжество. Дѣйствительно, Скандербегъ и Гуниади представляли въ себѣ достаточный запасъ того государственнаго такта, который могъ бы еще возродить Балканскій полуостровъ, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ. Вся жизнь ихъ доказываетъ, что только они одни изъ всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей могли вывести славяно-албанскую народность на путь гражданскаго развитія, если-бы несчастное пораженіе подъ Варной не измѣнило вполне судьбу этихъ народовъ. Однимъ словомъ, изгнаніе Турокъ, при обстановкѣ тѣхъ обстоятельствъ, какія мы видимъ въ эпоху варнскаго погрома, было чистою химерой, несбыточной мечтой; а слѣпая увѣренность въ возможность этого исполненія, происходила скорѣе отъ очевидной опасности видѣть во власти этихъ завоевателей верхній Дунай, куда они неоднократно стремились, чѣмъ отъ яснаго сознанія своихъ собственныхъ силъ. Развязка эта быстро приходила къ концу.

С. ПАДАУЗОВЪ.

ТРУДЪ И КАПИТАЛЪ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА XVIII,

изъ которой видно, что истинная любовь очищаетъ сердце.

Любовь Фанни къ Мейеру, какъ и всякая истинная женская любовь, питалась пожертвованіями и уединеніемъ, въ которомъ жила молодая женщина.

Фрейлейнъ Таузендъ пріискала въ отдаленной части города недорогую квартиру, въ которую Фанни скоро и переѣхала. Жизнь этихъ двухъ женщинъ стала болѣе, чѣмъ скромной: срокъ, на который Фанни заключила съ дирекціею контрактъ, кончился, и дирекція, изъ опасенія лишиться любимицы публики, предложила ей еще выгоднѣйшія противъ прежняго условія; не смотря на то, Фанни рѣшилась отказывать себѣ во всякой роскоши, имѣя въ виду — скопить сумму, необходимую для осуществленія мейерова изобрѣтенія. Она занималась почти только тѣмъ, что напоминало ей любимаго человѣка, его цѣли, стремленія и намѣренія. Она стала читать серьезныя книги, которыя знакомили ее съ настоящимъ положеніемъ общества и его будущими надеждами. Она писала родъ дневника въ формѣ писемъ, въ которыхъ передавала свои впечатлѣнія. Она часто говорила въ немъ о Мейерѣ и своей любви къ нему, или сидѣла въ садикѣ, мечтая о любимомъ человѣкѣ. Только теперь она стала находить предель въ балзамическомъ запахѣ и радужныхъ краскахъ цвѣтовъ, въ серебряномъ блескѣ луны, шумѣ ручья, таинственномъ говорѣ лѣсной

чащи, глубинѣ лазуреваго неба. Только теперь природа получила для Фанни смыслъ, котораго доселѣ она и не предполагала въ ней.

Такая жизнь освѣжила существованіе Фанни, открыла ей новый міръ идей и чувствъ, которыя она прежде только предчувствовала, но не испытала. На сердцѣ ея было легче и свѣтлѣй; обращая взоръ на свое прошлое, она жалѣла, что мелкія страсти, тупая, чувственная сфера людей и чисто матеріальныя наслажденія, унесли у нея такъ много дней, и лучшихъ дней ея жизни. Она удивлялась, какъ еще нравственное чувство ея не заглохло подъ вліяніемъ этой пошлой прозы. Но, не надо забывать, что Фанни была очень молода, съ открытой и воспріимчивой натурой, и наконецъ, Нѣмка.

Нѣмцы и нѣмки, какъ извѣстно, имѣютъ способность мирить въ своей жизни самую рутинную прозу съ самой восторженной поэзіей. Посмотрите на германскаго бурша въ двѣ различныя минуты его жизни: вамъ непремѣнно покажется, что это — два существа, едина похожіе другъ на друга. Вы съ трудомъ повѣрите, чтобъ сегодншній энтузіастъ науки, мечтатель и поборникъ нравственнаго совершенства въ мірѣ — былъ тотъ самый, который, спустя нѣсколько дней, валяется пьяный въ пивной лавкѣ, или дерется съ педелемъ, влекущимъ его въ карцеръ за буйство въ домѣ подозрительной наружности. Или взгляните на эту розовую нѣмочку, влюбленную въ хорошенькаго ротмистра съ бѣлокурыми, шелковистыми усами... Не пройдетъ мѣсяца, какъ она, съ полной покорностью, выйдетъ замужъ за пожилаго совѣтника, и добросовѣстно будетъ исполнять обязанности супруги, хозяйки дома и матери; среди кострюль, горшковъ, дѣтскихъ пеленокъ, перебранокъ съ кухарками, няньками, а иногда и съ мужемъ, она попрежнему будетъ по вечерамъ заспживаться передъ мерцающей луной, заслушиваться соловья, и мечтать о хорошенькомъ ротмистрѣ съ шелковистыми, бѣлокурыми усами.

Но если національный характеръ, въ нѣкоторой степени, объясняетъ такую живучесть чувства и воображенія Фанни, то къ этому еще надо прибавить, что наша героиня обладала темпераментомъ страстнымъ и въ высшей степени подвижнымъ; разсудокъ у нея занималъ второстепенное мѣсто, и она, большею частью, дѣйствовала наитіемъ фантазіи или чувства. Отсюда всѣ ея недостатки; но въ этой же непосредственности натуры заключалась и возможность той нравственной метаморфозы,

которую произвела въ ней первая истинная привязанность. Фанни принадлежала къ разряду тѣхъ людей, которыхъ въ обществѣ обыкновенно называютъ безхарактерными, потому что воля у нихъ слаба въ мелочной борьбѣ съ дрязгами обыденной жизни. За то, въ исключительныя минуты, когда истинное чувство пробуждается, они становятся выше и сильнѣе такъ называемыхъ твердыхъ характеровъ.

Итакъ, Фанни жила совершенной затворницей и даже не хотѣла знать о томъ, что дѣлалось въ свѣтѣ. Только о Мейерфѣ она стала постоянно получать подробныя свѣдѣнія, съ большею точностью доставляемыя ей старушкой Урсуюю.

Но какъ Фанни ни старалась избѣгать развлеченій, едва вѣсть о ея разрывѣ съ Науманомъ разнеслась въ рядахъ богатой молодежи, какъ ея ложу въ театрѣ стали осаждаютъ богатые поклонники. Между ними, какъ богатствомъ, такъ и эксцентричностью своего ухаживанія, отличался лордъ Пайнъ, тотъ самый Англичанинъ, который въ театрѣ такъ равнодушно отвѣчалъ односложнымъ: «гмъ!» на слова толстаго франта, указавшаго ему на Наумана, какъ на исключительнаго обладателя Фанни.

Милордъ былъ человекъ лѣтъ тридцати пяти, съ довольно-миловидной, на-чисто выбритой физиономіей, высокаго роста, прямой и неповоротливый какъ шесть; самолюбивый и гордый, какъ истинный Англичанинъ, онъ, боясь отказа, до тѣхъ поръ не вступалъ въ ряды вздыхателей, тѣсвившихся вокругъ прекрасной танцовщицы, пока не увидѣлъ, что мѣсто любовника при ней вакантно. Тогда, пользуясь междуцарствіемъ, онъ, на всѣхъ парусахъ, поплылъ къ своей цѣли, раздвигая и обгоняя всѣ мелкія суда своихъ соперниковъ.

Уже по Берлину носились слухи о двухъ серьезныхъ дуэляхъ лорда съ другими претендентами. Поговаривали, что онъ подкупилъ всю театральную прислугу, платилъ баснословныя деньги горничной Фанни, Эмилии, самъ по нѣсколько разъ въ день переедѣвался, чтобы удобнѣе слѣдить за каждымъ шагомъ танцовщицы, наконецъ, послѣ всѣхъ напрасныхъ попытокъ сближенія, просилъ директора театра отказать ей, обѣщаясь выписать на свой счетъ другую, знаменитую въ то время, танцовщицу парижской сцены.

Въ какой мѣрѣ всѣ эти слухи были справедливы, трудно рѣшить, но въ томъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что Фанни стоило огромнаго труда отдѣлаться отъ преслѣдованій скучавша-

го Джонъ-Буля, не хотѣвшаго понять равнодушія ея къ звону золота и къ чести, которую онъ дѣлалъ ей своимъ предложеніемъ. Неудача только болѣе раздражала желаніе лорда, подстрекая самолюбіе его и разжигая любовь. Милордъ посылалъ Фанни дорогіе подарки, которые она возвращала съ тѣмъ же посланнымъ. Склонивъ на свою сторону директора и режиссера театра, онъ, въ отсутствіе Фанни, великолѣпно разукрасилъ уборную ея; но танцовщица не на шутку обидѣлась тайной продѣлкой лорда и немедленно приказала уничтожить всѣ украшенія. Борьба за независимость въ выборѣ предмета любви дорого стоила здоровью Фанни; она постоянно раздражалась, видя въ поступкахъ лорда наказаніе за свою прежнюю безнравственную жизнь, подававшую поводъ подумать, что она продаетъ свою привязанность за горсть золота. Но, принявъ твердое намѣреніе разубѣдить, въ этомъ отношеніи, мужчинъ, Фанни скрывала свои страданія подъ видомъ наружно-холодной и спокойной души.

Наконецъ Пайнъ рѣшился испытать послѣднее средство, пригласивъ Фанни на вечеръ, который своимъ великолѣпіемъ затмилъ бы все, что можетъ представить себѣ самая роскошная фантазія. Надежда лорда на то, что Фанни, не смотря на неоднократные отказы быть на вечерахъ его, на этотъ разъ приметъ приглашеніе, основана была на томъ, что пригласительный билетъ былъ посланъ къ танцовщицѣ черезъ канцелярію министра королевскаго двора. Министръ, другъ лорда, велѣлъ посланному чиновнику объявить ей свое желаніе—лично познакомиться съ берлинской красавицей.

Отказаться — значило навлечь на себя, если не явное гоненіе сильнаго человѣка, по-крайней-мѣрѣ, тайное неудовольствіе его, — обстоятельство, вовсе немаловажное, потому что оклады и награды актеровъ королевскихъ театровъ зависѣли отъ него. Фанни согласилась ѣхать, разсудивъ, что лордъ вовсе не обрадуется ея присутствію, потому что она не обязана была знать, что вечеръ дается именно для нея.

Фрейлейнъ Таузендъ была въ восторгѣ, что Фанни рѣшилась оставить свое уединеніе и снова показаться въ свѣтѣ. Вечеръ былъ назначенъ костюмированный, и старая дѣва должна была сопровождать Фанни.

Приготовленіе туалета поглотило все вниманіе Таузендъ; она сама пересмотрѣла до послѣдней ленточки все, желая какъ можно лучше одѣть свою капризницу! Сама Готзегенъ ни во-что не

вмѣшивалась, и все время, до самаго отъѣзда, спокойно провела въ своей комнатѣ.

Когда наступилъ вечеръ бала, Фанни успѣшно одѣлась, даже не посмотрѣвъ на принесенный ей нарядъ, и потомъ послала за экипажемъ. Фрейлейнъ Таузендъ только еще начала приближать и притирать себя, какъ Фанни вошла къ ней въ домино, позумаскѣ и перчаткахъ.

— Какъ? вы ужъ готовы? воскликнула старушка.

— Да! отвѣчала Фанни: но не торопитесь, мейнъ фрейленъ! вы еще приѣдете во время...

— Да развѣ мы не вмѣстѣ ѣдемъ? съ удивленіемъ спросила старая дѣва.

— Нѣтъ! вы ѣдете въ моей каретѣ и берете съ собой Августа, а я ѣду въ наемномъ экипажѣ...

— Какъ, Фанни? Ночью? одни!.. Неужели вы не бонтесь?..

— Со мной поѣдетъ Эмилія, которую извозчикъ тотъ-часъ же привезетъ назадъ домой... А возвратимся мы вмѣстѣ съ вами въ моемъ экипажѣ...

— Но какъ же я найду васъ тамъ? Вы знаете, какъ я близорука...

— Я отыщу васъ, когда захочу уѣхать... Если же я не пойду къ вамъ до часу, то приѣзжайте домой одни!.. Прощайте, мейнъ фрейлейнъ!..

— Но что это за фантазія, милая Фанни?

— Я такъ хочу!

И тоннувъ ножкой, молодая женщина убѣжала, оставивъ фрейлейнъ Таузендъ, въ размысленіи о томъ, что за причина этой непонятной прихоти.

Глава XIV,

которая доказываетъ, что одна женщина почти всегда способна перехитрить двухъ мужчинъ.

Балъ-маскерадъ, данный лордомъ Пайномъ, превосходилъ великолѣпіемъ все, что въ этомъ родѣ когда-либо видалъ Берлинъ. Вся модная аристократическая молодежь, нѣсколько высшихъ сановниковъ, всегда готовыхъ отложить государственное бремя ради свѣтской потѣхи, нѣсколько первостепенныхъ львицъ были лично приглашены лордомъ. Приглашительные билеты были разосланы всѣмъ актрисамъ, отличавшимся или красотой, или та-

лаптомъ, или случайно пріобрѣтенной извѣстностью; подъ ихъ покровительствомъ проникли на балъ, и нѣсколько любовницъ богатыхъ и знатныхъ *roués*. Кромѣ того, на немъ было много артистовъ, писателей, даже нѣсколько богатыхъ купцовъ и офицеровъ, понавишхъ въ аристократическую залу съ задняго подъѣзда.

Большая часть мужчинъ были во фракахъ. Напротивъ женщины всѣ были въ маскаxъ: одиѣ въ костюмахъ, другія въ домино.

Лордъ Пайнъ занималъ, въ самой лучшей части города прекрасный отель, къ которому принадлежалъ обширный садъ съ тѣнистыми аллеями, большимъ прудомъ, цвѣтникомъ и оранжереями. Великолѣпная, хотя нѣсколько старомодная мебель, видимо, принадлежала владѣльцу отеля.

Въ вечеръ бала, длинная анфилада комнатъ своимъ освѣщеніемъ могла пристыдить иной солнечный день. Сторона отеля, обращенная къ саду, и самый садъ, были иллюминированы тысячами разноцвѣтныхъ огней. Двери и окна въ садъ были отворены настежь.

Теплая, безлунная ночь, вверху, надъ деревьями сада, и яркое освѣщеніе внизу, составляли дивный контрастъ. И посреди этой волшебной обстановки, въ этомъ морѣ свѣта, въ этой ночи, обращенной въ тропическій день, два оркестра, изъ которыхъ одинъ былъ помѣщенъ въ танцевальномъ залѣ, а другой скрытъ въ отдаленной аллеѣ сада, попеременно настраивали чувство гостей то пѣжно-печальной симфоніей, то сладострастнымъ танцемъ, то воинственнымъ маршемъ, то веселымъ музыкальнымъ *tour de force*.

И довольные гести, въ самыхъ разнообразныхъ, разноцвѣтныхъ и разноцѣнныхъ костюмахъ, ходили, говорили, танцовали, смѣялись, пищали, бѣгали, шаркали и веселились — каждый по своему.

Хозяинъ дома, всегда важный, безстрастный и холодный, лордъ Пайнъ, противъ своего обыкновенія, въ этотъ вечеръ былъ, вмѣстѣ и какъ-то особенно веселъ, и чрезвычайно озабоченъ. Онъ, какъ маятникъ, ходилъ по заламъ, то одинъ, то съ масками, то съ немаскированными мужчинами, то важно улыбаясь, то заглядывая подъ маски, то упорно преслѣдуя какое нибудь домино, то отдавая шопотомъ приказанія метръ-д'отелю и лакеямъ.

Почти каждая маска, проходя мимо лорда, не упускала случая обратить на себя его вниманіе: одна грозилъ ему пальчикомъ, одѣтымъ въ бѣлую перчатку, другая благодарила за чудо — балъ, третья ласково выговаривала за то, что рѣдко ѣздитъ въ оперу, въ драму или водевиль, та скромно приглашала къ себѣ на раутъ, а другая просила приказать подать себѣ мороженого. Лордъ совершенно выдержалъ роль хозяина п, не смотря на видимое безпокойство, былъ любезенъ и даже сквозь зубы смѣялся надъ остротами своихъ гостей, что было верхомъ услія для гордаго Британца.

Въ десятый разъ, по крайній мѣрѣ, обходя все залы, лордъ Пайнъ въ приемной комнатѣ встрѣтилъ высокаго старика въ черномъ фракѣ, на которомъ сіяла усыпанная алмазами звѣзда. Онъ сколько не теряя своей важности, лордъ Пайнъ едва замѣтно кивнулъ головой и, протягивая руку, чуть слышно пробормоталъ министру королевскаго двора обычную фразу привѣтствія.

Министръ, пожавъ протянутую руку лорда, прилично отвѣтилъ, и потомъ, поправляя передъ зеркаломъ свой юношескій парикъ, прибавилъ тономъ двадцатилѣтняго корнета.

— А что наша Терпсихора, любезный лордъ? Надѣюсь, пріѣхала?

— Я вездѣ плу ее... отвѣчалъ лордъ Пайнъ, дѣлая кислую гримасу, но стараясь скрыть свою досаду подъ видомъ равнодушія: быть не можетъ, чтобъ она скрывалась отъ меня, если-бъ была здѣсь... Но и экипажа ея еще не видѣли мои люди...

— Странно! проворчалъ министръ съ недовольнымъ видомъ: неужели она осмѣлится ослушаться, когда я желаю видѣть ее на балѣ... Эти театральныя королевы слишкомъ избалованы. Но, я надѣюсь, любезный лордъ, вы увѣрены, что съ моей стороны было сдѣлано все по вашему желанію...

Въ эту минуту, подбѣжавшій къ хозяину метръ д'отель отвелъ его въ сторону и таинственно прошепталъ ему что-то на ухо. Выслушавъ его, лордъ Пайнъ слегка покраснѣлъ и снова подошелъ къ министру, который все еще разсматривалъ себя въ зеркало.

— Извините, меня отвлекли! сказалъ лордъ: ваша воля исполнена безусловно. Фанни пріѣхала и, вѣроятно, въ настоящую минуту, поправляетъ въ уборной своей туалетъ. Искренно благодарю васъ за вниманіе.

— Помните! отвѣчалъ министръ тономъ молодечества: стоитъ ли благодарить за такія дружескія услуги... Сегодня я, зав-

тра вы, вѣроятно, также не откажетесь сдѣлать для меня что нибудь пріятное.

— Конечно! конечно! перебилъ лордъ: но извините-ли меня, если я оставлю васъ, чтобъ встрѣтить Фанни... Не угодно-ли вамъ войти въ танцовальный залъ...

— Ужъ и ревнуетъ! смѣясь воскликнулъ министръ и, повернувшись, былъ подхваченъ подъ руку проходившей мимо него маской, которая для этого, повидимому, и подошла къ нему изъ толпы, наполнившей пріемный залъ. Маска была въ простомъ черномъ домино.

— Пойдемъ отсюда! сказала она старику, который едва успѣвалъ слѣдовать за ней: здѣсь душно!

— Но ты бѣгаешь, какъ бѣсенокъ! задыхаясь отъ скорой ходьбы, пробормоталъ министръ королевскаго двора, пробираясь въ другую, а потомъ въ третью комнату. Куда же ты такъ спѣшишь? сказалъ онъ громко: не лучше-ли присѣсть и, подъ звуки музыки, поговорить, прекрасная маска?...

— Пожалуй! Теперь я внѣ опасности... отвѣчала маска, подходя къ уединенному дивану и усаживаясь на немъ.

— Какой опасности? воскликнулъ министръ тономъ комическаго испуга, также опускаясь на диванъ: что за опасность можетъ угрожать тебѣ, прекрасная изъ прекраснѣйшихъ масокъ? Ужъ не замысль-ли злаго чародѣя, который прельстился твоей красотой и хочетъ запереть тебя въ свой неприступный замокъ, чтобъ одному наслаждаться твоимъ очаровательнымъ обществомъ?.. Но если такъ, — то... повѣрь!.. эта рука еще умѣетъ владѣть шпагой!..

Министръ не договорилъ, почувствовавъ, что уже слишкомъ увлекся своею юношеской шуткой.

— Вы и угадали, и нѣтъ! произнесла маска, пользуясь наступившимъ молчаніемъ: чародѣй мой, хоть и не золь, но могучъ, потому что успѣлъ выхлопотать содѣйствіе министра королевскаго двора, съ помощью его стараясь завлечь меня въ свои сѣти...

— Какъ? воскликнулъ старикъ въ крайнемъ удивленіи и замѣшательствѣ: неужели вы?..

— Я Фанни Готзегенъ, къ услугамъ вашего превосходительства!..

— Да какъ же вы... въ то самое время, когда хозяинъ, предупрежденный о вашемъ приѣздѣ, пошелъ встрѣчать васъ, очутились въ залѣ?

— Очень просто! Я предвидѣла, что лордъ Пайнъ пойдетъ встрѣчать меня, и, не желая слушать его любезности, пріѣхала въ наемной каретѣ, предоставивъ мой экипажъ компаньонкѣ, старой фрейлейнъ, съ которою, въ настоящую минуту, лордъ вѣроятно любезничаетъ, принимая ее за меня...

— Проказница! воскликнулъ со смѣхомъ собесѣдникъ Фанни: но почему же вы такъ упорно отвергаете любезности лорда, который единственно для васъ устроилъ этотъ великолѣпный балъ?..

— Почему? повторила Фанни, тономъ оскорбленнаго женскаго достоинства: — потому что я нисколько не думаю считать себя виновницей этого бала, на который пріѣхала только изъ послушанія вашей волѣ; — потому что любезности лорда оскорбляютъ во мнѣ женщину и гражданку, которая пользуется защитой законовъ и вольна располагать собой... Я, изъ вѣрнаго источника знаю, что лордъ Пайнъ намѣренъ былъ воспользоваться сегодняшнимъ баломъ, чтобъ, волей или неволей, увезти меня въ приготовленный имъ загородный домъ... Неужели, ваше превосходительство, захотите и въ этомъ содѣйствовать наглому искателю приключеній?..

— Какъ? что такое? воскликнулъ министръ, крайне озадаченный оборотомъ разговора: съ чего вы взяли, что я... буду содѣйствовать насильственному похищенію?.. Вспомните... мои гѣта... мой чинъ... званіе... помилуйте!.. какъ вы могли подумывать это?..

— А между тѣмъ, возразила Фанни, не вы ли сами подаете поводъ думать такъ? Вы были причиной моего пріѣзда сюда. Билетъ мой лежитъ на столикѣ въ моемъ будуарѣ. На немъ рукой вашего превосходительства, которую знаетъ весь дворъ, написано: *Votre présence à ce bal me fera infiniment de plaisir, belle Fanny!* и моя компаньонка и горничная знаютъ, что только эта записка и побудила меня пріѣхать сюда... Посудите сами — къ какому заключенію поведетъ насиліе Пайна...

— Это ужасно! воскликнулъ министръ, совершенно растерявшись: этотъ проклятый долгоногій Джонъ-Буль поплатится мнѣ за свою наглость!.. Какъ?.. меня заставить играть смѣшную роль участника въ похищеніи!.. меня, котораго король такъ уважаетъ... меня, у котораго двѣ замужнія дочери и женатый сынъ... Клянусь вамъ, моя мпая, я ничего не зналъ объ этой ловушкѣ... Въ противномъ случаѣ, я... Боже мой! но что же тутъ дѣлать? какъ исправить ошибку? ужъ не позвать ли полицію?

— Ради Бога, воскликнула Фанни, не дѣлайте этого! Все дѣло можно поправить гораздо проще...

— Но какъ же? скажите... Приказывайте... Я весь въ вашемъ распоряженіи...

— Стоить только избѣжать лорда, который, вонъ, идетъ мимо пріемной... Пойдемте! прислуга не осмѣлится остановить меня, когда я выйду вмѣстѣ съ вами, еслибъ даже она и узнала меня... Вы довезете меня въ своей каретѣ до дому и потомъ возвратитесь сюда, или поѣдете домой, какъ вамъ будетъ угодно. Пойдемте!.. Фанни подхватила подъ руку своего собесѣдника и потащила его изъ зала, смѣясь подъ маской своей хитрости. Все сдѣлалось, какъ говорила Фанни, и черезъ часъ она уже сидѣла въ своемъ будуарѣ въ ночномъ костюмѣ и улыбалась, припомняя влюбленныя рѣчи, произнесенныя старикомъ въ каретѣ. А между тѣмъ, Фрейлейнъ Таузендъ, пріѣхавшая на балъ, согласно желанію Фанни, въ ея каретѣ, вступивъ въ пріемный залъ, была встрѣчена хозяиномъ со всей любезностью, которую онъ думалъ выставить передъ самой Фанни. Старушка, совершенно не понимая тайной причины такого пріема, была озадачена этимъ потокомъ отборныхъ фразъ, которыми привѣтствовалъ ее лордъ Пайнтъ; названія «прекрасная», «обворожительная», «несравненная», которыхъ она не слыхала во всю свою жизнь, приняла за явную, наглую насмѣшку и возразила тономъ сознанія собственнаго достоинства.

— Напрасно вы, милордъ, приглашаете гостей, если имѣли намѣреніе своими насмѣшками, съ перваго шага, прогнать ихъ... Гораздо лучше бы вы сдѣлали, оставивъ ихъ въ покоѣ дома!..

Услышавъ голосъ старой дѣвы, лордъ Пайнтъ понялъ свою ошибку и снѣшилъ извиниться въ недоразумѣніи, происшедшемъ отъ оплошности прислуги.

— Вѣроятно, вы ожидали встрѣтить мамзель Готзегенъ? сказала Фрейлейнъ Таузендъ, совершенно разубѣжденная словами лорда и удивленіемъ, выразившимся на его лицѣ.

— Сказать по правдѣ, вы угадали... отвѣчалъ хозяинъ: — но кстати, гдѣ же прелестная мамзель Готзегенъ, для которой, *soit dit entre nous*, я даю этотъ балъ?..

— Она давно должна быть здѣсь, милордъ, потому что проказница уѣхала изъ дому въ наемной каретѣ, за добрые полчаса до меня....

— Какъ? Она здѣсь, а я еще не знаю этого?..

— Мудрено вамъ узнать ее въ этой толпѣ....

— Но я приказалъ, чтобъ какъ только ея экипажъ подъѣдетъ къ крыльцу....

— Повторяю вамъ, что она поѣхала въ наемной каретѣ. Прислуга не могла угадать ея подъ маской....

— Такъ она здѣсь? Но какъ отыскать ея? Вы вѣрно узнаете мамзель Готтегенъ по какому нибудь условному знаку.... Я желалъ бы только сказать ей два слова.... Неоткажите мнѣ въ этомъ одоженіи, которое я буду помнить всю жизнь.

Лордъ Пайнъ подалъ старушкѣ руку и пошелъ съ ней по заламъ.

Долго бродили они изъ комнаты въ комнату, и только однажды, издали, фрейлейнъ Таузендъ узнала Фанни и уже хотѣла указать на нее своему спутнику, какъ вдругъ была остановлена отрицательнымъ знакомъ головы молодой женщины. Къ счастью, лордъ, въ эту минуту, смотрѣлъ въ другую сторону и не замѣтилъ движенія старой дѣвы. Наконецъ усталость заставила фрейлейнъ Таузендъ просить у лорда позволенія сѣсть. Лордъ остановился передъ ней и сказалъ съ огорченіемъ:

— Такъ мы и не встрѣтили ея? Возможно ли это? Мы обошли всѣ углы дома и весь садъ.... Куда же она могла дѣваться?....

— Успокойтесь, милордъ! отвѣчала фрейлейнъ Таузендъ, не зная о намѣреніи Фанни избѣгнуть встрѣчи съ хозяиномъ дома, и думавшая, что она, согласно своему обѣщанію, придетъ сама къ ней: — Фанни здѣсь.... Я сама видѣла ее разговаривающей съ министромъ королевскаго двора....

— Но почему-жъ вы не сказали мнѣ этого?

— Потому, что она подала мнѣ знакъ, изъ котораго я поняла, что она не желаетъ нарушить бесѣду съ сановникомъ.

Лордъ Пайнъ пробормоталъ сквозь зубы какое-то энергическое проклятіе и послалъ къ чорту всѣхъ берлинскихъ сановниковъ.

— Давно ли это было, сударыня?

— Всего съ четверть часа тому назадъ.... флегматически отвѣчала фрейлейнъ Таузендъ.

— Но съ тѣхъ поръ она могла десять разъ уѣхать. Не такъ ли?....

Лордъ Пайнъ съ досады разорвалъ лайковую перчатку, которую снялъ, чтобъ поправить рукой волосы.

— Повторю вамъ: она здѣсь... сказала фрейлейнъ Таузендъ, стараясь успокоить своего собесѣдника, къ которому уже начинала питать сожалѣніе: Фанни обѣщала найдти меня здѣсь,

чтобъ вмѣстѣ возвратиться домой. Вы непременно увидите ее, если не уйдете отсюда далеко.

Эти слова, сказанныя тономъ внутренняго убѣжденія, дѣйствительно нѣсколько успокоили лорда, который рѣшился не упускать старой фрейлейнъ изъ виду. Но когда, послѣ двухъ часоваго ожиданія, сама фрейлейнъ Таузендъ объявила, что Фанни, по всѣмъ вѣроятіямъ, уѣхала, лордъ Пайнъ разсвирѣпѣлъ, и даже не сумѣлъ скрыть своего негодованія. Не зная, на комъ ему вымѣстить свою злобу, онъ приказалъ гасить свѣчи и музыкантамъ убираться спать.

Узнавъ объ этомъ неожиданномъ приказаніи, испуганные гости бросились бѣжать изъ дому, при чемъ, конечно, не одинъ изъ нихъ поклялся отмстить за грубость Британца, не одна хо-рошенькая львица пригрозила дать ему почувствовать свои изящно-розовые когти.

Глава XX,

говорить о томъ, что твердость дружескихъ узъ иногда зависитъ отъ ничтожныхъ случайностей.

На другой день послѣ представленія Дѣвы Дуная, на которомъ Науманъ былъ вмѣстѣ съ Мейеромъ, первый, подъ влияніемъ ложно-пстолкованныхъ въ свою пользу взглядовъ Фанни, написалъ ей письмо. Въ этомъ посланіи, Вальтеръ ни однимъ словомъ не упоминалъ о данной ему отставкѣ, а только въ восторженныхъ фразахъ выражалъ свою любовь, свое сожалѣніе о томъ, что она не была у него уже болѣе сутокъ, и просилъ позволенія пріѣхать за ней и увезти ее на цѣлый день къ себѣ.

Отправивъ письмо, и не сомнѣваясь въ счастливомъ результатѣ его, Науманъ, съ самодовольнымъ видомъ, потирая руки, сѣлъ за утренній кофе, за которымъ сѣлъ несмѣтное количество бисквитовъ; потомъ онъ занялся своимъ туалетомъ, обративъ на него особенное вниманіе, чтобъ подѣйствовать на Фанни пріятнымъ впечатлѣніемъ наружности.

Часу въ первомъ, въ ту минуту, когда Науманъ былъ глубокомысленно занятъ чисткой ногтей, камердппнеръ принесъ ему на серебрянномъ подносѣ два письма, изъ которыхъ въ одномъ Вальтеръ съ ужасомъ узналъ свое собственное, нераспечатанное посланіе.

Онъ съ жадностью схватилъ другое письмо.... Рука, написавшая адресъ, была ему хорошо знакома.

Науманъ сорвалъ облатку и, пробѣжавъ записку, блѣдный, откинулся на спинку кресла.... Фаяни писала:

«Что съ вами, господинъ Науманъ? Неужели мое первое письмо могло вызвать васъ на второе и, можетъ быть, на третье объясненіе съ вашей стороны. Позвольте увѣрить васъ, что всѣ записки, которыми вы будете осаждать меня, останутся непрочитанными. На этотъ разъ, я никому не скажу о вашей попыткѣ новаго сближенія, но если вы не оставите меня въ покоѣ, то принудите поднять васъ на зубы въ закулисномъ мірѣ. Прощайте навсегда, и не помпайте лхонтъ.

Фаяни.

Въ первую минуту по прочтеніи письма, котораго серьезный и спокойный тонъ доказывалъ непоколебимую рѣшимость дѣвушки, Науманъ ощутилъ жгучую боль въ сердцѣ. Теперь Фаяни, во всей ея прелести, явилась его воображенію, и невозвратность потерн еще сильнѣй огорчила его. Науманъ закрылъ лицо, и въ первый разъ въ жизни зарыдалъ отчаянно.

Слезы облегчили его грудь, но сердце продолжало ныть... Въ первый день Науманъ нигдѣ не находилъ покоя и, непривычный къ тревогамъ нравственнаго міра, боясь, что этому страданію не будетъ конца, пожелалъ смерти.

Кто могъ бы подумать, что Науманъ такъ равнодушенъ къ жизни? Но таковы слабые характеры, не закаленные въ тяжелыхъ опытахъ житейской школы. При первомъ горѣ, — они теряютъ вѣру въ свои силы и отдаются первому порыву чувства. За то — чаще всего, самое безсиліе спасаетъ ихъ отъ рѣшительныхъ мѣръ въ критическіе моменты. Первая минута усталости, всегда наступающая послѣ сильныхъ нравственныхъ потрясеній, снова даетъ просторъ ихъ мелкому эгоизму, который, мало по малу, вытѣсняетъ изъ души скорбь и ставитъ на ея мѣсто уязвленное самолюбіе.

Ночь Науманъ проспалъ дурно и на другой день — надобно сказать къ его чести — еще думалъ о самоубійствѣ. Но увы! уже къ этой мысли примѣшивалось желаніе, чтобъ добровольная смерть его стала извѣстна Фаяни и пріятелямъ, отъ которыхъ не могъ остаться тайною разрывъ его съ танцовщицей. Наконецъ и этого было мало для нашего героя. Онъ пожелалъ, чтобъ вся бaletная публика была свидѣтелемъ его героизма, и потому

рѣшилъ застрѣлиться въ театрѣ, во время представленія, въ которомъ будетъ участвовать Фанни.

Остановившись на этомъ замыслѣ, Науманъ вечеромъ легъ въ постель, и, не проснувшись ни разу, проспалъ до другаго утра.

Здоровый сонъ укрѣпилъ его упавшій духъ: Науманъ снова почувствовалъ, что жизнь слишкомъ хороша, для того, чтобъ при первой неудачѣ, бросать ее, и потому рѣшился жить. Съ тѣмъ вмѣстѣ сильнѣе заговорило въ немъ самолюбіе, оскорбленное равнодушіемъ Фанни, которую Науманъ не могъ же такъ скоро разлюбить, и, подъ вліяніемъ этого новаго настроенія, Вальтеръ положилъ убить свою прежнюю любовницу.

Но, между тѣмъ, какъ время закрывало одну рану за другою въ душѣ Наумана, разсудокъ шепнулъ, что за убійство, даже совершенное въ припадкѣ любовнаго отчаянія, его ожидаетъ жестокая казнь.

Но не отмстить — было не въ характерѣ Наумана; а потому онъ и рѣшилъ собрать противъ Фанни партію, подкрѣпить наимышными клакерами и стараться подорвать ея сценическую репутацію.

Однако и для мести у Наумана не доставало послѣдовательности и выдержки, тѣмъ болѣе, когда при первой же попыткѣ овладѣть Фанни, онъ замѣтилъ, что борьба съ поклонниками ея таланта окончится вовсе не въ его пользу. А потому, оставивъ всѣ дальнѣйшія преслѣдованія, Вальтеръ, черезъ двѣ недѣли, старался найти утѣшеніе въ новой связи съ хорошенькой водевильной актрисой, которой и подарилъ всѣ венцы, возвращенныя ему коварной Фанни.

И снова жизнь Наумана покатила по прежнему руслу. Снова стали въ чадѣ мелькать мимо него дни и недѣли, беззаботныя, веселыя и шумныя.

Однажды.... это было вскорѣ послѣ бала, даннаго лордомъ Найпомъ, весь Берлинъ былъ занятъ великолѣпіемъ этого бала, эксцентрическимъ заключеніемъ его и немедленнымъ отъѣздомъ лорда изъ Берлина въ ту же ночь. Всюду въ обществѣ слышались догадки, предположенія, угрозы обиженныхъ дерзостью хозяина, намеки на долги, побудившіе его бѣжать изъ Берлина, и другіе разговоры и слухи, которые еще не успѣли устарѣть и поступить въ архивъ; въ это время Науманъ угощалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ пріятелей у своей новой любовницы, водевильной актрисы.

Между прочими здѣсь были уже извѣстные намъ студентъ, баронъ Штауницъ, съ которымъ Науманъ коротко сошелся въ послѣднее время, завитый юноша, похожій на сына богатаго купца и толстый пивоваръ. Остальные посѣтители принадлежали отчасти къ богатой буржуазіи, отчасти къ промотавшимся дворянамъ; затѣмъ было еще нѣсколько товарищей хозяйки дома, актеровъ и актрисъ. Разговоръ былъ оживленъ выпитыми бокалами вина.

Рѣчь шла, какъ и надо было ожидать, о балѣ-маскерадѣ, данномъ лордомъ Пайномъ. Изъ присутствующихъ были на немъ одинъ баронъ Штауницъ и хозяйка дома, хорошенькая Адель Штраусъ; поэтому къ нимъ и обращены были вопросы прочихъ собесѣдниковъ.

— Такъ вы думаете, Адель, говорилъ завитой юноша: что этотъ Монте-Кристо окончательно разорился баломъ?.. Это мнѣ кажется, преувеличеннымъ!... Ну, что могъ стоить подобный балъ — какъ вы думаете, баронъ?... Пять, шесть, много семь тысячъ талеровъ... ужъ никакъ больше!... Не правда-ли?..

— Вовсе не правда.... зашебетала Адель, передразнивая завитого юношу: Пять, шесть, семь тысячъ.... Ахъ, вы, агтыньякъ! Хорошъ былъ бы балъ на тысячу персонъ, если-бъ стоилъ пять тысячъ талеровъ... Считайте хоть по пальцамъ.... Выйдеть пять талеровъ на человѣка, а тутъ однихъ цвѣтовъ было на двѣ тысячи!... Вѣдь, я знаю въ этомъ толкъ....

— Вотъ если-бъ вы сказали двадцать пять тысячъ талеровъ, подхватилъ баронъ Штауницъ, доселѣ одобрительно кивавшій головой: Ну, съ вами можно бы согласиться.... Вѣдь, мы не видѣли еще великолѣпнаго фейерверка, устроеннаго на срединѣ пруда и до котораго не дошло дѣло.... Говорять, это было нѣчто, достойное тысячи и одной ночи по великолѣпію и изяществу.... Кромѣ того — говорить, что ужинъ былъ приготовленъ на тысячу двѣсти человѣкъ и, судя по котлеткѣ съ трюфелями, которую я съѣлъ въ буфетѣ, нельзя сомнѣваться, что его готовилъ знаменитый Легранъ, который вѣрно взялъ съ персоны не менѣе пяти талеровъ....

— Но, скажи пожалуйста баронъ, перебилъ Науманъ, крутя свой безконечный усъ: Что этому лорду взбрѣло на умъ вдругъ приказать гасить свѣчи и гнать всѣхъ вонъ?..

— Дѣло очень извѣстное мнѣ, отвѣчалъ Штауницъ, покраснѣвъ отъ этой остроты до бѣлковъ глазъ и стараясь перекричать го-

мерическій хохоть Наумана: я подслушалъ разговоръ лорда съ одной маской, которая, повидному, дожидалась кого-то...

— Что же сказалъ лордъ? спросила Адель.

— Нѣтъ! что сказала маска? перебилъ Науманъ.

— Въ чемъ заключался подслушанный вами разговоръ? вскричала одна изъ пріятельницъ Адели.

— Да говорите же, баронъ! сказала другая, отъ нетерпѣнія подпрыгивая на своемъ стулѣ.

— Но ради Бога, mesdames et messieurs! кричалъ баронъ Штауницъ: — Вы не даете мнѣ рта разинуть, а требуете, чтобы я отвѣчалъ на ваши вопросы.... И такъ....

— Слушайте, слушайте! воскликнула хозяйка: — Кто скажетъ слово, съ того штрафъ....

— А кто скажетъ два, съ того ничего... подсказалъ съ претензіей на остроу толстый пивоваръ и самъ громко захохоталъ.

Адель сердито топнула ногой и погрозила ему черезъ столъ пальцемъ.

— Итакъ.... повторилъ баронъ Штауницъ съ видомъ нѣкотораго замѣшательства: нашъ хозяинъ передъ тѣмъ, какъ отдалъ роковое приказаніе, довольно долго вертѣлся около маски, въ которой, по нѣкоторымъ признакамъ, я узналъ компаньонку Фанни Готзегенъ....

— Какъ? что? воскликнулъ Науманъ, перебивая рассказчика: — Ты, кажется, баронъ, не въ своемъ умѣ!... Какое дѣло лорду до этой старой колдуньи, фрейлейнъ Таузендъ?... Развѣ и сама Фанни была съ ней?... Такъ онъ, развѣ, вертѣлся около Фанни?... Говорятъ, онъ уже давно ухаживаетъ за нею.... Да только....

— А тебѣ какое дѣло до того, около кого вертѣлся лордъ и за кѣмъ онъ ухаживаетъ? заищала Адель, бросая на Наумана взглядъ проницательской досады: — Что? видно, старая зазноба заговорила?... И откуда берется прыть, какъ только рѣчь зайдетъ объ этой плясунѣ....

Науманъ замолчалъ, и облако старой грусти пронеслось по его лицу: онъ невольно сравнилъ кроткій образъ деликатной Фанни съ сидѣвшей возлѣ него маленькой чуріей, которая продолжала, обращаясь къ барону Штауницъ:

— Дальше, баронъ! Мы ждемъ васъ!

— Зачѣмъ лордъ вертѣлся около компаньонки Фанни — не знаю, началъ Штауницъ: — Но онъ часто подходилъ къ ней, шептался и снова уходилъ.... Я могъ разслышать только слова:

Не можетъ быть! Не повидавшись съ хозяиномъ, уѣхать!.. Это неприлично!...» сказанныя лордомъ, на которыя маска отвѣчала: «Конечно, конечно! Я думаю, она здѣсь!» Все это меня сильно заинтересовало....

— Что же могло васъ интересовать во всемъ этомъ? спросила, перебивая его, пріятельница хозяйки, сидѣвшая возлѣ Штауница и очень умильно посматривавшая на него.

— Молчи, Лиза! Не мѣшай! рѣзко воскликнула Адель.

Та, къ которой относились эти слова, сердито оттолкнула отъ себя стоявшій передъ нею столыкъ и ворча стала расправлять свое платье.

Штауницъ продолжалъ:

— Я подвинулся ближе къ маскѣ и сталъ за ея стуломъ.... Вдругъ вижу... Она вѣеромъ сдѣлала знакъ лорду, который отошелъ на время въ другой уголъ комнаты... Лордъ приблизился. «Милордъ, сказала ему маска: — Теперь и я должна согласиться съ вами, что она, по всей вѣроятности, уѣхала.... Уже четверть второго, а она велѣла дожидаться себя только до часу! Видно, она взяла чей нибудь экипажъ...

Я взглянулъ на Пайна: онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, глаза его выкатились, какъ у бѣшеной кошки.... Онъ скомкалъ между обѣими руками шляпу, которую держалъ подъ мышкой и, казалось, готовился бросить ее въ лицо маскѣ.... Къ счастью, онъ удержался, потому что, еслибъ сдѣлалъ еще малѣйшее движеніе, — я непременно бросился бы на него и.... Я никогда не позволю при себѣ оскорбить женщину, кто бы она ни была!..

Сдѣлавъ это краткое отступленіе тономъ средневѣковаго рыцаря, Штауницъ перевелъ духъ и, помолчавъ съ полминуты, продолжалъ, видимо довольный тишиною въ комнатѣ:

— Между тѣмъ, компаньонка Фанни встала и, раскланявшись съ Пайномъ, ушла.... Я бросился вслѣдъ за ней, и предположилъ довести ее до кареты, и далѣе ничего не знаю.... Знаю только, что мы не дошли еще до нижней площадки лѣстницы, какъ уже въ залѣ сдѣлалась страшная суматоха.... Изъ всѣхъ дверей высыпала толпа масокъ и на лѣстницѣ раздался громкій голосъ пайнова метръ д'отеля, кричавшаго: «Милордъ приказываетъ гасить свѣчи и плюмпнацію!...» Мы едва отыскали слугу Фанни, и компаньонка ея успѣла благополучно уѣхать.... Я же возвратился въ залъ, чтобы, если можно, спасти еще кого нибудь изъ знакомыхъ дамъ....

— Только то? воскликнула Адель, когда Штауницъ замолчалъ и обвелъ глазами общество, какъ будто ожидая рукоплесканий за краснорѣчивый разговоръ. Только то? А я думала, что вы расскажете что нибудь дѣйствительно интересное!.. Ну, что же изъ этого, что вы подслушивали и подсматривали? А еще увѣряли, что знаете причину милордова каприза?... Ну какъ вамъ не стыдно такъ хвастать.

— Больно же вамъ было не вникать въ мой разговоръ! возразилъ обиженнымъ тономъ Штауницъ.

— Да чего тутъ вникать?... сказала та, которую хозяйка назвала Лизою, радуясь, что можетъ уколоть Штауница за его внимательность къ компаньонкѣ Фанни: изъ вашего разговора вовсе не видать, что подало поводъ Пайну такъ мило обойтись со своими гостями....

— Какъ? вскричалъ, еще спяньѣй задѣтый за живое, Штауницъ: такъ вы не поняли, что лордъ разсердился на то, что Фанни Готзегенъ уѣхала, не повидавшись съ нимъ, тогда какъ балъ былъ данъ именно для нея?

— Какъ? для Фанни? воскликнулъ Науманъ.

— Да, и я слышалъ! сказалъ одинъ изъ актеровъ: Лордъ Пайнъ, однажды, тому недѣли двѣ, когда Фанни не приняла его въ своей уборной, сказалъ, въ присутствіи всего кордебалета: «Такъ будетъ же она у меня на базѣ, какого не видалъ еще Берлинъ!»

— Видите! съ торжествующимъ видомъ произнесъ Штауницъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома.

— Ну, что же изъ этого? сказала Адель, до крови кусая себѣ губы: дуракамъ всегда счастье!..

— У кого умъ въ ногахъ, присовокупила Лиза: тотъ до всего доходить.... Да только пользоваться то своими удачами не всякій умѣетъ.... Вѣдь, — вотъ, хоть бы и ваша Фанни: финтить, финтить.... И того ей не нужно, и тотъ не нравится!.. А послѣ и останется въ дуракахъ....

— Ей никого не нужно, потому что она любитъ одного! воскликнулъ съ жаромъ Штауницъ.

— Одного? съ ѣдкой насмѣшливостью повторила Лиза: кто же этотъ счастливецъ? Ужъ не вы ли, баронъ?

Штауницъ горько улыбнулся и, покачавъ головой, съ видомъ печальнаго смиренія, произнесъ:

— Къ сожалѣнію, не могу надѣяться на эту завидную долю; но скажу откровенно, что быть любимымъ Фанни — было бы

верхомъ блаженства, котораго я, въ самыхъ восторженныхъ мечтахъ своихъ, когда либо осмѣлился бы пожелать себѣ....

— Какъ, баронъ? воскликнулъ Науманъ: такъ и тебѣ успѣла вскружить голову эта фурія? Вотъ чего я, ша foi, еще не зналъ до сегодня....

— Фурія, или не фурія.... запищала скороговоркою хозяйка дома: однако ты и теперь, кажется, не совсѣмъ освободился отъ ея вліянія.

— Но кого же любить Фанни, любезный баронъ? спросилъ завитый юноша тономъ равнодушія, подъ которымъ не умѣлъ скрыть дрожанія въ голосѣ....

— Да! воскликнула Лиза: вѣдь вы еще въ долгу у меня отъѣтомъ.... Я спрашивала васъ. Кто любовникъ Фанни? а вы понесли дичь о самомъ себѣ.... Вы ужасно заняты собой: думаете, что всѣмъ есть дѣло до того — кого вы любите и кто васъ любить....

Штауницъ лукаво засмѣялся, подмигивая Лизѣ, съ видомъ чловѣка, который знаетъ, что она хитритъ, и потомъ, подумавъ, сказалъ съ разстановкой:

— Любовника? У Фанни нѣтъ въ настоящее время любовника — это я положительно знаю.... Но можетъ быть, вы, прелестная Лиза, по своей дѣвической неопытности, еще не знаете, что можно любить мужчину, и не быть его любовницей.

— Что? Что такое? Платонизмъ? съ хохотомъ воскликнули въ одинъ голосъ собесѣдники Штауница.

— Да ты, любезнѣйшій, просто заврался, сказалъ Науманъ: Ну, какой чортъ будетъ любить твоей неземной любовью? Это, просто, неестественно!

— Такъ вы аркадскій пастушокъ! сказала хозяйка дома: а еще студентъ! А еще баронъ! Ну слыханное ли дѣло, чтобъ женщина, въ своемъ умѣ, обладая свободою, довольствовалась одними охами и вздохами....

— Такъ вы, съ вашей безбородой опытностью, убѣждены, что Фанни платонически любить.... Но кого же? сказала, передразнивая Штауница, Лиза.

— Что? шутливымъ тономъ вскричалъ баронъ, видя, что обижаться значило бы подать болѣе повода къ насмѣшкамъ: такъ всѣ противъ меня? Я же покажу вамъ себя! Во первыхъ передаю всѣхъ моихъ непріятельницъ, начиная съ васъ....

Штауницъ бросился къ Лизѣ, которая, со смѣхомъ, очень ловко увернулась отъ него и подставила ему столъ. Молодой че-

ловѣкъ подбѣжалъ къ хозяйкѣ дома, но она спряталась за спину Наумана. Тогда баронъ сталъ бросаться изъ стороны въ сторону, надѣлая поцѣлуйми кого попало, и получая отовсюду толчки и пинки. Наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, онъ бросился на стулъ и пыхтя отеръ потъ, крупными каплями катившійся у него съ лица. Но смѣхъ, возбужденный этой суматохой, еще долго не унимался. Когда же все снова пришло въ прежній порядокъ и Штауницъ, закуривъ сигару, съ покорнымъ видомъ просилъ у дамъ извиненія, Лиза снова обратилась къ нему съ словами:

— Но, баронъ! Позвольте вамъ сказать, что вы самый не благовоспитанный изъ знакомыхъ мнѣ мужчинъ....

— О! воскликнулъ Штауницъ: стало быть всѣ знакомые вамъ мужчины не благовоспитаны? Благодарите, господа, мамзель Лизу, за ея любезность, потому что и вы въ числѣ ея знакомыхъ....

— Несносный человѣкъ! жеманно сказала Лиза: Да скажите ли вы, наконецъ, кого любить Фанни?

— Скажу!

— Но скоро ли?

— Завтра....

— Вотъ хорошо! Сперва заинтересовать, а потомъ откладывать до завтра....

— Впрочемъ, перебила хозяйка дома: чего просить его? Я давно угадала этотъ важный секретъ.... Фанни любить....

— Кого? кого? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Театральнаго трубочиста.... смѣясь произнесла Адель.

— Что за вздоръ! сказала Лиза: я думала, она серьезно хочетъ назвать ея новаго друга.

— Да чтò тебѣ за надобность знать, кого всякая дрянь любить? воскликнула другая актриса: развѣ не видишь, что баронъ только нарочно хвастаетъ своимъ знаніемъ, чтобъ возбудить твое любопытство?

Штауницъ взглянулъ на актрису съ презрѣніемъ и потомъ, обращаясь къ Лизѣ, сказалъ:

— Не знаю, хорошо ли я сдѣлаю, что удовлетворю ваше желаніе.... Но, чтобъ доказать, что слова вашей сердитой подруги несправедливы, назову вамъ счастливица, котораго любить Фанни.... Только позвольте на ушко!... Я не хочу, чтобъ всѣ слышали ея тайну....

— Но вы, можетъ быть, опять скажите какую нибудь глупость? жеманно произнесла Лиза, отодвигаясь отъ Штауница.

— Клянусь, что скажу правду! возразилъ послѣдній, шепнувъ ей что-то на ухо.

— Что? что такое? сказала Лиза, не разслышавъ его словъ: доктора? какого то доктора.... Мейера? Да я то почему знаю какой это докторъ Мейеръ?...

Штауницъ, въ отчаяніи, что Лиза выдала всему обществу тайну Фанни, отбѣжалъ отъ вѣтренницы, схватилъ шляпу и, не поклонившись никому, убѣжалъ.

— Какъ? пробормоталъ Науманъ, провожая его глазами: Баронъ называлъ доктора Мейера?... Возможно ли это?... Гм! Те-перь мнѣ понятно многое.... Глаза мои открылись.... Посѣщеніе фабрики, внезапный отъѣздъ Фанни, незашедшей проститься со мной.... На другой день я получилъ отъ нея записку.... Тысяча чертей!... Этотъ смиреннѣйшій барашекъ перехитрилъ меня.... Вотъ тебѣ и благодарность за хлѣбъ за соль.... Но я отомщу за себя.... узнаетъ онъ меня, іуда проклятый!...

— Что это ты, Вальтеръ, ворчишь про себя? сказала хозяйка дома.

— Ничего! такъ! отвѣчалъ Науманъ: пора бы намъ выпить по стаканчику, мой нѣжный другъ! Прикажи-ко подать пуншу, да покрѣпче! У меня горло совсѣмъ пересохло, да и эти господа точно на похоронахъ присутствуютъ.

Глава XXI.

которая убѣдить читателя, что чортъ иногда бываетъ хуже того, какъ его рисуютъ.

Какъ мы слышали въ началѣ нашей повѣсти отъ самого Наумана, онъ уничтожилъ, по истеченіи срока, аренду, учрежденную дядей надъ фабриками, и номинально вступивъ самъ въ управленіе, осмотрѣлся въ персоналъ своей конторы, для избранія лица, которому могъ бы поручить дѣйствительное управленіе своими дѣлами. Не обладая ни свѣдѣніями о фабричномъ производствѣ и веденіи конторы, ни знаніемъ человѣческаго сердца, Науманъ положился на быстроту и безошибочность своего непосредственнаго взгляда, способности, которую имѣютъ обыкновеніе приписывать себѣ всѣ подобные смѣлки.

Между второстепенными конторщиками, какъ отвратительною наружностью, такъ и низостью своего характера, отличался Яковъ Вайнертъ. Это былъ карликъ — лѣтъ тридцати пяти, горбатый, кривобокий, косой, съ отвратительною, морщинистой и злой фizioноміей.

Вайнертъ былъ сынъ зажиточнаго купца. Онъ получилъ очень хорошее, даже блестящее, образованіе, которое воспринялъ свѣтлымъ и быстрымъ умомъ. Къ сожалѣнію, въ преподаваемой ему наукѣ было обращено исключительное вниманіе на то, что относится къ наружному лоску человѣка, и оставлено безъ всякаго вниманія образованіе сердца. Яковъ рано лишился матери, а отецъ терпѣть не могъ дурнаго и злаго мальчишки, который не умѣлъ ни приласкаться къ взрослымъ людямъ, ни подружиться съ своими сверстниками и старшими братьями и сестрами, ни беззаботно играть и рѣзвиться, какъ другія дѣти; — который любилъ уединеніе, и котораго любимой забавой было мучить животныхъ и насѣкомыхъ, попадавшихъ ему подъ руку, или портить чужія игрушки.

Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобъ употребить всѣ усилія на развитіе не достававшихъ у ребенка качествъ, отецъ Якова принялся гнать его за эти недостатки, вообще обходился съ нимъ холодно, за каждый проступокъ жестоко наказывалъ, далъ надъ нимъ полную власть прислугѣ, часто при немъ ласкалъ и дарилъ другихъ своихъ дѣтей, и при первой возможности, отдалъ его въ школу въ другой городъ, отрекомендовавъ его начальству, какъ ребенка, имѣющаго надобность не столько въ руководствѣ, сколько въ исправленіи. Такая рекомендація, конечно, не могла расположить къ мальчику учителей и начальниковъ, и они, не обративъ вниманія на причины нравственной испорченности своего питомца и на характеръ его, принялись за искорененіе его пороковъ обычнымъ средствомъ тѣлесныхъ наказаній. Эта грубая и варварская метода исправленія убивала въ ребенкѣ послѣдніе инстинкты стыда и нравственнаго самоуваженія. При такихъ условіяхъ, Яковъ Вайнертъ кончилъ курсъ въ училищѣ, съ сердцемъ, окончательно ступѣвшимъ ко всякому благотворному вліянію, но съ головой омеблированной нравственными сентенціями и фразами, съ гибкимъ, пзворотливымъ умомъ, съ желѣзнымъ характеромъ, который наиболѣе высказывался въ рѣдкомъ умѣньи его владѣть собой, не смотря ни на какія препятствія, и медленно, но не уклонно идти къ своей однажды пзбранной цѣли. Кромѣ того,

какъ родительскій домъ, такъ и школа развили въ Вайнертѣ зависть ко всѣмъ, кто хоть немножко былъ красивѣе его, а такovy были всѣ, встрѣчавшіяся ему люди, потому что уродливостъ Вайнерта была почти феноменальна. Склонность къ уединенію, въ которомъ фантазія создала для него міръ, свободный отъ всѣхъ страданій, которыя безпрестанно встрѣчали его въ дѣйствительности, эта склонность, съ одной стороны, привела его къ многосторонней начитанности, съ другой сильно развила ея умственную самодѣятельность и знаніе человѣческаго сердца, наконецъ дала полный просторъ его самолюбію и эгоизму.

Понявъ, что ни одно изъ благъ, которыми обильно усѣянъ путь такъ называемыхъ баловней фортуны, кромѣ денегъ и значенія, доставляемаго ими, не доступно ему, — Вайнертъ, вступая въ дѣйствительную жизнь, далъ себѣ слово добиться богатства. А для него дать себѣ слово значило тоже, что исполнить.

Два брата Якова умерли еще до смерти своего отца, а двѣ сестры его, вышедшія замужъ за очень богатыхъ купцовъ, получили въ приданое одни наряды, и обѣ отказались отъ своей доли въ наслѣдствѣ, въ пользу своего несчастнаго брата.

Такъ, Яковъ, по смерти отца, наслѣдовалъ все его имущество, — состоявшее изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ талеровъ, большею частью, находившихся въ оборотѣ. Онъ тотчасъ же рассчиталъ, что продолжая дѣла своего отца, еще долго не достигнетъ той цифры доходовъ, которую поставилъ необходимой для своего благосостоянія; потому, распродавъ всѣ наличные товары и припрятавъ вырученные за нихъ деньги, поспѣшилъ объявить себя несостоятельнымъ должникомъ и бѣжать въ чужіе края. Прошло десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ Вайнертъ употреблялъ всѣ усилія для увеличенія своего капитала, составленнаго злостнымъ банкротствомъ, но счастье на этотъ разъ не разступилось передъ его желѣзной волей, соединенной съ умомъ и безсовѣстной жадностью. Вайнертъ возвратился на родину нищимъ.

Но неудача, испытанная имъ въ первой попыткѣ разбогатѣть, не только не ослабила надежды на достиженіе своей цѣли, напротивъ, еще болѣе придала ему энергій, сдѣлавъ при томъ осторожнѣйшимъ и упорнѣйшимъ.

Долго было бы слѣдить за нимъ по всѣмъ извилинамъ его животнo-скрытой и алчной жизни. Довольно сказать, что въ теченіе пяти или шести лѣтъ, онъ нѣсколько разъ видѣлъ начало осуществленія своей мечты, но нѣсколько разъ снова

попадалъ въ прежнюю бѣдность. Передъ самой смертью стараго Бартольдса, науманова дяди, новая неудача совершенно опрокинула стремленія Вайнерта, оставивъ его въ крайнемъ положеніи. Арендаторъ Наумана, любившій Вайнертова отца и знавшій способность Якова къ бухгалтеріи, принялъ его на весьма маленькое жалованье въ свою контору, гдѣ, по окончаніи аренднаго срока, Науманъ и засталъ его въ должности второстепеннаго конторщика.

Мы ужъ знаемъ, что Науманъ былъ, прежде всего, чловѣкъ добродушный и довѣрчивый. Безобразіе Вайнерта, его смиренный видъ, удушливый кашель, который почти безпрестанно, хотя, большею частью, притворно, душилъ его, служа ему поводомъ отворачиваться отъ говорившаго съ нимъ и потуплять глаза, съ цѣлью скрывать злое выраженіе ихъ, наконецъ, потерянный нарядъ и заплатанные сапоги, обратили на него вниманіе Вальтера, который, поговоривъ съ нимъ, былъ пораженъ огромной начитанностью и быстрымъ умомъ отвратительнаго карлика, соединенными съ скромностью и робостью ребенка и стыдливостью дѣвушки. Участіе къ несчастной судьбѣ Вальтера, и увѣренность въ томъ, что онъ прекрасно поведетъ дѣла его, подкупили Наумана. Онъ сдѣлалъ Вайнерта сначала главнымъ конторщикомъ, потомъ управляющимъ фабриками, а наконецъ, ввѣрилъ ему всѣ свои дѣла и даже часто прибѣгалъ къ нему за совѣтами въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не имѣли ничего общаго съ коммерціей и фабричною промышленностью.

Вайнертъ достигъ безграничнаго довѣрія у Наумана, самую униженной лестью, прикрытой простосердечіемъ и даже довольно грубой откровенностью, что было въ характерѣ самого Наумана, и потворствомъ его лѣни и расточительности. Онъ не допускалъ до Вальтера ни малѣйшаго дѣла, — представлялъ ему положеніе фабрики въ розовомъ свѣтѣ, иногда умѣлъ изворачиваться безъ необходимыхъ на расходы денегъ, въ которыхъ нуждался Науманъ на какія нибудь пустыя забавы, но всегда очень аккуратно приносилъ ему, въ известное число мѣсяца, довольно значительную сумму. За все это Науманъ не зналъ, какъ благодарить своего уполномоченнаго, платилъ ему огромное жалованье, давалъ частыя награды и безпрестанно подносилъ дорогие подарки. Но Вайнерту всего этого было мало: онъ хотѣлъ разбогатѣть и гдѣ только могъ, тамъ утаивалъ отъ Наумана часть дохода и даже часть денегъ, долженствовавшихъ идти

на покрытіе издержекъ на фабрикѣ, чѣмъ, конечно, вредилъ кредиту Наумана и запутывалъ его дѣла.

Кромѣ необыкновенной хищности, Вайнерта мучила ничѣмъ неудовлетворимая завистливость и еще одно чувство, котораго ни кто вѣрно не предположилъ бы въ несчастномъ уродѣ. Вайнертъ былъ влюбленъ въ Фанни, которую нѣсколько разъ видѣлъ у Наумана и на сценѣ, и которую считалъ за легкую для себя добычу, если только приобрѣтетъ побольше денегъ.

Зная, что рано или поздно злостныя машинаціи его должны обнаружиться, Вайнертъ ненавидѣлъ и старался удалить отъ Наумана всѣхъ людей, способныхъ открыть ему глаза. Однимъ изъ такихъ людей казался ему и докторъ Мейеръ, теоретически знавшій фабричное производство и бухгалтерію, и связанный съ Вальтеромъ отношеніями университетскаго товарищества и дружбы. Но нападать прямо на Мейера — Вайнертъ не смѣлъ, а старался, косвенно внушать къ нему въ Науманѣ недовѣріе; но и это не удавалось ему, и потому Вайнертъ чрезвычайно обрадовался, когда Мейеръ навлекъ на себя неудовольствіе Вальтера переѣздомъ на другую квартиру.

Въ тѣже время влюбленнаго карлика опечалило другое событіе въ жизни Наумана, разрывъ Вальтера съ танцовщицею.

Позже черезъ годъ или два это событіе было бы величайшимъ счастіемъ для Вайнерта, потому что онъ успѣлъ бы раззорить Наумана и, пересыпавъ тысячи его талеровъ въ свой карманъ, надѣялся предложить Фанни и свое подлое сердце и свое громадное богатство. Съ свойственной ему грубостью чувства, онъ не могъ вообразить, чтобъ Фанни не согласилась принять отъ него роскопнаго содержанія, какъ-бы ни было для нея гадко лицо, обладающее имъ.

Разрывъ Фанни съ Науманомъ, случившійся до окончательнаго обогащенія Вайнерта, усложнялъ вопросъ. Фанни могла найти другаго, богатаго любовника, могла уѣхать изъ Берлина... Кромѣ того, Вайнертъ долженъ былъ отказаться отъ частыхъ встрѣчъ съ молодой женщиной въ домѣ Наумана, довольствоваться однимъ тѣмъ, что будетъ видѣть ее въ театрѣ, за деньги... Любовь Вайнерта вступила въ періодъ непредвидѣнныхъ препятствій, періодъ, какъ извѣстно, наибольшей экзальтаціи и раздраженія страсти. Вайнертъ сталъ мраченъ, задумчивъ, разсѣянъ, еще болѣе похудѣлъ и чаще кашлялъ. — Но обязанности свои онъ исполнялъ съ прежней точностью; Науманъ, по прежнему, былъ доволенъ имъ и, послѣ разрыва съ Фанни и пере-

ѣзда Мейера на другую квартиру, даже сталъ съ нимъ откровеннѣе и сообщительнѣе прежняго. По безхарактерности и природной болтливости, Науманъ всегда нуждался въ челоуѣкѣ, которому могъ бы вполне высказываться. Лишившись почти въ одно время любви Фанни и дружбы Мейера, Науманъ почувствовалъ пустоту въ своей сердечной обстановкѣ, пустоту, которая не могла быть пополнена новою связью его съ нахальной и необразованной Аделью Штраусъ. Замѣтивъ это, проникательный Вайнертъ, знавшій Наумана, какъ говорится, вдоль и поперекъ, началъ чаще посѣщать его, и прикидывался такъ глубоко сочувствующимъ его душевному одиночеству, такъ внимательнымъ ко всему, что Вальтеръ говорилъ, иногда даже въ пьяномъ видѣ, что бѣдный Науманъ, когда бывалъ дома, не могъ часу провести безъ своего уполномоченнаго.

Вальтеръ возвратился, съ описанной въ предыдущей главѣ, пирушки уже подъ утро слѣдующаго дня. Два лакея, съ большимъ трудомъ, почти вынули его изъ коляски и едва дотащили до постели, въ которой онъ пролежалъ до 2 часовъ по полудни и всталъ съ сильной головной болью. Не столько вино, сколько извѣстie о любви Фанни къ Мейеру опьянило его.

Да и трудно было не опьянѣть отъ такого удара. Надо замѣтить, что Науманъ, не смотря на выборъ новой любовницы, все еще не терялъ надежду возвратить себѣ Фанни. Онъ слышалъ, что она живетъ почти затворницей и не принимаетъ никого изъ мужчинъ, изъ чего онъ простодушно заключилъ, что она не перестала любить своего Вальтера. И вдругъ, среди этихъ надеждъ, Науманъ узнаетъ, что Фанни любитъ нищаго доктора, котораго подвелъ ей самъ Науманъ. И этотъ докторъ, этотъ коварный другъ, похитившій у Вальтера сердце его любовницы, этотъ Францъ Мейеръ, заплатилъ ему самой черной неблагодарностью.

— О, это ужасно! восклицалъ Науманъ, большими шагами расхаживая изъ угла въ уголъ по залу. Такое коварство, такая черная неблагодарность, такая низкая хитрость! Нѣтъ, этого нельзя простить Мейеру.

Дверь въ переднюю открылась и на порогѣ появилось блѣдное лицо и уродливое туловище Вайнерта. Вслѣдъ за тѣмъ раздался удушливый кашель его, весьма кстати возвѣстившій Науману о присутствіи посторонняго лица.

— А! это вы, Вайнертъ! разсѣянно сказалъ Науманъ, важно кивая головой и продолжая расхаживать по комнатѣ. Здрав-

ствуйте, любезной Вайнертъ! Вы пришли весьма кстати, очень, очень радъ васъ видѣть!

— Если я поиѣшалъ, явившись безъ доклада, началъ уполномоченный, низко кланяясь и приложивъ къ груди руку: то простите великодушно... Моя преданность, господинъ Науманъ, иногда можетъ показаться навязчивой... Мнѣ сказали, что вы... что у васъ какое-то горе... Вы знаете, господинъ Науманъ, какъ я привязанъ къ вамъ... Вайнертъ заморгалъ своими косыми глазами, какъ будто собираясь прослезиться, и, недоговоривъ, замаялся и окончилъ удушливымъ кашлемъ.

Вальтеръ остановился среди комнаты и сказалъ нѣсколько торжественнымъ голосомъ, въ которомъ, однако, не смотря на сердечность, старался сохранить отгѣнокъ начальническаго превосходства.

— Благодарю васъ за вашу преданность, любезный Вайнертъ; я вполне умѣю цѣнить ее. Да, вамъ правду сказали: у меня горе, большое, безконечное горе... Женщина, которую я, не смотря ни на что, продолжаю любить, какъ безумный, эта женщина, которой я намѣренъ былъ дать имя и которую... Эта женщина... и кого же?...

Науманъ замолчалъ и покачалъ головой съ видомъ отчаянія: при этомъ онъ сдѣлалъ такую жалобную гримасу, отъ которой лицо его покособилось чрезвычайно комически. Это обстоятельство побудило уполномоченнаго, изъ отчаянія, чтобъ въ глазахъ его невыразился неприличной смѣхъ, снова закашлять и уставить глаза въ землю. Когда Науманъ замолчалъ, Вайнертъ, подстрекаемый любопытствомъ, сказалъ со вздохомъ душевной скорби:

— Господинъ Науманъ, вѣроятно, изволить говорить объ этой несчастной Фанни Готзегенъ, которую удостоилъ своимъ вниманіемъ и даже?...

— Какъ удостоилъ вниманіемъ? воскликнулъ Науманъ съ горячностью: любилъ, страстно любилъ я эту женщину и, еслибъ она только захотѣла, то здѣсь же на мѣстѣ отдалъ бы ей все свое состояніе вмѣстѣ съ рукой. Кто разъ видѣлъ ее, можетъ ли тотъ забыть мою милую Фанни. А я обладалъ ею... Понимаете ли, Вайнертъ? Я обладалъ этимъ счастіемъ, котораго не замѣняютъ мнѣ ни груды золота, ни толпа друзей, ни всѣ красавицы Берлина. Понимаете ли вы это, — Вайнертъ?

Науманъ подошелъ на шагъ къ своему уполномоченному и заложивъ руки въ карманы своего халата, какъ будто ждалъ от-

вѣта. Но вмѣсто отвѣта, Вайнертъ только еще глуше закашлялся и, избѣгая Вальтерова взгляда, весь согнулся, какъ будто почувствовалъ судороги въ груди. Желая дать ему оправиться, Науманъ отвернулся и снова пустился мѣрять широкими шагами комнату. Черезъ нѣсколько секундъ, кашель уполномоченнаго смолкъ и онъ произнесъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я понимаю ваши страданія, господинъ Науманъ, и какъ глубоко сочувствую вамъ... Я, несчастный уродъ, конечно, никогда не могъ испытать счастливой любви, никогда не зналъ блаженства обладанія, но несчастную любовь, отвергнутую, не замѣченную, безответственную любовь сироты между людьми и мнѣ привелось испытать... Конечно, это было въ молодости... въ тѣ годы, господинъ Науманъ, когда и во мнѣ кипѣла кровь и играли страсти, не смотря на мою уродливость....

— Какъ? что такое? воскликнулъ Науманъ, и вдругъ принялся громко хохотать, такъ что, отъ смѣха, дрожали его здоровыя щеки и два ряда бѣлыхъ, какъ слоновою костью, зубовъ, выглянули изъ подъ безконечныхъ усомъ: Что вы сказали, любезный? повторилъ онъ, продолжая смѣяться и разсматривая крошку уполномоченнаго, какъ микроскопическое насѣкомое. Такъ и у васъ также когда-нибудь кипѣла кровь и играли страсти?... И вы, любезный Вайнертъ, испытали въ свою жизнь любовь?... Ха, ха, ха! Но въ кого же вы были влюблены, любезный Вайнертъ? Вѣроятно, въ женщину, по крайней мѣрѣ, не больше васъ ростомъ?... Посудите сами: Ну, еслибы, въ минуту свиданія и взаимнаго увлеченія, вы захотѣли бы поцѣловать ее въ уста... да она была бы, напримѣръ, ростомъ съ Фанни, тогда, любезный Вайнертъ... вамъ, вѣдь пришлось бы... подставить стулъ или лѣстницу, чтобъ такимъ образомъ достать до нея!.. Ха, ха, ха. — Произнеся эти слова, Науманъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, покатылся со смѣху.

Въ продолженіи всей этой сцены, уполномоченный стоялъ съ сумрачнымъ лицомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго и со стиснутыми кулаками. Только когда Науманъ пересталъ смѣяться и повернулъ лицо въ его сторону, Вайнертъ, ухватившись руками за грудь, началъ кашлять и кривляться.

— Простите меня, любезный Вайнертъ... сказалъ Науманъ, сознавая неумѣстность своей неделикатной шутки. Я, можетъ быть, оскорбилъ васъ! Но, право, это невольно... Это, какъ-то, выразилось у меня...

И Науманъ опять захохоталъ...

— Помилуйте! съ улыбкой отвѣчалъ Вайнертъ, уже вполнѣ овладѣвшій своей злобой: Дѣйствительно, та сцена, которую вы изволили такъ прекрасно изобразить, крайне забавна... Вы такой острякъ, господинъ Науманъ, что съ вами по невозлѣ и я расхохотался, да вотъ и поплатился за свою веселость каплемъ и болью въ груди... Но, *revenons à nos moutons*, господинъ Науманъ!... И такъ, вы начали говорить о томъ, что Фанни Готзенгенъ, которую вы такъ страстно любили и еще любите, уже успѣла полюбить другаго...

При словѣ: «Фанни Готзенгенъ», — Науманъ пересталъ смѣяться, чего, повидному, и хотѣлось его собесѣднику.

— Да! сказалъ Вальтеръ, вздохнувъ и снова начиная ходить изъ угла въ уголъ. Она любить, и кого же, вы думаете? Эмю, которую я отогрѣлъ на своей груди, человѣка, котораго я приютилъ, какъ своего друга, потому что со школьной скамьи привыкъ уважать его умъ, благородный образъ мыслей, человѣка, который всегда притворялся такимъ честнымъ, безкорыстнымъ, пламенно-любящимъ одну науку. Но что объ этомъ говорить? Неблагодарность, подлость — вотъ награда за добро!...

— Но кого же любить Фанни? спросилъ уполномоченный. Позвольте мнѣ узнать имя этого человѣка, для того, чтобъ отплатить ему всей ненавистью, на какую я только способенъ, за то, что онъ лишилъ мою благодѣтеля счастія, котораго вы такъ достойны....

— Ненависть? воскликнулъ Науманъ, сдвинувъ брови и подходя съ протянутой рукой къ своему уполномоченному: — Дайте вашу руку, любезный Вайнертъ! Вотъ такъ! Ненависть? Да! Ненависти достоинъ этотъ злодѣй, укравшій мое сокровище.... лишившій меня моего рая.... Ненависти достоинъ этотъ голый докторъ, и пусть наша общая къ нему ненависть еще ближе свяжетъ насъ!

Вайнертъ въ первую минуту не отвѣчалъ, потому что усердное рукопожатіе Наумана отняло у него языкъ. Но какъ только Вальтеръ оставилъ его руку, онъ вскричалъ, заблеставъ глазами:

— Францъ Мейеръ! Францъ Мейеръ! Такъ его-то любить Фанни? Адъ и молнія!... Кто бы могъ это подумать?... И потомъ, помолчавъ секунду: — Но, можетъ быть, вы и ошибаетесь, господинъ Науманъ? Актриса, женщина, привыкшая къ роскоши, къ безусловному выполнению ея прихотей — можетъ ли она по-

любить нищаго доктора, который столько времени жить на счетъ вашихъ милостей, и теперь едва добился мѣстиска, да и какого? Вѣдь я знаю.... Онъ получаетъ жалованье никакъ не больше, а можетъ и меньше вашего кучера.... Какъ хотите: а мнѣ не вѣрится этому слуху, господинъ Науманъ!..

— Невѣрится, потому что вы не знаете Фанни! съ жаромъ произнесъ Вальтеръ. Она не способна полюбить за деньги, и очень способна къ безкорыстной привязанности! Сколько я знаю Фанни, никакія сокровища міра не заставятъ ее продать свою привязанность; она слишкомъ свободна, чтобъ допустить насиліе собственнаго чувства, она слишкомъ нравственна, чтобъ полюбить, напримѣръ, васъ, любезный Вайпертъ, (При этомъ конторщикъ такъ неестественно съежился, какъ будто кто-нибудь укололъ его нечаянно шиломъ); теперь я понимаю, за что Фанни именно полюбила Мейера.

Уполномоченный весь превратился въ слухъ и зрѣніе.

— Вотъ видите, началъ Науманъ тономъ глубокомысленнаго изслѣдованія:— Съ перваго раза, когда Фанни встрѣтилась у меня съ Францемъ, она почти однимъ имъ только и занималась. Постойте!.. Да! Точно!.. Можетъ быть, даже эта первая встрѣча ихъ была уже не первая, потому что я помню, что до нея, Фанни часто просила меня сказать ей, когда у меня будетъ «нелюдимый докторъ», о которомъ она уже столько слышала, и котораго ни разу еще не могла застать у меня.... Да! Теперь я понимаю это любопытство.... Она, вѣроятно, ужъ гдѣ-нибудь встрѣтила моего *любезнаго друга*, (Науманъ горько на этомъ словѣ улыбнулся) и только хотѣла подурочить меня, на счетъ моей же простоты.

Науманъ ударилъ себя по лбу ладонью, и, стиснувъ зубы, продолжалъ:

— Въ первый же разъ, (не можетъ быть, чтобъ это былъ первый разъ!) Фанни шутя поцѣловала Франца Мейера и когда мы поѣхали за городъ, настояла на томъ, чтобъ ѣхать съ нимъ въ своемъ тильбюри.... Вотъ видите.... Ясно, къ чему дѣло клонилось!.. Но я не понималъ ничего.... Я былъ слѣпъ и глухъ, потому что любилъ Фанни и Франца, и радовался, что любимые мною люди находятъ удовольствіе въ обществѣ другъ друга.... Дуракъ я неописанный!.. (При чемъ Науманъ еще разъ хлопнулъ себя по лбу). Потомъ онъ замолчалъ и съ проницеской улыбкой покачавъ головой, — сказалъ:

— Удивительно, какъ я раньше не догадался.... Вообразите себѣ, что наканунѣ нашего разрыва съ Фанни, она уже за

обѣдомъ, все свое вниманіе отдала Мейеру, послѣ обѣда пошла съ нимъ на фабрику, чтобъ посмотрѣть на рабочихъ, которымъ намѣревалась оказать помощь, очень долго оставалась тамъ и болѣе невозвращалась ко мнѣ.... Возвратился одинъ Мейеръ, который, повертѣвшись около карточного стола, — мы играли въ карты, — также скоро убрался къ себѣ. А на другой день, я получилъ письмо Фанни объ отказѣ. И я, олухъ царя небеснаго, не понялъ, не сообразилъ этихъ фактовъ.... Тутъ ясно, какъ день, участіе моего милого университетскаго товарища, и, кажется, въ немъ было бы странно сомнѣваться. Что вы на это скажете, любезный Вайнертъ?...

— Ваша правда, къ сожалѣнію, ваша правда, господинъ Науманъ! сказалъ уполномоченный, хлопая глазами, какъ будто смотрѣлъ на солнце. Признаться!... ужъ такъ какъ вы сами начали объ этомъ, то съ моей стороны нѣтъ нескромности.... Признаться, я и самъ подумалъ кое-что подобное, увидѣвъ Фанни подъ-руку съ докторомъ Мейеромъ, выходящими изъ рошца... Я даже спросилъ у вашей прислуги, не безъ вашего ли вѣдома они прогуливались.... Но когда мнѣ сказали, что вы сами согласились на то, тогда, зная вашу проникательность и дальновидность, я не посмѣлъ высказать мои предположенія....

— Но начемъ же ваши предположенія были основаны, любезный Вайнертъ? спросилъ Науманъ, мрачно смотря въ полъ. Развѣ вы замѣтили между мной другомъ и любовницей какую-нибудь особенную короткость или что нибудь намекавшее на...?

— Я замѣтилъ, началъ уполномоченный, перебивая Наумана: какъ бы вамъ это выразить?.. Да! они были, повидимому, очень расположены другъ къ другу.... Когда они вышли изъ рошца, мамзель Готзегенъ, съ особеннымъ, какъ будто, удовольствіемъ, оперлась на руку доктора Мейера.... И мнѣ показалось, что между ними существуютъ уже давнишнія отношенія. Я приписалъ ихъ дружбѣ доктора Мейера къ вамъ; но теперь, горько сожалѣю, что не послушался моего внутренняго голоса, который говорилъ, чтобъ предупредить васъ.... Утѣшаю себя однимъ, что въ тотъ день, вѣроятно, уже было поздно.... Вѣроятно, связь ихъ началась гораздо прежде, если Фанни, даже не зашла проститься съ вами. Жребій уже давно былъ брошенъ, и, надо сознаться, выпалъ на долю Мейера. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!..

— Согласенъ съ вами, любезный Вайнертъ! сказалъ Науманъ, выходя изъ глубокаго раздумья. — Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!.. Но послушайте: какая же неизмѣримая бездна коварства, низо-

сти, хитрости, неблагодарности и безстыдства нужна для того, чтобы такъ въ глаза дурачить человѣка, который дѣлаетъ намъ добро, считаетъ насъ своимъ другомъ и всегда готовъ быть подѣлителемъ послѣдней копейкой!.

— О, люди такъ злы, такъ коварны!... воскликнулъ уполномоченный, возводя кривые глаза къ клочку сѣраго неба, открывавшагося въ окно зала, и не договоривъ, закашлялся.

— Теперь еще надо спросить барона Штауница.... сказалъ Науманъ. И если онъ убѣдитъ меня, что интрига Фанни съ Мейеромъ завязалась задолго до моего разрыва съ ней, тогда.... любезный Вайнертъ... Мщеніе коварнымъ злодѣямъ, дурачившимъ меня! Вы поможете мнѣ: не правда ли?

— Конечно, конечно, господинъ Науманъ! отвѣчалъ уполномоченный, низко кланяясь и ускользая за дверь, между тѣмъ, какъ Вальтеръ ушелъ въ свою спальню и, одѣвшись, уѣхалъ къ барону Штауницу.

Но баронъ Штауницъ не только не могъ доказать Вальтеру, что связь Фанни съ Мейеромъ началась ранѣе разрыва ея съ Науманомъ; онъ даже вовсе отрицалъ существованіе связи между этими молодыми людьми. Онъ только былъ убѣжденъ въ одномъ, что Фанни любитъ Мейера и даже не могъ утверждать, что докторъ отвѣчаетъ на ея любовь взаимностью. Самую любовь Фанни онъ доказывалъ такими странными вещами, что Науманъ нѣсколько разъ началъ сомнѣваться въ ней. Дѣло въ томъ, что баронъ Штауницъ любящимъ сердцемъ угадалъ эту любовь изъ взоровъ Фанни, изъ ея улыбокъ, словъ, незначительныхъ поступковъ, изъ вниманія къ словамъ Мейера во время завтрака и изъ готовности, съ которою молодая женщина отодвинула рюмку, когда Мейеръ произнесъ свою восторженную рѣчь въ пользу бѣдныхъ рабочихъ; однимъ словомъ, изъ всѣхъ тѣхъ неосознанныхъ мелочей, понятныхъ только человѣку, который чувствуетъ сердце сердцемъ. Баронъ Штауницъ также любилъ Фанни, притомъ первой, юношеской, чистой любовью.

Науманъ возвратился отъ него, ни на шагъ не подвинувшись въ своихъ подозрѣніяхъ, но и не разубѣжденный въ нихъ, а потому, на другой день, посоветовавшись съ Яковомъ Вайнертомъ, положили, — для начала, ограничиться усиленіемъ своего тайнаго надзора за Фанни и Мейеромъ, если можно подослать къ самому Мейеру человѣка, которому онъ рассказалъ бы исторію своей любви, и потомъ уже мстить коварнымъ друзьямъ. Сплетеніе этой подземной интриги, какъ можно было догадаться, Науманъ

поручилъ своему конторщику, который съ удовольствіемъ занялся ею, стараясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы, до окончанія дѣла, бывшіе друзья не свидѣлись и не объяснились, и потому все болѣе и болѣе вооружалъ Наумана противъ Мейера.

Между тѣмъ, въ его планы входила и другая цѣль: запутывая въ свои невидимыя сѣти друзей, онъ въ то же время хотѣлъ убѣдиться самъ, насколько можно надѣяться на обладаніе Фанни. Разумѣется, онъ не ошибался на счетъ ея отвращенія къ нему, но его развратной душонкѣ казалось, что золото можетъ кушиться все — не только продажную наложницу, но и истинную любовь женщины.

Глава XXII.

изъ которой видно, что иногда для достиженія цѣли необходимо остановиться въ своихъ стремленіяхъ.

Мейеръ, получивъ мѣсто въ реальной гимназій, нанялъ себѣ вблизи ея квартиру, въ которую вскорѣ и переѣхалъ.

Маленькая, чистая комнатка, которую онъ занялъ, конечно, не могла быть ни такъ удобна, ни такъ красива, — какъ кабинетъ въ флигелѣ Наумана, но занятый совсѣмъ не тѣмъ, Мейеръ только тогда замѣтилъ, что его квартира очень тѣсна, когда, вздумавъ походить по ней взадъ и впередъ, вдругъ чуть не ударился головой объ стѣну. При томъ въ ней было гораздо менѣе свѣта и воздуха, чѣмъ было нужно доктору; но онъ скоро свыкся съ этими неудобствами, и спокойно повелъ свою труженническую и сосредоточенную жизнь.

Дни шли за днями обычной чередой. Поутру занятый въ практической гимназій, Мейеръ, возвратившись домой, усаживался за свой скромный рабочій столъ, и не отрывался отъ него по цѣлымъ часамъ.

Работа его кипѣла, какъ всякая работа, которой предаются съ любовью и твердымъ намѣреніемъ привести ее къ концу. Цифры, рисунки, книги, рукописи, деревянные и металлическія детали обѣщанной имъ модели, бумажныя колеса, булавками припиленные къ обоямъ, стружки дерева, все это накоплялось и представляло дикій хаосъ для всякаго, не посвященнаго въ тайну его изобрѣтенія; глазамъ же хозяина представлялось уже въ томъ гармоническомъ цѣломъ, которое носилось передъ его внутреннимъ взоромъ. Мейеръ трепеталъ за свою лабораторію;

онъ не впускалъ въ нее хозяйку даже для того, чтобъ выместъ комнату и боялся, чтобъ кто нибудь не зашелъ и не нарушилъ его поэтического безпорядка.

— Вотъ сегодня опять этотъ Брандтъ хотѣлъ непременно зайти ко мнѣ.... думалъ Мейеръ, отдыхая послѣ очень сложнаго вычисленія передъ своимъ письменнымъ столомъ и, съ довольною улыбкой и яснымъ взглядомъ, обозрѣвая всѣ принадлежности своей модели: да, я сказалъ ему, что никогда почти не бываю дома.... Чего въ самомъ дѣлѣ?... Человѣкъ онъ дѣйствительно хорошій, этотъ Брандтъ.... И уменъ. Поговорить съ нимъ очень пріятно!... Да только, во первыхъ, когда я не занятъ въ гимназіи, то мнѣ говорить не-когда, да, совершенно-таки не-когда.... А тутъ еще онъ придетъ, да что нибудь стронетъ съ мѣста.... или испортитъ, разорветъ, сломаетъ.... либо что!... вотъ и бѣда!... Потомъ опять ищи, дѣлай, заказывай.... Да еще, пожалуй, не сейчасъобразишь, или не пригонишь какъ разъ... Нѣтъ! Ужъ до тѣхъ поръ, пока не окончу этой модели (а за нею дѣла еще прѣпастъ!) буду жить совершеннымъ медвѣдемъ.... Вотъ когда кончу, тогда.... посмотримъ!

Къ одному Науману Мейеръ продолжалъ, по старой дружбѣ и изъ благодарности, изрѣдка заходить, причемъ всегда приглашалъ и его къ себѣ. Но съ того дня, какъ Мейеръ перѣхалъ на свою квартиру, Науманъ сталъ съ нимъ очень сухъ, а наконецъ и вовсе пересталъ принимать его. Мейеръ, сначала по разсѣянности не замѣтилъ перемѣны въ обращеніи, потомъ, когда оно стало уже рѣзко, удивился и оскорбился, но, изъ гордости не разпрашивалъ о причинѣ, а замѣтивъ, что Науманъ велѣлъ ему отказывать и тогда, когда бывалъ дома, пересталъ посѣщать его.

Мы уже упомянули о томъ, что одной изъ самыхъ важныхъ причинъ, побудившихъ Мейера оставить наумановъ домъ, было твердое намѣреніе избѣгать всего, что могло сблизить его съ Фанни или даже только лишній разъ напомнить о ней, потому что онъ считалъ любовь свою къ молодой женщинѣ безуміемъ, которое только оторветъ его отъ дѣла и кончится вовсе не лезтно для его самолюбія.

Но всякое бѣгство передъ врагомъ, — доказываетъ недовѣріе къ своимъ силамъ, вслѣдствіе недостатка ихъ. Мейеръ удалился изъ сосѣдства Наумана, думая такимъ образомъ отнять у себя всякій поводъ думать о Фанни. Но образъ ея уже поселился въ его душѣ, и потому самъ напоминалъ о себѣ своимъ

присутствіемъ. Въ одномъ отношеніи Мейеръ выигралъ, пере-
мѣнивъ квартиру: любовь его къ Фанни стала спокойнѣе, менѣе
тревожной, менѣе жаждущей обладанія; Фанни жила въ его
сердцѣ, какъ тихій, добрый жилецъ, не мѣшая своимъ ссѣдьямъ,
— мыслямъ, планамъ и стремленіямъ доктора. Скромность Мей-
ера лишила его любовь всякой надежды, а эта самая безнадеж-
ность, не давая обратиться любви въ страсть, не мѣшала ей
однако обратиться въ робкое и теплое чувство.

Мейеръ любилъ по-женски, молча, нетребовательно, пассив-
но, въ буквальномъ смыслѣ слова, платонически. Изрѣдка онъ
мечталъ о своемъ идеалѣ женщины, олицетворенномъ въ обра-
зѣ Фанни. Тогда этотъ образъ отчетливо и ясно обрисовывал-
ся въ его воображеніи, и сердце начинало бить тревогу. Но,
чаще присутствіе любви сказывалось въ немъ безотчетной
грустью сердца. — Эта грусть, эта пріятная боль, изнурили
его силы, надорванные умственнымъ трудомъ, но вообще не мѣ-
шали ни энергій, ни ясности мысли.

Здоровье Мейера опять упало. Францъ худѣлъ, становился
съ каждымъ днемъ болѣе блѣднымъ и усталымъ, но вмѣстѣ съ
тѣмъ, казалось, что чѣмъ слабѣе становилось тѣло его, тѣмъ
духъ приобрѣталъ болѣе силы. Глаза его, по мѣрѣ того, какъ
лице худѣло, приобрѣтали все болѣе блеску, и голова гордо дер-
жалась на псхудаломъ тѣлѣ.

Товарищи Мейера все чаще спрашивали его о здоровьѣ и
получали въ отвѣтъ все тѣже слова, сказанныя тономъ увѣрен-
ности въ своихъ силахъ:

— Здоровъ, совершенно здоровъ!

Наконецъ уже и модель Мейера была вчернѣ почти оконче-
на. Она стояла ему слишкомъ нятимѣсячныхъ, усиленныхъ тру-
довъ. Еще оставалось за нею работы мѣсяца на два, и Мейеръ съ
восторгомъ ожидалъ минуту, когда отнесетъ ее Науману и по-
лучитъ отъ него полномочіе для примѣненія ея на фабрикѣ. На-
до оговориться, что докторъ хотя и считалъ себя лично оби-
женнымъ старымъ университетскимъ товарищемъ, при всѣмъ
томъ, изъ благодарности, хотѣлъ предоставить ему выгоды сво-
его изобрѣтенія и славу перваго примѣненія его.

Однажды, когда Мейеръ пришелъ за причитавшимся ему мѣ-
сячнымъ жалованьемъ къ директору гимназій, въ которой слу-
жилъ, этотъ послѣдній, старичокъ, составившій себѣ репутацію
человѣка самой безукоризненной честности и благороднѣйшей

души, привѣтливо усадилъ его на диванъ и просилъ подарить ему нѣсколько минутъ для необходимой бесѣды.

— Помилуйте! отвѣчалъ Мейеръ: я почту за особенную честь....

— Полноте! Какая тутъ особенная честь, любезный г-нъ Мейеръ! сказалъ директоръ: Дѣло въ томъ, что я уже давно собираюсь поговорить съ вами о васъ же самихъ.... Вотъ видите: по своему званію и положенію, я считаю себя обязаннымъ заботиться не только о процвѣтаніи ввѣренной мнѣ гимназіи, не только объ успѣхахъ учениковъ ея, но и о благосостояніи лицъ, данныхъ мнѣ въ сотрудники.... По этому, еслибъ даже я не чувствовалъ лично къ вамъ, господинъ докторъ, искренняго дружескаго расположенія, то, уже по одной служебной обязанности, почелъ бы необходимымъ вмѣшаться въ ваши дѣла, какъ дѣла подчиненнаго моего, и человѣка, котораго гимназія не можетъ лишиться, не почувствовавъ незамѣнимой потери послѣ васъ.

Мейеръ наклонилъ голову и съ признательностью пожалъ руку своего начальника. Въ то же время торжественное вмѣшательство директора въ его дѣла, до которыхъ, какъ ему казалось, не было никому никакой нужды, тѣмъ болѣе, что никто не могъ знать этихъ дѣлъ, удивило и даже отчасти встревожило его. Сплетни, новые уроки, порученія, отъ которыхъ нельзя отказаться, наконецъ выговоры за упущенія въ преподаваніи, все это мгновенно мелькнуло у него въ головѣ, какъ единственныя дѣла, о которыхъ начальникъ могъ желать говорить съ нимъ. Но сомнѣнія его скоро разъяснились.

— Рѣчь о вашемъ здоровьѣ.... продолжалъ директоръ, медленно втягивая себѣ въ носъ щепотку табаку: о вашемъ драгоценномъ здоровьѣ, любезный докторъ!

У Мейера отлегло отъ сердца.

— Но мое здоровье очень удовлетворительно! сказалъ онъ, съ обычной увѣренностью.

— Удовлетворительно? повторилъ директоръ тономъ сомнѣнія, поправляя туго накрахмаленные воротнички рубашки и барабаня по крышкѣ своей табатерки, которую, въ то же время, заставлялъ очень быстро вертѣться между большимъ и указательнымъ пальцемъ: Удовлетворительно, потому-что вы еще не ощущаете приближенія болѣзни.... А не ощущаете вы ея приближенія, потому-что вы молоды, притомъ усердно заняты дѣломъ, такъ что вамъ нѣкогда вдуматься въ состояніе вашего

здоровья.... Удовлетворительно?... Знаете ли вы, что въ ваши гѣта болѣзнь подкрадывается незамѣтно и, разрушая васъ исподволь, даетъ себя чувствовать только тогда, когда медпки, покачанъ головой, произнесутъ свое роковое слово: *поздно*. Я понимаю и ваше увлеченіе къ знаніямъ и вашу полную ревность, я знаю, что вы среди вашихъ работъ находите и наслажденіе жизнью и здоровье, но повѣрьте мнѣ, бывшему доктору медицины, что вы дорого заплатите за это благородное увлеченіе. Страсть, которая вноситъ васъ въ этой безконечной сферѣ труда и самозабвенія, никогда не подскажетъ вамъ: «теперь отдыхай.» — Никогда, до самой смерти. И потому я рѣшился дружески посовѣтовать вамъ.... Цѣль ваша, не можетъ быть достигнута однимъ порывомъ, или рядомъ порывовъ, какъ бы сильны они ни были.... Посмотрите впередъ: пристань ваша еще далека, а вы уже изнемогаете!... Да, изнемогаете! Вѣрно вы скажете, что не кашляете съ болью въ груди, что не бываетъ у васъ одышки, такъ что приходится, идучи, остановиться, чтобы набрать воздуха въ уставлыя легкія? А? Скажете, не кружится у васъ, безъ всякаго повода къ тому, голова? Не правдали: вы не можете отрицать всего этого?

Мейеръ молча наклонилъ голову и покраснѣлъ: легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу.

— Вы молчите, продолжалъ неумолимый директоръ: слѣдовательно соглашаетесь, что я угадалъ вашу болѣзнь?... Не такъ ли?

— Ваша правда! медленно и безразлично, какъ будто погруженный въ повѣрку словъ своего начальника, произнесъ Мейеръ и вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ:

— Что дѣлать?

— Какъ? что дѣлать? вскричалъ директоръ, вскакивая съ дивана и начиная расхаживать по комнатѣ: какъ? Вы не знаете, что дѣлать? Такъ я вамъ скажу, любезный докторъ, что дѣлать.... Бросить подъ столъ книги, и начать жить, веселиться, дурачиться!... Черезъ годъ, два, три, опять можете приняться за книги! Но теперь надо перестать сгибаться надъ ними.... Теперь довольно съ васъ занятій въ гимназій, да и тѣхъ, лучше-бы было, если бы вы могли избѣжать.... потому что все, что называется занятіемъ, заботой, трудомъ, напряженіемъ — ядъ для васъ.... Какъ вамъ извѣстно, мой сынъ въ однихъ съ вами гѣтахъ, но онъ еще не кончилъ университет-

скаго курса!... Это лѣвтяй, забуддыга, бретёръ.... Но, за то, здоровый малый: ѣсть какъ быкъ, проживетъ лѣтъ до семидесяти, если не больше.... И потому за него опасаться нечего!... Но если бы я видѣлъ, что онъ работаетъ такъ, какъ вы, что работа также изнуряетъ его, и если-бъ весь свѣтъ увѣрялъ меня, что ему остается одинъ день до полученія докторскаго диплома и званія совѣтника въ королевскомъ судѣ, клянусь, я не далъ бы ему доучиться этаго одного дня; я вырвалъ бы у него изъ рукъ книги, созвалъ бы толпу его товарищей, сумасбродныхъ буршей, и самъ я, старикъ, не постыдился бы пуститься гулять съ нимъ, какъ самый отчаянный восемнадцатилѣтній сорви-голова, для того, чтобъ спасти его отъ.... окончательнаго разстройства здоровья....

Старикъ говоритъ такъ искренно, и такъ усердно размахивалъ руками, что совершенно запыхался, и принужденъ былъ собраться съ силами, прежде чѣмъ могъ продолжать свою рѣчь. А въ это время, Мейеръ сидѣлъ въ глубокой, безстрастной задумчивости, повидному, довольно разсѣянно слушая директора. Поднесенная почти къ самому носу его рука директора, заставила его очнуться и внимательноѣ прислушаться къ словамъ его.

— Дайте же мнѣ руку, любезный докторъ, говоритъ директоръ: дайте мнѣ слово, что вы на время, на годъ или на два, бросите свои убійственныя занятія... Дайте мнѣ слово, что бережете свое здоровье для будущихъ и лучшихъ цѣлей въ жизни.

— Нельзя! отвѣчалъ Мейеръ рѣшительнымъ, нѣсколько рѣзкомъ тономъ, отстраняя отъ себя руку начальника: благодарю васъ, господинъ директоръ, за ваше участіе, котораго я еще не успѣлъ заслужить. Но... вы требуете невозможнаго... время не терпитъ... Мысль — вотъ здѣсь! (Мейеръ указалъ на свою голову). Она имѣетъ право на свое осуществленіе и не можетъ ждать, пока я поправлюсь здоровьемъ... Отъ осуществленія ея зависитъ участь цѣлыхъ миллионъвъ людей, можетъ быть, цѣлыхъ поколѣній... Я ли позорно сложу руки, заставляя ждать исторію, потому-что мое личное благосостояніе того требуетъ?.. Я ли годъ буду веселиться, между тѣмъ какъ втеченіе этого года, моя мысль, какъ мертвый капиталъ, будетъ скрываться во тмѣ бесполезно?... Годъ!.. но въ годъ я надѣюсь облегчить сотни тысячъ усталыхъ рукъ и, можетъ быть, спасти отъ преждевременной смерти нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Что же значить моя единичная жизнь въ сравненіи съ этими тысячами

другихъ жизни? Годъ? но года достаточно на то, чтобы дать тѣю моей мысли, которая должна произвести переворотъ во всей фабричной промышленности, слѣдовательно во всемъ материальномъ устройствѣ общества, а вы хотите, чтобъ я употребилъ этотъ годъ на поправленіе своего здоровья... Годъ? но черезъ годъ я не только увижу пристань, о которой вы говорили, я буду у берега... и современное общество вступить въ новый фазисъ своего существованія... Потому что — вотъ видите, господинъ директоръ, мое изобрѣтеніе — цѣлый фабричный переворотъ!..

Удушливый кашель принудилъ Мейера замолчать... Онъ ухватился за грудь, лицо его выказало тяжкое страданіе и, закрывъ глаза, онъ почти въ безпамятствѣ отодвинулся къ спинкѣ дивана.

По мѣрѣ того, какъ Мейеръ говорилъ, лицо директора все болѣе принимало выраженіе удивленія и радостнаго недоумѣнія. Въ глазахъ молодого человѣка опять прочелъ, вовсе неожиданно, огонь генія, между тѣмъ какъ до сихъ поръ предполагалъ въ немъ одни способности научнаго труженика. Когда же Мейеръ замолчалъ, то старикъ сѣлъ возлѣ него на диванъ, обѣими руками взявъ его руку и ласковымъ, дрожащимъ отъ сильнаго волненія, голосомъ произнесъ:

— Другъ мой! дитя моего сердца! Позвольте такъ назвать васъ! вы открываете мнѣ глаза... я до сихъ поръ не зналъ, что не одна любознательность, не одни научныя цѣли гонятъ васъ по стезѣ, избранной вами, съ такою неудержимой силой... Я не зналъ, и только теперь вижу, что вы одинъ изъ передовыхъ дѣятелей въ великой драмѣ современнаго движенія. Но если это такъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь теперь, если тысячи людей ждуть вашего животворнаго слова, способнаго двинуть міръ на шагъ ближе къ совершенству, и если вамъ нуженъ еще годъ, то я обязанъ, повторить вамъ: вамъ нуженъ отдыхъ, именно для того, чтобъ исполнить возложенный на васъ великій подвигъ... Вамъ необходимо собраться съ силами, чтобы не пасть отъ изнеможенія на половинѣ дороги. Извините, но вы принуждаете меня сказать вамъ то, о чемъ я хотѣлъ умолчать, чтобъ не испугать васъ: при такомъ сидячемъ образѣ жизни и такомъ усиленномъ умственномъ напряженіи, вашъ организмъ не выдержитъ года...

Мейеръ отодвинулся отъ старика на самый конецъ дивана и

взглянуть на него съ недовѣрчивостью, которая тутъ же перешла въ легкую досаду.

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ это? спросилъ онъ: неужели вы не чувствуете, что увѣренность въ скорой смерти заставитъ меня еще сильнѣй рвануться къ моей цѣли?...

Директоръ увидѣлъ, что сдѣлалъ ошибку и постарался исправить ее единственнымъ, оставшимся въ распоряженіи его средствомъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, воскликнулъ онъ съ жаромъ: въ такомъ случаѣ, я говорю вамъ, что вы эгоистъ, хотите самоубійствомъ избѣгнуть рѣшенія трудной задачи... Вы дилетантъ своихъ стремленій, которому болѣе нравится самый процессъ дѣла, чѣмъ ровное, но вѣрное достиженіе цѣли...

Мейеръ хотѣлъ что-то возразить на слова старика, но онъ не далъ ему рта разинуть и продолжалъ, болѣе и болѣе одушевляясь:

— Да! конечно! еслибъ вы такъ и сказали, что вы ни кто другой, какъ докторъ философіи, — то я еще простилъ-бы вамъ ваше самоумерщвление... Но вы сами сознаетесь, что вы сосудъ, въ которомъ лежитъ семя преобразованія матеріальнаго состоянія обществъ... И я собственными глазами прочелъ на вашемъ лицѣ печать высшаго призванія, потому-то и говорю вамъ: вы не имѣете права такъ безпечно распоряжаться своими силами!.. Тратя ихъ съ такой небрежностью, вы подвергаете опасности, — этого мало — непремѣнной гибели плодъ, который обязаны выносить въ своей жизни... Поэтому вы обвиняетесь мною, передъ лицомъ всего человѣчества, въ преступленіи противъ общественнаго благосостоянія...

— Господинъ директоръ! началъ Мейеръ вмѣстѣ и серьезнымъ и растроганнымъ голосомъ, но снова былъ прерванъ старикомъ, который продолжалъ:

— Извините, любезный докторъ, я еще только скажу нѣсколько словъ... я также поборникъ великой идеи нашего времени, поборникъ слабый средствами, сильный только убѣжденіемъ и желаніемъ... Но вы... вы совершенно другой человѣкъ!... Вы богатырь этого дѣла, которое можете двинуть далеко впередъ, если у васъ станетъ на то физическихъ силъ... Какъ же мнѣ не сказать вамъ: вы губите себя и отодвигаете тѣмъ рѣшеніе задачи на неопредѣленное время?.. Какъ же мнѣ не стараться стать вамъ помѣхой въ вашемъ самоубійствѣ, тогда какъ вы уносите съ собою въ могилу осуществленіе своей мечты, мечты высрой

и общечеловѣческой?.. Вамъ нуженъ годъ на этотъ трудъ, но еслибъ вы и прожили этотъ годъ и привели къ окончанію дѣла, то можете ли вы предвидѣть всѣ препятствія, которыя встрѣтитъ осуществленіе предполагаемой вами реформы?.. Можете-ли вы расчитать — сколькихъ лѣтъ борьбы потребуется на то, чтобъ новую мысль привить къ обществу, усвоить ему?.. А гдѣ возьмете вы этихъ лѣтъ, если истратите свои силы на одно изобрѣтеніе, которое должно быть только первымъ шагомъ къ примѣненію его?

Мейеръ, вибѣтъ и тронутый довѣрчивой, горячей дружбой своего начальника и убѣжденный его доводами, всталъ съ дивана и, погруженный въ размышленія, молча, съ потупленнымъ глазами, медленно заходилъ по комнатѣ. Онъ мысленно отдалъ себѣ отчетъ въ пройденномъ пути и долженъ былъ согласиться, что, если осуществленіе его изобрѣтенія и нуждалось бы теперь въ однихъ деньгахъ и механическомъ исполненіи, то и этого онъ не можетъ предоставить чужимъ рукамъ; а на это нужно ему еще довольно продолжительное время... Машина, которую онъ изобрѣлъ, одна, сама по себѣ, еще не могла стать источникомъ того преобразования въ промышленности, въ пользу котораго Мейеръ трудился. Она должна была начать цѣлый рядъ подобныхъ изобрѣтеній, которыхъ неясный образъ уже носился передъ мысленнымъ взоромъ молодаго человѣка. А для исполненія такого обширнаго плана требовалось много лѣтъ!.. Притомъ, продолжалъ думать Мейеръ: и жизнь, сама по себѣ, такъ хороша, а я еще не воспользовался почти ни однимъ изъ ея даровъ.... Правду говоритъ старый директоръ: лучше потерпѣть и прожить нѣсколько лишнихъ лѣтъ... А между тѣмъ, директоръ, замѣтивъ, что пошатнулъ упрямство своего собесѣдника, поспѣшилъ воспользоваться минутой, чтобъ окончательно убѣдить его.

— Ввѣрьтесь моему руководству! сказалъ онъ, снова протягивая Мейеру руку: — послушайте моего совѣта... Я потребую отъ васъ немногого.... Согласны ли вы?..

Мейеръ на этотъ разъ съ жаромъ схватилъ его руку и сказалъ съ сыновней любовью:

— Согласенъ! Вы убѣдили меня, господинъ директоръ! Говорите, въ чемъ состоятъ ваши совѣты.... Обѣщаю вамъ буквально исполнять ихъ....

— Ну, вотъ за эту люблю! радостно воскликнулъ директоръ, вскакивая съ дивана и бросаясь обнимать Мейера: — Слушайте

же! Зная васъ и видя, какъ горячо вы любите свое дѣло, я не стану требовать отъ васъ цѣлаго года бездѣйствія... Вы не были бы въ состояніи исполнить данное мнѣ слово.... И потому предписанія мои ограничатся нѣсколькими гигиеническими правилами, изъ которыхъ главнѣе состоитъ въ томъ, чтобъ вы занимались дома не болѣе трехъ часовъ въ сутки... Остальное время дня — гуляя, ходили въ гости, развлекали себя искусствами и легкимъ чтеніемъ. Согласны ли вы?

— Согласенъ, хотя привыкать къ такому образу жизни сначала будетъ мнѣ очень трудно....

— Я помогу вамъ.... Въ этомъ положитесь на меня... И, во первыхъ, я составлю вамъ на бумагѣ распредѣленіе всѣхъ часовъ дня, перечень кушаньямъ, которыя преимущественно надо вамъ употреблять, и наконецъ выпишу вамъ нѣкоторыя домашнія, медицинскія пособія, которыя принесутъ вамъ скорую и несомнѣнную пользу, а во вторыхъ, приглашаю васъ на сегодня съ нами въ ложу, а на завтра обѣдать и провести у насъ вечеръ....

— Но.... возразилъ Мейеръ.

— Возраженія не принимаются... перебилъ директоръ:— Ваше слово связываетъ васъ!...

— Но я нисколько и не намѣренъ отказываться... возразилъ Мейеръ:— если только не стѣсню ваше семейство своимъ присутствіемъ и если вы позволите мнѣ быть въ долгу относительно платы за ложу....

— Это послѣднее невозможно, отвѣчалъ директоръ:— потому что ложа подарена мнѣ родственникомъ моей жены, кот рый, по обстоятельству, не можетъ сегодня ѣхать въ театръ! Что же касается до стѣсненія, скажу вамъ, что жена моя не намѣрена ѣхать, сына нѣтъ въ городѣ, слѣдовательно въ ложѣ будутъ только вы, дочь моя и вашъ покорнѣйшій слуга. И такъ въ шесть часовъ мы ожидаемъ васъ, чтобъ отсюда вмѣстѣ отправиться въ коляскѣ... Теперь же можете получить жалованье...

Мейеръ молча поклонился въ знакъ согласія и, получивъ жалованье, отправился домой обѣдать.

Глава XXIII,

изъ которой видно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и статистика относится къ разряду книгъ для легкаго чтенія.

Возвращаясь домой, Мейеръ рѣшилъ, что будетъ буквально слѣдовать предписаніямъ директора относительно своего здо-

ровья. Вопедъ къ себѣ и пообѣдавъ, вмѣсто того, чтобъ, по обыкновенію, сѣсть за свою модель и вычисленія, началъ, для моціона, прибирать свою комнату, которая въ послѣднее время обратилась въ заброшенный чуланъ для храненія старыхъ вещей. Онъ перебралъ всѣ свои бумаги и привелъ ихъ въ такой порядокъ, чтобъ, при первой необходимости, имѣть все подъ рукой. И тѣмъ, онъ призвалъ хозяйку и поручилъ ей вынести въ компатѣ и стереть съ книгъ и мебели пыль, конечно, строго выговоривъ себѣ неприкосновенность уголка, въ которомъ лежали матеріалы для его изобрѣтенія. Не смотря на искусство, ловкость и быстроту, съ которыми она исполняла его порученія, Мейеръ безпрестанно вмѣшивался въ дѣло; ему хотѣлось то снасти отъ не совсѣмъ бережныхъ рукъ ся развалившуюся отъ ветхости книгу, то указать на паутину, то помочь сдвинуть письменный столъ или кровать. Вдругъ, посреди этой хлопотливой дѣятельности, красный переплетъ книги in 8° бросился въ глаза Мейеру и заставилъ задуматься о содержаніи ея. Оказалось, что это мануфактурная статистика, которую, года два тому назадъ, Мейеръ взялъ изъ университетской бібліотеки, для прочтенія, и съ любопытства, въ часы досуга. Но какъ такихъ часовъ, съ тѣхъ поръ, какъ взята была книга, не нашлось у Мейера, то статистика и пролежала въ забвеніи, подъ грудой другихъ сочиненій.

При взглядѣ на этотъ переплетъ, прежнее любопытство овладѣло Мейеромъ: онъ развернулъ книгу, сначала перебралъ нѣсколько листовъ, потомъ, попавъ на занимательную страницу, и грузился въ чтеніе. Хозяйка давно уже скончила уборку комнаты и вышла, объявивъ доктору, что въ такомъ видѣ нельзя узнать его квартиры; часы на сосѣдней башнѣ, давно пробили два, потомъ три, четыре и пять. Мейеръ ничего этаго не замѣчалъ, увлеченный интересомъ чтенія.

Вдругъ... при новомъ боѣ часовъ, онъ почему-то сталъ прислушиваться и считать...

— Разъ, два, три! произнесъ онъ громко и нѣсколько удивился быстротѣ времени; потомъ, услышавъ слѣдующій ударъ, воскликнулъ:

— Четыре! что это? возможно-ли, чтобы было четыре часа? Непостижимо!

Но когда за этимъ, еще послѣдовали два удара, то спѣ совершенно растерялся. Въ воображеніи его возникъ образъ стараго директора и его дочери, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ его...

Коляска стояла у крыльца... занавѣсь въ театрѣ уже поднимался...

Мейеръ отбросилъ въ сторону фоліантъ, вскочилъ съ кровати, на которой сидѣлъ, и поспѣшилъ одѣться. Тогда только онъ вспомнилъ, что различныя подробности его туалета были не совсѣмъ исправны: что на праздничномъ фракѣ не доставало одной пуговицы, что сапоги, со-вчерашняго дня, были не вычищены, что перчатки могли бы быть посвѣжѣе, рубашка поглаже...

Но дѣлать было нечего: слово дано, заставить дожидать себя, и потомъ вовсе не прійти, значило обидѣть стараго директора.

— Авось они ужъ уѣхали! подумалъ Мейеръ, одѣлся, какъ и во-что могъ, и быстрыми шагами вышелъ изъ дому.

Приближаясь къ дому своего начальника, Мейеръ увидѣлъ, что предчувствіе его отчасти сбылось: передъ подъѣздомъ дома стояла чистенькая, старомодная коляска, запряженная парой здоровыхъ клячъ, которыми управлялъ неуклюжій кучеръ въ широкомъ и безобразномъ костюмѣ...

Мейеръ опрометью бросился въ залъ: тамъ у высокаго трюмо, стояла хорошенькая восемнадцатилѣтняя блондинка въ шляпкѣ и перчаткахъ. Блондинка разсматривала свое свѣженькое личико и каралловыя, не много надутыя губки, когда, подобно вихрю, влетѣлъ въ комнату заранѣе сконфуженный докторъ.

Дѣвушка ахнула и обернулась спиной къ зеркалу. Мейеръ молча поклонился. Съ зоркостью своихъ восемнадцатилѣтнихъ глазъ, замѣтивъ его замѣшательство, блондинка, никогда не слышавшая о существованіи доктора Мейера, а тѣмъ менѣе видѣвшая его, подумала:

— Вѣроятно, какой нибудь проситель или давнишній ученикъ папаша... Да, какой же онъ смѣшной и неуклюжій!.. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ былъ дурень...

На основаніи такого предположенія, блондинка слегка кивнула Мейеру головой и сказала:

— Вѣроятно, вы къ папашѣ? Онъ теперь одѣвается... А потомъ, когда одѣнется, мы поѣдемъ въ театръ.

Сдѣлавъ такой тонкій намекъ на несвоевременность пріхода гостя, блондинка думала, что онъ тотчасъ же догадается откланяться и уйдти; но каково же было удивленіе ея, когда Мейеръ очень тихо сталъ приближаться къ ней.

— Вотъ несносный тюлень! подумала дочь директора. Еще

подходить ко мнѣ, когда я почти выгоняю его!.. ну, на что это похоже?

И блондинка еще болѣе надула губки и, очень невѣжливо повернувшись къ Мейеру спиной, отошла отъ него къ окну. Къ счастью, докторъ, по своей разсѣянности и не знанію свѣтскихъ условій, не понялъ всей резкости этого маневра; иначе это обстоятельство окончательно сбило бы его съ толку. А онъ чувствовалъ, что дальнѣйшее молчаніе становилось смѣшно, и потому, собравшись съ духомъ, успѣшилъ сказать:

— Вѣроятно, вашъ батюшка не доволенъ тѣмъ, что я... немножко опоздалъ...

Блондинка обернулась и вопросительно взглянула на него, думая:

— Вотъ, такъ! значить, папенька пригласилъ этого тюленя по какому нибудь дѣлу, займется съ нимъ и забудетъ о театрѣ... мы опоздаемъ, непременно опоздаемъ... Несносныя эти дѣла!..

А между тѣмъ, Мейеръ, по-своему объясняя взоръ блондинки, также думалъ:

— Вѣрно, она удивляется моей глупости!.. Какъ это слово «немножко» попало мнѣ такъ не кстатя на языкъ?... что за *немножко* опоздалъ? Совсе говорить не умѣю!..

— Ахъ, какъ это скучно! вскричала дѣвушка, не выдержавъ своей досады: такъ у насъ съ нимъ какое нибудь дѣло, которое помѣшаетъ намъ ѣхать въ театръ...

Мейеръ только еще готовился отвѣчать на наивную выходку блондинки, какъ дверь въ кабинетъ отворилась, и изъ нея показалась фигура стараго директора, въ черномъ фракѣ, туго накрахмаленной, безукоризненной чистоты, рубашкѣ и съ шляпою въ рукѣ.

— Добро пожаловать, любезный докторъ! сказалъ онъ, протягивая Мейеру руку: я уже съ самаго прихода вашего, слышу вашъ голосъ!.. Да надо было еще окончить туалетъ... Теперь я готовъ... и такъ, извините, что я прошу васъ прямо въ коляску, а не въ кабинетъ...

— Какъ, въ коляску?

Эти слова нечаянно вырвались у блондинки; она и не подозревала, что Мейеръ приглашаетъ ея отцемъ.

— Ну да, конечно, въ коляску! повторилъ директоръ: докторъ Мейеръ ѣдетъ съ нами въ театръ. Ergo, eamus! Лоттхень, маршъ впередъ!

Но избалованная Лоттхенъ и не думала повиноваться родительской командѣ, и пошла въ противоположную дверь, во внутреннѣя комнаты, искоса окинувъ женскимъ, критическимъ взглядомъ блѣдную, худую, довольно неповоротливую фигуру и поношенный, не совсѣмъ опрятный костюмъ молодаго доктора, причеиъ презрительно выставила впередъ нижнюю губу своего хорошенкаго ротика.

— Куда-жь ты, вѣтреница? закричалъ директоръ, думая, что молодая дѣвушка ошиблась направлениемъ.

— Надо-же проститься съ мамашей, нѣсколько рѣзко отвѣчала блондинка, исчезая за дверью въ сосѣдную комнату.

A la bonne heure! сказала директоръ, надѣвая на голову шляпу и всплеснувъ руками: теперь прѣщаться, когда надо ѣхать... А пока я одѣвался — было некогда, видите!. Охъ эти женскія головы! я до сихъ поръ не знаю, какая разница между ими и ихъ чепчиками...

И взявъ огромную щепоть табаку, директоръ, сталъ вертѣть табатерку между большимъ и указательнымъ пальцами.

Мейеръ, между тѣмъ, не зная, что ему дѣлать; онъ совершенно растерялся отъ этой семейной сцены, замѣгивъ, что блондинка была недовольна приглашениемъ его въ ложу, что его небрежный костюмъ и неумѣнье держать себя обратило на себя ея вниманье; онъ готовъ былъ бы провалиться сквозь землю, чтобы отдѣлаться отъ этой поѣздки въ театръ. Но уклониться не было ни какой возможности, и молодой человекъ представилъ себя на волю всѣхъ вѣтровъ.

Директоръ, вспомнивъ, что надѣлалъ, при гостѣ, въ комнатѣ шляпу, вывелъ Мейера изъ грустныхъ размышленій, принимаясь извиняться въ своей забывчивости. Тогда только Мейеръ вспомнилъ, что и ему не худо извиниться въ своей неисправности.

Между тѣмъ какъ они извинялись, и Францъ доказывалъ директору, что онъ опоздалъ вслѣдствіе увлеченія статистикой, въ эту минуту вошла Лоттхенъ и прервала только что начинавшійся споръ.

Надо было спѣшить въ театръ, потому что представленіе уже начиналось.

До самаго отъѣзда, Мейеръ не зналъ, что его везутъ въ балетъ. Уже сидя въ коляскѣ, директоръ подаль ему афишку, на которой крупными буквами было написано: «въ пользу режиссера

королевскаго театра: Эсмеральда, балетъ, въ которомъ участвуетъ первая танцовщица: Фанни Готзегенъ.

Кровь бросилась въ голову у молодаго человѣка, когда взглядъ его упалъ на это милое ему имя; въ ухахъ у него зазвенѣло, и большаго труда стоило ему настолько овладѣть своимъ волненіемъ, чтобъ не выдать его своимъ спутникамъ.

ГЛАВА XXIV,

въ которой доказывается справедливость словъ, что нельзя служить двумъ господамъ.

Въ то время, какъ Францъ находился въ домѣ директора, въ маленькомъ, чистенькомъ домикѣ, занимаемомъ Фанни, вопреки обычной, почти могильной тишинѣ, было замѣтно движеніе: хозяйка готовилась къ вечернему представленію «Эсмеральды». Горничная Эмилиа хлопотливо бѣгала по комнатамъ съ юбками и другими принадлежностями туалета госпожи своей. Слуга, Августъ, одѣвался въ нарядъ, приличный для выѣзда, на дворѣ закладывали карету.

Около исхода шестаго часа, Фанни, до тѣхъ поръ писавшая въ своемъ будуарѣ, положила перо и позвонила.

— Пора одѣваться! сказала она вошедшей горничной, укладывая бумагу въ ящикъ письменнаго столика.

— Все готово! отвѣчала Эмилиа и потомъ прибавила: прикажете брильянтовый или другой уборъ?

— Брильянтовый? разсѣянно повторила Фанни: ради Бога, только не брильянтовый!.. Жемчугъ, золотой съ эмалью эскаважъ... бирюзовую брошку!

— Слушаю!

Горничная вышла.

— Проклятый театр! говорила про себя Фанни, потягиваясь, и опираясь о столикъ: не дадутъ вздохнуть... Пляши имъ, тѣши ихъ, когда у самой на сердцѣ страшная тоска. Улыбайся праздной толпѣ въ ту минуту, когда хотѣлось бы плакать...

— Но... прибавила она, послѣ минутнаго молчанія, съ проявившимся взглядомъ: толпа даетъ деньги, а деньги... деньги нужны ему на осуществленіе машины...

Эмилиа прервала монологъ своей госпожи. Фанни сѣла передъ зеркаломъ и отдала въ ея распоряженіе свою голову. Горничная

хлопотливо принялась убирать ее. Въ эту минуту Фрейлейнъ Таузендъ вошла въ комнату. Увидѣвъ ее въ зеркало, Фанни сказала:

— Какъ кстати вы пришли, мейнъ Фрейлейнъ! Я только-что собиралась послать просить васъ къ себѣ!

— Очень рада, что я догадалась... ласково ствѣчала старая дѣва: съ нѣкотораго времени я рѣдко стала приходить кстати!.. Вы хотѣли говорить со мной, моя милая?..

— Я хотѣла... медленно произнесла Фанни, не вникая въ слова старушки. Я хотѣла спросить васъ: замѣчаете ли вы, что мои плечи и грудь очень похудѣли, лицо блѣднѣе обыкновеннаго и глаза какъ-то больше стали?..

Компаньонка подошла съ боку къ Фанни и, пристально посмотрѣвъ на нее, отвѣчала, съ глубокимъ вздохомъ, цѣлуя ее въ голую шею:

— Къ сожалѣнію, ваше замѣчаніе совершенно справедливо. Впрочемъ, вы перемѣнились не вдругъ... Вотъ уже около полу-года, какъ вы худѣете очень замѣтно... Да какъ вамъ и не худѣть? Театръ, да эти четыре стѣны, въ которыхъ вы проводите безсонныя ночи, недостатокъ пищи, развлеченій, свойственныхъ вашему возрасту, тайное горе, которое неустанно гложетъ васъ — все это не можетъ укрѣпить здоровья... вы губите себя, моя милая!..

Слеза блеснула на глазахъ старой Фрейлейнъ, и видно было, что въ словахъ ее откликнулась давно знакомая забота.

— Театръ и эти четыре стѣны? произнесла Фанни въ раздумьи: — какъ отчетливо вы очертили міръ, который остался мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я узнала дѣйствительную жизнь. Театръ и эти четыре стѣны!.. Чего-же больше? Здѣсь я думаю о немъ, перевоспитываю себя, чтобъ возвыситься до пониманія его, чтобы обновить себя и потомъ свято сказать ему первое слово любви... Тамъ, на сценѣ, я работаю для того, чтобъ любимые планы его могли осуществиться, потому что хочу дать ему счастье, а счастье возможно ему только тогда, когда его планы сбудутся... И здѣсь, и тамъ, я живу съ нимъ и для него! Чего-же больше желать мнѣ?.. чего?

Крупная слеза скатилась по щекѣ Фанни, когда она договорила эти слова: молодая женщина не думала отирать ее.

— Вы спрашиваете: чего больше желать вамъ? возразила компаньонка, едва удерживая взрывъ своей печали; но ваши слезы опровергаютъ вашу рѣчь... Нельзя жить только для другаго!

По крайней мѣрѣ, пусть бы онъ видѣлъ эти жертвы, ободрилъ-бы ихъ взглядомъ признательности, или сочувствія... А вы, Фанни, кажется, около полугода и не видѣли человѣка, для котораго оставили свѣтъ, друзей и повели эту жизнь, исполненную добровольныхъ лишеній и тяжкаго труда... И почти ничего не знаете о немъ: не такъ-ли?..

Фанни грустно поникла головой и смотрѣла на конецъ своей ножки, обутой въ крошечную туфлю. Вдругъ она подняла голову и сказала тономъ легкой пропіи:

— Вы преувеличиваете дѣло, мейнъ фрейлейнъ!... неужели вы думаете, что у меня достало бы терпѣнья на такую любовь по одному воспоминанью?... Да и что бы это была за любовь?... Такъ могутъ любить однѣ слабонервныя институтки, да еще золотушныя либефрау, которыя боятся истиннаго, дѣйствительнаго чувства, со всѣми его разочарованіями, невзгодами и бурями. Нѣтъ, для меня необходима любовь страстная и живая. И какъ вы могли подумать, что я полгода остаюсь безъ всякихъ свѣдѣній о моемъ Францѣ? Нѣтъ, такое равнодушіе не въ моей природѣ, и я вижу каждое движеніе любимаго мнѣ человѣка, я слѣжу за нимъ и во-снѣ и на-яву...

— Фрейлейнъ Таузендъ, покраснѣвъ, опустила глаза внизъ, какъ цѣломудріе Рафаеля, между тѣмъ какъ Эмилія, глядя на старушку, плутовски смѣялась, стараясь укрыться за оконными занавѣсками.

— Нѣтъ! продолжала Фанни, не замѣчая смущенія одной и смѣха другой: я не способна къ такому любовному лунатизму.... Я хочу любить Франца, а не воспоминаніе о немъ, и потому, разъ или два въ недѣлю, отправляясь на репетицію, куда дорога ведетъ мимо практической гимназіи, останавливаю карету и вижу его или входящаго, или выходящаго изъ нея. А для того, чтобъ мои поѣздки вѣрнѣе увѣнчались успѣхомъ, я нашла способъ, лучше любого ученика или инспектора, заучить часы, въ которые Францъ бываетъ въ гимназіи.... Кроме того, моя любовь имѣетъ тѣло, ей нужно обладаніе.... потому что я женщина, а безплотный духъ.... И потому мнѣ необходима увѣренность въ томъ, что Францъ свободенъ, что, если онъ еще не любитъ меня, по крайней мѣрѣ, не любитъ и никого другаго.... И потому я освѣдомляюсь о его знакомствахъ, о томъ, не скучаетъ ли онъ, и не имѣютъ ли на него видовъ чадолюбивыя матушки, у которыхъ дочка пуждается въ мужьяхъ.... Въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ не было почти ни одного дня; въ ко-

торый я не имѣла бы о жизни моего милого подробныхъ свѣдѣній.... и мнѣ кажется, я умерла бы, — еслибъ съ недѣлю была лишена ихъ....

— Но вѣдь это шпионство, *ma belle*, сказала компаньонка, сомнительно покачивая головой изъ стороны въ сторону: Я считала васъ выше этого....

— Потому что вы никогда не любили, *ma chère*, воскликнула съ жаромъ Фанни; а если и любили, то безстрастно, холодно, идеально!... Но еслибъ вы любили такъ, какъ я, тогда-бъ не назвали моихъ поступковъ шпионствомъ.... Тогда вы поняли бы, что любить и не видѣть любимаго человѣка, не знать, что онъ дѣлаетъ, не быть увѣренной въ томъ, что онъ свободенъ, слѣдовательно можетъ стать моимъ—не возможно, какъ невозможно дышать безъ воздуха, ходить безъ земли подъ ногами.... Для такой любви, какъ моя, нужна извѣстность, потому что такая любовь не эпизодъ въ романѣ, а цѣлая жизнь, и только одна извѣстность можетъ осмыслить и одушевить ее. Одна надежда на будущность можетъ вдохнуть въ нее энергію въ настоящемъ.... Зато безнадежность должна разрушить ее вмѣстѣ съ жизнью.... Да! я не пережила бы, еслибъ убѣдилась, что Францъ не можетъ любить меня.... Я считаю себя въ правѣ освѣдомляться о томъ, могу ли я надѣяться, потому что надѣяться значитъ для меня любить, а любить значитъ жить!...

— О, какъ я была далека отъ того, чтобъ подозрѣвать эту теорію любви, введенную вами въ практику, милая Фанни! сказала Фрейлейнъ Таузендъ: какъ много въ ней силы, увлеченія, страсти, самоотверженія, но какъ много и эгоизму.... Да, эгоизму, милая Фанни!... Сознаюсь, я иначе до сихъ поръ понимала любовь, можетъ быть, именно потому, что никогда не любила.

И старушка замолчала. Она вспомнила свою монотонную и блѣдную прошлую жизнь. Въ этой жизни не было ни одного дня полнаго счастья, ни одного случая торжества самолюбія или тщеславія, ни одной минуты восторженнаго увлеченія: все глухо, ровно и безцвѣтно. Старушка опустила на грудь голову и пригорюнилась.

Видя это, Фанни постаралась дать другое направленіе разговору, что впрочемъ не вполне удалось ей.

— Но что досадиѣе всего, мейнъ Фрейлейнъ, воскликнула молодая женщина: я, съ нѣкотораго времени, начала хуже тан-

цовать.... Сама чувствую, что это такъ, да не умѣю помочь горю.

— Это вамъ только кажется! перебила компаньонка, уже забывъ о самой себѣ и стараясь утѣшить Фанни. — Вы слишкомъ строги къ себѣ.... Въ послѣдній разъ, какъ я была въ балетѣ — этому всего недѣля — вы были восхитительны, повѣрьте мнѣ, милая моя!... Восторгъ былъ неподдѣльный и публика по прежнему любитъ и превозноситъ васъ.

— Да не о томъ хлопочу я! возразила Фанни; я привыкла къ этимъ рукоплесканьямъ, какъ къ своему зеркалу и къ Эмили.... Угодить толпѣ я еще долго буду въ состояніи.... Но мнѣ больно то, что я перестаю угождать самой себѣ.... Одобренье толпы часто портитъ насъ, артистовъ, потому что зависитъ большею частью отъ обстоятельствъ, вовсе чуждыхъ самому искусству.... Составленная репутація, хорошенькое личико, маленькая ножка, роскошный бюстъ и прекрасный станъ, побольше смѣлыхъ прыжковъ — и все это легко подкупаетъ зрителей.... Но всякій художникъ носитъ внутри себя судъ своего искусства, который одобряетъ или оуждаетъ его, смотря по достоинству.... Ему то, этому неподкупному суду, уже давно не могу я угодить.... Потому что, — вотъ видите, мейнъ фрейлейнъ, — искусство ревниво, какъ любящій мужчина: ему отдавай все-го себя или оно отступится отъ тебя.... Тогда изъ художника сдѣлаешься ремесленникомъ.... И я вижу на себѣ подтвержденіе этаго! Съ тѣхъ поръ, какъ я стала смотрѣть на свое искусство, какъ на средство для приобрѣтенія денегъ, необходимыхъ Францу, съ тѣхъ поръ я начинаю падать въ своихъ собственныхъ глазахъ. И никакія одобренія зрителей, никакія восторги знатоковъ, не въ состояніи поколебать моего убѣжденія....

— Вы говорите, какъ книга, милая Фанни! сказала компаньонка, не впоизѣ понявшая смыслъ словъ молодой женщины. Но извините меня, мнѣ кажется, вы преувеличиваете дѣло.

— Преувеличиваю? воскликнула Фанни съ жаромъ глубокаго убѣжденія: выслушайте меня, мейнъ фрейлейнъ!... Прежде мнѣ никогда не случалось быть равнодушной къ роли, которую я выполняю. И потому, — чѣмъ чаще я танцевала въ одной и той же роли, тѣмъ болѣе совершенствовалась въ ней. Оттого всѣ и находили, что меня можно было видѣть въ одной и той же пьесѣ хоть сто разъ, нисколько не утрачивая новизны и прелести впечатлѣнія. Теперь не то; я устаю и скучаю повтореніемъ, и если успѣваю разнообразить свою роль, то только развѣ подѣ

вліяніемъ вдохновенія минуты.... И этого не могъ не замѣтить безпристрастный и знающій критикъ, каковъ нашъ театральнй вѣстникъ.... Прочли ли вы новую статейку обо мнѣ въ послѣднемъ номерѣ его?..

— Вы знаете, Фанни.... отвѣчала компаньонка: что я читаю все, что въ журналахъ говорятъ о васъ....

— И такъ.... продолжала Фанни. По этой статьѣ вы должны были замѣтить, что театральнй вѣстникъ пересталъ уже безусловно удивляться мнѣ.... И онъ находитъ меня однообразной, вялой, танцующей безъ прежняго увлеченія.... Впрочемъ, я это говорю вовсе не къ тому, чтобъ меня очень занимали мнѣнія нашихъ журнальныхъ критиковъ.... Я не обратила бы на нихъ никакого вниманія, еслибъ голосъ моего внутренняго суда не былъ совершенно согласенъ съ ними....

Фанни замолчала, но черезъ минуту снова заговорила съ прежнимъ жаромъ:

— Да! я обратилась въ ремесленника!.. Я ѣду въ театръ, какъ исправный работникъ идетъ на фабрику, танцую, какъ онъ исполняетъ заданный урокъ, добросовѣстно, но безъ любви къ дѣлу, безъ призванія, безъ увлеченія.... потомъ, усталая, возвращаюсь домой и радостно считаю по пальцамъ свою зарплатку.... Фанни грустно покачала головой.

— Голова убрана! сказала Эмилиа.

Фанни встала съ кресла и повернувшись къ фрейлейнъ Таузендъ, сбросила пеньюаръ на руки Эмилии, которая начала одѣвать ее.

Когда туалетъ ея былъ конченъ, и она подошла къ компаньонкѣ, какъ будто для того, чтобы вызвать ея мнѣніе о своемъ нарядѣ, старушка обвела ее любящимъ взоромъ и сказала:

— Но все-таки вы прекрасны, моя милая, прекраснѣе всѣхъ женщинъ, которыхъ мнѣ когда либо случалось видѣть.... Даже ваша блѣдность, ваша худоба не только не вредитъ вашей красотѣ, напротивъ, еще лучше отгѣняетъ блескъ вашихъ выразительныхъ глазъ и придаетъ вамъ привлекательную томность.

— Да вы, кажется, льстите мнѣ, мейнъ фрейлейнъ! сказала Фанни съ самодовольной улыбкой; а между тѣмъ, скажу вамъ откровенно, я люблю свою худобу и блѣдность. Замѣчаете ли вы, что голова моя развивается, я начинаю понимать многое, что прежде казалось мнѣ совершенно недоступнымъ; рѣчь моя становится серьезнѣй и мысль богаче содержаніемъ.

— Въ эту минуту Фанни, взглянувъ на часы, увидѣла, что стрѣлка подходитъ къ половинѣ седьмаго, а потому, не договоривъ, закричала:

— Но я заболталась съ вами, мейнъ фрейлейнъ! Пора въ театръ! Эмилія, плащъ! Велите подавать карету!

Фанни поспѣшно выбѣжала изъ комнаты.

Глава XXV,

въ которой говорится, что водевильныя актрисы иногда бываютъ причиною трагическихъ положеній.

Между тѣмъ, какъ Фанни ѣдетъ въ театръ, мы усѣдемъ въ это время заглянуть еще въ одинъ домъ, въ которомъ можетъ быть, найдемъ не менѣе интересныя для насъ лица. Я разумѣю, квартиру водевильной актрисы, Адели Штраусъ, которая въ этотъ вечеръ не играла.

Гостиная Адели, зѣ-ново убранная на-счетъ Наумана, представляла зрѣлище и незѣпой роскоши, и вошющаго безвкусія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, она болѣе походила на магазинъ или на выставку вещей, назначенныхъ для продажи съ публичнаго торга.

Это была довольно большая, свѣтлая комната, оклеенная дорогими, пунцовыми по бѣлому фону обоями, съ шелковыми оконными занавѣсами и такими же портьерами. Богатый коверъ покрывалъ почти весь полъ. По стѣнамъ были развѣшаны, очень посредственнаго достоинства картины, но, вставленныя въ прекрасныя рамки; огромныя, цѣльныя зеркала представляли длинныя перспективы, вовсе не пропорціональныя величинѣ квартиры. Мебель, которой стояло несравненно болѣе, чѣмъ нужно, была вся обтянута пунцовой шелковой матеріей и отличалась изяществомъ рѣзбы и смѣлостью рисунка. На этажеркахъ и столахъ было разставлено безмѣрное множество дорогихъ бездѣлушекъ, безъ которыхъ не обходится ни одна гостиная, такъ называемаго, большого свѣта. Всѣ эти предметы, какъ будто мѣшавшіе другъ другу, толкавшіеся изъ-за мѣста, были размѣщены съ явнымъ неумѣемъ обращаться съ ними и покрыты слоемъ пыли. Если присоединить къ этому претензію на велико-свѣтскій комфортъ и моду, претензію во всѣхъ мелочахъ, то нельзя не согласиться, что гостиная Адели должна была производить на свѣжаго человѣка самое тяжелое впечатлѣніе. Это

былъ самый пестрый базаръ, безъ идеи и эстетическаго чувства.

Кромѣ того въ этой обстановкѣ и нагроможденіи ненужныхъ вещей проглядывала другая черта характера хозяйки: ея жадность. Адель, зная, что Науманъ не любитъ ее и только для развлечения затѣялъ съ нею связь, старалась извлечь изъ этой связи всѣ денежные выгоды, какія только могла. И потому, она заставляла своего любовника покупать все, что попадалось ей на глаза, конечно, прикрывая всѣ эти покупки предлогомъ необходимости, требованій комфорта, вкуса и приличій. И простакъ Науманъ, по своей добротѣ и часто по одному неумѣнью отказать въ просьбѣ, исполнялъ всѣ прихоти хорошенькаго Гарпагона въ юбкѣ.

Когда квартира, гардеробъ, шкапулки и всевозможныя ящики ея наполнились дорогими вещами на счетъ Наумана, Адель стала вытягивать изъ него банковыя билеты. Состояніе ея росло точно въ такой пропорціи, въ какой раззорился Науманъ, а раззорился онъ не по днямъ, а по часамъ.

Въ день представленія Эсмеральды, Адель была свободна, и потому пригласила къ себѣ Наумана обѣдать.

Въ началѣ седьмага, нѣжные любовники перешли въ гостиную, гдѣ ожидалъ ихъ ароматическій кофе. Хозяйка дома бросилась на диванъ, и, въ ожиданіи, пока остынетъ кофе, позволила къ себѣ хорошенькаго кингсъ-чарля и принялась возиться съ нимъ. Науманъ, по обыкновенію, много пившій за обѣдомъ, съ краснымъ лицомъ и налитыми кровью глазами, развалился возлѣ дивана на мягкомъ креслѣ и, закуривъ сигару, погрузился въ сладкую полудремоту. Въ гостиной, около получаса, царствовала тишина, прерываемая однимъ ворчаньемъ и шклявымъ лаемъ собаки, словами, исполненными материнской нѣжностью, расточаемыми ей Аделью и стукомъ нѣсколькихъ маятниковъ.... Вдругъ Адель оттолкнула отъ себя собачку, протяжно и съ наслажденіемъ зѣвнула и сказала:

— Поѣдемъ кататься, Вальтеръ!

— Выведенный изъ состоянія восточнаго кейфа, Науманъ приложилъ руку къ глазамъ и проговорилъ, снова закуривъ погасшую сигару:

— Я какъ будто задремалъ.... Видно, ночью плохо выпался!

— Это ты всегда говоришь, когда бываешь у меня! воскликнула Адель тономъ наглої ревности. Она приняла видъ обижен-

ной таклмъ равнодушiемъ, и всегда вымѣщала свою притворную досаду на карманѣ Наумана. Катанье, въ ея смыслѣ, было посѣщенiемъ двадцати разныхъ магазиновъ и опустошенiемъ портфеля Вальтера.

— Я желала бы знать... снова начала Адель, помолчавъ минуту: я желала бы знать, когда вы, милостивый государь, оставите свои буршевскiя привычки — напиваться за обѣдомъ и потомъ спать въ моемъ присутствii, вмѣсто того, чтобъ занимать меня разговоромъ...

— Ну пошла писать на цѣлый часъ! подумалъ Науманъ, чинно усаживаясь на своемъ креслѣ и прихлебывая кофе, съ видомъ унынiя и смиренной покорности судьбѣ.

— Право, это изъ рукъ вонъ! воскликнула, между тѣмъ, Адель, вставая съ дивана и подходя къ зеркалу, передъ которымъ принялась поправлять свою прическу, измятую вслѣдствiе возни съ собакой, что впрочемъ немѣшало ей продолжать свой гнѣвный монологъ:

— Ужъ неужели я такая дура, что со мной и говорить не о чемъ?... продолжала она, отъ времени до времени искоса взглядывая въ зеркало на Наумана, чтобы видѣть какое впечатлѣнiе произведутъ на него слова ея: кажется, еще никто не находилъ меня душой!... Вотъ и графъ Дюстергофъ всегда смѣется, когда я острою; прошлый разъ этотъ писатель, какъ бышь его? Литенталь, кажется! Онъ хотѣлъ даже написать, собственно для меня, пьесу, въ которой, говоритъ, вполне обнаружится вашъ умъ, ваша грация, вашъ неподражаемый талантъ... А нашъ директоръ никогда иначе не называетъ меня, какъ — «l'espiègle, la spirituelle, l'aimable....» Значить, я не глупа, со мной можно найдти разговоръ, если только захотѣть, не быть байбакомъ, тюленемъ, несноснымъ моржомъ, безсловеснымъ животнымъ....

Адель все болѣе возвышала голосъ, потому что замѣчала, что Науманъ, въ этотъ день, не податливъ на ласковые упреки, что слѣдовательно необходимы болѣе энергическiя мѣры, чтобъ заставить его извиняться въ своей снливости и согласиться на прогулку. Но когда и это средство, повидимому, не обѣщало вожделѣннаго результата, и Вальтеръ, съ спокойной флегмой курилъ сигару, прихлебывая ложечкой кофе, тогда Адель рѣшилась прибѣгнуть къ послѣдней уловкѣ, которой дѣйствительность уже не могла подлежать сомнѣнiю, именно: она собралась зарыдать и упасть въ обморокъ.

Къ счастью или несчастью Наумана, — это окажется послѣ, въ роковую минуту, когда уже послушныя слезы начали накапливаться въ глазахъ его любимицы, роскошная грудь ея, словно волна отъ дыханія бури, заколыхалась отъ сдержанныхъ рыданій, въ эту минуту, вдругъ, подъ приподнятою портьерою, появилось новое лицо. Слезы въ мигъ обсохли на глазахъ Адели и рыданія разрѣшились незамѣтнымъ вздохомъ.

— А! Вотъ это мило, что вы въ кои-то вѣки снова посѣтили меня, господинъ Клейнъ! воскликнула Аделя, раскланываясь съ вошедшимъ молодымъ человѣкомъ красивой наружности.

Слова ея, какъ будто, наэлектризовали Наумана, до-тѣхъ-поръ сидѣвшаго въ какомъ-то оцѣпненіи. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на гостя и слегка отчего-то покраснѣвъ, медленно сталъ подниматься съ своего кресла.

— Вина не моя, что я не бываю у васъ такъ часто, какъ жезаль-бы, отвѣчалъ гость, развязно протягивая Адели руку, на которой красовался огромный солитеръ самой чистой воды, и потомъ, обращаясь къ подошедшему Науману и дружески пожмая ему руку, прибавилъ:

— Васъ-то, васъ-то мнѣ и нужно, мой добрый господинъ Науманъ!...

— Вотъ это хорошо! вскричала Аделя, принимая видъ обиженной: такъ вы не ко мнѣ, а къ нему пріѣхали? Крайне любезно съ вашей стороны, господинъ Клейнъ!

— Я весь къ вашимъ услугамъ, господинъ Клейнъ! отвѣчалъ Науманъ, снова краснѣя и стараясь своимъ басомъ покрыть крикливый голосъ хозяйки дома. Не угодно ли вамъ пожаловать ко мнѣ, если дѣло, о которомъ вы говорите, недопускаетъ отлагательства, или... если вамъ угодно.... можно и здѣсь.... Только.... въ такомъ случаѣ.... Адели! присовокупилъ онъ вполголоса: сдѣлай милость, мой ангелъ, оставь насъ однихъ съ господиномъ Клейномъ!

— Вотъ еще! громко возразила молодая женщина: что за дѣла въ моей гостиной! Для дѣлъ есть биржа.... А мнѣ также пріятно побесѣдовать съ господиномъ Клейномъ.... Онъ у меня, и безъ того, такой рѣдкій гость!...

Науманъ, повидному, сильно желавшій удалить свою любовницу изъ комнаты, на время своего разговора съ гостемъ, которому былъ долженъ, и который — какъ Вальтеръ опасался — намѣренъ говорить о близости срока уплаты, спѣшилъ шепнуть Адели:

— Если уйдешь, обещаю по уходѣ Клейна, ѣхать кататься, куда хочешь....

Между тѣмъ, гость, какъ-будто любовался замѣшательствомъ Наумана, котораго готовился уронить въ глазахъ его любовницы, съ цѣлью завладѣть оставленной вещью. Замѣтивъ, что Адель готова была удалиться, Клейнъ, принявъ видъ, будто не знаетъ причины ея ухода, сказалъ, охорашиваясь и довольно неудачно разыгрывая роль развязнаго франта.

— Неужели вы приняли мои слова за чистую монету, и серьезно обидѣлись ими, мамзель Штраусъ? Вѣдь, я сказалъ, что мнѣ нужно господина Наумана, потому что нѣсколько разъ не заставлялъ его дома.... А у васъ-то я вовсе и не думалъ заставить его въ это время... Слѣдовательно, я пріѣхалъ собственно къ вамъ, а вы хотите бѣжать отъ меня...

— Ей нужно... началъ было Науманъ.

— Я совершенно увѣрена въ этомъ... перебила его Адель. Я только пошутила, показавъ видъ, что обижаюсь вами... Но, извините меня, если я, на нѣсколько минутъ, оставлю васъ однихъ съ Вальтеромъ...

Но гостю необходимо было присутствіе Адели при его разговорѣ съ Науманомъ, и потому онъ настаивалъ на томъ, чтобъ она осталась. Видя по всему, что за этимъ кроется какая-то тайна, Адель пошла къ двери, но, тотчасъ же возвратившись, сказала гостю съ пріятливою улыбкой, подмигивая ему глазомъ, чтобы онъ не соглашался на ея просьбу:

— Вѣдь вы подождете меня, господинъ Клейнъ? всего полчаса не больше:

— Не могу! право не могу, мамзель Штраусъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ, понявшій ея хитрость: мнѣ необходимо черезъ полчаса быть въ конторѣ!.. Не можете ли вы подарить меня на эти полчаса вашимъ пріятнымъ обществомъ?.. Дѣло, вѣроятно, не уйдетъ отъ васъ!..

— Вы неумолимы, какъ я вижу! сказала Адель, кокетливо расправляя свое платье и пробираясь на диванъ, между-тѣмъ, какъ глаза ея избѣгали науманова взгляда.

Вальтеръ указалъ гостю на кресло возлѣ дивана и самъ, въ томительномъ безпокойствѣ, сѣлъ насупротивъ него. Но, казалось, Клейнъ вовсе не имѣлъ намѣренія преслѣдовать его требованіемъ денегъ, потому что началъ болтать о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Страхъ Наумана, мало-по-малу, уже начиналъ проходить, и Вальтеръ рѣшился даже вмѣшаться въ раз-

говоръ Клейна съ хозяйкою дома, какъ вдругъ гость прервалъ его словами:

— А я чуть было не забылъ... Такая разсѣянность!.. Ваши векселя, господинъ Науманъ, вчера на биржѣ продавались ниже настоящей цѣфы ихъ...

Науманъ, ошеломленный этой вѣстью, вытаращилъ на своего собесѣдника глаза и молча зашевелилъ губамп.

— Да! продолжалъ Клейнъ, пскоса поглядывая на Адель и показывая видъ, будто занятъ разсматриваніемъ салфетки, которою былъ покрытъ столъ. Это сильно поразило всѣхъ присутствующихъ, — тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ ваши кредиторы, господинъ Науманъ... не исключая и вашего покорнаго слуги!.. Извините, что я напомню объ этомъ... Но къ слову пришло!..

— Кто же?.. послѣ бозьшихъ успій произнесъ Науманъ, тономъ человѣка, котораго душатъ.

— Вы желаете знать, кто продаетъ ваши векселя? холодно-вѣжливо спросилъ Клейнъ, продолжая разсматривать салфетку.

— Да! отвѣчалъ Науманъ, едва слышно.

— Человѣкъ довольно почтенный и не очень нуждающійся въ деньгахъ! сказалъ Клейнъ: вы, вѣдь, знаете Лихтенштейна? Очень, очень уважаемый въ коммерческомъ мірѣ человѣкъ... Но онъ говоритъ, что ему вдругъ понадобились деньги, и потому, желая поскорѣй найдти покупателя, онъ рѣшился...

— Помилуйте, вскричалъ Науманъ, вскакпвая съ своего мѣсла и, въ сильномъ волненіи, началъ ходить по комнатѣ, при чемъ продолжалъ говорить: Помилуйте! Да вѣдь онъ губитъ меня: подрываетъ мой кредитъ! Развѣ бы онъ не могъ обратиться ко мнѣ? Да вѣдь, это бездѣльничество!.. Если ему нужны были деньги, онъ долженъ былъ предупредить меня... я далъ бы ему въ уплату векселей, или, если бъ у меня не было денегъ, я досталъ бы, чтобъ спасти свой кредитъ... А такія вещи называются, между порядочными негоціантами, подлостью... За нихъ тащатъ въ судъ.

Науманъ совершенно задыхался отъ злости. Воспользовавшись тѣмъ, что онъ замолчалъ, Клейнъ возразилъ:

— Но выслушайте меня, господинъ Науманъ! Во-первыхъ, Лихтенштейнъ говоритъ, что, уже два мѣсяца, всюду гоняется за вами и нигдѣ не находитъ... На биржу вы также, въ послѣднее время, перестали заѣзжать...

— У меня есть на то контора! закричалъ Науманъ, грозно нахмуривая брови. Если-бъ этотъ осель захотѣлъ, то могъ-бы обратиться къ моему довѣренному.

— Но если Лихтенштейнъ обращался и къ вашему довѣренному? по-прежнему хладнокровно возразилъ Клейнъ: и если вашъ конторщикъ объявилъ, что въ кассѣ всего денегъ только на ежедневные расходы, а что докладывать вамъ онъ не намѣренъ, потому что знаетъ, что и вы не можете платить по векселямъ, которыхъ срокъ еще не истекъ?.. Но что объ этомъ говорить... Хуже всего то, что не нужда въ деньгахъ побудила Лихтенштейна продавать ваши векселя съ уступкой, а собранныя имъ свѣдѣнія, что поставщики ваши отказываютъ вамъ въ поставкѣ, на будущій годъ, сырого матерьяла, и что вы, по неимѣнью наличныхъ денегъ, будете принуждены прекратить производство своей фабрики.

— Это — гнусная ложь! заревѣлъ Науманъ, схватившись за голову.

Но вдругъ онъ вспомнилъ, что уже давно не просматривалъ своихъ конторскихъ книгъ, что платежи поставщикамъ, за прежній сырой матерьялъ, были прекращены имъ, уже тому три мѣсяца, и потому не были возобновляемы, что расточительная щедрость его на прихоти Адель, заставила его забыть о приходо-расходномъ балансѣ на фабрикѣ... И по мѣрѣ того, какъ все это приходило ему въ голову, онъ убѣждался въ возможности того, чтó говорилъ Клейнъ; возможность, мало-по-малу, приобрѣла всѣ условія вѣроятія и наконецъ дѣйствительности.

Науманъ схватилъ шляпу и, подобно вихрю, выбѣжалъ изъ комнаты, забывъ о томъ, что оставляетъ Адель съ своимъ соперникомъ. Вслѣдъ ему раздался хохотъ обоихъ собесѣдниковъ, между которыми, тотчасъ по уходѣ Вальтера, завязался слѣдующій разговоръ:

— Какова прыткость вдругъ явилась у него! воскликнула Адель, хохоча во все горло.

— Она является у всѣхъ банкротовъ... сказалъ Клейнъ, хитро подмигивая глазомъ.

— Неужели онъ тю-тю...

— Въ трубу вылетѣлъ!

— Какъ счастливо, что онъ, такъ во время, надоѣлъ мнѣ...

— Полно — такъ ли?

— Увѣряю! Передъ самымъ вашимъ приходомъ, у насъ была сцена, которая навѣрное кончилась бы разрывомъ...

— Что же вы намѣрены были, въ такомъ случаѣ, дѣлать, прелестная Адель?

— Я еще не рѣшила...

— Но если бы порядочный человѣкъ, не дурной собой, съ состояніемъ, которое не чета науманову, предложилъ вамъ свою пламенную любовь, чтобъ вы сказали на это?

— Подумала бы... кто этотъ человѣкъ?

Напримѣръ, вашъ покорный слуга!..

— Я... я... я сказала бы, что давно люблю этаго порядочнаго человѣка.

Клейнъ уналъ передъ диваномъ на колѣни, довольно пошло разыгравъ роль нѣмецкаго Донъ-Жуана.

ГЛАВА XXVI.

Изъ которой видно, что балетъ можетъ иногда быть нравственной школой для зрителей.

Театръ былъ полонъ, и громъ рукоплесканій встрѣтилъ Фанни, когда она, легкая, какъ сонъ, изящная, граціозная, какъ мечта художника, выбѣжала на сцену. Только весьма не много ложъ и креселъ еще ожидали своихъ временныхъ посѣтителей. Но, увы! Фанни въ этотъ день, какъ бывало прежде, не обвела торжествующимъ взоромъ, наэлектризованной ея появленіемъ, толпы; сердце артистки не забило сильнѣе отъ восторженной дани ея красотѣ и искусству. Фанни сказала компаньонкѣ совершенную правду: она танцовала безукоризненно, но безъ увлеченія: она танцовала *за плату*.

Вдругъ, едва она успѣла сдѣлать нѣсколько па, какъ щелкнулъ замокъ одной изъ ложъ втораго яруса. За громомъ музыки, за шумомъ, еще не умолкнувшаго, говора зрителей, никто не обратилъ вниманія на этотъ слабый звукъ; никто, кромѣ Фанни. Какъ онъ ни часто повторялся и какъ ни былъ незамѣтенъ въ общемъ морѣ звуковъ, наполнявшихъ залъ театра, этотъ звукъ покрылъ собой, для слуха молодой женщины, всѣ остальные звуки и громко отозвался въ ея сердцѣ.

Фанни взглянула на верхъ: въ одну изъ ложъ втораго яруса входила дѣвушка лѣтъ 17-ти, съ сѣбенькимъ личикомъ и нѣсколько прищуренными глазками и, жеманно расправляя свое легкое, бѣлое платье, усаживалась на одномъ изъ переднихъ мѣстъ. За ней показался старикъ съ испанскимъ носомъ и безконеч-

ыми туго накрахмаленными воротничками. Старикъ посторонился, чтобы пропустить третье лицо... Сердце не обмануло Фанни: это былъ онъ — Францъ Мейеръ.

Но почему же сердце Фанни не забилось радостнымъ порывомъ, а болѣзненно сжалось тяжелымъ предчувствіемъ? Почему взглядъ ея не блеснулъ восторгомъ, напротивъ подернулся матомъ душевнаго горя? Почему этотъ взоръ, прикованный къ ложѣ, загорѣлся злобѣщимъ пламенемъ ненависти?... Почему, подъ слоємъ румянца, такъ поблѣднѣло лицо танцовщицы?

На эти вопросы, вѣроятно, безъ труда отвѣтитъ всякій изъ моихъ читателей, испытавшихъ чувство любви и ревности. Когда, по окончаніи перваго акта, сопровождаемая оглушительными аллодисментами, Фанни вбѣжала въ свою уборную; горничная ея, Эмилія, ужаснулась, взглянувъ на нее. Фанни не походила на себя: лицо ея осунулось, вѣки покраснѣли, блѣдныя губы заеклись, полуоткрытый ротъ съ трудомъ пропускалъ струю воздуха въ усталыя легкія. Фанни бросилась въ кресло и глухо, протяжно зарыдала; потомъ схватила зубами батистовый платокъ и принялась рвать его на мелкіе куски; послѣ чего началась съ ней конвульсія.

Эмилія, съ помощью другой горничной, спрыскала свою госпожу уксусомъ и одеколономъ, распустила ей платье, положила ее на диванъ, терла виски и давала нюхать спиртъ. Между тѣмъ явился режиссеръ, который тотчасъ же послалъ за медикомъ.

Къ счастью, театральнй лекаръ былъ въ креслахъ. Онъ немедленно пришелъ, осмотрѣлъ больную, пощупалъ ее пульсъ, приложилъ руку къ головѣ, постарался разжать ротъ, изъ котораго висѣлъ обрывокъ батистоваго платка... Казалось, симптомы болѣзни сильно обезпечили его: онъ сомнительно покачалъ головой. Присутствовавшій, при осмотрѣ, режиссеръ, съ нѣмымъ упрекомъ во взорѣ, взглянулъ на оштукатуренный потолокъ уборной, и машинально развелъ руками.

— Стаканъ воды со льдомъ и бутылку хорошаго легкаго вина! отрывисто сказалъ ему на ухо лекаръ. Режиссеръ выбѣжалъ внѣ, вслѣдъ затѣмъ, снова явился съ напитками на поднось.

Лекаръ, съ рѣшительнымъ видомъ, схватилъ стаканъ съ водой и неожиданно плеснулъ ею въ лицо и на грудь танцовщицы.

Легкая дрожь пробѣжала по ея членамъ: Фанни защелкала зубами и открыла глаза. Лекаръ налилъ изъ бутылки вина, поднесъ къ губамъ молодой женщины и повелительно сказалъ:

— Пейте!

Повинуясь ему, Фанни машинально выпила нѣсколько глотковъ.

— Пейте еще! сказалъ лекаръ, давъ ей перевести дыханіе.

Фанни опять послушалась; но, послѣ нѣсколькихъ глотковъ, отталкивая отъ себя руку, державшую стаканъ, сказала:

— Довольно! Не хочу больше!

— Ну, теперь спасены! воскликнулъ лекаръ.

— Славу Богу! повторилъ режиссеръ съ тяжелымъ вздохомъ.

Между тѣмъ, Фанни обвела взглядомъ комнату, остановила его на Эмили и, слабымъ голосомъ, спросила:

— Дотанцовала я первый актъ?

— Какъ же, сударыня! отвѣчала горничная: да какъ еще? на славу... А это приключилось съ вами уже здѣсь, когда вы возвратились въ уборную...

— Какъ вы себя чувствуете, мамзель Готзегенъ? спросилъ лекаръ съ участіемъ: можете ли вы танцевать второй актъ? Если нѣтъ, я готовъ самъ выйти на сцену, вмѣстѣ съ режиссеромъ, чтобы засвидѣтельствовать передъ публикой вашу болязнь!...

— Что это вы говорите, господинъ докторъ? вскричалъ режиссеръ, вдругъ поблѣднѣвшій. Если это случится, я лишусь бенефиса; директоръ велитъ объявить публикѣ, что деньги за билеты будутъ возвращены кассой... А ужъ другаго бенефиса не дадутъ мнѣ...

— Но госпожа Готзегенъ больна, понимаете, очень больна! съ досадою возразилъ лекаръ, поворачиваясь спиной къ режиссеру.

— Онъ готовъ бы вытащить меня на сцену полумертвою, чтобъ только не потерять бенефиса! едва слышно сказала Фанни, съ принужденной и презрительной улыбкой.

— Да вѣдь у меня жена и трое дѣтей! раздражающимъ голосомъ произнесъ режиссеръ: Если я лишусь этого бенефиса, на который рассчитывалъ слишкомъ полтора года, то семья моя должна будетъ идти по міру... Вы знаете, каково мое жалованье, мамзель Готзегенъ!.. въ долги поневолѣ лѣзешь... Бенефисомъ я надѣялся поправиться...

— Я дамъ свидѣтельство! рѣзко проговорилъ лекаръ: Васъ не могутъ лишить бенефиса за несчастный случай!..

— Директоръ не можетъ назначить мнѣ другаго бенефиса, потому что всѣ уже розданы, пробормоталъ режиссеръ тономъ

врачнаго отчаянія. Мнѣ бенефиса и не полагается. И этотъ данъ мнѣ изъ милости, ради моей бѣдности и за усердную службу. Другаго не могутъ дать мнѣ раньше будущаго сезона. А между тѣмъ, прежде, чѣмъ дожидаться его, погибай семья!...

— Молчите, милостивый государь! вскричалъ лѣкарь, начиная терять терпѣніе. Вы толкуете только о себѣ и своей семьѣ, а не хотите понять того, что г-жа Готзегенъ, можетъ быть, не въ состояніи подняться съ дивана, тѣмъ менѣе танцовать...

— Не мучьте его, докторъ! сказала Фанни, медленно вставая съ дивана и садясь въ кресло: я могу танцовать... Чтѣ за извѣженность, неумѣстная въ нашей сестрѣ, которой публика платитъ деньги... Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, семья этаго бѣдняка остаться безъ хлѣба, потому что мнѣ вздумалось заболѣть... А нашъ директоръ—вы знаете его, — способенъ заставить его безвинно поплатиться за мой припадокъ.

— Эмилія! сказала молодая женщина, обращаясь къ горничной: Скорѣй румянь! парикмахера! зашнуруй платье! Скорѣй, скорѣй! Ужъ я слышу первыя взрывы нетерпѣнія нашего мелкаго тирана — публики!

— Вы всегда добры, какъ ангелъ, мамзель Готзегенъ! вскричалъ режиссеръ, цѣлуя кусокъ разорваннаго платья Фанни и бросаясь изъ коннаты.

— Вашъ поступокъ возвышенно благороденъ, госпожа Готзегенъ! произнесъ лѣкарь, съ неподдѣльнымъ умиленіемъ.

Фанни только пожала плечами, какъ будто не понимая словъ лѣкаря, который ушелъ обратно въ кресла и, вслѣдъ затѣмъ, разсказалъ объ этомъ всѣмъ своимъ многочисленнымъ знакомымъ.

Любопытный разсказъ его съ необходимыми въ подобныхъ случаяхъ прикрасами, съ невѣроятной быстротой распространился въ публикѣ, занимавшей кресла, и былъ разнесенъ ею по ломамъ.

Въ залѣ, въ которомъ уже начинало показываться раздраженіе и неудовольствіе, вдругъ снова все утихло и успокоилось, какъ это бываетъ въ многочисленной толпѣ дѣтей, которымъ вдругъ сказали, что шумъ ихъ беспокоитъ больную наставницу или подругу.

Блѣдный, миловидный молодой человекъ принесъ разсказъ о поступкѣ Фанни въ ложу директора. Встрѣченный одной изъ самыхъ обворожительныхъ улыбокъ хорошенькой Лоттхенъ, молодой человекъ описалъ событіе съ краснорѣчіемъ, достойнымъ... такой улыбки.

Мейеръ, въ задумчивости спдѣвшій на второй скамьѣ ложи,

не проронилъ ни одного слова изъ разсказа молодого Человѣка и мысленно поблагодарилъ за бѣднаго режиссера великодушную Фанни. Онъ вполне оцѣнилъ ея благородный поступокъ, и въ душѣ гордился своей любовью къ ней.

Мы ужъ знаемъ, что Францъ вошелъ въ ложу, подъ вліяніемъ сильно-раздраженнаго чувства, но когда онъ встрѣтилъ мелькомъ брошенный на него взглядъ Фанни, облако пронеслось передъ его глазами, и онъ принужденъ былъ опереться о перила ложи и поднести къ лицу шляпу, чтобъ присутствующіе не замѣтили его волненія. Вся кровь прилила у него къ сердцу, которое судорожно сжалось. И это понятно; онъ давно ни видѣлъ Фанни, хотя каждый день думалъ о ней и желалъ ее видѣть, но мало-по-малу волненіе стало уступать болѣе спокойному чувству наслажденія, съ которымъ мы смотримъ на любимую женщину. Боясь проронить малѣйшее изъ движеній Фанни, Мейеръ впился глазами въ прекрасный образъ ея, и не обращалъ вниманія ни на приглашенія директора сѣсть, ни на пытливые взгляды Лоттхенъ, которая, вѣроятно, находя нѣсколько неприличнымъ его художественный восторгъ; безпрестанно посматривала на него.

Мейеръ видѣлъ одну Фанни: онъ съ печальнымъ любопытствомъ всматривался въ ея блѣдность и новое выраженіе глазъ.

Почему-то ему казалось, что эта переменна къ лучшему: правда, въ прекрасныхъ чертахъ лица и тѣлодвиженіяхъ Фанни, было менѣе, противъ прежняго, жизни, безотчетной граціи, юношеской игривости; за то, въ общемъ очеркѣ ея наружности ясно проглядывало глубокое, выстрадавшее чувство и тайна жизненнаго смысла.

Какой-то внутренній голосъ шепнулъ Мейеру, что одна любовь способна такъ быстро измѣнить женщину.

— Но скромный и недоувѣрчивый къ самому себѣ, Мейеръ далеко былъ отъ мысли, чтобы предметомъ этой любви могъ быть онъ самъ. Онъ и не замѣчалъ, что взглядъ Фанни, каждый разъ, какъ ей дозволяли условія балета, съ лихорадочною нѣжностью искалъ его взгляда, или, лучше сказать, онъ не могъ не замѣтить этого электрическаго взгляда, но приписывалъ его случаю и правиламъ балетнаго искусства.

Когда же Фанни, среди рукоплесканій, исчезла со сцены за опустившимся занавѣсомъ, и зрители, зѣвая, разговаривая, разкланиваясь, лорнируя другъ друга, разошлись по корридорамъ, въ фойе и ложи знакомыхъ, тогда Мейеръ, какъ будто очнувшись

послѣ сладкаго сновидѣнія, съ изумленіемъ сталъ озираться на всѣ стороны, съ тяжелымъ чувствомъ. Изъ области мечты онъ вдругъ перешелъ въ міръ полной дѣйствительности. Кругомъ его все говорило, смѣялось, сморкалось и выставяло себя на показъ.

Мейеру было крайне неловко. Ему хотѣлось бы закричать всѣмъ этимъ взрослымъ дѣтѣмъ, чтобъ они сѣли и молча дождались поднятія занавѣса, и не мѣшали его спокойно-торжественной мечтѣ, а эта мечта была, дѣйствительно, чуднымъ видѣніемъ его растроганный души.

Директоръ нѣсколько разъ наклонялся къ Мейеру, чтобъ спросить его о впечатлѣніи, произведенномъ на него балетомъ, но, видя его глубокую задумчивость, опять обращался къ дочери, которая, повидимому, вовсе забыла о существованіи Франца.

Но вотъ раздался свистокъ режиссера: зрители разошлись по мѣстамъ, оркестръ дружно грянулъ великолѣпное allegro, занавѣсъ заколыхался и какъ, гонимое лучами восходящаго солнца облако, взвился... Мейеръ, какъ будто движимый какимъ-то магнетомъ, всталъ съ своего мѣста; огненный взглядъ его впился въ образъ Фанни, встрѣченный новымъ залпомъ рукоплесканій и гуломъ одобреній благодарной публики. Въ разныхъ концахъ зала изъ креселъ и ложъ слышались слова:

— *Merci pour le regisseur! Merci pour le pauvre père de famille!*

Фанни была тронута этой признательностью богѣе, чѣмъ похвалами своему искусству. Она сложила на груди руки и при сѣла, чего никогда не дѣлала въ отвѣтъ на самые восторженные аплодисменты. Нѣкоторымъ зрителямъ перваго ряда креселъ даже показалось, что подъ длинными рѣсницами красавицы мелькнули слезы.

Но Мейеръ прочиталъ, на изнуренномъ лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ Фанни — тяжелую муку; онъ оцѣнилъ, чего стоилъ ей настоящій подвигъ, и внутренно проклиналъ безуміе толпы, которая заставила больную танцовщицу снова явиться на сценѣ.

И Фанни поняла эту мысль Мейера. Утѣшенная и ободренная симпатическимъ взглядомъ, она забыла о болѣзни и усталости. Взглянувъ на Франца такъ выразительно, что весь театръ понялъ силу и значеніе этого взгляда, она понеслась въ самыхъ разнообразныхъ и граціозныхъ движеніяхъ, какія только были доступны ея искусству. Самыя обыкновенныя *па* она вы-

полняла съ изумительной оригинальнію; самымъ простымъ движеніямъ сообщила новую прелесть.

Энтузіазмъ зрителей былъ безмѣрный. И за всѣми тѣми въ глазахъ Фанни не было видно ни радости, ни восторга. Напротивъ, строгое выраженіе, не лишенное сценической мягкости, одушевляло ея лицо. При всемъ желаніи, она не могла скрыть ни озабоченной думы, ни внутренней тревоги.

Въ эти минуты Мейеръ полюбилъ Фанни безвозвратно и безраздѣльно; дальнѣйшая борьба съ своимъ собственнымъ чувствомъ была болѣе невозможна. Теперь онъ съ радостью отдастъ бы свою жизнь, будущность, свои планы за то, чтобъ назвать Фанни — своей милой Фанни.

Глава XXVII,

въ которой доказывается условность пониманія нравственности, и прелесть семейнаго быта съ тартинками и другими удобствами.

— Раскаиваетесь ли вы, любезный докторъ, говорилъ Мейеру, на возвратномъ пути изъ театра домой, старый директоръ, сидя въ коляскѣ насупротивъ Франца. Раскаиваетесь ли въ томъ, что поѣхали съ нами?

— Напротивъ! отвѣчалъ Мейеръ:— Я вамъ очень обязанъ за ваше милое приглашеніе. Никогда еще театръ не доставлялъ мнѣ такого высокаго эстетическаго и нравственнаго наслажденія, какое я испыталъ сегодня....

— Нравственнаго, говорите вы? возразила Лоттхенъ, сопровождая свои слова взоромъ, исполненнымъ пропіи и затаенной досады:— какое же высоконравственное наслажденіе можетъ доставить балетъ? смѣю спросить васъ. Опера, трагедія, комедія— другое дѣло.... Но балетъ, мнѣ кажется, въ совершенномъ разладѣ съ нравственностью....

— Неужели, по вашему, балетъ безнравственъ? флегматически спросилъ Мейеръ.

— Я только еще сказала, что онъ не нравственъ? отвѣчала молодая дѣвушка, тономъ сорокалѣтняго сняго чулка, который отстаиваетъ свое мнѣніе... По моему, не все то, что не нравственно, т. е. прямо не дѣйствуетъ на наше нравственное чувство, поэтому уже и безнравственно. Есть вещи совершенно безразличныя въ этомъ отношеніи....

— Славно, Лоттхенъ! воскликнулъ директоръ, приподнявъ ко лбу брови и ткнувъ пальцемъ въ воздухъ:— То есть, ты ставишь границу между активно—и пассивно нравственнымъ, между пассивно-нравственнымъ и активно-безнравственнымъ... Не такъ ли? *Optime dixit!*

— Я непонимаю этихъ латинскихъ словъ, которыя вы употребляете, папаша! отвѣчала, слегка краснѣя отъ удовольствія, Лоттхенъ:— Но высоко-нравственное впечатлѣнiе, произведенное на господина доктора балетомъ, есть риторическая фигура, которая имѣетъ такой недостатокъ, что хромаетъ въ отношеніи чистой логики....

Старикъ молча улыбнулся, видя, что Мейеръ имѣлъ несчастье навлечь на себя, за чтò-то, неудовольствіе его избалованной дочки, которая только ищетъ случая придратъся къ нему, а во все не хлопочетъ о разграниченіи понятій *нравственнаго и безнравственнаго*.

Между тѣмъ, Мейеръ, плохо вникнувшій въ слова своихъ собесѣдниковъ, чтобы не остаться вовсе въ долгу отвѣтомъ, сказалъ почти на угадъ:

— Пусть будетъ по вашему.... Пусть, балетъ и не нравственъ, хотя развитіе эстетическаго чувства въ зрителяхъ, которому онъ содѣйствуетъ, нельзя не отнести къ нравственнымъ вліяніямъ.... Но я говорилъ не о вліяніи на зрителей балета вообще, а только о впечатлѣніи, которое произвелъ на меня и, вѣроятно, на другихъ сегодняшній спектакль....

— Сегодняшній? повторила Лоттхенъ тономъ недоумѣнія:— но какое же на прекрасной Фанни Готзегенъ, смѣю спросить, произвело на господина доктора и, *вѣроятно, и на другихъ зрителей*, такое высоко-нравственное впечатлѣнiе?

— Каково? воскликнулъ директоръ, обращая дѣтскую горячность дочери въ шутку:— Каково спорить моя дочка? Диспутъ становится, часъ отъ часу, интереснѣе.... Любезный докторъ! Защищайтесь, иначе вы погибли!...

Произнеся послѣднія слова, старикъ весело потиралъ себѣ руки, потомъ досталъ изъ боковаго кармана табатерку, и, съ наслажденіемъ понюхавъ табаку, началъ вертѣть ее между большимъ и указательнымъ пальцами.

— Ни одно изъ движеній Фанни Готзегенъ не произвело на меня такого впечатлѣнiя, какъ вы изволите говорить... спѣшилъ отвѣчать Мейеръ, также замѣтившій, что Лоттхенъ придирается

къ нему. — Но высоко-нравственное впечатлѣніе произвела на меня.... сама Фанни или, лучше сказать....

— А! воскликнула Лоттхенъ, обрадованная тѣмъ, что можетъ перебить своего собесѣдника, поразивъ его собственнымъ его оружіемъ: Такъ сомнительная нравственность танцовщицы дала такой прекрасный урокъ доктору? Вотъ это мнѣ нравится!..

Мейеръ покраснѣлъ, при этой неожиданной дерзости выраженія. Но сдержавъ порывъ досады на маленькую фурію, Мейеръ довольно серьезно возразилъ:

— Я жель бы знать, почему не могу не уважать въ танцовщицѣ того, что мы привыкли уважать въ другихъ: великодушія и любви къ ближнему? Мнѣ кажется, что когда Фанни вышла на сцену больная и растроенная, въ эту минуту она была выше и нравственнѣй публики, которая принудила ее плясать до конца балетъ, потому что мы пожалѣли бы денегъ, заплаченныхъ за мѣста. И замѣтите, что она вышла не для спасенія своей репутаціи или славы, а изъ состраданія къ бѣдному семейству режиссера. Думаю, что такихъ артистовъ не много въ мірѣ, по крайней мѣрѣ я никогда не бросилъ бы камень въ такую прекрасную личность.

Лоттхенъ, продолжая дуться, искоса посмотрѣла на Мейера взоромъ, въ которомъ замѣтно было раскаяніе въ неумѣстномъ оскорбленіи Фанни, и сказала очень ласково:

— Но что же, по вашему мнѣнію, публика должна была сдѣлать?

— Предоставляю отвѣчать на это вашему сердцу.... замѣтилъ Мейеръ.

— Если только у моего деспота есть сердце! улыбаясь, подхватилъ директоръ: — Я совершенно согласенъ съ вами, любезный докторъ, продолжалъ онъ, принимая болѣе серьезный видъ: совершенно согласенъ, что Фанни въ настоящій вечеръ была и выше и нравственнѣй своихъ зрителей. И я скажу больше: для меня непонятенъ истинный артистъ безъ высокаго развитія сердца и глубокой симпатіи къ человѣчеству.... И что вы думаете? если бы этотъ бѣдный режиссеръ вышелъ, во второмъ актѣ, вмѣсто Фанни, и объявилъ, что она больна, не можетъ окончить балета.... большая часть публики потребовала бы обратно свои деньги, не принимая въ соображеніе, что это бенефисъ семейнаго человѣка, бѣдника, который ничѣмъ не виноватъ въ томъ, что мамзель Готтегенъ заболѣла, а между тѣмъ...

Комиска осталась у директорскаго подъязда.

— Завтра вы у насъ обѣдаете и вечеромъ танцуете съ моею дочерью, вашимъ непремѣннымъ антагонистомъ! сказалъ директоръ, прерывая свою рѣчь и дружески пожимая руку Мейера. До тѣхъ же поръ, прошу не читать статистики, вмѣсто легкой книги, а прямо лечь спать.... Вы утомлены: это замѣтно на вашемъ лицѣ, любезный докторъ! До свиданія!

Лоттхенъ, уже безъ малѣйшей ироніи и неудовольствія, простилась съ Мейеромъ, который еще разъ благодарилъ директора за приглашеніе въ театръ и, задумчивый, отправился домой.

Читатель догадается, какъ молодой человѣкъ провелъ свою бессонную ночь. На другой день онъ съ утра одѣлся въ свой наилучшій костюмъ, мимоходомъ въ гимназію, купилъ новыя перчатки и, прямо съ лекціи, вмѣстѣ съ директоромъ, отправился къ нему обѣдать.

Хозяйка приняла Мейера очень радушно, чего онъ вовсе не ожидалъ отъ матери злой и насмѣшливой Лоттхенъ. Вслѣдъ за ней вышла и дочь и, уже съ совершенно миролюбивымъ видомъ, граціозно присѣла передъ Мейеромъ. Къ концу обѣда, за который сѣли очень рано, молодой человѣкъ уже чувствовалъ себя въ директорской семьѣ какъ въ кругу родныхъ: онъ шумно спорилъ съ Лоттхенъ, важно разговаривалъ съ директоромъ, внимательно выслушивалъ длинныя разсужденія директорши о хозяйственныхъ предметахъ, ѣлъ съ большимъ апетитомъ и выпилъ цѣлый стаканъ горчайшаго пива, которое, какъ увѣрялъ хозяинъ, чрезвычайно полезно для пищеваренія. Послѣ обѣда, старый директоръ, безъ особенныхъ извиненій, отправился въ кабинетъ, какъ выражался «на трубочку вакштафу», а въ самомъ дѣлѣ, съ намѣреніемъ соснуть часокъ другой. Гость, который хотѣлъ уйти домой, былъ остановленъ хозяйкой; она просила его громко прочесть пмъ хорошенькую повѣсть, помѣщенную въ фельетонѣ какого-то журнала, между тѣмъ какъ онѣ будутъ заниматься рукодѣльемъ.

Часу въ седьмомъ вечера, съѣхалось нѣсколько дамъ, дѣвицъ и молодыхъ людей, большею частью, принадлежавшихъ къ семействамъ гимназическихъ учителей. Начались подъ звуки фортепьяно танцы, въ которыхъ и Мейеръ принужденъ былъ принять участіе. Вечеръ прошелъ шумно и весело. Часамъ къ десяти подали тартинки съ тонкими ломтиками телятины и сыра, нарѣзанными самой хозяйкой и ея дочерью, а въ одиннадцать, въ квартирѣ директора все уже было тихо, огни погашены,

сторы спущены, и Мейеръ, усталый, но довольный своимъ днемъ возвращался пѣшкомъ домой.

Молодой человѣкъ совершенно оживъ въ этой атмосферѣ тихой, семейной жизни, которой, столько лѣтъ, съ самой смерти своихъ родителей, былъ лишень, но къ которой чувствовалъ бессознательное, инстинктивное влеченіе. Было ли это у него слѣдствіемъ воспоминаній своего счастливаго дѣтства, или слѣдствіемъ кроткаго, тихаго нрава и кабинетныхъ занятій, только Мейеръ всегда, съ особеннымъ чувствомъ, думалъ о семейной жизни; въ ней одной находилъ онъ задатки счастья, между тѣмъ, какъ шумная, безтолковая жизнь, какую велъ Науманъ, казалась ему чѣмъ-то въ родѣ казарменнаго ночлега.

— О, еслибъ Фанни могла создать и для меня такой очагъ!

Эта мысль не разъ, втеченіи дня, приходила Мейеру, но онъ какъ будто боялся остановиться на ней, считая ее несбыточной грезой. Но неотвязчивая мысль, на зло Францу, опять и опять возвращалась къ нему.

И на обратномъ пути домой, вспоминая различныя подробности мирно проведеннаго дня, Мейеръ снова былъ врасплохъ застигнутъ своей неотвязчивой химерой, какъ онъ называлъ про себя мысль о возможности брака съ танцовщицей.

— Нѣтъ, Фанни никогда не можетъ полюбить бѣднаго доктора, размышлялъ онъ: она привыкла видѣть у своихъ ногъ богатую, свѣтскую молодежь.... Она слишкомъ втянулась въ шумную, разсѣянную жизнь, чтобъ когда-нибудь согласилась стать въ положеніе скромной хозяйки, ограничившись мужемъ и нѣсколькими друзьями.... Притомъ Фанни не оставитъ сцену, которая дала ей имя, славу и богатство. Наконецъ я просто глупъ, что думаю о подобныхъ вещахъ!...

А между тѣмъ сердце болѣзненно билось и трепетало въ его груди, упрекая судьбу въ томъ, что любовь его безнадежна....

Глава XXVIII,

которая подтверждаетъ справедливость пословицы: «Не мила королева, а мила кузнецова дочка.»

Прошло около трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ Мейеръ совершенно сблизился съ семействомъ директора. Всѣ, начиная отъ доброй хозяйки и нѣсколько избалованной ея дочки до прислуги, кучера и даже до пары коренастыхъ лошадокъ, привя-

зались къ кроткому, тихому молодому человѣку. Читатель найдеть это, можетъ быть, преувеличеннымъ.

— Какъ? вѣроятно спроситъ онъ: и лошадки? Это ужъ черезъ чуръ! А между тѣмъ, какъ иначе объяснить, что когда Мейеръ подходилъ къ коляскѣ, чтобы ѣхать кататься вмѣстѣ съ директорскимъ семействомъ, лошадки какъ-то особенно ласково оглядывались на него, какъ будто приговаривая:

— Ну, садись, садись, голубчикъ! Мы тебя на славу прокачимъ и сбережемъ твою добрую головушку и тоненькую шейку! Чѣмъ объяснить, что эти самыя лошади, когда везли Мейера, всегда бѣжали веселѣе и чащѣ обыкновеннаго помахивали своими густыми хвостами? Чѣмъ объяснить, спрашиваю, какъ не тѣмъ животнымъ инстинктомъ, по которому собака, не смотря на побой, остается вѣрна своему хозяину, голубъ умираетъ, когда сгорить домъ, гдѣ онъ родился и выросъ. Вообще въ животныхъ привязанностяхъ есть своя логика, свое ясное чутье, которому нельзя отказать ни въ проникательности, ни въ критикѣ. — Есть люди, къ которымъ дѣти не могутъ подойти безъ страха и внутренняго отвращенія; напротивъ, къ другимъ они ласкаются, жмутся и, съ перваго взгляда, чувствуютъ безотчетную, но живую симпатію. На основаніе того же закона, Мейера любили лошадки директора; однажды, когда онъ проходилъ черезъ улицу, то сначала правая дышловая, приподнявъ голову, пошептала что-то на ухо своей сосѣдкѣ — гѣвой, которая потомъ, пошевеливъ ушами съ видимымъ удовольствіемъ, одѣлала взаимно тоже самое относительно правой.

Чтоже касается самаго семейства директора и его самого, то привычка ихъ къ Мейеру, со дня на день, усиливалась и привязанность возрастала. Старикъ далъ ему подробное расписание всѣхъ часовъ дня, для того, чтобъ онъ зналъ, что въ какое время дѣлать. Поэтому расписанію утро посвящалось занятіямъ въ гимназій, послѣ-обѣденное время прогулкамъ, а вечеръ кабинетнымъ занятіямъ, за которыми впрочемъ должна была въ хорошую погоду слѣдовать, на сонъ грядущій, часовая прогулка. Далѣе, говорилось о легкихъ, домашнихъ средствахъ, которыя могли предохранить здоровье, разстроенное сильной умственной работой.

Мимоходомъ сказать, Мейеръ глубоко почувствовалъ нѣжную заботливость директора, который принявъ на себя немаловажный трудъ, составилъ расписание по различнымъ авторитетамъ. Молодой человѣкъ почелъ своей непремѣнной обязанностью, нѣ-

сколько разъ со вниманіемъ прочесть наставленіе и даже сначала принялся довольно усердно исполнять его. Но, черезъ нѣсколько дней, привычка къ занятіямъ и желаніе поскорѣе окончить модель машины снова увлекли его; онъ опять сталъ проводить ночи надъ своимъ любимымъ дѣломъ. Это не могло укрыться ни отъ зоркой дружбы директора и жены его, ни отъ богѣе нѣжнаго чувства, которое стало закрадываться въ дѣвственное сердце ихъ хорошенькой дочери, и Мейеру частенько доставались выговоры за лишній часъ, проведенный надъ книгами.

Въ особенности, упреки живой Лоттхентъ доносили нашего доктора, потому что въ нихъ высказывалась такая глубокая, неподдѣльная заботливость о немъ, что Мейеру становилось крайне стыдно и совѣстно самого себя.... За то, каждый разъ, когда молодая дѣвушка принималась, своимъ мягкимъ голосомъ, выговаривать ему, Мейеръ клялся, не только устами, но и сердцемъ, начать совершенно иной образъ жизни.... Но, увы! клятвамъ его какъ-то несчастливо! Какъ нарочно, каждый разъ за ними слѣдовало клятвopеступленіе. Наконецъ модель машины была окончена; оставалось только собрать ее. Тогда Мейеръ постарался сблизиться съ Науманомъ, которому непременно хотѣлъ предоставить выгоды перваго осуществленія своего изобрѣтенія. Но это сближеніе оказалось совершенно невозможнымъ, послѣ слѣдующаго случая, въ которомъ Вальтеръ показалъ Мейеру, что положительно не желаетъ видѣть его у себя.

Однажды, когда Мейеръ зашелъ къ своему бывшему товарищу, дерзкій слуга Наумана на-отрѣзъ объявилъ, что господинъ его не приказалъ доктора пускать къ себѣ на глаза и обѣщаль прогнать всякаго, кто осмѣлится доложить ему о Мейерѣ. Услышавъ подобныя дерзости отъ ливрейнаго нахала, — Мейеръ едва могъ снести оскорбленіе и, пославъ къ чорту Наумана со всѣмъ его штатомъ, поспѣшилъ уйти домой, сильно встревоженный гнѣвомъ. Весь этотъ день Мейеръ провелъ въ какомъ-то тягостномъ чадѣ. Грудь у него ныла, голова кружилась и болѣла нѣсколько разъ въ теченіи дня, кровь показывалась горломъ. Мейеръ никогда еще не бывалъ въ такомъ состояніи физическаго расстройства. Но нравственное состояніе его было гораздо хуже: онъ чувствовалъ оскорбленнымъ свое человѣческое достоинство, чувство дружбы и справедливой гордости.

Къ счастью, на другой день Мейеръ увидѣлъ жену директора, которая успокоила его. Но искреннее и самое теплое слово

утѣшенія, онъ выслушалъ отъ молодой Лоттхенъ. Она съ истинно-женской предупредительностью ободрила его силы и примирила его съ огорченіями жизни.

Такое живое участіе и вниманіе къ дѣламъ Мейера заставило его призадуматься....

Онъ вспомнилъ различныя случаи, въ которыхъ, оставаясь на единѣ съ Лоттхенъ, замѣчалъ, что молодая дѣвушка мѣнялась въ лицѣ; вспомнилъ, что иногда, во время разговоровъ съ директоромъ или женой его, по получасу и болѣе чувствовалъ на своемъ лицѣ внимательный взглядъ Лоттхенъ, между тѣмъ, какъ начатое шитье ея мирно покоилось на ея колѣняхъ; вспомнилъ, что если онъ, въ такую минуту, вдругъ обращался къ ней, то молодая дѣвушка терялась и долго не могла найтись, чтобы отвѣчать на сдѣланный имъ вопросъ, и многое другое вспомнилось Мейеру, изъ чего онъ могъ заключить, что Лоттхенъ любитъ его.

Такое открытіе испугало Мейера; онъ сталъ рѣже бывать у директора и наблюдать за собою, чтобы не подавать дѣвушкѣ повода къ несбыточнымъ надеждамъ. А чтобы не огорчить Лоттхенъ своимъ равнодушіемъ, онъ старался платить ей самой задушевною дружбой.

Такъ прошли еще недѣли двѣ безъ особенныхъ замѣчательныхъ эпизодовъ въ жизни молодого человѣка, который начиналъ даже нѣсколько увлекаться общественною жизнью.

Между тѣмъ въ обществѣ носились слухи о серьезной болѣзни танцовщицы, Фанни Готэгенъ, какъ послѣдствіи ея великодушнаго самопожертвованія въ бенефисъ режиссера. Наконецъ и до Мейера долетѣли эти слухи, перемѣшанные съ сожалѣніями о томъ, что балетъ осиротѣлъ и въ него не стоитъ ѣздить.

Какъ человѣкъ меланхолическаго темперамента, Мейеръ вообще имѣлъ расположеніе къ тому, чтобы не противодѣйствовать горю, а принимать его, какъ неизбѣжный фактъ и предаваться ему всѣмъ существомъ. Вѣсть о болѣзни Фанни страшно потрясла молодого человѣка и совершенно измѣнила всѣ его привычки и даже самый нравъ. Мейеръ сталъ молчаливъ, обидчивъ, капризенъ въ домашнемъ быту, разсѣянъ и забывчивъ до комизма, задумчивъ и мраченъ.... Въ глубинѣ души его, всѣ предметы, лица и событія облеклись трауромъ. Онъ иногда, по цѣлымъ днямъ пропадалъ изъ дому, неизвѣстно куда; у себя ничѣмъ не занимался; мало ѣлъ и, почти по цѣлымъ ночамъ, прохаживался

изъ угла въ уголъ по комнатѣ. — Машина его, несобранная, валялась въ крайнемъ пренебреженіи на окнахъ, столахъ и стульяхъ. Здоровье его еще болѣе разстроилось, но онъ и слышать не хотѣлъ объ исполненіи директорскихъ наставленій, относительно правильнаго образа жизни. Безмолвно, съ пасмурнымъ видомъ, выслушивалъ онъ упреки Лоттхенъ въ томъ, что пренебрегаетъ своимъ здоровьемъ и, обыкновенно на половинѣ слова, прерывалъ ее своимъ уходомъ. Бѣдная дѣвушка, чувствовавшая къ нему истинную привязанность, также начала грустить, замѣтивъ, что ея любовь не встрѣчаетъ взаимнаго отклика.

ГЛАВА XXIX,

въ которой доказывается справедливость словъ, что «счастье не убиваетъ».

Уходя изъ дому, Мейеръ, обыкновенно, оставялъ ключъ у хозяйки. Поэтому, возвращаясь поздно, молодой человекъ сначала заходилъ за ключемъ. Однажды, возвратившись откуда-то, часу въ одиннадцатомъ, Мейеръ постучалъ въ дверь хозяйки, и, не отворяя ее, попросилъ ключъ отъ своей комнаты.

— Я, сейчасъ, буду къ вашимъ услугамъ, господинъ докторъ! отвѣчалъ изъ за-дверей женскій голосъ.

— Но вы напрасно беспокоитесь! сказалъ Мейеръ: мнѣ все не нужно, — видѣть васъ... потрудитесь только дать мнѣ ключъ и огня!..

— Извините, господинъ докторъ, что заставляю васъ дожидаться въ потемкахъ! снова произнесъ голосъ хозяйки: но мнѣ необходимо переговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ!.. Повремените минуточку... сейчасъ, сейчасъ выйду!.. только, вотъ, найду другой башмакъ... куда это онъ запропастился, окаянный?..

— Что за необходимые разговоры ночью? подумалъ Мейеръ и нетерпѣливо двинулся-было съ мѣста, но на первомъ шагу, былъ остановленъ стѣной, о существованіи которой совершенно забылъ. Еще болѣе раздосадованный этимъ обстоятельствомъ, Францъ повернулся спиной къ неожиданному препятствію и опять сдѣлалъ два шага впередъ, какъ вдругъ почувствовалъ довольно сильный ударъ въ лобъ.

Только, когда, черезъ нѣсколько минутъ, вышла хозяйка съ зажженною свѣчей, Мейеръ увидѣлъ, что стоитъ передъ половицею, на щетину которой, вѣроятно, въ темнотѣ наступилъ.

— Прошу прощенія, господинъ докторъ! сказала хозяйка, отпирая дверь комнаты и освѣщая дорогу: — проклятый котъ все возится съ моими башмаками, да, нѣтъ — нѣтъ, и затащитъ ихъ подъ самую кровать... а потомъ, ищешь, ищешь... куда дѣлись?.. Кажется, всегда кладешь ихъ въ одно мѣсто... а котъ этого порядка и знать не хочетъ... ему — только-бы играть!.. Такой, право, народъ эти коты... и добро бы еще молодой былъ... А то ему года три слишкомъ... Да три! кажись родился около...

— Но вы хотѣли о чемъ-то важномъ говорить со мной? воскликнулъ Мейеръ, прерывая разсужденія старухи.

Хозяйка тайносмотрѣла Францу въ лицо, усмѣхаясь открыла руку, которую держала до тѣхъ поръ сжатою въ кулакъ, и въ которой оказалось небольшое письмо, запечатанное зеленой облаткой.

— Что это такое? спросилъ Мейеръ, отодвигаясь съ видомъ удивленія и почти испуга: — я ни отъ кого не ждалъ писемъ... впрочемъ дайте! продолжалъ онъ, успокоенный мыслью, что письмо, можетъ быть, отъ Наумана, который, догадавшись, что обидѣлъ его, желаетъ загладить свою вину.

Хозяйка, продолжая ухмыляться, подала письмо. Но, взглянувъ на адресъ, Мейеръ сказалъ въ размышленіи:

— Рука не принадлежитъ ни Вальтеру, ни его уполномоченному!.. Когда принесли письмо, мадамъ Эйзень?

— А принесли его... какъ бы вамъ сказать, чтобы не соврать? отвѣчала хозяйка: — да принесли его ужъ въ сумерки... рука, точно, не мужская... да и принесшій-то спрашивалъ васъ не отъ имени господина, а отъ имени какой-то госпожи... Только сказать не хотѣлъ, какая это госпожа?.. и что?.. и какъ?..

— А кто принесъ письмо?

— Очень нарядный кучеръ, какихъ у насъ и въ городѣ мало... Да онъ не прямо принесъ письмо, а сначала, разъ пять, былъ безъ письма... все спрашивалъ, не пришли-ли вы? а потомъ ужъ пришелъ, да и говорить: — моя, говоритъ, госпожа проситъ передать господину доктору вотъ это письмо, какъ только онъ возвратится... сдѣлайте милость, только не задержите его у себя... Дѣло очень важное!.. а я и говорю: «да господинъ докторъ, вѣроятно, воротится только ночью, потому что, молъ, очень, часто уходитъ на цѣлые дни». «А что, говоритъ слуга-то: — не знаете-ли вы, сударыня, (такой вѣжливый — все сударыней называлъ меня!), не знаете-ли: гдѣ бываетъ господинъ докторъ?..» «Ну ужъ этого-то я и не знаю!» отвѣчала я...

да и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же мнѣ знать?.. «ну, говоритъ слуга, такъ сдѣлайте же милость, сударыня, отдайте господину доктору это письмецо, тотчасъ же по возвращеніи его домой... А чтобы вамъ не забыть моей просьбы, то, вотъ, госпожа моя приказала дать вамъ талеръ!»

Вынулъ, знаете, эдакъ изъ кармана талеръ, да и далъ мнѣ... я сначала не хотѣла взять, да ужъ слишкомъ сталъ настаивать, — такъ что мнѣ совѣстно стало; я и взяла талеръ...

Мейеръ давно уже не слушалъ болтовни старухи, но и не рѣшался распечатать мистическое письмо. Онъ, въ недоумѣніи, вертѣлъ его передъ глазами, какъ будто усиливаясь пзъ тонкихъ чертъ, четко написаннаго адреса, заключить о содержаніи письма. Вдругъ онъ поднялъ голову и, обращаясь къ хозяйкѣ, которая все продолжала рассказывать о своемъ разговорѣ съ кучеромъ, перебилъ ея рѣчь словами:

— Но чего же хотѣлъ кучеръ, когда, какъ вы говорите, любезная Эйзенъ, разъ пять приходилъ безъ письма?..

— Да онъ приглашалъ васъ къ своей госпожѣ...

— Но неужели же онъ не сказалъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ живетъ или кто-такая его госпожа?..

— Нѣтъ! ни полслова объ этомъ... такъ я и не могла добиться... а признаться, мнѣ и самой очень хотѣлось знати.. говорить: «болна моя госпожа... нужно ей видѣть господина доктора...» да и только... «Да кто-же ваша госпожа? спрашиваю!..» «Да ужъ про-то знаетъ она сама и господинъ докторъ... а вамъ не зачѣмъ знать, сударыня, говорить...» ужъ я, знаете, думала — не считаетъ-ли онъ васъ за лѣкаря... нѣтъ! «Да если ваша госпожа болна, такъ ей нужно лѣкаря... говорю я ему. «Лѣкарь, говорить, у насъ есть свой, годовой... А господина доктора нужно намъ вовсе не на то, чтобы лечилъ... А такъ нужно, по важному дѣлу!..» Такъ скажетъ, и уйдетъ... а посмотришь... не успѣешь оглянуться... опять идетъ бѣдняжка... мнѣ ужъ и жаль его было... говорю: «вы устали, милостивый государь!» «Нѣтъ, говорить, вѣдь я все съ фурманомъ къ вамъ пріѣзжаю... госпожа моя никогда пѣнкомъ не посылаетъ насъ по своимъ надобностямъ...» Экая богачка, подумала я... и прислуга-то никогда пѣшкомъ не ходитъ, такъ чего же сама-то... А!

— Болна! повторилъ Мейеръ, опять не слушая старуху: *болна!* еще разъ сказалъ онъ, погружаясь въ задумчивость: неужели Фанни болна... Но это письмо не отъ нея. А почему я знаю, что не отъ нея?

Блѣдный, прекрасный образъ танцовщицы пронесся въ его воображеніи и рука невольно стала медленно срывать облатку. Видя это, мадамъ Эйзенъ, почувствовавъ неумѣстность своей болтовни, пожелала Мейеру доброй ночи и торопливо вышла. Францъ оглядѣлся, какъ будто, пробуждаясь отъ сна: передъ нимъ лежалъ разорванный пакетъ и выпавшее изъ него письмо; онъ бросился на послѣднее и, взглянувъ на подпись, вскричалъ:

— Фанни, Фанни!

— Вамъ еще чего нибудь нужно? спросила, возвращаясь, хозяйка, но, встрѣтивъ взглядъ Мейера, въ которомъ сказывалось недоумѣніе и досада, молча, снова удалилась, думая про себя:

— Что это случилось съ моимъ жильцомъ? Въ началѣ онъ не былъ такимъ страннымъ?.. И что это за письмо такое? экая досада, что у меня уши заложило... а интересно бы знать, что онъ закричалъ, раскрывъ письмо...

Между тѣмъ, какъ старуха, размышляя такимъ образомъ, пробиралась въ свою комнату и укладывалась въ постель, Мейеръ уже успѣлъ прочесть поданное ему письмо и сидѣлъ въ глубокой задумчивости, вперивъ въ него взглядъ, исполненный любви и грусти.

Вотъ содержаніе письма:

Господинъ Мейеръ!

Недавно вы были въ балетѣ, въ ложѣ втораго яруса, съ семействомъ вашего директора... Послѣ представленія, я спльно заболѣла!.. мнѣ необходимо васъ видѣть: можетъ быть, я умру, а у меня до васъ важное дѣло, котораго я не желала бы унести съ собой въ могилу... я нѣсколько разъ посылала къ вамъ, чтобъ просить васъ къ себѣ. Васъ все не заставляли дома... боюсь навлечь на васъ сплетни, посылая прислугу... поэтому рѣшаюсь писать! извините за безсвязность письма... я едва держу въ рукѣ перо! я очень больна!.. надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ, какъ ни отказали бы послѣднему фабричному работнику: пріѣзжайте ко мнѣ, въ какомъ бы часу вы ни возвратились! Двери мои всегда для васъ открыты. Извините за нескромность приглашенія, но я увѣрена въ вашей добротѣ и сочувствіи всякому несчастію.

Преданная Вамъ

Фанни Готзегенъ.

— А я уже цѣлую недѣлю брожу около дома, думая Мейеръ: и не зналъ, что Фанни желаетъ меня видѣть... и сегодня былъ

тамъ разъ пять. Но неужели болѣзнь ея такъ опасна, что мое промедленіе... нѣтъ, это невозможно, — разстаться, не сказавъ ей, что я любилъ ее... неужели смерть не отступить съ уваженіемъ передъ этой роскошной молодостью, тѣлесной и душевной красотой, передъ этимъ талантомъ и славой?.. А я не могъ быть у нея... теперь ужъ поздно!.. но она просить — въ какомъ бы часу я ни пришелъ домой... и какъ просить!.. не пойти-ли мнѣ?.. если она спитъ, люди откажутъ мнѣ... по крайней мѣрѣ, узнаю каково ея здоровье?..

Договаривая эти слова, Мейеръ поспѣшно надѣлъ шляпу, накинулъ плащъ и, положивъ въ карманъ ключъ отъ двери, быстрыми шагами вошелъ. Черезъ четверть часа онъ уже звонилъ у маленькаго домика, гдѣ жила Фанни. Въ домѣ, повидимому, еще не спали: окна были ярко освѣщены, на сторахъ мелькали тѣни, ходившихъ взадъ и впередъ, людей; у подъѣзда стояла щегольская карета, на козлахъ которой дремалъ кучеръ. На вопросъ Мейера: тутъ ли живетъ госпожа Готзегенъ, кучеръ страхнулъ свою дремоту и отвѣчалъ:

— Здѣсь! звоните!..

— На звонъ Мейера, дверь въ тоже мгновеніе отворилась и на порогѣ появился Августъ. Если-бы Августъ замедлилъ хоть минуту, то Мейеръ непремѣнно ушелъ бы обратно, такъ несвоевременнымъ показалось ему посѣщеніе его, и такъ онъ самъ удивленъ былъ своимъ рѣшительнымъ поступкомъ: но теперь отступить было невозможно: Мейеръ рѣшился войти.

— Госпожа ваша, сказалъ онъ, сегодня нѣсколько разъ присылала комнѣ, прося, чтобъ я пріѣхалъ къ ней, когда возвращусь изъ гостей...

— Вы, вѣроятно, докторъ Мейеръ! воскликнулъ, перебивая его, Августъ, причемъ вся фигура его приняла выраженіе радостной предупредительности, а руки протянулись къ плащу Франца, чтобъ поскорѣе снять его. Госпожа моя съ нетерпѣніемъ ожидаетъ васъ!.. продолжалъ слуга. Она больна... у нея докторъ... покажите въ залъ! я тотчасъ доложу.

Августъ исчезъ, и Мейеръ, который собирался воротить его, чтобъ не обезпечить Фанни, принужденъ былъ войти въ пріемную комнату. Въ ту минуту, какъ онъ, дрожащей рукою отворялъ дверь въ залъ, мимо него прошелъ пожилой господинъ въ золотыхъ очкахъ, который пристально и съ недоумѣніемъ осматривалъ Мейера съ головы до ногъ.

— Вѣроятно, докторъ! подумалъ Мейеръ.

Замѣчаніе его тотчасъ же подтвердилось тѣмъ, что отъ подъѣзда отъѣхала видѣнная имъ карета.

Залъ былъ освѣщенъ нѣсколькими свѣчами на столахъ и канделябрами по стѣнамъ. Фигура Мейера отразилась въ большихъ зеркалахъ, висѣвшихъ въ простѣнкахъ: онъ взглянулъ въ одно изъ нихъ, и нашелъ, что очень блѣденъ, что лицо его выражаетъ испугъ и сомнѣніе.

— Лучше я не приходилъ бы сегодня! подумалъ Мейеръ; а то, чѣмъ утѣшить больную; я своимъ видомъ испугаю ее.

Эта мысль заставила его сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы принять болѣе спокойный видъ. Но волненіе было слишкомъ велико, чтобы уступить первому движенію воли. Мысль, что Фанни больна, можетъ быть умираетъ, жгла мозгъ и безпрестанно держала молодого человѣка на шагъ отъ обморока. Грудь у него жестоко болѣла, ноги съ трудомъ стояли, но это не мѣшало слуху его быть болѣзненно чуткимъ къ малѣйшему звуку. Въ сосѣдней комнатѣ, которой дверь была затворена, слышались шаги. Мейеръ только успѣлъ отскочить отъ зеркала, передъ которымъ задумался о Фанни, какъ дверь отворилась: на порогѣ появилась Фрейлейнъ Таузендъ, съ заплаканными глазами и томнымъ лицомъ.

Мейеръ никогда прежде не видалъ компаньонки Фанни, и потому, не зная кого видитъ передъ собой, молча поклонился. Но старушка, отвѣтивъ на его поклонъ, подошла къ нему, протянула руку и сказала ласково и пріятливо:

— Позвольте мнѣ лично познакомиться съ вами, господинъ докторъ!.. заочно я уже давно имѣю это удовольствіе! Фанни часто и много говорила мнѣ о васъ... Я домоправительница и компаньонка мамзель Готзегенъ...

Мейеръ взялъ протянутую руку старушки и довольно крѣпко пожалъ ее. Что-то родственное, съ перваго взгляда, влекло его къ Фрейлейнъ Таузендъ, которую, какъ ему казалось, Фанни должна была любить.

— Покорно прошу въ гостиную! продолжала старая Фрейлейнъ, нѣсколько удивленная молчаніемъ гостя: бѣдная мамзель Готзегенъ больна... она не могла тотчасъ-же принять васъ и просила меня замѣнить ее, покуда она приведетъ нѣсколько въ порядокъ свой туалетъ.

— Я очень жалѣю, сказалъ Мейеръ, слѣдуя за компаньонкой въ гостиную, что такъ поздно рѣшился...

— Напротивъ, напротивъ! воскликнула Фрейлейнъ Таузендъ, перебивая его рѣчь: вы сдѣлали доброе дѣло тѣмъ, что пріѣ-

хали... бѣдная Фанни совершенно измучилась ожиданіемъ вост... повѣрите-ли — уже около мѣсяцу, она почти вовсе не спитъ и, до сего дня, по цѣлымъ часамъ, ходила изъ угла въ уголъ по залу... теперь же слегла... да и какъ не слечь?..

— Но если мамзель Готзегенъ такъ долго не спала, возразить Мейеръ: то ей нуженъ покой, котораго, моимъ несвоевременнымъ приходомъ, я опять лишаю ее...

— Странный челоуѣкъ! подумала Таузендъ: не похожъ на мужчину! совершенно дѣвушка: вовсе и не подозрѣваетъ, что его любятъ. Надо надоумить его.

— Но именно вашъ приходъ и успокоить Фанни! громко продолжала она съ улыбкой: она давно желала васъ видѣть... да, мнѣ кажется, и причиною самой болѣзни-то вы, а вовсе не танцы...

Прежде, чѣмъ Мейеръ, и не подозрѣвавшій любви Фанни къ себѣ, успѣлъ выразить свое удивленіе, въ сосѣдней комнатѣ раздакъ звонокъ: фрейлейнъ Таузендъ вскочила и, отворивъ дверь въ нее, знакомъ пригласила Мейера слѣдовать за собой.

Францъ очутился въ будуарѣ Фанни...

Она полулежала на длинномъ креслѣ, обитомъ пунцовымъ сѣфьяномъ. Но это была уже не прежняя, роскошная Фанни, которую мы видѣли у Наумана. Исхудалое лицо ея выражало страданіе; глаза, все еще прекрасные, но уже не поражавшіе своимъ сладострастнымъ блескомъ, потускнѣли, но въ замѣнъ приобрѣли тотъ долгій, безконечный взглядъ, въ которомъ какъ бы смотрится душа, отражая всѣ тайны своей внутренней жизни.

Фанни была одѣта въ бѣлый батистовый ценъуаръ и волосы ея были собраны въ безыскусственную прическу. Положеніе тѣла ея, худая рука, облокоченная на ручку кресла, все доказывало, что уже не первый день болѣзнь подтачиваетъ молодое существованіе, и, въ тоже время, во всемъ сказывалась какая-то пассивная преданность судьбѣ, безмолвное отчаяніе, чуждое всякой мысли противодѣйствія.

Когда Мейеръ переступилъ черезъ порогъ будуара, лицо молодой женщины просіяло радостью, но только на одно мгновеніе. Фанни протянула руку и крупныя слезы покатались по лицу ея.

— Вы ли это, мамзель Готзегенъ... вскричалъ молодой челоуѣкъ, схвативъ ея руку и покрывая ея поцѣлуями, между тѣмъ рыданіе, готовое вырваться изъ стѣсненной груди, едва сдерживалась.

Фанни, сдѣлавъ успіе, оправилась и оставовила внимательный взглядъ на Францѣ. Въ немногихъ словахъ, сказанныхъ Мейеромъ дрожащимъ голосомъ, въ измученной наружности его, въ порывистомъ движеніи, съ которымъ онъ схватилъ ея руку, въ этомъ поцѣлуѣ, который огнемъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу, выразилось столько любви, столько глубокой, неподдѣльной страсти, что сердце Фанни мгновенно перешло отъ отчаянія къ безпредѣльной радости. Но, въ то же время, сомнѣніе, свойственное болѣзненному состоянію, омрачило душу молодой женщины и заставило ее скрыть первый порывъ увлеченія. Фанни медленно провела рукой по лицу, какъ будто отгоняя отъ себя обольстительную мечту и слабымъ голосомъ произнесла:

— Не правда-ли, я очень, очень измѣнилась, съ того дня, какъ вы видѣли меня... но, прибавила она съ участіемъ: и вы, господинъ докторъ, сильно похудѣли... скажите... ужъ не были-ли вы больны?..

Этого было слишкомъ много для Мейера: онъ молча зарыдалъ, и опустился на стулъ, у самыхъ ногъ Фанни.

— Вы плачете, Францъ? сказала Фанни, почти увѣренная въ его взаимномъ чувствѣ: такъ и у васъ есть горе?.. такъ зачѣмъ я не могу утѣшить васъ, я, которая такъ люблю васъ...

Мейеръ вскочилъ и открылъ лицо, на которомъ самыя противоположныя движенія мѣнялись съ быстротой молніи.

Мейеръ упалъ на колѣни передъ кресломъ, на которомъ лежала молодая женщина. Крикъ радости, безумной радости, граничившей съ болью, вырвался изъ груди Фанни.

— Онъ любить меня! Францъ любить меня! воскликнула она и, блѣдная, какъ сложенная лилія, поникла головой и вся обомлѣла.

Фрейлейнъ Таузендъ, слышавшая этотъ крикъ изъ гостиной, отворила дверь и, увидѣвъ Фанни безжизненною, а Мейера на колѣняхъ, передъ нею, осыпающаго поцѣлуями ея руки и лицо, бросилась къ колокольчику. На звонъ ея прибѣжала Эмilia.

— Пошли за докторомъ! говорила компаньонка горничной: веля просить его немедленно пріѣхать... мамзель Готзегенъ въ обморокѣ...

— Вѣдь я говорила, разсуждала старушка про себя, прысая на Фанни одеколономъ и давая ей нюхать спиртъ: вѣдь я говорила, что это свиданіе убьетъ ее... она такъ слаба!.. а я знала, что онъ любитъ ее!.. да и можно ли не любить ее? а она думала, что онъ женихъ этой директорской дочери... Ну будетъ-ли

мужчина смотрѣть на другую женщину, послѣ того какъ видѣлъ ее мою ненаглядную красавицу...

Старушка долго еще разсуждала въ этомъ тонѣ, безирестанно сморкаясь и утирая платкомъ, градомъ катившіяся по лицу ея, слезы; потомъ принялась угѣшать Мейера, который съ отчаяніемъ и болѣзненно смотрѣлъ на блѣдную и неподвижную Фанни.

Сцена эта уже длилась около получаса. Вдругъ, въ ту минуту, когда возвратившійся посланный привезъ извѣстіе, что не засталъ доктора дома, Фанни, не открывая глазъ, зашевелилась и произнесла слабымъ голосомъ:

— Мнѣ такъ хорошо... Францъ меня любить... теперь я буду здорова!..

При первомъ движеніи молодой женщины, Мейеръ, у котораго за порывами горести непосредственно послѣдовалъ упадокъ силъ, всталъ, подошелъ къ ней и прижалъ горячими губами къ рукѣ ея.

Это прикосновеніе подѣйствовало на нее какъ электрическій токъ. Она открыла глаза и быстро приподнялась на креслѣ.

Румянецъ счастья заигралъ на ея щекахъ; Фанни протянула руки: счастливыцы упали въ объятія другъ-друга.

— И такъ счастье не убиваетъ! сказала Фрейлейнъ Таузендъ, тихонько ускользя въ гостиную и затворяя за собою дверь.

Глава XXX,

въ которой говорится о томъ, какъ судьба иногда подсмѣивается надъ любовью.

Когда прошли первыя минуты восторга, ни съ чѣмъ несравненныя минуты, Фанни и Францъ почувствовали такую близость отношеній, такую искренность взаимнаго сочувствія, что не замѣтно перешли къ самому душевному разговору. Не болѣе, какъ за два часа, они боялись подойти другъ къ другу, но слово любви уничтожило всѣ границы, всѣ препятствія и соединило ихъ въ одно нравственное существо.

Разговоръ начала Фанни: такъ ты не любишь этой бѣлокурой дѣвушки, съ розовыми щечками, съ которой ты былъ въ театрѣ, въ бенефисъ нашего режиссера, сказала она, заглядывая въ глаза Мейера.

— Но съ чего же ты взяла эту любовь! спросилъ Францъ. Съ того дня, какъ я впервые увидѣлъ тебя, Фанни, у Вальтера, всѣ женщины, кромѣ тебя, перестали существовать для меня!..

— Съ того же дня и я полюбила тебя, милый Францъ. И, еслибъ ты зналъ, сколько я выстрадала съ этого роковаго дня. Да, я и долѣе страдала бы, не открывъ тебѣ тайны моей любви, еслибъ не одно обстоятельство, которое заставило меня забыть всѣ приличія и пригласить тебя сюда. Ты видишь, въ какомъ состояннн я представилась тебѣ съ моимъ признанiемъ, и ты повѣришь, чего мнѣ стоило выдать тебѣ тайну моего сердца. Еще нѣсколько дней сомнѣнiя, и я, вѣроятно, больше не увидѣла бы тебя на землѣ. Я полюбила тебя какъ-то особенно, потому-что угадала твои благородныя стремленiя и возвышенныя мечты, и угадала все это, потому-что въ тебѣ первомъ встрѣтила откликъ моей души. И ты заочно возродилъ меня; тебѣ я обязана тѣмъ, что отвернулась отъ своего прошлаго, съ ужасомъ увидѣвъ, что ты, чистый труженикъ пден, не можешь питать взаимнаго чувства къ падшей женщинѣ...

— Какая мысль! воскликнулъ Мейеръ, протестуя тономъ и движенiемъ руки, противъ самоуниженiя Фанни, которая, поймавъ его руку на лету, съ увлеченiемъ прижала къ губамъ, и потомъ продолжала:

— Не спорь со мной, мой милый! вѣра моя въ тебя стала для меня источникомъ величайшихъ подвиговъ. Полгода я жила мыслью о тебѣ, стремилась стать достойною тебя, стремилась, цѣною лишений, бессонныхъ ночей и умственного труда, купить твое уваженiе... Полгода, терпѣливо, хоть и печально, ждала я той минуты, когда буду вправѣ сказать тебѣ, положи руку на сердце: «я достойна, если не любви, то участiя твоего». Я стала расчетлива, для того, чтобы ты имѣлъ матеріальныя средства для осуществленiя своихъ плановъ... Я полюбила уединенiе, чтобы на прѣсторѣ думать только о тебѣ. Я переломила свой характеръ, измѣнилась въ своемъ взглядѣ на вещи, въ своихъ вкусахъ, въ самыхъ мелочныхъ привычкахъ для того, чтобы подходить къ тому идеалу женщины, которую, думаю, ты желалъ бы назвать своей подругой! Но этого мало: я могу еще много трудиться надъ собой, чтобы сохранить твое уваженiе и любовь. Укажи мнѣ на мои недостатки, раскрой мнѣ въ чемъ я еще не выполнѣ отвѣчаю твоимъ желанiямъ... любовь моя такъ сильна, что ничто, во всемъ существѣ моемъ, не устоитъ про-

тивъ нея... Потребуй, и я буду помогать тебѣ трудиться, буду учиться наукамъ, о которыхъ не имѣю ни малѣйшаго понятія, буду по одному твоему взгляду угадывать, что нужно сдѣлать для того, чтобы твой трудъ шелъ успешнее... Я молода и всѣ силы мои, нетронутыя до сихъ поръ, я сберегла для тебя, мой Францъ! Что въ мѣрѣ недоступнаго для молодости и любви?.. Она замолчала и перевела духъ.

— Фанни, прошептала Мейеръ, съ полнымъ сознаниемъ счастья: Какъ блаженство моя любовь передъ твоею... въ то время, какъ ты, такъ восторженно и безраздѣльно, отдавалась мнѣ, мое сердце было раздѣлено между тобою и другою любимою мечтою моею...

— Такъ и должно было быть! возразила Фанни, перебивая его, съ энтузіазмомъ: ты мужчина, и жить однимъ сердцемъ не можешь, въ твоемъ духѣ зрѣетъ великая идея... Неужели ты думаешь, что я такъ добивалась бы твоего сердца, если-бы въ немъ надѣялась найдти одну себя? нѣтъ! мой внутренній взоръ давно провидѣлъ, что тебя одушевляютъ высокіе помыслы и прекрасныя надежды. Но я боялась вдругъ подойти къ тебѣ и встрѣтить холодный взглядъ, которымъ рѣшалась участь моя. Я хотѣла пройти самой строгой школой возрожденія, чтобы приготовиться для тебя... и въ это самое время я печально увидѣла тебя въ спектаклѣ, въ ложѣ твоего директора и мысль, что трудъ мой пропалъ, что ты любишь эту дѣвушку, что я опоздала... эта страшная мысль, чуть не убила меня.

— Такъ причиной твоей болѣзни... воскликнулъ Мейеръ.

— Была блондинка! досказала Фанни.

— Но зачѣмъ же мы ранѣе не объяснились? сказалъ Францъ, печально качая головой: а между тѣмъ, если-бы не было этого случая, ни я, ни эта бездушная публика, которая заставила тебя больную танцовать, не узнали бы какое великодушное сердце бьется въ твоей груди. И я молился тебѣ въ эти минуты и любилъ тебя болѣе, чѣмъ обыкновенно любятъ женщину, любилъ тебя, почти какъ божество!..

Лицо Фанни отуманилось.

— Напротивъ, милый Францъ! отвѣчала молодая женщина: я безконечно счастлива, что заслужила твое одобреніе. Вообрази себѣ: мое самоотверженіе, плодъ моего полугодоваго труда надъ собою, въ ту минуту не отозвались во мнѣ ни малѣйшимъ движеніемъ внутренняго удовольствія. Мысль, что ты потерялъ для меня, отравила во мнѣ всѣ человѣческія чувства... душа

моя, какъ побитая морозомъ нива, была бесплодна и черства, а тѣло, словно автоматъ, подчинялось одному холодному голосу долга... Въ эти страшныя минуты я желала бы, чтобъ подъ ногами моими провалилась сцена, чтобъ только отдѣлаться отъ долга, который повелительно говорилъ мнѣ: «ты должна танцовать...» А между тѣмъ я должна была, въ то время, улыбаться, поводить глазами, жестами выражать любовь, нѣжность, восторгъ, радость... Тогда какъ внутри меня кипѣла ненависть, злоба и жгучее горе... Такія минуты можно только разъ пережить... На нихъ тратится слишкомъ много силъ!

— За то, продолжала Фанни, когда въ послѣдній разъ опустилась за мною занавѣсъ, я почувствовала, что уже не скоро буду въ состояннн опять выйти на сцену... сердце мое было разбито, физическія силы истощены, да и нравственныхъ не было... Признаться, въ первую минуту, по приѣздѣ домой, когда я собрала свои мысли, мнѣ невольно представилось самоубійство... но потомъ, взгляды на дѣтей, которыхъ я приняла подъ свой кровъ съ тѣмъ, чтобъ замѣнить имъ мать, и которыя пришли ко мнѣ прощаться передъ отходомъ ко сну — освѣтилъ мое мрачное настроеніе... и я рѣшилась еще страдать... Страданія мои особенно усилились съ тѣхъ поръ, какъ я замѣтила твое сближеніе съ семействомъ директора... Наконецъ, въ послѣдніе дни, я почувствовала, что силы окончательно оставляютъ меня. Я слегла въ постель и готова была умереть, потому что жизнь окончательно опротивѣла мнѣ; я думала, что ты потеряешь для меня навсегда, что нѣтъ болѣе сомнѣнн въ твоёмъ скоромъ бракосочетанн съ Лоттхенъ!.. *Вчера*, (потому что уже начинается новый день) я чувствовала себя особенно дурно... притомъ мнѣ показалось, что заплаканныя глаза моей компаньонки, воспитанницы и горничной, а также серьезный видъ лекаря, когда онъ щупалъ у меня пульсъ, пророчатъ мнѣ скорую смерть... тогда я почла своей обязанностью передать тебѣ накопленныя мною деньги для осуществленн твоего изобрѣтенн; притомъ я хотѣла просить тебя не покидать моей компаньонки, воспитанницы и еще воспитанника, который отданъ для обученн въ мастерскую... Ты пришелъ... Но теперь я хочу жить... и буду жить.

Послѣднія слова молодая женщина сказала энергически, и потомъ прибавила, положивъ голову на плечо Мейера, голосомъ дитяти, которое ласкается къ нянѣ:

— *Жить, чтобы любить*: эти понятія для меня, милый Францъ, теперь нераздѣльны!..

Голова фрейлейнъ Таузендъ, въ ночномъ чепцѣ, появилась въ дверяхъ въ гостиную.

— Я пришла браниться съ вами! сказала старушка; теперь-то, когда она счастлива, она должна спать!

— Счастье не спитъ! возразила Фанни нерѣшительнымъ голосомъ, прижимаясь головой къ груди Мейера.

— А что-же въ такомъ случаѣ остается дѣлать горю?.. сказала старушка и рѣшительнымъ шагомъ переступила за порогъ будуара.

Дѣлать было нечего; наши любовники разстались, обѣщаясь видѣться всякій день.

ГЛАВА XXXI,

въ которой доказывается, что есть дѣла важнѣе рѣшенія общественныхъ вопросовъ.

Мейеръ, ежедневно два раза, приходилъ къ Фанни, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, даже оставался у нея съ утра до вечера. Въ это время, роли молодыхъ людей нѣсколько измѣнились: Мейеръ, любившій въ первый разъ, и потому не умѣвшій положить предѣлъ своему желанію быть вмѣстѣ съ Фанни, не только сталъ менѣе заниматься своимъ пзобрѣтеніемъ, но и вовсе, на нѣсколько времени, отложилъ бы его въ сторону, еслибъ, Фанни часто не напоминала ему о его другой мечтѣ, и не старалась поддерживать въ немъ пыла благородныхъ стремленій, какъ тѣмъ, что заводила разговоръ о предметахъ, относящихся къ нимъ, такъ и тѣмъ, что показывала ему возможность исполненія его общеплезныхъ плановъ, съ помощью сбереженныхъ ею денегъ.

Однажды, когда врачъ уже разрѣшилъ больной прохаживаться по комнатамъ, Фанни встрѣтила Мейера въ передней п, предупредивъ слугу, сама помогла молодому человѣку снять плащъ, потомъ, обнявъ его, вмѣстѣ съ нимъ, вошла въ комнаты.

— Поздравляю, поздравляю съ оставленіемъ постели! говорилъ Мейеръ, отвѣчая на ласки ея, — но не рано ли ты вышла, мой другъ? спросилъ онъ съ участіемъ.

— Напротивъ, возразила Фанни: докторъ предписываетъ мнѣ движеніе, какъ непремѣнно условіе для совершеннаго выздоровленія. Но, что мнѣ предписанія доктора когда ты со мною! Развѣ я могу быть больна, когда я такъ счастлива?.. Ты, мое здо-

ровье, моя жизнь. Посмотри! прибавила она, озираясь кругомъ: все, что ты видишь здѣсь, говоритъ мнѣ о тебѣ и въ твоёмъ отсутствіи... Даже этотъ домъ нанятъ для того, чтобъ ограничить издержки на квартиру.. Въ этихъ комнатахъ, я много думала о тебѣ, писала къ тебѣ, строила за тебя воздушные замки, плакала и любила тебя. Здѣсь соединено все, что свидѣтельствуешь о моей борьбѣ съ самой собою, о моихъ трудахъ надъ моимъ внутреннимъ возрожденіемъ. И потому я люблю этотъ домикъ и готова бы купить его, если только ты согласишься.

— Отъ души желаю этого, сказалъ Мейеръ: я и самъ полюбилъ твой домикъ, въ которомъ началъ жить, узналъ счастье.. Но, милая Фанни, на что тебѣ мое согласіе въ дѣлѣ, на которое я не могу имѣть никакого права, по недостатку моихъ денежныхъ средствъ...

— Какой ты злой! воскликнула молодая женщина, отступая отъ него. Развѣ деньги, которыя я хочу употребить на эту покупку, не твоя собственность, если вся я, безраздѣльно, принадлежу тебѣ. Или неужели ты болѣе затрудняешься считать свою собственностью деньги, нежели сама меня?..

— На эти вещи, отвѣчалъ Мейеръ твердымъ голосомъ, которому однако усиливался придать, сколько могъ, болѣе нѣжности и мягкости: на эти вещи, милая, добрая Фанни, я имѣю свой особенный взглядъ. Деньги принадлежать тебѣ, не какъ частица самой тебя; ты можешь отдать ихъ и не тому человеку, которому сама предана.. Деньги представляютъ извѣстную цѣнность: ты получила ихъ за свой трудъ; по этому твои деньги представляютъ цѣнность твоего труда, милая Фанни... Считать ихъ нашими общими, я могъ бы только въ такомъ случаѣ, еслибъ участвовалъ въ приобрѣтеніи ихъ...

— Но если я хочу подарить тебѣ ихъ? перебила Фанни: вѣдь тогда они становятся твоими... Не такъ ли?

— До тѣхъ поръ, пока у меня будутъ силы, отвѣчалъ Мейеръ, я даже отъ тебя не приму денежнаго подарка...

— Почему же именно денежнаго не примешь? Вѣдь, деньги представляютъ трудъ, слѣдовательно ты принимаешь въ подарокъ мой трудъ... А развѣ, принимая въ подарокъ вышитую мною подушку, ты также не берешь плодъ моего труда?..

Фанни захлопала въ ладоши и засмѣялась, обрадованная удачнымъ доводомъ, который самъ собою попалъ ей на языкъ. Но

Мейеръ не считалъ себя побѣжденнымъ, и потому продолжалъ, по прежнему, твердо и серьезно:

— Именно, въ этой то, по видимому, строгой логикѣ твоего мнѣнія и заключается ошибка его... Подушка, вышитая тобою для меня, представляетъ твой трудъ, предпринятый лично для меня, и за который наградою тебѣ служить доставленное мнѣ удовольствіе. Деньги же представляютъ трудъ, который ты исполнила, какъ членъ гражданскаго общества... Получая отъ тебя плодъ этаго труда въ подарокъ, я какъ будто сбрасываю на твои плечи часть труда, который самъ обязанъ былъ бы исполнить относительно общества...

— Но что же въ такомъ случаѣ станется съ благотворительностью?

— Я и понимаю ее только относительно дѣтей и людей, по старости, слабости или болѣзни, не способныхъ трудиться... Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, она — не помогаетъ, а деморализируетъ общество.

— Въ такомъ случаѣ, ты не принимаешь отъ меня и денегъ, которыя я скопила на осуществленіе твоего изобрѣтенія? воскликнула Фанни, съ горестью и страхомъ глядя Мейеру въ глаза.

— Это другое дѣло! отвѣчалъ Мейеръ. Но и ихъ принимаю не въ собственность, а съ тѣмъ, чтобы владѣльцемъ фабрики, построенной на нихъ, была ты...

— Ну! Я и на это согласна! радостно воскликнула Фанни. И за эту уступку, я покажу тебѣ тѣхъ, которые тебѣ обязаны улучшеніемъ своей участи, и которыхъ тебѣ, вѣроятно, пріятно будетъ видѣть...

Фанни отворила дверь въ гостиную: близъ порога стояли, въ ожиданіи этой минуты, Карлъ, сынъ Генриха Томаса, и Маргарита, дочь Фридриха Лерхе, въ опрятныхъ праздничныхъ нарядахъ. Мейеръ понялъ, въ чемъ дѣло, и съ глубокимъ чувствомъ поцѣловалъ руку Фанни.

— Это мои и твои дѣти, милый Францъ! сказала молодая женщина, подходя къ малюткамъ и лаская ихъ. Они научились уважать тебя, какъ своего благодѣтеля, и любить тебя, какъ я люблю ихъ... Узнали ли вы господина доктора? продолжала она, обращаясь къ дѣтямъ.

— Какъ не узнать?.. бойко отвѣчалъ мальчикъ, подбѣгая къ Мейеру и подавая ему руку. Господинъ докторъ былъ на фабрикѣ

вѣстѣ съ вами, добрая мамаша... Онъ былъ такъ же ласковъ со мной, какъ и ты, мамаша.

— И я узнала васъ, господинъ докторъ! тихо сказала дѣвочка, потупляя глаза и перебирая передникъ.

— Фанни! воскликнулъ Мейеръ, едва удерживая слезы, которыя просияли у него на глаза. За что вся эта благодарность ко мнѣ, когда одно твое благородное сердце приготовило счастье этимъ бѣднымъ дѣтямъ.

— Но кто же, какъ не ты, научилъ меня этому благородству? Тебѣ одному принадлежить моя мысль. Я только была исполнительницей ея.

— Впрочемъ, воскликнула она, быстро перемѣняя тему разговора и подходя къ шкапулкѣ, которая стояла на столѣ: Похвалы не избавуютъ меня, потому что я знаю, какъ многого еще не достаетъ мнѣ, чтобъ заслужить твою любовь, несравненный Францъ! А между тѣмъ я желала бы знать — чего будетъ стоить твоя или... если хочешь... моя фабрика, устроенная по новому способу производства...

— Для чего тебѣ это, мой другъ? спросилъ Мейеръ.

— Чтобъ убѣдиться, сколько еще не достаетъ въ этой шкапулкѣ...

— А сколько накопила ты? извини за нескромный вопросъ.

— 20 тысячъ талеровъ...

Мейеръ отступилъ, не вѣря своему слуху:

— И ты говоришь не шутя? спросилъ онъ..

— Можно ли шутить такимъ важнымъ предметомъ?.. серьезно отвѣчала Фанни.

Глаза Мейера блеснули молніей вдохновеннаго восторга: слова Фанни открывали передъ нимъ близкую перспективу осуществленія любимой его мечты. Онъ никакъ не думалъ, чтобъ сумма сбереженныхъ ею денегъ была такъ значительна.

— Боже мой! воскликнулъ молодой человѣкъ: какимъ великимъ гениемъ добра, ты становишься для меня, Фанни. Давъ жизнь тому, что дремало во мнѣ, подаривъ меня счастьемъ, ты, въ то же время, даришь меня высшимъ благомъ, чѣмъ самое счастье, осуществленіемъ моей идеи, за которую благословеніе потомства ожидаетъ тебя и меня.. Ты преобразуешь человѣчество, если не обманываетъ меня надежда. Не извѣстное никому, ты поставишь въ среду людей, и люди будутъ обязаны тебѣ величайшимъ благомъ.

Вошла фрейлинъ Таузендъ. Посмотрѣвъ съ особеннымъ удовольствіемъ на молодыхъ людей, къ которымъ въ эту минуту подошли дѣти, она обратилась къ Францу и сказала съ искреннимъ убѣжденіемъ:

— Вы очень счастливы, господинъ Мейеръ! На свѣтѣ не много Фанни Готзегенъ.

— Но вообразите, перебилъ Мейеръ: я все еще не вполне доволенъ своимъ счастьемъ... Одного не достаетъ ему...

Фанни съ удивленіемъ приподняла голову и вопросительно посмотрѣла на него.

— Угадываю! сказала, кивая молодому человѣку, старая дѣва: Упроченія вашего счастья.

Фанни, не давая отвѣчать Мейеру, возразила съ выраженіемъ досады на лицѣ:

— О какомъ упроченіи говорите вы, мейнъ фрейлейнъ? Развѣ любовь можетъ быть упрочена чѣмъ нибудь, кромѣ самой же любви? Или развѣ какое нибудь счастье способно быть прочнѣе того, которое основано на взаимной привязанности?

Мейеръ хотѣлъ было вмѣшаться въ разговоръ, но видя, что старушка также порывается спорить, предоставилъ ей первый шагъ, намѣреваясь самъ окончательно рѣшить споръ.

— Согласна! сказала компаньонка: Знаю также, что вы боитесь цѣпей, любезная Фанни, каковы бы они ни были, хотя бы изъ цвѣтовъ... Но я, на вашемъ мѣстѣ, болѣе этого символа неразрывности, боялась бы непостоянства счастья! Красота минетъ, какъ сонъ; вмѣстѣ съ нею исчезнетъ и та самоувѣренность, которая придаетъ уму гибкость. Тогда у мужчины остаются еще плоды его общественной дѣятельности, его положеніе, уваженіе, которое онъ приобрѣлъ въ свѣтѣ... У васъ?.. Богъ знаетъ! Устоитъ ли любовь противъ разрушительнаго времени?

— Нѣтъ! мнѣ не нужно этого упроченія... Пусть тотъ, кто любитъ меня, будетъ свободенъ, какъ птица, пусть лучше, когда я наскучу ему или онъ полюбитъ другую женщину, онъ броситъ меня, я только благословлю судьбу.

— Вижу, сказала компаньонка: что съ вами мудрено спорить, милая Фанни!.. Но что же господинъ Мейеръ, до сихъ поръ, не высказалъ своего мнѣнія?..

— Онъ, вѣрно, на моей сторонѣ! воскликнула Фанни, прижимаясь къ груди молодого человѣка, который сказалъ, цѣлуя ее въ лобъ:

— Вотъ и не угадала!..

— Что же? спросила Фанни: такъ ты на сторонѣ Фрейлейнъ Таузендъ?

— И то не угадала! со смѣхомъ отвѣчалъ Мейеръ.

— Но въ такомъ случаѣ, сказала компаньонка: вы имѣете свое собственное мнѣніе, которое...

— Имѣеть много общаго и съ вашимъ и съ Фаннинымъ... перебилъ Мейеръ. Вы вполнѣ угадали, что я хотѣлъ просить у Фанни руки ея...

— Какъ? воскликнула Фанни, мѣняясь въ лицѣ.

— Вотъ видите!... сказала, обращаясь къ ней, съ видомъ торжества, Фрейлейнъ Таузендъ.

— Но не для упроченія нашего счастья, продолжалъ Мейеръ, которое обошлось бы и безъ брака, въ этомъ я совершенно соглашаюсь съ Фанни... А для того, чтобы не подать повода толкамъ и пересудамъ въ обществѣ... Кроме того, я люблю супружескую жизнь по преданіямъ моего сердца, милая Фанни: мое дѣтство и отроческій возрастъ протекли подъ сѣнью ея и, если не ошибаюсь, то ему я обязанъ огромною долею той любви, которую питаю къ человѣчеству...

— И ты противъ меня, другъ мой! воскликнула Фанни съ улыбкой. Но зачѣмъ же ты уклонился отъ прямого рѣшенія вопроса... прибавила она настойчивымъ тономъ.

— Потому что у меня въ эту минуту есть болѣе интересное дѣло, чѣмъ рѣшеніе общественныхъ вопросовъ... Я жду рѣшенія своей участи, которая въ твоихъ рукахъ, мой ангелъ!.. Согласна ли ты принять мое имя и тѣмъ довершить мое счастье..

Фанни, потупивъ глаза и покраснѣвшись, горячо прижалась къ молодому человѣку и торжественно сказала:

— Согласна!

Глава XXXII,

въ которой доказывается справедливость того, что свадебный подарокъ не необходимое условіе для назначенія дня свадьбы.

Свадьба молодыхъ людей была назначена самимъ Мейеромъ черезъ два мѣсяца, когда онъ надѣялся окончить модель и представить ея Фанни, вмѣсто свадебнаго подарка. Втеченіе этого срока, Фанни часто отговаривала Мейера отъ брака, высказывая свои опасенія на счетъ того, что прошедшее ея не такъ чисто отъ укоризны, какъ прошедшее жениха ея. Далѣе

она представляла Мейеру невозможность избѣгнуть сплетней, особенно, если она останется на сценѣ... наконецъ она умоляла его зрѣло обдумать шагъ, къ которому увлекаетъ его, можетъ быть, одно великодушіе, соединенное съ семейными воспоминаніями. Мейеръ сумѣлъ убѣдить свою невѣсту и, съ нетерпѣніемъ, видѣлъ приближеніе свадьбы, которую положено было хранить въ тайнѣ отъ всѣхъ, кромѣ одного семейства директора гимназіи.

Чтобъ предупредить встрѣчу съ Лоттхенъ, Мейеръ выбралъ для своего визита день, въ который молодая дѣвушка съ утра была приглашена къ своей пансіонской подругѣ, но, не заставъ самаго директора дома, безъ обиняковъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, женѣ его. Старушка, какъ и надо было ожидать, сначала была удивлена словами его, къ которымъ вовсе не была приготовлена, хотя все болѣе рѣдкія посѣщенія Мейера уже заставили ее отказаться отъ надежды назвать его своимъ зятемъ. Но, когда она узнала имя невѣсты, то долго не хотѣла повѣрить словамъ Мейера, а убѣдившись, что онъ говоритъ серьезно, была такъ поражена, что не тотчасъ нашлась, что сказать ему. Потомъ, собравшись съ мыслями, начала представлять ему всѣ невыгоды такой мгновенной рѣшимости, всѣ толки, къ которымъ онъ подастъ поводъ, женясь на богатой актрисѣ и проч. и проч. Наконецъ, когда увидѣла, что тутъ никакія представленія уже не помогутъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, обѣщала Мейеру объявить объ этомъ намѣреніи своему мужу и, пожелавъ молодому человѣку счастья, котораго онъ вполнѣ достоинъ, грустно простилась съ нимъ.

Мейеръ ожидалъ, что директоръ, на другой день послѣ классовъ, заговоритъ съ нимъ о его женитьбѣ, или, по крайней мѣрѣ, поздравитъ его, какъ это обыкновенно водится, но ошибся. Директоръ съ намѣреніемъ избѣгалъ встрѣчи съ молодымъ человѣкомъ, который, въ свою очередь, будучи занятъ одной любовью къ Фанни, не имѣлъ времени заботиться о томъ, что другіе думаютъ о немъ и дозволены ли они имъ, или нѣтъ.

Между тѣмъ, какъ въ домѣ, купленномъ Фанни, дѣлались нѣкоторыя приготовленія для свадьбы, Мейеръ ежедневно посѣщалъ свою невѣсту, и работалъ надъ окончаніемъ модели. Мысль, что матерьяльныя средства для осуществленія машины найдены, съ прежнею силою пробудила въ немъ на время усипленную дѣятельность. Фанни же снова появилась на сценѣ и, съ прежнимъ увлеченіемъ предалась своему искусству, кото-

рымъ уже начинала пренебрегать. Любители находили даже, что она прежде никогда не доходила до такой степени художественности въ отдѣлкѣ своихъ ролей, какъ теперь. Публика не уставала рукоплескать ей, дирекція увеличила окладъ ея жалованья, любители поднесли ей осыпанный брильянтами porte bouquet.

Мейеръ, который также довольно часто сталъ посѣщать балетъ, вмѣстѣ съ другими, удивлялся ей, какъ артисткѣ. Но онъ еще болѣе любилъ ее, какъ женщину, уважалъ ея необыкновенный умъ, быстро обогащавшійся, при его содѣйствіи, познанія, ея теплое, любящее сердце, ея благородный, возвышенный образъ мыслей.

Мейеръ и Фанни были счастливы тѣмъ мирнымъ, безоблачнымъ счастьемъ, которое рѣдко дается людямъ, а если и дается, то какъ легкій сонъ, мимолетно.

Это какъ разъ подтвердилось за полтора мѣсяца передъ днемъ, назначеннымъ для свадьбы.

Однажды, когда Мейеръ сидѣлъ въ будуарѣ Фанни, громко читая ей какую-то книгу, вошла Фрейлейнъ Таузендъ и сказала:

— Вы, кажется, и не слышали набата?.. Гдѣ-то сильный пожаръ... Народъ толпами бѣжитъ въ одну сторону, пожарные давно промчались... а барабанъ все не умолкаетъ.

Фанни подняла голову и положила въ сторону книгу, Мейеръ также отбросилъ отъ себя книгу, и минутное молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

— Дѣйствительно! сказала Фанни со вздохомъ. Какъ печаленъ этотъ монотонный гулъ барабана!.. Какъ онъ напоминаетъ трепетъ сердца, въ которое врывается горе, связанное съ потерю роднаго крова, а иногда и милыхъ лицъ... Какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выражаетъ безразличіе этой всепожирающей стихіи, которая мгновенно уничтожаетъ плоды долговременнаго труда, предметы старинныхъ привычекъ и нѣжныхъ привязанностей... Сколько несчастныхъ плачетъ въ эту минуту, между тѣмъ, какъ мы спокойно сидимъ въ этой комнатѣ; сколько семействъ, въ нѣдомъ отчаяніи, смотря на огненный столбъ, пощощающій все ихъ благосостояніе...

Фанни печально покачала головою и слезы градомъ заструились по ея лицу.

— Ваша правда! сказала Фрейлейнъ Таузендъ, между тѣмъ, какъ Мейеръ продолжалъ молча прислушиваться къ барабанному

бою набата. Ваша правда, милая Фанни! Что можетъ быть ужаснѣе пожара?..

— Фанни! сказалъ Мейеръ, вдругъ будто очнувшійся отъ словъ старой дѣвы, схватывая со стола шляпу и поспѣшно вставая со стула: я оставлю тебя на короткое время... Каждый разъ, когда гдѣ нибудь бываетъ пожаръ, какой-то внутренній голосъ твердитъ мнѣ, что я обязанъ быть тамъ, гдѣ нужна общая сила гражданъ!..

Фанни сквозь слезы печально посмотрѣла на молодого человѣка, и хотѣла что-то возразить, но вдругъ, сдѣлавъ усиліе надъ собой, приговорила:

— Не смѣю удерживать тебя, мой другъ. Ты правъ, что хочешь идти туда, гдѣ — кто знаетъ — можетъ быть, нуждаются въ твоихъ силахъ...

Мейеръ обнялъ Фанни и, простившись съ компаньонкою до скорого свиданія, ушелъ. Но вмѣсто того, чтобы возвратиться скоро, какъ обѣщаль, онъ пришелъ уже поздно вечеромъ, измученный, покрытый грязью, съ закопченнымъ лицомъ и руками, покрытыми слѣдами паранитъ.

Фанни, которая, въ часы его отсутствія, нѣсколько разъ, переходила отъ страха къ надеждѣ и отъ надежды къ опасеніямъ, перебравъ всѣ случайности, которыя могли ожидать молодого человѣка, вскочила съ своего мѣста и радостно его встрѣтила.

Изъ словъ Франца оказалось, что пожаръ былъ именно въ той части города, въ которой Мейеръ жилъ, что молодой человѣкъ помогаль выбраться, изъ загорѣвшагося дома, одному бѣдному семейству, въ которомъ дочь была при смерти больна; потомъ помогаль накачивать воду въ пожарныя машины и дождался самаго окончанія пожара.

Все рассказанное Мейеромъ была совершенная истина: но изъ опасенія повредить Фанни, Францъ счелъ нужнымъ не упоминать въ своемъ разсказѣ, объ одномъ обстоятельстве, которое должно было печально потрясти молодую женщину, еще весьма слабую, послѣ недавней болѣзни. Но Фанни сама угадала это обстоятельство и со страхомъ спросила:

— Въ какой улицѣ былъ пожаръ, мой другъ?

Къ этому вопросу Мейеръ вовсе не приготовился и потому, не умѣя лгать, замѣшался въ отвѣтъ. Фанни замѣтивъ это, съ увѣренностью сказала.

— Предчувствую! Модель и всѣ бумаги твои сгорѣли... Трудъ столькихъ бессонныхъ ночей, плодъ гениальной мысли, погнѣвъ въ нѣсколько минутъ!.. За что это новое наказаніе?..

Фанни тихо заплакала.

Мейеръ, между тѣмъ, сноба собравшійся съ мыслями и обрадованный тѣмъ, что молодая женщина приняла эту вѣсть съ полною покорностью судьбѣ, не старался разувѣрять ее, а ограничился словами:

— Модель моя слишкомъ свѣжа въ памяти, чтобъ я могъ затрудниться воспроизведеніемъ ея. Вся моя личная потеря состоитъ только въ нѣсколькихъ книгахъ...

— И такъ у тебя нѣтъ квартиры? сказала Фанни. Перебѣжай ко мнѣ въ домъ... Это такъ утѣшитъ меня, что я завтра втрое буду здоровѣй, чѣмъ нынче...

— Ты, вѣроятно, не сомнѣваешься, что я очень желалъ бы видѣть тебя вполне здоровой и утѣшенной, милая Фанни!.. Кроме того, мнѣ и самому было бы, какъ нельзя пріятнѣе, нѣсколькими днями раньше, быть близко около тебя, видѣть тебя всякій часъ и не проводить вдали отъ тебя безконечныхъ ночей. Но...

— Опять это несносное «но?..»

— Ты увидишь, что это «но» еще не очень несосно: оно относится къ тому, что достигнуть исполненія нашего желанія, по-крайней-мѣрѣ, отчасти, можно еще и другимъ способомъ, а именно доспѣшивъ свадьбою. Такъ мы спасемся отъ нелѣпыхъ толковъ... А это тѣмъ легче сдѣлать, что мой свадебный подарокъ, долженъ быть отложенъ на неопредѣленное время...

— Но свадьба никакъ не можетъ состояться ранѣе двухъ недѣль, а до-тѣхъ-поръ...

— До-тѣхъ-поръ, я уже нанялъ себѣ здѣсь, по близости за такую же цѣну комнатку, въ которой сегодня же буду спать...

Фанни, скрѣпя сердце, должна была уступить желанію жениха.

Глава XXXIII,

въ которой представляется возможнымъ — убить двухъ мужъ однимъ ударомъ.

Между тѣмъ, какъ разсказанныя событія быстро шли одно за другимъ въ жизни Мейера и Фанни, пріятель нашъ Вальтеръ Науманъ испытывалъ одинъ ударъ судьбы за другимъ.

Слова купца Клейна оказались совершенно справедливыми:

Отд. I.

11

кредитъ Наумана на биржѣ, вслѣдствіе неплатежей въ срокъ, былъ сильно подорванъ. Денегъ въ кассѣ оказывалось недостаточно для немедленнаго возстановленія кредита, а просить у кого-нибудь денегъ въ долгъ, значило еще глубже подкапывать довѣріе.

Такимъ разстройствомъ дѣлъ, Науманъ обязанъ былъ не столько своей собственной, безумной роскоши, сколько хищной алчности любовницы своей, Адели, а еще болѣе игрѣ въ карты и ловкому плутовству своего уполномоченнаго Якова Вайнерта.

Значительная игра, частыя пирушки и паріи, устраиваемыя Науманомъ, наряды и дорогіе подарки, устройство и убранство квартиры актрисы, наконецъ, самыя ежедневныя расходы по собственному дому Наумана, поглощали невѣроятныя суммы, изъ которыхъ значительная часть оставалась въ карманѣ уполномоченнаго.

Науманъ, не имѣвшій понятія о фабричномъ счетоводствѣ, давалъ себя явно обманывать и, чѣмъ болѣе былъ обманутъ, тѣмъ болѣе довѣрялся Вайнерту, въ которомъ видѣлъ единственнаго человѣка, способнаго отсрочить или продлить его окончательное раззореніе.

Кредиторы чаще и чаще стали посѣщать Наумана. Адель, убѣдившись въ справедливости словъ Клейна, бросила Вальтера и перешла въ руки того, который, какъ говорила, открылъ ей глаза. Забота и охлажденіе пріятелей, всегда предвѣщающее поворотъ счастья, неожиданно настигли безумнаго бурша... Науманъ потерялъ присутствіе духа и сталъ топить горе въ винѣ. Онъ съ утра выпивалъ стаканъ крѣпкаго пуншу; потомъ цѣлый день прибавлялъ новыя пріемы и къ вечеру окончательно напивался пьянъ. Здоровье его разстроилось: онъ со дня на день становился жолчище, неживчивѣе, брюзгливѣе. Съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и малочисленнѣе становился кружокъ его друзей, да и тѣмъ онъ пересталъ довѣрять; онъ увидѣлъ, что отъ нихъ нельзя выманить не только ни копѣйки въ долгъ, да нельзя получить обратно и своихъ денегъ, при разныхъ случаяхъ розданныхъ имъ. Науманъ вмѣстѣ и тяготился своимъ наступающимъ одиночествомъ, и уже не находилъ прежняго удовольствія въ шумныхъ бесѣдахъ и ночныхъ оргіяхъ.

Къ этому присоединялось еще и то, что любовь его къ Фанни, вслѣдствіе извѣстія о связи ея съ Мейеромъ, разгорѣлась съ новою силой. Сначала Науманъ не вѣрилъ этой связи и запретилъ даже своему уполномоченному упоминать о такой неистинности.

— Какъ? говорилъ онъ: чтобы Фанни промѣняла меня, богатаго, красиваго малаго, на этого хилаго, нищаго доктора, который жилъ крохами, падавшими съ моего стола — этому ни за что не повѣрю. Что у нея могла явиться фантазія подурачить его и даже поводить его за носъ, это еще похоже на истину... Но чтобъ это была прочная связь, которая можетъ продлиться, это ни съ чѣмъ несообразно.

Но мало по малу, ловкій Вайнертъ успѣлъ убѣдить своего патрона въ истинѣ своихъ словъ. — Тогда озлобленіе Наумана на Мейера не знало болѣе границъ: въ первую минуту онъ хотѣлъ убить своего университетскаго товарища, собирався публично въ театрѣ дать ему пощечину, рѣшался даже поджечь домъ Фанни и заживо сожечь обоихъ любовниковъ въ объятіяхъ другъ друга.

Вайнертъ не только не старался сдерживать порывы этой дикой ненависти, напротивъ все болѣе разжигалъ ее; онъ намекалъ, что связь Мейера и Фанни скоро будетъ закрѣплена бракомъ, который окончательно липитъ Наумана надежды на возвращеніе любви молодой женщины; потомъ онъ открывалъ Вальтеру возможность примененія Мейеровой машины, которая должна обогатитъ самого изобрѣтателя, подорвать фабрикантовъ, и, можетъ быть, привести къ тому, что науманова фабрика перейдетъ къ вѣроломному другу его, который такимъ образомъ сдѣлается обладателемъ и любовницы, и состоянія Наумана.

Колеблемый между своей любовью къ Фанни, ненавистью къ Мейеру, страхомъ банкротства и привычкой къ роскоши, Науманъ былъ въ рукахъ своего уполномоченнаго совершенно пассивнымъ инструментомъ, на которомъ послѣдній игралъ все, что ему пришло въ голову.

Около того самого дня, въ который сторѣло имущество Мейера и модель его, Науманъ, окончательно убѣдившись, что дальнѣйшее производство на фабрикѣ ему не по силамъ, рѣшился продать ее, расклатиться съ заимодавцами и уѣхать изъ Берлина, чтобы на остальные деньги, которыхъ, вѣроятно, будетъ достаточно для безбѣдной жизни впѣ столицы, основаться въ какомъ-нибудь небольшомъ городкѣ на всю жизнь. Такая быстрая рѣшимость была продиктована ему тѣмъ же Вайнертомъ.

Наканунѣ дня, въ который должно было совершиться закрытіе фабрики, Науманъ, подъ вечеръ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ передъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ грудой бумагъ и конторскихъ книгъ. Передъ нимъ, въ почтительномъ

разстояніи, стоялъ его уполномоченный. Науманъ былъ одѣтъ въ богатый шелковый халатъ; онъ сидѣлъ на покойномъ вальтерѣ; въ зубахъ у него дымилась дорогая сигара; рука, державшая перо, была украшена огромнымъ солитеромъ. Онъ самъ былъ свѣжъ, завить на славу; открытое, правильное лицо его дышало добродушіемъ и довѣрчивостью, хотя на лбу и начали уже врѣзываться морщины заботы и тяжкаго опыта; безконечные усы, лихо закрученные въ нѣсколько завитковъ и красныя жилки по щекамъ и шеѣ, придавали ему видъ молодечества и обнаруживали пристрастіе къ дарамъ Вакха.

Вайнертъ, во всѣхъ отношеніяхъ, представлялъ совершенный контрастъ Вальтеру: блѣдное, худое, желтое лицо его, глаза, когда онъ говорилъ, постоянно направленные на какой-нибудь посторонній предметъ или моргавшіе и потупленные, уродливый станъ и маленькій ростъ, при длинныхъ, сухихъ рукахъ, которыя такъ и хотѣлось назвать *хватальцами*, униженное положеніе и безпрестанные поклоны, потертый скютукъ и жалобная, подлужающая улыбка, — все это вмѣстѣ составляло рѣдкую смѣсь отталкивающихъ свойствъ, соединенныхъ въ одномъ человѣкѣ.

Не смотря на то, глаза Наумана, устремленные то на уполномоченнаго, то на подписываемыя имъ книги и бумаги, выражали безотчетную довѣрчивость.

— Не довольно ли, любезный Вайнертъ? спрашивалъ онъ, безпрестанно кладя перо на чернильницу и откидываясь къ спинкѣ кресла: Вѣдь это однѣ формальности... Я очень хорошо знаю, что всѣ счеты по фабрикѣ вѣрны, что вы ни однимъ грошемъ моимъ не воспользовались... Чего же больше?... Главную сводную книгу я подписалъ, она уже засвидѣтельствована у маклера; слѣдовательно къ вамъ ни одна душа живая прдраться не можетъ...

Но Вайнертъ не ограничился этими увѣреніями; онъ продолжалъ подкладывать ему одну за другой книги и бумаги, печально улыбаясь и повторяя:

— Еще, сдѣлайте милость, господинъ Науманъ, вотъ эту, только эту... Потомъ я отстану отъ васъ.. Ахъ, господинъ Науманъ! приговаривалъ онъ, пока Вальтеръ лпко расчеркивался на поданномъ документѣ: Если-бы всѣ такъ благородно думали и поступали, кикъ вы, тогда не было бы надобности ни въ конторскихъ книгахъ, ни въ роспискахъ, ни въ отчетахъ... Вамъ, конечно, все равно... Вы продадите фабрику и, за уплатою всѣхъ долговъ, еще останетесь богатымъ человѣкомъ... Вамъ

всѣ будутъ кланяться... А нашъ братъ, бѣднякъ, обязанъ не только составить себѣ репутацію, но и стараться поддержать ее, чтобъ во всякое время доказать свою безукоризненность противъ нареканія или подозрѣнія...

И Науманъ, не читая, подписывалъ подноспыме ему документы, хотя Вайнертъ безпрестанно твердилъ:

— Сдѣлайте милость, господинъ Науманъ, прочтите эту бумагу, просмотрите этотъ счетецъ, чтобы послѣ не было недоразумѣній! Въ коммерческихъ дѣлахъ — деньги любятъ счетъ.

Наконецъ, всѣ бумаги и книги по фабрикѣ были подписаны, и Науманъ, опрокидываясь къ спинкѣ кресла и пыхтя, вскричалъ:

— Фу, какъ я усталъ!... Теперь не худо будетъ выпить стаканчикъ пуншу... Не хотите-ли за компанію, любезный Вайнертъ?

— Вы знаете, господинъ Науманъ, отвѣчалъ уполномоченный, собирая со стола бумаги и книги: вы знаете, что я никакъ крѣпкихъ напитковъ не употребляю...

— Знаю, знаю! До сегодня, по случаю такого необычайнаго событія, можно и пзмѣнить правилу... Не правда ли, любезнѣйшій... А то...? знаете! Мнѣ одному не хочется!...

— Если могу доставить вамъ этимъ удовольствіе, я готовъ на все... Но позвольте мнѣ самому приготовить для себя пуншъ...

Науманъ позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ принести рому, сахару и воды. Когда приказаніе его было исполнено, и горячій пуншъ привѣтливо дымился передъ собесѣдниками, изъ которыхъ одинъ налилъ рому почти полный стаканъ, а водою только развелъ сиропъ; другой же, наливъ полный стаканъ воды, такъ ловко опрокинулъ ложку съ ромомъ на блюдечко, что только нѣсколько капель его попало въ стаканъ. Науманъ первый прервалъ молчаніе словами:

— И такъ, любезный Вайнертъ, дѣла наши покончены.... Знаете, я даже, съ одной стороны, доволенъ тѣмъ, что сбуду эту фабрику.... Въ дѣлахъ, я, между нами сказать, не дока....

— Помилуйте, господинъ Науманъ! началъ было Вайнертъ еслибъ вы только захотѣли, то при вашихъ способностяхъ, быстротѣ ума....

Но кашель не далъ ему окончить и принудилъ, схватившись за грудь, отвернуться въ противоположную сторону.

— Конечно, послѣшилъ сказать Науманъ, пользуясь этимъ перерывомъ: конечно, если бы не проклятая гѣва, я могъ бы...

меня достало бы на эту грамоту.... Да, эхъ, не люблю я работать.... я родился, чтобъ быть богачемъ, какимъ-нибудь феодальнымъ барономъ съ своими фантазіями.... А тутъ нужна мелочная копотливость дѣльца.... Ну, ужъ на это я — слуга покорный.... Миѣ давай охоту, рысаковъ, хорошенькихъ дѣвочекъ, старое вино, карты, мягкую мебель и комфортъ!... Вотъ я буду на своемъ мѣстѣ.... Что же касается дѣль, то я думаю изъ меня выйдетъ бы хорошій генералъ или какой-нибудь депутатъ.... Чтобы, эдакъ, говорить рѣчи или представлять проекты для улучшенія быта моихъ соотечественниковъ.... Вотъ тутъ мы были бы въ своей тарелкѣ?... И Науманъ громко засмѣялся при этихъ словахъ, и принялся крутить бесконечные усы, между тѣмъ, какъ уполномоченный его говорилъ:

— Совершенно согласенъ съ вами, господинъ Науманъ.... Да и нельзя не согласиться! Всякій человѣкъ хорошъ на своемъ мѣстѣ.... Кому суждено быть министромъ или храбрымъ воиномъ, тотъ негодится въ наше дѣло.... А при вашемъ краснорѣчии и умѣ, для васъ мало занятій фабриканта.... Вамъ бы быть ораторомъ въ какой-нибудь палатѣ, потомъ министромъ....

— А пророческо, о моемъ ораторскомъ талантѣ, воскликнулъ Науманъ: знаете что, любезный Вайнертъ, я придумалъ.... Немедленное закрытіе фабрики и прекращеніе работъ на ней, должно породить между рабочими ропотъ.... А, вѣдь, ихъ шутка ли? до тысячи человѣкъ....

— Да, и я не разъ думалъ объ этомъ.... пробормоталъ, съ тяжелымъ вздохомъ, Вайнертъ, пеплолюбья наблюдая за физиономіею Наумана, которая, къ удивленію его, выражала полное самодовольствіе.

— Угадайте, любезный Вайнертъ, что я придумалъ для предупрежденія ропота ремесленниковъ.

— Рѣшительно не знаю, господинъ Науманъ....

— Ну, не догадливы же вы, мой любезнѣйшій! вскричалъ со смѣхомъ Вальтеръ: а дѣло очень просто; я скажу рабочимъ завтра спичъ, знаете, въ нѣсколько чувствительномъ родѣ.... скажу, что .. обстоятельства, ложные друзья....

При этихъ словахъ Наумана, лицо Вайнерта вдругъ выразило злобную радость и противъ своего обыкновенія, перебивая своего патрона и возвышая голосъ, онъ воскликнулъ, съ легкимъ смѣхомъ, похожимъ на кашель:

— Прекрасная, гениальная мысль.... Ложные друзья! Знаете ли, господинъ Науманъ, что однимъ и тѣмъ же орудіемъ, кото-

рымъ, вы будете защищать себя отъ неудовольствія рабочихъ, вы можете поразить своего величайшаго врага, этого доктора Мейера, который....

— Это какимъ образомъ? спросилъ Науманъ, выслушивъ глаза на своего собесѣдника.

— Изволите видѣть! началъ Цайнертъ, съ трудомъ овладѣвая своимъ восторгомъ и понижая голосъ до степени униженнаго совѣта: вамъ извѣстно, что докторъ Мейеръ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ, грозитъ вамъ, въ случаѣ, если бы вы не захотѣли примѣнить его изобрѣтеніе, продать или отдать свою машину другому фабриканту, чѣмъ необходимо и подорвется ваше производство по старинному способу....

— Но, вѣдь, модель Мейера еще неокончена! перебилъ Науманъ.

— А я думаю, что окончена.... возразилъ уполномоченный и потомъ продолжалъ: но дѣло не въ томъ; окончена или неокончена, продано или не продано изобрѣтеніе другому фабриканту, подорветъ ли оно или не подорветъ фабрики, довольно того, что докторъ Мейеръ грозитъ этимъ въ своемъ письмѣ, которое, къ счастью, сохранено мною.... Понимаете господинъ Науманъ?

— Рѣшительно ничего не понимаю, говорите, пожалуйста, яснѣе, мой любезнѣйшій!... Въ чемъ дѣло?

-- Дѣло въ томъ, что съ помощью этого письма, вы можете все неудовольствіе вашихъ рабочихъ съ себя столкнуть на доктора Мейера...

— Да какимъ же образомъ?

— Сославшись на то, что изобрѣтеніе его примѣнено къ производству бумажныхъ издѣлій, которыхъ цѣна, въ слѣдствіе того понижается до такой степени, что всякое соперничество становится невозможнымъ, съ ними, и вы, по недостатку средствъ для устройства фабрики по ново-изобрѣтенному способу, принуждены закрыть и продать ее.... При этомъ случаѣ, можно еще, будто мимоходомъ, вернуть и то, что и другія фабрики, вѣроятно, скоро закроются, а новый способъ требуетъ несравненно менѣе рабочихъ рукъ противъ прежняго.... Понимаете, господинъ Науманъ?... Вѣдь, мысль эта вполне принадлежитъ вамъ, что видно изъ вашихъ словъ о ложныхъ друзьяхъ.... Я только нѣсколько пояснилъ ее, опредѣливъ лицо, на которое вы сваливаете вину уничтоженія фабрики....

Уловка уполномоченнаго удалась, въ нѣкоторой степени; ли-

цо Наумана начало складываться въ хитрую улыбку, и онъ сказалъ со смѣхомъ потирая руки:

— Да, да! Мысль не дурна! При томъ я тутъ еще могу говорить и о томъ, что Францъ столько времени пользовался моими благодѣянiями, что, вѣдь, пзвѣстно всѣмъ рабочимъ, и отплатилъ мнѣ самой черной неблагодарностью....

— При томъ же замѣтите, господинъ Науманъ.... продолжалъ уполномоченный: въ этомъ не будетъ ровно ни малѣйшей неправды!... Докторъ Мейеръ дѣйствительно поступилъ относительно васъ съ безпримѣрнымъ вѣроломствомъ, отбивъ у васъ женщину, которую вы любили болѣе, чѣмъ вашу фабрику и все ваше богатство....

— Ваша правда, любезнѣйшiй, ваша правда! Я тоже хотѣлъ сказать.... Эту женщину.... я любилъ и люблю болѣе всего на свѣтѣ....

— Вотъ видите.... Слѣдовательно вы платите ему только равною монетою.... Впрочемъ и того нельзя сказать, потому что наше мщенiе еще такъ снисходительно... Другой бы на вашемъ мѣстѣ....

— Да! Я хочу быть великодушнымъ, но вполне прощать этому Иудѣ, было бы непростительной слабостью. Науманъ мрачно нахмурилъ брови и запустилъ руку въ волосы, потомъ схватилъ стаканъ съ яншемъ и опрокинулъ его себѣ въ ротъ. Жгучая влага, повидимому, еще болѣе содѣйствовала его рѣшимости, потому что онъ ударилъ кулакомъ о столъ и вскричалъ:

— Я сказалъ, что отомщу, страшно отомщу за это оскорбленiе.... И.... Но, скажите любезный Вайнертъ.... присовокупилъ онъ, обращаясь къ уполномоченному. Что если рабочiе развѣдаютъ, что вся эта конкуренцiя, вся эта машина.... одинъ пухъ, что бумажныя издѣлiя стоятъ все въ прежней цѣнѣ.... Вѣдь тогда вся ихъ ненависть обратится на меня....

— Помилуйте! возразилъ Вайнертъ тономъ убѣжденiя: гдѣ имъ догадаться повѣрять ваши слова.... Благо, имъ указано, на комъ, въ первую же минуту озлобленiя за потерю работы, выместить свою досаду....

— И то правда! сказалъ Науманъ.

— Не угодно ли вамъ, господинъ Науманъ, продолжалъ уполномоченный: чтобъ я для памяти составилъ вамъ маленькiй мемуаръ о томъ, какъ мы сегодня обсудили вашу рѣчь.... Завтра, въ минуту импровизацiи, нѣкоторыя подробности могутъ усколь-

знуть отъ вашего вниманія.... а эти вещи могутъ принадлежать, если не къ самымъ важнымъ, то по крайней мѣрѣ....

— Вы этимъ обяжете меня, любезнѣйшій! воскликнулъ Науманъ: А теперь мнѣ пора въ клубъ.... До свиданія, мой добрый Вайнертъ.... До свиданія завтра, на полгъ сраженія....

Уполномоченный, низко поклонясь, исчезъ за дверью, между тѣмъ какъ Науманъ, позвонивъ, велѣлъ одѣвать себя.

ГЛАВА XXXIV,

въ которой доказывается справедливость пословицы: «дай чорту волосъ, онъ завладѣетъ всей головой?»

На другое утро, едва, на звонъ колокольчика, камердинеръ вошелъ въ спальню Наумана, какъ на порогѣ ея появился Вайнертъ, держа въ рукѣ свертокъ исписанной бумаги. Науманъ, въ халатѣ и туфляхъ, сидѣлъ передъ туалетомъ и расчесывалъ усы.

— А, это вы, любезный Вайнертъ! сказалъ онъ, услышавъ капель уполномоченнаго, но не оборачивая головы: что новенькаго, любезнѣйшій?

— Я принесъ вамъ, господинъ Науманъ, заказанный вами вчера конспектъ рѣчи, которую вы намѣрены были произнести рабочимъ.... отвѣчалъ уполномоченный, приближаясь къ Науману съ униженными поклонами.

— А! и прекрасно! Очень благодаренъ вамъ, мой милый.... сказалъ Науманъ, уже позабывшій половину того, о чемъ наканунѣ было говорено: прикажите собрать народъ во дворѣ, а конторщикамъ и прочимъ служащимъ собраться въ моемъ залѣ... Рѣчь же оставьте здѣсь.... Я просмотрю ее и исправлю, что пайду нужнымъ.... Прикажите также поставить на крыльцѣ одинъ изъ люпитровъ, которые находятся въ фабричной конторѣ, что бы мнѣ было удобнѣе говорить съ возвышенія.... Это будетъ вмѣстѣ и эффектиѣ, и удобнѣе....

— Слушаю-съ! отвѣчалъ Вайнертъ и, положивъ на столъ бумагу, которую держалъ въ рукѣ, вышелъ, между тѣмъ какъ Науманъ продолжалъ свой туалетъ.

Когда, въ полдень уполномоченный снова вошелъ къ своему патрону, послѣдній, плотно позавтракавъ, и выпивъ нѣсколько

рюмокъ вина, ходилъ по залу совершенно одѣтый со сверткомъ бумаги въ рукѣ.

— Все готово, господинъ Науманъ! сказалъ уполномоченный.

— А! произнесъ Науманъ, слегка блѣднѣя и съ трудомъ сохраняя присутствіе духа: ну, и я готовъ, хотя и не успѣлъ прочесть рѣчь, которую вы написали.... Ну, да это все равно... Она вѣроятно, написана, какъ нельзя лучше, и я просто прочту ее рабочимъ....

— Какъ вамъ угодно! сказалъ Вайнертъ, кланяясь: Я написалъ ее почти съ вашихъ словъ, которыя очень живо сохранились у меня въ памяти, и мнѣ кажется, что если вы произнесете ее въ этомъ видѣ, то дѣло не потребуетъ поясненій, и рабочие увидятъ, почему они остаются безъ хлѣба.

Науманъ молча кивнулъ головой.

Канторщики и фабричныя служащіе были, согласно приказанію его, собраны въ залѣ и къ нимъ-то прежде всего обратился Науманъ съ краткою прощальною рѣчью, въ которой поблагодарилъ ихъ за вѣрную и безукоризненную службу, и крайне сожалѣлъ, что, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не можетъ долѣе сохранить ихъ при себѣ.

— Прощайте, господа! такъ заключилъ онъ; жму руку вашему достойному представителю, уполномоченному моему, господину Якову Вайнерту, которому, къ моему прискорбію, я также принужденъ сказать, можетъ быть, вѣчное «прости».

При этихъ словахъ, Науманъ дѣйствительно пожалъ руку Вайнерту и медленною, нѣсколько театральною поступью отправился изъ зала на фабричный дворъ.

Дорогою Науманъ спросилъ Вайнерта, какъ онъ нашелъ произнесенную имъ импровизированную рѣчь.

— Безподобная рѣчь! вскричалъ уполномоченный, тономъ удивленія и восторга: вы, господинъ Науманъ, великій ораторъ. И откуда все это бралось у васъ?... плавно и, вмѣстѣ, такъ сильно, и хорошо.... Образцовая рѣчь!... И всѣ эти люди были тронуты ею.... Я вамъ скажу.... умилительно....

— Ну, ужъ вы льстите мнѣ, мой любезнѣйшій! съ самовольною улыбкою, сказалъ Науманъ.

На фабричномъ дворѣ толпа рабочихъ, уже около часу, ожидала его и встрѣтила шумнымъ говоромъ. Науманъ прошелъ черезъ весь дворъ и взбѣжалъ на крыльцо фабрики, на площадкѣ котораго приготовлена была для него конторка. Науманъ разлю-

жилъ на конторкѣ свертокъ, который держалъ въ рукѣ и, когда говоръ утихъ, началъ читать слѣдующее:

— Друзья мои! Я долженъ объявить вамъ печальную новость.... Фабрика моя, столько лѣтъ питавшая васъ, на которой, поступивъ дѣтьми, вы успѣли состарѣться, эта фабрика, нынѣ, вслѣдствіе злобныхъ козней моихъ и вашихъ недоброжелателей, должна прекратить свои дѣйствія.... Эти общіе наши недоброжелатели придумали изобрѣтешіемъ новаго легчайшаго и дешевѣйшаго способа производства бумажныхъ издѣлій, подорвать всѣ фабрики, производящія по старинному способу и съ помощью прежнихъ машинъ.

Глухой гулъ, подобный отдаленному грому, пронесся въ толпѣ рабочихъ, которая заволновалась, какъ море въ грозу. Науману стало совѣстно и страшно, но отступать было уже поздно; вниманіе рабочихъ было возбуждено, надо было удовлетворить ихъ любопытству и, скрѣпя сердце, Вальтеръ продолжалъ читать:

— Не за себя я негодую въ этомъ случаѣ: я обезпеченъ маленькимъ капиталомъ, который — надѣюсь — останется у меня послѣ продажи фабрики и уплаты всѣхъ моихъ долговъ.... Но сердце мое, истинно любящее васъ, друзей моихъ и братьевъ, въ точномъ смыслѣ слова, обливается кровью, когда вспомню, что вслѣдствіе этого злостнаго заговора противъ меня и другихъ фабрикантовъ, столько васъ, бѣдняжковъ, остается безъ крова и насущнаго хлѣба съ женами и малолѣтними дѣтьми!.

На послѣдней фразѣ Науманъ даже прослезился и, съ неподдѣльнымъ негодованіемъ, продолжалъ:

— Знаетъ ли кто-нибудь изъ васъ доктора Франца Мейера, который цѣлый годъ пользовался моимъ гостеприимствомъ и ѣлъ мой хлѣбъ? Онъ нѣсколько разъ посѣщалъ фабрику и многие изъ васъ должны были видѣть его....

— Знаемъ, знаемъ! отвѣчали рабочіе, голоса которыхъ звучали подобно приближающимся раскатамъ грома, между тѣмъ какъ мрачные взгляды, бросаемые ими на Вальтера, предвѣщали, что гроза скоро разразится.

— Этотъ самый Францъ Мейеръ, — читалъ далѣе Науманъ, тяжело вздыхая, совершенно забывъ, что читаетъ самую гнусную клевету, и все болѣе входитъ въ свою роль: этотъ самый Францъ Мейеръ, другъ моего дѣтства и юности, человѣкъ облагодѣтельствованный мною, эмѣя, взлелѣянна мною на груди, платитъ мнѣ теперь за мою любовь самую черную неблагодарностью, лишая меня единственной чистой отрады, которую доставляла

мнѣ моя фабрика, а именно — возможности быть полезнымъ вамъ, друзья мои.... Соперничество съ фабриками, устроенными по новому способу Мейера, совершенно невозможно.... На приобретение же его машины и перестройку фабрики, недостаетъ у меня и у большой части фабрикантовъ капиталовъ.... По этому, заранѣе предувѣдомленный объ этомъ злостномъ поступкѣ доктора Мейера, тогда, когда злодѣйство не было окончательно совершено имъ, я рѣшаюсь нынѣ же закрыть свою фабрику, чтобы избѣгнуть банкротства, которое иначе было бы неизбѣжно.... А чтобы окончательно убѣдить васъ въ томъ, что докторъ Мейеръ дѣйствительно давно задумалъ разорить меня, то мой уполномоченный, господинъ Яковъ Вайнертъ, прочтетъ вамъ, изъ письма Мейера нѣсколько строкъ, подтверждающихъ мои слова....

Въ эту минуту, когда Науманъ уже собирался продолжать читать, нѣсколько голосовъ рабочихъ закричало:

— Да, да! пусть-ко господинъ Вайнертъ прочтетъ намъ эти строки!...

Науманъ остановился и, взглянувъ съ конторки внизъ, сдѣлалъ Вайнерту знакъ взойти на площадку. Уполномоченный быстро взбѣжалъ по ступенямъ крыльца и, остановившись возлѣ Наумана, вынулъ изъ кармана письмо, развернулъ его и прочелъ по немъ монотонно-гнусливымъ голосомъ:

«Изъ всего, что я сказалъ, видно, что нововозобрѣтенная мной машина, во первыхъ, будучи однажды поставлена, не требуетъ для содержанія въ движеніи никакихъ издержекъ, потому что двигатель ея — электричество, слѣдовательно не нуждается и въ возобновленіи; во вторыхъ, для производства бумажныхъ издѣлій предполагаетъ гораздо менѣе рабочихъ рукъ; въ третьихъ, производитъ, при одинаковомъ совершенствѣ издѣлій, тоже количество въ гораздо кратчайшій срокъ; наконецъ, въ четвертыхъ, гораздо проще относительно своего устройства, слѣдовательно рѣже требуетъ поправокъ, которыя, кромѣ того, предполагаютъ менѣе свѣдѣній въ высшей механикѣ. Непремѣнныя послѣдствія введенія ея во всеобщее употребленіе будутъ: 1) дешевизна издѣлій, которыхъ цѣна въ первый же годъ должна упасть на 25—30 процентовъ противъ цѣны издѣлій, производимыхъ на фабрикахъ прежняго устройства; 2) невозможность соперничества фабрикъ прежняго устройства съ фабриками, устроенными по моему способу, слѣдовательно непремѣнное банкротство первыхъ; 3) какъ вслѣдствіе уменьшенія числа рабочихъ рукъ, такъ и вслѣдствіе банкротства фабрикъ, увеличе-

нѣ нѣсколькими тысячами числа ремесленниковъ, которые останутся безъ работы.»

Вайнертъ замолкъ и обвелъ толпу рабочихъ своимъ косымъ взглядомъ, въ которомъ горѣла злобная радость. Шумъ негодованія все усиливался въ этой толпѣ, но трудно было разобрать среди его отдѣльные слова. Науманъ опять почувствовалъ пробуждавшійся въ немъ голосъ совѣсти, которая упрекала его въ нарушеніи святости дружеской переписки, но въ эту минуту Вайнертъ прознеть возлѣ него :

— Рѣчь ваша, господинъ Науманъ, не можетъ быть такъ окончена! Необходимо округлить ее.... Дочитывайте.... Ужъ тамъ остается всего нѣсколько словъ.....

И Науманъ, за мгновеніе передъ тѣмъ, уже готовый уменьшить во мнѣніи рабочихъ вину Мейера, вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе и, очертя голову, продолжалъ читать, между тѣмъ, какъ непріязненный говоръ рабочихъ, мало-по-мало, стихалъ.

— Конечно, я теряю много, очень много, продолжалъ Науманъ голосомъ, въ которомъ слышалось нѣкоторое дрожаніе: но я вполнѣ прощаю своимъ врагамъ за самого себя.... Только за васъ, друзья мои, за васъ я простить ихъ не выправѣ.... Если бы васъ было двое, трое, десятеро, даже пятьнадцать человекъ, то я сказалъ бы вамъ: «Живите у меня!.. Я готовъ дѣлиться съ вами послѣдними крохами своимъ, до тѣхъ поръ, пока вы найдете себѣ другую работу».... Но теперь.... Что я могу сдѣлать для тысячи человекъ! Всѣ усилія мои только окончательно раззорять меня, не поправивъ вашего положенія.... Вотъ, потому-то, что ваше положеніе такъ безвыходно, и я, при всемъ своемъ пламенномъ желаніи, не могу вывести васъ изъ него, вотъ потому-то именно, я и не могу простить нашимъ общимъ недоброжелателямъ.

Прощайте, друзья! заключилъ Науманъ, да хранить васъ Богъ въ вашей тяжелой долѣ!.. Не поминайте зломъ любящаго васъ отъ души несчастнаго вашего хозяина!..

И сталъ медленно сходить съ фабричнаго крыльца въ сопровожденіи Вайнерта.

По мѣрѣ того, какъ Науманъ и Вайнертъ подходили къ рабочимъ, толпа разступалась и молча, безъ малѣйшаго проявленія сожалѣнія или привязанности, пропускала ихъ.

Науманъ шелъ медленно, понуривъ голову и заложивъ руки въ карманы, какъ преступникъ, который тяжело задумался надъ совершеннымъ имъ дѣломъ; раскаяніе, сожалѣніе, сознаніе свое-

го безслія для поправленія зла, досада на самого себя, неудовольствіе противъ Вайнерта, всё эти ёдкія чувства ясно выражались на его лицѣ и ничто въ немъ не говорило объ удовлетворенной жаждѣ мщенія и объ удовольствіи, что озлобленность рабочихъ миловала его. Казалось, въ самомъ безмолвномъ прѣщаніи съ нимъ рабочихъ, Науманъ видѣлъ признакъ того, что они не повѣрили его клеветѣ и готовы изобличить его передъ общественнымъ мнѣніемъ. Напротивъ, спутникъ его бодро шелъ на разстояніи одного шага за нимъ, какъ-то особенно покашливая и поглядывая на обѣ стороны. Язвительная усмѣшка искривляла его безцвѣтныя, сморщенные губы, и длинныя руки его были сложены въ какомъ-то судорожно-радостномъ положеніи.

Едва ворота фабрики остались за ними, какъ Вайнертъ весело вскричалъ:

— Bravo, bravo, господинъ Науманъ! Задали же вы жару доктору Мейеру: будетъ онъ васъ помнить, когда нигдѣ не будетъ находить проходу на улицахъ!... Вѣдь тысяча отчаянныхъ мошенниковъ, плетницъ и головорѣзовъ — не шутка...

И злобно смѣясь, карликъ весело потиралъ свои безобразно-длинные руки. Науманъ, ощутившій родъ какого-то суетнаго трепета, при этихъ словахъ своего спутника, ускорилъ шагъ и, отдѣлавшись отъ уполномоченнаго, поспѣшилъ войти въ домъ. Такъ онъ заперся одинъ въ кабинетѣ, приказавъ принести себѣ графинъ рому, въ которомъ, вѣроятно, намѣревался утопить угрызенія своей совѣсти.

Глава XXXV,

въ которой доказывается, что «кровь не потока».

Вслѣдъ за уходомъ Наумана и Вайнерта съ фабричнаго двора, гроза, накликаемая ими, разходилась съ страшною силой. Толпа рабочихъ начала волноваться и громкіе крики послышались изъ нея:

— Отметимъ за себя нашихъ злодѣямъ! Будетъ помнить насъ этотъ изобрѣтатель новыхъ машинъ!

Рабочіе стали собираться въ отдѣльныя кучки, сгруппированныя около лицъ мрачнаго вида, въ оборванныхъ нарядахъ и сильнаго тѣлосложенія...

Въ одномъ углу фабричнаго двора такая кучка собралась вокругъ человѣка, небольшого роста, съ угловатыми формами, въ

изорванной порыжѣлой отъ времени и непогодъ шляпѣ, синеѣ, зашнурованной блузѣ и толстыхъ, подкованныхъ башмакахъ. Это былъ никто иной какъ общій знакомый нашъ, Фридрихъ Лерхе, отецъ той дѣвочки, которую воспитывала Фанни. Одутлое лицо его горѣло какъ растопленная мѣдь, мало отличающаясь по цвѣту отъ рыжихъ волосъ; ротъ его, въ которомъ торчало два ряда зеленоватыхъ зубовъ, былъ искривленъ наглой улыбкой, когда онъ говорилъ:

— Надо вывести на чистую воду этого изобрѣтателя — доктора, съ его новыми затѣями.

— Не лучше ли утопить его въ грязной лужѣ! отозвался въ толпѣ глухой басъ, принадлежавшій мрачному Генриху Томасу, сынъ котораго былъ отданъ Фанни въ обученіе къ сапожнику.

— Твоя правда, Генрихъ! отвѣчалъ Лерхе: — я тоже хотѣлъ сказать....

— То-то, сказать.... повторилъ, съ насмѣшливою улыбкою, пожилой человекъ съ густою бородой: — Не даромъ у тебя и фамилія Лерхе *): ты только нѣтъ мастеръ, а дѣло сдѣлають и ли другіе за тебя....

— За что это Сѣрый Волкъ нынче не жаалусть тебя? спросилъ молодой парень, обращаясь къ Лерхе и указывая на сѣдаго мужчину.

— А чортъ его знаетъ!... Вѣдь волка какъ ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ, отвѣчалъ сиротенный притворно равнодушнымъ тономъ.

— Ужь не ты ли накормилъ его, ибвунъ? спросилъ Сѣрый Волкъ, исподлбля оглядывая своего противника съ головы до ногъ.

— Съ чего это вы вадумали ссориться? раздался визгливый женскій голосъ, и, вслѣдъ затѣмъ, баба лѣтъ тридцати пяти, съ загорѣлымъ, худымъ лицомъ, съ засученными рукавами, выступила изъ толпы: Тутъ рѣчь идетъ о томъ, продолжала она, чтобы проучить изобрѣтателей, помилости которыхъ намъ завтра нечего будетъ въ горшокъ положить, а вы другъ-друга, кажется, учить собираетесь....

— Оставь, Мать-Лихорадка! сказалъ молодой парень, повидящему, находившій удовольствіе въ замышляемой сценѣ: не мѣшай намъ заводить школу взаимнаго обученія.

*) «Lerche» на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ «жаворонокъ».

— Смотри, заворчалъ Сѣрый Волкъ, обращаясь къ парню: — что бы и тебѣ не побывать въ этой школѣ.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше возьмите, вмѣсто меня, того доктора! отвѣчалъ со смѣхомъ молодой человекъ.

— Его ужъ я взялъ на себя, и никому не уступлю! медленно и тономъ неизмѣнно-твердаго намѣренія, произнесъ Томасъ.

— Ну, такъ жарко же ему будетъ, коли ты берешься! завизжала Мать-Лихорадка.

— Я въ долѣ! сказалъ Лерхе: увидимъ одинъ ли пою, или и другихъ заставляю пѣть?...

— Дѣлю дѣлаете! вскричалъ Сѣрый Волкъ: да развѣ такія вещи при бабахъ да мальчишкахъ рѣшаются!... Завтра же полиція перевяжетъ всѣхъ вась разумниковъ; потомъ и поминай, какъ звали...

— Не меня ли ты боишься, что донесу? спросила Мать-Лихорадка: — Врешь, Сѣрый! я даромъ что баба, а и сама, не хуже тебя, справлюсь съ этимъ докторишкой!...

— Кто и говоритъ? насмѣшливо пробормоталъ Сѣрый Волкъ: Справилъсь?... Да только прежде разболтаешь всѣмъ кумушкамъ и сосѣдкамъ....

— Оборвышь, вступишь за меня! сказала баба, трепля по щекамъ мальчика, лѣтъ четырнадцати, съ отвратительнымъ, сморщеннымъ, стариковскимъ лицомъ.

Мальчикъ подобрался къ Сѣрому Волку и, незамѣченный никѣмъ, такъ ущипнулъ его, что лицо этого послѣдняго выразило боль и ярость, но когда онъ обернулся, чтобы поймать шалуна, то оборванца уже не было.

— Понадешься ты мнѣ, чортово отродье! сказалъ, стиснувъ зубы, Сѣрый Волкъ...

— Ай, молодець! говорила Мать-Лихорадка, ища взглядомъ и не находя мальчика.

— А Сѣрый Волкъ правду молвилъ! произнесъ Генрихъ Томасъ: — не мѣсто здѣсь тарабарить!... пора и домой голодать идти.

И грушна, въ которой происходилъ этотъ разговоръ, разошлась. Всѣ рабочіе были одинаково озлоблены противъ доктора Мейера и нововводителей вообще, и ни одинъ голосъ не былъ поднятъ въ защиту имъ....

Черезъ нѣсколько дней, послѣ описанныхъ нами событій, въ субботу, часу въ семьомъ вечера, въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ отъ центра города улицъ, въ маленькой комнаткѣ

кабака, подъ вьѣской «красной вороны» сидѣли, за бутылкой водки, извѣстные намъ Сѣрый Волкъ, Фридрихъ Лерхе и Генрихъ Томасъ. Лица ихъ уже сильно рдѣлись отъ вина; глаза посоловѣли отъ тяжелыхъ паровъ, отуманившихъ ихъ головы. Напротивъ, мрачное лицо и строгій, угрюмый взглядъ Генриха Томаса, выражали то напряженно-бодрое состояніе душевныхъ силъ, которое свойственно однимъ сосредоточеннымъ натурамъ.

Облако бѣднаго табачнаго дыма сгустилось надъ головами бесѣдующихъ: блѣдный свѣтъ догоравшаго дня, будто нехотя, проникалъ въ единственное небольшое окно, въ одномъ мѣстѣ заклеенное бумагой, а въ другомъ заткнутое грязной тряпичей.

Картина характеристическая, могущая пригодиться живописцу нравовъ нашего общества, столь утонченнаго въ высшихъ слояхъ своихъ и столь дикаго въ низшихъ.

— Оставь Генриха, Сѣрый! говорилъ Лерхе, обращаясь къ Сѣрому Волку, съ которымъ, повидимому, уже совершенно помирился послѣ вчерашней ссоры: — Вѣдь извѣстное дѣло, что онъ хмѣльнаго въ ротъ не беретъ... Такъ чего же и подчивать...

— А тебѣ жаль стало водки! насмѣшливо произнесъ Сѣрый Волкъ: — Ну, будь по твоему..... Другому не позволилъ бы не пить, когда я самъ пьянъ и могу проболтаться... А ему можно!.. Онъ человѣкъ молчаливый и вѣрный, хоть и не пьетъ водки....

Генрихъ не отвѣчалъ ни слова и продолжалъ мрачно смотрѣть на столъ, чертя что-то жилистымъ указательнымъ пальцемъ, который весь былъ запачканъ сажею и грязью.

— Да, онъ своихъ знаетъ, не бѣлоручка! сказалъ Лерхе, указывая Сѣрому Волку на руку Томаса. Сѣрый волкъ слегка улыбнулся намекъ своего собесѣдника на грязную руку Генриха и потомъ сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Ну, Фрицъ, такъ ты началъ рассказывать, что былъ у этого горбуна Вайнерта.... Зачѣмъ же ты былъ у него!.. Продолжай!..

— А, вотъ, видишь, дружище — зубастый! отвѣчалъ Лерхе: Вѣдь, я отчасти ему обязанъ былъ тѣмъ, что меня держали на фабрикѣ.... Не будь его, меня давно согнали бы за пьянство, буянство и частыя отлучки.... Ну, такъ, я и пошелъ къ нему вчера попросить за это на водку....

— Какъ? воскликнулъ Сѣрый Волкъ, смѣясь во все горло: За то, что онъ тебѣ покровительствовалъ, ты у него же сталъ просить на водку... Вотъ, это забавно!..

— А что жъ? отвѣчалъ Лерхе съ самодовольною улыбкою:— Не стоитъ же просить у тѣхъ, которые хотѣли прочесть меня съ фабрики.... Тѣ, вѣрно, и недали бы ничего.... А Вайнерту я позволялъ любить себя и за это выпросилъ у него на двѣ бутылки.... Оно и совершенно справедливо! Между мной и имъ есть какая-то родственная дружба, какое-то сходство душъ... Какъ же ему не подѣлиться со мной нѣсколькими копѣйками, и какъ мнѣ-то не обратиться съ просьбою о нихъ къ такому родственнику?..

Томасъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и сказалъ, не поднимая глазъ:

— Если эта болтовня продолжится, то я уйду отсюда... Мы сошлись не для того, чтобъ переливать изъ пустаго въ порожнее, а что бы сговориться, о чемъ слѣдуетъ...

— Вишь его подмывастъ! воскликнулъ Лерхе, снова ослабляясь и подмигивая сѣрому волку: И пошутить не хочетъ дать!.. Экъ, какой задорный!..

Но вмѣсто того, чтобы поощрить своего пріятеля къ новымъ выходкамъ, Сѣрый Волкъ, нахмурился, возразилъ:

— И впрямь, правду говоритъ Генрихъ! Полно ласы точить, жаворонокъ! Говори дѣло — не то слушать перестанемъ....

— Да, вѣдь, самъ же ты... началъ было Лерхе, но толчокъ въ бокъ и выразительный жестъ, которымъ Сѣрый Волкъ указалъ на Генриха Томаса, заставилъ его оставить неоконченную начатую фразу и, подумавъ съ минуту, онъ продолжалъ болѣе серьезнымъ тономъ:

— Ну, такъ, вотъ, я и пошелъ къ господину уполномоченному и говорю: «такъ и такъ! Бѣдность! Крайнее положеніе! Дочь больна.... нужно лѣченье! Помогите, ради Христа!» А онъ-то, вмѣсто того, чтобы пойти да вынести мнѣ денегенокъ, и говорить сперва: «Да, молъ, любезный Фридрихъ! Горе не вамъ однимъ, бѣднякамъ.... И хозяйну, и мнѣ насолили эти нововводители.... Хозяйна безъ фабрики сдѣлалъ, а я, вотъ, безъ мѣста остался».... А я ему: «Ну, говорю, слѣдовало бы, эдакъ, хорошенько проучить ихъ злодѣевъ». «Проучить? легко сказать — проучить... Да какъ ихъ проучишь?» — «Вѣстимо — дѣло, какъ, молъ! Не пряниками...» Слово за слово, а онъ и говоритъ: «Будто между вами и найдутся такія молодцы, чтобы взяться проучить доктора?»

— А ты что отвѣчалъ ему на это? спросилъ Генрихъ Томасъ глухимъ голосомъ, продолжая смотрѣть на столъ.

— Что-жь было отвѣчать? продолжалъ раскащикъ, пуская потомъ густую струю дыму:—Я сказалъ, что и не на такія дѣла станеть насъ...

— Ну, для чего такое хвастовство? перебилъ сѣрый волкъ, выпивая стаканъ водки.

— То-то, вотъ бери васъ въ долю! Молчать во время неумѣете!... сказалъ Генрихъ Томасъ, съ досадою ворочаясь на стулѣ. Прежде чѣмъ на вершокъ сдѣлаете, на три аршина скажете всѣмъ: точно бабы!...

Лерхе, видимо опьянѣвшій, не обращая вниманія на слова своихъ собесѣдниковъ, продолжалъ сильнымъ голосомъ:

— Вотъ, какъ Вайнертъ услышалъ, что я человѣкъ рѣшительный, такъ и прикусилъ языкъ, да пошелъ и принесъ мнѣ талеръ. «На, говорить, вышей, дружище, за здравіе свое и наше, и на погибелъ нашимъ врагамъ.»

— Что? будто онъ сказалъ это? воскликнулъ Генрихъ Томасъ, бросая на Лерхе взглядъ, въ которомъ выражалось удивленіе, смѣшанное съ недовѣрчивостью.

— Ужь ты не бредишь ли, дружище, спросилъ въ тоже время съ насмѣшливой улыбкой, Сѣрый Волкъ.

— Что же? за кого вы меня принимаете? ворчалъ Лерхе, ударивъ живымъ кулакомъ по столу: За пьянаго или за старую бабу, что изъ ума выживать стала!... А?

— Что вы тамъ расходились? отозвался изъ другой комнаты хрипый женскій голосъ: Давно полиціи не видали, такъ посмотрѣть на нее захотѣлось — что ли? какъ разъ накроетъ. Не даромъ у меня второй день переносица зудить?

— Вовсе мы не сомнѣваемся, дружище, началъ Сѣрый Волкъ, стараясь успокоить Фридриха. Да только, съ чего же это Вайнертъ такую рѣчь повелъ? Вѣдь, онъ, значитъ, самъ ножъ въ руки кладетъ намъ?...

— Вѣстимо, такъ! отвѣчалъ Лерхе: Да еще какъ кладетъ-то? Послушай только, сѣрый! какъ вынесъ онъ мнѣ деньги и сказалъ, чтобъ мы вышли на погибелъ врагамъ, и говорить дальше: «А когда проучите вы этого съумасброда, тогда приходи ко мнѣ опять, я тебѣ и на лѣкарство для дочери дамъ.... Только помни одно, что я тутъ сторона.... ничего не знаю и знать не хочу о томъ, что вы собираетесь дѣлать.... Меня, чуръ, непутать!... Деньги я тебѣ не за то дамъ, что вы проучите доктора, а такъ, просто, за то, что ты молодецъ, человѣкъ рѣшительный»... А я отвѣчаю ему: «Понимаю, молъ, господинъ Вай-

нертъ! Понимаю! Все конечно такъ! Вѣдь насъ, молъ, тысяча человѣкъ осталось безъ работы по милости этого доктора... Такъ и не я, можетъ, прочу его, а одинъ изъ этой тысячи все найдется.... Только ужъ на лекарство-то дочери получу я отъ васъ, господинъ Вайнертъ, а не другой кто-нибудь»....

— Всѣ противъ этого доктора! бормоталъ про себя Генрихъ Томасъ, если бы я не далъ себѣ честнаго слова прочу его, то вѣрно перешелъ бы на его сторону....

— Чтò? спросилъ Сѣрый Волкъ, думая, что Генрихъ обращается къ нему.

— Я говорю, отвѣчалъ спохватившись Генрихъ, что теперь надо бы условиться — гдѣ и какъ начать дѣло?

— И то правда! сказала Сѣрый Волкъ: По моему, сперва надо бросить жребій, кому начинать, пока другіе двое будутъ въ засадѣ.... А всѣмъ троицѣ на такую пиланицу не для чего бросаться.... Остальные должны подоспѣть только на выручку, въ случаѣ, если бы полиція, или прохожіе вмѣшались.

— Вѣстимо! вѣстимо! отвѣчалъ Лерхе.

Сѣрый волкъ молча вынулъ изъ кармана грязный посовой платокъ, котораго первоначально — красныя и желтыя клятки, отъ употребленія, слились въ сплошное поле землянаго цвѣта и, завязывая на одномъ концѣ его узелъ, сказалъ:

— Ну товарищи, вотъ, узелъ, а вотъ два простые угла.... отворотитесь же оба отъ меня.... Кому достанется узелъ, тотъ пусть и дѣло начинаетъ.... Согласны?... А коли мнѣ останется узелъ, я буду впереди, а вы оба въ засадѣ!...

— Хорошо! хорошо! отвѣчалъ Лерхе, отворачиваясь къ стѣнѣ. Только, смотри, сѣрый, не мошенничать! Вѣдь ты мастеръ на разныя штуки и самъ чортъ не разъ почешетъ затылокъ, когда ему придется ловить тебя!...

— Совсе не нужно бы этихъ узловъ, да росказней!... ворчалъ Генрихъ Томасъ, оставаясь въ прежнемъ положеніи и угрюмо поводя глазами по столу: И безъ всякихъ узловъ взялся бы начать дѣло... Все это бабьи размашки! Ужъ положено сдѣлать, такъ чего же тутъ разтобаривать, да узлы вынимать... Кто по-силнѣе тотъ и впереди....

— Нѣтъ! лучше по нашему! возразилъ сѣрый волкъ, складывая подъ столомъ углы платка: А то, еще скажутъ, что мы на тебя одного захотѣли всю тяготу свалить.... Ну, вынимайте! продолжалъ онъ, выставляя на середину стола кулакъ, изъ котораго торчали три совершенно одинаковые угла платка. Да, чуртъ.

еще, чтобы тотъ, кому узелъ придется и кто дѣло начнетъ, былъ коноводомъ остальныхъ двухъ.... Что прикажетъ, то и дѣлали бы.... А пока не подастъ сигнала, сидѣли бы въ засадѣ и не мѣшались бы ни во что....

— Конечно! конечно! подхватилъ Фридрихъ Лерхе, взявъ одинъ пзъ уголъ платка, между тѣмъ какъ другой потянулъ къ себѣ, молча и съ равнодушнымъ видомъ, Генрихъ Томасъ.

Сѣрый Волкъ разжалъ руку: узелъ остался въ рукѣ Генриха Томаса.

— На ловца и звѣрь бѣжитъ! сказали, громко смѣясь, Лерхе.

— Зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ.... мрачно и съ тяжелымъ вздохомъ, пробормоталъ Генрихъ и оттолкнулъ отъ себя узелъ.

— Ну, дѣло обходится безъ меня, подхватилъ Сѣрый Волкъ, какъ будто освобождаясь отъ тягостной неизвѣстности: эй, старуха, прибавилъ онъ, обращаясь къ дверямъ въ другую комнату: Дай-ка намъ еще бутылочку... На радостяхъ можно выпить и на мой счетъ....

Томасъ молча взялъ шапку и, не прощаясь съ своими собесѣдниками, пошелъ къ дверямъ. Въ эту минуту хозяйка пивной лавки принесла бутылку и стаканы:

— Куда же ты? спросилъ Лерхе, обращаясь къ Томасу: пожди....

Томасъ остановился и, съ призрачною улыбкою, указавъ взглядомъ на женщину, между тѣмъ, какъ Сѣрый Волкъ, подъ столомъ, толкалъ Лерхе колѣномъ.

Когда цаловальница вышла, Сѣрый Волкъ сказалъ, наливая въ стаканъ водки:

— Выпить, ему не хотѣлось выждать, пока мы выпьемъ за его здоровье... Старшина, вѣдь; дисциплина потерпитъ отъ этого!...

Лерхе захохоталъ.

— Ну, что вамъ еще надо отъ меня? сердито спросилъ Томасъ, снова подходя къ столу и смотря въ стѣну.

— Да, во первыхъ, отвѣчалъ Лерхе: — мы еще не условились о мѣстѣ, гдѣ будетъ представленіе и о времени, въ которое собраться....

Генрихъ съ минуту подумалъ и сказалъ отрывистымъ тономъ:

— Завтра вечеромъ, въ девять часовъ.... На углу новаго дома купца Гастингса... Фонаря тутъ нѣтъ, народу обыкновенно мало, потому что домъ, недостроенный, сѣлъ на сторону и всѣ издали обходятъ его изъ опасенія.... А доктора Мейера я еще

вчера встрѣтилъ тамъ вечеромъ, и разузналъ, что онъ тутъ недалеко живетъ....

— Экъ, его подмываетъ, поскорѣе раздѣлаться съ докторомъ: даже квартиру заранѣе узналъ! со смѣхомъ воскликнулъ Лерхе. Между тѣмъ, Сѣрый Волкъ о чемъ-то думалъ, угрюмо склонивъ голову и поддерживая ее ладонью руки. Вдругъ онъ поднялся и, быстро схвативъ за руку Генриха Томаса, произнесъ тономъ состраданія:

— Вижу, вижу, что тебѣ, товарищъ, тяжела эта работа! Впервые, видно, приходится губить человѣческую душу....

— Чего болтать? сердито перебилъ Генрихъ Томасъ, вырывая свою руку и снова сдѣлавъ шагъ къ дверямъ.

— Подожди, товарищъ, одну минутку! воскликнулъ Сѣрый Волкъ:— Вѣдь не къ тому болтаю я, чтобы языкомъ шевелить; а и самому мнѣ жаль молодую кровь проливать....

Генрихъ повернулся лицомъ къ Сѣрому Волку и вопросительно взглянулъ ему въ лицо.

— Есть чего жалѣть? сказалъ, скрежеща зубами, Лерхе:— Онъ насъ по міру пустилъ, а мы его еще жалѣть будемъ?.. Съ чего же ты взялъ?

— Онъ насъ по міру пустилъ... повторилъ Сѣрый Волкъ, потупля глаза передъ взглядомъ Томаса:— Да, вѣдь, что будетъ проку изъ того, что мы остудимъ его. Вѣдь, неворотнякъ этимъ работы на фабрику...

— Э, да ты, сѣрый, кажется, на попятный? вскричалъ Лерхе съ выраженіемъ инорія на лицѣ.

— Сѣрый Волкъ вдругъ замолчалъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Слушай, Генрихъ, сказалъ онъ, быстро поварачиваясь къ Томасу: лѣтъ тому тридцать, случилось мнѣ одну душу погубить... Да вотъ, до-сихъ-поръ, мерещится мнѣ по временамъ. Нѣтъ! съ-тѣхъ-поръ, нужда не разъ заставляла меня промышлять то тѣмъ, то этимъ, а человѣка убить я всегда боялся....

— Кто-жъ говоритъ, что человѣческая кровь пѣтока? возразилъ Лерхе, угрюмо посматривая то на одного, то на другаго изъ своихъ собесѣдниковъ:— Чортъ велѣлъ доктору соваться не въ свое дѣло?... Сидѣлъ бы на своемъ мѣстѣ спокойно...

Сѣрый Волкъ махнулъ рукою, налилъ себѣ стаканъ водки и, залпомъ выпивъ его, проговорилъ:

— Чему быть, того неминовать...

Черезъ минуту собесѣдники, расплатившись съ хозяйкою, вышли изъ кабака пошатываясь и поддерживая другъ-друга подъ руку.

Глава XXXVI,

которой содержаніе читатель узнаеть, прочитавъ ее.

Съ тѣхъ поръ, какъ Фанни полюбила Мейера, и такими мученіями выстрадала эту любовь, въ ея душѣ пробудились новые инстинкты мистицизма или той внутренней поэзии, которая для однихъ облекается въ религіозные образы, для другихъ дѣлается поклоненіемъ природѣ.

Фанни и Мейеръ — оба любили природу. Часто, оставляя за собою пыль и шумъ столпной жизни, они отправлялись подышать свѣжимъ воздухомъ окрестныхъ полей и загородныхъ парковъ.

Однажды, въ ясный осенній день, они сѣли въ карету и быстро помчались за-городъ. Солнце весело свѣтило съ неба, какъ будто улыбаясь природѣ на прощанье.

Подѣхавъ къ *** скому загородному королевскому дворцу, при которомъ находится прекрасный, тѣнясный паркъ, карета остановилась и молодые люди, не вымолвивъ ни слова; взявшись подъ руки, пошли по главной аллеѣ.

Дорожки были усыяны пожелтѣвшими листьями, предвѣстниками зимы, трава золотомъ отливала на солнцѣ, только кое-гдѣ представляя взору болѣе темныя мѣста, на которыхъ еще попадались запоздалый цвѣтокъ; бѣлостволья березы печально покачивали своими полуобнаженными вѣтвями, съ которыхъ по временамъ слеталъ сухой листъ, созрѣвшій для жатвы смерти, и, покружившись на воздухѣ, какъ будто нехотя, опускался на землю, еще и на ней продолжая кружиться по капризу вѣтра; изрѣдка попадались высокіе сосны и ели, твердые, неподвижные, безстрастныя провозвѣстницы новой весны и новаго лѣта, не знающія смерти, но за то нечающія и возрожденія; здѣсь столѣтній дубъ раскидывалъ свои могучія вѣтви, будто упрекая бури и непогоды въ ихъ безсильномъ вліяніи на него; тамъ слабая ива, въ своемъ осеннемъ нарядѣ, трепетала и грустно смотрѣлась въ ручей, который на волнахъ своихъ уносилъ ея лѣтній нарядъ, оставивъ ее нагую зимней стужѣ, вѣтрамъ и холодному дождю. Кой-когда слышалось въ отдаленіи, нѣвнѣ позд-

ней птички, обманутой яркимъ свѣтомъ солнца. Вѣтеръ, прорываясь между деревьями, насвистывалъ печальную арію, и рой насѣкомыхъ, пользуясь хорошею погодою, хлопотливо оканчивали свои запасы на зиму.

Первый прервалъ молчаніе Мейеръ.

— Не правда ли, Фанни, какъ хорошо здѣсь вдали отъ людей и отъ общества.

— Хорошо, съ тобой, милый Францъ, — отвѣчала Фанни; но не знаю почему, а видъ осени дѣйствуетъ на меня печально.

— Я и самъ чувствую это и объясню себѣ мое настроеніе такъ... Выслушай меня, и ты, вѣроятно, согласишься со мной... До сихъ поръ, мы были слишкомъ далеки отъ общей матери-природы, чтобы внятно слышать ея голосъ. Погруженный въ книги, я встрѣчалъ всѣ фазы ея жизни въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты, изъ окна которой равнодушно видѣлъ сѣренькое небо, облетающія листья и слышалъ вой вѣтра между строениями.... Ты, въ вихрь свѣта, въ искусственной атмосферѣ театра, не находила времени, почувствовать потребность въ уединенныхъ бесѣдахъ съ природою.... Мы оба слишкомъ отшатнулись отъ нея и забыли языкъ ея.... Нынѣ любовь снова сближаетъ насъ съ нею и чтожъ удивительнаго, что въ первыя минуты, звуки ея кажутся чужими и непривѣтливими, что намъ какъ будто и грустно, и совѣстно, что мы такъ долго забыли общую мать свою....

— Но я не могу согласиться съ тобою, мой другъ. Мои грустныя предчувствія навѣяны не природою. Она только питаетъ ихъ, но источникъ....

— Чтожъ ты замолчала, моя добрая Фанни? Источникъ ихъ?..

— Опасеніе....

— Опасеніе? но чего же?

— Незнаю.... мнѣ кажется, смерти....

— Что за странная мысль!... что общаго между нами и смертию?

● — Любовь, мой другъ! Любовь и опасеніе — родныя сестры... Любовь боится смерти... Осень предвѣстница смерти природы... Мнѣ кажется, именно потому-то я и нашла въ ней отголосокъ на свою грусть!..

Фанни склонила голову и стерла со щеки слезу; Мейеръ также задумался о чемъ-то. Молча прѣшли они нѣсколько шаговъ; вдругъ Францъ, какъ будто отвѣчая на свою собственную мысль, воскликнулъ, обращаясь къ своей спутницѣ:

— Къ счастію — любовь сильнѣе смерти.... Между осенью и слѣдующею весною только нѣсколько мѣсяцевъ зимы: такъ смерть и жизнь, тлѣніе и возрожденіе раздѣлены только условною гранью времени, между тѣмъ, какъ для любящаго сердца — есть вѣчная жизнь.

— Правда, правда, мой милій! И такъ оставимъ предчувствія....

— Оставимъ ихъ и потому, что область призраковъ будущаго неискрѣпаема и, въ глубинѣ ея, всегда ожидаетъ насъ сожалѣніе, что мы не умѣли пользоваться настоящимъ, которое такъ прекрасно....

— Совершенно согласна! Поговоримъ о настоящемъ.... Не правда ли, ты даришь мнѣ весь сегодншній день до поздняго вечера?...

— И у меня не было бы большаго желанія, какъ остаться цѣлый день съ тобою, мой другъ.... Но ты знаешь.... машина...

— Развѣ ты опять прінялся за модель?

— Не за модель еще.... Прежде надо возобновить всѣ рисунки и вычисленія къ нимъ....

— Правда!... Но ты все-таки обѣдаешь у меня, потомъ объяснишь мнѣ одну страницу, которой я не поняла въ *Lettres Provinciales*.... Согласенъ?...

— Но развѣ у меня есть для тебя отказы?...

— Ахъ, скоро ли, скоро ли уже не будетъ этихъ разставаній?... прибавила Фанни.

— Всего одна недѣля до нашей свадьбы....

— Недѣля! Отчего же она мнѣ кажется вѣчностью? Отчего у меня такъ замираетъ сердце, при мысли объ этой недѣлѣ?...

— Завтра твой бенефисъ, Фанни, если не ошпабуюсь?

— Да! ты будешь?

— Непремѣнно! я уже нѣсколько дней не видалъ тебя на сценѣ....

— Ты увидишь — съ какимъ художественнымъ жаромъ я выполню свою роль — любимую роль «Дѣвы Дуная».... Но пора домой.... Фрейлейнъ Таузендъ, вѣроятно, уже ждетъ насъ съ обѣдомъ и сердится.

Молодые люди, продолжая разговаривать, прибавили шагу, и, вскорѣ карета понеслась по главной улицѣ города.

Фрейлейнъ Таузендъ, какъ предсказала Фанни, съ нетерпѣніемъ ждала ихъ.

Маргарита, дочь Фридриха Лерхе, и Карлъ, сынъ Генриха

Томаса, давно бѣгали по залу, безпрестанно, подсакивая то къ одному, то къ другому окну, чтобы удостовѣриться — не ѣдетъ ли ихъ мамаша. Столъ былъ накрытъ въ столовой, и Августъ, въ бѣломъ галстухѣ, такомъ же жилетѣ и перчаткахъ, съ салфеткою на рукѣ, съ артистическимъ удовольствіемъ любовался его убранствомъ, по временамъ то поправляя салфетку, то обдергивая скатерть, то придавая болѣе симетріи стаканамъ, рюжкамъ или тарелкамъ.

Когда Фанни вошла въ залъ, дѣти съ веселымъ крикомъ: «Мамаша!» бросились къ ней и стали цѣловать ея руки и платье. Въ то же время, компаньонка вышла изъ гостиной съ словами:

— Ахъ, какъ вы поздно пріѣхали! Супъ вѣрно перепрѣлъ, жаркое....

— Простыло!... подсказала Фанни.

— А пирожное.... подхватила старая дѣва.

— Засохло! перебилъ Мейеръ, и вмѣстѣ съ Фанни залпая звонкимъ смѣхомъ.

— Но о чемъ же вы смѣетесь, вѣтреники? спросила, озадаченная ихъ веселостью, фрейлейнъ Таузендъ.

— О томъ, что мы такъ хорошо угадали, что вы при входѣ нашемъ скажете....

Фанни сѣла возлѣ Мейера, а напротивъ нихъ, по другую руку компаньонки, помѣстились дѣти. Фанни совершенно развеселилась, и сама стала рѣзва, какъ ребенокъ. Она успѣвала вездѣ: вела веселый и разнообразный разговоръ, пересыпанный остротами и шутками; заботилась о томъ, чтобы дѣти и Мейеръ брали отъ каждаго блюда; спрашивала Карла — много ли онъ успѣлъ въ теченіе недѣли, заставляла Маргариту пересказывать свои уроки.

— Какъ ты хороша сегодня, Фанни? не въ первый разъ замѣчалъ Мейеръ.

— Какъ? только сегодня? спросила Фанни.

— Придирищица!... Ты очень хорошо знаешь, что хороша всегда.... Но ты мнѣ особенно нравишься съ сегодняшней обстановкою, потому что она напоминаетъ мнѣ мой домъ и мою матушку.... Эти дѣти, твоя заботливость о нихъ, твои хлопоты о томъ, чтобы всѣ мы были сыты.... Все это такъ женственно, такъ полно любви!...

— Не всѣ мужчины судятъ, какъ вы, господниъ докторъ! произнесла, вмѣшиваясь въ разговоръ компаньонка: Многие находятъ, что все это депозитизируетъ женщину.... Они желали бы

видѣть въ ней болѣе отрѣшенности отъ этой жалкой прозы, болѣе неземнаго, эфирнаго....

— Едва ли это такъ? возразилъ Мейеръ: Большая часть мужчинъ не любятъ въ женщинахъ одной преувеличенной заботливости о хозяйствѣ, которая способна перейти въ крайность; но всѣ они, по крайней мѣрѣ внутренно, избѣгаютъ женщинъ пустыхъ, которыхъ наружная поэзія — на самомъ дѣлѣ тупая неразвитость, лѣнность мозга и сердца. Дилетантизмъ въ женщинѣ еще отвратительнѣе, нежели въ мужчинѣ, потому что предполагаетъ сухость сердца, а женщина, лишенная сердца, не можетъ нравиться....

— Какъ я рада, воскликнула Фанни, что угадала твое мнѣніе, Францъ, и именно старалась исправиться отъ своего дилетантизма....

— Ты исправилась отъ него... перебилъ Мейеръ: не потому, что угадала мое мнѣніе.... Напротивъ, ты угадала мое мнѣніе, потому что твой дилетантизмъ былъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, а не сухаго сердца....

— Это почему?

— Потому что сухое сердце неспособно любить такъ горячо... Оно глухо и нѣмо, какъ могила....

При словѣ могила, Фанни вздрогнула и о чемъ-то печально задумалась.

Вскорѣ обѣдъ кончился и Фанни ушла Мейера въ свой будуаръ. Тамъ она вынула изъ письменнаго столика тетрадь, мелко, но разборчиво исписанную, и сказала, подавая ее своему жениху:

— Это письма, которыя я писала къ тебѣ въ годни моего искусства.... Въ нихъ я дѣлилась съ тобою многи радостями и печалями, просила у тебя разрѣшенія моихъ сомнѣній, передавала тебѣ мой взглядъ на различные предметы и, между прочимъ, на предметъ нашего сегодняшняго разговора за столомъ... Здѣсь можно прослѣдить весь процессъ моего внутренняго развитія въ теченіе этого полугода, процессъ, въ которомъ главною причиною была моя любовь къ тебѣ.... Подъ вліяніемъ ея, и только при побужденіи ея произошла во мнѣ метаморфоза, которой я сама иногда удивляюсь.... Но что же ты дѣлаешь, Францъ? Зачѣмъ ты прячешь къ себѣ эту тетрадь?

Мейеръ дѣйствительно взялъ изъ рукъ молодой женщины тетрадь и положилъ ее въ карманъ.

— Вѣдь ты сама сказала, отвѣчалъ онъ: что письма адресованы ко мнѣ. — Позволь же мнѣ прочесть ихъ....

— Пусть будетъ по твоему, промолвила Фанни, усаживаясь на диванъ и знакомъ приглашая Мейера сѣсть возлѣ нея: Вѣдь ты еще посидишь у меня, надѣюсь?... Мнѣ необходимо просить у тебя поясненій на одну страницу Паскаля, которая уже два дня занимаетъ меня....

Мейеръ сѣлъ и бесѣда молодыхъ людей незамѣтно продолжалась до вечера.

— Волшебница! вскричалъ Мейеръ, когда часы пробили десять. Куда спрятала ты время, которое я хотѣлъ употребить на занятіе своею машиною?...

— Развѣ уже такъ поздно? спросила Фанни, нехотя смотря на часы. А мнѣ было такъ хорошо, такъ невыразимо пріятно!... Какъ грустно, что мимолетными мгновеніями чистаго счастья приходится жертвовать для суроваго долга....

И пронесся эти слова, Фанни склонила голову на грудь и двѣ крупныя слезы повисли на ея рѣсницахъ. Мейеръ отеръ ихъ поцѣлуемъ и сказалъ тономъ нѣжной шутливости:

— Неблагодарная! Слезы, въ ту минуту, когда судьба такъ благосклонна къ намъ!

— Благосклонна? повторила Фанни, повиснувъ на шеѣ молодого человѣка, и мысленно безсознательно сказала:

— На долго ли?

Но вскорѣ овладѣвъ мрачными предчувствіями, невольно возникшими въ ея душѣ, Фанни продолжала громко, не переставая ласкаться къ Мейеру:

— Ты совершенно правъ, мой милый! Я болѣе чѣмъ неблагодарна, я несправедлива относительно судьбы, которая даритъ мнѣ завидное счастье принадлежать тебѣ....

Мейеръ зажалъ ей ротъ пламеннымъ поцѣлуемъ и вскорѣ, простившись съ фрейлейнъ Таузендъ и расцѣловавъ дѣтей, ушелъ, сопровождаемый до самаго крыльца благословеніями и ласками своей невѣсты.

Глава XXXVII,

которая длиннѣе остальныхъ, потому что случай насмѣхается въ ней надъ многими.

Едва Фанни одна возвратилась въ свой будуаръ, какъ безочетное безпокойство овладѣло ею. Она взяла книгу и хотѣла начать читать съ того мѣста, на которомъ остановился въ чтеніи Мейеръ, но вскорѣ увидѣла, что ничего не понимаетъ изъ прочтеннаго. Тогда она вынула изъ комода шарфъ, который начала вязать для жениха, но руки ея дрожали и вскорѣ въ изнеможеніи опустились.

Фанни вышла въ гостиную, гдѣ, передъ лампою, сидѣла компаньонка съ чулкомъ въ рукѣ и открытою передъ нею книгою; на другомъ стулѣ Маргарита наряжала свою куклу въ ночной костюмъ, собираясь укладывать ее спать.

— Гдѣ же Карлъ? спросила Фанни.

— Августъ увелъ его домой... отвѣчала Фрейлейнъ Таузендъ, отрывая глаза отъ книги и ласково смотря на Фанни: Ребенку завтра надо рано встать; онъ и то уже задремалъ....

— Такъ рано! А я еще хочу съѣздить въ театръ.... Теперь, вѣроятно, идетъ репетиція моего бенѣфиса! Надо присмотрѣть кой-зачѣмъ.

И говоря эти слова, Фанни покраснѣла и старалась не смотреть на компаньонку. Дѣло въ томъ, что ей хотѣлось освѣдочиться хорошо ли дошелъ до дому Мейеръ, а вовсе не о томъ — хорошо ли идетъ репетиція.

— Но какъ же вы поѣдете? воскликнула Фрейлейнъ Таузендъ: Августъ ушелъ, карета когда еще будетъ заложена.... Не поздно ли вы спохватились?

— Но Августъ долженъ сейчасъ возвратиться... сказала Фанни: а кареты мнѣ не нужно.... Я поѣду въ фіакръ....

— Что это за мысль у васъ? начала была старая дѣва.

Но Фанни, уже не слушая ея возраженій, вышла въ залъ и посмотрѣла въ окно на небо. По немъ бродили сѣрыя тучи и мелкій дождикъ мѣрно постукивалъ въ окна; кой-гдѣ на улицѣ мелькали, какъ одинокій оазисъ свѣта посреди пустыни мрака, блѣдный фонарь; на отбрасываемомъ имъ свѣтломъ лоскутѣ, проносились тѣни людей и экипажей.

— Грустная ночь! прошептала Фанни: зачѣмъ онъ ушелъ?... Долго ли до несчастья... И Фанни долго не могла оторваться отъ окна, какъ будто надѣясь проникнуть сквозь темноту до милаго. Шаги въ залѣ за нею вывели ее изъ задумчивости; она обернулась и, увидѣвъ передъ собою Августа, торопливо сказала:

— Скорѣй, сбѣгай за фіакромъ! Одѣнься! ты поѣдешь со мною! Да позови ко мнѣ Эмилию!

— Такъ вы все таки ѣдете? спросила, появляясь въ дверяхъ гостиной, фрейлейнтъ Таузендъ.

Не отвѣчая ей ни слова, Фанни ушла въ свой будуаръ.

Черезъ пять минутъ, въ плащѣ и шали, наскоро накинутой на голову, она уже сидѣла въ фіакрѣ, приказавъ везти себя къ дому, въ которомъ жилъ Мейеръ.

Воздухъ былъ сыръ и пронзителенъ; мелкій дождь, гонимый вѣтромъ, продолжалъ прыскать въ окна кареты, которыя Фанни инстинктивно опустила.

— Что значитъ эта тоска? думала молодая женщина, прижимая руку къ болѣзненно трепетавшему сердцу: А какъ Францъ удивится, когда я неожиданно явлюсь передъ нимъ.... Адская ночь!... И какъ это я недогадалась настоять на томъ, что бы Францъ уѣхалъ въ каретѣ? Пѣшкомъ въ такую погоду... Онъ, вѣрно, простудится... Въ такомъ случаѣ, я буду ходить за нимъ, за моимъ милымъ Францемъ.

Фіакръ поровнялся съ домомъ купца Гастингса, представлявшимся мрачною грудю кирпича. Этотъ домъ, покачившійся еще до окончанія построекъ, приказано было сломать, изъ опасенія, что онъ окончательно развалится и можетъ задавить прохожихъ. Узость переулка, въ который онъ выходилъ, не позволяла оградить его заборомъ, а потому около него и были поставлены одни рогатки, чтобы экипажи не могли близко подѣзжать къ нему, между тѣмъ какъ пѣшеходы свободно обходили рогатки около самой стѣны дома, у которой былъ тротуаръ.

Въ ту минуту, когда Фанни подлѣзжала къ этому дому толпа людей съ фонарями собралась передъ нимъ. Облитая невѣрнымъ свѣтомъ ручныхъ фонарей, эта группа казалась какимъ-то страшнымъ фантастическимъ явленіемъ. Не въ дальнемъ отъ нея разстояніи нѣсколько человекъ боролись и кричали.

Фанни высунулась въ окно и крикнула Августу:

— Спроси, что здѣсь случилось?

Едва успѣлъ кучеръ остановить лошадей и Августъ обратился къ одному изъ прохожихъ, отдѣлившись изъ группы, какъ

толпа раздалась и, при свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей, Фанни увидѣла человѣка, лежавшаго на землѣ, лицомъ къ верху. Сердце, болѣе, чѣмъ тѣлесное зрѣніе, сказало ей, что лежавшій на землѣ человѣкъ былъ ея женихъ и съ крикомъ:

— Францъ, женихъ мой!...

Фанни въ одно мгновеніе отворила дверцу кареты, бросилась къ молодому человѣку, и прильнула лицомъ къ лицу его.

Въ это время одинъ изъ борющихся въ отдаленіи людей, вырвался отъ вѣднвшихся въ него двухъ дюжинъ полицейскихъ, подбѣжалъ къ Фанни и отрывисто спросилъ присутствовавшихъ:

— Кажется, эта женщина назвала покойника своимъ женихомъ?

— Да! отвѣчало ему нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Такъ возьмите меня! сказалъ вырвавшійся; а это былъ никто иной, какъ Генрихъ Томасъ. — Я остудилъ его, продолжалъ Генрихъ. — Но я не зналъ, что онъ женихъ Фанни Готзенгъ, которая облагодѣтельствовала моего сына... Богъ да проститъ мнѣ мой страшный грѣхъ, но я самъ никогда не прощу его себѣ...

Подбѣжавшіе полицейскіе комиссары схватили и увезли его.

Между тѣмъ Фанни, ничего не слышавшая, при свѣтѣ фонарей, разсматривала блѣдное лицо друга, лежавшаго въ глубокомъ обморокѣ.

Кровь алая лентою бѣжала изъ раны въ правомъ боку его. Фанни мрачно обвела страшнымъ взоромъ вокругъ себя и глухо сказала:

— Нѣтъ ли у кого-нибудь кровати, чтобы донести умирающаго до моей квартиры, которая не далеко отсюда?... Я заплачу все чего ни потребуютъ!..

— Все сейчасъ явится къ вашимъ услугамъ! сказалъ высокий, порядочно одѣтый, мужчина, отдѣляясь отъ толпы и почти бѣгомъ пустился вдаль по переулку.

Вскорѣ онъ снова явился, въ сопровожденіи двухъ слугъ, несшихъ кровать съ тюфякомъ и подушками, накрытыми клеенчатымъ плащомъ.

Во все время его отсутствія, Фанни не сказала ни слова и не перемѣнила своего положенія: она стояла на коленяхъ въ лужѣ мейеровой крови, рукою поддерживая голову младаго человѣка. Когда слуги бережно подняли Мейера и, положивъ его на кровать, закрыли клеенчатымъ плащомъ, Фанни, помогавшая имъ, сказала, обращаясь къ Августу:

— Поѣзжай въ каретѣ за докторомъ!

Шестіе двинулось. Фанни шла возлѣ кровати, на которой несли ея жениха. Лицо ея не выражало ни жгучей печали, ни холоднаго отчаянія: оно было блѣдно и неподвижно, какъ марморная маска, въ которую вставлены глаза живаго существа.

Густая толпа народа, въ головѣ которой шель молодой человѣкъ, явившіяся съ слугами, слѣдовала за печальною процессіей: толпа все густѣла отъ наплыва любопытныхъ, но вся она, какъ будто изъ уваженія къ умирающему и къ нѣмой печали его невѣсты, хранила глубокое молчаніе, прерываемое однимъ плескомъ дождя и грохотомъ проѣзжавшихъ экипажей.

Поровнявшись съ своимъ домомъ, Фанни остановила слугъ и сказала:

— Здѣсь!

Нѣсколько разъ сильно дернула за ручку колокольчика: Эмилія отворила и, увидѣвъ процессію, съ легкимъ крикомъ отскочила. Фанни сама настѣжь отворила дверь въ переднюю и по-сторонилась, чтобы пропустить слугъ, несшихъ кровать. Потомъ вошла въ слѣдъ за ними.

Толпа осталась за дверью и, громко разговаривая, начала расходиться.

Вскорѣ къ крыльцу подѣхалъ фіакръ, изъ котораго вышелъ приглашенный Августомъ врачъ.

По его распоряженію, Мейера внесли на той же кровати, на которой онъ лежалъ въ спальню Фанни. Фрейлейнъ Таузендт, сначала совершенно растерявшаяся отъ неожиданнаго зрѣлища, мало по малу приняла въ себя.

Эмилія, встрѣтившая Фанни въ передней, напрасно пыталась снять съ нея мокрый плащъ, котораго нижняя половинка была покрыта кровью и грязью. Госпожа ея не обращала ни малѣйшаго вниманія на ея попытки. Какъ статуя, съ сложенными на груди руками, съ безстрастнымъ лицомъ, стояла она передъ кроватью, на которой лежалъ Мейеръ, и стальнымъ взглядомъ смотрѣла на милаго.

Врачъ принялся за дѣло: потребовавъ воды, онъ обмылъ рану, осмотрѣлъ ее и сдѣлалъ необходимую перевязку: потомъ старался привести молодаго человѣка въ чувство. Вскорѣ старанія его увѣнчались успѣхомъ. Мейеръ открылъ глаза и повелъ ими по комнатѣ. Взглядъ его, отуманенный страданіемъ, съ нѣжностью остановился на безжизненномъ лицѣ Фанни.

— Слава Богу! почти шопотомъ сказалъ онъ: Фанни здѣсь!...

— Не говорите!... замѣтилъ врачъ. Постарайтесь уснуть... Сударыня, сказала онъ, обращаясь къ Фанни, ваше присутствіе мѣшаетъ больному успокоиться...

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Мейертъ съ большимъ напряженіемъ, оставьте ее при мнѣ! Намъ не должно быть вмѣстѣ...

Врачъ пожалъ плечами и отошелъ... Фрейлейнъ Таузендъ приблизилась къ нему и со слезами на глазахъ сказала:

— Есть ли надежда, докторъ?

— Мало! отрывисто отвѣчалъ врачъ.

— Но не замѣчаете ли вы, какъ странно мамзель Готзенгъ?

— Замѣчаю.

— Что же вы думаете о ней?

— Что она или сойдетъ съ ума или уже сошла.

— Боже мой! За что это наказаніе?

— Не тревожьте больнаго.

— Но ради Бога, не можете ли вы, докторъ, отвести отъ него Фанни, чтобы заставить ее переодѣнуть бѣлье и платье...

Врачъ тихо подошелъ къ кровати и увидѣвъ, что Мейертъ задремавъ, взялъ Фанни за руку и вывелъ въ гостиную, куда послѣдовала за ними компаньонка.

— Сейчасъ же скиньте всю эту мокрую одежду, надѣньте чистую и переодѣньте обувь!... Слышите! рѣзкимъ голосомъ произнесъ лекарь и ушелъ въ спальню.

Фанни, ни малѣйшимъ движеніемъ, не показала, что поняла слова его, но бессмысленно посмогрѣла на плачущую Фрейлейнъ Таузендъ, которая принялась, при помощи Эмили, раздѣвать ее.

Только когда все мокрое платье было снято съ нея и лежало на полу, а Фанни въ чистомъ пенуарѣ сидѣла на креслѣ, она взглянула на кровь, запекшуюся на плащѣ, также брошенной на полъ и вдругъ лицо ея искривилось въ какую-то странную улыбку, рука протянулась къ кровавымъ пятнамъ, и она прошептала протяжно и на распѣвъ:

— Цвѣты! Цвѣты!

Эмилия поспѣшно схватила плащъ и остальные вещи, и вышла съ ними изъ комнаты. Фанни вслѣдъ ей протянула руку, какъ будто желая остановить ее, но, не сказавъ ни слова, снова опустила руку на колѣни, и впала въ прежнее безчувственное состояніе.

Фрейлейнъ Таузендъ, рыдая, лежала на диванѣ; въ углу гостиной, дрожа и сжавшись отъ страха, плакала Маргарита, уже спавшая и разбуженная необычайнымъ движеніемъ въ домѣ.

Впрочемъ мертво и безмолвно было въ этой обители скорби, такъ недавно еще исполненной тихаго счастья, мечтаній и надеждъ.

Изъ полуотворенной двери въ спальню послышался голосъ Мейера, такъ тихо, что только болѣзненно напряженный слухъ Фанни схватилъ его. Молодая женщина автоматически приподняла къверху палецъ, встала съ своего мѣста и подходя къ двери, прошептала:

— Чу! Голосъ друга! Голосъ Франца!

Тихо вошла она въ спальню и остановилась у изголовья Мейера. Эмилия подбѣжала и подала ей стулъ; но Фанни продолжала стоять, по тѣхъ поръ, пока врачъ, взявъ ее за руку, принудилъ сѣсть.

Мейеръ лежалъ на спинѣ и тяжело дышалъ. По временамъ отрывистые слова срывались у него съ языка:

Сегодня твой бенефисъ, моя Фанни! говорилъ больной. Деньги, вырученныя за него, послужатъ для постановки моей машины! — Когда машины окончательно побѣдятъ природу, тогда человѣкъ побѣдитъ нужду. — Злодѣй, бросившись на меня, сказалъ, вотъ тебѣ подарокъ отъ цѣлой тысячи бѣдняковъ, которыхъ своей машиной ты лишаешь хлѣба!... — И за тѣмъ я уже ничего не помню... — О какихъ это бѣднякахъ говорилъ онъ? — Дайте мнѣ пить!...

Лѣкарь подаль ему стаканъ съ приготовленнымъ для него питьемъ. Больной выпилъ нѣсколько глотковъ и сказалъ:

— Я подкрѣпилъ свои силы!... Надо пойдти посмотрѣть, такъ ли, какъ я приказалъ, прилажены колеса моей машины.... Дайте мнѣ лѣстницу....

Фанни, до сихъ поръ не сдѣлавшая ни малѣйшаго движенія, вдругъ подняла голову и, какъ будто припоминая что-то, приложила руку къ своему лбу; потомъ, какъ бы отчаявшись вспомнить, снова опустила голову и впала въ прежнее безстрастное состояніе. Больной задремалъ.

Заплаканное лицо Фрейлейнъ Таузендъ просунулось въ дверь изъ гостиной. Въ отвѣтъ на ея вопросительный взглядъ, лѣкарь подойдя къ ней, сказалъ шопотомъ:

— Если больной вполнѣ очнется, тогда есть надежда спасти и ее отъ окончательнаго помѣшательства, потому что она еще недавно силилась о чемъ-то вспомнить. Но если молодой человѣкъ останется въ бреду до смерти, то нѣтъ надежды.... Къ несчастью, она не пропла съ самаго начала ни одной сле-

зы.... Я въ первый разъ въ жизни вижу такое страшное отчаянье.... Разжалобить ее можетъ одинъ только женихъ ея, потому что его слова она понимаетъ.... А если онъ останется въ такомъ положеніи....

Лѣкарь, недоговаривая своей мысли, пожалъ плечами. Фрейлейнъ Таузендъ отвѣчала ему глухимъ рыданіемъ.

— Вы разбудите больнаго! сказалъ лѣкарь, крѣпко сжимая руку старушки, которая засунула въ ротъ носовой платокъ и, вырвавъ у лѣкаря руку, выбѣжала изъ комнаты.

Лѣкарь презрительно улыбнулся, между тѣмъ какъ двѣ слезы катились по его щекамъ.

Когда онъ подошелъ къ кровати, больной спокойно спалъ. Фанни по прежнему неподвижно, сидѣла надъ нимъ. Лѣкарь взялъ стулъ и сѣлъ напротивъ ея.

Стало свѣтать.

Тихо было въ маленькомъ домикѣ Фанни Готзегенъ. А на улицѣ осенній вѣтеръ пѣлъ унылую пѣсню про смерть природы, да дождикъ мѣрно плескался въ окна.

Поднялся сѣренькій денекъ, холодный и сырой, и сталъ будить тревожную дѣятельность Берлина. На улицахъ и въ домахъ громаднаго города началась обыкновенная суета и бѣготня. Бодро поднялись хозяйки и принялись за свои хлопоты. Проснулись рабочіе и ремесленники, и ворчливо потащились къ своимъ мѣстамъ. Проснулись промышленники, купцы, всѣ, кто любитъ деньги и гоняется за барышами, и хлопотливо развернули свои счетныя книги. Мало по малу, присутственныя мѣста стали наполняться чпновниками, купеческія конторы писцами, лавки стали отпираться; на улицахъ начали показываться пѣшеходы и одинокіе экипажи.

Но тихо было въ маленькомъ домикѣ Фанни Готзегенъ.

Наконецъ экипажи стали чаще появляться на улицахъ. Въ нихъ сидѣли люди дѣловые и люди праздные. Всѣ эти люди ѣздили туда и сюда, встрѣчались, кланялись, останавливались у подъѣздовъ, выходили изъ экипажей, и снова садились въ экипажи и ѣхали дальше. И всѣ эти люди были такъ веселы, такъ празднично-нарядны, такъ беззаботно хлопотливы. Пѣшеходовъ также становилось все больше: всѣ они суетились, бѣгали, кланялись, толкались, болтали, какъ будто стараясь догнать утраченное время или вдвойнѣ употребить остальную жизнь.

Но тихо было въ маленькомъ домикѣ Фанни Готзегенъ.

Больной продолжалъ спать, по временамъ тяжело вздыхая, или вдругъ принимаясь стонать и метаться во снѣ.

Лѣкаръ, сидя въ ногахъ у него, то же заснулъ, положивъ голову на принесенную ему Эмилией подушку.

Эмилія также спала на фанниной кушеткѣ въ будуарѣ.

Даже маленькая Маргарита заснула въ уголку гостиной вся въ слезахъ.

Не спала одна Фанни въ спальнѣ, да старая компаньонка ея, то усердно молвившаяся въ гостиной, то подходившая къ дверямъ спальни, чтобы взглянуть на Фанни и потомъ снова уходившая въ гостиную молиться.

Фанни по прежнему неподвижно и пристально, но безстрастно смотрѣла въ лицо Мейера.

Первый изъ спавшихъ проснулся лѣкаръ и съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ глубокимъ состраданіемъ, взглянулъ на Фанни.

— Все по прежнему! пробормоталъ онъ, и обратился къ Мейеру, который, въ эту минуту, открылъ глаза и обвелъ ими кругомъ себя.

Лѣкаръ пощупалъ пульсъ и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Какъ вы чувствуете себя, господинъ Мейеръ?

— Плохо, докторъ! съ нѣкоторымъ усиленіемъ отвѣчалъ больной. За чѣмъ обманывать себя?... Смерть....

Въ эту минуту глаза его, продолжавшіе блуждать по комнатѣ, встрѣтили неподвижный взглядъ и блѣдное лицо Фанни. Не окончивая начатой фразы, онъ воскликнулъ:

— Какъ? Фанни здѣсь? Такъ ты всю ночь и не ложилась, мой другъ? Вѣдь ты изнуряешь себя безсонницею!

Молодая женщина подняла голову и снова какъ будто мысль о чемъ-то, воспоминаніе чего то, или какое-то смутное чувство, пронеслось по ея лицу. Но это было только на одно мгновеніе, и опять лицо ея приняло прежнее безжизненное выраженіе.

— Ради Бога! Фанни, зачѣмъ такъ смотришь ты? воскликнулъ больной съ ужасомъ: Что съ тобою, другъ мой, подруга моя, невѣста моя! Неужели ты не узнаешь меня, Фанни! Мое счастье! Моя радость!

И опять движеніе стало замѣтно въ лицѣ молодой женщины, движеніе, которое, по мѣрѣ того, какъ больной говорилъ, становилось все сильнѣе, глаза оживи и лучъ осмысленной печали блеснулъ въ нихъ, грудь поднялась отъ тяжелаго вздоха.

Фанни, зарывавъ, упала на колѣни передъ кроватью милаго и скрыла лицо въ подушкѣ его.

— Слава Богу! произнесъ лѣкарь, она спасена! Теперь успокойтесь вы, господинъ Мейеръ! Вы скоро встанете...

Мейеръ не отвѣчалъ ни слова: онъ долго смотрѣлъ на плакавшую Фанни; когда же она подняла на него полныя слезъ глаза, онъ сказалъ ей:

— Другъ мой! Злодѣи разлучаютъ насъ! За что они отняли меня у тебя, подруга моя? За что они не дали мнѣ окончить великаго дѣла, для котораго я былъ призванъ?... Что я сдѣлалъ имъ? Не я ли готовъ былъ отдать за нихъ себя?... Не я ли и день, и ночь трудился для нихъ, думалъ о нихъ, заботился о нихъ? Фанни! Фанни! Только дай же мнѣ слово, что ты не будешь мстить имъ! Дай мнѣ слово, что ты великодушно простишь ихъ.

— Простить ихъ! повторила Фанни и глаза ея блеснули энергической злобы и ненависти: Простить твоихъ убійцъ? Убійцъ того, который носилъ въ себѣ идею спасенія ихъ отъ нужды!... Да развѣ такое прощеніе не будетъ богохульствомъ? Францъ мой! Не проси у меня невозможнаго!...

Фанни, рыдая, схватила руку Мейера и прижалась къ ней губами.

— Да, твоя правда, Фанни! продолжалъ больной слабѣющимъ голосомъ: Я еще не долженъ бы умирать.... Надо бы окончить машину, другую, третью.... Но кто знаетъ! можетъ быть, и моя смерть пригодится на что нибудь.... Мысль, что можно сдѣлать такой переворотъ, заброшена мною... Выполнить-то ее, жаль, не удалось.... А вѣдь, еслибъ не пожаръ.... Модель была почти готова, вычисленія, рисунки— все было въ порядкѣ.... Жаль, да, жаль жизни! Они потому и убили меня: они не хотятъ прогресса, потому что мракъ боится свѣта, капиталъ боится разума.... Отвратительный эгоизмъ желалъ бы весь міръ погрузить въ ложь и тьму, что бы еще долго пользоваться нечестивомъ въ свою пользу...

Больной застоналъ и началъ метаться въ предсмертной агоніи.

— Фанни, говорилъ онъ: Другъ мой! — Обними меня! — Ближе! — Я плохо вижу тебя! — Вотъ такъ! Вотъ такъ! — Не бойся! — Мнѣ небольно! — Теперь поцѣлуй, еще, еще! — О, какъ тяжело мнѣ расстаться съ тобою! — Какъ хотѣлось бы пройти съ тобою рука въ руку годы, многіе годы... Но что же дѣлать, если судьба рѣшила иначе!...

Фанни прижалась къ больному и впиалась въ его уста, какъ будто стараясь переселиться въ его страдающее тѣло, и ожидал,

что, вотъ, — вотъ страданія милого сообщатся и ей. Больной дышала все тяжелѣе. Вдругъ Фанни отодвинулась отъ него и сказала умоляющимъ голосомъ, между тѣмъ какъ слезы высыхали на глазахъ ея и изъ лица, мало-по-малу исчезала краска жизни:

— Тебѣ очень худо? другъ мой, мой милый Францъ! Очень худо? Хочешь, и я умру вмѣстѣ съ тобою? Намъ веселѣе будетъ вмѣстѣ и въ могилѣ, гдѣ не знаютъ любви, но за то не знаютъ и страданій ея....

— Нѣтъ, Фанни! возразилъ Мейеръ, едва слышнымъ голосомъ: Ты жить должна: у тебя дѣти, Маргарита и Карлъ.... И много еще добра ты можешь сдѣлать дѣтямъ тѣхъ самыхъ рабочихъ, изъ которыхъ нашелся для меня убійца.... Ты спасешь всѣхъ этихъ дѣтей отъ того, что бы и они не стали убійцами другаго Франца Мейера, который будетъ стараться выполнить ту же язя подобную моей задачу... Не правда ли — ты будешь жить, чтобы спасти этихъ дѣтей? Дай мнѣ слово!

— Даю! сказала Фанни и, наклонившись къ умирающему, приложила свое блѣдное лицо къ его холоднымъ щекамъ.

И какъ на изображеніяхъ древнихъ памятниковъ, созерцатель по однимъ догадкамъ отличаетъ образъ сна отъ образа его вѣчной подруги, такъ здѣсь умирающій едва ли болѣе напоминалъ о смерти, нежели Фанни, полная жизни и здоровья, но блѣдная и неподвижная, какъ онъ.

— Какъ ты хороша, моя милая! заговорилъ Мейеръ почти шопотомъ: Я какъ будто давно — давно не видалъ тебя! — Но прощай же! — Мнѣ пора! — Туда гдѣ нѣтъ ни бѣдности, ни убійцъ...

Умирающій тяжело и протяжно вздохнулъ.

Страшный, пронзительный крикъ вырвался изъ груди Фанни и потрясъ стѣны ея маленькаго домика.

Потомъ опять стало тихо въ немъ, въ этомъ домикѣ. А на улицѣ, все попрежнему, осенній вѣтеръ пѣлъ унылую пѣсню про смерть природы, и дождикъ мѣрно плескался въ окна.

Фанни приподнялась и сѣла на стулъ возлѣ кровати. Взоръ ея, дико блуждавшій по предметамъ, какъ будто лица въ нихъ чего то и вспоминая о чемъ-то забытомъ, все болѣе принимала прежнее безстрастное выраженіе.

Лѣкаръ, приблизившись, пощупалъ у покойника пульсъ и убѣдившись въ томъ, что для него уже все кончено, закрылъ ему лицо и подошелъ къ Фанни. Молодая женщина сидѣла въ преж-

немъ равнодушно-неподвижномъ остоленіи, и повидимому, не слышала словъ лѣкаря, который громко произнесъ:

— Вамъ здѣсь нечего дѣлать! Пойдемте въ гостиную!..

Лѣкарь взялъ ея руку, которую она, безъ сопротивленія, но и безъ малѣйшаго сознательнаго участія, подала ему. Рука была холодна, какъ ледъ, и суха, какъ рука мертвеца, уже не сохранившаго на себѣ слѣдовъ борьбы съ отлетающею жизнью: она боже говорила о смерти, чѣмъ рука Мейера, на которой чувствовался предсмертный потъ.

Лѣкарь дернулъ Фанни за руку и она машинально встала. Онъ пошелъ къ дверямъ въ гостиную, и Фанни пошла за нимъ, молча, не оглядываясь на покойника, неостанавливаясь.

— Ну, окончательно помѣшалась! прошепталъ лѣкарь, отирая платкомъ слезы, катившіяся по щекамъ его. Съ самаго начала у нея видно было предрасположеніе къ сумасшествію! продолжалъ онъ разсуждать про себя, вступая вмѣстѣ съ Фанни въ гостиную, гдѣ на диванѣ лежала въ конвульсіяхъ Фрейлейнъ Таузендъ.

Старушка видѣла въ полуотворенную дверь сцену, предшествовавшую смерти Мейера и, также какъ и лѣкарь, ощутила надежду на возвращеніе разсудка молодой женщины. Но послѣдній крикъ ея, напоминавшій звукъ порванной струны, бросилъ компаньонку въ страшное отчаяніе.

Лѣкарь подвелъ Фанни къ дивану и принудилъ ее сѣсть на кресло возлѣ старушки: надежда, что слезы и стоны Фрейлейнъ Таузендъ, которую Фанни отъ души любила, разбудятъ сонъ помѣшательства, повидимому, еще не совсѣмъ покидала лѣкаря.

Но сѣвъ на кресло, Фанни и не обратила вниманія на бывшую въ истерическихъ судорогахъ старушку, которой лѣкарь сталъ помогать. Молодая женщина смотрѣла на коверъ, котораго красные разводы привлекали ея вниманіе. Вдругъ она соскользнула съ кресла на полъ и, указывая на узоры, оцупывая и глядя ихъ, начала говорить по прежнему монотонно и на распѣвъ:

— Цвѣты! цвѣты! говорила она: злодѣи вырвали ихъ изъ сердца моего милаго!.. злодѣи полили его горячей кровью безплодную землю... и на ней выросли цвѣты, кровавые цвѣты!.. чудные цвѣты: они сохранили цвѣтъ его крови, крови моего милаго... но теплоты ея не могли сохранить они... Есть и у меня одинъ цвѣтокъ въ сердцѣ, да только онъ завялъ... морозомъ убило его... вотъ, если-бы и его облить кровью моего милаго, да пригрѣть бы лучами его взгляда, и мой цвѣтокъ воскресъ бы

и снова сталъ бы роскошенъ, попрежнему... а то, онъ завялъ, завялъ, совершенно завялъ; потому что кровь милаго не на него брызнула; она залила бесплодную землю... Лучи взгляда милаго не на мой цвѣтокъ упали... да, завялъ, завялъ мой цвѣтокъ! совершенно завялъ мой цвѣтокъ...

И Фанни нѣсколько разъ безпредѣльно-грустнымъ голосомъ повторяла послѣднія слова.

Между тѣмъ фрейлейнъ Таузендъ стараніями лекаря была приведена въ чувство и, съ горькими слезами, бросилась на шею Фанни, говоря:

— Фанни, бѣдное дитя мое! ужели ты не узнаешь меня? это я, твой другъ, дѣлвшая столько лѣтъ твои радости и печали... узнай же меня!.. скажи мнѣ слово, посмотри на меня своимъ прежнимъ, любящимъ взглядомъ... О, я не перенесу твоего равнодушія... я умру, Фанни, если и ты разлюбила меня...

Фанни подняла голову и взглянула на свою компаньонку тупымъ, безсмысленнымъ взоромъ?

— А кудажь вы дѣвали милаго? сказала она медленно: дайте же мнѣ взамѣнъ, хоть одинъ лучъ его взгляда, хоть одну каплю его крови, чтобъ полить мой засохшій цвѣтокъ... а то вы все вдругъ взяли у меня... оттого и засохъ мой бѣдный цвѣтокъ, дивный цвѣтокъ моего сердца...

Въ это мгновеніе, съ громкимъ плачемъ, выбѣжала изъ угла гостиной маленькая Маргарита и, не переставая рыдать, упала на колѣна возлѣ Фанни, которой шею обняла съ судорожной любовью.

Фанни, которая уже опять начинала твердить о завядшемъ цвѣткѣ своего сердца, замолчала и снова подняла голову.

— Ха! это что? сказала она, искоса пристально разсматривая дѣвочку: голосъ этотъ напоминаетъ мнѣ одного изъ тѣхъ, которые поливали его кровью бесплодную землю... не ты-ли указала имъ, куда ударить?.. Берегись, берегись, дитя! ты наступишь на цвѣтокъ, полнотой его кровью... и что онъ сдѣлалъ всѣмъ вамъ? въ его сердцѣ было много такихъ цвѣтовъ, какъ мой одинъ цвѣтокъ!.. но они у моего милаго не засыхали, потому что въ нихъ было много жизни и въ сердцѣ его было много крови, чтобы поливать ихъ... а мой цвѣтокъ могъ цвѣсти только до тѣхъ поръ, пока милый мой согрѣвалъ его лучами своихъ взглядовъ... теперь нѣтъ его взглядовъ, и цвѣтокъ мой завялъ, бѣдный, дивный цвѣтокъ моего сердца!.. А кто виноватъ...

все вы, вы, люди, виною, что засохъ мой цвѣтокъ!.. да, засохъ, засохъ!

Врачъ далъ Эмили, которая одна сохранила нѣкоторое присутствіе духа, всѣ необходимыя наставленія и уѣхалъ къ своимъ больнымъ, которымъ помощь его была необходимѣе, чѣмъ мертвецу и безумной.

Часа черезъ два вѣсть о сумасшествіи Фанни и причинѣ ея, съ различными прибавленіями, уже облетѣла Берлинъ и была подхвачена дневными журналами. Директоръ театра, пригласивъ съ собою своего врача, поѣхалъ навѣстить любимицу публички. Они застали Фанни, все въ томъ же положеніи, на коврѣ гостиной, и напрасно старались завязать съ нею разговоръ.

Фанни продолжала твердить о засохшемъ цвѣткѣ своего сердца, которому недостаетъ крови много и его взгляда... Болѣе ничего нельзя было добиться отъ нея.

Опытный врачъ, кромѣ того еще любившій Фанни за ея прекрасную душу, полную состраданія къ ближнимъ, отвѣчалъ на вопросительный взоръ директора пожатіемъ плечъ и шопотомъ сказалъ ему:

— Нѣтъ Фанни! публичка лишилась своей любимицы, вы — одного изъ лучшихъ украшеній вашей сцены, человѣчество — одного изъ лучшихъ своихъ созданій!.. По всему вѣроятію, несчастная не долго будетъ страдать... Прощайте! у меня есть больные... Здѣсь болѣе нечего дѣлать врачу... Здѣсь нужна не медицина, а любящее сердце ея компаньонки!..

— Но докторъ, воскликнулъ директоръ, дрожащимъ отъ горестнаго волненія голосомъ: можетъ быть, кровоупусканіе, сонный порошокъ...

— Только рука Того, Кто сильнѣе насъ, можетъ помочь, поскорѣе избавивъ несчастную отъ тягостнаго бремени жизни!

Съ этими словами, врачъ грустно раскланялся съ директоромъ и Фрейлейнъ Таузендъ и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и директоръ.

И снова тихо стало въ маленькомъ домикѣ танцовщицы Фанни Готзегенъ. А на улицѣ осенній вѣтеръ, все попрежнему, пѣлъ унылую пѣсню про смерть природы, и дождикъ мѣрно плескался въ окна.

ГЛАВА XXXVIII,

въ которой, почти несужный для догадливаго читателя, *Эпилогъ*.

Еще мѣсяца три длилась медленная агонія Фанни: каждый день замѣтно уносилъ долю ея здоровья. Слабость ея достигла наконецъ такой степени, что она уже не могла подняться съ ковра, который по ея настоянію, былъ разосланъ на ея постели. Рѣчь ея до самой смерти была объ однихъ цвѣтахъ, полныхъ кровью милаго, и о засохшемъ цвѣткѣ ея сердца.

Фрейлейнъ Таузендъ только не многими мѣсяцами пережила свою любимицу, за которую, до послѣдняго вздоха ея, ухаживала съ нѣжностью матери и друга. Эмилія, также не захотѣвшая оставить своей доброй госпожи, при жизни ея, вмѣстѣ съ старушкою, закрыла ей глаза, потомъ закрыла глаза и самой фрейлейнъ Таузендъ. Старая фрейлейнъ, послѣ смерти Фанни, подала просьбу королю, въ которой изъясняла, что послѣднее желаніе покойницы было, чтобы, на оставленный ею капиталъ, были воспитываемы дѣти фабричныхъ работниковъ. Вслѣдствіе этого, учрежденъ былъ для нихъ особый пріютъ, на который, кромѣ того, явилось много добровольныхъ жертвователей. Первыми воспитанниками, поступившими въ пріютъ, были Маргарита и Карлъ, дочь и сынъ убійцы Франца Мейера.

Такимъ образомъ капиталъ дочери фабричнаго работника, невѣсты Франца Мейера, любимой всѣми артистки, обратился въ пользу дѣтей представителей труда.

Фрейлейнъ Таузендъ умерла спокойно и радостно. Всѣ цѣпи, еще связывавшія ее съ землею, со смертью Франца и Фанни, окончательно порвались.

Генрихъ Томасъ глубоко раскаялся въ убійствѣ доктора Мейера, когда узналъ, что онъ былъ женихомъ благодѣтельницы его сына, и что ее машина, изобрѣтенная имъ, была причиною раззоренія Наумана. Онъ открылъ передъ судомъ участіе, которое принимали въ этомъ дѣлѣ Науманъ своею рѣчью къ рабочимъ на фабричномъ дворѣ, и Яковъ Вайнертъ ловкими намеками, сдѣланными Фридриху Лерхе. Какъ Генрихъ Томасъ, такъ и сообщники его, Лерхе и Сѣрый Волкъ, были казнены. Но Науманъ и Вайнертъ успѣли скрыться отъ преслѣдованій правосу-

дія, которое заочно присудило ихъ къ конфискаціи имѣній и смертной казни.

Говорить-ли о дочери директора, хорошенькой Лоттхенъ?

Она много плакала о Францѣ, а нынче очень счастлива въ замужествѣ за какимъ-то докторомъ обонхъ правъ.

Берлинъ вскорѣ забылъ о своей любимицѣ, прекрасной Фанни Готзегенъ, какъ забываетъ вѣтренная толпа о всемъ, нѣкогда занимавшемъ, забавлявшемъ и удивлявшемъ ее, какъ непремѣнно забудетъ она и этотъ незатѣйливый рассказъ, о которомъ, можетъ быть, кто нибудь и скажетъ:

Se non e vero, e ben trovato!

Ф. ТОЛЪ.

Ночи въ Лангедокъ.

(Графиня Орели де-Сансильонъ.)

Такая ночь, когда лазурь небесъ теплѣ,
И звѣздочка другой мигаетъ веселѣ,
И ласковѣй луна на сиящій мѣръ глядитъ,
И ярче серебро лучей ея блеститъ.
Такая ночь, когда прохладой благовонной,
Чуть вѣетъ вѣтерокъ отъ нивы полусонной,
Въ истомѣ сладостной лѣниво ключъ бѣжитъ,
Алмазная слеза на зелени дрожитъ;
И влагу теплую въ дыхательныя сѣтки
Вбирая пѣжится листокъ на каждой вѣткѣ.
Такая ночь, когда въ задумчивой тиши
Наяда рѣзвая качаетъ камыши;
И въ голубой волнѣ своей станъ купая гибкій,
То женщиной всплыветъ, то вспѣнитъ влагу рыбкой,
То факель усмотрѣвъ изъ парусъ челнока,
Нырнетъ и спутаетъ всѣ сѣти рыбака.
Такая ночь, когда кругомъ благоухая,
Задышетъ сладостнѣй «красавица ночная»,
И звонче соловей надъ розой запоетъ,
И сильфовъ прилетитъ воздушный хороводъ.
Надъ избраннымъ цвѣткомъ илѣнительной Эраты,
Внимать илѣнца любви живые перекаты,
И трези звучныя подслушавъ перенять,

Чтобъ юношу во снѣ влюбленнаго плѣнять.
 Такая ночь, когда покинуть гномы норки
 И цѣпкой муравой взберутся на пригорки,
 И моютъ при лунѣ сокровища земли,
 Душистою росой янтарь и хрустали;
 Иль въ вѣничикъ крохотный забравшись незабудки,
 Какъ въ зыбкѣ рѣзвые качаются малютки,
 И плещутся росой съ зеленыхъ стебельковъ.
 Такая ночь, когда взнуздавши свѣтляковъ
 Возжами свитыми изъ нитокъ паутины,
 Пускаются они верхомъ на нихъ въ долины;
 И путникъ огоньковъ узрѣвъ блудящій свѣтъ,
 Надеждой тѣшить мысль, но скоро полнь тревоги,
 Обмануть, въ сотый разъ сбивается съ дороги.
 Такая ночь, когда все кажется кругомъ,
 Какъ очаровано магическимъ жезломъ,
 И съ опахалами увиты въ макъ и розы,
 Надъ спящими людьми витаютъ тихо грѣзы; —
 Всѣ оболщеніемъ обманчивымъ полны,
 Счастливые дарятъ сердцамъ незлобнымъ сны,
 И совѣсть шевелятъ запятанныхъ порокомъ.

Такою помню ночь и я надъ Лангедокомъ.

Есть роца темная каштановъ и оливъ,
 Въ ней замокъ на скалѣ, — а подъ скалой заливъ
 Шумить и бьетъ волной въ утесъ крутой и дикій...
 Цвѣтами убранъ есть съ террасы къ морю сходъ;
 Тамъ мраморныхъ боговъ желтѣющіе лики
 Глядятъ со ступеней на лоно синихъ водъ.
 Туда, едва лишь лучъ Гекаты лицемѣрной,
 Изъ тучки выглянувъ, уронить свѣтъ невѣрный,
 И въ странныхъ очеркахъ ночная ляжетъ тѣнь, —
 Спускается она съ ступени на ступень.
 Обвивъ волшебный станъ вокругъ ревнивой шалью,
 Царица дивная полуводушныхъ фей,
 Любуется она и моря синей далью
 И небомъ и луной, и всѣмъ святымъ ночей: —
 И мнится музыкой какой-то чудодѣйной,
 Все вѣетъ вокругъ нея въ сей часъ благоговѣйный.

Какъ бы присущее могучей красоты,
 Предметы надъ собой недвижимые слышуть; —
 И въ клумбахъ шепчутся влюбленные цвѣты,
 И боги мраморные дышуть.

Н. КРОЛЬ.

Перигё, 1860.

Я-ль первый отойду изъ міра въ вѣчность — ты ли
 Предупредивъ меня, уйдешь за грань могилъ.
 Повѣдать небесамъ страстей земныя были,
 Невѣроятныя въ странѣ безплотныхъ силъ!
 Мы оба ужаснемъ своимъ разговоромъ небо
 Объ этой юдоли гдѣ братъ нашъ проситъ хлѣба,
 Гдѣ золото къ враждѣ — къ безумію ведетъ,
 Гдѣ ложь всѣмъ явная наивно лицемѣритъ,
 Гдѣ робкое добро себѣ пощады ждетъ,
 А правда такъ страшна, что сердце ей не вѣритъ.
 Гдѣ ненавидя — я боролся и страдалъ,
 Гдѣ ты — любя — томилась и страдала;
 Но — —

Ты скажи, что я не проклиналъ;
 А я скажу, что ты благословляла!...

Я. ПОЛОНСКІЙ

ВПЕЧАТЛЕНІЯ РУССКАГО ВЪ АМЕРИКѢ.

Эмиграція, бѣдность и полиція въ Нью-Йоркѣ *).

Статья вторая.

I.

Эмиграція.

Случайно или вслѣдствіе какого-нибудь неотражимаго, міроваго закона, но давно ужъ замѣчено историками, что большая часть народовъ, въ своихъ переселеніяхъ, отправлялась въ путь съ востока на западъ, по теченію солнца.

Отчего же не на-оборотъ? — На этотъ вопросъ исторія не даетъ намъ положительнаго отвѣта: она не можетъ объяснить, откуда этотъ инстинктъ народовъ — брать почти всегда одно и то же направленіе, безъ всякаго яснаго сознанія о томъ, что впереди.

Востокъ называютъ, обыкновенно, колыбелью человѣчества; тамъ начался первый актъ исторической драмы народовъ, скопились первыя богатства, образовались первыя осѣдлыя общества, явились религіозныя и философскія системы, тамъ сложи-

*) Встрѣчающіяся въ этой статьѣ цѣлыя взяты изъ отчетовъ различныхъ американскихъ обществъ, обнародованныхъ въ газетахъ: «New-York Herald», New-York Times и «Tribune» за 1857—1858 гг.; также изъ American Almanac на 1858, и отдѣльныхъ отчетовъ: а) 13-th Annual Report of the New-York association for Improving the Condition of the poor, 1856. б) Annual Report of the Commissioners of Emigration, 1858. в) Report of the Commissioners of the Metropolitan Police of the City of New-York. 1858.

лись первыя основы нашей цивилизаціи. Съ теченіемъ времени все это передвигалось, переселялось, и достигло наконецъ рубежа Европы. Атлантическій Океанъ положилъ послѣднюю границу этому движенію. Человѣкъ, привыкшій къ борьбѣ съ природой, ужь выходилъ изъ состоянія физическаго рабства, и въ мелкихъ схваткахъ съ грубой матеріей, не разъ побѣждалъ ее, и примѣнялъ таинственныя силы къ своимъ потребностямъ и нуждамъ; но безграничная равнина воды была для него еще недолимымъ препятствіемъ: нуженъ былъ гениальный фанатикъ, и за нимъ толпа авантюристовъ, чтобъ изъ Атлантическаго Океана сдѣлать торную дорогу, по которой народы продолжаютъ теперь старый путь свой съ востока на западъ.

Эти народы — эмигранты, переселяющіеся изъ Европы въ Америку.

Что ихъ тянетъ въ Новый Свѣтъ? какая сила заставляетъ ихъ мѣнять родину, домашній очагъ, языкъ матери, кружокъ друзей — на неизвѣстную даль, чужую сторону, чужой говоръ и нравы?

Что это за существо *эмигрантъ*?

Недовольство настоящимъ и рѣшимость на всевозможныя жертвы, чтобъ создать себѣ иное, лучшее будущее — вотъ, кажется, программа эмигранта, отправляющагося въ далекій путь. Задача сложная и трудная, и потому неудивительно, если немногіе изъ этихъ переселенцевъ достигаютъ своей цѣли.

Долгій гнѣтъ, бѣдность, неудовлетворительность самимъ собой и своимъ положеніемъ, такъ или иначе, образуютъ наконецъ извѣстную фізіономію характера, которая привыкаетъ къ дисгармоніи существованія, и не въ состояніи пользоваться иными, лучшими условіями жизни. Если и говорятъ, что обстоятельства создаютъ людей, то это относится къ немногимъ, а къ массѣ гораздо вѣрнѣе примѣнить эту фразу наоборотъ, т. е. что сами люди создаютъ свои обстоятельства. Въ обыкновенной жизни почти каждому человѣку приходится создавать свою обстановку и формы условнаго, внѣшняго быта.

Эта форма можетъ служить мѣркой творчества каждаго лица, потому что жить — тоже что творить жизнь. Безъ этого творческаго созданія, жизнь человѣка спустилась бы на степень простаго фізіологическаго процесса. Но все же, внѣшняя форма быта, которую создаетъ себѣ каждый человѣкъ, условна, потому что личное творчество его развивается только въ извѣстныхъ

предѣлахъ, стѣсненное такимъ же процессомъ милліоновъ другихъ личностей, или — гражданскими формами общества.

Если внутренняя работа челоуѣка не ставитъ его въ противорѣчіе съ окружающимъ бытомъ, то ему нѣтъ никакого повода оставлять его; но часто случается, что приникая себя выраженіе, желая осуществить результаты мысли, онъ встрѣчается съ антипатичными условіями жизни, уничтожается глубокими противорѣчіями дѣйствительности, и обращается опять во внутрь безъ формы, безъ почвы, безъ исхода, но жадный принять плоть и форму, и пожить....

Наступаетъ новая работа мысли, время сомнѣній, мукъ и борьбы; за нимъ — или примиреніе безъ злобы, самоотреченіе, ничтожество, или — глубокая ненависть до гроба, вражда и печальное озлобленіе....

У такого существа является потребность бѣжать отъ себя, отъ другихъ, словомъ въ даль, въ чужой міръ, гдѣ бы ничто не напоминало ему причины ранъ и перенесеннаго горя, гдѣ бы онъ могъ начать жизнь на новой почвѣ. Его выбрасываетъ общество не потому, что въ немъ тѣсно, а потому, что оно постоянно насыщаетъ его убѣжденія, желанія и помыслы, давитъ его внутреннюю жизнь, и онъ бѣжитъ отъ этого невидимаго, но страшнаго тирана.

Это — эмигрантъ въ обширномъ смыслѣ слова. Въ Европѣ и Америкѣ такихъ людей — тысячи. Они составляютъ особый классъ, котораго внутренняя жизнь мало изслѣдована, хотя она подъ часъ бываетъ исполнена истинной драмы, и даже поэзіи. Съ эмиграціей вообще мало знакомы въ литературѣ образованныхъ странъ, потому что неуловимая физиономія этихъ людей ускользаетъ отъ наблюденія и теряется среди безчисленнаго множества тѣхъ или другихъ національныхъ типовъ. Притомъ многіе изъ нихъ сообщили публикѣ исторію своей внутренней и почти всегда сосредоточенной жизни. Другіе, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, обратившихъ ихъ на настоящее призваніе, сдѣлались поэтами, и своими трудами какъ бы возвращались къ тому обществу, изъ котораго бѣжали. Наконецъ третьи — и ихъ-то больше всѣхъ — покидая отечество, умирали для него навсегда, и борались съ жизнью въ новыхъ условіяхъ для того только, чтобы дать своимъ потомкамъ — родину.

Многіе изъ этихъ скромныхъ тружениковъ падали въ борьбѣ безъ слѣда, безъ дружеской слезы — и безъ могилы. Не слившись съ тѣмъ новымъ обществомъ, въ которое они вступили и не

выдержавъ въ борьбѣ всей твердости воли и характера, они погубили, какъ безродные матросы гибнуть во время кораблекрушенія на открытомъ морѣ. Вообще говоря, эмигранту, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ жизни, необходимо имѣть мощную нравственную силу; кромѣ высокаго умственнаго развитія, онъ долженъ отличатся стальной крѣпостью характера.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ классѣ эмигрантовъ, которые не имѣютъ никакого особеннаго таланта, чтобъ привлечь на себя громкое вниманіе, но все же борются, успѣваютъ или падаютъ среди надеждъ, съ вѣрой въ свою человѣческую силу, безъ которой они не отважились бы бѣжать вдаль. Это — люди ббльшею частью простые, необразованные; ихъ попыткамъ улучшить свою жизньъ, каковы бы они ни были, все же нельзя отказать въ сочувствіи.

Объ этихъ эмигрантахъ, переселяющихся изъ Европы въ Америку довольно писано; главнѣйшія черты ихъ нѣсколько объяснены; за всѣмъ тѣмъ есть много неизвѣстныхъ подробностей, и новѣйшія свѣдѣнія о способахъ переселенія и водворенія эмигрантовъ въ Новомъ Свѣтѣ, почерпнутыя мной на мѣстѣ, могутъ быть не безъ-интересны для любознательнаго читателя во многихъ отношеніяхъ.

Если скажутъ, что для насъ, Русскихъ, эмиграція иностранцевъ въ Америку не представляетъ особеннаго интереса, потому что она никакой стороной не касается ни общественнаго нашего быта, ни исторіи, ни народныхъ стремленій, то я могу отвѣтить одно только: пропустите эти страницы.

Изъ отчета, представленнаго Статистическимъ бюро Вашингтонскому конгрессу въ 1858 году, видно, что съ 1843 года по 1857 годъ переселилось эмигрантовъ изъ Европы въ Американскій Союзъ — 3.635,460 душъ обоюго пола; изъ нихъ, мужчинъ — 2.180,643, женщинъ — 1.447,733, и лицъ, коихъ полъ не былъ означенъ — 7,084. Въ настоящее время цифра эта возросла, по всей вѣроятности, до 4¹ милліоновъ.

Такая масса переселенцевъ была бы весьма важной для каждаго государства, тѣмъ болѣе для Соединенныхъ Штатовъ, обладающихъ огромными пространствами невоздѣланныхъ земель. Это тоже, еслибъ къ Россіи втеченіи тринадцати лѣтъ прибавилось населеніе четырехъ или пяти губерній.

Внося съ собою въ страну физическую силу, способность къ труду, разнообразныя знанія, эмигранты приносятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталъ, который въ сложности, составляетъ очень круглую цифру. Положивъ на каждого переселенца только по пятидесяти долларовъ, мы находимъ, что втеченіи тринадцати лѣтъ эмиграція внесла въ страну 181.773,000 долл. или около 200,000,000 руб. сер., большею частью звонкой монетой. Отчеты послѣднихъ годовъ показали, что на эмигранта приходится иногда и болѣе, чѣмъ мы предположили; такъ въ 1856 году каждый эмигрантъ среднимъ числомъ привезъ съ собою въ Америку шестьдесятъ восемь долларовъ.

До 1843 года эмиграція была незначительна. Извѣстно, что первый пароходъ, рѣшившійся перейти Атлантическій океанъ, *Сиріусъ*, встрѣченъ былъ изумленіемъ и восторгомъ многочисленной публики, собравшейся на берегу Нью-Йоркской бухты. Плаваніе свое *Сиріусъ* совершилъ въ 18 дней. Это случилось въ 1838 году, когда еще не рѣшались довѣряться пару въ далекихъ путешествіяхъ, и не обладали еще всѣми новѣйшими приспособленіями пароходнаго плаванія. Въ 1840 году открылась пароходная линія Кунарда (*Cunard*) между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ, которая существовала долгое время безъ конкурентовъ и приобрѣла громкую репутацію, какъ на континентѣ въ Европѣ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Это оживило сношенія двухъ материковъ, сблизивъ ихъ, такъ сказать, комфортабельнымъ и безопаснымъ мостомъ, а съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ усилившеюся торговою дѣятельностью, началась и эмиграція въ огромныхъ размѣрахъ.

Въ 1843 году въ Американскіе Штаты прибыло изъ Европы переселенцовъ 84,764 душъ обоюго пола. Цифра эта съ каждымъ годомъ возрастала и достигла своего *максимума* въ 1854 году, когда эмигрантовъ прибыло въ Соединенные-Штаты 460,474 человекъ. Съ этого года цифра эмиграціи стала понижаться до 1857, послѣ чего вновь стала возвышаться, не доходя однакожъ до уровня 1854 года.

Можно приблизительно сказать, что болѣе $\frac{1}{2}$, почти $\frac{1}{2}$ этой массы переселенцевъ пристаютъ къ нью-йоркскому порту, гдѣ и высаживаются на материкъ Новаго Свѣта; остальные распределяются по другимъ при-атлантическимъ городамъ.

Ясно, что вопросъ объ эмиграціи приобрѣлъ наибольшее значеніе въ городѣ и штатѣ Нью-Йоркѣ, гдѣ онъ не замедлилъ вскорѣ обратиться на себя и правительственное вниманіе. Въ 1856

году изъ числа 224 тысячи эмигрантовъ — 162,108 высадились въ Нью-Йоркъ.

Замѣчательно также, что наибольшее число переселенцевъ приходится на возрастъ между 15 и 30 годами, и въ этой категоріи всего болѣе переселенцовъ отъ 20 до 25 лѣтъ.

Цифра пожилыхъ эмигрантовъ, старѣе 40 лѣтъ, самая ничтожная, меньше цифры дѣтей и вообще понижается вмѣстѣ съ ихъ лѣтами.

Стало быть, въ атлантической эмиграціи главный элементъ составляетъ молодость, съ ея надеждами, вѣрой въ свои силы и въ лучшую судьбу.

Если обратить вниманіе на различіе національностей, то мы находимъ по оффиціальнымъ отчетамъ, что главную массу въ эмиграціи составляютъ Нѣмцы, потомъ Ирландцы, далѣе Англичане, Шотландцы, Французы, и т. д. Такъ въ 1857 году изъ числа 185,186 эмигрантовъ, прибывшихъ въ Нью-Йоркъ, Нѣмецъ было 80,976, Ирландцевъ — 57,119, Англичанъ — 28,622, Поляковъ — 245, Русскихъ — 42, и т. д. Въ 1856 году на 56,000 Нѣмцевъ приходилось 44,000 Ирландцевъ, 23,000 Англичанъ, 4,700 Шотландцевъ, 142 Поляковъ, 56 Русскихъ и 4 Турка, и т. д.

Германія и Ирландія, во всякомъ случаѣ, доставляютъ главный матеріалъ, которымъ питается атлантическая эмиграція.

Уроженцы этихъ двухъ странъ вносятъ совершенно различные элементы въ свое новое отечество. Ирландцы, при своей фанатической привязанности къ католической вѣрѣ и ненависти къ Англии, усиливаютъ вліяніе католическихъ епископовъ, и въ предѣлахъ ихъ вліянія, пристають къ первой партіи, которая не поспушитъ на обѣщанія и деньги, для пріобрѣтенія ихъ въ свою пользу.

При отвычкѣ къ самостоятельной жизни и твердымъ политическимъ принципамъ, они легко дѣлаются игрушкой чуждыхъ имъ страстей и интересовъ, и часто безсознательно даютъ перевѣсъ однимъ въ ущербъ другимъ.

На слѣдующій годъ, смотря по ловкости политиковъ (politicians, коноводовъ партій), они поддерживаютъ другую или третью партію и производятъ замѣшательство въ соображеніяхъ своихъ старыхъ покровителей, дѣлаютъ изъ политики и выборовъ какое то случайное, грубое явленіе, въ которомъ трудно видѣть сознательную побѣду, или сознательное поражение.

Большая часть ирландскихъ эмигрантовъ, взрослыхъ среди бѣдности, гнѣта и лишения на родной землѣ, не запасаются

никакими знаніями, или искусствами, ни деньгами, ни даже привычкою къ правильному труду: едва собравши кое-какія средства, они плывутъ чрезъ океанъ въ страну упорнаго труда, смѣлыхъ спекуляцій, и безиримѣрной дѣятельности. Они не умѣютъ даже читать и писать, и высаживаются на берегъ, гдѣ всякій ребенокъ вмѣстѣ съ первымъ лепетомъ узнаетъ и азбуку, гдѣ безъ письма и цифръ нельзя устроить самой пустой сдѣлки.

Обыкновенная судьба ихъ въ новой странѣ: или быть чернорабочими на фабрикахъ, въ частныхъ домахъ, въ торговыхъ заведеніяхъ, въ демонстраціяхъ партій и т. д., или оставаться безъ работы, и вслѣдствіе нужды и непривычки къ разумной свободѣ дѣйствій, погрузиться въ омутъ разврата. Тогда они легко продаютъ свои услуги, безъ разбора, на всякое дѣло, и теряютъ такимъ образомъ изъ виду всѣ пути къ улучшенію своей участи честнымъ образомъ.

Въ числѣ буйныхъ нарушителей порядка при выборахъ, различныхъ грабителей и головорѣзовъ, извѣстныхъ подъ названіями «loafers», «gawdies» и проч. — встрѣчается много Ирландцевъ. Этихъ людей днемъ можно встрѣтить только въ подземельяхъ и питейныхъ домахъ, гдѣ они пьютъ, ѣдятъ, курятъ и жуютъ табакъ, играютъ въ азартныя игры, спорятъ, дерутся, и вообще предаются всевозможнымъ порокамъ, — и все это на счетъ той партіи, которую они обѣщали поддерживать на выборахъ.

Они прячутся дневнаго свѣта и людей, и выходятъ на сцену только по ночамъ, или во время выборовъ, чтобы производить шумъ и насплія.

Многіе изъ нихъ почти постоянно проживаютъ въ этихъ захолустьяхъ; другіе имѣютъ резиденцію въ кварталѣ «Five Points» (Пяти Угловъ), находящемся почти въ центрѣ города, и пользующемся классической славой по своей грязи, бѣдности и разврату. Рѣдкій изъ жителей Нью-Йорка рѣшится навѣстить этотъ кварталъ днемъ, безъ помощи полицейскаго; ночью же, и сами полицмѣны рѣшаются входить туда не иначе, какъ вооруженные, и большею частью партіями въ нѣсколько человекъ.

Эти замѣчанія относятся къ большинству ирландскихъ переселенцевъ, хотя, конечно, и между ними бываютъ счастливыя исключенія.

Вслѣдствіе такого порядка вещей, ирландскіе эмигранты получили въ Соединенныхъ Штатахъ не совсѣмъ завидную популярность. Слово «Айршмэнъ» (Ирландецъ) употребляется маль-

чищиками въ насмѣшку, какъ ругательное выраженіе. Почти всѣ классы американскаго общества питаютъ къ нимъ одинаковое презрѣніе, которое могло бы превратиться даже въ ненависть, еслибъ можно было ненавидѣть тѣхъ, кого презираютъ. Ненависть, сама по себѣ, уже есть особый родъ уваженія.

И эти эмигранты отчасти оправдываютъ такое расположеніе новыхъ своихъ согражданъ, потому что кромѣ шаткости нравственныхъ началъ, кромѣ непопулярности исповѣдуемой ими религіи, они, и во ви́шнемъ отношеніи, обладаютъ многими чертами, противными общественнымъ привычкамъ туземцевъ, на примѣръ: грязнымъ видомъ, грубостью выраженій и приемовъ, которые выступаютъ особенно рѣзко при сравненіи съ сдержаннымъ и всегда достойнымъ обхожденіемъ природнаго Американца, наконецъ, наклонностью къ пьянству и разгулу, что особенно развивается у людей, вырвавшихся изъ подъ желѣзнаго гнёта.

Вообще — положеніе ихъ печальное.

Другія черты представляетъ намъ Германская эмиграція. — Она, безспорно, вноситъ полезный элементъ въ новое отечество переселенцовъ, которые почти всегда запасаются какими нибудь специальными знаніями, ремеслами, наклонностью къ правильному труду, физическому или механическому; и своими германскими привычками для обихода въ частной жизни. Многие изъ нихъ дѣлаются сапожниками, портными, булочниками, лавочниками, другіе — музыкантами, учителями, фермерами, садовниками, аптекарями, маклерами, содержателями пивныхъ завокъ, и т. п.

Большая часть изъ нихъ умѣетъ читать и писать, и тѣмъ нѣсколько обезпечиваетъ независимость своего общественнаго положенія, среди бойкаго и расторопнаго американскаго народа.

Такимъ образомъ германскіе переселенцы прибираютъ въ свои руки мало по малу ремесленную промышленность, не требующую риска, и предоставляютъ торговлю Американцамъ, которымъ всего болѣе съ руки этотъ родъ дѣятельности: онъ не требуетъ кропотливаго, сидячаго труда, допускаетъ рискъ, подвижную жизнь, смѣлость въ комбинаціяхъ, гибкость сдображеній и расчетовъ. Словомъ, все то, что всего болѣе отвѣчаетъ темпераменту Янки.

Не смотря на очевидную пользу, приносимую имъ странѣ, и германскій элементъ не пользуется сочувствіемъ массы въ Америкѣ. Туземцамъ не нравится то, что они по Воскресеньямъ собираются толпами въ публичныхъ, загородныхъ мѣстахъ, пьютъ

ниво, и предаются своему филстерскому роду увеселеній. Имъ не нравится замкнутость семейнаго германскаго быта, и его средневѣковыя, иногда часто приторныя преданія, не нравятся лимфа и флегма нѣмецкаго характера, который подь конецъ все-таки беретъ свое, не смотря на конкуренцію бойкаго, живаго и способнаго къ увлеченіямъ американскаго темперамента. Наконецъ, въ политикѣ имъ не нравится стремленіе всѣхъ Германцевъ безъ разбора приставать къ «демократической» партіи, которую они понимаютъ на основаніи Европейскихъ идей о демократіи, выразившихся въ броженіи 1848 и 1849 годовъ.

Эта партія въ Америкѣ не имѣетъ того политическаго смысла, который можно было бы придать ей, судя по названію, такъ какъ у нея нѣтъ препятствій, съ которыми боролась европейская демократія. Она приняла оттѣнокъ торговый, промышленный, финансовый, и тѣсно сплелась съ обыденными интересами гражданъ, потерявъ возвышенное значеніе во имя «идеала». Мы поймемъ стремленія настоящей «демократической» партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, если совопоставимъ ихъ съ стремленіями другой партіи «республиканской» или «американской», съ которой въ послѣднее время почти слилась и партія Но-нотинговъ. (Know-nothing). Они раздѣляются почти во всѣхъ главнѣйшихъ вопросахъ гражданской жизни Союза. Первая — за свободу торговли, за уничтоженіе (или постоянное пониженіе) тарифа, за распшеніе правъ натурализаціи эмигрантовъ, за право новыхъ штатовъ учреждать у себя невольничество, за приобрѣтенія виѣ предѣловъ Союза, и т. д. Вторая — требуетъ ограниченія въ правахъ натурализаціи эмигрантовъ, въ пользу національности, рѣшительно противъ невольничества, противъ права союзнаго правительства освящать и одобрять невольничество въ Новыхъ Штатахъ, противъ всякаго приобрѣтенія виѣ предѣловъ Союза, за тарифъ и развитіе внутренней промышленности, за обязательность элементарнаго образованія для каждаго подающаго голосъ, и т. д.,

Очевидно, что при такихъ данныхъ, Германцы сливаются преимущественно съ той партіею, которая за эмигрантовъ, хотя она въ то же время и за невольниковъ, т. е. за поддержаніе рабства, не смотря на свой демократическій лозунгъ. Естественно, что на этомъ пути Нѣмцы встрѣтили оппозицію въ природныхъ Американцахъ, въ особенности въ сѣверныхъ, Свободныхъ Штатахъ, составляющихъ, такъ сказать, высшую нравственную силу въ Союзѣ.

Изъ другихъ національностей, ни одна не пользуется ни положительнымъ, ни отрицательнымъ значеніемъ въ эмиграціи.

Не смотря на такой приливъ переселенцовъ въ Американскіе Штаты, не смотря на весь запасъ ихъ надеждъ, ихъ молодость и вѣру въ свою силу, — на первыхъ порахъ ихъ ожидаютъ болѣею частью горькія разочарованія.

Съ перваго же дня пребыванія своего на материкѣ, они начинаютъ чувствовать, что имъ не въ пору эта страна усвоенной дѣятельности, и безконечнаго свободнаго труда, — къ чему они не имѣли случая привыкнуть. Много европейскіхъ, исторически-сформировавшихся преданій приходится имъ разбивать среди того общества, въ которомъ значеніе каждаго человѣка основано единственно на немъ самомъ и его личныхъ достоинствахъ: талантахъ, знаніи, трудѣ и капиталѣ. Да и американская поговорка «заботься самъ о себѣ» не совсѣмъ по плечу людямъ, которые до того жили съ опекой, что даже разучились желать свободно, не только мыслить, чувствовать и дѣйствовать.

Оказывается необходимымъ разшатать и перевернуть вверхъ дномъ весь кодексъ житейской мудрости, составленный подъ гнетомъ европейскаго фатализма; нужно перевоспитать себя, научиться чужому языку, усвоить чужія понятія, побѣдить съ дѣтства вкоренившуюся апатію къ напряженію ума и воли, словомъ, надо приступить къ процессу полнаго перевоспитанія.

Не безъ сожалѣнія смотрѣлъ я иногда на эти толпы эмигрантовъ, выходившія на берегъ въ Нью-Йоркѣ. Обыкновенное мѣсто ихъ высадки — прибрежный паркъ, отѣненный высокими, густо-лиственными каштанами, березами, и извѣстный подъ названіемъ Баттарен (Battery), потому что тамъ во время владычества Голландцевъ были воздвигнуты укрѣпленія. Небольшой мостъ, перекинутый черезъ канаву, соединяетъ паркъ съ большимъ круглымъ зданіемъ, вдавшимся въ воду, такъ что къ нему могутъ приставать различныя мелкія суда, прямо съ бухты. Это зданіе, называемое Castle-Garden, составляетъ для эмигрантовъ ворота, которыми они входятъ въ Американскій Союзъ. Исполнивъ рядъ формальностей, они идутъ оттуда погулять въ паркѣ. Здѣсь-то встрѣчалъ я живописныя группы этихъ переселенцевъ, отдыхавшихъ послѣ тревогъ морскаго плаванія съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ. Костюмы ихъ пестрѣли всевозможными цвѣтами; у каждаго была своего рода шляпа, своя поза, и своя физиономія. Были тутъ и старички въ измятыхъ треугольныхъ шляпахъ, съ коротенькими глиняными труб-

ками въ зубахъ, и въ сапогахъ сверхъ панталонъ; были и пожилыя женщины съ грудными младенцами на рукахъ, были и дѣвушки, цвѣтуція здоровьемъ и красотой — очевидно поселянки — въ яркихъ, хотя и поношенныхъ платьяхъ. Гдѣ нибудь въ сторонѣ лѣниво раскинулся уютный нѣмецкій возокъ, сколоченный доморощенымъ сельскимъ мастеромъ, и переплывшій океанъ вмѣстѣ съ своими хозяевами; въ немъ лежатъ узлы, свертки, мѣшки и всякая поклажа. Молодые, деревенскіе парни бойко расхаживаютъ по аллеямъ парка, разсматривая часовню, купальни, бѣгушіе пароходы и лодки, поднимая головы на разноцвѣтные флаги судовъ, и по временамъ прислушиваясь къ тому гулу, который стоитъ надъ всякимъ большимъ портомъ. Увѣренныя жесты ихъ и оживленные взгляды явно доказываютъ, что они наслаждаются новизной своего положенія.

Все въ этихъ эмигрантахъ противорѣчило съ ожидающею ихъ жизнью: и это *fac-niente*, которымъ они наслаждались подъ яркимъ солнцемъ, освѣщавшимъ голубымъ блескомъ ясный воздухъ, и широкое зеркало бухты, и довѣрчивыя, добрыя лица, и румянецъ толстокожихъ деревенскихъ щекъ, и спокойныя до созерцательности движенія, словомъ все то, что съ трудомъ можно найти среди худаго, пронирыливаго, сухаго и блѣднаго американскаго населенія.

Но эта счастливая минута въ жизни эмигранта скоро исчезаетъ; за ней идетъ суровая забота о существованіи, страшная неизвѣстность впереди и жесткое столкновеніе съ другимъ и вовсе не гостепріимнымъ міромъ. Неосторожные и плохо знакомые съ политической свободой Америки, безъ покровителей и друзей, обыкновенно попадаютъ въ руки мошенниковъ. Однихъ заводили въ ближайшіе трактиры, напаявали нибомъ и элемъ, съ приправою зелья; съ другими начинали ссоры, обирали дочиста и часто даже убивали, безъ всякаго слѣда. Дѣвушкамъ приходилось не лучше, если онѣ успѣвали избѣгнуть соблазна еще во время своего переѣзда черезъ океанъ. Кто успѣвалъ убѣжать отъ наспія, тотъ дѣлался жертвою обмана: ему продавали фальшивыя билеты на желѣзную дорогу или пароходъ, или брали въ три-дорога за правильные билеты. До какой степени такіе обманы, при неопытности пріѣзжаго, могутъ оставаться безнаказанными въ Нью-Йоркѣ, даже при вѣдѣтельствѣ властей, показываетъ слѣдующій случай, одинъ изъ тысячи подобныхъ.

Джоржъ Вудъ, изъ № 109 Западной улицы, былъ арестованъ по обвиненію въ продажѣ фальшиваго билета одному изъ пассажировъ, прибывшихъ въ тотъ день въ городъ. Арестованный былъ приведенъ въ полицію, гдѣ онъ сознался въ обманѣ, возвратилъ взятые деньги эмигранту, и за тѣмъ былъ выпущенъ на свободу. Едва оставилъ онъ станцію полиціи, какъ чрезъ нѣсколько минутъ былъ опять приведенъ въ нее, съ уликою въ томъ же самомъ обманѣ. Онъ опять добровольно призналъ свою вину, возвратилъ деньги, полученные за фальшивый билетъ, и опять получилъ свободу. Въ обоихъ случаяхъ обвиненный оставался безъ преслѣдованія, потому что обманутые имъ истцы должны были по своимъ дѣламъ уѣзжать изъ города и не могли заводить процесса, требующаго личнаго присутствія обѣихъ сторонъ.

Вотъ почти слово въ слово, какъ объявила объ этомъ сама полиція въ городскихъ газетахъ.

Чтоже дѣлать эмигранту при подобныхъ условіяхъ? Вести процессъ, искать суда и расправы? Но это требуетъ времени, денегъ, знанія языка, знакомства съ мѣстными учрежденіями, словомъ, всего того, чего у него нѣтъ въ запасѣ. И онъ, волею-неволею изъ скромнаго переселенца, привыкшаго къ честному труду, превращается въ уличнаго нищаго, просится въ какой нибудь пріютъ или гошпиталь, или же наконецъ — вступаетъ въ шайку обобрававшихъ его промышленниковъ и обезпечиваетъ свою жизнь грабежемъ ближняго.

Такъ это и случалось, если не съ большинствомъ эмигрантовъ, то по крайней мѣрѣ со многими изъ нихъ.

Другіе же, послѣ первыхъ попытокъ устроить свою судьбу, встрѣчаясь повсюду съ непредвидѣнными затрудненіями, охлаждаясь въ своихъ надеждахъ, получали отвращеніе къ странѣ, гдѣ все имъ чуждо, и спѣшили на оставшіеся деньги возвратиться домой. Къ нимъ присоединялись и такіе эмигранты, которые послѣ двухъ-трехъ лѣтъ неудачной борьбы внутри Штатовъ, проникнутые тоской по родинѣ, получали непреодолимое желаніе умереть на землѣ отцовъ, — и вотъ толпа разочарованныхъ, потерявъ безплодно время и деньги, плыветъ обратно изъ Америки въ Европу.

Изъ всѣхъ грузовъ, перевозимыхъ по Атлантическому Океану, самымъ выгоднымъ всегда оказывался грузъ эмигрантовъ, — и, прибавимъ для полноты, грузъ Негровъ. Какъ товаръ, онъ оплачивался дороже всѣхъ; американцы не могли безъ зависти смотрѣть на

то, что перевозкой ихъ занимались преимущественно *англійскія* парусныя суда, при содѣйствіи немногихъ нѣмецкихъ, изъ Гамбурга и Бремена. Какъ люди предприимчивые, они задумали обратитъ эту торговлю въ свою пользу, — и вотъ начался рядъ самыхъ утонченныхъ продѣлокъ, настоящая охота на карманы эмигрантовъ.

Компаніи Американскихъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ посылаютъ въ Европу своихъ агентовъ и комиссаровъ, которые учреждаютъ свои конторы не только въ приморскихъ портахъ, но и внутри государствъ, въ городахъ и деревняхъ. Они приближаются къ очагамъ рабочихъ, заглядываютъ въ избы поселенъ, соблазняютъ ихъ преувеличенными разказами о выгодахъ американской жизни, берутся доставить ихъ прямо изъ хижины, черезъ океанъ, въ Новый Свѣтъ, даютъ въ займы деньги, — словомъ, не пренебрегаютъ никакими средствами для того, чтобъ захватить въ свои руки потокъ эмиграціи. Эти комиссары предлагаютъ билеты за сходную цѣну, по которымъ эмигрантъ можетъ ѣхать на кораблѣ, и, по прибытіи въ Америку, по желѣзнымъ дорогамъ, прямо къ избранному имъ мѣсту жительства внутри Штата.

Такіе корабли, назначенные для перевоза, можно видѣть въ Гамбургѣ, Антверпенѣ, Ливерпулѣ, Бременѣ и другихъ Европейскихъ портахъ. Пока судно стоитъ на мѣстѣ, на немъ играетъ музыка, устраиваются пиры, дается даромъ пиво, обѣды — съ цѣлю занять вниманіе перешедшихъ на судно эмигрантовъ, и соблазнить новыхъ, пріятелей ихъ и знакомыхъ. При этомъ не скупаются на разказы и обѣщанія, такъ что будущій переселенецъ, подобно рекруту, прощаясь съ родиной, нѣсколько дней сряду гулялъ и веселился на счетъ комиссара. Всѣ эти издержки, конечно, съ лихвою потомъ вознаграждались посредствомъ самаго грубаго надувательства. По пріѣздѣ на мѣсто, эмигрантъ находилъ, что билетъ его оплаченъ въ три-дорога, или не даетъ возможности ѣхать внутрь Штата до предполагаемаго пункта, или оказывается совершенно фальшивымъ; въ другихъ случаяхъ, эти же самые агенты передавали новопрѣзжихъ переселенцовъ наруки промышленникамъ, которые подъ благовидными предлогами обирали ихъ до-чиста и дѣлились добычею съ агентами. Во время переѣзда черезъ Океанъ, ихъ кормили дурно, не доставляли никакихъ обѣщанныхъ удобствъ, такъ что многіе болѣли, другіе умирали: это давало случай комиссарамъ возвра-

тить часть своихъ издержекъ еще до появленія изъ волнъ материка Новаго Свѣта.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, по своимъ размѣрамъ, приобрѣтали мало по малу общественное значеніе: въ приатлантическихъ портахъ Американскаго Союза, особенно въ Нью-Йоркѣ и Бостонѣ, число больныхъ, бѣдныхъ, нищихъ и ищущихъ грабителей увеличивалось въ страшной пропорціи.

Эмиграція вызвала наконецъ правительственное вниманіе. Цифры, приведенныя въ началѣ статьи, и распространеніе зла, вмѣсто ожидаемой пользы, ясно показывали, что если ужъ не филантропическія побужденія, то по крайней мѣрѣ интересы самаго Союза, и въ особенности Нью-Йоркскаго Штата, требовали немедленнаго общественнаго участія къ эмигрантамъ.

Эта потребность выразилась въ 1855 году въ *актъ* Законодательнаго Собранія Нью-Йоркскаго округа, по которому учреждалась особая коммисія для принятія и покровительства эмигрантовъ, прибывающихъ въ Нью-Йоркскій портъ; въ то же время въ ихъ пользу предоставлено большое прибрежное зданіе «Castle Garden» (о которомъ мы говорили выше), бывшее до тѣхъ поръ мѣстомъ концертовъ и митинговъ. Вмѣсто мотивовъ Итальянскихъ оперъ, пѣсень и трелей Шведскаго соловья (Дженни Линдъ) въ обширной залѣ стали раздаваться тихіе голоса комиссаровъ, и рассказы эмигрантовъ о ихъ нуждахъ и надеждахъ.

Но не вдругъ устроилось это предпріятіе: на немъ, какъ на оселкѣ, испробовали себя грубые инстинкты торгашей, руководимыхъ однимъ личными интересами. Американское населеніе, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, всегда отличалось ясными, гуманными взглядами, филантропіей, и всѣми качествами и стремленіями, какія развиваются образованіемъ у свободнаго народа. Но торговая масса, чернь купческаго сословія, нерѣдко проявляла самыя дикія желанія, и пользовалась своимъ правомъ свободно заявлять мнѣнія, въ такомъ духѣ, который не можетъ возбуждать сочувствія.

Такъ случилось и съ настоящей мѣрой, противники которой нашлись не только между промышленнымъ населеніемъ Нью-Йорка, но и въ самомъ Законодательномъ Собраніи Штата. Не смотря на то, что въ послѣднемъ большинство восторжествовало, и актъ для покровительства эмигрантовъ вошелъ въ силу въ томъ же году, въ Нью-Йоркѣ обнаружилась враждебная демонстрація противъ него, противъ комиссаровъ, назначенныхъ для исполненія акта, и даже противъ самыхъ эмигрантовъ. Въ нѣкоторыхъ га-

летахъ появились мелкія статейки противъ излишняго вниманія къ чужестранцамъ, въ ущербъ чувству національности, и авторы, прикрываясь кой-какими лохмотьями патріотизма, старались представить все дѣло въ неблаговидномъ свѣтѣ, намекали на подкуны, и т. п. Въ городѣ развилось предубѣжденіе, что потокъ эмиграціи вноситъ съ собою постоянный элементъ болѣзней, нищеты и безпорядковъ, отъ которыхъ и безъ того ужъ сильно страдало мѣстное населеніе. Предлагали уничтожить непосредственное прикосновеніе прибывающихъ эмигрантовъ съ жителями Нью-Йорка, и перевести ихъ пристанище на одинъ изъ острововъ въ портѣ, или даже на отдаленную часть материка въ штатѣ Нью-Джерсеѣ, подобно тому, какъ это впоследствии предлагали сдѣлать съ карантинномъ. Чернь собиралась у воротъ «Castle-Garden», громко ругалась и бушевала, пнося комиссаровъ всевозможными эпитетами, а при выходѣ оттуда эмигрантовъ, встрѣчала ихъ оскорбительною бранью, даже обкрадывала ихъ сплю, среди дня, или почти насильно вводила въ подозрительныя дома, и тамъ обирала у нихъ все сколько нибуду цѣнное.

Не смотря на свое оиціальное положеніе, комиссары не могли ничѣмъ зацптитъ переселенцовъ отъ насилія толпы, потому что служащихъ при «Castle-Garden» было очень мало; для полицейской же помощи требовалось каждый разъ особое разрѣшеніе. Да и опасно было прибѣгать къ власти полиціи въ такое время, когда масса народа была возбуждена противъ эмигрантовъ и комиссаровъ.

Промышленники, не довольствуясь обманами на берегу, подѣлжали въ лодкахъ къ самимъ кораблямъ, стоявшимъ на якорѣ въ портѣ, на которыхъ находились только что прибывшіе изъ Европы переселенцы, и тамъ употребляли все усилія, все уловки изворотливаго ума, чтобы соблазнить ихъ выйти на берегъ, помимо «Castle-Garden» и комиссаровъ. Многимъ это удавалось, и доврчивые пріѣзжіе немедленно дѣлались жертвами грабежа и насилія. Вслѣдствіе того, назначено было ставить офицеровъ на каждый корабль съ эмигрантами, немедленно по прибытіи его въ портъ. Это удерживало немного чернь, хотя и на новомъ постѣ комиссары подвергались всякаго рода оскорбленіямъ со стороны подѣлжавшихъ на лодкахъ промышленниковъ.

Наконецъ начали распространяться ложныя слухи о злоупотребленіяхъ комиссаровъ, о ихъ стачкахъ съ эмигрантами и компаніями желѣзныхъ дорогъ, о ихъ дурномъ обращеніи съ

женщинами и больными переселенцами, объ утайкѣ довѣряемыхъ имъ денегъ, и тому подобныхъ неблаговидныхъ поступкахъ.

Потерявъ послѣднее терпѣніе, комиссары эмиграціи обратились тогда въ сенатъ съ просьбой нарядить надъ ними слѣдствіе и изслѣдовать дѣло во всей подробности, чтобы подтвердить, или опровергнуть всѣ распространяемые о нихъ слухи. Наряжено было слѣдствіе, и присяжные, по тщательномъ изслѣдованіи положенія «Castle-Garden» и эмигрантовъ, нашли, что всѣ слухи о нихъ совершенно ложны, и что комиссары не только не могутъ быть заподозрѣны ни въ какомъ неблаговидномъ поступкѣ, но даже, напротивъ, исполняютъ свой долгъ съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ.

Это же слѣдствіе открыло, что главными, ожесточенными противниками акта 1855 года и комиссаровъ, — были люди, особенно заинтересованные въ вопросѣ эмиграціи, то есть тѣ, на долю которыхъ доставались всѣ прибитки отъ обмана и грабежа переселенцовъ, какъ напримѣръ: мелкіе прикащики судоходныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, разные чиновники въ конторахъ, отеляхъ и ресторанахъ, мелкіе адвокаты, маклеры, розничные торговцы, люди безъ занятій, отъявленные бездѣльники, воры, и проч. Присяжные вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣли, что полиція не защищаетъ отъ буйства черни какъ комиссаровъ, такъ и эмигрантовъ, которые не смотря на всѣ старанія своихъ покровителей, все-таки при выходѣ изъ Castle-Garden подвергаются всѣмъ прежнимъ случайностямъ.

И такъ, въ этой борьбѣ государственнаго интереса, поддерживаемаго чувствомъ филантропіи, съ личными интересами и страстями толпы, перевѣсъ остался на сторонѣ образованнаго меньшинства. Теперь нѣтъ ни одного голоса не только во всемъ городѣ Нью-Йоркѣ, но и во всемъ Штатѣ, который поднялся бы противъ благодѣтельнаго учрежденія «Castle-Garden, съ его комиссарами и эмигрантами.

Борьба эта любопытна потому, что она обрисовываетъ намъ нѣкоторыя стороны изъ внутренней жизни молодого, американскаго общества. Мы видимъ, что и здѣсь, не смотря на относительно большую образованность массы, примѣненіе общепользныхъ идей встрѣчаетъ на своемъ пути упорную вражду, корысть и мелкіе интересы отдѣльныхъ лицъ. Конечно, масса людей вездѣ почти одинакова, и преданная ближайшимъ житейскимъ цѣлямъ, вездѣ борется за свои привычки, хотя-бы въ нихъ заключалась вопіющая монополія несправедливости. Но это не все: въ

приведенномъ случаѣ вопросъ добра переиңсигь вопросъ зла, не вдругъ, а постепенно; массу не задавили съ перваго же разу авторитетомъ, а напротивъ, выслушали всѣ ея доводы, разоблачили ихъ несостоятельность; и потомъ представили истину, ясную какъ день, на всеобщее умиротвореніе. Отъ того она и крѣпко привилась къ обществу; въ подземной темнотѣ не осталось ни одного корня зла, потому что у него отняли почву.

Такимъ образомъ личный интересъ оказывается несостоятельнымъ антагонистомъ общему дѣлу въ тѣхъ только случаяхъ, когда ему не даютъ выразиться вполне: тогда онъ обращается внутрь себя и тайно ведетъ подкопы подъ общественное благо. Въ этомъ вся исторія взяточничества и насилія. Дайте взяточнику предъявить всѣ свои права, выслушайте всѣ его доводы до конца, и онъ первый разобьетъ свою теорію, самъ не сознавая того... Если онъ и не перестанетъ, по привычкѣ, брать взятки, то по-крайней мѣрѣ пойметъ, что онъ — отвратительно-гадки. И это будетъ ужъ великимъ шагомъ впередъ, потому что большая часть взяточниковъ живутъ и умираютъ въ сладкой увѣренности, что ихъ воровство легко оправдывается: или логикой обстоятельствъ, или положеніемъ въ обществѣ, или примѣромъ, безмолвіемъ окружающихъ, удачей, и т. п.

Взглянемъ, однакожь, противъ чего боролась партія, враждебная акту о покровительствѣ эмигрантамъ. Была-ли на ея сторонѣ хоть тѣнь справедливости и любви къ ближнему?

Чтобъ объяснить этотъ вопросъ, взглянемъ въ какихъ условіяхъ высаживается эмигрантъ на континентъ Америки послѣ изданія акта 1855 года?

Едва корабль съ переселенцами, по выдержаніи установленнаго срока въ карантинѣ, прибылъ въ портъ, какъ къ нему приплываютъ лодки съ комиссарами и ихъ помощниками. Эмигрантамъ немедленно объясняется значеніе зданія «Castle - Garden,» удобства его, цѣль, которую имѣетъ правительство при вспоможеніи переселенцамъ, значеніе приема и медицинскаго осмотра, равно какъ и записи показаній, словомъ — даютъ ясныя и точныя отвѣты на всѣ вопросы иностранца.

Большая часть эмигрантовъ обыкновенно убѣждаются объясненіями комиссаровъ, и отправляются съ ними на шлюпкахъ, вмѣстѣ съ пожитками, прямо къ береговому убѣжищу. При выходѣ изъ шлюпки, особый медикъ свидѣтельствуетъ состояніе здоровья каждаго изъ новопріѣзжихъ, записываетъ, кому нужна медицинская помощь, кого случайно упустилъ карантинъ, кто

слабъ, и т. д. За тѣмъ они входятъ въ обширный залъ, гдѣ особый чиновникъ записываетъ по очереди въ книгу все, что касается личности каждаго эмигранта: его имя, лѣта, родину, откуда приѣхалъ, куда ѣдетъ, или желалъ-бы ѣхать, есть-ли родственники въ Америкѣ, сколько въ наличности денегъ, и въ чемъ состоитъ привезенное имъ имущество. Въ то же время имъ даютъ подкрѣпиться пищею, а желающимъ предоставляютъ для отдыха чистыя постели; для больныхъ и беременныхъ женщинъ отдѣлено особое помѣщеніе, гдѣ имъ, въ случаѣ надобности, оказываютъ всѣ необходимыя пособія.

Багажъ каждаго эмигранта взвѣшивается и обозначается особымъ билетомъ, который наклеивается на чемоданъ или сундукъ; на немъ выставлено число фунтовъ сверхъ ста, такъ какъ за этотъ излишекъ придется платить на желѣзныхъ дорогахъ.

Когда отъ эмигрантовъ отобраны всѣ необходимыя показанія, одинъ изъ комиссаровъ лично отправляется на станцію желѣзной дороги, или пристань рѣчнаго парохода, и беретъ на счетъ эмигрантовъ столько билетовъ, сколько нужно, и по такому назначенію, какъ пожелали они сами. Возвратившись обратно, комиссаръ раздаетъ имъ билеты, даетъ кое-какія наставленія по случаю предстоящаго путешествія, и въ тотъ же день даромъ перевозитъ всѣхъ желающихъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ и пристанямъ пароходовъ.

Такимъ образомъ эмигрантъ съ того времени, какъ онъ еще въ первый разъ увидѣлъ съ корабля шпицы церкви Нью-Йорка, и до той минуты, когда онъ сѣлъ уже въ вагонъ желѣзной дороги, чтобы тронуться во внутрь Штата — обезпеченъ отъ вліянія портовыхъ промышленниковъ. Ему успѣлъ разъяснить много частныхъ, дать нужные совѣты и предостереженія, даже въ случаѣ нужды дать взаимныя деньги подъ залогъ имущества. Въ такомъ случаѣ, пожитки возвращаются немедленно по присылкѣ долга, безъ всякихъ процентовъ, при чемъ комиссары сами хлопчутъ объ исправной доставкѣ ихъ по желѣзнымъ дорогамъ или экспрессамъ.

Благодѣтельныя послѣдствія такого учрежденія не замедлили высказаться въ самое непродолжительное время. Въ тотъ же годъ, когда установленъ былъ актъ, по которому Castle-Garden перешелъ къ эмигрантамъ, въ госпиталѣ «для эмигрантовъ» число больныхъ уменьшилось втрое: оно понизилось съ 3,000 человекъ на одну тысячу. Въ слѣдующемъ году больныхъ оказалось еще менѣе. Эмигранты стали теперь осторожнѣе, и какъ

показываетъ фактъ, начали постоянно запасаться деньгами. Наставленія комиссаровъ не пропали даромъ.

Въ 1850 году, каждый эмигрантъ, сходя на материкъ Американскаго Союза, платилъ полтора доллара (немного менѣе двухъ руб. сер.), для образованія фонда, изъ котораго имъ дѣлались потомъ вспоможенія, и поддерживались нарочно установленныя для нихъ учрежденія. Сумма эта оказалась недостаточной, и потому поголовный сборъ съ эмигрантовъ увеличенъ въ 1853 году на два съ половиной доллара (около трехъ съ половиной руб. сер.) Каждый изъ нихъ, получивъ росписку въ этомъ платежѣ, имѣеть право, втеченіи пяти лѣтъ, требовать помощи отъ комиссаровъ эмиграціи, въ случаѣ болѣзни или особеннаго несчастія. Если это случается внутри Штата, въ уѣздѣ, то эмигрантъ можетъ обратиться за помощію къ мѣстнымъ властямъ, которыя сообщаютъ о томъ комиссарамъ въ Нью-Йоркъ, и получаютъ отъ нихъ въ уплату сумму, издержанную на вспоможеніе.

Здѣсь я рѣшаюсь сдѣлать небольшое отступленіе. Читателю, пробѣгающему съ равнодушнымъ любопытствомъ предъпущія строки, можетъ быть, и не приходитъ въ голову, что и у насъ существуютъ свои эмигранты, и Старый Свѣтъ съ его патриархальными предрасудками, и Новый — съ пылыми требованіями, съ болѣе эгоистическими убѣжденіями, съ тѣми же надеждами и разочарованіями... Эмигранты эти — молодые наши провинціалы, переселяющіеся въ далекую, морозную столицу, въ Питеръ. Сколько изъ нихъ падаетъ и гибнетъ отъ испытаній, несообразныхъ съ ихъ силами; отъ слѣпаго, неопытнаго довѣрія къ себѣ, къ жизни, и къ людямъ... И еще одно сходство: сколько силъ, званія и жажды дѣятельности, сколько капитала вещественнаго и нравственнаго несутъ они съ собой, убѣгая отъ лѣнивой провинціи туда, гдѣ сосредоточены почести, слава и богатство, гдѣ лучше цѣнится трудъ и дарованіе, гдѣ есть исходы жизни.

И что съ ними дѣлается въ этомъ новомъ свѣтѣ? Послушайте рассказы о бѣдныхъ, молодыхъ людяхъ, прибывающихъ въ Петербургъ, съ цѣлью составить карьеру: одинъ счастливецъ на сто горемыкъ, и какихъ горемыкъ! — которые въ виду роскоши сильнѣй чувствуютъ свою бѣдность, въ виду гордости — глубже оскорбляются своимъ униженіемъ, въ виду дѣятельности — чакнутъ отъ бездѣлья, и, слѣдовательно, съ каждымъ днемъ дѣлаютъ новый шагъ къ разврату.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Въ 1856 году, изъ числа прибывшихъ въ Нью-Йоркъ эмигрантовъ, 141,625 привезли

съ собою наличныхъ денегъ 9.642,104 доллара, то есть, среднимъ числомъ, по 68 долларовъ на каждого. Въ томъ же году, подъ залогъ недвижимаго имущества (чемодановъ, пожитковъ, и т. п.), выдано на 1,200 эмигрантовъ — составлявшихъ 210 фамилій — 2,098 долларовъ, или около 1 $\frac{3}{4}$ долларовъ на каждого.

Точность въ уплатѣ долга эмигранты доказали тѣмъ, что къ 1-му Январю 1857 года возвратили уже боольшую часть суммы въ Castle Garden, исключая 647 долларовъ. Въ 1857 году было издержано на подобное же вспоможеніе для 788 фамилій—8,723 доллара, изъ числа которыхъ къ 1 му Январю слѣдующаго года было возвращено назадъ 6,414 долл.

Вообще, какъ замѣчаютъ комиссары, за послѣднее время значительно улучшилось качество приѣзжающихъ въ Америку эмигрантовъ, такъ что многіе изъ нихъ запасаются теперь на столько средствами, что могутъ содержать себя безъ посторонней помощи.

Замѣтимъ, однакожъ, что европейскіе переселенцы, отправляющіеся во внутрь Штатовъ, рѣдко сами принимаются за воздѣлываніе дѣвственной почвы: этотъ трудъ обыкновенно беретъ на себя туземный Американецъ. На первыхъ порахъ онъ помогъ одинокому чужестранцу, подалъ ему руку помощи противъ всѣхъ возможныхъ случайностей на чужбинѣ, но когда переселенецъ однажды твердо сталъ на ноги, наступаетъ время, что и къ нему примѣняется общее правило: *«заботься самъ о себѣ»* (help yourself). Туземецъ не упускаетъ случая вступить и съ нимъ въ конкуренцію. Такъ называемые *пionеры*, передовые колонисты, подвигающіеся во внутрь невоздѣланныхъ, неизслѣдованныхъ лѣсовъ и луговъ — почти всѣ безъ исключенія, природные американцы. Янки любить такое дѣло, гдѣ нужна энергія воли, настойчивость въ борьбѣ съ природою и дикарями, гдѣ доступны рискъ, увлеченіе и творчество, и потому пionерство ему съ руки.

По 1 $\frac{1}{4}$ долл. за акръ покупаетъ онъ у федеральнаго правительства обширныя, невоздѣланныя почвы, переселяется туда съ семьею, строитъ на-скоро домъ, собственноручно рубить лѣсъ, сушить болото, прокладываетъ тропы, разводитъ сподручныя растенія, птицъ и другихъ животныхъ, — словомъ, превращаетъ дикое мѣсто въ настоящую ферму, и въ заключеніе продаетъ ее на выгодныхъ условіяхъ (въ 5, 6 разъ дороже противъ того, что самъ заплатилъ), какому нибудь семейному Европейцу-эмигранту.

Однажды выходя на этотъ путь, американецъ продолжаетъ идти по немъ, пока не разбогатѣетъ: онъ снова покупаетъ у правительства невоздѣланныя земли, по дешевой цѣнѣ, обрабатываетъ ихъ, выгодно продаетъ Европейцу; потомъ снова идетъ далѣе, углубляясь часто на 100, 150 верстъ въ пустошь, внѣ всякаго человѣческаго жпльа, и въ заключеніе — съ полнымъ карманомъ денегъ переселяется въ какой нибудь быстро-возрастающій городъ, заводитъ лавочку, или отель, и кончаетъ жизнь свою, полную дѣятельности и трудовъ, въ довольствѣ и довольствѣ.

Такая дѣятельность тѣмъ легче для Американца, что онъ вообще не чувствуетъ особенной способности такъ привязываться къ почвѣ, къ мѣсту, какъ осѣдлый Европеецъ. Развитые пути сообщенія и торговый темпераментъ населенія сдѣлали изъ Американцевъ въ высшей степени подвижную націю: коренному туземцу не сидится долго на одномъ мѣстѣ; какая-то сила тянетъ его завязать узлы и въ другихъ городахъ и странахъ, такъ чтобъ выгоды занятія его требовали постоянного передвиженія. Американецъ всего менѣе поддается воображенію и, слѣдовательно, сидячему и лѣнивому состоянію. Это, между прочимъ, лишило его тѣхъ поэтическихъ преданій, того живаго чувства въ отношеніи къ неодушевленнымъ предметамъ, которые такъ связываютъ Европейца съ мѣстомъ его родины, съ предметами его дѣтскихъ радостей и горя...

Потому же европейскіе эмигранты крѣпко привязываются къ мѣсту своего жительствова и на новой родинѣ, составляя такимъ образомъ первые зародыши будущихъ селъ и городовъ, среди дѣвственныхъ лѣсовъ и необработанныхъ тундръ.

Въ 1858 г., какъ извѣстно, открыты были золотоносныя россыпи на рѣкѣ Фрэзеръ (Fraser—River), въ сѣв. запад. части Америки. Инстинктъ броженія и переселенія немедленно пробудился въ массахъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, изъ разныхъ городовъ и селъ Американскаго Союза, туда отправились многія тысячи авантюристовъ. Эта временная эмиграція не имѣла того характера, какимъ отличается постоянная эмиграція Европейцевъ въ Америку. Она походила на тотъ приливъ и отливъ искателей приключеній, который такъ оживилъ Калифорнію въ 1849 г. и придалъ Санъ-Франциско особенную характерную

физиономію. Въ этой жаждѣ обогатиться въ короткое время не затрогиваются глубокія струны человѣческой души, недовольной настоящимъ и жаждущей себѣ лучшаго отечества, иныхъ условій жизни, иной свободы... Характеръ этой минутной вылазки на выгодную добычу всего лучше обрисовывается слѣдующимъ описаніемъ Сентъ-Франциской газеты:

«У насъ наступилъ 1849-й годъ. Суматоха въ портѣ и городѣ неопиcанная, такъ что жители видятъ передъ собою почти повтореніе любопытныхъ эпизодовъ, отмѣтившихъ эпоху открытія золота въ Калифорніи. Оживленная группа людей толпится близь отъѣзжающаго парохода. Слышны энергическія прощанія и восклицанія: «Всевозможной удачи! Счастія! Смѣлѣй въ путь!» Корабль буквально запруженъ людьми съ рѣшительнымъ видомъ и крѣпкаго тѣлосложенія. Почти всѣ они въ сѣрыхъ, шерстяныхъ рубашкахъ, въ сапогахъ съ высокими голенищами, въ которые опущены узкіе панталоны, въ фантастическихъ шляпахъ на головахъ; у каждаго кромѣ того на спинѣ синее свернутое одѣяло, прикрытое желѣзною пластинкою — инструментомъ для промыванія золотоносныхъ росыпей; на случай опасности, черезъ плечо перекинутъ на ремнѣ карабинъ или двустволка. Болѣе комфортабельные джентльмены къ этому незатѣливому багажу присоединяютъ еще сакъ-вояжъ, разныя орудія, лопатки, заступы, кое-что изъ кухонной батгарей, чайникъ, кофейникъ и т. п. Предметы эти валяются по палубѣ, нагроможденные другъ на друга въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Но не всѣ отправляющіеся авантюристы думаютъ исключительно о суровостяхъ и неудобствахъ будущей жизни на пріискахъ. И различная торговля имѣетъ многихъ представителей на пароходѣ: одни везутъ мебель, другіе разныя приности, вина, сигары, горшки съ цвѣтами, рамы, чугунные скрѣпы, и прочія принадлежности осѣдлаго хозяйства. На палубѣ можно даже встрѣтить предметы роскоши и вкуса, напр: хороній, новый рояль, дѣльные столы и шкафы изъ розоваго дерева, зеркала, ковры. Одинъ молодой джентльмэнъ, котораго предусмотрительности всѣ удивлялись, взялъ съ собою дорогіе химическіе вѣсы для взвѣшиванія будущаго золота»...

Изъ этихъ тысячъ авантюристовъ посчастливилось однакожъ немногимъ десяткамъ: остальные разочаровались въ своихъ золотыхъ мечтахъ и воротились къ менѣе выгодному, но болѣе вѣрному труду.

II.

Бѣдность,

Если мы обратимъ вниманіе на цифру возрастанія жителей въ Нью-Йоркѣ, то ея будущность представится намъ въ замѣчательномъ свѣтѣ.

Въ 1790 году тамъ было всего 33.130 жителей: въ 1820-мъ 123.700; въ 1830 г. — 202.600; въ 1840 — 372.700; въ 1850 г. — 515,000, а въ 1860 — свыше 800,000 (не считая въ томъ числѣ жителей окружныхъ мѣстечекъ и сосѣднихъ городовъ.)

Если судить по этой пропорціи, въ концѣ XIX-го вѣка въ Нью-Йоркѣ будетъ 3 милліона жителей, а возлѣ бухты его, то есть въ томъ приморскомъ уголку, гдѣ пріютились четыре города, раздѣленные только водой (Нью-Йоркъ, Бруклинъ, Вильямсбургъ и Гобокенъ, и городъ другаго штата Нью-Джерсей) — народонаселеніе возрастетъ, можетъ быть, до четырехъ, пяти милліоновъ.

Можно сказать, что въ такой же пропорціи увеличивается тамъ и поперизмъ.

Въ 1831 году въ штатѣ Нью-Йоркѣ приходился 1 бѣдный на 123 души; въ 1841 году 1 на 39; въ 1851 г.: 1 на 24, а въ 1856 г. 1 — 17 душъ.

Слѣдовательно, въ послѣднемъ году, каждыя 17 лицъ принуждены были содержать на свой счетъ одного человѣка, лишенаго всякихъ средствъ къ существованію.

Цифра эта показалась бы невѣроятной, еслибъ ее не подтверждали официальные документы различныхъ американскихъ обществъ, которые вообще отличаются удовлетворительной точностью статистическихъ данныхъ. Но если допустить даже, что они неполны, то все таки подобныя данныя могутъ показать только меньшія цифры, *minimū*, а никакъ не *maximū*.

Населеніе города Нью-Йорка составляетъ почти четвертую часть населенія всего Штата, и это скопленіе жителей на небольшомъ пространствѣ усиливаетъ мѣстный поперизмъ, такъ что цифра бѣдныхъ, пропорціонально массѣ, въ немъ далеко выше, чѣмъ въ остальномъ Штатѣ.

Что же мы выведемъ изъ подобнаго факта? Говорить ли онъ въ пользу страны, правовъ, обычаевъ и мѣстныхъ учреждений,

или напротивъ, бросаетъ тѣнь на условія быта, при которомъ прогрессивно растетъ бѣдность, равно какъ и на характеръ народонаселенія, вырабатывающаго изъ себя элементъ поперизма съ такой безпощадной быстротой? Виновать ли принципъ, или виноваты люди, и какіе?...

Еслибъ мы разрѣшили эти вопросы ясно и категорически, то можетъ быть отыскали бы главный корень поперизма. Но подобныхъ вопросовъ нельзя разрѣшать вообще, и даже разсуждать о нихъ можно только въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ каждой страны и каждаго города отдѣльно.

Бѣдность подводитъ обыкновенно къ двумъ категоріямъ: къ первой — вслѣдствіе неотразимыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ (болѣзней, пожара, неурожая, кражи, и т. п.); къ другой — по оплошности самаго лица, выпадающаго въ бѣдность. Общество, по нравственному чувству, не можетъ отказать въ помощи ни той, ни другой, хотя причины происхожденія ихъ находятся по видимому внѣ его вліянія. Но это видимое отсутствіе солидарности между обществомъ и бѣднымъ въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ болѣе глубокой, литературной разработки, которая и показала, что поперизмъ находится въ тѣсной связи съ учрежденіями страны. Виновать ли сирота-мальчикъ, не обучаемый никакому ремеслу, не знающій грамоты, который попадая въ городъ, съ перваго же разу поступаетъ въ разрядъ бѣдняковъ? Виноваты ли родители его, которымъ не было предоставлено никакихъ средствъ, чтобъ воспитать или обучить чему нибудь своего сына съ дѣтства?...

Общество образовалось для обмѣна взаимныхъ услугъ своихъ членовъ, и какъ бы для застрахованія отдѣльныхъ лицъ отъ всякихъ случайностей и невзгодъ: поэтому прямое назначеніе его создаетъ и обязанность — не только помогать, но и предупреждать бѣдность. Истина эта, конечно, не нова, но примѣненіе ея къ дѣйствительности, къ учрежденіямъ, находится еще въ младенческомъ состояніи во многихъ странахъ. Если статистика доказала, что общество регулярно вырабатываетъ изъ своей среды извѣстное, почти одинаковое число преступленій каждый годъ, то это же самое можетъ относиться и къ случаямъ бѣдности. Ихъ подготовляетъ само общество своими учрежденіями, обычаями, страстями, а всего чаще, равнодушіемъ къ задачамъ общественной жизни.

Въ городѣ N., напримѣръ, сгорѣло 10 домовъ и отъ того 10 лицъ обнищали. Виновано ли общество, что все имущество

ихъ истреблено пожаромъ? — Нѣтъ. Но оно несетъ отвѣтственность за самый фактъ такого внезапнаго обнищанія: оно виновато тѣмъ, что уклонилось въ этомъ случаѣ отъ своего долга, что не выполнило своей задачи общественнаго застрахованія. А безъ этой задачи къ чему самое общество, и въ чемъ его преимущество предъ независимою жизнью лица въ средѣ дикихъ народовъ? Зачѣмъ всѣ учрежденія, всѣ науки, художества, заведенія, мѣры, когда конечная цѣль ихъ — покровительствовать усиліямъ отдѣльнаго человѣка къ идеѣ блага и справедливости, оказывается несостоятельной въ виду лица, спасающаго первое и важнѣйшее изъ благъ: свою жизнь.

Но если общество, въ силу условнаго своего назначенія, обязано сдѣлать шагъ впередъ къ отдѣльному человѣку, то и отдѣльный человѣкъ долженъ сдѣлать такой же шагъ впередъ — къ обществу. Только примиреніемъ этихъ противоположныхъ другъ другу стремленій: — чисто личныхъ, требующихъ жертвъ для своего «я», и общественныхъ, требующихъ пожертвованій для блага «всѣхъ» отъ каждаго — и удовлетворяется высшая задача цивилизаціи.

Въ этомъ отношеніи существуетъ извѣстный фатумъ, по которому зло начинаетъ только мѣняться въ формѣ, не прекращаясь, но переходя съ однихъ лицъ на другія. Оказывается необходимымъ изучать причины бѣдности, и дѣйствовать уже не прямо, а предупредительно; приходится то исправлять, то поддерживать, то просто признавать грустный фактъ человѣческой слабости и помогать ей, безъ всякой надежды на улучшеніе...

На этомъ пути развитія явились среди общества ассоціаціи отдѣльныхъ людей, съ запасомъ человѣческихъ чувствъ и капиталовъ, которые рѣшились помогать истинно нуждающимся. Что вызвало на свѣтъ эти ассоціаціи? Конечно, быстро развивающаяся бѣдность, которая и поддерживаетъ существованіе благотворительныхъ заведеній, такъ же, какъ и на оборотъ, — эти заведенія поддерживаютъ бѣдность. Стало быть, и благотворительныя ассоціаціи составляютъ только симптомъ болѣзни, а не радикальное леченіе ея. Бѣдность все таки растетъ вездѣ и всюду въ городахъ, вмѣстѣ съ развитіемъ фабричной и торговой промышленности и — можно сказать — идетъ рядомъ съ притокомъ богатствъ.

Единственное средство противъ нея — раздробить вопросъ на множество частныхъ, и мелкой, кропотливой, тяжелой работой прослѣдить исторію всякаго отдѣльнаго случая бѣдности.

Если бы каждый городъ узналъ подробно исторію своихъ бѣдныхъ, онъ узналъ бы столько новаго, столько невѣдомыхъ ему истинъ, что горизонтъ пониманія его разомъ подвинулся бы на цѣлый вѣкъ впередъ. Онъ узналъ бы недостатки своихъ учреждений и внутренній смыслъ условій своего быта, и незамѣтное вліяніе исторіи, привычекъ и обычаевъ населенія, словомъ, онъ узналъ бы то, чего не можетъ открыть ему ни одна книга. Это была бы задача истинно-достоинная благотворительныхъ заведеній въ новомъ духѣ.

Но обратимся къ бѣдности въ Нью-Йоркѣ. — Возьмемъ нѣсколько статистическихъ цифръ и выйдемъ въ ихъ значеніе.

Въ 1856 г. въ Штатѣ Нью-Йоркѣ обѣднѣло отъ невоздержности взрослыхъ мужчинъ — 8,816, женщинъ 4,459, итого 13,364 лицъ обоого пола. Дѣтей, впавшихъ въ бѣдность отъ невоздержности родителей, мальчиковъ — 7,549, дѣвочекъ — 3,812, итого: 11,361 дѣтей обоого пола. Женщинъ, обѣднявшихъ отъ невоздержности мужей — 3,938.

И такъ всего — 28,663 лица, пострадавшихъ отъ самой обыкновенной человѣческой слабости. Въ томъ же году всѣхъ бѣдныхъ, заявившихъ о себѣ обществу, оказалось въ штатѣ — 346,518 лицъ различнаго возраста и пола; слѣдовательно только $\frac{1}{12}$ часть изъ нихъ были сами причиной своего положенія, а болѣе $1\frac{1}{12}$ впали въ крайность по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ.

Если изъ 12 лицъ, пораженныхъ нищетой, 11 невиноваты въ своемъ положеніи, и только одинъ приготовилъ самъ свою судьбу, то это фактъ такого рода, который совершенно защищаетъ въ пролетаріѣ — человѣка; онъ прямо показываетъ, что бѣдность вслѣдствіе несчастія гораздо обыкновеннѣе, чѣмъ бѣдность вслѣдствіе пороковъ. Но и эта послѣдняя есть только видимый результатъ отдаленныхъ, болѣе сокровенныхъ причинъ; своей судьбой порочный бѣднякъ искупаетъ предъ обществомъ его же собственныя страсти и увлеченія. Это очистительная жертва, приносимая несовершенству его учреждений, его относительному невѣжеству и исторически развитому эгоизму. Поэтому каждый пролетарій имѣетъ право, не только во имя человѣколюбія, но и во имя высшей справедливости, требовать отъ общества извѣстной помощи въ своей нуждѣ.

Американская нація вообще славится филантропіей, особенно Сѣверные Штаты, гдѣ нѣтъ рабства. А между тѣмъ, какія цифры представляетъ она, когда вопросъ зайдетъ о бѣдности!

Въ штатѣ Нью-Йоркѣ, съ 1831 года по 1856 г., — втеченіе двадцати почти лѣтъ — народонаселеніе увеличилось на 61 процентъ, а бѣдность — на 706 процентовъ, (*) то есть, бѣдность увеличилась почти въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ населеніе.

Гдѣ же смыслъ этого факта?... Что онъ доказываетъ? Мы ужъ видѣли, что большая часть этихъ пролетаріевъ несутъ на себѣ недостатки общественнаго быта, и только самая ничтожная часть ихъ впадаетъ въ бѣдность, вслѣдствіе пороковъ. И дѣйствительно, такое развитіе поперизма въ Американскомъ Штатѣ можно объяснить экономическимъ и политическимъ бытомъ страны.

Въ числѣ элементовъ, приготовляющихъ бѣдность въ Штатѣ и городѣ Нью-Йоркѣ, укажемъ на три главнѣйшихъ: на эмиграцію, на политическіе выборы и торговое направленіе болѣе части народонаселенія.

О вліяніи эмиграціи мы ужъ сказали въ предъидущей главѣ. Этимъ элементомъ въ настоящее время общество овладѣло вполне, и по возможности устранило его вредное вліяніе.

Другой элементъ поперизма, съ которымъ не такъ легко совладать, это — почти ежегодные выборы то въ городѣ, то въ Штатѣ, то во всемъ Союзѣ.

Обстоятельство это, тѣсно связанное съ внутреннею организаціей страны, вызвало прежде всего разнообразныя партіи, а потомъ — чернорабочихъ этихъ партій. Каждые четыре года надо выбирать президента и вице-президента, каждые два, три года (въ иныхъ Штатахъ ежегодно) надо выбирать губернатора и вице-губернатора Штата, каждый годъ, въ большей части городовъ — мэра. Кромѣ того выборамъ подлежатъ судьи, сенаторы, депутаты, словомъ, почти каждый годъ, въ каждомъ мѣстечкѣ, равно какъ и въ каждомъ городѣ, происходятъ какіе-нибудь выборы, съ большимъ или меньшимъ одушевленіемъ. Если вспомнить, что напримѣръ отъ президента зависятъ назначенія сотенъ лицъ съ значительнымъ вліяніемъ на дѣла и жалованьемъ, по министерствамъ, таможнямъ, ночтамъ, посольствамъ, флоту и арміи, — что каждый изъ губернаторовъ также пользуется по своему положенію значительными преимуществами, что даже мэръ города въ состояніи сдѣлать многое въ пользу нисшаго класса народа, такъ какъ отъ него отчасти зависятъ спо-

*) Полагаемся на расчетъ американскаго общества вспоможенія бѣднымъ, хотя по нашему вычисленію, это увеличеніе выходитъ всего на 500%.

Прим. авт.

койствіе, порядокъ и финансы города, — то понятно, почему разыгрываются страсти партій во время выборовъ. Вліятельныя лица партій жертвуютъ въ это время значительными капиталами на публичныя демонстраціи: устраиваютъ митинги по вечерамъ, на которыхъ выбираютъ своихъ президента и секретаря, приглашаютъ извѣстныхъ «спикеровъ» говорить въ пользу своего кандидата, организуютъ длинныя процессіи съ факелами, знаменами, колесницами и музыкою, и вообще стараются дѣйствовать на воображеніе народа, развертывая предъ нимъ всевозможныя проявленія своего могущества. Какимъ образомъ иначе выставить на видъ свою дѣятельность и силу, какимъ образомъ оказать вліяніе на выборы? Необходимо привлечь побольше голосовъ на свою сторону, и для этого необходимы публичныя демонстраціи.

А они, какъ извѣстно, не обходятся безъ издержекъ, и часто довольно значительныхъ; къ нимъ присоединяются расходы на печатаніе афишъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, печатаніе адресовъ, приглашеній и всякихъ памфлетовъ. Все это пока основывается на возможности убѣжденія; но этого мало: приступаютъ прямо къ подкупамъ. Подкупаютъ журналистовъ, подкупаютъ чернорабочихъ, цѣлыя фабрики, даже цѣлыя уѣзды, а въ случаѣ надобности и мѣстныя власти, для усиленнаго противодѣйствія другимъ партіямъ. Словомъ, не жалѣютъ ни денегъ, ни угощеній, ни обѣщаній, такъ что часто одни и тѣ-же чернорабочіе, получившіе уже отъ одной партіи плату, переходятъ къ другой за болшія деньги или обѣщанія и подаютъ голоса (или выбираютъ «электоровъ», избирателей) въ пользу болѣе щедрыхъ платильщиковъ.

Вотъ эти-то закулисныя сцены при выборахъ порождаютъ въ Штатахъ и особенно въ большихъ городахъ — цѣлыя классы людей, ничего ни дѣлающихъ и привыкшихъ жить только подкупными деньгами. Изъ нихъ образовались такъ называемые «*roundies*», «*loafers*», «*deadrabbits*» «*short-boys*», и проч. — особый разрядъ бродягъ и бездѣльниковъ, отличающихся грубостью нравовъ, склонностью къ мошенничеству, грабежу и насилію, и во главѣ всего — къ праздной, разгульной жизни. Ихъ очень много въ большихъ приморскихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Нью-Йоркѣ, Балтиморѣ, Нью-Орлеанѣ, и т. д. Во время выборовъ, наступаетъ пора ихъ благоденствія: по цѣлымъ днямъ они пьютъ виски, джинъ и пиво, курятъ сигары, ѣдятъ устрицы, играютъ въ бильярдъ и всевозможныя азартныя игры, а съ на-

ступленіемъ ночи выступаютъ толпами изъ подземелій, подваловъ и пивныхъ лавокъ. Тогда они становятся въ ряды процессій, организуемыхъ различными партіями, шумятъ и буйствуютъ на митингахъ, на подачѣ голосовъ, часто бьютъ и даже убиваютъ, какъ противниковъ своихъ, такъ и самихъ блюстителей порядка. Понятно, что съ прекращеніемъ выборовъ, эти буйные сорванцы, смотря по обстоятельствамъ, превращаются или въ ночныхъ грабителей, или въ бѣдняковъ, умирающихъ съ голоду и взывающихъ о помощи. Такъ продолжается до наступленія новыхъ выборовъ.

Ясно, что этотъ элементъ пролетаріата находится въ тѣсной связи съ политическимъ устройствомъ страны: американскій союзъ приплачивается этимъ зломъ за всѣ блага конституціи. Нѣтъ сомнѣнія, что высшее развитіе народнаго образованія и невидимая, но постепенная разработка конституціонныхъ началъ, уничтожитъ эту грязную примѣсь, какъ она уже уничтожила множество другихъ злоупотребленій.

Третій элементъ, развивающій бѣдность въ сѣверныхъ Штатахъ Американскаго Союза, и особенно въ Нью-Йоркѣ, — торговое направленіе всего населенія и фабричность, развитая преимущественно предъ земледѣліемъ. До какой степени вліяніе этихъ причинъ можетъ оказаться серьезнымъ, всего лучше показалъ кризисъ 1857 года, когда волею судьбы вдругъ обнищали тысячи зажиточныхъ семействъ, и въ одну недѣлю скопилось въ Нью-Йоркѣ до 7000 рабочихъ безъ занятій, которые настойчиво требовали или работы, или црпитанія, угрожая въ противномъ случаѣ спокойствію города. Городскія власти принуждены были призвать на помощь милицію, которая въ полномъ вооруженіи опѣшила таможню, главнѣйшіе банки, городскую ратушу, биржу, и заняла нѣсколько площадей, гдѣ скопились толпы раздраженныхъ рабочихъ.

Эти послѣдніе, распущенные съ фабрикъ, и тѣмъ неповинные въ постигшемъ ихъ несчастіи — такъ какъ кризисъ произошелъ внѣ всякаго ихъ вліянія — признавали законнымъ *правомъ* требовать отъ общества работы, за извѣстную плату. Наступила критическая минута, угрожая страшный взрывъ и насиліе, потому что рабочіе назначили срокъ для удовлетворенія своихъ требованій; но здѣсь подоспѣла на помощь умѣренность и распорядительность популярнаго въ народѣ мэра, который успѣлъ удержать толпу отъ возстанія. Ей уступилъ на этотъ разъ, не по праву, котораго за ней не признали, а по человѣ-

колюбію, и — дали работу на Центральномъ Паркѣ. Такимъ образомъ дѣлю обошлось мирно.

Впрочемъ, мы привели этотъ примѣръ, какъ исключительный случай. Кризисы могутъ повторяться, но не часто. Такъ, предъ-последній большой кризисъ въ Америкѣ былъ въ 1837 году, въ промежуткѣ же 20 л. были небольшіе, частные, кризисы, оказывавшіе только мѣстное вліяніе.

Участіе фабрикъ въ распространеніи бѣдности въ Штатахъ не входитъ въ планъ нашей статьи; такъ какъ этотъ вопросъ подверженъ общимъ условіямъ развитія бѣдности отъ тѣхъ же причинъ и въ другихъ странахъ. Но не можемъ пройти молчаніемъ одной стороны мѣстнаго значенія, которая нѣсколько видоизмѣняетъ этотъ вопросъ въ Американскомъ Союзѣ, представляя его въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Англии. Эта сторона, обезпечивающая фабричныхъ отъ голода, — множество казенныхъ, пустопорожныхъ земель, которыя уступаются подъ населеніе по 1½ доллара за акръ (или около 4 руб. за десятину), на самыхъ либеральныхъ условіяхъ. Публичныя, незаселенныя земли долго еще будутъ составлять резервъ Американскаго Союза противъ всякихъ экономическихъ случайностей, потому что ихъ считается до 1.584.000,000 акровъ, или около 428 милліоновъ десятинъ. При малѣйшемъ желаніи разстаться съ рискомъ торговли, или фабричнымъ трудомъ, каждый промышленникъ или работникъ можетъ заняться земледѣіемъ, хотя бы имѣлъ въ наличности самыя ничтожныя средства. Въ крайнихъ случаяхъ, общества предлагали даже даровую перевозку желающихъ на мѣсто водворенія, и не отказывались отъ складчины для перваго ихъ обзаведенія, какъ это было во время кризиса 1857 года.

Что-же касается торговли, то она всегда и вездѣ соединяется съ рискомъ. Рискъ неизбеженъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ частный кредитъ находится въ самомъ ничтожномъ развитіи, — а тѣмъ болѣе въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ онъ развился до огромныхъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ въ свѣтѣ страны, равной Американскому Союзу, и въ особенности его сѣвернымъ, фабричнымъ штатамъ. Въ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, онъ достигъ такого состоянія, что тамъ по закону нельзя сажать въ тюрьму за долги. Если у должника нѣтъ имѣнія, или оно перевѣдено на другое имя, такъ что нѣтъ возможности заявить претензій, то этимъ и кончается дѣло кредитора. Лицо, повидимому, наказывается однимъ лишеніемъ кредита въ обще-

ствѣ. Но и это наказаніе слабо: тоже самое общество черезъ два, три года забываетъ о всемъ случившемся, и снова не прочь оказать довѣріе банкроту, если только онъ заявилъ сколько нибудь свои коммерческіе таланты.

Я говорю здѣсь о фактѣ общезвѣстномъ, какъ въ этомъ можетъ удостовѣриться каждый проживающій въ Нью-Йоркѣ иностранецъ. Подобная коммерческая довѣрчивость совершенно въ характерѣ молодаго американскаго общества. Въ ней всего лучше высказывается та истина, что янки Союза любятъ коммерцію для коммерціи, то есть, ради ея риска, соображеній и случайностей, но не исключительно ради ея выгоды. Американца можно назвать купцомъ-артистомъ, какъ по характеру его сдѣлокъ, такъ и по увлеченію, съ которымъ онъ весь отдается своему «business». При этомъ мнѣ приходитъ на память одинъ случай, который пользуется въ Нью-Йоркѣ репутаціей истинно-классическаго событія. Это — уплата извѣстнымъ американскимъ банкиромъ и богачемъ Броуномъ своихъ долговъ, послѣ 20 или 30-ти-лѣтняго забвенія. Въ молодости онъ обанкрутился на довольно значительную сумму; не теряя бодрости духа, Броунъ вновь принялся за торговлю, и наконецъ, по истеченіи многихъ лѣтъ, страшно разбогатѣлъ. Въ одно прекрасное утро безчисленные знакомые его, въ томъ числѣ и старые кредиторы, получаютъ приглашеніе на обѣдъ; въ назначенный часъ отелъ Delmonico полонъ зваными посѣтителями. Столъ сервированъ роскошно, блюда и вина лучшія, какія можно только найдти въ «Empire-City» Союза — всѣ остаются довольными, но довольнѣе всѣхъ — старые кредиторы Броуна, которые нашли подъ кувертами, каждый, свой подробный счетъ и долгъ въ наличности, уплаченный до послѣдняго пенса. Фактъ этотъ остался навсегда замѣчательнымъ въ лѣтописяхъ торговаго міра въ Нью-Йоркѣ.

Вслѣдствіе развитія кредита и необыкновенной предприимчивости общества, бѣдность, происходящая въ Америкѣ отъ фабричности и торговли, носитъ на себѣ характеръ болѣе или менѣе временнаго несчастія или неудачи. Каждый годъ торговое колесо, результатомъ безчисленныхъ своихъ оборотовъ, выбрасываетъ изъ коленъ сотни тысячъ нуждающихся, которымъ нужно помочь только на первыхъ порахъ, чтобъ они вновь вступили въ ряды тружениковъ. На слѣдующій годъ эта цифра оказывается таже, или болѣе, или менѣе, но это уже не прошлагодніе бѣдняки, а новыя жертвы колоссальныхъ спекуляцій и неизбѣжныхъ съ ними переменъ. Такимъ образомъ, въ Америкѣ не образовался посто-

янный классъ пролетаріевъ, какъ напримѣръ въ Англии, Франціи и другихъ промышленныхъ странахъ Европы, гдѣ они составляютъ, такъ сказать, послѣдній, осадочный слой въ обществѣ, никогда не мѣшающійся съ другими слоями, голодный, ничѣмъ не обезпеченный, въ постоянной враждѣ съ интересами собственниковъ и спекуляторовъ. Въ Штатахъ нѣтъ этого постоянного слоя бѣдности: онъ накапливается къ концу года, къ концу сроковъ выборовъ, во время кризиса и т. п., — но постоянно изъ новыхъ элементовъ, и не остается долго изолированнымъ: первый же толчокъ, перемена мэра, губернатора, депутатовъ, президента, открытіе новой отрасли промышленности, новаго торговаго пути, — и слой быстро исчезаетъ въ остальной массѣ, какъ бы растворяясь въ ней.

Мнѣ случилось не однажды видѣть этихъ рабочихъ, оставшихся за штатомъ, которые съ самаго ранняго утра (часовъ въ пять, и даже раньше) собирались большими толпами на улицѣ, возлѣ конторы газеты «New-York Herald». Они спокойно ждали того момента, когда завѣтная дверь конторы, наконецъ, откроется и выйдетъ на свѣтъ первый номеръ огромной газеты, полной объявленіями со всѣхъ концовъ Американскаго Союза. Тогда начинается страшная давка и суматоха, иногда переходя въ комическую драку. Каждый хочетъ первый захватить изъ рукъ разнощика листъ газеты, чтобъ прежде всѣхъ прочесть объявленія и поспѣть на мѣсто приглашенія раньше другихъ, безъ конкуренціи. Затѣмъ почти въ одну минуту давка прекращается, и безпокойная толпа вдругъ утихаетъ, съ жадностью предаваясь чтенію: каждый рабочій успѣлъ уже заплатить два пенса за газету, и стоитъ на мѣстѣ, весь погруженный въ мокрую бумагу, только что сброшенную паровымъ станкомъ. Онъ впивается глазами въ маленькія, черныя буквы, живетъ ихъ содержаніемъ, волнуется, вѣритъ, надѣется, и проживаетъ съ газетою въ рукахъ самыя трудныя минуты своего существованія....

Думалъ ли когда нибудь почтенный Гуттенбергъ, что его открытіемъ воспользуются со временемъ милліоны людей въ республикѣ, несуществовавшего для него Новаго Свѣта?...

Но возвратимся къ прежнему вопросу: гдѣ же смыслъ того явленія, что втеченіе двадцати пяти лѣтъ бѣдность увеличилась въ Штатѣ Нью-Йоркѣ въ двѣнадцать разъ болѣе, чѣмъ народонаселеніе?

Это показываетъ только усиленное вліяніе всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя мы представили въ зависимости съ распространеніемъ бѣдности въ АмерикѢ. Значить, увеличилась эмиграція, увеличилось число фабрикъ, увеличились и участились обороты торговаго колеса. Всѣ эти явленія какъ нельзя болѣе послѣдовательны: усложнившаяся дѣятельность вызвала на сцену болѣе силь, но представила вмѣстѣ и болѣе случайностей, болѣе уклоновъ, которыя также неизбѣжны въ обществѣ, какъ и пертурбаціи въ движеніи небесныхъ свѣтилъ.

Но здѣсь-то и представляется въ выгодномъ свѣтѣ организациа американскаго общества. Его матеріальная сила, положимъ, удвоилась втеченіе двадцати-пяти лѣтъ, за то нравственная сила удесятерилась. Въ самомъ дѣлѣ, что это значить, что народонаселеніе увеличилось на 61 процентъ, а бѣдность на 706 процентовъ? Переводя это въ болѣе простыя формы, мы увидимъ, что чрезъ двадцать пять лѣтъ въ Штатѣ Нью-Йоркѣ, вмѣсто ста лицъ, оказалось 161; но въ то же время, вмѣсто прежнихъ ста бѣдныхъ, явилось 806. Всѣ они заявили о своемъ положеніи обществу, и были поддержаны въ нуждѣ, — иначе этой цифры не существовало бы, или, — что тоже, — мы ее не знали бы. Слѣдовательно, тоже количество людей, которое прежде могло удовлетворить только ста бѣдныхъ, черезъ двадцать пять лѣтъ въ состояніи уже было поддержать 806 бѣдныхъ (806: 161). Поэтому могущество каждаго человѣка въ Штатѣ Нью-Йоркѣ сдѣлалось въ пять разъ больше, а какъ людей увеличилось почти вдвое (по настоящее время), то и нравственное могущество Штата удесятерилось съ 1831 года по 1860 годъ.

Полагаю, могущество можно назвать нравственнымъ, если человѣкъ, силою своей дѣятельности, доходитъ до такого положенія, при которомъ онъ безъ всякаго стѣсненія себя, можетъ помогать бѣднымъ; хотя онъ и помогаетъ имъ деньгами, капиталомъ, но капиталъ этотъ, ничто другое, какъ олицетвореніе нравственной силы, какъ неостывшая форма труда и неразлучной съ нимъ мысли? Наконецъ, допустимъ даже, что въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ такое объясненіе и не выдержитъ строгой критики, — особенно, когда дѣло коснется капиталовъ, получаемыхъ по наслѣдству, а не производимыхъ личнымъ трудомъ; но въ отношеніи къ цѣлому обществу, къ массѣ отдѣльныхъ лицъ, такое увеличеніе богатства можно прямо назвать возвышеніемъ нравственнаго могущества, ибо богатство это — олицетвореніе труда и идеи.

Наконецъ, намъ слѣдовало бы сказать о четвертомъ и главнымъ источникѣ американской бѣдности, о томъ позорномъ злоупотребленіи, которое клеймитъ великій народъ въ глазахъ человѣчества: мы говоримъ о рабствѣ, возведенномъ въ систематическое преступленіе, допускаемое на ряду съ свободными учрежденіями одного изъ самыхъ демократическихъ народовъ. Къ сожалѣнію, коснувшись такого многочисленнаго вопроса, мы далеко вышли бы изъ предѣловъ нашего бѣлаго очерка. Замѣтимъ однакожь, что рабство, признанное гражданскимъ догматомъ въ южныхъ штатахъ, дѣйствуетъ на развитіе поперизма не прямо, а косвенно. Оно парализируетъ лучшія намѣренія правительственной системы, вызываетъ толпы самыхъ пошлыхъ спекуляторовъ человѣческимъ мясомъ, унижаетъ благородное призваніе свободнаго труда, перепутываетъ всѣ экономическія соображенія и разрываетъ націю на двѣ половины — на сторону притѣснителей и сторону притѣсненныхъ. Теперь общество начинаетъ убѣждаться, что пока оно не сниметъ цѣпей съ невольниковъ, эта цѣпь будетъ связывать его собственныя руки на пути прогресса и соціальнаго улучшенія.

III.

Полиція въ Нью-Йоркѣ.

Вопросъ о бѣдности многими сторонами связанъ съ полиціей.

Полиція въ Нью-Йоркѣ до 1857 года составляла особое управленіе, подчиненное мэру города, и непосредственно — начальнику полиціи съ его помощниками и приставами. Полицейскіе чины выбирался городскими представителями, получали жалованье изъ городскихъ доходовъ, и состояли въ числѣ 1,200 человекъ, при населеніи города въ 800,000 жителей. Это была такъ называемая *муниципальная* полиція.

15-го Апрѣля 1857 года въ законодательномъ собраніи штата Нью-Йорка прошелъ актъ, въ силу котораго учреждена была въ городѣ Нью-Йоркѣ *метропольная* полиція, члены которой назначаются теперь ужь не городомъ, а штатомъ, т. е. законодательнымъ собраніемъ и губернаторомъ. Отъ нихъ зависитъ въ настоящее время полицейское управленіе Нью-Йоркомъ.

Эта перемѣна совершилась, впрочемъ, не безъ упорной борьбы города съ Штатомъ: на улицахъ происходили шумныя демон-

страціи, въ журналахъ велась ожесточенная полемика, и духъ партій разыгрался въ такой степени, что, изъ опасенія смуты, призвали милицію къ оружію. Поводомъ къ этой переѣнѣ послужилъ тотъ принципъ, что полиція, выбираемая самимъ городомъ, слишкомъ была заинтересована въ его партіяхъ, и, находясь подъ вліяніемъ мѣстныхъ интересовъ, нерѣдко оказывалась слабой и пристрастной. Подчиненіе ея штату ставило ее въ болѣе независимое положеніе отъ духа партіи и частныхъ интересовъ вліятельныхъ лицъ.

Съ своей стороны, городъ держался того аргумента, что, по началу самоуправленія, онъ самъ долженъ заботиться о своихъ нуждахъ, не допуская ничего посторонняго вмѣшательства. На это штатъ возражалъ, что въ лицѣ его законодательнаго собранія сосредоточивались вмѣстѣ и представители города Нью-Йорка въ преобладающемъ количествѣ (такъ какъ населеніе этого города составляетъ почти $\frac{1}{2}$ всего населенія Штата), и что слѣдовательно принципъ самоуправленія нисколько не нарушается новымъ постановленіемъ, но что для пользы самого же города необходимо возвысить самостоятельность полиціи.

Послѣдніе доводы наконецъ восторжествовали. По новому штату назначено было всего 350 полицейскихъ, которыхъ оказалось однакожь мало для спокойствія города, такъ что въ слѣдующемъ году предложено было увеличить ихъ число.

Новая полиція съ большимъ усердіемъ принялась за исполненіе своихъ обязанностей. Первый же отчетъ показалъ, что ею было произведено арестовъ болѣе, чѣмъ старой полиціей. Судя примѣрно по двумъ мѣсяцамъ ея дѣятельности, она должна была совершить въ годъ 52,266 арестовъ, тогда какъ старая полиція въ предпоследній годъ арестовала только 44,000 лицъ. Новая полиція придавала этому факту большое значеніе, и конечно — въ свою пользу.

Какъ бы для испытанія ея ревности, въ это время подоспѣлъ и знаменитый осенній кризисъ 1857 года, съ которымъ открылось обширное поле для полицейской дѣятельности, такъ какъ въ городѣ появилось множество рабочихъ безъ дѣла, бѣдняковъ, холостыхъ и семейныхъ, голодныхъ дѣтей, бродягъ, воровъ и грабителей.

Немедленно же была организована водяная полиція на лодкахъ, для покровительства имуществу судовъ и жизни корабельныхъ служителей, которые чрезвычайно страдали отъ почныхъ грабительствъ. Исслѣдовавъ дѣло въ подробности, начальникъ

полиціи пришелъ къ тому убѣжденію, что эти грабительства и воровства составляли настоящую *таксу* на коммерцію порта, и потому обратилъ на нихъ особенное вниманіе.

Въ отдаленныхъ частяхъ города устроены были по ночамъ копые разѣзды вооруженныхъ служителей, при чемъ каждому полицейскому предоставлялось право запастись ривольверомъ, на случай нападенія, и даже ранить преступника, если онъ силою или хитростью, будетъ ускользать изъ рукъ правосудія — избѣгая лишь, по возможности, полнаго убійства. По воскресеньямъ строго была запрещена продажа спиртуозныхъ напитковъ, въ угоду пуританскому настроенію общественнаго мнѣнія. Приняты были и другія мѣры въ самомъ способѣ исполненія полицейскихъ обязанностей, которыя вообще показали новую полицію съ выгодной стороны и тѣмъ очень скоро примирили ее съ городомъ. Дѣятельность ея въ самое смутное время кризиса, за мѣсяцы сентябрь и октябрь, всего лучше характеризуется слѣдующими данными: арестовъ было произведено — 8,711; собственности гражданъ, украденной на 42,554 доллара, полиціею отыскано и возвращено владѣльцамъ на сумму 23,524 дол. (что, замѣтимъ мимоходомъ, весьма трудно при условіяхъ американскаго быта, развитыхъ путяхъ сообщенія, и неограниченной свободѣ движенія лица); доставлены ночлеги и пріютъ 14,092 бѣднымъ; 895 заблудившихся дѣтей возвращены ихъ родителямъ: 35 дѣтей, по неимѣнію родителей, помѣщены въ благотворительныя заведенія; 156 жилищъ и лавокъ, найденныхъ въ позднюю пору открытыми по небрежности или разсѣянности хозяевъ, были надлежащимъ образомъ обезпечены отъ воровъ, и т. д.

Замѣтимъ при этомъ, что все полицейскія станицы города соединены между собою телеграфами, которыя работаютъ безостановочно; такъ, въ три мѣсяца и пять дней (до и во время кризиса) ими передано было, по дѣламъ полиціи, на разныя станицы 23,128 телеграфическихъ депешъ, что составляетъ почти 243 депешы въ сутки.

Телеграфы въ полицейскихъ дѣлахъ составляютъ неоцѣнимыя услуги. Всего лучше это доказывается той легкостью, съ какою находятъ родителей заблудившихся дѣтей. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что во время кризиса, ежедневно возвращали до пятнадцати дѣтей родительскому крову; а безъ телеграфа, сколько улицъ и кварталовъ въ громадномъ городѣ пришлось бы объезжать для одного ребенка.... Всего вѣрнѣе, что затруднитель-

ность подобнаго дѣла заставляла бы его оставить на первыхъ же порахъ.

Къ числу другихъ удобствъ полицейскаго управленія въ Нью-Йоркѣ надо отнести также и картинныя галереи полиціи. Поймавъ грабителя, она немедленно снимаетъ съ него фотографическій портретъ, въ особенности если пойманный пользуется ужь нѣкоторой репутаціей по своему ремеслу. Если заказы поступаютъ часто отъ одного и того же лица и вѣдомства, то такіе снимки дѣлаются за весьма дешевую цѣну: въ пятнадцать, десять и даже пять центовъ (отъ двадцати до семи коп. сер); эта дешевизна позволила составить почти всѣмъ полиціямъ главнѣйшихъ городовъ Союза — цѣлыя коллекціи портретовъ извѣстнѣйшихъ плутовъ, грабителей, мошенниковъ и т. п. лицъ, такъ что полиціи щеголяютъ другъ передъ другомъ богатствомъ и полнотою своихъ галерей. Въ числѣ этихъ портретовъ много женскихъ лицъ и даже дѣтей обоюго пола. Въ особыхъ случаяхъ снимается съ пойманнаго нѣсколько экземпляровъ снимковъ, которые рассылаются на полицейскія станціи и въ другіе города, въ объѣздъ на портреты другихъ извѣстныхъ преступниковъ или промышленниковъ. Понятно, что такой способъ, лучше всякаго описанія примѣтъ, позволяетъ узнавать и слѣдить за нарушителями закона.

Однажды одинъ воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, и приведенный къ фотографу, ни за что не соглашался, чтобъ съ него сняли портретъ; онъ дѣлалъ всевозможныя гримасы и тѣлодвиженія, съ цѣлью помѣшать фотографу. Тогда полицманъ придумалъ иное средство: онъ завернулъ пойманному руки назадъ, привѣсилъ на спинѣ надпись, съ изложеніемъ исторіи его воровства, и въ такомъ видѣ сталъ водить его по городу, въ самыхъ многолюдныхъ кварталахъ. Воръ, не смотря на все упорство свое, почувствовалъ наконецъ припадокъ стыда и объявилъ, что онъ безпрекословно дастъ снять съ себя портретъ, лишь бы его избавили отъ такого позора, — на что полицманъ охотно согласился.

И не имѣю въ виду изложить здѣсь сущность полицейскихъ учрежденій Нью-Йорка, взаимныя отношенія служащихъ въ полиціи, ихъ права и обязанности, и проч., — а потому ограничусь одной стороною вопроса, стороною едва ли не самой живой и любопытной для каждаго пріѣзжаго изъ Европы, именно: американскимъ полицманомъ.

Это существо совершенно особаго рода, типъ котораго только и можно видѣть въ Америкѣ. Полисмэнъ, встрѣчаемый на улицѣ, на углахъ кварталовъ и перекресткахъ, есть въ одно и тоже время и распорядитель и исполнитель; онъ не только исполняетъ приказанія, — или лучше, распоряженія — ближайшаго начальника, но и самъ исполняетъ отъ себя то, что по его собственному мнѣнiю необходимо. Американцы, конечно, вполне понимаютъ, что нельзя пустить грубаго, невѣжественнаго человѣка — наблюдать за порядкомъ и благочинiемъ толпы. Такой блюститель самъ первый нарушаетъ благочинiе, если не грубымъ обхожденiемъ и оскорбительными приемами, то ужъ однимъ своимъ пошлымъ видомъ. Поэтому полисмэнъ, выходящiй на службу, — а служба его весь день проходитъ на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, такъ какъ на всемъ протяженiи Американскаго Союза нѣтъ ни одной будки, — прежде всего одѣтъ опрятнымъ образомъ, гладко выбрить (если не носить бороды), и вообще имѣетъ видъ порядочнаго человѣка, къ которому всякiй охотно обращается, въ случаѣ недоразумѣнiя. Вотъ его форменный костюмъ, въ какомъ онъ является на службѣ: темноснiй сюртукъ съ мѣдными пуговицами въ два ряда, такого же цвѣта панталоны, стоячiй картузь съ мѣдной бляхой; на груди также мѣдная бляха съ цѣпочкой, а за кушакомъ, которымъ опоясанъ каждый полисмэнъ — деревянная палица въ 1 футъ длиной и въ два пальца толщиной.

Въ такомъ костюмѣ онъ спокойно прогуливается по тротуару, отъ угла до угла, изрѣдка перекидываясь словами съ знакомыми прохожими, или съ полисмэнами другихъ кварталовъ, сошедшимися на перекресткѣ. Видъ его совершенно спокоенъ и даже какъ будто беззаботенъ, точно онъ гуляетъ для собственного удовольствiя отъ нечего дѣлать; манеры его округленныя, солидныя, голосъ всегда ровный и тихiй, походка и осанка самыя обыкновенныя, и часто даже почтенныя; стоячiе воротнички возлѣ шеи отличаются безупречною бѣлизною, особенно утромъ. Это — точно общiй кумъ околodka, къ которому каждый обращается за совѣтомъ, указаниемъ, или помощью. Не смотря на наружное спокойствiе свое, полисмэнъ зорко слѣдитъ за толпой на улицѣ и тротуарѣ. Замѣтивъ какое нибудь смѣщенiе экипажей, или крупный разговоръ, онъ не бросается съ размаху, со всѣхъ ногъ, на мѣсто дѣйствiя, а подходитъ тихо, осторожно, такъ чтобъ его даже не замѣтили, и только вслушавшись въ разговоръ и получивъ опредѣленное понятiе о предметѣ спора,

вмѣшивается въ него. Онъ никогда не измѣняетъ своей обычной ровности и вѣжливости, какъ въ отношеніи къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. Съ послѣдними, впрочемъ, полицмэнъ старается быть нѣсколько учтивѣй: онъ любитъ взять подъ-руку даму, которая желала бы перейти чрезъ улицу, но боится лошадей и экипажей; любитъ провести лэди къ омнибусу, и деликатно подсадить ее на ступеньки, и тѣмъ исполнить свой долгъ не только полицмэна, но и джентльмэна.

Общественное положеніе полицмэна въ Нью-Йоркѣ, въ параллель съ французскимъ сержантомъ, довольно вѣрно охарактеризовалъ однажды американецъ-журналистъ. Взглядъ его представляетъ много любопытнаго, и въ особенности потому, что въ немъ отражается, можно сказать, взглядъ американскаго общества не только на полицію, но и на всякую службу, по выборамъ.

«Французскій сержантъ (Sergent de ville) челоуѣкъ, живущій въ сторонѣ отъ народа и не принадлежащій къ народу. У него нѣтъ никакихъ стремленій и симпатій внѣ своей корпораціи (corps). Въ ней, — въ этомъ цѣхѣ, или корпусѣ — сосредоточены всѣ его надежды и интересы. Все его честолюбіе, послѣ ежедневнаго куска хлѣба, устремлено на то, чтобы достигнуть повышенія или награды. Онъ смотритъ на полицейскую службу, какъ на свое ремесло, и гордится ею. Начальники его употребляютъ всевозможныя усилія для того, чтобы онъ считалъ себя членомъ совершенно особаго, отдѣльнаго класса въ государствѣ. Ему не позволено разговаривать на улицахъ съ гражданами, а тѣмъ болѣе зайти въ лавочку и распить съ знакомымъ стаканъ пуншу или пива. Онъ состоитъ подъ игомъ военной дисциплины, носитъ военную форму, обученъ всей военной выправкѣ, и — да позволено мнѣ будетъ прибавить, говорить американецъ, — кромѣ всего этого, или можетъ быть вслѣдствіе всего этого, французскій сержантъ дѣятельный слуга не столько обществу, сколько правительству.»

Почти въ каждомъ словѣ этой характеристики нью-іоркскій полицмэнъ составляетъ совершенный антиподъ своему парижскому собрату. Онъ, въ большей части случаевъ, выбранъ въ свою должность за какую-нибудь политическую услугу одному изъ вліятельныхъ лицъ своей партіи и смотритъ на свое мѣсто, какъ на необходимый атрибутъ, почти какъ на законное достояніе своей партіи. Онъ получилъ должность полицмэна, потому что былъ въ извѣстной степени виднымъ членомъ этой партіи; что же касается жалованья, то онъ полагаетъ, заслу

жилъ его прежде, за прошлыя услуги въ политикѣ, а не то, чтобъ ему слѣдовало заслуживать его еще ловлею воравъ. Полицеманъ никогда не теряетъ нѣзъ виду, или не отложить въ сторону свой политическій характеръ, или, другими словами, свое значеніе гражданина. Правда, онъ носитъ свою особую форму, но за то пренебрегаетъ застѣгивать ее на военный ладъ, на всѣ пуговицы, и прежде всего выставляетъ на видъ свое чистое бѣлье и калифорнскіе брилліанты съ такимъ же франтовствомъ, какъ и любой кондукторъ на желѣзной дорогѣ.

Характеристика эта довольно вѣрно обрисовываетъ не только нью-іоркскаго, но и вообще американскаго полицемана. Въ Соединенныхъ Штатахъ человѣкъ, обладающій воспитаніемъ, честностью, знаніями, и нѣкоторыми способностями, нисколько не стыдится принять на себя обязанность полицемана. Но это званіе отнюдь не исключаетъ его изъ общества. Онъ всегда остается вполне свободнымъ и уважаемымъ гражданиномъ, потому что его не отдѣляетъ отъ общаго состава общества ни каста, ни офиціальная рутина.

И. СОКАЛЬСКІЙ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЧУМЫ ВЪ МОСКВѢ И УБИЕНІЕ АРХИЕПИСКОПА АМВРОСІЯ 1771 ГОДА.

Есть слова, отъ которыхъ невольный трепеть проникаетъ въ душу каждаго. Къ числу такихъ страшныхъ словъ принадлежитъ и слово *чума*. Воображенію невольно рисуется ужасная картина всеобщаго оцѣпенѣнія и ужаса, представляется смерть со всѣми ея страшными симптомами, когда забываютъ всѣ узы родства и дружбы, когда невольный эгоизмъ овладѣваетъ всякимъ. Наши предки характеристически назвали эту смертоносную язву *черною смертію* или *моромъ*. Въ прежнее время этотъ ужаснѣйшій бичъ человѣчества безпрепятственно опустошалъ наше отечество: лѣтописи наши наполнены частыми указапіями свирѣпствованія у насъ этой ужасной болѣзни, отъ которой пустѣли нерѣдко цѣлыя области и города, народъ вымиралъ десятками тысячъ, и общество видимо слабѣло въ нѣсколько мѣсяцевъ. Недостатокъ предохранительныхъ мѣръ, при первоначальномъ появленіи этой болѣзни въ мѣстахъ пограничныхъ, безъ сомнѣнія, былъ главною причиною ея быстрого распространенія въ массахъ народа со всѣми ужасными послѣдствіями. Считая чуму наказаніемъ за грѣхи, народъ нашъ пренебрегалъ всѣми средствами и мѣрами, которыя могли бы ограничить и остановить развитіе ея, а прибѣгалъ только къ молитвѣ и къ помощи божіей, хотя и сложилъ на подобный случай пословицу: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай.»

Послѣдній разъ въ значительныхъ размѣрахъ свирѣпствованія чума въ нашемъ отечествѣ, преимущественно въ Москвѣ

съ 1770—1772 г. въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Къ одной общественной бѣдѣ присоединилась и другая, — бунтъ черни, запятнавшій себя убійствомъ архіепископа Амвросія. Въ народѣ и до сихъ поръ осталось еще какое-то смутное, тяжелое воспоминаніе объ этомъ ужасномъ времени. Безъ сомнѣнія, читатели повѣстей Загоскина, нескоро забыли то глубокое, потрясающее впечатлѣніе, которое произвелъ на нихъ разсказъ подъ названіемъ — *Кузьма Роцинъ*, представляющей живую, поразительную картину этого *чернаго* для Москвы года (1771). Точныхъ свѣдѣній объ этомъ памятномъ событіи у насъ пздано весьма мало: записки современниковъ и очевидцевъ неизвѣстны или не издапы; между тѣмъ печальнаго эпизода изъ блистательной эпохи царствованія Екатерины II не уничтожишь никакими человѣческими усиліями, и потому приходится иногда слышать искаженный, преувеличенный фактъ, не имѣя никакой возможности его повѣрить, чтобъ отдѣлать ложь отъ истины.

Мы имѣли случай получить отъ П. Г. Славинскаго весьма интересные современные матеріалы для исторіи московскаго бунта, во время чумы, которые и представляемъ ниже читателямъ; но предварительно считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о постепенномъ распространеніи чумы въ Россіи. — Существуетъ два предположенія относительно появленія чумной заразы въ Москвѣ, не разъясненныя положительно современниками. Одни утверждаютъ, что чума завезена прямо въ Москву изъ Турціи съ тюками шерсти и прежде всего появилась на большой суконной фабрикѣ, откуда рабочіе разнесли ее по городу. Хотя достовѣрно, что чума на фабрикѣ появилась довольно рано и по свидѣтельству докторовъ, особенно Ягельскаго, тогда же была признана заразительною и смертельною; но отдѣльные случаи чумной эпидеміи уже случались и прежде того въ частныхъ домахъ, вѣдѣнія полиціи, которая спохватилась уже поздно, когда болѣзнь приняла значительные размѣры. Гораздо достовѣрнѣе другое предположеніе, что чума занесена къ намъ въ Россію нашими же войсками, находившимися тогда въ Турціи. Въ 1766 г., главнокомандующій русскою арміею гр. Румянцевъ приказалъ отряду генерала Штофеля завладѣть крѣпостью Журжою, которая была взята приступомъ и разграблена нашими солдатами, какъ водилось это въ старину. Въ Журжѣ въ то же время была ярмарка, и по этому случаю стеклось въ нее много народа изъ разныхъ мѣстъ Турціи. Штофель не зналъ, что въ числѣ гостей Журжи была также и чума, которая безнаказанно поражала без-

ичныхъ Турокъ и Румыновъ. Наши догадались о чумѣ уже тогда, когда она вступила въ Букарестъ и приняла сильное развитіе между нашими солдатами и военнопѣнными Турками. Хотя Румянцевъ, желая пресѣчь распространеніе чумы, приказалъ отряду Штофеля отправиться въ Яссы и выдержать тамъ строгій карантинъ, но было уже поздно: болѣзнь разными путями разпространилась по Молдавіи и Валахіи. Не смотря на строгія предосторожности, самъ генераль Штофель заразился ею и умеръ въ Маѣ 1770 г. Изъ Яссъ чума въ томъ же году перешла вмѣстѣ съ войсками въ г. Хотинъ, оттуда въ Польшу; изъ Польши въ августѣ того же года перешла она въ Малороссію, именно въ Кіевъ, потомъ въ сентябрѣ появилась въ Черниговской и Орловской губерніи, а въ Декабрѣ того же 1770 г. показалаcя и въ Москвѣ. Вообще замѣчено, что зараза шла у насъ вмѣстѣ съ войскомъ и особенно съ обозомъ. Когда чума открылась въ Москвѣ, то многіе доктора, большая часть коихъ были Нѣмцы, не выдавшиіе никогда чумы и не знавшиіе даже русскаго языка, рѣшительно отказались признать ее восточною чумою, увѣряя, что эта болѣзнь не можетъ свирѣпствовать въ холодномъ климатѣ. Простой народъ по безпечности и въ слѣдствіе ложнаго увѣренія большинства докторовъ, также не вѣрилъ въ возможность появленія у насъ чумы и потому не хотѣлъ принимать никакихъ противъ нея предосторожностей. Съ большимъ трудомъ докторъ Ягельскій и нѣкоторые опытные медки, знакомые съ чумою на мѣстѣ, увѣрили наконецъ своихъ ученыхъ собратій, что появившаяся въ Москвѣ повальная болѣзнь есть дѣйствительно чума, переходящая отъ одного лица къ другому чрезъ прикосновеніе, и что необходимо безотлагательно принять должныя мѣры. Только тогда наконецъ, когда болѣзнь уже значительно распространилась, соннѣ московскихъ медиковъ увѣдомилъ о томъ медицинскую коллегію, которая въ свою очередь извѣстила о чумѣ генераль губернатора гр. Салтыкова и сенатъ; только тогда устроены были при заставахъ карантинны и открыта общественная чумная больница внѣ города въ Угрешскомъ монастырѣ. Трудно было, однакожь, пайти врачей для этой больницы: большая часть ихъ, особенно иностранцы, отказывались отъ такой чести подъ различными предлогами. Вообще только русскіе врачи отличались усердіемъ и неустрашимостію въ это тяжелое время, какъ въ арміи въ теченіи Турецкой войны, такъ и во всѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ господствовала чума. Въ Москвѣ съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ тогда дѣйствовали медки—Ягель-

скій, Погорецкій, Шафонскій, главный докторъ военнаго госпиталя, Самойловичъ, издавшій свои записки о заразѣ и представившій способы ея лѣченія *), и нѣк. др.

Зауѣчательно, съ какою быстротою и какимъ образомъ переносилась болѣзнь изъ одной мѣстности въ другую и изъ дома въ домъ. Однѣй мастеровой изъ села Пушкина, находившійся въ Москвѣ въ то время, когда чумѣ еще не считали заразительною и потому не предпринимали противъ нея никакихъ предосторожностей, испугавшись этой болѣзни, отъ коей умерло уже нѣсколько человекъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, рѣшился лучше идти домой, на родное испещище; но дорогой ему вздумалось принести женѣ обновку и потому онъ купилъ ей кокошникъ, который, какъ оказалось впоследствии, принадлежалъ женщинѣ, умершей отъ чумы. Все семейство неосторожнаго работника и въ томъ числѣ онъ самъ, сдѣлались жертвою этой ужасной болѣзни, а вскорѣ затѣмъ и все почти село Пушкино вымерло. Подобнымъ же образомъ чума была занесена въ городъ Козелецъ, Черниговской губерніи, въ купленномъ кафтанѣ одного изъ обывателей этого города, бывшаго въ Кіевѣ при началѣ развитія этой болѣзни. Въ Кіевѣ же изъ одного дома въ другой, зараза была перенесена кошкой, при всѣхъ возможныхъ предосторожностяхъ самихъ домохозяевъ, немѣвшихъ ни съ кѣмъ сообщенія; само животное однакожь не заразилось и осталось единственнымъ живымъ существомъ цѣлаго дома.

Самый сильный разгаръ чумы въ Москвѣ продолжался четыре мѣсяца: августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь 1771 года. Число больницъ и карантинныхъ постепенно возрастало; но постоянно ихъ оказывалось мало, жители Москвы впали въ уныніе и отчаяніе; городская администрація пришла въ хаотичное состояніе; всѣ, кто только имѣлъ возможность и средства, спѣшили покинуть зараженный городъ; самъ генералъ губернаторъ гр. Салтыковъ бросилъ мѣсто служенія и уѣхалъ къ себѣ въ деревню; въ городѣ въ эту печальную годину общественнаго бѣдствія не оказалось ни войска, ни полиціи для наблюденія за порядкомъ и благочиніемъ; разбой и грабежь совершались уже не тайно, подъ покровомъ ночи, а явно, среди бѣлаго дня, и никто не спѣшилъ на помощь обижаемымъ. Непетствовала пьяная чернь и, подстрекаемая на-

*) Memoires sur la peste qui en 1771 ravagea l'Empire de Russie, par Samoilowitz. Paris. 1783. и его же: Opuscules sur la peste qui en 1771 ravagea Moscou. Paris. 1787.

нимъ духовенствомъ и раскольниками, собиралась толпами, ища единственнаго спасенія въ молитвѣ и покаяніи, отчего зараза еще болѣе умножалась. Къ счастью для Москвы, въ ней находился еще человекъ, который бодрствовалъ при этихъ смутныхъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ общественной неурядицы: это былъ извѣстный своєю энергическою дѣятельностію и самотверженіемъ генералъ поручикъ Петръ Дмитриевичъ Еропкинъ. Назначенный 25 Марта 1771 г. исключительно блюстителемъ народнаго здравія въ Москвѣ, Еропкинъ принималъ самыя дѣятельныя мѣры къ уничтоженію болѣзни, учреждалъ, гдѣ было нужно, больницы и карантинныя, заботился о продовольствіи обывателей столицы, наблюдалъ за общественнымъ спокойствіемъ, насколько позволяли данныя средства; вездѣ, гдѣ требовали обстоятельства, онъ самъ лично присутствовалъ, посѣщалъ чумныя больницы, стараясь успокоить боязливыхъ и предостерегалъ неосторожныхъ. Государыня не ошиблась въ выборѣ лица, поручивъ Еропкину въ это время такой важный постъ.

Мѣры, принятыя правительствомъ, главнѣйше заключались въ слѣдующемъ: внутри города, при церквахъ и монастыряхъ, было строго запрещено хоронить мертвыхъ, а приказано отвезти умершихъ отъ чумы на особо назначенныя загородныя кладбища, число которыхъ возросло впоследствии до десяти; умершихъ велѣно погребать въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ они скончались, а вещи ихъ сжигать; рабочимъ съ фабрикъ, особенно съ Большой суконной, приказано явиться въ карантинныя, а добровольно неявившихся туда, приказано отыскивать и съѣзжать; назначены особые чиновники по частямъ города для наблюденія за развитіемъ болѣзни и исполненіемъ принятыхъ противу заразы предосторожностей; разрѣшено набрать изъ городскихъ обывателей батальонъ сторожей, нарядивъ ихъ въ особые костюмы, для сохраненія общественнаго порядка и погребенія умершихъ (указъ московскому генералъ-фельдмаршалу гр. Салтыкову 23 Марта 1771 года). Несмотря, однакожь, на такія распоряженія, чума все усиливалась, такъ что государыня принуждена была послать графу Салтыкову слѣдующій приказъ: «Къ великому сокрушенію увѣдомилесь мы изъ послѣднихъ реляцій вашихъ, что заразительная у васъ въ Москвѣ болѣзнь еще не истребляется, а нче, что она, по свидѣтельству бывшихъ въ Молдавіи докторовъ, самаго злого качества. И хотя мы уповаемъ, что она принятыми понинѣ средствами искоренена будетъ въ самомъ ея началѣ; но если-бъ сіе зло, отчего Боже избави!

и болѣе усилилось и дѣйствительно уже по разнымъ домамъ въ городѣ и между разныхъ званій людей оказываться начало, находимъ мы за нужное предписать вамъ слѣдующіе пункты, кои вы употреблять имѣете въ такомъ случаѣ, яко уже крайнѣйшія средства, въ разсужденіи столь важнаго по себѣ положеніи внутри имперіи того города, касательно его коммуникаціи со всѣми другими мѣстами въ государствѣ, по вашему тогда обще съ генералъ-поручникомъ Еропкинымъ на мѣстѣ усмотрѣнію и поелику то нужно будетъ: 1) установить карантинъ для всѣхъ изъ Москвы выѣзжающихъ, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, какъ по большимъ, такъ и по проселочнымъ дорогамъ. 2) Москву, ежели возможность есть, запереть и не впускать никого безъ дозволенія вашего. 3) Публиковать отъ сената въ тѣхъ городахъ, кои отъ Москвы по большимъ дорогамъ въ девяносто и въ два девяносто верстахъ, что въ Москвѣ оказалась прилипчивая горячка, и для того-бы всякаго званія люди остерегались въѣзжать въ тотъ городъ. А дабы знали идущіе туда изъ помѣнутыхъ или изъ прочихъ городовъ со всякими для жизни нужными припасами особы, то отдать въ тѣхъ городахъ приказы, что-бы останавливались въ семи верстахъ отъ Москвы, гдѣ они найдутъ повелѣнія отъ московской полиціи и отъ тамошняго губернатора, куда онымъ обозамъ слѣдовать; и для того 4) московская полиція, обще съ губернаторомъ, имѣеть означить на каждой большой отъ Москвы дорогѣ внѣ города мѣсто, куда обозамъ слѣзаться; тутъ московскимъ жителямъ приходитъ и закупать то, въ чемъ имъ нужда и надобность, въ означенные дни и часы. О семъ въ городѣ полиція отъ себя, а губернаторъ въ губерніи публиковать имѣеть. 5) На сѣхъ внѣ города мѣстахъ московская полиція имѣеть не только между покупателями и продавцами разложить большіе огни и сдѣлать надолбы; но чтобъ и то остережено было, чтобъ городскіе жители до приѣзжихъ не дотрогивались и не смѣшивались вмѣстѣ; деньги же обмакивать въ уксусѣ. Каждой такой торгъ долженъ отправляться въ присутствіи полицейской команды, коя будетъ смотрѣть, чтобъ вышеписанный и прочіе обряды, для безопасности незараженныхъ, совершенно сохранены были и проч. (см. письма Императрицы Екатерины II къ Еропкину, изданныя Я. Ростовъ, въ 1808 году. Москва).»

У самого Еропкина въ домѣ заразился чумою создатель, что, однакожь, не имѣло вліянія ни на него, ни на домашнихъ. Екатерина по этому случаю писала Еропкину, выражая участіе къ

его домашнему несчастію и благодарность за его «великія заботы». Въ то же время она поручила ему продолжать его ревностное попеченіе, назначивъ товарищемъ ему сенатора Собакина.

Но болѣзнь не унималась, не смотря на принятыя мѣры: «ежедневно тысячами (пишетъ Подпываловъ въ своихъ запискахъ) «урманчики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ (воплощенные дьяволы), длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе подымали на улицѣ, клали на телѣгу и везли за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ оныя прежде похоронялись. У кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и обезображенная безобразно мотается. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливали на телѣгу. Трупы умершихъ выбрасывались на улицу, тайно зарывались въ садахъ, огородахъ и подвалахъ.»

Начали появляться лжепророки изъ черни, изъ безмѣстныхъ поповъ и монаховъ. Государыня послала Еронкину тогда слѣдующій указъ. «Усматривая изъ писемъ вашихъ къ генераль-адъютанту графу Брюсу, что великой у васъ недостатокъ въ рястопныхъ исполнителяхъ въ нынѣшнихъ трудныхъ на Москвѣ обстоятельствахъ, отправили мы уже къ вамъ нарочитое число лейбъ-гвардіи нашей офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Но какъ весьма у насъ на сердцѣ лежитъ, что-бы сіи зловредныя болѣзни не распространились какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ прочихъ предѣлахъ имперіи нашей, того для размышляли мы всячески, какъ-бы при нынѣшнемъ, по причинѣ войны, недостаткѣ воинскихъ людей, для охраненія заставами обширной столицы, замѣнить сей недостатокъ. Правда, что въ семъ случаѣ всякой въ городѣ живущій долгъ имѣеть участвовать по силѣ своей возможности въ тѣхъ мѣрахъ, кои нужны и надобны для безопасности всѣхъ и каждаго, но и то правда, что по слабости человеческой природы не всякой въ состояніи то исполнить; а дабы тѣмъ не меньше обезпечить съ слабымъ попеченіемъ живущихъ, повелѣли мы отдать въ вашу команду изъ Великолуцкаго полку сто человѣкъ рядовыхъ съ шестью исправѣйшими офицерами; а сверхъ сего даемъ вамъ дозволеніе изъ вольныхъ людей, на Москвѣ живущихъ и шатающихся, набрать охотниковъ подъ именемъ полицейскаго баталіона, съ жалованьемъ на мѣсяць отъ одного до полутора рубля и съ солдатскимъ провіантомъ каждому, одѣвъ ихъ по пристойности въ епанчи съ рукавами изъ сукна, какія въ комисаріатѣ въ наличіи найтись могутъ, не-

заповѣтренными отъ прежнихъ пріемовъ. Какимъ образомъ распорядить и учредить съ лучшею пользою между собою все разныхъ чиновъ и званій команды, въ ваше вѣдомство отданныя, мы отдаемъ оное собственному вашему усмотрѣнію и благопожеланію, а желаніе наше теперь особенное въ томъ состоитъ, чтобы вы съ сею вамъ помощію людей учредили заставы отъ 12—20 человекъ на всѣхъ дорогахъ, около Москвы лежащихъ. Москву же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ натуральныхъ препятствій нѣтъ, какъ-то: ровъ, рѣкъ, болотъ или заѣкъ, имѣете обнести полицадникомъ или рогатками. И какъ сего вдругъ сдѣлать нельзя, то по крайней мѣрѣ начиная дистанціями отъ одной дороги до другой. Зараженныхъ домовъ жителей, какого-бы званія ни были, вывести изъ города, а знатнымъ сказать, чтобы ѣхали въ свои деревни, выдерживая карантинъ въ тридцати верстахъ отъ города. Еще принявъ мы въ уваженіе недостаточное число у васъ частныхъ надзирателей, къ способнѣйшему раздѣленію на меньшія части города, мы симъ повелѣваемъ взять къ себѣ въ прибавокъ къ прежнимъ статскимъ чинамъ изъ коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ, какое число и кого вы сами изберете, изъ таковыхъ же членовъ, какъ и потребное число канцелярскихъ служителей, смотря при томъ только, чтобы отправление самонужнѣйшихъ дѣлъ тѣмъ неостановилось.

По представленію вашему, мы также дозволяемъ запретить весь Ветошный рядъ, съ запрещеніемъ всякаго мелочнаго, кромѣ нищи, торгу по площадямъ и перекресткамъ, дабы со старыми лоскутками и отрепьями бродяги, къ общей опасности, по улицамъ не перетаргивали. Касательно же до другихъ рядовъ, вы можете обще съ сенатомъ взять такія мѣры, если предосторожность того требуетъ, чтобы и въ оныхъ, кромѣ пужныхъ товаровъ на настоящее опасное время для тамошнихъ обывателей другія вещи продаваемы не были. Наконецъ, внутри города имѣете вы публиковать, чтобы всякій хозяинъ наблюдалъ прилежно въ домѣ своемъ, для собственной каждаго безопасности, слѣдующія три пункта: 1) Чтобы въ тѣхъ покояхъ, какъ хозяйскихъ, такъ и людскихъ, гдѣ огня нѣтъ, и неснутри комнаты огонь раскладывался, всякой день воздухъ былъ перемѣненъ открываньемъ не только однихъ продушницъ, но чтобы нѣсколько времени окна были отворены, а иначе тѣ покой, въ коихъ многое число людей спитъ. 2) Чтобы коликъ возможно покой были вычищены отъ всякаго сору и нечистоты; всякія же постели, одѣялы, войлоки, ковры и тому подобныя вещи были бы прѣвѣтрены и вы-

ношены на воздухъ такъ часто въ недѣлѣ, какъ только можно, а хотя бы и всякій день. 3) Всѣмъ жителямъ совѣтовать частое употребленіе холодной воды и со льдомъ какъ для питья, такъ и для обманыванья, также и частое употребленіе и окуриванье уксуомъ будетъ полезно. Пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Дашъ въ С. Петербургѣ 20 Августа 1771 года. Собственноручная приписка государыни: «деньги, потребныя въ силѣ сего рескрипта возьмите изъ штатсъ-конторы.» (См. переписку Еропкина съ государынею стр. 53—60).

Еропкинь доноситъ государынѣ слѣдующее: «Вслѣдствіе моего всеижайшаго къ вашему императорскому величеству рапорта, отъ 29 сего августа поднесеннаго, нахожу я въ своей всеподданнѣйшей должности представлять вашему императорскому величеству о томъ только, что по сдѣланнымъ публикаціямъ изъ вольныхъ людей по сей день явилось ко мнѣ изъ офицеровъ четыре человѣка, изъ другихъ же, вмѣсто рядовыхъ, которымъ быть въ баталіонѣ позицейскомъ, записано двадцать человѣкъ; а чтобъ охотнѣе таковыя люди ко мнѣ приходили, изъ которыхъ бы составить означенный баталіонъ, на то я всѣ ближайшіе способы употребляю; но дабы лучшій имѣть въ томъ успѣхъ, не повелите ли ваше императорское величество взять мнѣ въ корпусъ означенный изъ разныхъ фабрикъ изъ фабричныхъ, въ томъ разсужденіи, что нынѣ по состоянію здѣсь опасной заразной болѣзни на всѣхъ работа на время оставлена и помянутые люди остаться имѣютъ безъ дѣла, а изъ нихъ во всякія употребленія довольно проворныхъ сыскаться можетъ. Въ учрежденіи опредѣленныхъ заставъ, всемилостивѣйшая государыня, каковы затрудненія здѣшнимъ сенатомъ найдены, равномѣрно съ нимъ и я въ виду своемъ оныя имѣю, о томъ отъ предписаннаго сената съ обстоятельнымъ объясненіемъ съ симъ курьеромъ поднесентъ къ вашему императорскому величеству всеижайшій докладъ, какъ соотвѣственно съ тѣмъ и о карантинѣ городскомъ; яко то одно вашему императорскому величеству осмѣливаюсь всеижайше доносить, что жители здѣшняго города ничѣмъ столько обрадованы и успокоены быть не могутъ, когда высочайшему вашему императорскаго величества соизволенію отмѣнить оный будетъ угодно.

Курьера, присланнаго ко мнѣ съ высочайшемъ вашего императорскаго величества рескриптомъ, я принужденъ былъ продержатъ здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, за приготовленіемъ отъ здѣшняго сената къ вашему императорскому величеству доклада. Объ опредѣленномъ мнѣ по высочайшему вашему импе-

раторскаго величества повелѣнію товарищѣ господинѣ, тайномѣ совѣтникѣ Собакинѣ, долгѣ имѣю вашему императорскому величеству всенпжайше донестъ, что оной пріѣхавъ сюда на другой день изъ своей деревни по сдѣланному отъ меня ему о высочайшемѣ его къ комиссіи мнѣ порученной избранію и, раздѣля части города здѣшняго со мною на двѣ половины, нѣсколько уже дней продолжаетъ со всеприлежною ревностію и усердіемъ свое распоряженіе, раздѣляя со мною всякія обремененія, отъ дня въ день попричинѣ умножающемъ нынѣ здѣсь опасной болѣзни возрастающія, а паче всего тѣмъ, чѣмъ не могу я, всемилостивѣйшая государыня, безъ смущенія и сокрушенія духа доносить вашему величеству, что уже нынѣ умершихъ отъ трехъ и болѣе четырехъ сотъ въ сутки бываетъ, въ числѣ которыхъ, хотя по объявленіямъ отъ домовъ жителей здѣшнихъ и числится меньшая часть умирающихъ отъ опасной болѣзни, но сіе происходитъ оттого, что оныя скрываютъ число дней болѣзни, таковыхъ съ прибавленіемъ объясняютъ, дабы тѣмъ увѣрить, что они не чрезъ короткіе дни умираютъ, но съ продолженіемъ отъ другихъ болѣзней, стараясь отбыть спмъ отъ выводу въ карантинъ; сіе тѣмъ вѣроятнѣе, всемилостивѣйшая государыня, что число означеннаго урона въ людяхъ непремѣнно слѣдуетъ отъ заразной болѣзни примѣрно оное изъ того, что прежде и самая большая убыль по 23-е въ натурально умершихъ не было во всемъ городѣ превосходнѣе пятидесяти человекъ; осматривать же всѣхъ, по такому множественному числу людей и по обширности города докторамъ и лекарямъ ни какимъ образомъ ни время, ни возможности не достааетъ, а сверхъ того какъ я, такъ и помянутый мой товарищъ, подвергаемся и сами собою заключенію, потому что подлѣ моего двора умеръ уже солдатъ, а у товарища моего въ недавнихъ числахъ въ самомъ его домѣ умерло три человекъ со знаками заразной болѣзни (ibid. стр. 65—67).

Желаніе Ерпкина касательно облегченія жителей отъ карантиновъ уважено не было; но дозволено только печатывать тѣ комнаты, въ коихъ умираетъ зараженный, а не пѣлый домъ; карантинныя заставы были еще умножены изъ справедливаго опасенія, чтобъ болѣзнь не пробралась и въ другія части имперіи. Харчевниковъ и извозчиковъ изъ Москвы выпускать не велѣно, какъ людей весьма полезныхъ въ это бѣдственное время. На мѣсто Собакина помощникомъ Ерпкина назначенъ тайный совѣтникъ Похвисневъ. Лекарей, не хотѣвшихъ оказать помощи

зараженнымъ, приказано Еропкину показывать и сажать въ тюрьму (ibid. указы Государыни Еропкину отъ 9 сентября того же года).

Сентябрь мѣсяць былъ роковымъ для Москвы: чума достигла высшаго періода своего развитія и тогда же разыгралась въ ней ужасная катастрофа, симптомы которой уже давно таились въ простомъ народѣ. Объ этомъ горестномъ событіи считаемъ болѣе всего умѣстнымъ привести подлинныя письма очевидцевъ, о которыхъ сказано у насъ въ началѣ статьи.

31 октября 1771 года изъ Москвы пущенное отъ 21 сего мѣсяца письмо.

Любезный другъ!

«Требуешь, чтобъ тебя обстоятельно я увѣдомилъ о таковомъ дѣлѣ, которымъ растравить должно мои раны и надвинуть всю внутреннюю. Внемли. Давно уже писалъ я къ тебѣ, что по причинѣ усилившейся здѣсь болѣзни всѣ, не токмо не привязанные къ дѣламъ бояра, но и тѣ, коимъ поручено правленіе города, разлѣхались по деревнямъ; на дворахъ остались одни холоты, и тѣ голодные. Раскольники и чернь негодовали на учрежденіе карантинныхъ домовъ, запечатаніе бань, непогребеніе мертвыхъ при церквахъ и на прочія комиссіею учрежденныя распоряженія. Попы не столько для святости, сколько для корысти, учредили по приходамъ, безъ дозволенія на то пастырскаго, ежедневныя крестныя ходы; народъ отъ сихъ ходовъ и пуще заражался, ибо мѣшались тутъ больные и зараженные съ здоровыми. Попы увидя напоследокъ, что отъ ходовъ сами зачати умирать, какъ имъ отъ архіерея предсказывано было, бросили хожденіе. Чтожь?.. Праздность, корыстолюбіе и проклятое суетвѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Въ началѣ сентября попу у Всѣхъ Святыхъ, что на Куличкахъ, выдумалъ чудо съ помощію фабричнаго. На Варварскихъ воротахъ древній былъ большой образъ Боголюбскія Богоматери. Вдругъ начались тутъ молебны и вespощныя: чудо выдуманое такое, которое ни съ величествомъ Божиимъ, ни съ вѣрою, ниже съ разумомъ несогласно: будто фабричный пересказывалъ попу, что видѣлъ онъ воскъ Богоматерь, вѣщающую къ нему такъ: что пошеже 30 лѣтъ прошло, какъ у ея на Варварскихъ воротахъ образа не токмо никто не пѣялъ николи молебна, ниже поставлена была свѣча, то за сіе христовъ хотѣлъ послать на городъ Москву каменный дождь, но она упростила, дабы трехъ-мѣсячный былъ моръ. Изрядная ескака! Не токмо чернь, но и купечество, а особливо женскій полъ, слушающаго таковыя рассказы фабричнаго, присѣдѣющаго у Вар-

варскихъ воротъ и собирающаго деньги съ провозашеніемъ: «порадѣйте, православныѣ, Богоматери на всемірную свѣчу,» — взапуски старались изъяснить свою набожность. Мерзкіе козлы (и понаи ихъ грѣхъ называть!), оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались тутъ съ налоями, дѣлая торжище, а не богомоліе. Дѣшло сіе до ушей покойнаго владыки, который по причинѣ оказавшейся въ Чудовѣ заразы, выславъ больныхъ, въ заперти сидѣлъ. Онъ почиталъ за долгъ, и регламентомъ и Монаршими указами предписанный, достигнуть и пресѣчь сіе позорище. Первое его по сему дѣлу было намѣреніе удалить отъ туда поновъ, а икону перевести (ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было попричинѣ приставленной лѣстницы) во вновь построенную ей величествомъ тутъ же у Вознесенскихъ воротъ Кира и Юанна церковь, а собранныя тамъ деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ воспитательный домъ, въ коемъ онъ опекуномъ былъ. Требуемыя въ консисторію поны не только отреклись идти, но и еще угрожали присланнымъ побитіемъ ихъ каменьями. Между тѣмъ язва такъ усилилась въ градѣ, что по 900 слишкомъ въ день умирало; а какъ по предписанію докторскому запрещено было прикосновеніе и тѣсныя между народомъ всякія сборища, то и не могъ обойтись преосвященный, чтобы о способахъ къ прекращенію у Варварскихъ воротъ народнаго сходбища не посовѣтоваться съ господиномъ Еропкинымъ, который одинъ только въ городѣ и былъ начальникъ. Страхъ, дабы не обратить на себя престолоудиницъ, произвелъ у нихъ таковое по сему дѣлу рѣшеніе, чтобъ оставить до времени перенесеніе иконы; а дабы собираемыя у Варварскихъ воротъ деньги чрезъ фабричныхъ не могли быть расхищены, то приложить къ ящикамъ консисторскую печать; для безопаснѣйшаго же исполненія сего дѣла обѣщавъ г. Еропкинъ прислать отъ себя нѣсколько солдатъ Великолуцкаго полка. 15 числа сентября, въ 5 часовъ по полудни, пришла въ Чудовъ рѣченная команда, изъ 6 солдатъ и одного унтеръ-офицера состоящая. Съ сими военными людьми посланы были къ Варварскимъ воротамъ въ надеждѣ, что простой народъ разошелся, двое подъячихъ съ консисторскою печатью и третій попъ, зачинщикъ чудесъ, который того дня допрашивавъ былъ о чудѣ въ консисторіи. Но прежде нежели пришла команда къ воротамъ, плацъ-маіоръ былъ уже предувѣдомленъ о томъ, видно отъ пона Все-святскаго, съ которымъ онъ и дѣлился сборами денежными. Онъ приложилъ къ судукамъ денежнымъ свои печати, и расгласивъ,

что въ вечеру самъ архіерей. будетъ къ воротамъ брать оную икону, вооружилъ всѣхъ кузнецовъ, у Варварскихъ воротъ находившихся, и другихъ проходившихъ для богомоленія, и ожидалъ уже въ готовности вступить съ присланными въ бой. Что плац-майоръ всему бунту начало, въ томъ успенскій ключарь и подъячій консисторскій неложные свидѣтели, ибо, во первыхъ, когда по случаю ѣхалъ мимо воротъ Варварскихъ ключарь, то спрашивается былъ отъ плац-майора, скоро-ли-де вашъ архіерей сюда будетъ брать икону; потомъ когда и команда прислана была изъ консисторіи, то нашла уже вооруженную большую толпу народа. Едва только хотѣлъ подъячій приложить консисторскую печать къ сундукамъ, какъ вдругъ данъ былъ голосъ: «бейте ихъ!» Солдаты, обороняя подъячихъ, были перебиты. Драка сдѣлалась ужаснѣйшая. Сбѣжавшимся со дворовъ людямъ сказывано было отъ баталіонныхъ солдатъ, что грабятъ икону. Вдругъ ударили въ набатъ въ приходскихъ церквахъ, потомъ на Спаскихъ воротахъ въ городской набатъ, а наконецъ и во всемъ городѣ. Народъ бѣжалъ къ Варварскимъ воротамъ съ дубинами, кольями, съ топорами и другими убійственными орудіями. О такомъ смятеніи и бунтѣ услышавъ, владыка немедленно поѣхалъ изъ Чудова со мною и въ моей каретѣ къ Михайлѣ Григорьевичу Собакину, въ надеждѣ тамъ переночевать у холостаго человѣка. Мы его засталъ больнаго, въ постелѣ, и отъ набата въ великій страхъ пришедшаго. Мы принуждены были его оставить и совѣтъ положили, оттуда ѣхать къ г. Еропкину; но какъ только отъ г. Собакина со двора выѣхали, то онъ приказалъ мнѣ везти себя въ Донской монастырь. Ни просьбы, ни представленія мои не могли успѣть, чтобъ туда, то есть въ Донской, не ѣхать, — и поѣхавъ по улицамъ ночью, какое мы видѣли зрѣлище! Толпами народъ бѣжалъ, крича, будто грабятъ Боголюбскую Богоматерь; всѣ были, даже до ребятъ вооружены и всѣ какъ сумашедшіе, въ чемъ стояли, бѣжали, куда ихъ стремленіе къ убійству и грабительству влекло. Въ 10 часовъ пріѣхали мы въ Донской монастырь, въ ожиданіи конца начавшемуся въ городѣ смятенію. Я и не воображалъ, чтобъ на Чудовъ было нападеніе, но владыкинъ духъ все сіе предвѣщалъ: нравъ народа ему извѣстенъ былъ. Въ тотъ же вечеръ обратившаяся отъ Варварскихъ воротъ чернь устремилась ночью на Чудовъ монастырь, и, разломавъ ворота, искала вездѣ архіерея, грозя убить его. Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ, похищаемо, разоряемо, и до основанія истребляемо было: верхнія и нижнія архіерейскія

кегли, и тѣ, гдѣ я съ братомъ имѣлъ квартиру, экономскія и конспиторскія и всѣ монашескія, также и казенная палата со всѣмъ, что въ оной ни было, разграблено; окна, двери, печи и всѣ мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты, даже и въ самой домовой архіерейской церкви съ престола одѣліе, сосуды, утварь и самый антимисль въ ласкутки изорваны и погами потоптаны были отъ такого народа, который по усердію будто за икону вооружался. Тому же жребію подвержены были наши бібліотеки и бумаги. Въ то время жилъ въ Чудовѣ для излеченія болѣзни пріѣхавшій архимандритъ воскресенскаго монастыря Никонтъ, меньшей родной братъ владыки покейнаго; чернь, нашедши его и почитая архіереемъ, совсѣмъ ограбила и хотя до смерти не убила, однако онъ отъ страха въ умѣ помѣшался и скоро умеръ.

Наконецъ, какое было зрѣлище, когда разбиты были Чудовскіе погреба, въ наемъ Птицыпу и другимъ кунцамъ отданные съ французскою водкою, разными винами и англискимъ пивомъ. Не токмо мужчины, но и женщины приходили тутъ пить и грабить: однимъ словомъ, въ цѣлыя сутки разграбленъ и разхищенъ былъ Чудовъ, и никто никакой помощи дать не могъ. Гдѣ тогда были полицейскіе офицеры съ командами ихъ? гдѣ великолукскій полкъ для защищенія города оставленный? гдѣ, напоследокъ, градодержатели? Заключить можешь, что городъ оставленъ былъ и брошенъ безъ всякаго призрѣнія; одинъ только Еропкинъ, — и того убійцы искали жизни; прочіе же по деревнямъ всѣ разѣхались. Ѳедоръ Ивановичъ Мамоновъ пріѣхалъ на обахту просить хотя десять солдатъ, съ коими могъ бы всѣхъ выгнать изъ Чудова; но капитанъ отозвался на то немѣнимъ указа; и такъ онъ до тѣхъ перъ дрался съ чернью въ Чудовѣ, пока и самъ почти до смерти прибитъ былъ камнями. О семъ происшествіи свѣдали мы на другой день, т. е. 16 числа, чрезъ посланнаго въ Чудовъ изъ донскаго монастыря одного служителя. Въ такомъ случаѣ не оставалось намъ иного дѣлать, какъ поскорѣе удалиться изъ города; мы бы тотчасъ и уѣхали, но безъ билета никто изъ города не былъ выпущенъ. Владыка приказалъ мнѣ немедленно дать знать о сихъ горестныхъ обстоятельствахъ ипсменно г. Еропкину съ таковымъ представленіемъ; что посланная съ общаго ихъ согласія къ Варварскимъ воротамъ для извѣстнаго дѣла команда отъ приставленныхъ у Варварскихъ воротъ баталіонныхъ солдатъ разбита, что устремившаяся на Чудовъ чернь, хотя вездѣ искала ея убить, но особливимъ Божиимъ прови-

дѣлшемъ въ чемъ стоялъ спасся, и что угрозы разсвирѣпѣвшей черни принуждаютъ его искать убѣжища выѣздомъ изъ города. Окончаніе письма состояло жь въ просьбѣ, чтобъ данъ былъ ему билетъ для свободнаго отъ города выпуска, и чтобъ Чудовъ монастырь съ чудотворцемъ и оставшеюся братіею принялъ оны въ свое призрѣніе, а также, чтобъ о такомъ плачевномъ ея состояніи благоволилъ въ С.-Петербургъ представить. Въмѣсто билета присланъ былъ отъ г. Еропкина конной гвардіи офицеръ, чтобъ Владыка поскорѣе выѣхалъ изъ Донскаго монастыря и чтобъ переодѣлся, дабы его не узнали. Сказавъ сіе, побѣжалъ отъ насъ, давъ знать, что оны насъ ожидать будетъ въ концѣ сада князя Трубенкаго, и оттуда велитъ его проводить на Хорошево въ Воскресенскій монастырь, куда имѣлъ намѣреніе владыка уѣхать. Между тѣмъ какъ владыка переодѣвался и пока сыскали платье, заложили кибитку и дѣлали къ пути приготовленіе, у слышали шумъ, крикъ и пальбу около Донскаго монастыря. Черни, отбивъ карантинны и даніловы монастыри и другіе карантинныя дома, сбѣжала къ Донскому монастырю. Какимъ образомъ свѣдали они о нашемъ здѣсь убѣжищѣ, до сихъ поръ закрыта сія тайна: или посланный поутру въ Чудовъ монастырь для развѣдыванія служитель разгласилъ неосторожно, или монастырскіе слуги донскіе рассказали; послѣднее вѣроятнѣе. Уже была подвезена кибитка, въ которую лишь только хотѣлъ владыка, переодѣвшись въ простое поновское платье, сѣсть и уѣхать изъ монастыря, какъ вдругъ начали убійцы ломать монастырскія сѣвѣхъ стороны ворота. Страхъ и отчаяніе всѣхъ насъ тутъ постигли. Всѣ, кто ни былъ въ монастырѣ, искали себѣ спасенія. Владыка, съ школьскимъ архимандритомъ Епифаніемъ, пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ пѣли обѣдню. Разсѣявшаяся по монастырю черни, состоящая изъ дворовыхъ людей и фабричныхъ и разночинцевъ, имѣя въ рукахъ рогатины и всякія убійственныя орудія, искала вездѣ архіерея. Всѣхъ, кто имъ тутъ ни попадался, били, домогались вѣдать, гдѣ скрылся архіерей. Злодѣи еще въ Чудовѣ знали по единогласному отъ всѣхъ признанію, что владыка съ мнѣй и въ моей каретѣ уѣхалъ. Тутъ они ее на монастырѣ увидѣли. Новѣришь ли, любезный другъ, что одинъ изъ подъячихъ нашей канцеляріи, тутъ же бывший, объявилъ о моей каретѣ, кучерѣ и лакеѣ, конъ смертно биты были, чтобъ объ архіереѣ и обо мнѣ объявили. Свѣдали наконецъ они, что архіерей въ церкви, а я скрылся въ банѣ (ибо мой малой, посади меня тутъ, самъ ушелъ и попался ворами въ руки,

а при томъ въ то время сидѣло въ банѣ двое монастырскихъ слугъ, кои и топили баню). Злодѣи, ворвавшись въ церковь, ожидали конца обѣдни, страдалецъ, изъ олтаря увидѣвъ, что народъ съ орудіемъ и дрекольями вошелъ въ церковь, исповѣдался у служащаго священника и, приобщившись святыхъ таинъ, пошелъ на хоры позади иконостаса. Между тѣмъ какъ злодѣи, не ожидая конца обѣдни, ворвались въ олтарь и искали тамъ покойнаго владыку, одна изъ нихъ партія нашла меня въ банѣ. Боже мой! въ какомъ бытъ я тогда отчаяніи жизни моеи! Поднятые на меня смертные удары отражены были часами и табатерками, при миѣ тогда находившимися. Просилъ я ихъ о неучиненіи миѣ зла, вдвое того просили, незнаю еще какіе стороны, называя меня по имени и приписывая миѣ имя добраго и честнаго человѣка, въ числѣ конхъ былъ и вышеупомянутый подъячій нашъ. Красно меня потащили изъ бани и встрѣтившаяся другая злодѣйская партія лишила-бъ меня жизни (хотя я двѣ и получилъ отъ нихъ контузіи), еслибъ первые мои злодѣи не приняли меня подъ свое защищеніе; такое-то дѣйствіе золота и серебра! Едва взошелъ я съ ними на церковную наперть, какъ вдругъ увидѣлъ провожаема изъ церкви съ крикомъ и шумомъ радостнымъ покойнаго страдальца. Роковая встрѣча! Злодѣи мои вскричавъ: «вотъ онъ!» бросили меня полумертва. Представъ себѣ, любезный другъ, что со мною въ такомъ горестномъ приключеніи происходило! Сидя еще въ банѣ, приготовилъ я себя къ смерти и спокойно ожидалъ убійцевъ, радуясь, что достигну мученическаго вѣнца. Тутъ упалъ, что неминуемо вмѣстѣ со владыкою потащутъ и меня изъ монастыря; но Божее правосудіе сохранило меня цѣла и невредима. Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ виновныхъ и порочнѣйшихъ людей, въ нынѣшнія же — безвинный архіерей и пастырь выгнаны были отъ своихъ овецъ на убіеніе. Вотъ плоды пресвященнаго Владыки!... Но что я медлю и не приступаю къ повѣствованію жесточайшей для меня въ жизни минуты, въ которую я услышалъ, что владыка убитъ до смерти!... Злодѣи, вмѣняя за грѣхъ оскверняютъ монастырь, а паче церковь, кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія ворота (гдѣ колокознья), и у самой рогатки сначала дѣлали ему нѣсколько вопросовъ, а потомъ мучительскимъ образомъ до тѣхъ норъ били и терзали его, пока уже увидѣли умирающа. Спустя четверть часа скончался новый московскій мученикъ, и тѣло избитое и обогрренное кровію лежало нараспутіи день и ночь цѣлукъ, пока синодальной конторы члены чрезъ

полицейскую команду заблагоразсудили поднять. Вотъ, ночная трагедія, коей былъ я зрителемъ. Пролилъ неповинную кровь, убійцы побѣжали къ г. Еропкину, угрожая и его лишити жизни, какъ и всѣхъ докторовъ. Можетъ быть сіе исполнилось бы, еслибъ г. Еропкинъ не собралъ великолупцкаго полка, за тридцать верстъ расположившагося отъ Москвы. Помощію сего полка выгнаны были того же вечера всѣ грабители и разорители Чудова, очищенъ Кремль и переловлены многіе со штофами и другими вещами. Въ субботу и графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, пріѣхалъ въ Москву, также господинъ Юшковъ и оберъ-полицеймейстеръ съ прочими собрались и усмирили бунтующій народъ, домогавшіяся о распечатаніи бань, объ уничтоженіи карантинновъ, о дозволеніи погребать при церквахъ и о выдачѣ захваченныхъ ихъ братіи и убійцъ покойнаго (двое главнѣйшими — холопъ Раевского и цѣловальникъ, но не одни они, — многіе были). По разореніи Чудова и по учиненномъ пастырю убійствѣ, написали попы на воротахъ желѣзныхъ надверную надпись: «и память его съ шумомъ погибелъ! Изрядное добродѣтели награжденіе! Вотъ возмездіе за его труды и толиколѣтнія заслуги! Ни санъ архіерейскій, ни сѣдины, ни ученіе, ни добродѣтельная его жизнь, не могли удержать рукъ отъ кровопролитія. Послѣ сей трагедіи, спустя часъ, поѣхалъ я въ Черную-грязь къ князь Матвѣю Дмитриевичу Кантемиру, гдѣ и братъ находился. Я бы остался, но страхъ, дабы и меня не убили, принудилъ искать убѣжища; 25 сентября пріѣхалъ съ братомъ въ Москву, гдѣ и теперь живу въ домѣ князя, обще съ ними. 4 Октября было погребеніе обоихъ страдальцевъ: Амвросія въ Донскомъ монастырѣ, въ трапезной церкви, по приказанію графа Григорья Григорьевича (Орлова), а другаго, дяди моего архимандрита Никона, — въ Воскресенскомъ монастырѣ. Такимъ-то образомъ лишились мы нашихъ благодѣтелей, лишась и ихъ и своего собственнаго имѣнія; въ чемъ стояли, въ томъ только и остались: Господь даде, Господь взялъ. Быть такъ: надо привыкать къ бѣдности.»

Письмо второе о томъ же происшествіи.

«Сказывалъ намъ отецъ архимандритъ Донской: покойный преосвященный на 16 число въ 9 часу прибѣжалъ къ нему и писалъ къ Еропкину дать билетъ, чтобъ ему бѣжать въ воскресенскій монастырь. Той прислалъ къ нему офицера проводить его до заставы, и сказывалъ офицеръ, что Чудовъ разграбленъ. Вотъ преосвященный и оробѣлъ и не поѣхалъ далѣе, говорилъ: «тутъ де меня гдѣ нибудь скройте, — може — де у нихъ всѣ

дороги захвачены карауломъ.» Поутру, снявъ съ себя ѵпаняію, отдалъ отцу архимандриту и, снявъ свое платье, одѣлся въ простое монашеское, выпснѣдался, пошелъ къ обѣднѣ, и вовремя каноника сказано, что злодѣи монастырь окружили и врата монастырскія ломаютъ. Тутъ заразъ причастился святыхъ таниъ и побѣжалъ на перилы съ архимандритомъ кіевскимъ Епифаніемъ; и заперли ихъ тамъ; но вскоча тѣ злодѣи въ церковь и во алтарь били ризничаго, который и помере послѣ, и спрашивали, гдѣ преосвященный. Подъ жертвенникомъ и вездѣ искали; потомъ, сбивъ отъ перилъ замокъ, и пошедъ тамъ, сыскали его; а архимандрита не было. Донскоі архимандритъ въ нижней церкви скрылся во алтарѣ, и тамъ сохранился. Въ келіи архимандрита Донскаго пограбили серебряныя ложки, чарки, часы и пр.

Въ Чудовѣ у одного купца, прозывасямаго Птицына, погребъ съ напитками разбили на 10 тысячъ рублевъ; просилъ графа о милости и сказано: рѣшѣ послѣ, а нынѣ не до васъ миѣ. Онъ бѣднѣй много отъ нихъ откупался въ пятокъ дней: одной партіи даетъ денегъ, тѣ и отступать, а другіе, не получавшіе приступаютъ; и какъ нацѣлилъ злодѣи изъ другихъ погребовъ, то и его разбили. Штофъ пѣиной водки по 10 копѣекъ, аглицкаго пива бутылку по 2 копейки продавали. Видно были и раскольники: въ келіяхъ архіерейскихъ картины живописныя прорѣзаны, другія части повурѣзаны, глаза выкопаны, а старинныя всѣ побраны. На стѣнѣ написано въ келіяхъ: «погибе память его съ шумомъ.» Что-то будутъ дѣлать съ Варварскими воротами? Тамъ и нынѣ молебствія протсходятъ безпрестанныя и денегъ много собираютъ, караулъ приставленъ. Будемъ ожидать: что-то графъ Григорій Григорьевичъ сдѣлаетъ!

Тѣлю покойнаго преосвященнаго съ дозволенія его графскаго сіятельства и на предъ указа погребли; погребено въ Донскомъ монастырѣ по причинѣ, чтобъ при погребеніи въ многояудствѣ и тѣснотѣ по нынѣшней болѣзни не приключилось отъ прикосновенія другъ къ другу вреда, и по другой причинѣ, что внутри города погребать не велѣно.

Было и миѣ искушеніе: въ моемъ монастырѣ паша чернь деревенская Боголюбскую Богоматерь, и прислали доношеніе ко миѣ, чтобъ отпустить образъ для молебствія. Былъ съ доношеніемъ изъ слободы, изъ заразительнаго мѣста; и такъ я, его не впусая на подворье, чрезъ попа отказалъ, да къ тому жъ велѣлъ сказать, что я запретительными указами крестохожденіе дозволить не могу, къ тому жъ братія у меня престарѣлая и хо-

дять некому, да пѣз заразительнаго мѣста тое доношеніе; а въ монастырѣ молебствовать не запрещается. И такъ, слава Богу, утихло. У мене, слава и благодареніе Богу, въ монастырѣ и на дворѣ тихо, а въ подмонастырской слободѣ обывателей и служителей больше трехъ сотъ человѣкъ вымерло ꙗ нынѣ умирають. Крестовоздвиженскій игумень со всею братію померъ; въ монастырѣ Знаменскомъ игумень остался съ двумя монахамъ и двумя служителями; въ Новоспасскомъ монастырѣ и Андреевскомъ больше половины монаховъ померло. Гдѣ то сыщемъ послѣ монаховъ въ монастыри!? Прѣтоповы померли: Іоаннъ архангельскаго собора, Іоаннъ Постниковъ; спасскаго — Левъ Даниловъ, въ успѣнскомъ соборѣ — священникъ Ѳеодоръ Маркеловъ и діакопъ Егоръ. О mors, mea mors!

Правда, что мы отъ жалости, забывъ страхъ, подняли поверженное тѣло: гдѣ иные плакали, а другіе на насъ зубами своими скрежетали. Старика Донскаго едва уговорили, чтобъ тѣло принять въ монастырь: боялся, чтобъ ему за то не отомстили злодѣи *).

Бантышъ-Каменскій описываетъ убіеніе Амвросія, такимъ образомъ: «онъ приготовился къ роковому жрѣбію; но былъ увлеченъ двумя архимандритами — кіево-никольскимъ Епифаніемъ и донскимъ Варлаамомъ на хоры, находящіяся въ алтарѣ, позади иконостаса. По несчастію, край платья его, замѣченный однимъ мальчикомъ, уничтожилъ сію предосторожность дружбы. Выведенный за ограду Донскаго монастыря, Амвросій съ твердостью отвѣчалъ мятежникамъ на все дѣлаемые ему вопросы; увѣщевалъ ихъ повиноваться предержавшей власти, съ терпѣніемъ сносить предстоящія пѣт. бѣды въ упованіи на милосердіе Божіе; говорилъ съ краснорѣчіемъ толь убѣдительнымъ, что злѣйшіе изъ окружавшихъ его убійцъ были онымъ тронуты до глубины сердца. Въ то самое время дворовой человѣкъ г. Раевского Василии Андреевъ, выбѣжавъ изъ кабака и, видя перѣшность народа, бросился на невиннаго пастыря съ сими словами: «чего»

*) Некоторое разногласіе въ показаніяхъ обоихъ свидѣтелей-современниковъ событія объясняется тѣмъ, что первый былъ не только само-видцемъ всего происходившаго во все это время, но и попалъ въ самый круговоротъ бунта; второй же писалъ только, какъ видно, со слуховъ. Имена писавшихъ намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны. За сообщеніе этихъ любопытныхъ матеріаловъ, мы обязаны П. Г. Славинскому, получившему ихъ по наслѣдству отъ своихъ родственниковъ.

глядите вы? Развѣ не знаете, что онъ кодуль и васъ морочить?» ударивъ страдальца коломъ въ лѣвую щеку, повергъ на землю. Тогда изверги, забывъ свое раскаяніе, снова устремились на него. Ни санъ архіерейскій, ни сѣдины, ни заслуги, ни добродѣтельная жизнь Амвросія — не могли удержать рукъ ихъ отъ кровопролитія. Четверть часа они терзали его мучительнымъ образомъ, и страдалецъ до послѣдняго издыханія продолжалъ молиться за своихъ убійцъ! (Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Бантыша-Каменскаго, т. I стр. 33 и 34).

Еропкииъ официально донесъ государынѣ, объ этомъ же ужасномъ событіи слѣдующее: «Къ безпримѣрному сожалѣнію, ожиданіе превосходящій бѣдства и ужаса наполненный случай необходимо обязываетъ меня, всемілостивѣйшая государыня, и сверхъ моего рапорта къ генераль-фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову, какъ своему собственному командиру, всенижайше представлять и отъ себя, о томъ происшествіи, которое подвергало столчный вашего императорскаго величества городъ несовершенному бѣдствію, состоящій въ томъ, что народъ, негодуя донесъ на всѣ въ пользу ихъ повелѣнія отъ вашего императорскаго величества миѣ учрежденія о карантинѣхъ и другихъ осторожностяхъ, озлились, какъ звѣри, и сего мѣсяца 15-го дня сдѣлали настоящей бунтъ, вбѣжавъ въ Кремль и разоря архіерейскій домъ, некали убить онаго; но какъ слыхалъ сей бѣдной агнецъ скрытно въ монастырь Донской, то выбѣжавъ и туда въ безмѣрномъ пьянствѣ злодѣи до трехъ сотъ, 16-го числа поутру убили онаго мучительно до смерти; карантинны учрежденныя разорили, выпусти изъ Данилова монастыря и изъ другаго двора, состоящаго на Серпуховской дорогѣ; разбивъ дубьемъ и каменьемъ стоящаго на караулѣ офицера, сопротивлявшагося имъ, какъ и подлекаря, въ одномъ изъ тѣхъ находившагося; а другіе изъ злодѣевъ, вбѣжавъ въ Кремль, пробыли тамъ почъ всю и до половины дня, бивъ въ набатъ вездѣ, разоряя и домъ доктора Меркенса. Въ злодѣйствѣ семь находились боярскіе люди, купцы, подьячіе и фабришники, а особливо раскольщики, разсѣвая плевеы, что они стоятъ за Богородицу, нашедъ образъ на Варварскихъ воротахъ, сказывал, что онъ явленный, къ которому толпами ходятъ молиться. Архіерей несчастливой, види, что отъ такой молитвы заражаются опасною болѣзнію, послалъ своего эконома и секретари запечатать ящички денежнаго сбора: и произвело, всемілостивѣйшая государыня, вышепомянутое смя-

теніе. Я, видя злѣключительное состояніе города, послалъ тотчасъ ко всѣмъ здѣсь находящимся гвардіи-офицерамъ съ командами, объявля имъ высочайшій вашего императорскаго величества указъ, чтобъ они мнѣ повиновались, отправя въ то жъ самое время парочнаго къ генералъ-фельдмаршалу въ подмосковную, который ужъ и пріѣхалъ, и Великолуцкій полкъ ввелъ въ городъ, давъ свою диспозицію оберъ-полциіймейстеру, въ какихъ мѣстахъ занять постъ для истребленія злодѣевъ, потому что я въ эту ночь, въ которую выгнаны мною были разоряющіе Чудовъ монастырь возмутители, спѣша истреблять оныхъ отъ одного изъ сихъ дерзостныхъ брошенныхъ въ меня шестомъ, а отъ другаго камнемъ въ ногу, вытерпѣлъ удары, и бывъ двои сутки безысходно на лошади, объѣзжая разныя мѣста города, совсѣмъ ослабѣлъ и не имѣя чрезъ все то время ни сна, ни пищи, въ крайнее пришелъ безсиліе, получа отъ того и пароксизмъ лихорадочный, и наконецъ, теперъ и принужденъ уже слечь въ постелю, бывъ здѣсь въ то время одинъ только съ губернаторомъ московскимъ, потому что всѣ другіе господа сенаторы разѣхались. Соеднѣя къ командамъ гвардіи за разкомандированіемъ оставшихъ пятьдесятъ человѣкъ великолуцкаго полку и набравъ не больше ста тридцати человѣкъ, при чемъ были нѣкоторые и изъ статскихъ для смотрѣнія, что съ корпусомъ, мною предводительствуемымъ, случится, пошелъ, гдѣ не одна тысяча было пьяныхъ, разоряющихъ архіерейской домъ и погреба купеческіе, подъ монастыремъ Чудовымъ состоящіе, производя такую пачалость, что въ Кремль и проѣхать никому было невозможно. И хотя увѣщавалъ я звѣрствующихъ, посылая къ нимъ здѣшняго оберъ-коменданта генералъ-поручика грузинскаго царевича; но они встрѣтили его камнемъ, какъ равнобрно и бригадира Мамонова, который для того жъ увѣщанія пріѣзжалъ, чрезвычайно разбили голову и лицо; и такъ сія дерзость заставила меня, всемилоствѣйшая государыня, дѣйствовать ружьемъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ и истреблять злодѣевъ мелкимъ ружьемъ и палашами; ихъ въ Кремль мало человѣкъ не меньше ста да взято подъ караулъ двѣсти сорокъ девять человѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько находится съ стрѣленными и рубленными руками, и хотя они отъ того устрашались разбѣжались, но и вчерашній день на Варварской улицѣ и противъ Красной площади, нѣсколько шаскъ народу было, однако жъ на бросанія каменьева и шестова уже отважиться не смѣли, а только требовали у стоявшаго на Спаскомъ мосту подлѣ учрежденнаго

тамъ пикета здѣшняго губернатора, чтобъ отдалъ имъ взятыхъ подъ караулъ, ихъ товарищей, а притомъ, чтобъ безъ билетовъ хоронить и не вывозить въ карантинъ.

Гвардіи господа офицеры въ выгнаніи изъ Кремля бунтовщиковъ, столь ревностно и усердно все поступали, что я не могу существенно вашему императорскому величеству веснижайше представить; а особливо капитанъ Волонкій и капитанъ князь Одоевскій, бывъ съ двѣнадцати часовъ при мнѣ безотлучно, изъ коней послѣдній переѣзжая со мною ко всемъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ злые совѣщатели, многочисленно собирались, имѣя свою команду въ двадцати двухъ человѣкахъ, только состоящую, истребляли возмутителей неустрашимо, подвергая себя бросаемымъ отъ нихъ камнямъ и шестамъ, безпрестанно опасности, получа и ударъ въ ногу камнемъ; а такимъ же образомъ предсупривлялъ будучи отъ меня опредѣленъ къ нѣсколькимъ служивымъ людямъ секундъ-ротмистръ Загряжскій, находясь всегда впереди своихъ подчиненныхъ и поражая злоумышленниковъ; причемъ и ударенъ отъ одного злодѣя отъ мѣста скрытнаго нечаянно камнемъ въ голову такъ сильно, что съ нуждою и доѣхать былъ принужденъ въ свой домъ; какъ и капитанъ-поручикъ Саблуковъ со всею командою въ различныхъ мѣстахъ Кремля, въ Спасскихъ воротахъ и на мосту, при тѣхъ воротахъ находящихся, многихъ истреблялъ возмутителей, бывъ противъ самыхъ ихъ нагледцовъ, а равномѣрно и другіе офицеры, яко то: капитанъ Симоновъ, поручикъ Сабуровъ и подпоручикъ Литвиновъ, доказали свою должность совершенно похвально. Сверхъ же всехъ именованныхъ справедливость отдать долгъ, я имѣю особливо, всемиловѣйшая государыня, и Семеновскаго полку подпоручику Степанову, который при самомъ началѣ бунта, т. е. ввечеру 15-го числа, первый у меня явился съ командою; во время жъ выгнанія изъ Кремля бунтующихъ мятежниковъ онъ безотлучно находился и съ отдѣленнымъ plutonгомъ посланъ былъ отъ меня къ Варварскимъ воротамъ къ удержанію злодѣевъ, также и въ другой разъ къ Боровицкимъ воротамъ для недопущенія ихъ въ Кремль, въ которыхъ мѣстахъ онъ, сопротивляясь имъ, и разогналъ оныхъ, поймавъ изъ самыхъ нагледцовъ двухъ человѣкъ, а при немъ будучи и сержантъ того жъ полку Жуковъ, поступали весьма съ примѣчательною ревностію, и съ особливою неустрашимостію и проворствомъ. 18-го сентября 1771 г.

Всѣмъ за этимъ донесеніемъ Еропкиня послалъ къ государынѣ другое:

«Сколь злключительны нынѣшнія обстоятельства Москвы, о томъ вчерашній день на эстафетѣ я всеподданнѣйше доносилъ уже вашему императорскому величеству, а симъ то еще всенижайше представить не пропускаю, что хотя дерзость явно произведенная въ злодѣйскомъ убійствѣ московскаго архіерея отчасти возмутившагося здѣшняго простаго народа мною и истреблена, и три дня прошли здѣсь въ желанномъ спокойствѣ, но слухи однакожъ съ разныхъ сторонъ доходящіе до меня, всемілостивѣйшая государыня, одно мнѣ приносятъ увѣдомленіе, что оставшіе отъ злостныхъ совѣщателей устремленіе свое во всей силѣ имѣютъ всю звѣрскую ихъ жестокость обратить на меня, обнадеживая себя, что они убившомъ меня и всѣхъ докторовъ скорѣй получатъ свободу отъ осмотровъ больныхъ, отъ выводу въ карантинъ, а притомъ и хоронить будутъ умершихъ внутри города, считая, что будто и тому я причиною, смущаясь при томъ и не дозволеніемъ ходить въ бани, грозясь тѣмъ и подполковнику Маколову, у котораго карантинные дома состоятъ въ смотрѣніи. Ожесточеніе предписанныхъ злодѣевъ такъ было чрезвычайно, что они не только кельи архіерейскія, но и его домовую перковь, какъ иконостасъ, такъ и всю утварь, совсѣмъ разграбили. Вышеобъясненныя неудовольствія и угрозы злостныхъ людей, какъ лютыхъ тигровъ, отъ безразсудства ихъ на меня пламенѣющія за то одно, что я здѣсь въ сенатѣ и во всемъ городѣ одинъ рачительнымъ исполнителемъ всѣхъ тѣхъ учреждений, о которыхъ вашему императорскому величеству высочайшими своими повелѣніями о карантинахъ предписать мнѣ благоугодно было. Но вся жестокость злонравныхъ людей, каковую по совѣщанію вкоренили они въ свѣ и грубыя сердца, не имѣла силы ни умалить моей прилежности къ порученному мнѣ отъ вашего императорскаго величества дѣлу, ни ужасъ, который чрезъ разсѣяніе о убійствѣ меня они во мнѣ поселить старались, не могли поколебать меня отъ моего пути истиннаго. Я доказать то симъ злодѣямъ выгнаньемъ ихъ изъ Кремля и взятіемъ не одной сотни человѣкъ подъ караулъ. Но къ несчастію особливо, когда, истощая изъ своей искренней преданности къ вашему императорскому величеству и изъ совершеннаго доброжелательства къ общему благу послѣднія свои силы, слегъ въ постелю, то сей случай, всемілостивѣйшая государыня, начинаетъ меня смущать, чтобъ толпа злодѣевъ въ теперешней моей расслабленности не навлекла участи бѣдственной и ругательной и мнѣ покойнаго архіерея. Въ разсужденіи чего, припадаю

къ столамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше просить я обязанность имѣю о всемплоствивѣйшемъ уволненіи меня отъ порученной мнѣ комисіи хотя на пѣкоторое время. Я ласкаюсь и тѣмъ, всемплоствивѣйшая государыня, что одно отрѣшеніе меня отъ сего дѣла въ состояніи будетъ споконитъ волнующихся людей, не имѣющихъ истинаго ни на что разумнїя. Всемплоствивѣйшая государыня! Я ожидаю милосердаго и высочайшаго вашего императорскаго величества на сіе благоволенія, предоставляю до послѣднихъ дней въ непоколебимой вѣрности и съ рабскимъ усердіемъ.

Вашего Императорскаго Величества всепнжайнїй и всеподданнѣй-
нїй рабъ. Петръ Еропкинъ.

19 Сентября 1771 г.

Для изслѣдованія причинъ и для усмиренія безпорядковъ Екатерина послала въ Москву графа Р. Г. Орлова съ цѣлюю комисіею и обширными полномочїями. Орловъ, пребывшїй въ столицу 26 Сентября, принялъ самыя крутыя и энергическія мѣры противъ распространенія чумы и народнаго возмущенія; съ этою цѣлю онъ учредилъ тотчасъ же двѣ комисіи: одну *противо-чумную*, въ коей участвовали, кромѣ врачей, выборные и изъ другихъ сословїй, чтобъ всѣ званія могли видѣти и убѣдиться, что отъ чумы можно выздоравливать, при помощи медицинскихъ пособїй; другую *слѣдственную*, для точнѣйшаго изслѣдованія дѣла о мятежѣ и о убїенїи архїерея Амвросїя; въ послѣдней комисіи особенно отличался извѣстный сыщикъ Н. И. Архаровъ, впослѣдствїи губернаторъ въ Москвѣ и важное лицо въ царствованїе императора Павла 1-го. Вѣроятно, мѣры, принятыя Орловымъ, были ужъ слишкомъ круты, что самъ Еропкинъ рѣшился просить отставку, которую и получилъ 5 Ноября того же года, при слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ государыни: «Петръ Дмитріевичъ! Подписавъ по вашему желанїю крѣпостный указъ, посылаю его къ вамъ, дабы вы его объявили тогда когда заблагоразсудите, что всегда будетъ для службы рано, видя ревность вашу нельзя, чтобъ я не такъ думала въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.»

Наградю Еропкину за его полезную дѣятельность въ это бѣдственное время былъ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго и 20,000 р. изъ кабинетскихъ суммъ государыни, сопровождаемые слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ:

«Патріотическая ревность и мужественный духъ, съ которыми вы столь храбро и благоразумно защитили древнюю Нашу столицу отъ бѣдственнаго — невѣжды и пустосвятотъ возмущенія, удостоиваютъ васъ предъ Нами особливаго Нашего къ вамъ благоволенія и признанія. Въ доказательство чего Мы съ удовольствіемъ Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалерами Нашего перваго ордена святаго Андрея Первозваннаго, знаки котораго здѣсь включаются съ высочайшимъ отъ Насъ дозволеніемъ, чтобъ вы оныя сами на себя возложя носили. И Мы твердо надѣемся, что сія вотъ Наша знаменитая отличность будетъ вамъ служить новымъ подвигомъ въ дѣлахъ патріотическихъ, пребывая впрочемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Даны въ Санктъ-Петербургѣ 5 Октября 1771 года.

Между тѣмъ чума продолжала еще съ большимъ успѣхомъ свои оуцетощенія; въ сентябрѣ мѣсяцѣ число умершихъ отъ этой болѣзни было самое большое въ періодъ ея свирѣпствованія въ Москвѣ и простигалось свыше 20,000 человекъ. Причиною усиленія эпидеміи, по словамъ Кульмана, были бунтъ черни, которая, разбивъ больницы и карантинны, вынесла оттуда больныхъ; народъ возобновилъ также погрѣбальныя обряды и послѣднія цѣлованія, утверждая, что пренебреженіе ими прогнѣваетъ Бога, и что должно съ покорностію переносить гнѣвъ Божій, — и потому не принимать никакихъ предосторожностей противъ болѣзни и не уничтожать старинныхъ обрядовъ церкви.

Совершенное прекращеніе чумы въ Москвѣ послѣдовало уже въ 1772 году. Самойловичъ въ своихъ запискахъ представляетъ таблицу умершихъ отъ этой болѣзни какъ въ Москвѣ, такъ и по другимъ мѣстамъ государства, полученную имъ отъ князя Вяземскаго и извлеченную послѣднимъ изъ сенатскихъ вѣдомостей. Вотъ эта таблица смерти:

	умерло въ городѣ, въ больницахъ.	
1771 г. Апрельъ,	665	— 79
Май	795	— 56
Іюнь	994	— 105
Іюль	1,410	— 298
Августъ	6,423	— 845
Сентябрь	19,761	— 1,643
Октябрь	14,935	— 2,626

	умерло	въ городѣ,	въ больницахъ.
Ноябрь	3,466	—	1,769
Декабрь	319	—	489
1772 г. Январь	—	—	121
Февраль	—	—	78
Мартъ	—	—	30
<hr/>			
Итого	48,758	—	8,139
Выкопано послѣ	1000	—	—
Всего въ Москвѣ умерло		—	57,901
Въ другихъ мѣстахъ имперіи		—	75,393
<hr/>			
	Итого	—	133,299 человекъ.

Новгородъ.

И. КУПРІЯНОВЪ

ПОЛИТИКА.

Письмо изъ Парижа.

Когда я беру перо, чтобъ писать для «Русскаго Слова», то нѣтъ надобности заявлять, что я стою на сторонѣ всякаго успѣха. Уваженіе къ истинѣ нѣкогда было нашимъ общимъ знаменемъ, защитники котораго разсѣялись, но не измѣнили ему. И если правое дѣло рано или поздно должно восторжествовать, то я увѣренъ, что ему вездѣ найдутся друзья, потому что для мысли и убѣжденія нѣтъ ни географическихъ границъ, ни національныхъ раздѣловъ. Отечество идеи тамъ, гдѣ ее принимаютъ и слушаютъ.

Отъ меня, конечно, никто не потребуетъ признанія въ моемъ profession de foi, но я думаю, что оно изъ тѣхъ, къ которымъ прислушиваются съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ высказываютъ ихъ. На предложенный мнѣ трудъ — я смотрю какъ на дѣло совѣсти, а не какъ на пустое препровожденіе времени; думаю, что гораздо интереснѣе слѣдить за современной политической исторіей, чѣмъ за скандальной и болѣе или менѣе правдоподобной хроникой, наполняющей фельетоны *Indépendance Belge* и болтовню *Фигаро*. Для такого рода новостей я чувствую себя совершенно неспособнымъ, потому что для знакомства съ ними надо вести хлѣбъ и соль съ лакеями бароновъ или горничными маркизовъ.

Какія бы ни были національныя различія между Французами и Русскими, но стремленія нашей эпохи вездѣ — одинаковы. Вездѣ глубокое невѣжество и полное равнодушіе къ праву борется съ возника-

ющимъ свѣтомъ новыхъ началъ. И тамъ и здѣсь предчувствуется другая жизнь, съ другими вѣрованіями, понятіями и надеждами.

Не надо впрочемъ увлекаться иллюзіями. Очень можетъ быть, что многія личности, весьма замѣтныя для насъ, не имѣютъ для васъ никакого интереса; вѣскольکو тысячъ километровъ, разделяющихъ насъ, навѣрное, измѣняютъ характеръ многихъ событій и словъ. Я постараюсь знакомить васъ болѣе съ состояніемъ общественнаго мнѣнія, чѣмъ съ дѣяніями кабинетовъ и дипломатическихъ канцелярій. Я знаю, что при такомъ способѣ изложенія, мнѣ придется гораздо меньше противорѣчить себѣ; наконецъ, исторію создаетъ общественное мнѣніе, будетъ ли оно самобытно или подготовлено искусной политикой правителей.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль наше вниманіе было занято вопросомъ: что скажетъ поваго варшавское свиданіе? Здѣсь были увѣрены, что война — уже дѣло рѣшенное; на болѣе или менѣе либеральную конституцію, давшую Францискомъ-Иосифомъ его народамъ, смотреть, какъ на дурное предзнаменованіе и видятъ въ ней не болѣе, какъ средство — усыпить недовольную Венгрію. Да и въ самой Вѣнѣ точно также никто не сомнѣвается въ намѣреніяхъ императора, у котораго до сихъ поръ лежитъ на сердцѣ пораженіе при Сольферино. Извѣстно и то, что весь генеральный штабъ арміи втеченіи болѣе чѣмъ шести мѣсяцевъ ежедневно готовится къ походу. Разгаданъ даже планъ Австрійцевъ; все думаютъ, что они намѣрены открыть компанію зимой, предупредивъ сосредоточеніе силъ Италіи; выжидая предполагаемой атаки Пьемонтцевъ, Австрія готова съ тройными силами напасть на слабую итальянскую армію, растянутую на огромной кривой линіи отъ Альпъ до Этны; потомъ — идти форсированнымъ маршемъ на Флоренцію, открывающую путь къ Аппенинамъ, или на Анкону, ключъ къ Адриатикѣ, — въ особенности на Анкону, которая стоитъ для Италіи сто-тысячной арміи, потому что она нейтрализуетъ папу, держитъ въ бездѣйствіи маленькій австрійскій флотъ, угрожаетъ венеціанскому побережью и даетъ возможность перевозить на далматскій берегъ солдатъ и оружіе, предназначенныхъ для Венгріи.

Этимъ путемъ австрійскій императоръ могъ бы возвратити герцогамъ отнятыя владѣнія и въ тоже время не нарушити условій пюрихскаго трактата, признававшего права этихъ герцоговъ. Притомъ онъ могъ бы также оказать услугу Наполеону, пославъ вторично генерала Шмидта въ Перузу и возстановивъ неаполитанскаго короля въ управ-

ленин, потому что наконецъ Наполеонъ III торжественно протестовалъ противъ вступленія піемонтскихъ войскъ въ Мархін. Австрійскому императору все равно, гдѣ бы не восторжествовать надъ Викторомъ Эмануиломъ, — подъ стѣнами ли Болоньи или на поляхъ Новарскихъ — результатъ будетъ одинъ и тотъ же — пріобрѣтеніе Ломбардіи и итальянской гегемоніи.

Наконецъ Францискъ-Іосифъ выказываетъ нѣкоторую находчивость, но успѣетъ ли онъ? Это вопросъ. Удастся ли ему успокоить Венгерцевъ до тѣхъ поръ, пока блистательная побѣда въ Италіи поставитъ его въ возможность возобновить, въ случаѣ надобности, явленія, подобныя тѣмъ, какія были въ Пестѣ, Арадѣ и Ременварѣ? Одержитъ ли онъ самую побѣду въ Италіи? На героическое сопротивленіе Италійцевъ нельзя не рассчитывать, — а человѣкъ, умѣющій умирать, стоитъ шестерыхъ, которымъ правится жизнь; притомъ же трудно, чтобъ въ дѣло не вляшалась французская армія и не явилась снова на землѣ, еще такъ недавно политой ея кровью.

Во Франціи никто не сомнѣвается, что между Кавуромъ и Наполеономъ III существуетъ въ извѣстной степени соглашеніе. Ясно, что политическая размолвка между ними была не болѣе, какъ демонстрація, придуманная для прикрытія настоящихъ видовъ, и люди, привыкшіе понимать политику тюльрійскаго кабинета, утверждаютъ, что римская армія, состоящая въ настоящее время изъ 27.000 человѣкъ, была послана не противъ Гарибальди, еще менѣе противъ Піемонтцевъ, но для противодѣйствія Австріи и перенесенія войны, въ случаѣ надобности, въ венеціанскую область. Программа правительства Наполеона III, напечатанная въ *Constitutionnel*, отличается опредѣлительностью и непривычной для насъ откровенностью. Смыслъ этой программы можетъ быть выраженъ такъ: «Реакціонная партія и партія революціонеровъ мнилъ обвиняють; и та и другая — права, потому что я дѣйствовать съ необычайной ловкостью. Какъ бы то ни было, но я не дамъ ни въ какомъ случаѣ Австріи пріобрѣсти снова въ Италіи преобладаніе, котораго я лишилъ ее; если ей мало того, что ее уже побили, то можетъ надѣяться на новое пораженіе». Такое категорическое объявленіе должно было удовлетворить и друзей и враговъ, и въ то же время породить надежду на скорое отправленіе французской арміи въ Италію; логически такъ, но не надо забывать, что у тюльрійскаго кабинета всегда есть на-готовѣ пять или шесть плановъ, что его политическій тактъ измѣняется съ каж-

дымъ поворотомъ европейскихъ событій или мнѣнія, что его цѣли такъ темпы и неуловимы, какъ самый ходъ современныхъ происшествій. Подвижность этой политики въ особенности видна по отношенію къ Италіи, гдѣ она хочетъ осуществить идею извѣстной брошюры «Наполеонъ III и Италія» и задуть революціонерную партію, которая своими успѣхами въ Сициліи и Неаполѣ приводитъ въ отчаяніе *Gazette de France*. Характеръ этой тактики обнаруживаетъ съ перваго взгляда ея происхожденіе: въ ней тотчасъ узнаешь человѣка, который, полтора года тому назадъ, придумалъ итальянскую войну, чтобъ остановить революцію и въ то же время удовлетворить самаго сильнаго своего союзника — принципъ національности. Впослѣдствіи мы можемъ поспорить на-счетъ общаго успѣха этого плана; что же касается до его частной цѣли, до задержанія революціоннаго движенія, то въ этомъ отношеніи онъ удался какъ нельзя лучше и превзошелъ всѣ ожиданія его виновниковъ. Съ этой цѣлью были пущены въ ходъ всѣ возможные средства. Во что бы то ни стало, надо было поколебать общественное довѣріе къ народному герою, и если можно, вмѣстѣ съ его именемъ похоронить идею итальянской независимости, въ томъ видѣ, какъ понималъ ее Гарибальди. Чтобъ раздражить его и поссорить съ лучшими людьми Италіи, безпрестанно уничтожали кого нибудь изъ близкихъ ему друзей, выдавая ихъ за безумныхъ утопистовъ — то Бертани, то Крисни. Иногда распускали слухъ о водвореніи въ Неаполѣ краснаго триумвиратора Матсини, Ледрю-Роллена и Луи-Блана, прибывшихъ будто бы туда, нарочно по этому случаю, съ авторомъ «*Chatiments*» — Викторомъ Гюго, Аврелиемъ Сафи и повѣреннымъ Орсини Симономъ Бернардомъ. Хотя затѣмъ и оказывалось, что ни тѣ, ни другіе и не думали выѣзжать изъ Лондона, но цѣль вполне достигалась. Потомъ осторожно затрогивали вопросъ — не требуетъ ли возможность обстоятельствъ немедленнаго отправленія въ Неаполь войска, подъ непосредственнымъ начальствомъ военнаго министра, для принятія *энергическихъ мѣръ* противъ мятежнаго и непріученнаго къ дисциплинѣ вождя, въ нѣсколько недель завоеваваемаго королевство Обѣихъ Сицилій.

Разумѣется, мы не ожидали, что въ насъ пробудятъ классическія воспоминанія о неблагодарности и не думали, что великолѣпная легенда, упрочившая славу за нашимъ поколѣніемъ, такъ скоро уступитъ мѣсто лицемѣрной дипломатикѣ. Человѣкъ, увлекаемый великодушнымъ сердцемъ, съ восьмью стами товарищей переплываетъ море, среди не-

пріятельскихъ крейсеровъ, пристаеъ къ берегу въ видѣ арміи, которую онъ обращаетъ въ бѣгство и беретъ укрѣпленія, защищаемыя пушками и штыками; затѣмъ онъ снова переплываетъ море и, послѣ новаго боя, бросается въ карету, которая мчитъ его во весь опоръ, песетъ на пароходѣ, по желѣзной дорогѣ, и все-таки подвигается впередъ гораздо медленнѣе, чѣмъ дѣла въ Неаполѣ. Въ то время какъ освободитель вѣзжалъ въ одни ворота, въ другія уходилъ король съ своей арміей. И что же! эта эпопея, освѣтившая своими жаркими лучами нашу эпоху, уже приходитъ къ концу, благодаря продѣлкамъ Кавура!

Вторженіе Виктора Эмануила въ Неаполитавское королевство упрощаетъ положеніе Гарибальди, усложняя въ тоже время положеніе самаго Пиемонта. Королю Италіи, о честности котораго такъ много говорено, и преемнику диктатора, будетъ трудно сложить съ себя упрекъ въ произвольномъ поведеніи. Гарибальди могъ занять Сицилію, потому что онъ былъ представителемъ народовъ, а Викторъ Эмануилъ, переправивъ три корпуса арміи на территорію своего союзника — неаполитанскаго короля, нарушилъ условіе международныхъ отношеній и, будучи монархомъ, сталъ противъ монархическаго принципа. Этотъ поступокъ пиемонтскаго короля чрезвычайно важенъ; съ своей стороны мы не обвиняемъ его, потому что раздѣляемъ все, что можетъ остановить бесполезныя кровопролитія и подвигаетъ народы на пути прогресса; за всеъ тѣмъ мы не можемъ не видѣть ошибки въ политикѣ *ловкаго* Кавура, который хотѣлъ поправить свою мѣшкатность несвоевременной поспѣшностью. Въ теченіе долгаго времени, пока дѣло Гарибальди было сомнительнаго успѣха и, казалось, почти невозможнымъ, туринскій кабинетъ официально и торжественно отрекся отъ авантюриста, котормый, обманувъ бдительность властей и воспротивившись просьбамъ своего короля, бросился съ нѣсколькими партизанами въ смѣлое и опасное предпріятіе. Этого мало; возстаніе торжествовало уже въ Палермо и въ Мессинѣ, а Кавуръ показывалъ видъ, что склоняется на предложеніе неаполитанскаго короля, хотѣвшаго заключить съ Пиемонтомъ наступательный и оборонительный союзъ. И теперь тотъ же самый Кавуръ, изумленный быстрыми побѣдами Гарибальди, которыя еще быстрѣе вызвали неблагодарность Пиемонта, совѣтуетъ Виктору Эмануилу, чтобъ заставить диктатора отказаться отъ власти въ пользу короля Италіи, завяъ владѣнія его царственнаго брата, съ котормымъ онъ даже не подумалъ предварительно поссориться хоть ради приличія. Принимала ли

какое нибудь участіе въ этомъ смѣломъ дѣлѣ рука сотрудника Кавура, — мы не знаемъ. Но вѣрно то, что вторженіе въ королевство Обѣихъ Сицилій, позволительное для Гарибальди, не было позволительно для Виктора Эмануила, какъ короля. Единодушіе голосовъ, поданныхъ въ каждой Италіи въ пользу его избранія, не можетъ оправдать его въ глазахъ Европы и другихъ монарховъ. Но вотъ телеграфическая депеша извѣщаетъ насъ, что сардинскій король вошелъ въ самую столицу. Въ 10 часовъ утра, подъ туманнымъ небомъ и проливнымъ дождемъ, коляска ѣхала главной улицей Неаполя, среди многочисленнаго стеченія народа. Въ этой коляскѣ сидѣлъ вмѣстѣ съ королемъ и Гарибальди. И такъ драма почти кончилась. Италіанскій вопросъ принимаетъ характеръ кавуровской политики, и намъ съ этой минуты остается слѣдить не за дѣйствіями Гарибальди, откровенными и ясными, какъ день, а за скрытыми и тайными канцелярскими работами туринскаго министра. Развязка болѣе чѣмъ страшная! Все, что вынесъ Гарибальди за Италію, все что приготовила его отвага и сила, все это такъ легко досталось Виктору Эмануилу! *Fata invenient vitam*, говоритъ римская пословица.

Между тѣмъ, какъ Италія изъ всѣхъ силъ борется за свою независимость, Испанія все больше и больше стремится примкнуть къ *истинному* европейскому союзу, то есть, къ союзу народовъ. Королева Изабелла, лично преданная интересамъ бывшаго неаполитанскаго властителя и папы, никакъ не можетъ склонить на свою сторону противниковъ. Повидимому мадридское правительство предупредило недавно новый заговоръ, составленный военнымъ сословіемъ подъ вліяніемъ духовенства и легитимистовъ; между карлистами не послѣдовало новаго соединенія, хотя они были побиты, и что еще хуже, унижены и доведены до комической ничтожности, а между тѣмъ либеральная партія усиливается съ каждымъ днемъ. Очень можетъ быть, что партія юнаго Португальскаго короля дошъ-Педро получить скоро преобладающее вліяніе; отъ этого произойдетъ только то, что Испанія пріобрѣтетъ Португалію, точно также какъ Англія, съ восшествіемъ Якова I на престоль, присоединила къ себѣ Шотландію. Старая Европа все болѣе и болѣе измѣняетъ свой видъ. Территоріальныя измѣненія, происшедшія въ Италіи, можетъ быть, повторяются также на пберическомъ полуостровѣ, въ славянскихъ и германскихъ земляхъ, въ Венгріи и въ архипелагахъ древней Греціи.

Послѣднія извѣстія, полученныя изъ Венгріи, показываютъ, что

хартія Франциска-Иосифа, названная конституціей, не удовлетворила ес. Венгерцы подумываютъ о дѣйствительныхъ правахъ и возвращеніи ихъ, а не о вѣскихъ манифестахъ, вынужденныхъ необходимою и критическимъ положеніемъ.

ЖАКЪ ДЕФРЕНЬ.

Парижъ. 1860 г. 12 Ноября.

Обзоръ современныхъ событій.

Въ африканскихъ степяхъ есть атмосферическія явленія, извѣстныя подъ именемъ миражей. Среди песчаной и безводной пустыни вдругъ представляется путешественнику великолѣпный оазисъ, плавающий въ воздухѣ. Неопытный туристъ, незнакомый съ мѣстностью и тропическимъ солнцемъ, принимаетъ оптическій обманъ за дѣйствительный предметъ и спѣшитъ отдохнуть подъ тѣнью зеленаго дерева или выпить изъ чистаго ручья; но едва онъ подходитъ къ этому явленію, какъ оно исчезаетъ, и на мѣстѣ его — та же голая и безплодная степь. Въ современномъ политическомъ мірѣ передъ нами постоянно происходятъ подобные феномены: дипломатическая атмосфера ежеминутно выдвигаетъ одинъ миражъ за другимъ, и едва общественное мнѣніе успѣетъ остановиться на какомъ нибудь событій, какъ оно исчезаетъ или принимаетъ другую форму и характеръ. Если вчера мы все были увѣрены, что Гарибальди продолжаетъ осаду Гаеты, то сегодня мы должны быть готовы — услышать о его отплытіи на островъ Капреру; если за нѣсколько дней никто не могъ поручиться, чтобъ папа остался въ Римѣ, — то теперь онъ силенъ огромнымъ войскомъ, какого никогда не имѣла церковная область, и тотъ же разбитый Ламорисьеръ, изъ мнѣсти отпущенный изъ плѣна, назначается вождемъ папскихъ ратниковъ; точно та же иллюзія случилась и съ варшавскимъ свиданіемъ: прежде чѣмъ оно началось, таинственная обстановка его волновала европейскіе умы и журналистику страхомъ

войны, коалиціи, всеми мрачными предчувствіями, но свиданіе кончилось, и призракъ разсѣялся...

Но гдѣ же причина всѣхъ этихъ приливовъ и отливовъ, жара и холода, надеждъ и отчаянія? Конечно, не въ самомъ ходѣ исторіи, которая развиваетъ свою основную идею съ строгой логической послѣдовательностью; конечно, не въ убѣжденіяхъ отдѣльныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ современную драмѣ, потому что ничего не можетъ быть труднѣе для человѣка, какъ отказаться отъ убѣжденія, если онъ, дѣйствительно, воспиталъ его въ себѣ; — и не въ обстоятельствахъ или признакахъ времени, потому что внутренній опытъ происшествій такъ ясенъ и великъ, что можно оспаривать интересы партій, но не ошибаться на-счетъ цѣли и значенія современной борьбы. Но въ чемъ же, спрашиваемъ мы, заключается причина страннаго видоизмѣненія вопросовъ, положеній, мѣтій и политическихъ миражей? По нашему мнѣнію, въ самой же политикѣ. Она никогда не отличалась искренностью и особеннымъ великодушіемъ, но часто позволяла себѣ наипуную откровенность. Было время, когда завоеватель, собираясь поколотить своего недруга, напередъ говорилъ ему: «иду на тебя,» или когда оскорбленный князь, желая вымѣстить гнѣвъ на другомъ князѣ, посылала ему ругательную грамоту, съ приложеніемъ свиного уха, и совершенно былъ спокоенъ, что ему отвѣтять въ томъ же родѣ. Теперь не то; дипломатическій этикетъ строго соблюдается... Если Кавуръ превозноситъ Гарибальди въ парламентѣ, — это значитъ, что послѣдній скоро оставитъ сцену дѣйствія и передастъ диктатуру сардинскому правительству; если французскій посланникъ выѣзжаетъ изъ Турина, что прежде было непремѣннымъ условіемъ разрыва, то теперь это нисколько не мѣшаетъ ни добрымъ отношеніямъ Пьемонта и Франціи, ни личной дружбѣ ихъ властителей; если по одну сторону канала Наполеонъ III увѣряетъ Англію въ неизмѣнномъ уваженіи къ ея величію и желаніи мира, то по другую сторону пролива это надо понимать такъ, что Англія должна приготовить на всякій случай около двухъ сотъ тысячъ вольтеровъ и укрѣпить свои плоскіе и открытые берега.

Но какъ же назвать собственнымъ именемъ этотъ поразительный разладъ между словомъ и дѣломъ, это противорѣчіе формы самому поступку? Прежде такія явленія назывались дипломатической ловкостью, а теперь — *политической необходимостію*. Въ силу этой необходимости Франція, совершенно законно, присоединила себѣ Савою и Ниццу, извинившись передъ Европой тѣмъ, что безопасность

ей географическаго и народнаго положенія непремѣнно требовали этой новой перемѣны въ территоріяхъ; въ силу той же необходимости, опять на законномъ основаніи, Англія можетъ захватить у Китая нѣсколько приморскихъ портовъ и городовъ, оправдавшись тѣмъ, что Китайцы изъ деревянныхъ пушекъ перестрѣляли нѣсколько десятковъ ея моряковъ. Но позвольте спросить, не имѣютъ ли подобныя явленія другаго смысла, чѣмъ, обыкновенно, придаютъ имъ? Не разрушаютъ ли они послѣдней вѣры народовъ въ свои взаимныя отношенія, довѣріе каждаго своему правительству, и не деморализируютъ ли общественное мнѣніе эпохи? Чего держаться и на что положиться? — вотъ страшное сомнѣніе нашего дня, когда не видишь ни цѣли, ни увѣренности, ни даже сознанія быстро-мелькающихъ событій, въ которыхъ гибнутъ люди, падаютъ герои, стираются такія личности, какъ Гарибальди и Бертани, и въ заключеніе никто не знаетъ, чѣмъ окончится вся эта драма.

Впрочемъ исключимъ изъ числа современныхъ тартюфовъ двѣ почтенныя личности — римскаго папу и китайскаго боддыхана. Въ политическомъ положеніи ихъ очень много общаго: оба они отстаиваютъ предаіе старины, невозможной при настоящемъ порядкѣ вещей; оба они теоретически могущественны, одинъ съ двумя стами пятидесятью милліонами католическихъ послѣдователей, другой, — съ четырьмя стами милліонами собственныхъ подданныхъ; оба они считаютъ себя сильнѣе всѣхъ властителей земли, и за всѣмъ тѣмъ оба сидятъ въ своихъ столицахъ, боясь выйти за крѣпостную стѣну. Какъ папа, такъ и боддыханъ наследовали отъ своихъ предковъ спокойныя владѣнія, но не болѣе, какъ въ десять лѣтъ довели ихъ до окончательнаго разстройства; первый въ продолженіе восемнадцати дней теряетъ болѣе половины своей области; у втораго лучшія провинціи опустошаются инсургентами, внутреннее потрясеніе чувствуется отъ береговъ Амура до Иравадди, отъ Тихаго океана до подножій Гималая, и подъ стѣнами Пекина стоитъ союзное англо-французское войско. Какъ Шіи IX, такъ и Гіенфунгъ въ равной степени не терять нововведеній, и, основываясь на своемъ воображаемомъ правѣ, не хотять признать ни требованій вѣка, ни справедливыхъ желаній подвластныхъ имъ народовъ, ни протеста образованныхъ націй. И вслѣдствіе этой замкнутой политики церковная область и небесная имперія, въ послѣдніе десять лѣтъ, до того взнемогли, что существованіе первой было возможно только при помощи заемныхъ штыговъ, а су-

ществованіе второй есть дѣло простаго случая. Настоящая война Англичанъ и Французовъ съ Китайцами всего лучше доказываетъ до какого непонятнаго упорства и ослѣпленія можетъ доходить правительство, разорвавшее жизненные связи съ народомъ и общимъ направле-ніемъ другихъ націй. Союзная армія *), осадивъ и разрушивъ укрѣпленія Таку, почти безъ выстрѣла прошла до Тіень-Дзинга, не встрѣтивъ на пути своемъ ни сопротивленія мѣстныхъ жителей, ни отпора разбѣжавшагося войска. Вся страна лежитъ открытой передъ непріателемъ, и онъ можетъ предписывать свои условія въ самой столицѣ. Но что же дѣлаютъ мандарины и преждевременно состарѣвшійся императоръ? Они утѣшаютъ себя одной надеждой, что если Пекинъ пѣтъ и благополученъ, то и вся имперія здравствуетъ; имъ дѣла нѣтъ до того, что нападутъ другіе города и гибнутъ тысячи лю-

*) Мы не считаемъ лишнимъ напомнить нашимъ читателямъ, что настоящая война Англии и Франціи съ Китаемъ была вызвана нарушеніемъ тіендзинскаго договора, заключеннаго въ 1858 году. Въ силу этого договора, Англія выговорила себѣ слѣдующіе пять пунктовъ: 1) англійскій посланникъ можетъ постоянно находиться въ Пекинѣ, и свободно переѣзжать съ одного мѣста на другое. Англія признается націей независимой и равной Китаю; поэтому посланникъ ея, подходя къ императору, освобождается отъ всѣхъ церемоній, унижительныхъ для достоинства британскаго народа. 2) Королева имѣетъ право назначать консуловъ въ торговые города и открывать новые порты. 3) Всѣ проповѣдники и миссіонеры христіанской религіи должны быть покровительствуемы. 4) Британскіе подданные могутъ отправляться во всѣ внутренніе мѣста имперіи съ паспортами отъ своихъ консуловъ. 5) Янгъ-Дзи долженъ быть открытъ англійскимъ купеческимъ кораблямъ, какъ только кончится внутренній бунтъ. Вотъ главныя постановленія этого договора; онъ, очевидно, не давалъ Англіи никакого вещественнаго приобрѣтенія въ данную минуту своей ратификаціи, но четвертымъ пунктомъ его обезпечивалось огромное вліяніе британской націи на будущія судьбы Китая. Почти на-вѣрное можно сказать, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ, лучшія части имперіи и главныя центры ея промышленной дѣятельности находились бы въ рукахъ Англичанъ. Въ этомъ отношеніи необыкновенная предприимчивость ихъ и постоянная энергія идти впередъ, захватывая по дорогѣ въ свою власть все, что слабѣе и глупѣе этого великаго народа,—очень извѣстны какъ въ Индіи, такъ и въ Австраліи. Тіендзинскій договоръ былъ утвержденъ; оставалось подписать его и размѣнять граматами. Между тѣмъ на рѣкѣ Пейго случилось событіе, снова разстроившее миролюбивыя отношенія двухъ націй; оно слишкомъ хорошо извѣстно, чтобъ повторять здѣсь его подробности. Отвѣтственность этого вѣроломнаго убійства, какъ водится, китайское правительство свалило на подданныхъ, между тѣмъ изъ денешъ лорда Эджина ясно видно, что со-вѣтъ мандариновъ, расказавшій въ устухахъ, хотѣлъ нарушить данное слово, въ надеждѣ какънибудь уничтожить самыя условія. Съ этой цѣлью

дей, лишь бы их не трогали. И вотъ, когда союзники подойдутъ къ воротамъ самого Пекина и пустать въ него нѣсколько бомбъ, мы напередъ знаемъ, что Генфунгъ и его совѣтники предложатъ европейцамъ миръ, на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для себя, и заплатятъ хорошую контрибуцію. Побитые и униженные, они несколько не задумаются извѣстить небесную имперію, что Европейцы испугались ея могущества и просили о пощадѣ; затѣмъ начнется торжественная мольба въ пагодахъ за счастливую побѣду и надбавка подарковъ на подданныхъ. Теперь сравнимъ все эти поступки китайскаго правительства съ пацскимъ, и мы убѣдимся, что въ основаніи ихъ взглядовъ и дѣйствій лежитъ одно и тоже начало.

Но мы удалились отъ своей тѣмы, желая сказать, что папа и китайскій императоръ не раздѣляютъ общаго тона двойственной совре-

онъ постарался запутать дѣло всевозможными восточными формальностями и наконецъ запереть рѣку, которой проходъ былъ предварительно обезпеченъ. Во всемъ этомъ крайне-незловкомъ поступкѣ китайскаго правительства главную роль играли не существенный интересъ націи, а придворная щекотливость. Мандарины особенно были недовольны тѣмъ, что англійскій посланникъ освобождался отъ церемоніала въ своихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ императоромъ. Для Англичанъ же такая ничтожная вещь была особенной важности: она избавляла ихъ отъ множества затрудненій, въ дѣлахъ съ центральной властью, гдѣ исполнители ея вовсе не отвѣчаютъ за свои дѣйствія, а бохдыханъ, источникъ всякой жизни и всякого закона, недоступенъ обыкновеннымъ смертнымъ, какъ юпитеръ на своемъ олимпѣ.

Настоящій походъ предпринять за тѣмъ, чтобы возстановить нарушенное международное право и заставить китайское правительство подписать договоръ. Мы увѣрены, что Англичане и Французы, недовольные прежними условіями, особенно послѣ нашего приобрѣтенія на Амурѣ, не ограничатся старыми постановленіями, и принудятъ Китай на гораздо большія уступки.

Мы также далеки оттого, чтобы раздѣлять воинственный восторгъ двухъ образованныхъ націй Европы; насъ странно поражаютъ постоянные возгласы Times'a, который, не стѣсняясь, говоритъ: «мы идемъ въ Китай не только возстановить оскорбленное право народовъ, но и *отмстить за убійство*», т. е. тащить зубъ за зубъ и око за око; особенно странно читать подобныя фразы въ такомъ литературномъ органѣ, какъ всемірная британская газета. Положимъ, что союзное войско убьетъ тысячу или двѣ Китайцевъ, но развѣ это облегчитъ уже оконченное преступленіе? Притомъ, на кого обрушится эта казнь? Разумѣется, на бѣдныхъ солдатъ и невинныхъ жителей, а виноватое правительство спокойно будетъ сидѣть въ Пекинѣ. Конечно, ни Генфунгъ, ни его сановники даже не слышали тѣхъ пушечныхъ ударовъ, подъ которыми упала вѣрность Таку и убито нѣсколько сотъ несчастныхъ Манджуровъ.

менной политики, и ведут себя совершенно *рыцарски*. Въ-самомъ-дѣ-лѣ, ни тотъ, ни другой ни сколько не стѣсняются дипломатическими приличіями и, отбрасывая всякій лишній этикетъ, на всю Европу говорятъ языкомъ допотопныхъ патріарховъ. Перечитывая манифесты ихъ, встрѣчаешь удивительное сходство въ пріемахъ и выраженіяхъ, когда они обращаются къ своимъ антагонистамъ. Ріо Нопо надѣлилъ Виктора Эмануила такими эпитетими, къ какимъ привыкъ только одинъ соинскій уроженецъ, Антонелли: слушая ихъ, становится страшно за сардинскаго короля; онъ оглашенъ и отцеубійцей и отверженнымъ сыномъ церкви и возмутителемъ Италіи; мало того, что коллегія кардиналовъ предала его официальному проклятію, она взвела на него преступленія, какихъ никто не знаетъ за нимъ. Точно также плодovitъ и китайскій императоръ въ своихъ рескриптахъ: говоря о Европейцахъ, онъ не иначе величаетъ ихъ, какъ варварами, плутами и, если остерегается назвать Англичанъ «рыжими разбойниками», то единственно потому, что у нихъ есть сверленные пушки, а у него еще нѣтъ. Но что же лучше — китайско-римская откровенность въ дипломатикѣ или Англо-Французская скрытность? — Этого не берся рѣшить.

Теперь мы можемъ перейти къ Австріи. Со времени сольферинскаго пораженія, вѣнскій кабинетъ оставилъ старое реакціонное направленіе и приступилъ къ реформамъ: онъ убѣдился, что одной силы недостаточно для внутренняго спокойствія страны и національнаго уровня ея разнородныхъ частей. Какъ бы ни была натянута административная централизація, какимъ бы государственнымъ тактомъ ни обладалъ императорскій совѣтъ, но не въ ихъ власти измѣнять историческую физиономію народа и коренныя черты его характера. Венгрія всего лучше доказываетъ это мнѣніе. Около трехъ сотъ лѣтъ, потомки Фердинанда I уничтожали ея народность и конституціонныя права, но Венгрія никогда не теряла ихъ; напротивъ, съ каждымъ новымъ покушеніемъ дома Габсбурговъ на ея политическую жизнь, она поднимала громкій протестъ и находила въ себѣ новую энергію для противодѣйствія. Исторія ея — уголовный актъ челоувѣческаго существованія; на ней обрушились главные удары австрійскаго самовластія; она болѣе, чѣмъ другой народъ, испытала его систему дѣйствій. И не смотря на все это, Венгрія сохранила не только независимый духъ, но полное сознаніе своихъ прежнихъ правъ. Такая неокрушимая живучесть страны

можетъ быть объяснена только глубокимъ развитіемъ народной жизни, полной внутренняго содержанія. И дѣйствительно, на берегахъ Дуная не было ни одной націи, такъ рано и быстро усвоившей начало самоуправленія, какъ мадарское племя. Муниципальныя учрежденія его являются въ полной силѣ еще въ ту отдаленную эпоху, когда только начала выработывать ихъ Англія; свободные города Венгріи, раздѣленной на пятьдесятъ два комитата, управлялись сами собою съ своей индивидуальной дѣятельностью; въ нихъ администраціи всегда преобладала элективная система, распространенная на все совѣты и собранія. Венгерскіе комитаты, — это единственная ограда національной свободы, — допускали самое обширное участіе среднихъ сословій въ своемъ управленіи. Поземельная собственность имѣла здѣсь свои привилегіи, но она не исключала, подобно старому британскому парламенту, ни личнаго достоинства человѣка, ни его способности. Венгрія еще въ XVI столѣтіи не знала ни заставъ, ни паспортовъ, чего достигаетъ шведская конституція только въ наше время. Участіе женщины въ представительной системѣ, понятное только для современной Америки, всегда было признано Мадярами; наконецъ до половины XVIII вѣка Венгрія не имѣла постоянного войска и религиозную свободу считала основнымъ правиломъ своей конституціи. И вотъ эта страна, если не достигшая полного гражданскаго воспитанія, то поевшая въ себѣ зародыши политическаго могущества, встрѣтилась съ другой страной, на двухъ противоположныхъ горизонтахъ исторіи. И первая, уступая второй въ матеріальной силѣ, должна была уступить и въ гражданской. Борьба элементовъ и различіе направленій были такъ рѣзки, что согласить ихъ въ одномъ цѣломъ политическомъ организмѣ не было никакой возможности. Австрія могла принять управленіе Венгріи, — и тогда исторія габсбургскаго дома была бы другая, — или Венгрія должна была подчиниться вліянію первой. Мадяры инстинктивно чувствовали, къ чему приведетъ ихъ соединеніе съ Австріей, и потому никогда не хотѣли признать ея безусловнаго владычества надъ собою; желѣзная корона Стефана всегда казалась имъ и тверже и чище золотого вѣнца Габсбурговъ. Какъ только Австрія намѣревалась лишить Венгрію независимой внутренней жизни, послѣдняя вставала поголовной оппозиціей, и такъ или иначе отстаивала свою свободу. Въ 1822 году, вѣнское правительство, помимо содѣйствія сейма, обратилось прямо къ комитатамъ за утвержденіемъ рекрутскаго набора и смѣты по-

латей. Какъ обыкновенно, вслѣдъ за тѣмъ явились королевскіе агенты, а позади ихъ австрійскіе полки; Венгрія заволиновалась во всѣхъ концахъ своей земли, составила крѣпкій отпоръ и еще разъ спасла цѣлость своей конституціи. Король принужденъ былъ созвать сеймъ. Съ другой стороны, династія Габсбурговъ, питая какъ бы неприязнь къ Мадарамъ, всегда однако жъ понимала, что независимость Венгрии должна быть неприкосновенна. По этому въ эпохи критическихъ обстоятельствъ, Австрія ласкала Мадаровъ увеличеніемъ ихъ льготъ и, надо замѣтить, находила въ нихъ самыхъ благородныхъ защитниковъ; когда же хотѣла наказать ихъ, она лишала ихъ того или другаго права.

Въ такомъ состояніи Венгрія перешла въ руки Франциска-Иосифа. Побѣда 1849 года послужила для Австріи предлогомъ радикальнаго преобразованія страны. Все, что Венгрія воспитала, сберегла въ продолженіе десяти вѣковъ, вѣская политика хотѣла быстро уничтожить. Желая германизировать и отнять гражданскую самостоятельность у побѣжденной націи, она рѣшилась вырвать съ корнемъ все муниципальныя учрежденія — совѣщательные сеймы, національное министерство, независимые комитаты, свободные города, коммунальные нравы, однимъ словомъ, обратить старую венгерскую конституцію въ мертвую букву. За тѣмъ толпа нѣмецкихъ чиновниковъ, не знающихъ ни языка, ни обычая страны, нахлынула на Венгрію и смѣнила мѣстное и избирательное управленіе; прямыя и косвенныя налоги возросли до огромной цифры, такъ что три миллиарда долгу отяготили небольшое населеніе въ теченіе десяти лѣтъ. Австрійскій кодексъ былъ введенъ вмѣсто національнаго, и германскій языкъ — вмѣсто венгерскаго. Этого мало; реакція коснулась самого состава страны, раздробивъ ее на болѣе мелкія части. Трансильванія составила особенную народность; Кромачія и Славонія, со всемъ венгерскимъ побережьемъ, образовали отдѣльную провинцію и наконецъ самая Венгрія названа была «короннымъ владѣніемъ.»

Но что же оказалось въ результатѣ послѣ десятилѣтняго исполненія программы Баха и Шварценберга? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ настоящая конституція Франциска-Иосифа. Разсматривая ее во всѣхъ ея частностяхъ и примѣненіи къ Венгрии, мы не можемъ назвать ее новой хартіей; она даже не возвращаетъ странѣ того, что было признано прежними договорами королей. Такъ, напримѣръ, смѣта и сборъ податей, опредѣленіе высшихъ концепцій, прежде зависѣвшихъ отчасти отъ комитатовъ,

теперь составляет исключительную прерогативу австрийской монархии. Ограничение этих прав, особенно важное для Венгрии, лишает ее независимость двух главнейших опор. Возстановление местной самостоятельности и ослабление министерской централизации, есть сомнения, составляет лучшую сторону реформы; къ сожалѣнію, мы доселѣ не знаемъ, какъ опредѣлятся подробности этого политическаго акта и какъ онъ выразится на самомъ дѣлѣ. Притомъ, какъ общественное мнѣніе Европы, такъ и сама Венгрія не питаютъ особеннаго довѣрія къ этой хартиѣ, данной подъ вліяніемъ слишкомъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ для Австріи и слишкомъ яснаго протеста со стороны притѣвненныхъ Мадяровъ. Кажется, вѣнское правительство, оставивъ Венецію безъ всякихъ улучшеній, наводивъ ее войсками, и въ то же время облегчивъ судьбу Венгрии, слишкомъ ясно высказалось, въ чемъ ее главная цѣль и намѣреніе. Очевидно, ей необходимо обезпечить себя со стороны Дуная, чтобъ развизнѣи дѣйствовать на берегахъ Адриатики.

Между тѣмъ, какъ Австрія отказывается отъ своей давнишней мечты національнаго единства съ мозанчской организаціи, Італія сдвается въ одно органическое тѣло. Страна, еще такъ не давно раздробленная между нѣсколькими династіями, каждая съ своими личными интересами, съ своими цѣлями, страна, покрытая на сѣверѣ Австрийскими гарнизонами, на югѣ измученная постоянными революціями и едва подававшая признаки жизни подъ властью австрийскаго правительства, вдругъ встаетъ во всей силѣ независимой націи. Отъ Альпъ до Палермо 22,000,000 людей соединяются въ одно королевство, располагающее многочисленной арміей, флотомъ, крѣпкимъ патриотизмомъ, закаленнымъ въ несчастіяхъ, и богатое героями, готовыми жертвовать всею спасенію своего отечества. Что будетъ съ Італіей черезъ двадцать лѣтъ, когда разсѣется дымъ этихъ междоусобныхъ войнъ, когда сотрется грязь и пыль отъ копытъ кротской коницы, что будетъ съ Італіей, когда она, успокоенная внутри и безопасная извнѣ, направитъ свои огненные силы къ умственной и политической дѣятельности? Есть сомнѣнія, она опять дастъ Европѣ великихъ художниковъ, поэтовъ, мыслителей, откроетъ свои классическіе студіи, музеумы, воскреситъ забытыя имена славныхъ дѣятелей и, можетъ быть, въ нѣсколько лѣтъ окажетъ человѣчеству болѣе услугъ, чѣмъ оказала ихъ въ послѣдніе три вѣка.

Но каково бы ни было будущее Италіи, оно зависить отъ на стоящаго, а настоящее ея только начинаеть обозначаться въ неясныхъ чертахъ. Неблагопріятную пору она, конечно, пережила, но трудно сказать, какъ сложится ея новая политическая жизнь, въ какихъ формахъ выразится ея единство. Она ввѣряеть свою судьбу конституціонному монарху, извѣстному рыцарской отвагой въ прошлую италіанскую войну и пламенной ненавистью къ Австріи. Викторъ Эмануиль принялъ корону изъ рукъ своего отца на поляхъ новарскихъ, онъ стоялъ вмѣстѣ съ Альбертомъ подъ австрійскими пулями и потомъ оплакивалъ его изгнаніе; еще юношей онъ видѣлъ Италію во власти Радецкаго, слышалъ ея сдавленные стоны, раздѣлилъ вмѣстѣ съ ней обиды, горе и униженіе, и никогда не проститъ Австріи своихъ семейныхъ и народныхъ бѣдствій. Съ этой стороны Викторъ Эмануиль искренній защитникъ Италіи; но счумѣеть ли онъ освободиться отъ вліянія французскаго двора? Станетъ ли онъ выше династическихъ разсчетовъ и будетъ ли онъ въ Неаполѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ доселѣ въ Піемонтѣ? Всѣ эти вопросы, въ настоящую минуту, такъ естественны и важны, что общественное мнѣніе неутомимо слѣдитъ за каждымъ шагомъ сардинскаго короля. Входя въ предѣлы неаполитанскихъ владѣній, онъ обратился къ Италіянцамъ съ слѣдующей прокламаціей: «Я утвердилъ свободу въ эпоху, не совѣмъ благопріятную свободѣ, и я желалъ, чтобъ она, развиваясь сама собой, укоренилась въ обычаяхъ народа, потому что я никогда не завидовалъ и не подозрѣвалъ того, что дорого моему народу. Охраняя свободу въ Піемонтѣ, я свято уважалъ наслѣдство, завѣщанное прозорливымъ взглядомъ моего отца всѣмъ Италіянцамъ. Представительными льготами, народнымъ воспитаніемъ, свободной торговлей и промышленностью я старался увеличить благосостояніе моихъ подданныхъ.... Эта система правленія не могла остаться безъ вліянія на другія части Италіи. Согласіе между народомъ и его монархомъ, въ одномъ общемъ стремленіи къ національной независимости и политической свободѣ, парламентская трибуна и свободная пресса, армія, сохранившая свои военныя преданія подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, — все это возвысило Піемонтъ на степень вождя и защитника Италіи. Сила моей власти не была результатомъ темныхъ интригъ политикъ, но открытаго вліянія идей и общественнаго мнѣнія.... Народъ южной Италіи! мои войска вступаютъ на вашу землю для упроченія общественнаго порядка; я иду не за тѣмъ, чтобъ предписать вамъ свою волю, но заставить уважать вашу. Вы

можете выражать ее свободно... Каковъ бы ни былъ ходъ событій, я спокойно ожидаю суда образованной Европы, съ полнымъ убѣжденіемъ, что я исполнилъ свои обязанности, какъ король и какъ Италіанецъ. Моя политика, можетъ быть, не будетъ бесполезна применію въ Европѣ народнаго прогресса съ твердостью монархій. Я увѣренъ, что въ Италіи моя рука закрываетъ эру революцій». Вотъ программа, которую Викторъ Эмануэль ставитъ въ основаніе своего управленія Обѣими Сициліями. Относительно исполненія обѣщаній, онъ выражается такъ: «я никогда не задумался бы выборомъ между короной и даннымъ словомъ». Во всякомъ случаѣ сардинскій король не долженъ забывать, что его произвольное вторженіе въ Неаполь можетъ оправдаться только цѣлю дѣйствительнаго возрожденія страны.

Въ то время, когда всеобщая подача голосовъ единодушно избираетъ новаго короля, когда Неаполь торжественно отворяетъ ворота Виктору Эмануэлу, котораго представляетъ народу Гарибальди, въ то время, когда въ самой Гаэтѣ открылись измѣны Франциску II, послѣдній Бурбонъ надѣется на возвращеніе потеряннаго трона. Но возвратить его было-бы трудно. Между тѣмъ, подъ стѣнами Гаэты, потоками льется италіанская кровь; тѣмъ болѣе жалко, что война ведется бесполезно, она можетъ опустошить на нѣсколько миль окрестныя села и деревни, разорить нѣсколько невинныхъ семействъ и погубить нѣсколько тысячъ солдатъ, но Францискъ едва ли возвратится въ Неаполь. Не великодушнѣ ли было бы положить оружіе безъ сопротивленія и оставить Гаэту?

Послѣдняя побѣда Гарибальди при Вольтурно была блестящимъ возмездіемъ за пораженіе, понесенное имъ при Каацо и такъ искусно подготовленное его врагами. Притомъ эта побѣда рѣшила участь Неаполя; еслибъ она была проиграна гарибалдійцами, Францискъ, въ тотъ же вечеръ могъ бы войти въ Неаполь. Напротивъ, въ случаѣ успѣха Гарибальди, продолженіе войны стало болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Кануя пала; лучшія мѣстности заняты Италіанцами, и бурбоны принуждены были заключиться въ тѣсныхъ укрѣпленіяхъ Гаэты. Кромѣ того, эта побѣда окончательно разстроила реакціонное движеніе, которое послѣ неудачи при Каацо снова зашевелилось. Известно, что Гарибальди едва успѣлъ оставить поле битвы, какъ, покрытый потомъ и дымомъ, долженъ былъ сѣсть въ первую карету и скакать въ Неаполь, чтобъ удержать готовую вспыхнуть брань между либералами и абсолютистами. На-

конецъ вольтурнское сраженіе прибавило свѣжій лавръ къ вѣнку палермскаго героя; оно вполне раскрыло необыкновенныя его способности, какъ перваго солдата нашего времени. Битва была начата королевскими войсками; желая предупредить приходъ Пиемонтцевъ, они рѣшились первые напасть на Гарибальди. Въ числѣ тридцати тысячъ человекъ, они вышли противъ вполнину меньшей арміи. Подъ туманомъ осенняго утра, нападеніе ихъ такъ было неожиданно и незамѣтно, что они подошли къ передовымъ линіямъ гарибальдійцевъ, безъ всякой тревоги съ противной стороны. Последніе, вовсе не приготовленные къ оборонѣ, смѣшались и нестройной толпой бросились бѣжать къ Санъ-Анджело. Бурбонисты сомкнулись и построились въ правильную боевую линію. Почти на всѣхъ пунктахъ они поражали непріятеля. Гарибальди, подъ градомъ неаполитанскихъ пуль, прибылъ на мѣсто дѣйствія въ ту минуту, когда въ рядахъ его войска было общее замѣшательство. Съ ривольеромъ въ рукѣ, онъ бросился къ Санъ-Анджело, возстановилъ равновѣсіе боя и скоро отбросилъ непріятеля назадъ. Восемь часовъ продолжалась битва, пока наконецъ Гарибальди, во главѣ храбрыхъ Калабрійцевъ и Венгерцовъ, не сдѣлалъ послѣдняго удара на королевскую армію: этотъ ударъ былъ рѣшительный. Неаполитанцы начали не отступать, а бѣжать по всѣмъ направленіямъ. До пяти тысячъ человекъ, отрѣзанныхъ генераломъ Биксіо, и нѣсколько орудій остались въ рукахъ гарибальдійцевъ. Пораженіе было полное.

Послѣ вольтурискаго дѣла остается взятіе Гаэты, котораго ожидаютъ каждый день. Оно должно окончить ужасную гражданскую войну, и примирить Италію.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что замѣшательство Виктора Эмануэла въ неаполитанскіе дѣла измѣняетъ положеніе италіанскаго вопроса. Если угодно, онъ становится на болѣе твердую дипломатическую почву, но утрачиваетъ свой обще-національный характеръ. Освобожденіе Венеціи, какъ даетъ чувствовать Кавуръ, отступаетъ на задній планъ и дѣлается менѣ чѣмъ второстепенной темой сардинской политики. Но какъ скоро составится италіанское королевство, положеніе папы въ Римѣ и Австріи въ Венеціи становится политическимъ парадоксомъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Писемскаго *).

Есть періоды въ жизни народной, въ которые экономическіе, сословные, административные вопросы дотога занимають всѣхъ и каждаго; дотога притягиваютъ общее вниманіе, становятся общимъ интересомъ всего народа, что, конечно, и литература, какъ отголосокъ своего времени, не можетъ обойти ихъ. Мы ни сколько не удивляемся распространенію повѣстей, очерковъ, романовъ и даже драматическихъ произведеній, основанныхъ единственно на этихъ данныхъ и составляющихъ такъ называемую обличительную литературу; этотъ обличительный характеръ, напротивъ, очень естественъ, скажемъ больше — очень полезенъ въ наше время. Теперь, когда предстоитъ исполненіе великаго намѣренія нашего правительства, когда предвидится коренное измѣненіе въ администраціи главной массы народа, весьма понятно общее желаніе всѣхъ ознакомишься ближе съ настоящимъ поло-

*) Статья эта, начатая еще въ началѣ года, по случаю отъѣзда автора за границу, не могла быть своевременно окончена. Не смотря на то, что Русское Слово уже говорило объ этомъ замѣчательномъ произведеніи г. Писемскаго, (хотя и не было помѣщено въ нашемъ изданіи вполнѣ подробнаго критическаго разбора этой драмы), мы позволяемъ себѣ теперь напечатать только-что доставленную въ редакцію статью, надѣясь выразить тѣмъ новое доказательство нашего живаго сочувствія таланту г. Писемскаго.

Отъ Редакціи.

женіемъ дѣлъ. Естественно также стремленіе нѣкоторыхъ писателей представить въ своихъ очеркахъ, разсказахъ, повѣстяхъ возможно ясно и наглядно злоупотребленія прежняго порядка вещей. Наука, труды ученыхъ спеціалистовъ, конечно и безъ этихъ случаевъ, собранныхъ кое-гдѣ и часто на-удачу, давно уже открыли главные причины всѣхъ этихъ злоупотребленій, но здѣсь, какъ и во всякомъ общемъ дѣлѣ, литература можетъ сохранить за собой заслугу распространенія, обобщенія этихъ свѣдѣній и истинъ.

Мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ, говоря объ обличительномъ характерѣ нашей современной литературы, пожалѣть только о томъ, что болѣею частію наши современные писатели останавливаются слишкомъ рѣзко на одномъ случайномъ явленіи, часто на-удачу выдернутомъ изъ частной жизни и обличаютъ взяточника, помѣщика грубаго, необразованнаго и различныя его противузаконныя дѣйствія относительно крестьянъ; — раскрываютъ, мошенничество обманъ въ разныхъ видахъ и въ разныхъ сословіяхъ, полагая, что они уже этимъ и исполнили весь свой долгъ. Но все это одни факты и факты, которые, по нашему мнѣнію, не могутъ удовлетворить требованія современныхъ читателей. Нашъ вѣкъ, хотя и переходный, но несомнѣнно глубже старается изучить вопросъ. Мы желали бы видѣть, оцѣнить причину всѣхъ этихъ злоупотребленій; мы желали бы въ анализѣ представленныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ разяснить себѣ, отчего именно эти люди такъ склонны къ злоупотребленіямъ? Отчего эти злоупотребленія такъ многочисленны? Нѣтъ ли во всемъ этомъ какой-нибудь нравственной причины, которая развилась въ самомъ образѣ воспитанія этихъ людей, въ самомъ образѣ жизни всѣхъ окружающихъ лицъ?...

Анализъ всѣхъ причинъ, обусловливающихъ нынѣшнее положеніе общества, освѣтилъ бы всѣ произведенія нашей обличительной литературы новымъ, яркимъ свѣтомъ, доставилъ бы имъ огромную важность и значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ бы имъ цѣнность истинно-художественнаго характера.

Впрочемъ, нѣкоторые писатели часто старались исполнить эту трудную задачу и, какъ намъ кажется, такое намѣреніе видно въ послѣднемъ произведеніи г. Писемскаго, въ Горькой Судьбинѣ. Авторъ чрезвычайно удачно выбралъ для новой своей драмы эпизодъ изъ жизни крестьянской. Драма развивается вся на соотношеніяхъ одного крестьянина съ своимъ помѣщикомъ. Оче-

видно, главная мысль автора состоитъ въ томъ, чтобъ представить, во-первыхъ, крестьянина, который своимъ честнымъ, благороднымъ характеромъ, развитымъ еще нѣсколько кое-какимъ образованіемъ, понимаетъ всю тягость этого личнаго произвола помѣщика надъ нимъ и съ убѣжденіемъ старается противостоять ему; тогда какъ прочіе крестьяне, закончившіе въ однообразной и трудно-однообразной, укрѣпленной жизни, не признавая даже возможность такого протеста, считаютъ его человѣкомъ взбалмошнымъ, сумасшедшимъ. Они до того уже свыклись съ этимъ безпрекословнымъ подчиненіемъ помѣщичьей власти, что, отказываясь отъ всякаго личнаго права, готовы пзвлекать выгоду изъ самаго произвола. Съ другой стороны, автору хотѣлось, какъ кажется, представить молодого образованнаго помѣщика, хорошо понимающаго всю противуестественность этого личнаго произвола надъ крестьянами, которые вѣрепы ему съ цѣлью — оберегать ихъ, а не угнетать, трудами которыхъ онъ имѣетъ право, въ нѣкоторой степени, пользоваться, но никакъ не имѣетъ законнаго права ихъ заставлять исполнять всѣ свои капризы. Все это молодой помѣщикъ понимаетъ; но, къ сожалѣнію, самый образъ жизни его въ деревнѣ, общій образъ мысли всѣхъ окружающихъ его, даже взглядъ самихъ крестьянъ на его помѣщичью власть, и въ-особенности бурмистра, который при немъ находится и становится его любимцемъ, главнымъ совѣтникомъ, — все это невольно заставляетъ его уклоняться отъ чувства справедливости — и онъ, какъ бы подчиняясь этому общему ходу дѣлъ, позволяетъ себѣ произвольно распоряжаться своими крестьянами. Во всемъ этомъ ясно выказывается нравственный вредъ, созданный крѣпостнымъ правомъ, какъ въ средѣ самихъ крестьянъ, такъ и въ средѣ помѣщиковъ. Въ этомъ отношеніи драма г. Писемскаго, получаетъ полную, весьма строго-задуманную цѣль и становится произведеніемъ истинно-художественнымъ; она ярко отдѣляется отъ обычныхъ обличительныхъ эпизодовъ, которыми переполнены наши современные очерки и повѣсти. Задача автора несравненно выше, — задача трудная и во всякомъ случаѣ глубоко-обдуманная. Для того, чтобы оцѣнить, насколько г. Писемскій успѣлъ въ исполненіи ея, мы прежде познакомимъ читателя съ самымъ содержаніемъ драмы:

Ананій Яковлевъ, оброчный мужикъ помѣщика Чеглова-Соковина, вскорѣ послѣ свадьбы своей съ Лизаветой, дочерью Матрены, крестьянки того же помѣщика, отправился на заработки

въ Петербургъ; тамъ онъ собралъ кой-какія деньжонки и возвращается въ свою деревню, чтобъ повидаться съ своими родными и потомъ снова уѣхать въ Петербургъ, но уже съ женою; потому что на заработанныя деньги онъ предполагаетъ открыть въ городѣ какую-нибудь лавченку и зажить счастливо съ своей Лизаветой. Между тѣмъ, во время отсутствія Аванія, Лизавета приглянулась помѣщику, да и сама полюбила его; мужъ ей не нравился, она вышла за него почти противъ воли, по желанію ея матери; отъ этой связи у нея родился сынъ, которому только три мѣсяца. Ананій, въ первый же день по приѣздѣ, узнаетъ изъ болтовни пьянаго дяди Никона преступную связь своей жены; эта вѣсть страшно поражаетъ его, но онъ изъ любви къ своей женѣ и изъ сознанія долга — сохранить честь своего дома, готовъ, не смотря на всю внутреннюю бурю, которая постоянно бушуетъ въ его груди, признать ребенка своимъ и требуетъ только отъ Лизаветы, чтобы впредь она не забывала свой долгъ. «Не то,» говоритъ онъ, «легче бы тебѣ Лизавета было не родиться на бѣломъ свѣтѣ... кому другому, а тебѣ пора знать, что я за человѣкъ.» Лизавета плачетъ и ничего не отвѣчаетъ ему; она любитъ молодого помѣщика и только боится своего мужа; она желала бы даже навсегда оставить его и перебраться на дворъ барскій къ своему любовнику; но этого-то именно и не хочетъ Ананій.

Чегловъ-Соковинъ, узнавъ о возвращеніи Аванія въ деревню, очень смущенъ и разстроенъ; онъ предвидитъ ужасную драму для Аванія и Лизаветы, которую онъ любитъ; онъ чувствуетъ себя обязаннымъ помочь бѣдной женщинѣ, которую онъ же погубилъ; у нея же сынъ есть — это его кровь, его плоть; онъ не хочетъ оставить такъ ребенка своего. Чегловъ-Соковинъ человѣкъ безхарактерный, хотя съ душою и сердцемъ, но чрезмѣрно слабый, нерѣшительный, онъ самъ чувствуетъ свою вину, но не знаетъ, на что теперь рѣшиться; онъ совѣтуется съ своимъ зятемъ Золотилковымъ, другимъ помѣщикомъ — сосѣдомъ, который занимаетъ мѣсто уѣзднаго предводителя дворянства; — тотъ старается его успокоить. Но холодныя возраженія Золотилова не могутъ, конечно, согласоваться съ честною и, можно сказать нравственно-чистою душою Соковина, потому-что если онъ и совершилъ преступленіе въ этомъ дѣлѣ, то совершилъ его по слабости характера, а не по испорченности своего нрава. Тутъ является бурмистръ, Калистратъ Григорьевъ, умный, хитрый мужикъ, который пользуется полнымъ довѣріемъ своего барина,

и даже часто пользуется этимъ довѣріемъ для своихъ личныхъ цѣлей; къ тому же онъ питаетъ давно личную злобу къ Ананію и теперь простыми, но весьма ловкими словами успокоиваетъ барина и объявляетъ ему, что въ этомъ дѣлѣ стѣбитъ только Соковину захотѣть, и все тотчасъ-же уладится: — Ананія вышлютъ снова по паспорту, а жена останется съ ребенкомъ въ барскомъ домѣ. Соковинъ считаетъ, однако, долгомъ самъ поговорить съ Ананіемъ и разъяснить это дѣло. Ананій приходитъ. Баринъ объясняетъ ему, что онъ на все готовъ, чтобы только сохранить при себѣ Лизавету, но этого-то именно и нехочетъ Ананій. Споръ Соковина съ Ананіемъ продолжается довольно долго и разстроиваетъ молодого помѣщика такъ, что его чуть не увосать въ другую комнату замертво. Калистратъ бурмистръ упрекаетъ Ананія въ его настойчивости, объясняетъ, что онъ съумасшедшій, что онъ долженъ былъ бы согласиться, отпустить свою жену, за что онъ не былъ бы забытъ такимъ добрымъ баринкомъ. Драма все болѣе и болѣе развивается: Лизавета окончательно не хочетъ оставаться съ Ананіемъ. Бурмистръ приходитъ въ избу къ Ананію съ цѣлымъ миромъ и съ выборными крестьянами; онъ требуетъ отъ него отпуска его жены. Ананій не соглашается; но Лизавета ясно при всѣхъ объявляетъ, что она не можетъ долѣе жить съ мужемъ, что онъ ее бьетъ и терзаетъ, что она сама убѣжитъ отъ него, если ее не возьмутъ теперь. Тогда Ананій приходитъ въ неистовство, бѣжитъ за перегородку избы, хватаетъ ребенка и бросаетъ его. За сценой слышенъ крикъ и стонъ: Ананій убилъ сына Лизаветы и самъ выскочилъ въ окно.

Здѣсь, собственно, драма кончается. Последнее дѣйствіе представляетъ слѣдствіе, которое производится надъ убійствомъ, совершеннымъ Ананіемъ. Ананій въ бѣгахъ; его не могли найти, но къ концу слѣдствія онъ самъ приходитъ, сознаетъ свою вину и отдается во власть суда.

Вотъ краткій очеркъ всей драмы. Но въ произведеніи истинно-художественномъ главное не предметъ самаго произведенія, а развитіе типовъ, лицъ, нравственный анализъ всѣхъ побужденій и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Поэтому мы и стараемся возможно — лучше разобрать каждое изъ нихъ и опредѣлить, насколько они могутъ удовлетворить нашимъ требованіямъ. Во всей драмѣ, какъ мы уже сказали выше, есть два главные элемента: быть крестьянскій и быть помѣщичій.

Типы изъ крестьянъ всегда удаются г. Писемскому; мы всег-

да восхищались его способностью передавать такъ естественно и вѣстѣ съ тѣмъ такъ художественно самый разговоръ крестьянъ.

Въ настоящей драмѣ типъ главнаго героя Ананія еще разъ служить доказательствомъ этого несомнѣннаго таланта г. Писемскаго. Трудно было бы болѣе вѣрно обрисовать истинно-русскій типъ крестьянина, уже нѣсколько образованнаго, съ горячимъ и живымъ характеромъ: природу молодую, полную силы, въ которой порывъ сердца и разнородное проявленіе душевныхъ чувствъ такъ просто, ясно и такъ энерично высказываются. Если нѣкоторые могли замѣтить, что типъ Ананія нѣсколько преувеличенъ, что трудно встрѣтить въ простолюдинѣ, еще мало образованномъ, такое ясное сознание своего долга и своихъ правъ, такое благородное и вѣрное возрѣніе на жизнь, то мы, соглашаясь, конечно, съ тѣмъ, что таковыя типы весьма рѣдки и могутъ быть, къ сожалѣнію, только допущены въ видѣ исключительнаго факта, въ тоже время никакъ не согласимся поставить въ укоръ этотъ исключительный типъ автору. Это идеаль благороднаго крестьянина, идеаль, созданный г. Писемскимъ, но созданный, разумно, и основанный на коренныхъ чертахъ характера, свойственнаго Русскому народу; — идеаль, не просто вымышленный, а обработанный на русской народной почвѣ, и мы должны благодарить г. Писемскаго за этотъ новый свѣтлый типъ.

Позволяемъ себѣ однако замѣтить автору, что этотъ же Ананій, который возбудилъ въ насъ, какъ и во всѣхъ, истинное сочувствіе, отчасти теряетъ отъ нѣкоторой театральности своихъ пріемовъ. Театральность, — многорѣчивость въ такихъ страшныхъ для него обстоятельствахъ, — не совѣмъ свойственна, какъ намъ кажется, русскому крестьянину; она была бы скорѣе естественна въ другомъ классѣ, на примѣръ, въ купеческомъ, но въ настоящемъ случаѣ эта многорѣчивость даже уменьшаетъ симпатію къ нему, потому что всѣ эти пріемы, громкія и краснорѣчивыя слова, могутъ заподозрить его въ томъ, что онъ не столько чувствуетъ самъ свое положеніе, сколько желаетъ порисоваться въ немъ передъ своими прежними товарищами.

Помѣщикъ Чегловъ-Соковинъ слабѣе прочихъ лицъ драмы. Намъ кажется даже, что онъ просто не удался г. Писемскому, который желалъ въ немъ высказать всю силу общепринятыхъ началъ, силу обычая, преданій, даже на образованнаго человѣка, понимающаго гуманно свои обязанности въ отношеніи къ подчиненнымъ ему крестьянамъ. Можетъ быть, желая сдѣлать пра-

доподобіе свой типъ, г. Писемскій нашелъ необходимымъ преувеличить въ немъ, съ одной стороны, слабость характера, нерѣшительность, — съ другой развитіе до крайности, едва ли возможной, постоянное стремленіе Чеглова къ міру идеальному и полное отсутствіе всякаго признака практическаго взгляда на жизнь. При этомъ автору вздумалось, въ видѣ контраста этому идеально-пластическому характеру, заставить Чеглова пить простую водку и имѣть полуштофъ постоянно подлѣ себя, — стало быть пить, какъ только пьютъ горькіе пьяницы. Контрастъ этотъ, на эффектъ котораго авторъ, какъ кажется, рассчитывалъ, не достигъ, по нашему мнѣнію, своей цѣли, и общая недорисовка, неоконченность этого важнаго въ драмѣ типа, ясно бросается въ глаза читателю. Это очень жалко. Типъ помѣщика Чеглова-Соковина, еслѣбъ онъ былъ развитъ такъ, какъ ему слѣдовало, освѣтилъ бы всю драму; онъ бы ясно высказалъ полную мысль автора въ его художественномъ произведеніи. Теперь, напротивъ, отъ этой недодѣланности его проявляются сцены совершенно неестественныя, которыя во многомъ вредятъ общему впечатлѣнію всей драмы. Напримѣръ: въ разговорѣ Чеглова съ Ананіемъ, первый говоритъ между прочимъ: «...и если въ тебѣ оскорблено чувство любви, чувство ревности, «вытянемъ тогда другъ друга на барьеръ и станемъ стрѣляться: «другаго выхода я не вижу изъ нашего положенія.» Такого рода предложеніе помѣщикъ не можетъ сдѣлать своему крестьянину, потому что крестьяне не понимаютъ ни цѣли, ни условій, ни даже возможности поединка, какъ бы мы не желали вообразить себѣ идеально-развитаго мужика. Ананій на этотъ вызовъ отвѣчаетъ очень умно, даже слишкомъ умно, потому что мы не думаемъ, чтобъ онъ могъ понять вызовъ своего помѣщика. Вотъ его отвѣтъ: «Ваши слова, сударь, я за одинъ только смѣхъ принять могу; наша кровь супротивъ господской ничего нестоящая и мы наказаніе только за то потерпѣть можемъ.» Недорисовка типа Чеглова въ-особенности имѣетъ весьма большое вліяніе на развитіе отношеній его съ женой Ананія, Лизаветой, и даже во многомъ помѣшала автору точнѣе обрисовать характеръ и чувства самой Лизаветы. Очевидно, что Лизавета горячо любитъ своего помѣщика; она предалась ему не какъ простая крестьянка, подчиняясь волѣ господской, какъ понимаетъ это бурмистръ Калистратъ и зять Чеглова Золотиловъ, нѣтъ, она послушалась просто влеченія своего сердца; еще молодой дѣвушкой, говоритъ она, заглядывалась часто на господина;

вышла же она за Ананія противъ воли, по приказанію родительскому, какъ большею частію и дѣлается это у насъ въ деревняхъ. Она боится мужа своего, но любитъ одного Чеглова. Женщина въ нашемъ простонародномъ быту такъ задавлена, поработана, подчинена власти, то мужа, то отца, то даже брата, или матери вдовы, что ей трудно освободиться отъ этого подчиненія, ей трудно высказаться прямо, энергично. Такъ и здѣсь: Лизавета любитъ Чеглова и вѣритъ въ законность этой любви; у ней есть даже сынъ, который дѣлается новою крѣпкою связью для этой любви. Но она боится своего мужа, она сознаетъ, что передъ нимъ она виновата, что противъ воли его и рѣшенія ей нельзя поступить. Между тѣмъ Ананій хочетъ увести ее и ребенка въ Петербургъ, и обѣщаетъ только въ такомъ случаѣ ее простить. Лизавета не соглашается. Какъ ей покинуть своего возлюбленнаго, отца ея сына? Какъ предаться полной волѣ Ананія?— она опасается, что онъ ее погубитъ. Она мечтаетъ, напротивъ, переѣхать въ домъ барскій, поселиться тамъ и совсѣмъ покинуть мужа и семью, и этого она желаетъ не по расчету, а чисто по увлеченію страсти. Она убѣгаетъ отъ мужа и приходитъ къ Чеглову, чтобы передать ему свое несчастное положеніе. Чегловъ тоже любитъ Лизавету, но любитъ какъ-то странно, слишкомъ романтически: крайняя безхарактерность и чрезмѣрно идеальное направленіе его всего яснѣе здѣсь выказываются. Онъ не понимаетъ, не обращаетъ даже должнаго вниманія на слова бѣдной Лизаветы, которая простыми, но плавающими страстью словами еще разъ объясняетъ ему свою любовь, и на эти слова онъ ей отвѣчаетъ такъ: «Знаю все, милая, все знаю... но я, видишь ли, я ничтожнѣйшее существо, я *подлецъ*. Господи! пошли мнѣ смерть.» Бурмистръ Калистратъ, который тутъ же находится, приговариваетъ, пожимая плечами: «Седьмой десятокъ теперь живу на свѣтѣ, а такихъ господъ *непривидимая*, ей Богу: мучаютъ, терзаютъ себя изъ-за какогонибудь мужика-дурака необразованнаго.» Калистратъ очень рѣзко отдѣляется, очень живо рисуется во всей драмѣ; это выразительный типъ умнаго и хитраго бурмиистра; послѣ Ананія это одинъ изъ самыхъ лучшихъ типовъ во всей драмѣ.

Странное отчаяніе Чеглова, его несвязныя слова, которыя такъ удивили бурмиистра, должны были произвести почти то же впечатлѣніе и на Лизавету; это крайнее разстройство нервовъ, полное безсиліе Чеглова въ то время, какъ она можетъ только на него одного и рассчитывать, могли бы, кажется намъ, возбу-

дять въ ней или досаду, или покрайней мѣрѣ, равнодушіе къ этому человѣку, которому она все отдала и который ничѣмъ, какъ самъ сознается, не можетъ ей помочь. Въ эту минуту очень естественно было бы Лизаветѣ сравнить Чеглова съ ея мужемъ Ананіемъ, и конечно сравненіе далеко не было бы въ пользу перваго. Но это оборотъ измѣнилъ бы дальнѣйшій ходъ драмы. Въ такомъ случаѣ, Лизавета при видѣ упадка силъ и рѣшимости своего возлюбленнаго и движимая истинной любовью, могла бы сама явиться на помощь бѣдному Чеглову, высказать ясно свое прямое намѣреніе: не жить болѣе съ Ананіемъ, покинуть его и принять тогда все на себя одну, но Лизавета только «смотритъ на него съ испугомъ». Впослѣдствіи, когда бурмистръ приходитъ къ Ананію со всѣмъ міромъ, чтобы увести Лизавету, она рѣшается высказать прямо свою волю, но здѣсь видно ясно, что эта рѣшимость, прежде нигдѣ не заявившая себя, необходима была только для развязки и никакъ не вытекаетъ изъ естественнаго развитія ея характера; эта рѣшимость нужна была для того, чтобы окончательно озлобить Ананія и заставить его убить ребенка.

Еще два типа, очень важныхъ въ драмѣ, о которыхъ мы только успѣли намекнуть, зять Чеглова Золотиловъ и Бурмистръ Калистратъ. Оба типа имѣютъ много сроднаго между собой: тѣ же узкія понятія, то же поклоненіе старому обычаю, которое они всегда называютъ законнымъ, хотя бѣ оно было въ высшей степени несправедливо. Золотиловъ и Калистратъ совершенно сходны между собою, хотя характеръ каждаго развитъ своеобразно, по той средѣ, въ которой онъ воспитанъ; — дотого сходны, что еслибъ предположить, что еще въ дѣтствѣ оба ребенка были бѣ подмѣнены, такъ что въ колыбели Золотилова оказался бы маленькій Калистратъ и на оборотъ, то почти можно сказать достоверно, — маленький Калистратъ съ годами сталъ бы тотъ же Золотиловъ, а Золотиловъ непремѣнно сталъ бы Калистратомъ. Въ тоже время нельзя не сознаться, что типъ Калистрата менѣе непріятенъ, не отзывается такою сухостію, какъ Золотилова, въ немъ есть иногда проблески души; это снова вліяніе той простой, еще полной жизни среды, въ которой онъ развился.

Золотиловъ отличается черствою душою; всѣ его совѣты зятю вѣютъ какимъ-то холодомъ; въ немъ не замѣтно даже сочувствія странному положенію Чеглова, не смотря на то, что Чегловъ ему родственникъ и притомъ дворянинъ, а Золотиловъ,

въ особенности въ 4-мъ дѣйствіи, во время слѣдствія, ясно высказываетъ свою идею долга — всегда и вездѣ защищать дворянъ, даже противъ справедливости, противъ законовъ, потому, — вотъ видите, — что онъ служитъ дворянству, и что, по его мнѣнію, нельзя же «ставить пльницу-мужика на одну доску съ дворяниномъ»...

Слѣдствіе надъ убійствомъ ребенка составляетъ весь четвертый и послѣдній актъ, — можно сказать, составляетъ отдѣльную драматическую сцену, весьма вѣрно переданную и даже довольно художественно обрисованную, хотя такія сцены чрезвычайно трудны въ художественной литературѣ, и потому рѣдко удаются. — Исправникъ, стряпчій, чиновникъ Штрингель — всѣ люди живые, дѣйствительные и, къ сожалѣнію, вовсе не рѣдкіе у насъ.

Штрингель — молодой человекъ, много говорящій и хвастающій своимъ честнымъ исполненіемъ и пониманіемъ обязанностей по службѣ, хотя тутъ же не разъ раздражается гнѣвомъ (который можетъ быть и нѣсколько преувеличенъ), отвѣчаетъ весьма грубо Золотилу, предводителю дворянства, таскаетъ за бороду мужика, безъ всякаго законнаго повода приказываетъ надѣть кандалы на Калистрата, — словомъ бѣснуется вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло и первому соблюсти исполненіе закона. И въ этомъ актѣ, какъ и въ другихъ, лучшая роль выпадаетъ Ананію: онъ не измѣняетъ своему благородному, открытому характеру, онъ самъ отдается суду, не хочетъ смягчить свое наказаніе никакими жалобами, все принимаетъ на свою повинную голову, земно кланяется всему міру и проситъ всѣхъ «не помянуть его лихомъ и помолиться о его грѣшной душѣ.»

Типъ Ананія выдержанъ до самаго конца, а потому по прочтеніи всей драмы этотъ типъ глубоко врѣзывается въ память cadaго. Это истинно-художественный типъ; прочіе лица драмы немного блѣднѣютъ въ сравненіи съ нимъ, но, не смотря на это, мы еще разъ съ удовольствіемъ укажемъ на огромныя достоинства этого новаго произведенія г. Писемскаго. Эти достоинства, какъ мы уже замѣтили въ самомъ началѣ нашей статьи, заключаются въ томъ, что г. Писемскій не довольствовался простымъ, поверхностнымъ обличеніемъ нѣкоторыхъ язвъ, нѣкоторыхъ важныхъ недостатковъ нашего быта, онъ желалъ глубже развить свою гуманную цѣль и болѣе художественно представить ее. — Онъ развернулъ передъ нами какъ нравы крестьянской среды, такъ и среды помѣщичьей, онъ указалъ

намъ ясно всю неестественность этихъ отношеній крестьянъ къ своему помѣщику, указалъ намъ всѣ вредныя послѣдствія этого страннаго воспитанія обѣихъ сторонъ, узкость, мелочность воззрѣнія на жизнь и ея обязанности, доказалъ намъ даже, *что стоитъ только полвиться въ одномъ изъ этихъ сословій, малѣйшему проблеску мысли, малѣйшему сознанию истиннаго, непреложнаго права и уже этотъ проблескъ мысли, какъ опровергающій обычный ходъ вещей, породитъ неминуемо какое нибудь странное, непривычное соотношеніе, породитъ драму.* Много, много горькихъ судьбинъ оплакивается въ Россіи и всему виной — крѣпостное состояніе, это темное право, основанное на личномъ производѣ. Мы смѣлѣе, чѣмъ когда либо можемъ теперь затрогивать эту, еще не вполне закрытую рану, потому-что ожидаемъ съ каждымъ днемъ исполненія благой мысли нашего монарха, исполненія этого *громаднаго переворота, освобождающаго личность каждою и крѣпко укрѣпляющаго благосостояніе всего народа.* Мы вполне убѣждены, что скоро уничтожится самая возможность существованія этихъ мелкихъ, эгоистическихъ дупленокъ, каковы Калистратъ, Золотиловъ и другіе. Типы Ананія, напротивъ, уже не будутъ намъ казаться столь идеальными; они разовьются вмѣстѣ съ образованіемъ и дадутъ новую силу всему молодому поколѣнію, и если даже Золотиловы и Шпрингели слишкомъ закоснѣли въ своемъ обычномъ образѣ мыслей и дѣйствій, чтобы отречься тотчасъ отъ нихъ, то по крайней мѣрѣ они не будутъ уже столь вредны обществу; передъ ними встанетъ новая сила, которую имъ не побороть, *сила права и сознанія своего долга и человѣческаго достоинства;* — сознавая свое безсиліе они мало по малу удалятся, а сыновья ихъ навѣрное уже будутъ воспитаны подъ вліяніемъ новыхъ гуманыхъ началъ. Помѣщики, подобные Чеглову, лишенные возможности поддаться, наперекоръ своимъ честнымъ убѣжденіямъ, совѣтамъ окружающихъ, никогда болѣе не станутъ въ такое затруднительное положеніе. А русская женщина выпрямится, разовьется, освободится тоже отъ этого рабскаго ига, и Лизавета тогда обозначится несравненно яснѣе и вызоветъ истинное сочувствіе къ себѣ.

ГРАФЪ КУШЕЛЕВЪ-БЕЗБОРОДКО.

Ларошъ 26 Октября.

14

1860 года.

Англія въ XVIII столѣтіи. публичныя лекціи профессора московскаго университета Генриха Вызинскаго. часть I. с-п-б. 1860.

Изъ числа великихъ событій, которыми такъ полонъ XVIII вѣкъ, особенно поражаютъ насъ три явленія: вступленіе Россіи въ систему европейскихъ государствъ, французская революція и образованіе англійскихъ государственныхъ учрежденій. Этотъ удивительный механизмъ, который сложился послѣ долгихъ и чрезмѣрныхъ усилій, изумлялъ лучшіе умы XVIII вѣка. Фенелонъ находилъ палату лордовъ превосходнымъ учрежденіемъ, хотя, испуганный двумя революціями, не осмѣливался слишкомъ громко выражать свое сочувствіе британскому правительству, и во всѣхъ беспорядкахъ обвинялъ нижнюю палату. Дѣвица Леспинасъ, одна изъ умнѣйшихъ женщинъ своего времени, говорила вмѣстѣ съ прочими: «если-бъ я могла возродиться, я предпочла-бы лучше быть послѣднимъ членомъ нижней палаты, чѣмъ прусскимъ королемъ». Вольтеръ, принужденный бѣжать изъ своего отечества, писалъ къ Тьеріо: «я не рѣшилъ еще, отправлюсь-ли въ Лондонъ. Это страна, гдѣ думаютъ благородно и свободно, не сдерживаясь никакимъ рабскимъ страхомъ: Если-бъ я слѣдовалъ только своему влеченію, я поселился-бы тамъ, хотя-бы для того, чтобъ научиться мыслить». Тюрго, Монтескье, Руссо, Мирабо и другія замѣчательныя личности XVIII вѣка раздѣляли это удивленіе къ государственнымъ формамъ Англій, видя благоденствіе, которымъ наслаждались ея жители. Но восхищаясь британской конституціей, не многіе изъ государственныхъ людей и мыслителей поняли, что она вытекла изъ народныхъ обычаевъ, прошла всѣ виды реакціи и получила утвержденіе только вслѣдствіе особеннаго хода историческихъ обстоятельствъ, поставившихъ страну въ такое положеніе, что ей оставалось или утратить національность, или получить политическую свободу. Разсматривая исторію Англій, мы видимъ, что это государство во всѣ времена отличалось уваженіемъ къ закону и личности. — Это было естественнымъ слѣдствіемъ историческаго ея развитія и характеристическихъ особенностей въ ея національномъ духѣ. Завоеваніе Римлянами Британіи оставило въ ней глубокіе слѣды ихъ владычества. «Вся страна, говоритъ Пэльтгрэвъ, была наполнена памятниками римскаго величія. Мальмсбѣри называетъ эти государственныя развалины наслѣдственнымъ даромъ римскаго

расположенія къ Англіи. Башни, храмы, театры, бани, оставшіяся неразрушенными, возбуждаютъ восторгъ и удивленіе путешественника и историка. Эти зданія даже въ XIV вѣкѣ были такъ многочисленны, что превосходили числомъ всѣ другія по сую сторону Альпъ. Архитектура Римлянъ была непослѣднимъ средствомъ къ утвержденію ихъ могущества: она говорила не только глазу, но и душѣ. Стѣны, покрытыя декретами правительства, вырѣзанными на мѣди или на мраморѣ; триумфальныя арки, увѣнчанныя статуями государей, управлявшихъ съ хомовъ Квиринала — все дѣйствовало на чувство народа и возбуждало въ немъ покорность и удивленіе». Такими средствами Римляне распространили свою цивилизацію, евой языкъ повсюду, — вмѣстѣ съ ними проникало и римское право, а оно приносило съ собою уваженіе къ законности и личности.

Нашествіе Саксовъ замедлило нѣсколько дальнѣйшіе успѣхи цивилизаціи, но не остановило ихъ и не измѣнило главныхъ основаній современнаго развитія. Германскія племена постоянно ненавидѣли централизацію и вносили всюду духъ индивидуальной жизни. Прибытіе Саксовъ въ Британію сначала было пагубно для страны: ихъ дикій характеръ питался кровью и разрушеніемъ, но время мало по малу укротило его. Побѣдители брали женъ себѣ между побѣжденными, вліяніе высшей цивилизаціи не замедлило обнаружиться, тѣмъ болѣе, что безпрестанныя войны заставили ихъ дорожить укрѣпленными городами и селиться въ нихъ. Христіанскіе проповѣдники, являвшіеся къ нимъ безпрестанно съ континента еще болѣе способствовали смягченію нравовъ, и государственныя учрежденія Альфреда Великаго ясно показываютъ до какой высокой степени достигла нація въ его время. Вторженія Датчанъ, вредныя для политической независимости Англіи, не имѣли ничего разрушительнаго относительно принципа самоуправленія. Скандинавскія государства были раздѣлены въ то время на множество мелкихъ владѣній. Въ каждомъ изъ нихъ послѣ смерти короля новый владѣтель набирался собраніемъ свободныхъ людей въ государствѣ. Всякое государство было раздѣлено на сотни (haerads), которыя образовали общины съ самостоятельнымъ мѣстнымъ управленіемъ. Онѣ слѣдовали за вождемъ своимъ на войну, и вождь этотъ всегда обязанъ былъ своимъ знаніемъ ихъ выбору. Хотя король и считался главнымъ начальникомъ, но онъ безъ согласія сейма не могъ ни вести войны, ни заключать мира; точно также власть его была ограничена въ сборѣ податей и собираніи войска, од-

нимъ словомъ, онъ былъ по власти своей немного выше сотника (chieftain) и легко могъ лишиться ея, если не обнаруживалъ въ данныхъ случаяхъ распорядительности и энергіи.

Но едва только эти враждебные элементы стали сливаться и формировать одну націю, какъ завоеваніе Норманами Англии внесло новыя начала въ народную жизнь и дало ей новое направленіе. Это завоеваніе совершилось въ то время, когда феодальная система получила сильное развитіе во Франціи. Прибывъ оттуда, Норманы, естественнымъ образомъ, принесли ее съ собою; но Вильгельмъ ясно понималъ всѣ ея невыгоды, всѣ затрудненія, которыя ставила она стремленію его къ неограниченной власти, и рѣшился, по возможности, избѣжать этихъ неудобствъ въ Британіи. Съ этой цѣлью надѣлая бароновъ замками, онъ старался распредѣлять ихъ такъ, чтобъ они находились въ разныхъ мѣстахъ и не могли образовать могущественнаго вассальства; кромѣ того онъ ограничилъ власть баронскихъ судовъ и распространилъ права свободныхъ владѣльцевъ относительно участія въ судопроизводствѣ (county court). Но съ другой стороны Норманы захватили всѣ лучшія земли, заняли высшія мѣста, сдѣлались наставниками въ школахъ, составили большинство высшаго духовенства, и такимъ образомъ думали упрочить свою власть, вводя иностранный языкъ, беспощадно тиранствуя надъ побѣжденными. Въ одно царствованіе Вильгельма насчитываютъ до 500,000 человѣкъ, погившихъ въ возмущеніяхъ или принужденныхъ эмигрировать. Жестокіе законы Завоевателя, особенно объ охотѣ, возбуждали безпрестанные бунты; бароны не исполняли другихъ его постановленій, которыя относились къ защитѣ угнетеннаго племени, — приходилось дѣйствовать оружіемъ, и кровь лилась потоками, — но власть, основанная на враждебности сословій непрочна. Это не замедлило обнаружиться при наслѣдникахъ Вильгельма: пока король былъ на сторонѣ бароновъ, онъ могъ еще кой какъ держаться, но какъ скоро онъ вздумалъ притѣснять оба племени, — погибель его была неизбѣжна. Распоряженія Вильгельма, недопускаяшія образованія большихъ вассальствъ, заставили бароновъ искать слѣзы въ союзѣ между собой и въ сближеніи съ кочунами. Такимъ образомъ, благодаря этой оппозиціи, составляющей самый живительный нервъ исторіи Англии, британская аристократія выработала свой особенный характеръ, отличный отъ аристократій континентальныхъ. Никогда не сливаясь въ одно политическое тѣло съ королевской властью, она занимала переходную ступень

между монархомъ и народомъ и, смотря по обстоятельствамъ, при-
мыкала то къ сторонѣ перваго, то втораго. Древнее преданіе
никогда не умирало въ Англіи: мы постоянно встрѣчаемъ въ ис-
торіи слѣды народной воли. Во всѣ времена верховныя собранія
или представительные совѣты участвовали въ важнѣйшихъ госу-
дарственныхъ постановленіяхъ инициативой или согласіемъ. Всѣ
короли отъ Вортигерна до Альфреда и отъ Альфреда до Канута
допускали вмѣшательство націи въ управленіе. Законы Эдуарда
Исповѣдника составлены королемъ, баронами и народомъ; хартія
Генриха I подтвердила ихъ. — Всѣ эти случаи показываютъ,
что народъ въ Англіи всегда стремился къ возвращенію правъ
своихъ, которыя постоянно существовали de jure и слѣдовательно
были признаны королями. Ему не доставало только единства въ
силѣ и разрозненныхъ интересахъ, чтобъ достигнуть цѣли сво-
ихъ желаній, но и этотъ случай скоро представился. Король
Иванъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Іоанна Безземель-
наго, вздумалъ завести въ Англіи большую постоянную армію,
учрежденіе, котораго она постоянно опасалась; наемныя вой-
ска, съ помощью которыхъ онъ совершалъ насилія, заставили
бароновъ составить лигу; въ головѣ ея стоялъ архіепископъ кэн-
терберійскій Лангтонъ, человекъ съ громадными познаніями, свѣт-
лымъ умомъ и желѣзной волей. Онъ долгое время жилъ въ Ита-
ліи и проникся ея коммунальными началами, онъ видѣлъ папство
въ настоящемъ его свѣтѣ и рѣшился воспротивиться легату
Пандольфо, угрожавшему ему отлученіемъ, если онъ не поко-
рится королю... Слѣдствіемъ этихъ столкновеній была Великая
Хартія, — положившая начало политической свободѣ Англіи.

«Съ этого времени, говоритъ Кризи, начинается органи-
ческое развитіе націи: враждебные элменты сливаются, различіе
въ языкѣ и обычаяхъ постепенно сглаживается, такъ что при
внукѣ Ивана мы находимъ ее у историковъ подъ общимъ пме-
немъ Англичанъ.

Но утвержденіе Великой Хартіи было недостаточно; для
прочности ея были необходимы новыя гарантіи, новыя подтвер-
жденія, потому что Плантагенеты и Тюдоры стремились къ аб-
солютизму. Не смотря на то, политическій ростъ націи шелъ сво-
имъ порядкомъ: важный вопросъ о престолонаслѣдіи девять разъ
былъ разрѣшаемъ съ согласія народа; Эдуардъ IV, Генрихъ VII,
нуждались въ согласіи парламента для утвержденія себя въ ко-
ролевскомъ санѣ. Точно также парламентъ позволилъ Генриху VIII
и Елизаветѣ располагать престоломъ. Значеніе его вполне опре-

дѣляется слѣдующими словами Гаррисона, писателя XVI вѣка: «это собраніе имѣетъ самую высшую и неограниченную власть въ государствѣ; оно низлагаетъ съ престола королей, уничтожаетъ или издаетъ законы, наказываетъ преступленія, реформируетъ церковь — короче оно дѣлаетъ все, что Римляне дѣлали комиціями и трибами». Но такая обширная власть иногда была употребляема во зло, во вредъ народу, потому что короли умѣли обольщать или устрашать членовъ парламента. Составивъ себѣ покорныя палаты, Тюдоры и Стюарты удерживали ихъ по нѣскольку лѣтъ; въ случаѣ же сопротивленія своей воли безпрестанно распускали. Серьезная опасность угрожала англійской конституціи, но внесеніе новаго элемента въ развитіе націи, не только спасло ее, но еще придало ей болѣе широкіе размѣры. Борьба папъ съ королями окончилась реформой Генриха VIII. Онъ разрушилъ супрематію римскаго двора, но за то замѣнилъ ее своей личной властью и непогрѣшимостью, неограниченными никакимъ собраніемъ духовенства, никакимъ закономъ. Апостольская миссія епископа получила свѣтскій характеръ. Духовенство сдѣлалось аристократическимъ сословіемъ, помѣщеннымъ въ непосредственную зависимость отъ короны; интересы его слились до такой степени съ интересами короля, что оно не задумалось увѣрить Якова I, что существованіе королевства зависитъ отъ существованія епископальной церкви; «корона надѣлила ее почестями и богатствами; корона оберегала ее во время слабости ея дѣтства, защищала ее съ одной стороны противъ папистовъ, съ другой противъ тѣхъ, которые пошли дальше въ реформаціонномъ движеніи, противъ пуританъ, противъ диссидентовъ; корона поддерживала высокую церковь противъ враждебныхъ парламентавъ; корона метила тѣмъ которые нападали на нее словомъ и дѣломъ... (Анг. въ XVIII стол. г. Вызинскаго стр. 5—6).

Такимъ образомъ высокая церковь монархическая по своему характеру тѣсно соединилась съ королемъ, чтобы противодѣйствовать демократическимъ тенденціямъ пуританизма и конституціонной оппозиціи парламента. Присоединеніе Шотландіи къ Англии, совершившееся не задолго передъ тѣмъ, значительно усилило партію религіозной и политической свободы. Укрѣпленная пуританскими началами, она смѣло вступила въ борьбу съ монархіей и высокой церковью и побѣдила ихъ; но побѣда эта привела страну къ военному деспотизму. Это было печальное явленіе въ англійской исторіи, но оно не смутило націю: она по-

виновалась Протектору, сознавая его гениальность, но всякій разъ какъ скоро онъ обращался къ совѣщательнымъ собраніямъ, она протестовала ихъ устами.

Три раза созывалъ онъ парламентъ и три раза принужденъ былъ распустить его. «Управленіе Кромвеля было абсолютно, говоритъ Ремюза, но онъ самъ не могъ быть абсолютнымъ съ камерамп. Онъ притѣснялъ страну, но находилъ ее всякій разъ свободною, какъ только спрашивалъ ее. Такимъ образомъ успѣвалъ деспотъ, но не деспотизмъ». Пользу, принесенную имъ, почувствовали только впоследствии: тогда же видѣли одинъ ужасъ военнаго правительства и, когда, по смерти Кромвеля, этотъ порядокъ вещей угрожалъ продолжаться, нація рѣшилась лучше возвратиться къ изгнаннымъ Стюартамъ, чѣмъ склонить голову подъ тяжелое иго новаго диктатора.

Возвращеніемъ Карла II началась новая эпоха реакціи. Изгнаніе не исправило сего, и онъ принесъ съ континента не только всѣ пороки своихъ предшественниковъ, но и глубокій развратъ и презрѣніе къ отечеству. Послушное орудіе въ рукахъ Лудовика XIV, онъ за ежегодную отъ него пенсію жертвовалъ кровью своихъ подданныхъ, заставляя проливать ее въ войнѣ съ Голландіей, войнѣ противной англійскимъ интересамъ. Папистъ въ душѣ, онъ старался развратить своихъ подданныхъ, чтобъ легче управлять ими; но онъ скрывалъ свои замыслы, наученный прошедшими примѣрами и выжидая случая осуществить свои планы.

Преемникъ Карла Яковъ II, задумалъ совершить то, на что не осмѣлились его предшественники. Онъ нашелъ, что католицизмъ будетъ для него подпорой лучше высокой церкви, онъ полагался на всемогущество своего союзника Лудовика XIV и предполагалъ создать абсолютную монархію съ помощью іезуитовъ. Но онъ горько ошибся: по принципамъ своимъ католицизмъ дѣйствительно былъ способенъ высокой церкви выполнить намѣреніе короля, но онъ не могъ привиться на почвѣ Англій, какъ учрежденіе, которое централизаціей своей противорѣчило отличительнымъ чертамъ народнаго характера, какъ учрежденіе, которое оставило по себѣ самыя ненавистныя воспоминанія. Яковъ приступилъ къ приведенію въ исполненіе плана съ самою іезуитскою ловкостью, но въ тоже время съ самой странной необдуманностью: онъ уничтожилъ всѣ карательные законы противъ католиковъ и даровалъ свободу вѣроисповѣданія диссидентамъ. Но здѣсь проявилась грозная сила англійскаго народа. Королев-

скій указъ былъ изданъ безъ согласія парламента, и диссиденты отказались пользоваться предоставленными имъ правами. Другая попытка Якова, завести большую постоянную армию, кончилась также неудачно. Подобные промахи короля, непониманіе имъ главнѣйшихъ основъ англійской жизни, притѣсненіе свободы совѣсти, интриги Лудовика — все способствовало къ тому, чтобы Яковъ лишился престола....

Съ прибытіемъ Вильгельма Оранскаго начинается новая эра исторіи Англій.

Разсмотрѣвъ всѣ событія до этого времени, мы нашли, что англійская конституція развивалась правильно, основываясь на признаніи индивидуальной свободы и самоуправления, свойственного германскимъ расамъ. Этимъ началамъ обязано англійское общество своей прочностью; реакція была тамъ не слабѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; Генрихъ VIII и Елизавета стояли по характеру Лудовика XIV, Кровавая Марія — Франциска I, — а между тѣмъ они не успѣли, потому что въ обществѣ, основанномъ на развитіи личности, нашлись люди, которые погибли во имя идеи, но не допустили свершиться реакціи, потому что цѣлое общество готово было идти по слѣдамъ ихъ и вопросъ о своихъ правахъ ставило нераздѣльно съ вопросомъ о своемъ существованіи. Это явленіе лучше всего объясняетъ логичность и твердость англійской конституціи.

Нельзя не согласиться съ Гервинусомъ, который слѣдующими словами характеризуетъ ее: «это не осуществленіе плана задуманнаго заранѣе, не слѣдствіе однообразныхъ причинъ. Нѣтъ, тѣ, которые создали ее, умѣли согласить различныя ея элементы, заставляя ихъ служить для достиженія одной и той же цѣли. Это произведеніе многихъ вѣковъ, но работа и матеріалы его прежняго выбора. Ни одно изъ новѣйшихъ государствъ на западѣ не можетъ похвалиться развитіемъ правильнѣе англійскаго; нигдѣ различные фазисы государственнаго устройства не означены такъ точно и ясно, какъ въ исторіи Англій; нигдѣ древнія германскія учрежденія, бывшія въ силѣ при короляхъ-патріархахъ, не были такъ совершенны, какъ у Англо-Саксовъ; ни одна нація, едва только сформировавшись не передала потомкамъ такого собранія законовъ и такихъ литературныхъ богатствъ; ни въ одной странѣ не чувствовалось меньше королевское самовластіе, нигдѣ его злоупотребленія не были меньше; наконецъ нигдѣ буржуазія не способствовала столько силѣ государства и не приобрѣла столько позитическаго вліянія, какъ

въ Англіи, такъ что, когда въ 1688 конституція была пересмотрѣна и утверждена, ни кто не подумалъ сократить или уменьшить, одинъ изъ этихъ элементовъ, оказавшихъ такое сильное дѣйствіе; напротивъ, всѣ думали, что государство будетъ тѣмъ болѣе непоколебимымъ, чѣмъ болѣе сохранитъ своихъ испытанныхъ силъ. Среднее сословіе оставило дворянству его большія поземельныя владѣнія; оно чувствовало, что его благосостояніе въ промышленности, къ развитію которой побуждало его владѣніе лордами большей части территоріи. Лорды съ своей стороны позволяли буржуазіи наживаться, предоставляли государству заботу покровительствовать промышленности и не оказывали противодѣйствія вліянію, которое среднее сословіе, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе пріобрѣтало въ нижней палатѣ.» Но всѣ эти отношенія существовали лишь между людьми одной партіи, а въ цѣлой націи являлись только въ минуты опасности, грозящей общему отечеству: тогда чувство патриотизма заставляло забывать ненависть партій и соединяться въ одно цѣлое для отраженія непріятели. Но едва опасность проходила, какъ семейная вражда снова вспыхивала, и виги и торіи возставали другъ на друга еще съ болышимъ ожесточеніемъ, «партіи эти существовали уже прежде въ видѣ круглоголовыхъ и кавальеровъ, но теперь онѣ окончательно организовались и окончательно уяснили себѣ свои начала. Торіи стояли на сторонѣ Стюартовъ, виги на сторонѣ народной свободы. Въ главѣ партіи торіевъ находилась вся церковь; къ ней принадлежала половина аристократіи и почти вся масса сельскихъ джентльменовъ. Но не надобно думать, чтобъ эти аристократы и эти сельскіе джентльмены принимали въ буквальный смыслъ рабскую теорію высокой церкви. То, что для этой церкви было ученіемъ, системою, то для торійской gentry было чувствомъ, инстинктомъ, предаіемъ прошедшаго... три времянь двухъ послѣднихъ Стюартовъ были сыновьями тѣхъ старыхъ кавальеровъ, которые сражались за Карла I противъ круглоголовыхъ. Они любили монархію, за которую шли въ огонь отцы ихъ. Они любили высокую церковь, потому что она дорога была ихъ королю-мученику, потому что она раздѣляла вмѣстѣ съ ними поражение и опалу, утѣшала ихъ въ несчастіи. Они любили высокую церковь и потому, что она была врагомъ ихъ враговъ — пуританъ и диссидентовъ. Политическое ученіе высокой церкви вовсе не казалось рабскимъ джентльменамъ-торіи. Возвышая того, кто былъ ихъ естественнымъ покровителемъ, главою ихъ партіи,

главою ихъ церкви, оно возвышало ихъ самихъ, давало имъ значеніе, свободу, власть. Когда господствовали республиканцы, то роялисты подвергались съ ихъ стороны обидамъ и притѣсненіямъ: по этому сопротивленіе королю, возстаніе, революція соединялись въ воображеніи тори съ ихъ собственнымъ униженіемъ и подчиненіемъ, сильная монархическая власть — со свободою и господствомъ... Виги выставили противъ теоріи тори и высокой церкви свою собственную теорію, прямо противоположную. Далѣе г. Визинскій выражается, что виги также были приверженцами монархіи, но считали ее учрежденіемъ, установленнымъ нацією для общаго блага всѣхъ ея членовъ. Они считали основаніемъ англійской монархіи формальный договоръ между королемъ и подданными, договоръ, выражаемый, съ одной стороны присягою при коронаціи, съ другой, присягою на подданство, и полагаали, что условія этого договора равнымъ образомъ обязательны для обѣихъ сторонъ. Наконецъ онъ прибавляетъ: Въ головѣ партіи виговъ стояли знатныя аристократическія фамиліи, большею частію потомки тѣхъ вельможъ, которые сражались за парламентъ противъ Карла I къ нимъ принадлежало народонаселеніе большихъ городовъ, часть мелкихъ поземельныхъ собственниковъ или, такъ называемой, yeomanry и всѣ диссиденты» (Анг. въ XVIII ст. стр. 8 — 9).

Обѣ эти партіи при всякой перемѣнѣ министерства безпощадно преслѣдовали одна другую. Этого надѣялись виги и теперь; они хотѣли отмстить за гоненія, совершенныя надъ ними при Яковѣ, но, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, охладѣли къ Вильгельму; тори были противъ него по самымъ своимъ принципамъ; высокая церковь не любила его за вѣротерпимость. Но Вильгельмъ остался непреклоннымъ; человекъ новаго времени, онъ началъ эру слитія политическихъ партій, эру приобрѣтенія главнѣйшихъ гарантій англійской свободы. Англичане не любили его, но чувствовали превосходство его дарованій, необходимость въ немъ для защиты своей конституціи. Властолюбивый до нельзя, онъ съ трудомъ уступалъ требованіямъ парламента, но никогда не прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ, для поддержанія своей прерогативы. Самое властолюбіе его извинялось тогдашнимъ складомъ историческихъ событій. Обстоятельства требовали рѣшеній быстрыхъ, жертвъ чрезвычайныхъ, а между тѣмъ большинство парламента не видѣло угрожающей опасности и отказывало королю въ субсидіяхъ. Не надо забывать, что Вильгельмъ былъ представителемъ не только свободы Англіи,

но и цѣлой Европы, не одна высокая церковь должна была рассчитывать на него, но всѣ протестантскія вѣрованія. Всемирная монархія Людовика грозила стереть всѣ различія въ національностяхъ и религіяхъ подъ тяжелымъ ярмомъ католицизма и военной диктатуры.

Опасность дѣйствительно была страшная: огромная армія и флотъ, отличные генералы, іезуиты и безсовѣстная политика дѣлали Людовика ужаснымъ противникомъ. Въ основѣ характера его лежали глубокій эгоизмъ и слѣпое самообожаніе, и онъ не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія своей цѣли: созданія всемірной монархіи; но эта мечта и погубила его: противъ него возстали не только протестантскія государства, но и Австрія и Савойя, потому что въ присоединеніи Испаніи къ Франціи, они видѣли конецъ своей независимости. Вильгельмъ сталъ въ головѣ коалиціи, но ему стоило огромнаго труда организовать ее: парламентъ рѣшился не давать ему субсидій, но Людовикъ помогъ этому затрудненію, признавъ по смерти Якова II. королемъ Великобританіи сына его. Вся нація запыхала гнѣвомъ отъ такого пренебреженія къ народной волѣ: виги и торы соединились, палата одобрила договоры, заключенные Вильгельмомъ и втировала огромныя суммы на военныя издержки. Война за Испанское наслѣдство вспыхнула, но не Вильгельму суждено было привести ее къ окончанію: смерть похитила его среди неутомимыхъ заботъ о новой кампаніи. Дѣло его осталось довершить Аннѣ.

Правленіе Вильгельма было благопріятно для политическаго воспитанія націи. Всѣ поступки парламента показываютъ, что онъ сознавалъ важность гарантій, требуемыхъ имъ отъ короля. Политическій смыслъ людей, засѣдавшихъ въ палатахъ, внушалъ имъ не увлекаться обстоятельствами, дозволявшими Вильгельму обнаруживать желаніе объ увеличенія постоянной арміи: и они постоянно отказывали ему въ этомъ, также какъ въ содержаніи при его особѣ голландской гвардіи. Борьба парламента съ королемъ чрезвычайно способствовала развитію конституціи, закаляя ее въ огнѣ совѣщательныхъ собраній.

Изъ числа гарантій, добытыхъ при Вильгельмѣ, надо упомянуть объ утвержденіи билля, о трехъ-лѣтнемъ срокѣ парламента, исторгнутомъ у короля, послѣ долгаго упорства съ его стороны. Мѣняя каждые три года своихъ представителей, нація была увѣрена, что они будутъ вѣрно служить ея интересамъ. Назначеніе суммъ на содержаніе королевскаго двора, отдѣльно отъ суммъ

на расходы по государственному управленію, поставило короля еще въ большую зависимость отъ парламента. Въ прежнее время палаты назначали государю доходы отъ извѣстныхъ пошлинъ и налоговъ на всю жизнь; по мѣрѣ возрастанія народнаго богатства, сумма эта увеличивалась и король становился все независимѣе отъ парламента; но, съ назначеніемъ гражданскаго списка (*liste civile*) и ежегоднаго бюджета, это неудобство устранилось: король принужденъ былъ созывать палаты каждый годъ, и парламентъ получилъ возможность производить самый строгій контроль надъ системою администраціи. Съ этого времени король и министры не въ состояніи сдѣлать ничего важнаго безъ согласія парламента, потому что онъ можетъ отказать имъ въ денежныхъ средствахъ. Другое не менѣе важное слѣдствіе стремленія націи къ контролю было смягченіе законовъ о печати... И такъ борьба партій принесла свои плоды; ненавидя другъ друга, зорко слѣдя другъ за другомъ, они придирались къ всякому нарушенію закона противной стороною, составляли обвинительный актъ и тѣмъ еще болѣе съ каждымъ годомъ утверждали конституцію.

Въ правленіе Анны, Англія покрылась блестящею военною славой. Лордъ Мальборо довелъ Францію на край гибели, и снова поставилъ свое отечество на ту степень, которую оно занимало при Елизаветѣ. Время Анны было время проявленія великихъ людей на всѣхъ поприщахъ. Эта королева отличалась только семейными добродѣтелями и не имѣла ни одного изъ блестящихъ качествъ Вильгельма; по этому всякой талантливой личности былъ полный просторъ, но, къ несчастію, замѣчательные политическіе дѣятели того времени, отличались крайней безнравственностью и шаткостью убѣжденій. Мальборо служилъ всѣмъ партіямъ и грабилъ казну; Боллерброкъ замышлялъ реставрацію Стюартовъ и не признавалъ никакихъ нравственныхъ началъ. Г. Вызникскій приписываетъ это частымъ революціямъ; но въдъ Сомерсъ и Ноттингемъ жили въ то же время, а революціи не имѣли на нихъ вліянія. Намъ кажется, что причины такого разврата надо искать въ воспитаніи этихъ знаменитостей и въ преданіи того сословія, которое оканчивало свою гражданскую карьеру. Отецъ Мальборо былъ старый кавалеръ, раздѣлявшій всѣ пороки двора Стюартовъ; сынъ его, впоследствии знаменитый генералъ и дипломатъ, не получилъ никакого образованія и едва умѣлъ читать и писать; возвышеніемъ своимъ, онъ былъ обязанъ безчестію сестры, сдѣлавшейся любовницею Якова; дворъ

Карла II и его преемника былъ плохой школой для молодаго человѣка; посланный въ чинѣ полковника на помощь Лудовику въ войнѣ его съ Голландіей, онъ научился сражаться съ принципами, которые потомъ защищалъ. Никакого могучаго, нравственнаго двигателя не явилось, чтобъ поднять эту эгоистическую натуру. Любовь его къ женѣ была глубока и искренна, но это была женщина въ высшей степени гордая и честолюбивая; она любила деньги не меньше своего мужа, но для того, чтобы вести роскошную жизнь, ненависть возбуждалась въ ней легко и она ненавидѣла глубоко... такая женщина, конечно не могла имѣть нравственнаго вліянія на любившаго ее человѣка. Дальнѣйшая карьера Мальборо ставила его въ безпрестанныя отношенія съ интригантами, эгоистами и людьми мелочными; неудивительно, если дурныя страсти, при огромномъ талантѣ, остались въ немъ на всегда.

Отецъ Болинброка принадлежалъ къ высшей аристократіи, и былъ человѣкъ легкомысленный и безъ всякихъ убѣжденій. Сынъ его первоначально воспитывался въ Итонѣ вмѣстѣ съ Робертомъ Вальполемъ. Характеръ образованія въ этой школѣ, тогда строго-схоластической, не могъ удовлетворить пытливому уму молодаго человѣка, точно также, какъ не могъ удовлетворить оксфордскій университетъ.

Поставленный въ кругъ развратныхъ придворныхъ, испорченныхъ Карломъ и Яковомъ, онъ старался превзойти ихъ въ разгульныхъ оргіяхъ. Честолюбію его нельзя было проявиться на политическомъ поприщѣ, потому что, онъ былъ слишкомъ молодъ и онъ бросился на другую арену; тотъ суровый пуританизмъ, то государственное преданіе, которыми жила старая Англія были чужды его свѣтлому уму. Духъ анализа и критики, который не переставалъ дѣйствовать на англійское общество со времени реформы, нашелъ въ немъ усерднаго адента. Путешествіе по Европѣ втеченіи двухъ лѣтъ еще болѣе развило его чувственную натуру. Люди съ такимъ характеромъ, при такомъ развитіи, никогда не отличаются высокой нравственностью; ихъ скептическое направленіе можетъ быть полезно для науки, но ихъ политическая дѣятельность положительно вредна для свободы страны. Мальборо и Болинброкъ были испорченныя личности, которыми дорожила нація до-тѣхъ-поръ, пока нуждалась въ ихъ услугахъ, пока они вѣрно служили ей, но какъ скоро они поставили свои выгоды на первомъ планѣ, она, не задумываясь сбросила ихъ съ высоты государственныхъ постовъ. Не личныя отношенія заставила Анну отозвать Мальборо и заключить миръ, а воля

народа, которому надоѣла война: безъ этого, придворная интрига могла-бы повести только къ переменѣмъ генерала, да и то до первой неудачи. Ни ловкость въ интригѣ, ни обаятельное краснорѣчіе не спасли Боллинброка отъ пораженія, когда онъ задумалъ удалить Георга I отъ престола — довольно было появленія Шресбѣри, чтобъ опрокинуть всѣ замыслы коварнаго министра и заставить его бѣжать за границу.

Всѣ эти событія ясно показываютъ, до какого развитія достигла нація въ царствованіе Анны, не смотря на невѣжество народа и большей части парламента. Тѣ самые тори, которые у себя дома проводили время въ попойкахъ и охотѣ, являясь въ парламентъ, какъ-будто перемѣнялись. Конечно, они продолжали пьянствовать какъ прежде, позволяли подкупать себя, не могли обсуждать тонкихъ политическихъ комбинацій, но за то въ минуты опасности, какой-то инстинктъ пробуждался въ нихъ и вѣрно указывалъ, какъ должно дѣйствовать; въ нихъ говорило сердце, а не холодный разумъ; оно заставляло ихъ забывать вражду партій и въ инстинктахъ чувства искать отвѣта на народныя нужды. Вотъ почему парламентъ всегда служилъ отголоскомъ народа, не смотря на свое раздѣленіе на партіи. Какъ скоро какая нибудь идея требовала осуществленія, парламентъ давалъ свое согласіе или оставлялъ ее на долю оппозиціи, которая продолжала до тѣхъ поръ разрабатывать ее, пока она не составляла достоянія большинства. Тогда образовывался новый парламентъ и утверждалъ ее. Такимъ образомъ исторія англійской конституціи представляетъ постоянное торжество прогресса: всякая реформа, развиваясь послѣдовательно, сначала подготавливалась нѣсколькими лучшими умами, но переходила въ жизнь не ранѣе, какъ склонивъ на свою сторону массы; мы постоянно видимъ, что поступательное движеніе націи не зависитъ отъ развитія личности: послѣдняя можетъ остановиться, но тогда первая ставитъ въ головѣ управленія личность другую, болѣе развитую. —

Народъ въ Англій осталъ тѣмъ же честнымъ, прямымъ Джонъ-Булемъ, какимъ былъ прежде: всякій несправедливый поступокъ волнуетъ его, онъ выражаетъ свое негодованіе, свое недовѣріе къ министерству, но для сверженія его не прибѣгаетъ къ незаконнымъ средствамъ.

Такому развитію общественнаго мнѣнія Англія сильно обязана литературѣ. Съ тѣхъ поръ какъ законы о свободѣ печати получили утвержденіе Вильгельма, нація обнаружила литературную и ученую дѣятельность во всѣхъ родахъ. Дефо, Стиль, Аддисонъ,

Свифтъ, Болинброкъ способствуютъ политическому воспитанію страны; Локкъ, Шефтсбери, Болинброкъ разрабатываютъ философію; Ньютонъ, Меклоренъ, Фламстидъ, Геллей, Уилькинсъ работаютъ на поприщѣ физико-математическихъ наукъ. Гогартъ является творцемъ карикатуры. —

Но для того, чтобы пріобрѣтенныя права могли устоять противъ всякой реакціи, для того, чтобы сознание проникло въ массы—для Англіи необходимо было спокойствіе и отсутствіе тѣхъ великихъ личностей, которые волнуютъ націю завоевательными планами, которые стараются обезличить ее, поглотить ея дѣятельность своею.

Историческія событія были благопріятны для Англіи въ этомъ отношеніи: Георгъ I, былъ мелкій нѣмецкій князекъ, безъ всякаго образованія; онъ не понималъ ни англійскихъ законовъ, ни парламентской системы «онъ представлялъ собой типъ нѣмца самаго мелкаго покроя. Флегматичный, простой въ жизни и довольный не многимъ, работающій, бережливый до скупости, точный и аккуратный до педантизма, онъ годился въ бургмейстеры какогонибудь маленькаго нѣмецкаго городка, но былъ весьма странною и жалкою фигурою на англійскомъ престолѣ». Онъ предоставилъ всю власть вигамъ и не вмѣшивался въ управленіе; все вниманіе его было обращено на Ганноверъ; и взаимнѣ поддержки министрами ганноверскихъ интересовъ, онъ предоставилъ имъ полную свободу управленія въ Англіи. Георгъ II, шелъ по стопамъ отца своего и также ни во что не мѣшался. Главную роль игралъ Вальполь. Это былъ усердный чиновникъ въ родѣ сэра Роберта Пиля; онъ мастерски умѣлъ снискивать себѣ пріятелей во всѣхъ слояхъ общества и въ особенности, любилъ прибѣгать для этого къ подкупамъ. Неспособный ни къ смѣлымъ реформамъ, ни къ великимъ предпріятіямъ, онъ не пугалъ націю ни своимъ честолюбіемъ, ни стремленіемъ къ реакціи. А между тѣмъ это была натура въ высшей степени властолюбивая: для поддержанія власти своей онъ не чуждался никакихъ средствъ: система подкуповъ, существовавшая до него, получила при немъ такое обширное развитіе, что его назвали отцомъ парламентскихъ подкуповъ. Если онъ не прибѣгалъ къ юридическимъ преслѣдованіямъ своихъ противниковъ, то вовсе не изъ челоуѣколюбія, или возвышенности характера, какъ полагаетъ г. Вызьянскій, а потому что понималъ, что гоненіе дастъ новыя силы противной партіи, увеличитъ ея значеніе и не принесетъ никакой пользы ему, кромѣ жалкаго удовольствія удовлетворенія мелочной мести.

Паденіємъ Вальпола замыкается первая половина исторіи англійской конституціи въ XVIII вѣкѣ. «Подъ конецъ царствованія Георга II, говоритъ Маколе, англійская нація завершила великую политическую и религіозную революцію, которая началась еще въ XVI вѣкѣ. Запалячивая вражда сектъ умолкла. Даже католики фактически пользовались терпимостью.... конституція, купленная такъ дорого, была превозносима и обожаема всѣми партіями.... два великія политическія тѣла — торы и виги, — которые со временъ революціи постепенно стремились къ сближенію, соединились теперь и общими силами поддерживали блестящее министерство, которое сокрушило въ прахъ обѣ вѣтви Бурбоновъ. Великая битва за религіозную и политическую свободу кончилась и была выиграна. Раны зажили. И побѣдители, и побѣжденные радовались вмѣстѣ».

Причины такого слитія заключались въ большей степени образованія націи: оно проникло и въ торійскую партію, состоявшую, какъ мы уже сказали, по бѣльшей части изъ провинціальныхъ джентельменовъ. Партія виговъ, съ развитіемъ торговли и промышленности, также стала просвѣщеннѣе и неизмѣримая разница въ образованіи, которая была прежде между верхнею и нижнею палатами, исчезла. Философскія начала, проповѣдуемая цвѣтомъ англійскихъ писателей, съ каждымъ годомъ глубже проникали въ массу. Нація живо интересовалась всѣмъ относящимся до политики: политическія брошюры расходились десятками тысячъ; общественное мнѣніе стало такъ сильно, что самъ всемогущій Вальполъ не осмѣлился пойти противъ него: нѣсколько разъ онъ хотѣлъ замѣнить множество мелкихъ пошлинъ однимъ общимъ акцизомъ; нѣсколько разъ билъ объ этомъ проходилъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, но общественное мнѣніе постоянно было враждебно этой мѣрѣ — и она не была приведена въ исполненіе. Такое значеніе общественнаго мнѣнія надо приписать соединенному вліянію политики и литературы. Знаменитые публицисты временъ Анны и Георга I, сошли со сцены, но плоды ихъ дѣятельности остались; Стиль, Дефо, Аддисонъ, Болинброкъ были уже въ могилѣ, Попе приближался къ ней, Свифтъ молчалъ, но другое могучее поколѣніе парламентскихъ бойцевъ, ученыхъ и литераторовъ подростало: Памела Ричардсона, Джозефъ Андриусъ-Фильдинга открыли новую эру для романа: философскія сомнѣнія Юма начинали волновать общество; многосторонняя дѣятельность Джонсона была въ полномъ разгарѣ; грандіозная фигура Чатама рѣзко отгѣнилась на парламент-

скомъ фонѣ, а тамъ, въ тиши Эдинбургскаго университета, Адамъ Смитъ приготавливалъ свою экономическую теорію, а Эдмондъ Бьюрке, окончивъ курсъ въ дублинской коллегіи, бросилъ зеленыя берега Ирландіи и переселился въ Лондонъ для того, чтобъ довершить свое образованіе и искать пропитанія въ литературномъ трудѣ. Все показывало, что общество созрѣло и должно было идти далѣе. Все, что могло дать преданіе, было дано имъ. Англійская конституція могла держаться безъ него; оно только задерживало дальнѣйшее ея развитіе. Безъ публичности преній невозможно было уничтожить систему подкуповъ, безъ принятія новыхъ идей невозможно было оставаться во главѣ европейскихъ государствъ — нація поняла это: удвоенная дѣятельность закипѣла во всѣхъ концахъ острова, консерваторы и прогрессисты сразились, и шумъ ихъ сраженія раздавался по цѣлой Европѣ. —

Такимъ образомъ Англія въ первой половинѣ XVIII в. работала все, что дала ей Великая Хартія: законы, существовавшіе только на бумагѣ, получили примѣненіе на практикѣ; возвращеніе къ абсолютизму, даже попытки на это стали невозможны. Рѣзкая противоположность лежитъ между исторіей того времени и исторіей послѣдующей: реформы быстро слѣдуютъ одна на другой и частная дѣятельность приводитъ въ изумленіе своей колоссальностью.

Предположивъ представить Англію XVIII столѣтія въ публичныхъ чтеніяхъ, г. Вызинскій дошелъ до этой эпохи. Разумѣется мы не можемъ требовать отъ него строго-критическаго изложенія; мы совершенно согласны съ нимъ, что онъ долженъ былъ выбирать изъ массы событій только то, что могло быть интересно для слушателей и избѣгать всего, что могло утомить ихъ вниманіе, но признавая это, мы желали бы, чтобы авторъ обратилъ болѣе вниманія на внутреннее развитіе народа, на уясненіе тѣхъ основныхъ идей, которыя воплощались во внѣшніе факты; мы желали бы найти въ этихъ лекціяхъ въ высшей степени замѣчательную личность Чарльса Блоунта и рѣшеніе поднятаго имъ вопроса. Во всякомъ случаѣ книга г. Вызинскаго представляетъ пріятное явленіе въ русской литературѣ за недостаткомъ полнаго перевода сочиненій Маколя. Съ появленіемъ же его она сдѣлается совершенно ненужной, представляя въ отрывочномъ видѣ то, о чемъ знаменитый историкъ сказалъ подробно и художественно.

В. ПОПОВЪ.

Переводы въ стихахъ изъ Гёте, Шиллера, Шекспира, Гюго, Барбье, съ присоединеніемъ текста, — Михаила Семперверо.
Москва, 1860 года.

Старшія европейскія литературы чрезвычайно богаты переводами. Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ могутъ читать, каждый на своемъ родномъ языкѣ произведенія, такъ называемыхъ классическихъ писателей древнихъ и новѣйшихъ народовъ, тщательно переложенныя прозой или стихами. Мало того, каждое новое поколѣніе, не довольствуясь прежними понятіями, требуетъ и новыхъ переводовъ, сообразно съ степенью разширенія взгляда, художественнаго вкуса и усовершенствованія языка. Сколько французскихъ переложеній Шекспира видѣли мы съ той поры, какъ Monsieur Вольтеръ, не смотря на всю свою разумность, не шутя считалъ величайшаго драматурга варваромъ и рѣшался знакомить съ нимъ публику не иначе, какъ прикрывъ его французской маской, и до нашего времени, которое не удовольствовалося даже благоговѣйнымъ, чтобы не сказать рабскимъ, воспроизведеніемъ Шекспира Бенжаменомъ за Рошемъ. За нимъ безпрестанно появляются новые.

Намъ далеко до этаго богатства. Мы не можемъ похвалиться ни однимъ безукоризненнымъ и полнымъ переводомъ какого бы то нибыло писателя. Старинные переводы греческихъ и латинскихъ классиковъ до того устарѣли, что читать ихъ сущее наказанье; новыя попытки не выдерживаютъ никакой критики. Предшествующее поколѣніе довольствовалося чтеніемъ такихъ гениальныхъ писателей, какъ Вальтеръ-Скотъ, Сарвантесъ въ блѣдныхъ снимкахъ сдѣланныхъ съ французскаго перевода. Наше поколѣніе потребовало, и справедливо, переводы съ подлинниковъ; но намъ нѣтъ удачи.

Романы Вальтеръ-Скота остановились на четвертомъ выпускѣ; Донъ-Кихотъ съ испанскаго, остановился на половинѣ; Дантовъ Адъ перелагали намъ: Фанъ-Димъ (г-жа Кологривова) въ прозѣ, и г-нъ Минъ въ стихахъ; но ни тотъ, ни другой не достигли ни рая, ни даже чистилища. Гёте посчастливилось у насъ болѣе, кромѣ его трагедій и романовъ, мы имѣемъ Фауста въ переводахъ, Губера, Вронченки, Струговщикова и Грекова; но никто изъ нихъ не дерзнулъ наложить своего пера на вторую часть Фауста. Надъ Шиллеромъ у насъ трудились многіе; но ни кто

не чувствовалъ себя въ силахъ издать въ переводѣ всего имъ написаннаго. Въ послѣднее время г-нъ Гербель весьма счастливо обошелъ эту задачу, собравъ въ одно изданіе труды легіона переводчиковъ, и мы имѣемъ теперь германскаго поэта частію въ художественномъ, частію въ ремесленномъ переводѣ.

Полный переводъ Шекспировыхъ драмъ, предпринятый г. Кетчеромъ и исполняемый съ примѣрной добросовѣстностью, былъ остановленъ на половинѣ, не равнодушіемъ читающей публики, а сплошъ разныхъ условныхъ литературныхъ приличій. —

Не лучшей участи подвергается у насъ и фантазія причудливаго Гейне: не будь постороннихъ затрудненій, М. Л. Михайловъ, съ такою любовію изучившій этого писателя, конечно не замедлилъ бы подарить насъ своимъ поэтическимъ и близкимъ переводомъ по крайней мѣрѣ замѣчательнѣйшихъ его произведеній.

Имя Мицкевича, снова стало появляться въ нашей литературѣ, и новое изданіе его сочиненій вышло въ Варшавѣ и Парижѣ. Съ удовольствіемъ укажемъ на вѣрный, легкій и изящный переводъ «Дѣдовъ», помѣщенный въ нашемъ журналѣ. Желательно, чтобы скромный переводчикъ не остановился на этомъ опытѣ и своимъ добросовѣстнымъ трудомъ предупредилъ бы тѣхъ, кто возмѣлъ мысль издать всего Мицкевича въ русскомъ переводѣ трудами сборной братіи, какъ издается Шиллеръ.

Мы слышали также о предположеніи собрать лучшіе стихотворные переводы драмъ Шекспира. Вообще, у насъ не охотно читаютъ поэтовъ, переданныхъ прозой; а по нашему мнѣнію, строго вѣрный переводъ въ прозѣ всегда можно предпочесть неточному, приблизительному стихотворному снимку. Хорошей прозой если нельзя передать во всей полнотѣ чувство и колоритъ, то по крайней мѣрѣ воспроизводится весь рисунокъ поэмы или драмы и мало искажается мысль автора: это — фотографическая копія съ мастерской картины.

Переводящій стихами, гоняясь за колоритомъ и чувствомъ, чаще всего искажаетъ мысль оригинала, для какой нибудь рѣимы, или для стихотворнаго размѣра, жертвуетъ краткостію и точностію, вдается въ искусственность, принимая ее за искусство: все это неизбѣжно при работѣ безъ участія вдохновенія.

По настоящему, за переводы поэтическихъ произведеній должны бы были браться люди съ поэтическимъ настроеніемъ; но такіе люди обыкновенно предаются свободному творчеству; предпочитаютъ его скальванію чужой мысли и подогрѣванію чужаго

вдохновенія. Посмотрите какъ легко давался поэтический переводъ Байрону. Читая его переложение *Morgante Maggiore*, шуточной поэмы Пульчи, невольно пожалѣешь, что такая меткая рука не взялась за Данта. Съ какою легкостію воспроизводитъ британскій поэтъ мысль, чувство, колоритъ, пронию своего оригинала; какъ совладѣлъ онъ съ тройнымъ созвучіемъ, и такъ сказать, отлилъ стихъ въ стихъ, октаву въ октаву.

Въ нашей литературѣ безукоризненно художественные переводы драмъ и поэмъ почти неизвѣстны. Какъ ни поэтиченъ примѣръ Шильонскій узникъ въ переводѣ Жуковского, надо однакожь сознаться, что поэзія Байрона, проведенная въ душѣ русскаго пѣвца сквозь туманы германской мечтательности, утратила много блеска и энергіи.

На мелкія пьески генія нашего доставало чаще: у рѣдкаго изъ нашихъ поэтовъ не найдется переводнаго стихотворенія, могущаго стать наряду съ подлинникомъ.

Г. Семперверо, издавшій весьма тщательно (въ типографскомъ отношеніи) свои опыты переводовъ съ трехъ языковъ, съ рѣдкою рѣшимостью, возлѣ своихъ копій помѣстилъ знаменитые оригиналы. Книжка его очень не велика: въ ней собрано пять сценъ изъ *Фауста*, между которыми вставлены три стихотворенія Виктора Гюго, сцена изъ *Макбета*, сцена *Валленштейна*; пара пьесокъ Барбье и, наконецъ, «пѣснь Миньоны», стихотвореніе, на которомъ притупилось много перьевъ у нашихъ поэтовъ переводчиковъ.

Г. Семперверо, можетъ статья и глубоко чувствуетъ красоты поэтическихъ произведеній, но передаетъ намъ эти красоты безъ замѣтнаго одушевленія.

Вотъ образцы его стиховъ:

Фаустъ.

Хочу я чувственностью жить
И ей залить огонь страстей мнѣ сердце жгущихъ,
Пускай во мракѣ чаръ могучихъ,
Свершатся чудеса тобой;
Спѣвши низринутся со мной
Въ бушующее жизни море,
Случайностей безумныхъ въ ураганъ;
И пусть въ нихъ — наслажденье, горе,
Успѣхъ, несчастіе, дѣйствительность, обманъ,
Стѣсняются другъ другомъ, какъ пошло.

*Милъ дѣятельности малой — мало:
Мужаемъ духомъ мы — въ большой.*

Послѣднія двѣ строки, по-истинѣ, не могутъ назваться ни стихами, ни прозой, ни даже переводомъ.... Переводчикъ силится передать ими слѣдующій стихъ Гёте:

Nur rastlos bethätigt sich der Mann.

Г. Семперверо, бросая перчатку Гёте, Шиллеру, Шекспиру не могъ не предвидѣть, что они явятся предъ нимъ не столько соперниками, сколько обличителями въ нарушеніи законовъ поэзіи, Посмотримъ, не болѣе-ли подѣ силу почтенному переводчику. стихи Виктора Гюго.

Чудовищный корабль — Левіаѳанъ — величіе и ужасъ:
вотъ образъ прошедшаго!

.
И міръ, подѣ этой мглой несчастной,
Міръ — безобразенъ былъ ужасно!
Поникла крыльями надежда; ослабѣвъ
Союзы дружбы разрѣшились;
Единства силы сокрушились —
И стали царствовать раздоръ, неволя, гнѣвъ!
Всѣмъ общаго ни въ чемъ уже не встрѣтишь:
Различно все — языкъ, законъ, ума покрой.
Гдѣ братство? Нѣтъ его и слѣду не замѣтишь;
Гдѣ преуспѣянье? Лишь путь начавши свой,
Какъ змѣй разсѣченный, въ предсмертныхъ мукахъ бьется —
Куски свои, въ пыли, собрать напрасно рвется.
Тамъ — феодальный мечъ, въ оплотъ границъ, народъ
Какъ будто стадо заключаетъ,
Какъ стадо на убой пасеть,
И власть надъ нимъ двумъ стражамъ поручаетъ;
Звѣроподобнымъ стражамъ двумъ:
Одинъ — война, другой — невѣжественный умъ.
Адамъ отъ Запада къ Адаму отъ Востока
Кипѣлъ свирѣпою враждой;
Родъ человѣческой былъ не одинъ, а много:
Родъ въ Лондонѣ одинъ — въ Парижѣ былъ другой;
И въ Нью-Йоркѣ былъ родъ не тотъ уже что въ Римѣ.

.Спрашиваемъ: чтò выигрываетъ самая высокая, гуманная мысль, если она затемнена подобными стихами.

Послѣднія произведенія Виктора Гюго, а особливо его *Légende des Siècles*, гдѣ найдется не мало прекрасныхъ страницъ, вообще страдаютъ многословіемъ; страсть играть словами, забавляться изысканностію фразъ — усилилась у французскаго поэта съ годами. Воспроизводитъ всю эту игру фантазій, намъ кажется задачею столько же трудною, сколько бесполезною.

Г. Семперверо очевидно дѣлаетъ всѣ эти опыты для упражненія въ русскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣть не легко, что впрочемъ извиняется его иностранною фамиліею.

Отрывки изъ «Макбета», равно какъ и сцена изъ «Валленштейна», также не представляютъ ничего общаго съ вдохновеніями Шекспира и Шиллера.

Книжка заключается «Пѣснью Миньоны», этимъ благоуханнѣйшимъ цвѣткомъ гётевской поэзіи, который пересаживался на нашу литературную почву десятки разъ, и рѣдко съ чрезвычайнымъ успѣхомъ.

Новый переводъ едва не вдвое длиннѣе подлинника, но и этимъ недостигаетъ никакого совершенства.

Ты знаешь-ли тотъ край желанный,
Край, гдѣ лимонъ въ лѣсахъ цвѣтетъ;
Гдѣ роши *миртъ*; гдѣ лавръ растетъ?... и проч.

Гёте.

Kennst du das Haus? Auf Säulen ruht sein Dach;
Es glänzt der Saal, es schimmert das Gemach,
Und Marmorbilder stehn und sehn mich an: —
«Was hat man dir, du armes Kind, gethan?» —
Kennst du es wohl?»

Dahin! dahin

Möcht' ich mit dir, o, mein Beschützer ziehn.

Г. Семперверо.

Ты знаешь-ли край вдохновенный?
Я помню тамъ великолѣпный домъ —
Чертогъ, гранитными столбами окруженный!
И много было залъ въ чертогъ томъ —
Блестѣвшихъ золотомъ, украшенныхъ рѣзбою!
Въ нихъ статуй, дивной красоты,
Стояли длинныя ряды...
И сжалились тѣ статуи надъ мною: —

«Кто, кто тебя, дитя? Скажи намъ — что съ тобою?» —

Ты знаешь тотъ чертогъ?

Туда! туда съ собой

Зову тебя, о покровитель мой!

Надо сознаться, что г. Семперверо пропѣлъ пѣсню Миньоны, отнюдь не очаровательнѣе предшествовавшихъ ему пѣвцовъ, отъ г. Платона Ободовскаго, напечатавшаго свой переводъ, лѣтъ за двадцать назадъ, въ альманахѣ *Утренняя Заря*, и до г. Михайлова, помѣстившаго переводъ той же пьесы въ нашемъ журналѣ (декабрь 1859). Точность и изящная простота переводовъ Михайлова, повидному, вовсе неизвѣстны г-ну Семперверо.

В. Я — ВЪ.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Москва 1860.

Старинная пѣснь—почти единственный откликъ, въ которомъ до насъ народная дума. Люди, лишеныя грамотности, не имѣють другаго средства передать потомству свою внутреннюю жизнь — свое воззрѣнiе на окружающій мiръ, свои вѣрованiя, чувства, надежды, радости и горе. Все, что волнуетъ душу народа и проситъ внѣшняго выраженiя, переходитъ въ пѣсню, сказку, пословицу, и въ этой безыскусственной, но вѣрной формѣ, переживаетъ вѣка, повторяется сотнями поколѣнiй и часто умираетъ только вмѣстѣ съ народомъ. Это самый твердый историческiй памятникъ, но черты его такъ неуловимы, темны и неопредѣленны, что часто не знаешь, къ чему и зачѣмъ сложена эта пѣсня. Какъ морская волна, она, неизвѣстно, откуда берется и гдѣ остановится. Повидному, во всемъ этомъ — чистый капризъ фантазiи; но еслибъ можно было прислушаться къ первому голосу, заглянуть въ душу того человѣка, съ котораго начнется пѣсня, еслибъ можно было объяснить всѣ обстоятельства, подъ влиянiемъ которыхъ она возникаетъ, то мы увидѣли.

Отд. II.

3

бы въ ней и глубокий смыслъ и творчество. Она непремѣнно хранить въ себѣ живой образъ, взятый изъ дѣйствительнаго міра, и если непонятный для насъ, то понятный, въ свое время, миллионамъ другихъ людей. Чтò, напримѣръ, интереснаго для насъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Не сиди ты поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчи воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи — и проч.,

но еслибъ мы могли видѣть это тоскующее сердце, изъ котораго она въ первый разъ вылилась, чувствовать это горе, которое отразилось въ ней, то, вѣроятно, она была бы для насъ въ тысячу разъ интереснѣй или, по крайней мѣрѣ, ближе нашему сердцу, чѣмъ лучшая итальянская опера.

Къ сожалѣнію, первоначальная форма пѣсни всегда теряется въ устахъ народа. Переходя отъ одного поколѣнія къ другому, изъ одного мѣста въ другое, она видоизмѣняется, подчиняясь вліянію племенныхъ, сословныхъ и историческихъ обстоятельствъ; здѣсь она пополняется новыми картинами, тамъ сокращается, здѣсь краски и мотивы ея дѣлаются ярче, тамъ блѣднѣе. Наконецъ, по общему правилу всѣхъ изустныхъ преданій, фактическая достовѣрность пѣсни тѣмъ дальше отступаетъ отъ истины, чѣмъ глубже скрывается источникъ ея въ древности. Поэтому величайшій трудъ исторической критики состоитъ въ томъ, чтобъ донскаться въ народной пѣсни ея первороднаго содержанія и снять съ кореннаго стиха ея всѣ побросли. Но такая критика является поздно; ей, обыкновенно, предшествуетъ всесторонняя разработка народной литературы и широкій умственный трудъ по всѣмъ направленіямъ человѣческой мысли. Наша наука еще далеко не удовлетворяетъ этому требованію; оттого, между прочимъ, всѣ наши историческіе сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, такъ отрывочны и бѣдны хорошими комментаріями, а безъ полныхъ комментаріевъ и объясненій они тоже, что старая истертая монета, негодная для употребленія.

Въ пѣсняхъ Кирѣевского сказаніе про Илью Муромца, нѣтъ сомнѣнія, составляетъ капитальный памятникъ нашей древней поэзіи. Изъ всѣхъ вариантовъ, представленныхъ въ этомъ сборникѣ, можно вывести нѣчто цѣлое; изъ нихъ довольно ясно проглядываетъ образъ народнаго героя. Но этого мало: 1, надо положи-

тельно доказать, что эти варианты одновременны; 2, означить мѣсто и время ихъ происхожденія; и 3, почему и какъ они выросли на одномъ общемъ корнѣ? Послѣдній вопросъ требуетъ гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ позволяетъ намъ библиографическая статья, а на первые два мы постараемся отвѣтить на основаніи самаго подлинника.

Вотъ, наприимѣръ, описаніе коня въ одной изъ пѣсней:

Коню вѣдь подѣ старымъ цѣны нѣ было.

Почему-же цѣны ему нѣ было:

Потому-то коню цѣны нѣ было:

За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ, —

Котора рѣка цѣла верста,

А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.»

(Кирша Даниловъ.)

Въ другихъ пѣсняхъ тотъ же конь описывается такъ:

- 1) «Ретивой ѣво конь осержаётся,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячево,
Чуть пониже оболока ходячево.
Первый скокъ скочилъ на петнадцать вёрстъ;
Въ другой скочилъ — колодезь сталъ....
Въ третій скочилъ — подѣ Черниговъ градъ.»
- 2) «Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
По крутымъ бедрамъ, промежду ушей:
У ѣво конь бѣжитъ, какъ соколъ летить,
Рѣки и озѣра промежъ ногъ берѣтъ,
Хвостомъ поля устигаются.»
- 3) «Быль у старого доброй конь:
Черезъ рѣки перевозу онъ не спрашивалъ,
Ише гладкіе мхи да промежъ ногъ сдушшалъ,
А и синее-то море онъ въ околѣ скакалъ.»

Эти четыре различные текста въ сходныхъ между собою пѣсняхъ ясно указываютъ, что эти пѣсни сложены и въ разное время, и въ разныхъ мѣстностяхъ. Даже мало знакомымъ съ областными русскими нарѣчіями, съ перваго взгляда, понятно, что первые два варианта принадлежатъ къ средней, а вторые

два къ сѣверной полосѣ Россіи. И дѣйствительно: первая пѣсня уроженца Дона, вторая записана П. В. Кирѣевскимъ въ Нижегородской губерніи, а двѣ послѣднія — въ Шенкурскѣ и на Олѣгѣ. Время составленія ихъ также можно опредѣлить приблизительно. Первообразъ, утраченный вполне и рассыпавшійся отдѣльными рѣченіями по вариантамъ, несомнѣнно былъ созданъ въ началѣ отдѣльнаго періода, или, во всякомъ случаѣ, не позже появленія Половцевъ; варианты складывались постепенно, во времена татарскаго ига, потомъ подъ вліяніемъ Литвы, казачества и наконецъ даже при первомъ столкновеніи съ Турками. Доказательства налицо: Илья Муромецъ борется и съ Тугариномъ, и съ Збутомъ королевичемъ, и съ Татарченкомъ, и съ Литвою, Туркомъ, и вездѣ онъ — матерій козакъ. Только въ самыхъ древнихъ вариантахъ Илья представляется корачаровскимъ *сиднемъ-селляниномъ*. Замѣчательно литовское вліяніе на одинъ изъ вариантовъ пѣсни о Муромцѣ *). [Во время его отсутствія изъ Кіева, нападаетъ на городъ *загорской вѣрой Тугаринъ Бѣлевичъ* **). Князь Владиміръ, не зная, что витязь «полевалъ далече во чистомъ полѣ — звѣря лютово на копье ловилъ, соболей-куницъ на низокъ-низалъ», посылаетъ къ нему гонца. Молодая жена Ильи, Марья Савишна, слышитъ грозный княженецкій наказъ, — и надорвалась у ней молодое сердце. «Добро», молвитъ, «ты, гонецъ, назадъ бѣги, а Илья за тобой не замѣшкаеть:

Выписываемъ далѣе подлинныя слова пѣсни:

«Проводила она гонца ласково,
 Наказала коня сѣдлатъ доброво,
 Одѣвалась въ платье богатырское,
 Не забыла *кочанъ* калѣныхъ стрѣлъ,
 Тугой лукъ, *саблю* острую.
 Какъ сѣла въ сѣдю, только и видѣли.
 И поѣхала къ городу Кіеву,
 Ко великому князю Володимеру.
 Какъ завидѣли князья-бояря *богатырской скокъ*.
 Какъ слышали князья-бояря богатырской свистъ,
 Не дивилися долго скоку-пѣсвпсту,
 Высылали спѣшно всю рать могучую,

*) Поѣтся на сузунскомъ заводѣ Записана Д. П. Соловьевымъ.

***) Замѣтимъ кстати, что имя: *Тугаринъ* напоминаетъ половецкаго хана *Тугоркана*.

Сами къ ласкову князю воротилися :
 «Пошла-де, рать съ Ильей Муромцомъ,
 А Тугарину-де, съ нимъ не сдобровать.»
 Далеко въ чистомъ полѣ рати стрѣтилися :
 У Тугарина рать — туча черная,
 Княженицкая рать — молонья свѣтлая.
 Какъ сошлися — не взвидѣлися.
 А и Тугаринъ не взвидѣлъ бѣдъ-дня :
 Убѣжалъ онъ въ свои улусы загорскія,
 Проклинаючи богатыря Илью Муромца,
 А богатырь Илья Муромецъ
 Знать-не зналъ, вѣдать-не вѣдалъ,
 Кто за него бился съ Тугариномъ?
 (Служилъ службу царскую, государскую).

Эта пѣсня очень сходна съ преданіемъ литовской лѣтописи о Литвинкѣ «Гражынь», воспѣтой Мицкевичемъ въ поэмѣ «*Grasyna*». «Гражына», ночью тайкомъ отъ своего мужа, одѣвается въ сго броню, садится на его коня, сзываетъ дружину, и, неузнанная — даже самыми близкими дружинниками, бросается, вмѣстѣ съ ними, навстрѣчу изгонной рати *крыжакоевъ*. За этотъ смѣлый подвигъ Литвинка поплатилась смертельной раной, но отразила набѣгъ, и врубила мечемъ свое имя въ народную память.

Пѣсня про жену Ильи Муромца, по всѣмъ вѣроятіямъ, основана на этомъ преданіи, занесенномъ, можетъ быть, — вмѣстѣ съ второю супругою царя и великаго князя Василія Іоанновича, Еленою Глинскою. Литовское преданіе перепѣто на русскій ладъ и прикрито именемъ Ильи Муромца; но складъ пѣсни указываетъ на ея, сравнительно, позднее происхожденіе, а заключительныя слова: «служилъ службу царскую, государскую» еще болѣе подтверждаютъ наше предположеніе. Прибавимъ къ этому, что по свидѣтельству почти всѣхъ пѣсень, Илья не былъ женатъ, и нѣсколько разъ повторяетъ про-себя: «миѣ женитьба-то не къ молодости, миѣ жениться-то не къ лицу», — нѣту у меня, стара, да молодой жены.» и т. д. — Но на сердечныя отношенія Ильи Муромца намекаютъ многія пѣсни. Такъ, въ одной изъ нихъ Илья наѣзжаетъ въ чистомъ полѣ диковнику: разъѣздную, походную, красну дѣвцу. На его вопросъ дѣвица отвѣчаетъ:

И жила-была у бабушки дочь гостиная,
 Я бѣжала, красна дѣвица со новыхъ сѣней, —
 Отъ того Олѣши Поповича,
 Отъ насмѣшника-пересмѣшника».

И витязь горюетъ:

«Охъ, ты, гой еси, душа-ли красна дѣвица,
 Охъ, ты что мнѣ давно не сказалася?
 Я бы съ Олѣшей перевѣдался,
 Я бы снялъ съ Олѣши буйну голову»....

Въ другой пѣсни, наѣзжаетъ Илья въ чистомъ полѣ молодого богатыря Збута Бориса королевича задонскаго, и, одолевъ его въ поединкѣ, узнаетъ въ немъ своего сына. Въ третьей пѣснѣ, онъ убиваетъ своего сына соколыщичка, отъ молодой вдовы Омельбы Тимофеевны. Есть еще пѣсня *), въ которой поется о томъ, какъ Илья, не дождупи Индѣи богатыя», наѣхалъ на теремъ и какъ:

«Выходила изъ терема прекрасная королевевна,
 И брала стара за бѣлы руки,
 Чѣловала стара въ уста сахарныя,
 Поила, кормила стара до-сыта....

Но Илья распорядился съ «ей по своему: выпустивъ изъ подземелій ея терема сорокъ плѣнныхъ царей и царевичей, да еще сорокъ королей и королевичей,

«Разорвалъ онъ царевну на цѣтыре цѣтверти,
 Разметалъ ей на цѣтыре стороны».

Въ этой пѣсни, также и въ помннутыхъ нами двухъ о поединкахъ Ильи съ сыновьями, замѣтно, преобладаетъ вліяніе восточнаго сказочнаго міра.

Вообще пѣсенный образъ Ильи Муромца — образъ «суроваго *«матерого казака, не щадившаго у вѣроговъ ни поля, ни возраста, не оставлявшаго живой души даже «на стѣмена»....*

Это — прародитель Таруса Бульбы: грубая, суровая и без-

*) Съ Онеги.

пощадная сила.... Королевишну онъ хватаетъ *осередь* и бросаетъ на тесовую кровать, такъ что кровать опрокидывается; перебиваетъ всю семью «Соловья—разбойника», натравливаетъ Добрыню на Бабу-горышнику и поддучиваетъ его, какъ управляться съ бабой....

«А женской полъ отъ того пухоль»....

(Кирша Даниловъ).

И все это изъ-за-чего? Изъ-за богатырской похвальбы, изъ-за братства названнаго.... Дико!

Да. Дики варианты пѣсенъ про Илью Муромца; днкъ и напѣвъ ихъ. Ни одна пѣсня не можетъ вполне выдержать даже снисходительной оцѣнки — ни въ томъ, какъ она была задумана, ни въ томъ, какъ была исполнена. Ни отъ одной изъ нихъ не вѣетъ даже младенческой поэзіей, потому-что первообразъ затертъ позднѣйшей подмалѣвкой. Что онъ, этотъ первообразъ, былъ когда-то, что когда-то звучала про него живая, громкая пѣсня, — доказательствомъ то, что въ каждомъ вариантѣ выдается первобытный, чистый мотивъ. Перечтите любую пѣсню, и въ любой найдете какой нибудь стройно-вдохновенный ладъ. Возьмемъ на удачу:

Вотъ, напримѣръ, пріемъ пѣсни *), запѣвка:

«Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зеленá винá,
Только жалко смиренной бесѣдушки:
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывшее....»

Вотъ начало пѣсни: **)

«Во *сели* было, въ Муромѣ,
Во деревнѣ было, Корочаровѣ,
Жилъ-былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ....
Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословеньца:

*) Симбирской губерніи, въ селѣ Усть-Урень.

**) Кореунскаго уѣзда, выслोकъ Александровъ.

«По дикой степѣ мнѣ погуляти,
Добра коня понаѣздити...»

Близкою къ первообразу кажется намъ также и слѣдующая заповѣдка *):

«Что у ласкова князя Владиміра
Заводился пиръ на-веселѣ:
Собирались князья-бояры,
Сильные — могучіе богатыри **)
И вся поленица ***) удаляя.

Заводился пиръ въ полупирѣ,
Сахарныя кушанья въ полукушаньѣ,
Пштыя медьяныя въ полупштыѣ, —
Стали бояры наѣдаться,
Стали бояры напшваться,
Стали бояры *прихвастьваться*:
Кто хвастаетъ чистымъ серебромъ,
Кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
Кто хвастаетъ скатнымъ жемчужомъ....»

Не приводимъ здѣсь ни отдѣльных своеобразныхъ выраженій и мѣткихъ словъ, ни смѣлыхъ сравненій и образовъ, видимо исконныхъ; но повторяемъ: въ каждой изъ собранныхъ Кирѣевскимъ пѣсенъ есть намѣкъ на былую, утраченную навсегда пѣсню, гремѣвшую въ оно время по Руси изъ конца въ конецъ.

Какъ бы то ни было, — но мы благодарны покойному Петру Васильевичу за его долголѣтній и честный трудъ!..

Кромѣ пѣсенъ, Обществомъ любителей россійской словесности изданы и сказки про Илью Муромца, а въ заключеніе присоединены: 1) *замѣтка* о порядкѣ въ размѣщеніи пѣсенъ былевыхъ, въ томъ числѣ пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ, по содержанію самой были. II) *Личныя воспоминанія* К. С. Аксакова и III) *Отрывки* изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ. В. И. Дала.

*) Заводы Лохтевскій и Сузунскій.

**) Не вѣдали ли? богатырь, батырь — слово татарское.

***) *Поленица, поляница, отъ-поле, полевать, полеваться* — раздѣжать въ полѣ, ради подбеговъ, и т. п.

Про сказки говорить нечего: это — болѣе или менѣе удачная амальгама пзъ тѣхъ же пѣсенъ съ отмѣтками г. Даля. Что же касается «*Личныхъ воспоминаній* К. С. Аксакова, — они и занимательны, и умѣстны.

Изданіе задумано, распредѣлено и выполнено отчетливо и добросовѣстно. Мы желали бы поскорѣе видѣть второй подобный выпускъ. вмѣстѣ съ превосходнымъ изданіемъ графа Кушелева-Безбородко (Памятники Старинной Русской Литературы), Сборникъ Кирѣевского дѣлаетъ честь нашей современной литературѣ.

Л. М.

ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ СЪ АТЛАСОМЪ ИЗЪ 224 ЛИТОГРАФИРОВАННЫХЪ РИСУНКОВЪ ВЪ ЛИСТЪ. 1859 г. *Anatome topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis illustrata auctore Nicolai Pirogoff.* Цѣна 35 р. с., съ пересылкою 43 р. с.

Топографическая анатомія, при всей подробности описаній, при всей отчетливости рисунковъ, до-сихъ-поръ неудовлетворяла требованіямъ практической медицины и хирургіи, какъ скоро дѣло шло о вѣрномъ изображеніи какой-нибудь части тѣла относительно положенія, связи съ окружающими ее частями и объема. Возведенная безчисленными трупосѣченіями, вѣковыми успіями цѣлаго легіона адептовъ на первое мѣсто въ ряду естественныхъ наукъ по достовѣрности представляемыхъ ею данныхъ, анатомія допускала однакожъ уже а ргіогі болѣе или менѣе важные источники и погрѣшности, и такимъ образомъ измѣняла своему девизу, на который она имѣла право преимущественно предъ другими отраслями естествознанія: *cognitio certa in principis certis*. При всѣхъ пзвѣстныхъ способахъ подготовленія трупа или извѣстной части его къ описанію или снятію рисунка неизбѣжны были неточности и неопредѣленности. При малѣйшемъ проколѣ въ полости, воздухъ, проникнувъ въ нее вслѣдъ за инструментомъ, сдавливалъ, раздвигалъ, отодвигалъ назадъ или въ

глубину полости содержащаяся въ ней части, представлявшіяся такимъ образомъ глазамъ изслѣдователя уже въ измѣненномъ положеніи и часто въ измѣненномъ объемѣ. Тѣ же неточности и неопредѣленности были неизбежны и при описаніи мягкихъ частей тѣла. Съ разрѣзомъ покрововъ, съ нарушеніемъ связи мягкія части по свойственной имъ упругости раздвигались, сжимались, и въ результатѣ получались тѣ же неточности и погрѣшности. А между тѣмъ даже незнакому съ медициною понятно, до какой степени важно точное знаніе относительнаго положенія частей человѣческаго тѣла въ приложеніи анатоміи къ хирургіи. Малѣйшая, сама по себѣ ничтожная повидимому погрѣшность могла принять громадныя размѣры, повлечь за собою гибельныя послѣдствія лѣтописи медицины, довольно богатой подобными плачевными эпизодами. Помимо интересовъ науки, больные, въ видахъ самосохраненія, были вправѣ требовать, чтобы хирургъ, вонзая ножъ свой въ трепещущую живую ткань, былъ въ состояніи отдать себѣ такой же вѣрный отчетъ о дѣйствиіи своего лезвья, какъ бы если лежащая подъ ножомъ части представлялись совершенно прозрачными. Мы не станемъ говорить тутъ о различныхъ темныхъ вопросахъ діагностики, теоріи звуковъ и движенія сердца, ожидающихъ для разрѣшенія своего, математически вѣрнаго изложенія топографіи сердца. Но чтобы доказать читателю, до какой степени несовершенство въ способѣ анализа можетъ отразиться даже на такой положительной наукѣ, какова анатомія, мы приведемъ въ примѣръ открытіе, сдѣланное Пироговымъ надъ желудкомъ. Положеніе этого органа, отчасти даже доступнаго изслѣдованію на живомъ тѣлѣ, считалось какъ нельзя лучше извѣстнымъ и не требовало повидимому повѣрки. А между тѣмъ оказалось противное: съ незапамятныхъ временъ во всѣхъ анатоміяхъ утверждали, что желудокъ, по очертанію своему болѣе или менѣе похожій на подкову, имѣетъ въ тощемъ состояніи такое положеніе, что большая или наружная, выпуклая кривизна его обращена внизъ, а малая вогнута вверхъ, и что по мѣрѣ наполненія его пищею желудокъ поворачивается на продольной, длинной оси своей такъ, что нижняя дуга его поднявшись на четверть круга обращается впередъ къ покровамъ живота, а вогнутая поверхность или малая дуга смотритъ назадъ. Въ нѣкоторыхъ физиологіяхъ можно было даже найти объясненіе такому явленію. И чтожь?—Точнѣйшимъ, новымъ способомъ изслѣдованія, недопускающимъ ни малѣйшихъ возраженій или сомнѣній относительно положительности получаемыхъ резуль-

татовъ, доказано теперь, благодаря г. Пирогову, что порожній, сжатый желудокъ имѣетъ видъ подковы, но тѣло его въ томъ состояніи такъ перегнуто, что нижняя кривизна его всегда обращена впередъ, т. е., къ покровамъ живота, и что по мѣрѣ того, какъ онъ растягивается пищею, онъ постепенно выпрямляется такъ, что большая его кривизна или дуга обращена уже книзу, а малая дуга вверхъ.

Знаменитый въ гѣтописяхъ анатоміи и хирургіи соотечественникъ нашъ разрѣшилъ задачу: представить едва-ли не математически вѣрное описаніе и изображеніе относительнаго положенія частей человѣческаго тѣла и связи ихъ между собою. Мы уже сказали, что всѣ придуманные способы достигнуть крайней точности при анатомическихъ изслѣдованіяхъ, заливанія частей трупа гипсомъ, проведеніе разрѣзовъ по направленію снацъ, продѣтыхъ сквозь трупъ, оказались неудовлетворительными; необходимо было, во-первыхъ, парализовать упругость трупа, и, во-вторыхъ, сдѣлать ихъ неподатливыми давленію наружнаго воздуха. Средство было просто, средство было подъ рукою, но какъ и Колумбово яйцо не давалось въ руки. Пироговъ придумалъ *замораживать трупы*, подвергая ихъ втеченіи двухъ трехъ дней дѣйствию пятнадцати или восемнадцати-градуснаго холода. Замороженные такимъ образомъ до плотности дерева или камня, трупы распиливались потомъ фуририною пилою, употребляемою по заводамъ для распиливанія орѣховаго, краснаго или другихъ сортовъ цвѣтнаго дерева на тонкія пластинки — фанерки, которыми столяры покрываютъ мебель. Разрѣзы производились въ каждой изслѣдуемой части тѣла, въ каждой полости его по тремъ направленіямъ: отвѣсномъ, поперечномъ и передне-заднемъ. Этимъ способомъ можно было распиливать самые вѣжные органы, напримѣръ, мозгъ, на тончайшія пластинки съ такою точностію, что сложенные вмѣстѣ эти пластинки воспроизводили весь органъ съ потерей въ толщѣ, отъ дѣйствія пилы, не болѣе *одной трети линіи на цѣлый трупъ*. Разрѣзы переводились на бумагу чрезъ квадрированное стекло. Не довольствуясь этимъ способомъ, академикъ Пироговъ, желая достигнуть крайнихъ предѣловъ точности, изучилъ и представилъ положеніе, форму и связь органовъ и частей тѣла, не распиливая трупа по тремъ различнымъ направленіямъ, но обнажая ихъ на замороженномъ трупѣ такъ, какъ это дѣлается при обыкновенныхъ трупораззятіяхъ. Атласъ раздѣляется на четыре главныхъ отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ представлены разрѣзы головы, шеи и позво-

ночного столба; во-второмъ изображены разрѣзы груди, въ третьемъ — живота, и въ четвертомъ — оконечностей. Каждый отдѣлъ раздѣляется на три части; въ первой изображены поперечные разрѣзы, во второй продольные, въ третьей — передне-задніе.

Трудъ г. Пирогова, начатый за двадцать лѣтъ, трудъ исполнинскій, о размѣрахъ котораго мудро составить себѣ понятіе. Вспомнимъ только то, что помимо громаднаго числа разрѣзовъ, безчисленныхъ неудачъ и препятствій, затрудненія увеличивались еще невозможностью производить разрѣзы полости по всѣмъ тремъ направленіямъ на одномъ и томъ же трупѣ; что необходимая для замораживанія труповъ температура не всегда была въ распоряженіи профессора; что наступившая въ перемежку съ морозомъ оттепель уничтожала за одинъ разъ двухдневныя, трехдневныя приготовленія и ожиданія, потому-что для избѣжанія тѣхъ неточностей, которыя могли-бы произойти отъ измѣненія положенія и объема частей вслѣдствіе поперемиѣннаго вліянія на нихъ тепла и холода, профессоръ не рѣшался снова замораживать уже разъ оттаявшіе трупы, и принимался за другіе. И не смотря на исполинскіе размѣры этого труда, исполненнаго-однимъ человѣкомъ и составившаго по внутреннему своему значенію эпоху въ мірѣ науки, онъ не произвелъ появленіемъ своимъ въ свѣтъ глубокаго впечатлѣнія; онъ не былъ встрѣченъ тѣмъ радушіемъ, тѣмъ восторгомъ, на который имѣлъ право. Пріемъ былъ холодный; встрѣча была именно такова, какою воображалъ себѣ и предчувствовалъ ее самъ профессоръ, долго нерѣшавшійся приступить къ изданію своего сочиненія. Явленіе грустное, но весьма понятное и, въ наше время, весьма естественное. Анатомія уже на столько была двинута впередъ, что, за немногими исключеніями, грубыя ошибки въ ней были невозможны. Сочиненіе Пирогова не произвело въ прикладныхъ наукахъ медицины внезапнаго, сильнаго переворота; оно не можетъ указать ни одного блестящаго, поразительнаго открытія; оно не отличается тѣмъ наружнымъ блескомъ, который считается въ наше время вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха. И трудъ едва былъ замѣченъ. А между тѣмъ стоитъ только взглянуть на любой разрѣзъ, на любую пластинку, переведенную профессоромъ на бумагу, чтобы убѣдиться, что топографическая анатомія въ томъ видѣ, въ которомъ она представлена Пироговымъ, что наглядная анатомія разрѣзовъ требуетъ своего рода изученія, до такой степени бываетъ трудно угадать съ перваго взгляда, не справляясь съ

текстомъ, съ какою именно частію тѣла имѣли дѣло и, что еще затруднительнѣе, въ какомъ именно мѣстѣ она перерѣзана. Лучшее доказательство того младенческаго состоянія, въ которомъ находились и находятся наши практическія свѣдѣнія о строеніи человѣческаго тѣла. Пироговъ открылъ человѣческому мышленію новую перспективу, представивъ цѣлую отрасль естествознанія съ совершенно новой точки зрѣнія.

Сочиненіемъ его сказано послѣднее слово въ топографической анатоміи. Прочимъ adeptамъ науки настоящаго и будущаго времени предстоитъ отдѣлка, отчеканка частныхъ, подробностей той или другой части зданія, законченнаго теперь въ цѣломъ. Какъ бы ни были обширны эти труды, они уже будутъ вращаться въ замкнутомъ пространствѣ; наукѣ положены теперь предѣлы; ей воздвигнуты геркулесовскіе столбы съ надписью *non plus ultra*. И подъ этою надписью русское имя — Пирогова.

Комнатная гимнастика съ шарами. Легкое и практическое руководство къ сохраненію здоровья, съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Санктпетербургъ. 1860 г. Въ 12-ю д. л. Стр. IV и 60. Цѣна 60 коп. сер.

Говорить ли о пользѣ гимнастики, и, слѣдовательно, о пользѣ хорошаго руководства, толково излагающаго всѣ правила, которыя необходимо соблюдать при этомъ способѣ самоизлѣченія? Что гимнастика общепользна; что гимнастическія упражненія общедоступны и вовсе не требуютъ непремѣннаго посѣщенія особенныхъ гимнастическихъ заведеній, недоступныхъ для большинства столичной публики, какъ по цѣнѣ, такъ и по распредѣленію служебныхъ часовъ; что гимнастическія упражненія не пражены съ особенными денежными издержками, потому что онѣ ограничиваются, во-первыхъ, покупкою руководства довольно умѣренной стоимости и, во-вторыхъ, платою доктору за совѣтъ установленныхъ мудрымъ закономъ тридцати копѣекъ серебромъ. Все это факты общезвѣстные. Послѣ появленія «комнатной гимнастики», потомъ «врачебной гимнастики,» затѣмъ «общепонятной женской домашней гимнастики» мы считали потребности нашей публики вполне удовлетворенными, и ошиблись. Теперь оказывается, что дѣло было только за началомъ, что съ легкой руки первой комнатной гимнастики намъ предстоитъ своего рода гимнастика, знакомство съ цѣлою новою отраслью литературы, съ цѣлымъ роємъ гимнастическихъ произведеній. На

первый разъ явилась, какъ вы видите, гимнастика съ шарами, но, само-собою разумѣется, что точно также можетъ явиться на свѣтъ и комнатная гимнастика съ палками, съ веревкою и прочими многочисленными атрибутами гимнастики. Тема разнообразная; матеріалу историческаго и научнаго гурда; была бы лишь охота, были бы покупатели. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы книжка, которая теперь передъ нами, была сама по себѣ дурна; несколько. Ужь если допустить необходимость изданія этой брошюрки, то нельзя не согласиться, что она написана съ толкомъ и особенно съ тактомъ, если не научнымъ, то промышленнымъ. Послѣ краткаго историческаго обзора или введенія, составляющаго предметъ первой восьмистраничной главы, слѣдуетъ глава вторая, въ которой на восьми страницахъ излагаются *необходимыя правила* гимнастическихъ упражненій съ шарами. Главная тема книги занимаетъ съ небольшимъ только половину ея, 39 страницъ, посвященныхъ изложенію гимнастическихъ упражненій съ шарами, и притомъ, сперва безъ перемѣны положенія тѣла, а потомъ съ перемѣною его положенія. Наконецъ, въ пятой главѣ, на 1½ страницахъ, говорится о томъ, въ какихъ вообще случаяхъ гимнастика съ шарами можетъ быть вредна, и потомъ, конецъ концовъ, въ шестой главѣ, на 3½ страницахъ излагаются *общія правила* упражненія съ шарами для обыкновеннаго употребленія. Все это написано довольно споснымъ слогомъ, напечатано довольно крупнымъ, сравнительно съ форматомъ книги, шрифтомъ, издано довольно чистенько, на бѣленькой бумагѣ, въ синенькой оберткѣ. Главныя положенія принимаемыя поясняются политапжами, «я чего же лучше» сказалъ намъ пріятель нашъ, которому мы прочитали написанное нами, тотъ самый, котораго разходившійся авторъ баснословно чуднаго сочиненія «о девизахъ въ медяцвѣхъ или медицинскихъ туттифруттикахъ», д-ръ Росновскій, называлъ *эриожистомиз*, — «чего же лучше? И я не понимаю, какъ вы можете отзываться съ такимъ видимымъ недоброжелательствомъ о книжкѣ, въ которой есть и толкъ и тактъ и»... «Позвольте, позвольте», прервали мы пріятеля, и вы кажется забыли, что вамъ приходится заплатить 60 коп. сер. за 60 страницекъ, которыя, не будь у издателя промышленнаго такта, ужѣстились бы на 30 страницахъ, еслибы книга имѣла общеупотребительный форматъ, на который, конечно, рассчитываютъ иногородные покупатели». — «Такъ чтожъ изъ этого?», возразилъ съ какимъ-то нетерпѣніемъ пріятель нашъ, «яу, конечно, 60 копѣекъ — деньги, по за-то

вы получите за нихъ легкое руководство къ сохраненію здоровья».... «Что правда, такъ правда; руководство легкое», рѣшились мы замѣтить. — «Вотъ, видите ли, подхватилъ съ видимымъ удовольствіемъ пріятель, вотъ вы и сами согласились (мы видимо не понимали другъ-друга), будто это бездѣлица, купить себѣ за 60 копѣекъ легкое руководство и сохранить *себѣ здоровье, съ 20 рисунками*, «я я не понимаю» продолжалъ онъ опять нахмуриваясь, «какъ вы можете отзываться съ такимъ видимымъ недоброжелательствомъ....» А первая глава, прервали мы, первая глава! Вѣдь вы не читали первой главы. А прочитавши ее вы подумаете, что гимнастика рѣшительно не можетъ обойтись безъ шаровъ, что по мимо шаровъ не можетъ быть и рѣчи о гимнастическихъ упражненіяхъ! Развѣ это не.... и просто недомолвка, недосмотръ, увлеченіе со стороны автора, попавшаго на любимую тему. И я не понимаю, какъ вы можете отзываться съ такимъ видимымъ недоброжелательствомъ.... Но подумайте, сдѣлайте мнѣ милость, что шары эти такое энергическое средство, что при неумѣстномъ усердіи упражняющагося онъ можетъ себѣ сильно повредить и тогда.... «А докторъ на что? вскричалъ пріятель натѣ; что же вы забываете доктора; ну, съѣздили къ нему, сунули ему 30 коп. въ руки—и дѣло съ концемъ; а не съѣздили, такъ сами виноваты, и я не понимаю, какъ вы можете отзываться съ такимъ недоброжелательствомъ.... Коренастыя убѣжденія пріятеля нашего приводили насъ въ отчаяніе. Да, помните, что вы это ухватились себѣ за эту фразу, точно д-ръ Росповскій за мою фамилію, которую онъ на 83 страницахъ повторилъ ~~ни~~ болѣе ни менѣе какъ сто тридцать три раза.. Развѣ вы не видите, что вся эта книжка нечто иное, какъ предисловіе къ послѣднимъ строчкамъ 59 страницы и 60-ой, на которыхъ сказано, что *лица, желающія приобрести шары, для упражненія въ гимнастикѣ, могутъ получить ихъ по слѣдующей цѣнѣ въ магазинѣ*... Далѣе слѣдуетъ адресъ, котораго мы не выпшемъ за тѣмъ, чтобы всю нашу рецензію не приняли за то, за что мы принимаемъ вашу гимнастику съ шарами; — то есть, за вывѣску. «За вывѣску, за вывѣску», забормоталъ въ какомъ-то смущеніи нашъ пріятель. Тутъ только мы замѣтили, что у него выглядываетъ изъ боковаго кармана гимнастика съ шарами; мы поняли наконецъ другъ-друга и замолчали.

Космосъ. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста составлено по *др. Корберу*. (Съ нѣмецкаго). Въ трехъ частяхъ. Съ девятью

раскрашенными таблицами. Санктпетербургъ. 1860 г. Въ 8 дол. л. Часть I. стр. 139; часть II, стр. 235; часть III, стр. 248. Цѣна 2 руб. сер., съ перес. 2 р. 50 коп.

Мы уже говорили о московской космообразной фабрикаціи въ библиографическомъ отдѣлѣ апрѣльской книжки Русскаго Слова (стр. 60—66). Признаемся, дѣло прошлое, въ нашей слабости. Отдавая должную дань удивленія московскому творчеству, неизвѣстному благодѣтелю русскаго люда и неизвѣстному сонму неизвѣстныхъ московскихъ профессоровъ, разсмотрѣвшихъ различные отдѣлы московскаго чуда, переходя отъ восторга къ восторгу, мы внутренно досадовали за нашу родину, досадовали на отсталости нашего малаго, щегольскаго и дѣловаго Петербурга. Если даже московскому барину, думали мы, нашлось время на исполнскій грошевый трудъ, то какъ же Петербургу, Петербургу-то ударитьсь лицомъ въ грязь, досадовали и полгода томилась напрасными ожиданиями. Но полгода прошло недаромъ. Къ чести нашей, нашъ милый Петербургъ не дремалъ; онъ собирался съ силами, составилъ себѣ компанію во имя величайшаго шутника и балагура русской науки и русскаго слова, и наконецъ разрѣшился такимъ же дивомъ, какъ и Москва. Разница есть, безъ этого ужъ нельзя; абсолютное родство — дѣло чисто идеальное и въ практикѣ неосуществимое; но разница эта не существенна. *Мірозданіемъ* назвала Москва плодъ своихъ міровыхъ созерцаній; *космосомъ* брякнулъ болѣе рѣшительный въ дѣйствіяхъ своихъ Петербургъ. Тутъ и тамъ строжайшее впрочемъ инкогнито со стороны авторовъ. Московскій космосъ — чтеніе для всѣхъ; чтеніе, популяризирующее для всѣхъ всю человѣческую премудрость. Петербургское мірозданіе — чтеніе для дѣтей старшаго возраста, слѣдовательно, и для всѣхъ, потому что понятное для дитяти старшаго возраста должно быть понятно и взрослому, и тѣмъ понятнѣе, чѣмъ даже читатель подвинулся впередъ на жизненномъ пути своемъ, чѣмъ ближе онъ, слѣдовательно, къ дѣтямъ старшаго возраста. Образцами Москвѣ и Петербургу — служили нѣмецкія изданія. И тамъ и тутъ передѣлка, часто русская, такъ и отзывается русскимъ аршиномъ и прочими атрибутами и орудіями русской *промышленной* дѣятельности. — Мы сказали, что между двумя изданіями, московскими и петербургскими, есть разница, но эта разница обусловливается индивидуальностію нашего Петербурга, отражающагося и на всѣ произведенія его. Въ «Космосѣ» бумага бѣлѣе, печать лучше, вмѣ-

сто неразрѣшимыхъ черныхъ пятенъ, украшающихъ московскій кодексъ популярной премудрости и скрывающихъ въ тѣни своей темныя идеи различныхъ звѣрей и птицъ, читатель находитъ въ Космосѣ рисунки съ притязаніями на изящную отдѣлку, рисунки раскрашенные. Изложеніе плавнѣе, слогъ щеголеватѣе, содержаніе, благодаря лучшему выбору обрасчика, гораздо занимательнѣе. Вообще, весь кулисный отдѣлъ только-что не на—славу — разумѣется относительно московскаго мірозданія. Но далѣе сходство поразительное. За этою щеголеватю наружностью васъ поражаетъ тоже совершенное непониманіе условій популярной книги, а тѣмъ болѣе книги, принаровленной къ понятіямъ дѣтей, хотя бы и старшаго возраста; полное отсутствіе послѣдовательности въ изложеніи. Пускаясь на одной страницѣ въ подробнѣйшее изложеніе пустаго факта съ видимымъ сознаниемъ, что дѣло поясняется ребенку, авторъ, на слѣдующей же страницѣ, а иногда и на предъидущей, говоритъ сухо, сжато, педантически о предметахъ, неизвѣстныхъ даже взрослому человѣку, незанимавшемуся специально естественными науками. Читателя доморощеннаго Космоса поражаетъ то же отсутствіе строгій отчетливости въ опредѣленіяхъ и изложеніи даже общезвѣстныхъ фактовъ; то же пренебреженіе къ искусному, гдѣ нужно, выбору терминовъ и еще болѣе затруднительному обходу этихъ научныхъ выраженій, составляющихъ камень преткновенья популярнаго изложенія. Наконецъ, поразительныя открытія по тѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, которыхъ касается «космосъ», довершаютъ сходство его съ московскимъ «Мірозданіемъ.» — Рецензенту остается подтвердить приговоръ свой выписками изъ текста; дѣло скучное, утомительное, но необходимое.

Первая часть «Космоса» заключаетъ въ себѣ обзоръ вселенной говорить объ ея образованіи и устройствѣ, вообще и въ частности. Отсутствіе всякой послѣдовательности поражаетъ читателя уже съ первыхъ страницъ книги. Текстъ начинается десятою страницю, на которой говорится о *силѣ притяженія*, не приводя доказательствъ ея существованія, а между тѣмъ, на слѣдующей страницѣ, ребенку, на столько развитому, что онъ понимаетъ значеніе притягательной силы, авторъ объясняетъ, что такое термометръ и что такое значить 0° на термометрѣ. Этого мало: авторъ сообщаетъ о притягательной силѣ и объ термометрѣ—рѣшительныя диковины. *Если дѣйствуетъ на тѣло*, говоритъ онъ, *сила болѣе значительная, чѣмъ притяженіе, то тѣло распадается* (стр. 10). То есть, если сжать въ рукѣ кусокъ воску, то онъ

Отд. II.

4

долженъ распасться? *«И такъ, продолжаетъ авторъ, частички тѣла взаимно притягиваютъ, но не касаются другъ-друга, но не говорить въ предъидущемъ, чѣмъ доказывается или объясняется это видимое разногласіе. Большую часть тѣла можно сжать... Слѣдовательно, не всѣ, — а между тѣмъ на слѣдующей же, 11 стр., авторъ говоритъ, что холодъ сжимаетъ всѣ тѣла; на 10-ой стр., авторъ утверждаетъ, что отъ сжатія частицы тѣла сближаются, но не соприкасаются, а на 11-ой увѣряетъ, что при 10° холода ледяныя частички такъ сближаются, что онѣ плотно прилегаютъ другъ-къ-другу... На стр. 11-ой, авторъ не упоминаетъ, что на всѣхъ термометрахъ существуютъ двѣ постоянныя точки, но сказавши, какъ опредѣляется точка 0°, говоритъ, что остальную часть дощечки одни дѣлятъ (какъ Реомюра) на большія, другіе (какъ Фаренгейтъ и Цельсій на маленькія) части, о чемъ мы поговоримъ послѣ. Но пока онъ не заговоритъ объ этомъ, читатель будетъ того мнѣнія, что у Реомюра части дѣленія на дощечкѣ большой величины, нежели у Цельсія (бѣдный Цельсій), и, слѣдовательно, будетъ принимать всѣ большіе термометры за реомюровскіе, а меньшіе за фаренгейтовы и цельзіевы. — На стр. 12-ой авторъ говоритъ, что вліяніе притягательной силы повсемѣстно и распространяется на самыя кометы; но тутъ же прибавляетъ: «хотя дѣйствія ея на частицы этихъ послѣднихъ намъ совершенно не извѣстны.» Если такъ, то гдѣ же доказательство этого дѣйствія на кометы?—спроситъ, безъ сомнѣнія, умное дитя старшаго возраста. Но такого вопроса бояться автору нечего, потому что онъ видимо расчитываетъ на глупыхъ дѣтей. — Всѣ предметы, изъ которыхъ сложилась земля, были первоначально газомъ, увѣряетъ авторъ (стр. 12), и чѣмъ же онъ доказываетъ это?—тѣмъ, что всѣ предметы дѣйствіемъ теплоты превращаются въ газъ. Не ясно ли, что, слѣдуя автору, земля, планеты, солнце были обращены въ газообразное состояніе дѣйствіемъ сильнѣйшаго жара и, слѣдовательно, существовали еще прежде этой метаморфозы; а между тѣмъ чрезъ двѣ страницы, на 15-ой, авторъ объясняетъ первоначальную высокую температуру земли быстрымъ переходомъ планеты изъ газообразнаго состоянія въ болѣе плотное, забывая, что для парообразнаго состоянія земли необходима была гораздо высшая температура противу той, для развитія которой автору необходимо приобѣгнуть къ сжатію земли. — Не лучше, или сказать вѣрнѣе, еще лучше началъ 16-ой страницы: «Всѣ частички при сжатіи стремились къ центру» (почему — не сказано). Отъ это-*

но (почему же?) произошло вращательное движенье тѣла. Такимъ образомъ (т. е., вслѣдствіе вращенія?) къ тлѣтнью, сжатію и движению присоединилась — что бы вы думали? — еще новая сила инерція (1), по которой тѣло необходимо продолжаетъ начатое движенье. Нравится ли вамъ логика, читатель? Не стѣсняйтесь сказать правду, потому что и авторъ не стѣсняется своими мнѣніями, для него важно то, что его гипотеза (наша, говоритъ онъ) подтверждается на Сатурнѣ (стр. 18-ая). — Утѣшившись Сатурномъ, авторъ обращаетъ взоры отъ дальнихъ пространствъ на землю и открываетъ на ней рядъ чудесъ, съ которыми могутъ поспорить великолѣпнѣе развѣ только диковинки московскаго изданія. Ограничемся только главнымъ—что такое дождь, читатель? Дождь твердое тѣло: «*чрезъ охлажденіе паръ спущался, то есть превращался въ воду, и какъ твердое тѣло (т. е. дождь) падалъ на раскаленную землю* (стр. 23)! «Это— по части физики, въ которой авторъ нашелъ рецептъ, какъ замораживать стекло: стоитъ вынести его, то есть, стекло, а не автора, на холодъ и дохнуть на него: *стекло почти немедленно замерзнетъ* (стр. 28). — Не далѣе, какъ на слѣдующей страницѣ, 29-ой, авторъ сообщаетъ великолѣпное открытіе по части ботаники: растеніе, говоритъ онъ, не принимаетъ въ себя угля въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ землѣ, т. е., свободнымъ и отдѣльнымъ, но превращаетъ его въ маленькіе пузырьки (1), которые называются клеточками...» Бѣдный Шлейденъ, жалкій Шлейденъ! Кланяйтесь нашему ученому соотечественнику; ваши клеточки — *уольные пузырьки, sic transit gloria mundi*. — Новости по части зоологій авторъ увѣряетъ, что все, что ни производитъ природа не исчезаетъ окончательно; въ длинномъ, но постепенномъ ряду живыхъ существъ, все, образовавшееся прежде продолжаетъ существовать рядомъ со вновьобразующимся (стр. 33). Любопытно бы узнать отъ автора, гдѣ теперь водятся ихтиозауры, плезиозауры и другія чудовища допотопнаго міра; не въ тѣхъ ли странахъ и водахъ, *идь и теперь еще производится* (по автору — въ Средиземномъ морѣ) ловля, довольно впрочемъ затруднительная, такихъ большихъ каракатицъ, что онѣ, ухватившись лапою или рукою за бортъ корабля, въ состояніи потопить его (стр. 35, 37). Авторъ утверждаетъ (стр. 33), что ни одна порода животныхъ не вымерла окончательно, а строчкой дальше признаетъ, что «немногіе роды, вслѣдствіе случая или губительной дѣятельности человѣка, совершенно исчезли и именно такіе, которые, по своей ужасной величинѣ и числу, бы-

ли весьма вредны для остальных организмов.» Каких же именно животных разумѣтъ авторъ? Если геологическія породы, то онъ ошибается, потому что человѣкъ не существовалъ въ ихъ время, и геологическіе перевороты, истребившіе ихъ были дѣломъ не случая, но необходимости, слѣдствіемъ разъ установившагося порядка вещей. Если авторъ разумѣтъ породы, исчезнувшія со временъ существованія человѣка на землѣ, то онъ опять ошибается, потому что исчезнувшихъ породъ всего какихъ-нибудь двѣ, да и тѣ не были ужасны ни величиной, ни числомъ, и образомъ жизни были совершенно безвредны для человѣка.

Улитки, говоритъ авторъ, имѣютъ ноги (стр. 35-ая); насѣкомыя дѣлятся у него на крылатыхъ, полукрылыхъ бабочекъ и жуковъ (стр. 39)! И такъ дагѣ, до 53-ей страницы; тутъ авторъ видимо обращается въ переводчика или переписчика, и благодаря этому обстоятельству читатель находитъ наконецъ въ книгѣ 39 страницъ занимательнаго и толковаго чтенія; дѣло идетъ о *сохранившихся остаткахъ первобытнаго животнаго царства*, и нѣсколько характеристическихъ типовъ геологическаго міра очерчены авторомъ вѣрно и увлекательно. Но и только; съ 92 страницы авторъ переходитъ къ астрономіи и снова изумляетъ читателя воззрѣніями своими и открытіями. Экваторъ по его мнѣнію дѣлится на 360 частей, потому только, что это число имѣетъ множество дѣлителей (стр. 92). Зенитъ и надиръ не точки, но *линіи*, и притомъ проведенныя самымъ мудренымъ образомъ: «линія, проведенная отъ нашего тѣла вверхъ и проходящая чрезъ центръ нашей земли и чрезъ точку прямо надъ нашей головой, называется *зенитомъ*. Линія же, которая идетъ черезъ зенитъ, отъ точки совершенно противоположной ему, къ нашимъ ногамъ, называется *надиромъ* (стр. 102 — 103)! Въ этомъ же родѣ объясненіе странъ свѣта (стр. 104), эллипсиса (стр. 134), центра тяжести (135).

Вторая часть «Космоса» посвящена обзору человѣческаго рода. Она гораздо толще первой и написана толковнѣе, потому что авторъ чаще, чѣмъ въ первой жертвуетъ славою самостоятельнаго ученаго, и является скромнымъ, довольно удовлетворительнымъ переводчикомъ. Начинается разсказъ, какъ и слѣдуетъ, съ Сима, Хама и Іафета; описываются вкратцѣ примѣты потомковъ перваго и втораго; доходитъ дѣло до потомка Іафета — и стой. *Мы не будемъ описывать наружнаго вида европейца*, говоритъ авторъ; *читателю стоитъ только взглянуть на самого се-*

бя (стр. 9). Ну, а если читатель не европеец, тогда какъ? Положимъ даже, что такого казуса не случится; недомолвка автора нисколько этимъ не извиняется, потому что мудро предположить, чтобы дитя старшаго возраста было въ состояніи указать хотя бы даже на самомъ себѣ характеристическія отличія кавказскаго племени, а не знать ихъ, зная отличіе чернаго племени и монгольскаго, вѣдь это то же, что быть въ кунсткамерѣ и не видать слона, быть въ Римѣ и не видать папы. Высчитавши химическіе элементы человѣческаго тѣла, которыхъ названія нисколько не поясняютъ дѣла, авторъ сообщаетъ такия диковины объ анатоміи человѣческаго тѣла, что намъ становится жаль профессоровъ московскаго «Мірозданія»; до такой степени сдѣланныя ими открытія ничтожны предъ анатомическими рѣдкостями Петербурга! Перечисляя кости человѣческаго скелета (стр. 11), авторъ говоритъ, что къ *костямъ полушарія черепнаго мозга* (!) принадлежатъ: лобная кость, *брови*, *лобныя пазухи*, *позвонки*.... И такъ, брови — кости, пазухи — кости и позвонки очутились въ головѣ! А *височныя* кости? Ихъ въ головѣ не имѣется. Не имѣется, по-крайней-мѣрѣ, у потомковъ Сима, Хама и Іафета. Къ костямъ лица принадлежатъ: нижняя челюсть, *подбородъ* (особая кость!), *челюстные суставы*. Мы думали до-сихъ-поръ, что сочлененіемъ или суставомъ называется не кость, а самое соединеніе двухъ или нѣсколькихъ костей и полагали, что авторъ обмолвился, но, читая далѣе, убѣдились, что суставъ — чистѣйшая кость. Такъ, къ костямъ руки принадлежатъ *плечевая кость*, *плечной суставъ*, *локтевой*, *ручной*, *перстные суставы*. Многіе анатомы причисляли до-сихъ-поръ къ костямъ руки локтевую кость и лучевую, но авторъ, какъ видно, убѣдился, что ихъ въ рукѣ не имѣется. Къ костямъ ноги принадлежатъ *сверкъ бедра* и *берцовыхъ костей* — *бедренный суставъ* и *коленный*. Между грудью и тазомъ лежитъ *кишечная полость*, то есть брюшная; любопытно бы узнать, какъ назоветъ авторъ полость самой кишки. Этихъ замѣтокъ кажется довольно, чтобы убѣдить читателя, что вторая часть «Космоса» нисколько не уступаетъ первой по своеобразности научныхъ воззрѣній автора. Достигнуть высоты его, пока онъ стоитъ передъ вами въ ученой мантіи своей, рѣшительно невозможно. Онъ говоритъ вамъ о какихъ-то *мускулахъ* (т. е. полыхъ) *мускулахъ*, развѣтвляющихся по всему тѣлу (стр. 12); утверждаетъ, что хрящи *связываютъ не все кости*, но только такія, *которыя могутъ двигаться* (стр. 12); онъ говоритъ вамъ о *стадахъ москитосовъ*; рассказываетъ о *ядовитѣляхъ*.

шелъ скорпионъ, величиною съ поларшина, который заползъ на лицо какого-то Джона и ужалилъ ему подбородокъ (кость по анатоміи автора). Джонъ умертвилъ его, раздавилъ, приложилъ къ ранѣ и на другой же день выздоровѣлъ (стр. 201 — 202). По словамъ автора лѣса американскіе бывають такъ густы, что иногда даже огонь ни чуть (!) не дѣйствуетъ на нихъ (стр. 141)! Вся природа за предѣлами Европы и особенно природа американская рисуется автору и авторомъ въ какомъ-то ужасномъ свѣтѣ, что шагъ, то опасность и смерть, а между-тѣмъ тутъ же, рядомъ съ этими ужасающими очерками, читатель находитъ отрывокъ изъ сочиненія Гумбольдта «Картина природы», написанный на ту же тему, рисующій картину растительности жаркихъ странъ; и такъ кореннасты научныя убѣжденія автора, что, помѣстивши этотъ отрывокъ, онъ не замѣчаетъ въ немъ явнаго противорѣчія своимъ собственнымъ словамъ; авторъ «Космоса» говоритъ только объ ужасахъ и опасностяхъ, которыми полна природа Америки, Гумбольдтъ упоминаетъ только о благоговѣніи и восторгѣ, которыми наполняется въ этихъ странахъ душа, раскрытая впечатлѣніямъ природы.

Мы уже замѣтили въ обзорѣ первой части «Космоса», что авторъ его невыносимъ, только какъ авторъ, и что онъ довольно занимателенъ, какъ переводчикъ. Прочитавши вторую часть «Космоса», мы остаемся при нашемъ мнѣніи. Скажемъ даже болѣе: вторая часть имѣетъ громадное преимущество передъ первой уже тѣмъ, что въ ней переводныя статьи, интересныя и поучительныя, занимають уже не 39-ть страницъ, но цѣлыхъ 114; разница громадная. Эти статьи должны представить читателю состояніе просвѣщенія у главнѣйшихъ народовъ древняго міра, и довольно удовлетворительны, хотя и не достигаютъ своей цѣли, потому что въ нихъ обращено болѣе вниманія на описаніе замѣчательнѣйшихъ архитектурныхъ сооружений каждаго народа, нежели на описаніе нравовъ, его обычаевъ и государственнаго устройства. Но, какъ бы тамъ ни было, эти статьи хороши уже потому, что авторъ уходитъ въ нихъ за кулисы и рецензентъ можетъ спокойно прочесть себѣ эти 114 страницъ, не впадая въ недоумѣніе или ослобеніе, состояніе, изъ котораго онъ не выходить, какъ скоро самъ авторъ заводитъ съ нимъ бесѣду. Къ этимъ 114 страницамъ можно было бы причислить рассказъ изъ путешествія по Гвіанѣ (стр. 183 — 205), еслибы авторъ не вздумалъ выдавать сказку за дѣло, о которомъ она даетъ довольно ложное понятіе. Книга кончается коротенькимъ обзоромъ

домашнихъ животныхъ, за которымъ слѣдуетъ біографія Сократа, ходившаго и лѣтомъ и зимой въ одной и той же *шинели*! Домашнія животныя и Сократъ — сближеніе назидательное и поучительное.

Благословясь, принимаемся за третью часть Космоса, которая отличается отъ второй большею толщею, но сходна съ нею тѣми же недостатками. Она посвящена обзору нынѣшняго состоянія человѣческаго развитія. Какъ и вторую часть, ее можно раздѣлить на оригинальныя умозрѣнія автора и статьи, видимо не принадлежащія ему и только переведенныя имъ и потому болѣе или менѣе занимательныя. Прежде нежели приступить къ главной темѣ, авторъ опять обращается къ прошедшему и представляетъ краткій обзоръ, на 20 страницахъ, ходу просвѣщенія у древнихъ народовъ и потомъ описываетъ нѣсколько образчиковъ древняго искусства; и какъ только текстъ обращается въ переводъ — изложеніе толково, плавно, интересно, и, напротивъ того, какъ только переводъ прекращается и выступаетъ на сцену авторъ, такъ сейчасъ же проскакиваетъ какая-нибудь ученая диковина. Что такое государство? спрашиваетъ авторъ на стр. 44, и отвѣчаетъ: *государство есть совокупность многихъ людей (обыкновенно одного племени и одного языка, обычаевъ, религій и т. д.) для того, чтобы подъ верховною властію жить по опредѣленнымъ законамъ, для всѣхъ равномерно и одинако дѣйствующимъ, и стремиться къ своему всеобщему и личному благосостоянію*. Хотя подъ это опредѣленіе не подходятъ многія изъ сильнѣйшихъ государствъ: Великобританія, Австрія, Сѣверо-Американскіе Штаты, но все же оно довольно сносно. Автору вѣроятно показалось иначе, потому что на слѣдующей страницѣ, 45, онъ даетъ другое опредѣленіе: *государство есть совокупность всѣхъ общинъ (въ большихъ государствахъ по губерніямъ или провинціямъ); а въ малыхъ) подъ общюю верховною властію государя и его чиновниковъ (министровъ, намѣстниковъ, совѣтниковъ, засѣдателей (1) и т. д.)*. Кто бы подумалъ, особенно послѣ разбора «Чинovníка» г. Соллогуба Павловымъ, что чиновники и какіе-нибудь засѣдатели, исправники входятъ въ опредѣленіе государства. *Mirabile dictum*. Въ общинахъ также бываетъ верховная власть, говоритъ авторъ, стр. 45, называемая, по величинѣ общины, иногда совѣтомъ или общиннымъ совѣтомъ, котораго предсѣдатель по городамъ называется бургомистромъ, градскимъ главою, по селамъ — старостою, головою. Что же такое значить послѣ этого городничій, губернаторъ? — Описавши нѣсколько древнихъ памятниковъ, ав-

торъ опять обращается къ природѣ съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и въ первыхъ двухъ частяхъ; онъ опять говоритъ вамъ о стадахъ москитосовъ, объ огненномъ пламени метеоровъ (стр. 205), о красивыхъ цвѣтахъ, которые тысячами покрываютъ землю подъ полюсами въ кратковременное полярное лѣто (стр. 54). Предлагая вычислить сколько понадобится тельвъ, чтобы сдвинуть всю массу Средиземнаго моря (стр. 61), остроумный авторъ увѣряетъ, что океанъ съ самаго же начала существовалъ въ своей нынѣшней величинѣ (стр. 81) и что море горизонтально (если можно такъ выразиться, спрашиваетъ авторъ, наша земля имѣетъ видъ шара) и поверхность его вездѣ въ одинаковомъ разстояніи отъ центра земли (стр. 82). То есть, по словамъ автора, море горизонтальная поверхность, имѣющая свойства поверхности шара! И мало этого чуда: море сопротивляется обращенію земли и старается (!) идти напротивъ (стр. 90). Ученые не постигли тайны вѣтра — по автору дѣло очень просто: воздухъ сопротивляется вращенію земли и старается идти напротивъ.

И довольно. Мы рѣшительно выбились изъ силъ, выписывая всю эту ученую чепуху, чтобы доказать то, въ чѣмъ мы были уже убѣждены, приступая къ рецензій, потому что, само-собою разумѣется, первымъ дѣломъ нашимъ было прочесть весь этотъ Космосъ отъ первой страницы до послѣдней. Приводя всѣ эти безсмыслицы, мы выставили при каждой страницѣ, на которой нашли ее, и потому убѣждены, что читатель пришелъ къ одинаковому съ нами заключенію о достоинствѣ всей этой пародіи на микроскопическую попытку ознакомить дѣтей съ картиною мірозданія. Мы распространились объ этой книгѣ, во-первыхъ, именно потому, что назначеніе ея чрезвычайно важно. По-крайней-мѣрѣ, какъ для другаго, а для насъ нѣтъ ничего важнѣе, въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, какъ хорошая книга, принаровленная къ понятіямъ дѣтскаго возраста, и нѣтъ ничего прискорбнѣе, какъ попасть по этому важному отдѣлу литературы на шарлатанство, фразерство или спекуляцію. Во-вторыхъ, что Космосъ только частица цѣлой дѣтской библіотеки, изданіе которой предпринято товариществомъ Сеньковскаго и К°. Мы убѣждены въ добрыхъ намѣреніяхъ гг. компаньоновъ, и потому считали необходимымъ доказать имъ осязательно недостатки перваго ихъ дебюта на избранномъ ими поприщѣ. Просвѣщеніе юношества — дѣло великое, и, выполненное въ большихъ размѣрахъ, цѣль, доступная средствамъ компаніи, — оно получило бы значеніе заслуги государственной. Если бы даже компанія и не имѣла

такихъ обширныхъ видовъ, то и въ такомъ случаѣ она заслужила бы благодарность публики за удачное исполненіе даже ограниченной программы. А благодарность публики — не голословна. Компания уже сдѣлала ошибку; первое начинаніе ея неудачно, и такая неудача тѣмъ прискорбѣе, что возбужденное съ перваго шага компаньоновъ предубѣжденіе публики отразится болѣе или менѣе на слѣдующихъ выпускахъ дѣтской библіотеки. Дѣло однако жъ этимъ обстоятельствомъ еще не проиграно окончательно. Компания выикнетъ въ дѣло; приметъ въ соображеніе, что недостаточно хорошаго обращика, недостаточно порядочнаго переводчика, какъ скоро дѣло идетъ не о полномъ переводѣ, но состоитъ въ передѣлкѣ обращика и примкнутъ его къ потребностямъ русской дѣтской литературы. Насъ тѣмъ болѣе поразила неудача первой попытки компаніи, что при настоящемъ направленіи журнальной и газетной нельзя ожидать особеннаго успѣха отъ метода, бывшей еще недавно въ употребленіи подъ покровительствомъ блаженной памяти Булгарина. Русское Слово, въ февральской и мартовской книжкахъ нынѣшняго года, представивши обзоръ дѣтской литературы на нынѣшній годъ, высказало при этомъ случаѣ свои убѣжденія по этому предмету. Вѣрные направленію нашему, мы считали необходимымъ сказать новымъ дѣятелямъ по одной изъ важнѣйшихъ отраслей популярной литературы, хотя и рѣзкое, но правдивое слово. До пріятнаго свиданія, господа.

Микроскопъ, его устройство и употребленіе.
Сочиненіе *А. Ганновера*, доктора копенгагенскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1859 г. Въ 8-ю д. л. Стр. 118. Цѣна 90 коп. сер.

Книга эта входитъ въ составъ и библіотеки естественныхъ и математическихъ наукъ, «издаваемой въ Москвѣ, и она въ своемъ родѣ также хороша, какъ и сочиненіе Митчеля — Небесныя свѣтила — также принадлежащее къ этой библіотекѣ и уже разсмотрѣнное нами въ декабрьской книжкѣ Русскаго Слова за минувшій годъ (библіографія, стр. 103—112). Книга начинается введеніемъ, въ которомъ излагается теорія микроскопа вообще и краткій историческій очеркъ усовершенствованій этого инструмента. Во второй главѣ описывается устройство сложнаго діоптрическаго микроскопа, причемъ обращено вниманіе на всѣ усовершенствованія и названія его различными оптиками съ

критической оцѣнкою всѣхъ этихъ нововведеній. Разсмотрѣвши вспомогательные приборы къ микроскопу, авторъ переходитъ къ подробному описанію устройства и употребленія извѣстнѣйшихъ микроскоповъ: сложнаго микроскопа Шевалье, большаго сложнаго микроскопа Шика или Шлесселя, Обергейзера, малаго сложнаго микроскопа Фрауэнгофера. Третья глава заключаетъ въ себѣ подробное руководство къ употребленію сложнаго діоптрическаго микроскопа, съ указаніемъ ошибокъ, къ которымъ можетъ подать поводъ отступленіе отъ этихъ правилъ. Къ этой главѣ принадлежатъ двѣ статьи: одна — довольно подробное изложеніе микрометрии съ описаніемъ винтоваго микрометра и стекляннаго; другая — краткое руководство къ срисовыванію объектовъ. Въ четвертой главѣ описываются вкратцѣ микроскопы солнечный, съ лампою, газовый и фото-электрической; наконецъ, въ пятой главѣ описывается вкратцѣ сложный катоптрическій микроскопъ и усовершенствованія, сдѣланныя въ немъ Амичи. Сочиненіе Ганновера вполне удовлетворяетъ своей цѣли — доставить начинающему заниматься микроскопіею практическое руководство къ употребленію микроскопа. Въ книгѣ не упущено ни малѣйшей подробности, способной оказать неблагоприятное влияніе на результаты изслѣдованія; подробности, упускаемыя изъ вида даже довольно опытными микроскопистами. Текстъ отличается обычными достоинствами «Библіотеки»; слогъ чистый, ясный, рѣчь плавная и, несмотря на специальность темы, русская; шрифтъ убористый, отчетливый; бумага удовлетворительна. Текстъ поясняется сорока двумя отчетливыми политипажками, о которыхъ въ заглавіи даже не упомянуто; и при всемъ томъ цѣна книги только 90 коп. сер. Мы виноваты передъ издателями за позднюю рецензію книги; мы не приводимъ причинъ этой запоздалости; *Thomme propose, Dieu dispose*. Каемся и утѣшаемся мыслию, что купившіе книгу скажутъ намъ спасибо за наше указаніе. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

В. ХАНКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Статья первая.

Труды общества, учрежденнаго въ Англии, для развитія общественной науки.

Transactions of the national association for promotion of social science London 1858—60. 3 vols.

Три года тому назадъ, говоря объ исторіи политическихъ наукъ на западѣ Европы (см. Рус. Вѣсти. Ноября 1857), мы опредѣлили въ главныхъ чертахъ методу и направленіе многочисленной школы публицистовъ, извѣстной подъ названіемъ школы общественной. Школа эта сложилась очень недавно, не успѣла выработать ни преданій, ни твердыхъ догматовъ, и слѣдовательно, не могла приобрести большаго авторитета въ глазахъ людей, поставляющихъ всякій успѣхъ и всякую пропаганду въ зависимость отъ участія сильныхъ партій и кружковъ. Скептики до сихъ поръ отказываются признать за ней опредѣленный характеръ, находятъ ея труды отрывочными и несвязными, даже не допускаютъ, чтобы ея представители имѣли одинакій образъ мыслей. Дѣйствительно въ рядахъ социологовъ попадаются люди, которые по своимъ прежнимъ связямъ, политическимъ взглядамъ и научнымъ приемамъ почти не сходятся между собой; на многихъ изъ нихъ ярко отразились слѣды несбывшихся надеждъ, недоконченныхъ споровъ, жестокихъ бурь и тяжелыхъ крушеній нашего вѣка. Проходя эти ряды, невольно хочется спросить: чѣмъ связана такая пестрая группа? Понятно еще, почему здѣсь разочарованные социалисты стоятъ рука объ руку съ непрактическими и темными мыслителями, подобными Огюсту Конту (Auguste Comte). Но какими образомъ зашли сюда нѣкоторые этнографы

и антикваріи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ есть лучшее оправданіе, лучшая защита школы: въ немъ лежитъ доказательство, что она обязана своимъ происхожденіемъ не ученой прихоти, не вліянію отдѣльнаго человѣка, даже не игрѣ случая. Школа социологовъ создана, такъ сказать, естественною силою обстоятельствъ; коренная ея идея есть *идея общества*, къ сознанию которой пришли всѣ образованные народы, увлеченные потокомъ политической мысли, повинувась голосу опыта и указаніямъ пережитыхъ переворотовъ. Въ разработкѣ этой идеи, въ стремленіи примѣнить добываемыя изъ нея результаты къ жизни, заключается главная опора новой школы. Анализъ общественныхъ явленій и фактовъ въ Западной Европѣ сдѣлался настоятельно необходимымъ съ тѣхъ поръ, когда опека государства надъ человекомъ стала видимо ослабѣвать и когда съ другой стороны публицисты, исчерпавъ всѣ средства къ защитѣ личности, нашли для ней самое вѣрное обезпеченіе въ ассоціаціи. Отвѣчая такимъ образомъ существеннымъ потребностямъ нашего времени, школа социологовъ, какіе бы не были ея недостатки, заслуживаетъ полного вниманія и сочувствія мыслящихъ людей. При самомъ явленіи этой школы, ей можно было предсказать прочность и свѣтлую будущность. Надежды, возлагаемыя на нее многими публицистами, къ счастью оправдываются. Ея вліяніе теперь замѣтно возрасло. Она не только приобрѣла послѣдователей во всей Европѣ, но, что всего важнѣе, начала дѣйствовать на публику. Первый примѣръ социологической пропаганды подали Англичане. Еще въ 1856 году у нихъ родилась мысль основать общество для развитія социальной науки. Мысль эта, какъ и можно было ожидать, нашла поддержку въ народѣ, въ которомъ духъ соединенія развитъ въ самой высокой степени. Въ главѣ движенія стали не одни публицисты и филантропы, но даже государственные люди. Не смотря на свои политическіе раздоры, они вполне оцѣнили пользу свободнаго и взаимнаго обмѣна мыслей по общественнымъ вопросамъ. Имъ не трудно было понять, что вопросы такого рода легко отдѣлить отъ тѣхъ, съ которыми связано существованіе партій, изъ за которыхъ идетъ борьба въ парламентѣ между правительствомъ и оппозиціею. При томъ же дѣло соглашенія приняло на себя человѣкъ, пользующійся большимъ уваженіемъ въ Англіи и въ Европѣ, заслуженный въ наукѣ, истинный другъ и неутомимый ревнитель гражданскаго блага, Лордъ Брумъ. Не смотря на свои преклонныя лѣта, этотъ знаменитый старикъ не только не утратилъ сочув-

ствія къ юнымъ поколѣніямъ, но, что всего удивительнѣе, сохранилъ до послѣдняго времени духъ энціативы, впечатлительность и желѣзную силу воли, именно тѣ качества, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ общественный вождь. Ему приходилось не въ первые становиться во главѣ великихъ предприятий. По его мысли, около тридцати лѣтъ тому назадъ, основано было общество распространенія полезныхъ знаній, которому низшій классъ въ Англіи такъ много обязанъ своими успѣхами въ просвѣщеніи. Благодаря энергіи Лорда Брума, было издано безчисленное множество популярныхъ книгъ, журналовъ и брошюръ: онъ былъ также душою народныхъ школъ, институтовъ для рабочаго класса и т. п. Наконецъ подъ его предсѣдательствомъ возникло въ 1845 г. общество исправленія законовъ, отъ котораго до сихъ поръ исходятъ планы благотѣльныхъ реформъ. Поставленное подъ защиту такого человѣка, соединеніе социологовъ должно было достигнуть своей цѣли. Дѣйствительно 29 Іюля 1857 г. въ домѣ Лорда Брума созванъ былъ митингъ, на которомъ сдѣланъ первый шагъ къ основанію новаго общества, и обсужена его программа. Мы хотимъ познакомить читателей съ главными положеніями этой программы.

Предметы занятій общества раздѣлены на пять категорій. Къ первой относится правовѣденіе и улучшеніе законодательства, къ второй — народное воспитаніе, къ третій — предупрежденіе преступленій, наказаніе и исправленіе преступниковъ, къ четвертой общественное здоровье, наконецъ къ пятой и послѣдней — общественная экономія. При первомъ взглядѣ на это раздѣленіе, мы не находимъ въ немъ ни округленности, ни точности; оно показываетъ даже отсутствіе систематическихъ пріемовъ и яснаго разграниченія наукъ. Но если мы послушаемъ, что было говорено при обсужденіи этой программы, то намъ не трудно будетъ оправдать основателей общества. Они вовсе не имѣли намѣренія устраивать ученую коллегію или корпорацію, ни слѣдуя обыкновенной рутинѣ, провозглашать отъ ея имени руководящія начала. Имъ хотѣлось создать учрежденіе, которое могло бы облегчить рѣшеніе общественныхъ задачъ, интересующихъ Англію, соединить людей, знакомыхъ съ разными сторонами общественнаго быта и побудить ихъ къ обмѣну мыслей. Дѣятельность ассоціаціи направлена больше всего къ тому, чтобы познать положеніе и потребности народа, раскрыть всѣ причины его страданій, прискаты лучшія средства къ возвышенію его физическаго и духовнаго благосостоянія, слѣдить за дѣйствіемъ

законовъ и обычаевъ, и наконецъ, обсуживать публично результаты, добытые путемъ наблюденія и опыта. Короче сказать, цѣль англійскихъ социологовъ скорѣе практическая, чѣмъ теоретическая. Они вовсе не заботятся о строгомъ разграниченіи наукъ; пмъ нѣтъ дѣла до ученыхъ системъ; они чужды какой бы то ни было доктрины. Они подвели свои занятія подъ извѣстныя категоріи только для удобства, принимая въ соображеніе не требованія систематической классификаціи, но общественные вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занята Англія. Начертанная ими программа такъ удобна, что ее можно расширять и суживать, смотря по надобности; послѣдній отдѣлъ (общественная экономія) до того обширенъ, что въ него могутъ войти почти всѣ отрасли народнаго хозяйства и управленія. Отсюда, разумѣется, никакъ не слѣдуетъ, что труды и стремленія ассоціаціи лишены связи и гармоніи. Вообще, присматриваясь къ жизни практической, легко убѣдиться, что она не допускаетъ такого разграниченія предметовъ, какое мы видимъ у систематиковъ той или другой науки. Жизнь общественная повинуетъ одному закону; его дѣйствіе и нарушеніе отражается во всѣхъ ея сферахъ. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ объ этомъ г. Гастингсъ при обсужденіи программы ассоціаціи, «какъ близко соприкасаются между собою разныя области общественныхъ изысканій, можно объяснить слѣдующими примѣрами. Густота населенія, какъ извѣстно изъ наблюденій и цифръ, неизбѣжно влечетъ за собою умноженіе числа преступниковъ и противузаконныхъ дѣйствій. Но пороки, преслѣдуемые закономъ, составляютъ еще наименьшее зло, которое отсюда происходитъ. Замѣчено, что многолюдный городъ есть самое нездоровое мѣсто для житья. Люди, разслабленные и угнетенные вдыханіемъ вредной атмосферы, должны возбуждать себя искусственными средствами. Отсюда пьянство. Кромѣ того жители, сосредоточенные въ массахъ, но не въ большемъ пространствѣ, менѣе способны сохранять чистоту нравовъ; между ними неизбѣжно устанавливаются свободныя отношенія половъ; женщины, подъ вліяніемъ искушеній, теряютъ стыдъ, и развратъ становится въ городѣ ремесломъ. Какъ ни страшно свирѣпствуютъ болѣзни въ многолюдныхъ мѣстахъ, смерть однакожъ не истребляетъ здѣсь всего народа: въ грязи, въ порокахъ и невѣжествѣ рождается новое поколѣніе на погибель себѣ и къ ужасу общества. Приписывать всѣ эти бѣдствія одной какой нибудь причинѣ, значило бы впасть въ большую ошибку: они коренятся въ разнообразныхъ нуждахъ, заблужденіяхъ и

порокахъ общества; кромѣ того въ Англіи отвѣтственность за народныя страданія въ значительной степени падаетъ на законъ. Переходъ поземельной собственности отъ одного лица къ другому у насъ труденъ и сопряженъ съ большими издержками, именно сопровождается разборомъ актовъ и титуловъ прежняго владѣльца за многіе годы. Этотъ разборъ, повторяемый при каждой новой продажѣ, дѣйствуетъ почти также, какъ безусловное запрещеніе рабочимъ и не богатымъ классамъ покупать недвижимое имѣніе. Отсюда объясняется почему низшее сельское населеніе мало привязано къ своему мѣсту и стремится въ города, отъ чего съ другой стороны небогатые промышленники почти лишены возможности пріобрѣсти дачу или ферму.... Словомъ, не трудно доказать филантропамъ, занятымъ мыслію о предупрежденіи преступленій и народномъ здоровьѣ, также государственнымъ людямъ, которые справедливо тревожатся, смотря на нравственное состояніе массъ, что исправленіе законовъ о поземельной собственности будетъ самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ гнетущаго насъ зла?»

Показавъ такимъ образомъ связь между общественными задачами современной Англіи, г. Гастингсъ переходитъ къ тому, направленію, которому слѣдуютъ теперь труженики и ревнители соціальной науки. «Не многіе изъ нихъ (по его мнѣнію) въ силахъ объять всѣ ея части. Каждый обыкновенно избираетъ себѣ ту или другую спеціальность и преувеличиваетъ важность точки зрѣнія. Только соединеніемъ силъ можно достигнуть разносторонности, найти критеріумъ для относительной оцѣнки каждой вѣтви изслѣдованій и привести къ одному знаменателю добытые многими результаты. Если при такомъ соединеніи и невозможно достигнуть взаимной повѣрки сдѣланныхъ трудовъ, то уже самый обменъ мыслей, свѣденій и опыта между членами общества, принесетъ пользу имъ самимъ, публикѣ и отечеству.»

Основатели ассоціаціи, надобно отдать имъ справедливость, выбрали для достиженія своей цѣли самыя дѣйствительныя средства. Свобода мнѣній признана кореннымъ закономъ общества; отступленіе отъ нея не допускается ни въ какомъ случаѣ. «Мы желали, говоритъ г. Гастингсъ, найти сочувствіе и участіе у всѣхъ друзей соціальнаго успѣха, безъ различія классовъ и школъ, наше дѣло состояло не въ томъ, чтобы предлагать догмы, а въ томъ, чтобы искать истины, — по этому мы принимаемъ съ уваженіемъ всякое умѣренно и честно защищаемое

доказательство по предметам наших споровъ. Отъ этого зависить не только будущность, но самая польза нашего общества.»

Къ чести англійскихъ соціологовъ должно сказать также, что составленное ими общество нисколько не походитъ на ученый цѣхъ. Намѣреваясь работать для блага народа, они поняли, что имъ нужно отказаться отъ исключительности и схоластическихъ претензій, излагать науку языкомъ понятнымъ и доступнымъ для всѣхъ, а въ особенности заинтересовать публику прямо и непосредственно. Поэтому они не ограничиваются общими вопросами, но охотно допускаютъ пренія по вопросамъ мѣстнымъ и временнымъ, признаютъ полезнымъ выслушивать мнѣнія не однихъ специалистовъ, но cadaго добросовѣстнаго наблюдателя. Отсюда объясняется почему общество соціальной науки приобрѣло въ Англїи такую популярность и такую поддержку во всѣхъ классахъ. Въ числѣ его членовъ попадаются и лорды и работники; къ нему принадлежатъ даже цѣлыя корпораціи. Что въ трудахъ соціологовъ приняли дѣятельное участіе дамы и дѣвицы, этому не будутъ удивляться люди, которымъ извѣстно, на какой высокой степени женское образованіе стоитъ въ Англїи.

Общество положило имѣть ежегодныя собранія осенью въ одномъ изъ большихъ городовъ. Первый конгрессъ былъ назначенъ въ Бэрмингамѣ по просьбѣ жителей и открылся 12 октября 1857 г. въ обширной залѣ ратуши. Передъ многочисленной публикой Лордъ Брумъ произнесъ вступательную рѣчь, въ которой блистательно изложилъ основанія и показалъ значеніе новой ассоціаціи. Рѣчь эта, какъ и слѣдовало ожидать, была принята съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Сѣдой ораторъ выразилъ въ ней съ особенною энергіей свои давнишнія убѣжденія о необходимости политическаго образованія для народа *). Въ тотъ же вечеръ окончательно утверждено было названіе и устройство новаго общества или *національнаго соединенія для развитія соціальной науки* и выбраны временные президенты отдѣльных его департаментовъ. На первый разъ эти должности приняли на себя по юридическому департаменту лордъ Джонъ Россель, по департаменту народнаго воспитанія сэръ Джонъ Пакингтонъ, народнаго здоровья — лордъ Стенли и общественной экономіи

*) Въ изданномъ нами очеркѣ исторіи политическихъ наукъ мы приводили мнѣнія лорда Брума объ этомъ предметѣ, и потому не распространяемся о содержаніи его рѣчи.

Сэръ Бенджаминъ Броди. Каждый изъ нихъ произнесъ рѣчь при открытіи работъ по своему департаменту.

Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ мемуаровъ, представляемыхъ конгрессу. Обзорѣніе подобнаго рода было бы слишкомъ длинно и утомительно. Читателю достаточно знать общее направленіе преній, чтобы оцѣнить ихъ важность для соціальной науки. Притомъ же результаты, добытые на первомъ конгрессѣ, далеко не такъ удовлетворительны, какъ труды двухъ слѣдующихъ собраній. Видно, что общество въ то время еще не установилось, не создало и не измѣрило вполне своихъ силъ, даже не приготовило для себя достаточно матеріаловъ. Конгрессъ въ Бэрмингамѣ былъ созванъ слишкомъ скоро, можно сказать даже, преждевременно. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, соціологи начали свое дѣло съ успѣхомъ. Имъ удалось не только заинтересовать публику, но и побудить правительство къ нѣкоторымъ полезнымъ реформамъ.

Главнымъ предметомъ совѣщаній по юридическому департаменту были реформы въ законодательствѣ о поземельной собственности. Не заходя слишкомъ далеко въ своихъ стремленіяхъ, соціологи заботились на первый разъ о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, облегчить ея приобрѣтеніе для всѣхъ сословіи. Одинъ адвокатъ, Уэкфилдъ, подалъ конгрессу практической мемуаръ (Transactions 1, 80), въ которомъ ясно доказалъ вредъ, происходящій для общества отъ формальностей при совершеніи купчихъ крѣпостей и требовалъ упрощенія способовъ передачи недвижимыхъ имуществъ отъ одного лица къ другому. Въ преніяхъ, возбужденныхъ по этому случаю, принялъ участіе государственные люди. Спустя два года послѣ конгресса въ парламентъ внесенъ былъ проектъ закона, которымъ изглажены слѣды прежнихъ стѣсненій и установленъ болѣе разумный и сообразный съ духомъ времени порядокъ составленія поземельныхъ актовъ. Кромѣ того юридическій департаментъ занимался измѣненіемъ банкротскихъ уставовъ. Здѣсь ему много помогали члены торговыхъ камеръ, явившіеся на конгрессъ въ качествѣ депутатовъ. Къ сожалѣнію, мысль соціологовъ объ изданіи новаго закона по этому предмету, еще далека отъ исполненія. Хотя они сдѣлали съ своей стороны все, чтобы облегчить правительству рѣшеніе труднаго вопроса. Казалось, что въ нынѣшнемъ году дѣло реформы пойдетъ скорѣе. Но передъ самымъ закрытіемъ парламента генералъ-прокуроръ (Attorney General) Сэръ Ричардъ

Беттель взялъ назадъ свой проектъ о банкротскихъ комиссіяхъ съ намѣреніемъ его исправить.

Департаментъ народнаго воспитанія занимался преимущественно разрѣшеніемъ вопроса о контролѣ надъ школами, которыя обязаны своимъ существованіемъ частной благотворительности (endowed schools). Такихъ школъ въ Англіи очень много. Онѣ устроены разнообразно, смотря по волѣ, а иногда по прихоти основателей, пожертвовавшихъ капиталъ. Уважая волю завѣщателей, въ то же время Англичане, заботятся ввести, если не однообразіе въ методѣ и системѣ обученія, то, по крайней мѣрѣ, повѣрку ученическихъ успѣховъ. Съ этою цѣлю въ послѣднее время введены публичные и состязательные экзамены (competitive examinations), также поощренія наставникамъ со стороны правительства. — Конгрессъ разсматривалъ кромѣ того разные, представленныя ему, педагогическіе проекты и обсуживалъ мѣры къ просвѣщенію рабочаго класса. Надъ этой послѣдней задачей трудятся, какъ извѣстно, многіе филантропы въ Англіи; ею заинтересованы даже сами мануфактуристы. Впрочемъ, надо замѣтить, что къ этой странѣ начало единообразія слабо приживается: даже убѣдившись въ пользѣ какихъ нибудь педагогическихъ учреждений, Англичане не могутъ удержаться отъ новыхъ опытовъ и, сколько ни толкуютъ о системѣ національнаго воспитанія, едвали когда нибудь рѣшатся ввести ее. Этому противодѣйствуетъ, между прочимъ, взаимное соперничество безчисленныхъ религіозныхъ сектъ. Онѣ не только борются между-собою, но и мѣшаютъ господствующей церкви пріобрѣсти какое нибудь вліяніе на школы, въ которыхъ учатся диссиденты (dissenters).

Департаментъ наказанія и исправленія преступниковъ коснулся многихъ интересныхъ вопросовъ уголовного права и уголовной политики. Больше всего, конечно, разсуждали здѣсь о пенитенціарной системѣ и о способахъ обращенія съ молодыми преступниками, причемъ, извѣстная своими филантропическими подвигами Марія Карпентеръ представила конгрессу свой проектъ объ учрежденіи женскихъ реформаторій. Онъ напечатанъ вмѣстѣ съ другими проектами въ мемуарахъ общества (1, 339). За тѣмъ заслуживаютъ вниманія споры между представителями разныхъ школъ, о воспитаніи и пріученіи къ труду заключенныхъ въ тюрьмахъ, и мнѣнія священника Бэрмингамской тюрьмы Бѣрта (Burt) о сообразности наказаній съ причинами или побужденіями преступныхъ дѣйствій.

Разсматривая труды департамента врачебнаго, мы находимъ въ нихъ больше полноты и системы, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Они раздѣляются на три отдѣла: въ первомъ говорится о состояніи общественнаго здоровья въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Англіи; во второмъ, о причинахъ болѣзней и смертности; въ третьемъ, о средствахъ, которыя общество можетъ употребить въ видахъ медицинской полиціи. Предоставляемъ специалистамъ воспользоваться разбросанными здѣсь указаніями, о важности которыхъ мы не въ силахъ судить. Замѣтимъ только, что въ числѣ членовъ департамента было много пзвѣстныхъ медиковъ, и что происходившіе здѣсь споры, подали поводъ къ преобразованіямъ по врачебному управленію въ Англіи; именно, въ 1858 г. уничтожено центральное медицинское бюро (General Board of Health) и изданъ новый законъ, объ учрежденіи мѣстныхъ управъ (local government act).

Напротивъ, труды департамента общественной экономіи представляются неполными и вообще менѣе удовлетворительными. Пересматривая ихъ содержаніе, мы почти не находимъ ни одного вопроса, который былъ бы исчерпанъ или подвинутъ впередъ на конгрессѣ. Любопытны только мемуары о положеніи женщинъ на фабрикахъ и на работахъ: въ нихъ ярко выставляется нищета и безпомощность этого несчастнаго класса. Далѣе вполне достойна вниманія записка Лилуоля (Lilwall) о необходимости опредѣленія часовъ труда въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Трудно себѣ вообразить изнуреніе, которое испытываютъ въ Англіи бѣднѣйшія сословія, какою страшною цѣною добываютъ себѣ хлѣбъ поденщики, швеи и т. п. Къ несчастію, въ странѣ, населенной съ избыткомъ, нѣтъ другаго средства спасти ихъ отъ гибели, кромѣ частной благотворительности и эмиграціи.

Этимъ мы оканчиваемъ краткій разборъ перваго тома трудовъ общества. Говорить о Бэрмингамскомъ конгрессѣ подробно мы считаемъ излишнимъ. Это былъ первый опытъ социологической пропаганды. Вопросы здѣсь поднятые или устарѣли, или разрѣшены удовлетворительнѣе въ послѣдствіи. Какъ бы то ни было, читатель пойметъ изъ этого бѣлаго очерка направленіе новой ассоціаціи, и, смѣемъ думать, убѣдится въ его пользѣ. Въ самомъ дѣлѣ, уже на первыхъ порахъ, она высказала основательное знакомство съ общественными задачами современной Англіи, если не умѣнье рѣшить ихъ. Не всякій народъ выставляетъ такъ смѣло на публичный судъ свои *извы*, пороки и грѣхи, говоритъ о нихъ во всеуслышаніе, ищетъ средствъ отъ нихъ

освободиться! Средства эти, конечно, достаются медленно и съ трудомъ. Но Англичане владѣютъ въ высшей степени способностью гражданскаго терпѣнія и мужества. Они не теряютъ присутствія духа отъ перваго препятствія или противнаго толчка, но неутомимо идутъ впередъ къ мирному разрѣшенію проблемъ, которыхъ нельзя разбить какъ гордіевъ узелъ, и которыя тяготѣютъ надъ страной. Общество, о которомъ мы говоримъ, отражаетъ на себѣ, всѣ эти свойства національнаго характера. Оно не утрашилось ни оппозиціи, ни скептическихъ предсказаній на счетъ своей будущности, но, сознавая слабость своихъ начинаній, еще болѣе сознавало необходимость продолжать труды для блага страны и народа. «Оппозиція, говоритъ г. Гастингсъ, имѣетъ свою солидную пользу; безъ нея нельзя обойтись тому, кто ищетъ прочнаго успѣха; она пужна для развитія зрѣлыхъ убѣжденій и сознательнаго сочувствія. Мы примиряемся съ неблагоприятностью нѣкоторыхъ, потому что нашли поддержку во многихъ.»

Второй конгрессъ соціологовъ назначенъ былъ въ Ливерпулѣ и открытъ 1858 г. подъ предсѣдательствомъ Лорда Джона Росселя. Диспуты продолжались пять дней. Стеченіе публики было такъ велико, что однихъ членовъ и ревнителей общества собралось до полуторы тысячи. Работы этого конгресса не только обшириѣе по объему, но гораздо богаче по содержанію; кромѣ того въ нихъ замѣтно практическое направленіе, видна стройность и округленность, о чемъ на первыхъ порахъ, кажется, мало заботились соціологи. Для обсужденія спеціальныхъ вопросовъ здѣсь учреждены были особые комитеты, которымъ вѣнено въ обязанность представлять свои соображенія обществу и парламенту; далѣе принято за правило въ каждомъ городѣ, въ которомъ назначается конгрессъ, поручать свѣдущимъ людямъ собраніе мѣстныхъ статистическихъ и экономическихъ свѣденій. Вообще, чтобы облегчить рѣшеніе главныхъ задачъ и опредѣлить точнѣе кругъ своей дѣятельности, соціологи положили: 1) въ практическихъ изслѣдованіяхъ по общественнымъ вопросамъ опираться исключительно на факты, и 2) изъ добытыхъ фактовъ дѣлать мало-по-малу общіе выводы и такимъ образомъ возвыситься до коренныхъ началъ соціальной науки. Въ этихъ правилахъ ясно высказывается врожденное Англичанамъ недовѣріе къ теоріямъ и стремленіе идти осмотрительной, но не быстрой дорогой опыта и наблюденія. Опредѣля въ своей вступительной рѣчи характеръ общества, Лордъ Джонъ Россель за-

мѣтилъ очень справедливо, что философское направленіе ему чуждо. «Мы не вѣримъ, сказалъ онъ, въ нескончаемый вѣкъ разума, какъ нѣкоторые мыслители прошлаго столѣтія. Мы не увлекаемся мечтою филантроповъ, которые десять лѣтъ назадъ воображали, что если правительство уничтожитъ собственность, капиталъ и совмѣстничество, то родъ человѣческій сдѣлается вполне довольнымъ и счастливымъ. Намъ выпала на долю болѣ скромная задача.... По нашему убѣжденію, людямъ назначено всегда трудиться. Если кто думаетъ, что ему нечего дѣлать на землѣ, что его призваніе ѣсть, пить и веселиться, тотъ пусть вспомнитъ древняго, библейскаго тпрана и посланную ему кару: Кто полагаетъ, вмѣстѣ съ завоевателями и гражданами древняго Рима, что намъ пужно наслаждаться благами, добытыми оружіемъ, пусть вспомнитъ, что покоренный міръ всегда мститъ за себя. Кто воображаетъ, что ему принадлежитъ владычество и что онъ имѣетъ право презирать безграмотную и голодную толпу, пусть вспомнитъ, какимъ кровавымъ и безпощаднымъ воздаяніемъ платила она своимъ врагамъ. Мы думаемъ не такъ. Наше дѣло помогать народу и трудиться вмѣстѣ съ нимъ для общаго блага.»

Обозрѣвая труды ливерпульскаго конгресса, мы будемъ слѣдовать той же методѣ, какую приняли однажды. Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ вдаваться въ подробности преній и перечислять всѣ статьи, прочитанныя членами общества; мы желаемъ только познакомить русскую публику съ характеромъ этого собранія и съ главными результатами, которыхъ оно достигло. Итакъ, ограничимся общими указаніями, предоставляя специалистамъ взвѣсить цѣнность отдѣльныхъ изслѣдованій конгресса по разнымъ отраслямъ соціальной науки.

Что касается, во-первыхъ, юридическаго департамента, онъ занимался большею частію вопросами, интересными для Англичанъ. Русскій юристъ найдетъ для себя не много годныхъ матеріаловъ въ преніяхъ, объ устройствѣ банкротскихъ комиссій, о совѣстныхъ судахъ, объ учрежденіи Министерства Юстиціи и т. п. Всѣ эти вопросы, конечно, имѣютъ свою относительную важность, но принадлежатъ непосредственно къ области законодательства, для насъ чуждаго. Большое вниманіе заслуживаютъ стремленія соціологовъ поднять юридическое образованіе въ Англии, хотя попытки эти до настоящаго времени не увѣнчались успѣхомъ. Извѣстно, что для поступленія въ адвокаты здѣсь не требовалось никакихъ экзаменовъ. Университетскія степени,

конечно, имѣли значеніе, но давались иногда для формы или для почета. Собственно говоря, молодой человѣкъ обязанъ былъ только записаться въ юридическую корпорацію (Sun of Court) и побѣдять нѣсколько разъ за общимъ столомъ съ ея членами, чтобы начать практику. Такой странный порядокъ производства въ адвокаты можетъ казаться чудовищнымъ. Но на самомъ дѣлѣ общество отъ него не очень страдало. Правда, Англія имѣла немного юристовъ, которыхъ, можно назвать учеными въ нѣмецкомъ смыслѣ слова, но никогда не терпѣла недостатка въ свѣдущихъ практикахъ. Кто желалъ имѣть успѣхъ на этомъ поприщѣ, заботился самъ о своемъ приготовленіи, то есть поступалъ въ контору опытнаго законовѣдца и присматривался къ ходу дѣлъ, читалъ книги, наводилъ справки, изучалъ наглядно техническую часть. Медленно, тяжелымъ трудомъ многихъ лѣтъ доставалось ему знаніе, но если у него были способности, онъ успѣвалъ приобрести извѣстность и довѣріе, раньше или позже. Неудивительно, однако же, что въ послѣднее время, когда адвокатура стала падать и пришла въ зависимость отъ сословія стряпчихъ или ходатаевъ по дѣламъ (solicitors), Англичане начали думать о томъ, чтобы возвысить ея значеніе и облегчить молодымъ людямъ возможность къ ней приготовиться. Въ Lincoln's Sun открыты были курсы законовѣденія, учреждены экзамены и т. п. Соціологи, разумѣется, очень сочувствуютъ подобнымъ мѣрамъ. Нужно сказать, однако жъ, что онѣ пока прививаются слабо къ адвокатскимъ корпораціямъ.

На ливерпульскомъ конгрессѣ высказаны были кромѣ того желанія привести въ порядокъ англійскіе законы (особенно уголовные и о частной собственности). Извѣстно, что государственные люди давно занимаются этимъ дѣломъ. Честь инициативы принадлежитъ сэру Роберту Пилу, Лорду Бруму и нѣкоторымъ другимъ. Къ сожалѣнію кодификаторы долго расходились между собой во мнѣніяхъ: одни требовали, чтобы составленъ былъ сводъ, другія предпочитали уложеніе. Кажется, наконецъ послѣдніе взяли верхъ. Въ нынѣшнемъ засѣданіи парламента (1860), незадолго до его закрытія, лордъ кашцлеръ объявилъ, что главная часть работы готова и будетъ представлена на окончательное утвержденіе палаты и королевы въ 1861 г. Устарѣвшіе законы будутъ отмѣнены или исправлены.

Изъ юридическихъ вопросовъ, имѣющихъ общій интересъ, на конгрессѣ Ливерпульскомъ былъ поднятъ адвокатомъ Дансономъ вопросъ о взысканіи долговъ съ иностранцевъ (Transactions

II, 164.) Нельзя не пожалѣть, что онъ былъ составленъ слишкомъ односторонне. Дѣло въ томъ, что частное международное право, котораго онъ ближайшимъ образомъ касается, требуетъ обсуждения и исправленія въ цѣлости. Сношенія между подданными разныхъ государствъ достигли въ послѣднее время самаго широкаго развитія и, къ сожалѣнью, мало обезпечены. Не только правительство, даже юристы не опредѣлили ясно общихъ началъ, которыми слѣдовало бы руководствоваться, не провели границъ, до которыхъ простирается территоріальная власть и не позаботились о соглашеніи противорѣчащихъ законовъ, принимаемыхъ къ отношеніямъ подобнаго рода. Каждое государство держится здѣсь своеобразныхъ правилъ, хотя общій интересъ предписывалъ бы начертать международный кодексъ, равно обязательный для всего просвѣщеннаго міра. Намъ кажется, что близко то время, когда вездѣ будетъ высказано требованіе обезпечить всемірно-гражданскій оборотъ. Желательно ускорить это полезное преобразование. Конгрессы, какъ органы общественнаго мнѣнія, могли бы склонить правительства къ уступкамъ прежде, чѣмъ дѣло перейдетъ на обсужденіе дипломатовъ, отъ которыхъ трудно ожидать успѣха. Остается только обнять вопросъ со всѣхъ сторонъ, рѣшить спорныя пункты и дѣйствовать практически.

Пренія въ департаментѣ народнаго воспитанія были открыты прекрасною рѣчью президента Коупера (Transactions, II, 56). Даровитый ораторъ сравниваетъ англійскую систему школьнаго обученія съ устройствомъ училищъ въ государствахъ континентальныхъ. По его словамъ, только высшіе классы въ Англій имѣютъ всѣ средства образоваться; напротивъ, школы торговли и учебныя заведенія для среднихъ сословій оставлены безъ всякаго надзора; въ нихъ больше блеска, чѣмъ солидности. Что же касается до низшихъ школъ, они, не смотря на превосходное устройство, посѣщаются рѣдко и неправильно. Разбирая средства помочь этому злу, Коуперъ остановился прежде всего на мѣрахъ правительственныхъ. Мѣры эти вполне пущены въ ходъ какъ повѣстно въ средней Европѣ, гдѣ примѣнена система принудительнаго обученія. Она поддерживается отвѣтственностью родителей передъ закономъ и разными другими постановленіями. Вообще на континентѣ школы обязаны своимъ существованіемъ государству, которое, смотря по надобности, пользуется при этомъ пособіемъ церкви и отдѣльныхъ лицъ. Въ Англій, напротивъ, инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія принадлежитъ част-

нымъ людямъ и обществамъ; церковь и правительство являются здѣсь уже на второмъ планѣ. Англійскіе университеты и многія школы основаны первоначально благотворителями и только въ послѣднее время парламентъ началъ оказывать вліяніе на ихъ судьбу. По мнѣнію Коупера, нѣтъ никакой надобности отступать отъ основныхъ началъ этой системы: она имѣетъ на своей сторонѣ неоспоримыя выгоды; ея недостатки всегда можно исправить. Обязанности учителя не исчерпываются регламентами; хорошій чиновникъ не всегда бываетъ хорошимъ педагогомъ. Тамъ, гдѣ школы поддерживаются благотворительностью, религіознымъ чувствомъ и мѣстными потребностями, ихъ легче преобразовать, обновить, направить ближе къ цѣли. Свобода обученія и преподаванія — лучший залогъ успѣха. Стѣснять ее, по мнѣнію Коупера, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. На родителей лучше всего дѣйствовать примѣромъ, хорошимъ обращеніемъ и вниманіемъ къ дѣтямъ, практичностью воспитанія; лучшая награда учителю — поощреніе со стороны общества. Что же касается до учениковъ, школы должны развивать въ нихъ характеры, силу размышленія, любовь къ труду и чувство собственного достоинства. Разнообразіе въ устройствѣ школъ и въ методахъ нисколько не мѣшаетъ ихъ усовершенствованію. По этому Коуперъ предлагаетъ социологамъ, не трогая существующаго порядка, не требуя энергическаго вмѣшательства власти, искать способовъ къ исправленію недостатковъ въ здоровомъ смыслѣ самаго народа. Задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы просвѣщать общественное мнѣніе, понять причины застоя въ одномъ мѣстѣ и успѣха въ другомъ, оцѣнить новыя методы и педагогическія открытія, а не въ томъ, чтобы вводить симметрію. Въ такомъ духѣ большею частію происходили пренія на конгрессѣ. Кромѣ общаго вопроса о преимуществахъ добровольнаго и принудительнаго обученія, здѣсь обсуживалась собственно одна правительственная мѣра къ улучшенію школъ, именно производство экзаменовъ на военныя и гражданскія должности. Она была введена недавно, и хотя дѣйствуетъ отдаленно, такъ сказать, косвенно, однакожь до-сихъ-поръ еще встрѣчаетъ противниковъ. Монктонъ Мильнзъ напригѣртъ, сильно порицалъ эту мѣру на конгрессѣ. Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой степени она поднимаетъ школы, нужно согласиться, что общественное ея вліяніе благотвельно. Она разбила nepотизмъ и патронатъ при замѣщеніи правительственныхъ дол-

жностей. Коуперъ полагаетъ даже, что она возвысила уровень народнаго просвѣщенія въ Англіи.

Любопытны также мнѣнія, высказанія на конгрессѣ о разнощикахъ книгъ. Между тѣмъ, какъ во Франціи противъ этихъ людей недавно принята система строгаго надзора, въ Англіи никто не думалъ стѣснять ихъ дѣятельности. Она достигла такихъ обширныхъ размѣровъ, что теперь существуетъ сорокъ вольныхъ обществъ или компаній для разноса книгъ по деревнямъ.

О другихъ, болѣе специальныхъ вопросахъ, рассмотрѣнныхъ департаментомъ народнаго воспитанія, мы не распространяемся. Они имѣютъ или чисто педагогическій или мѣстный интересъ. Любопытные найдутъ въ разбираемомъ нами томѣ множество дѣльныхъ мемуаровъ, на которые стоитъ обратить вниманіе. Мы бы желали слышать сужденіе о нихъ человѣка, болѣе насъ знакомаго съ устройствомъ школъ: замѣчательными показались намъ, между прочимъ, статьи Роскина и Стюарта о художественномъ воспитаніи и отчетъ о педагогической дѣятельности Эммануэля де Фелленбера, совмѣстника Песталоцци въ Швейцаріи (Transactions II, 311, 323).

Департаментъ уголовный занимался на конгрессѣ Ливерпульскомъ также, какъ и въ Бэрмингамѣ главнымъ образомъ критикою опытовъ, предпринятыхъ разными лицами и правительствомъ для исправленія преступниковъ. Чтобы понять значеніе трудовъ этого департамента, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о современномъ направленіи въ уголовной политикѣ Англіи. Когда смертная казнь была отмѣнена за многія преступления и колоніи отказались принимать осужденныхъ на каторжную работу, Англичане должны были придумать новыя мѣры наказаній, т. е. преобразовать и усложнить систему тюремнаго заключенія. При этомъ, разумѣется, трудно было отказаться отъ желанія исправить преступниковъ, сколько возможно, именно сдѣлать годными къ возвращенію въ общество по-крайней-мѣрѣ тѣхъ, которые не исключены изъ него навсегда по судебному приговору. Недовѣряя бывшимъ тогда въ ходу пенитенціарнымъ теоріямъ, правительство рѣшилось сначала сдѣлать предварительныя изысканія и учредило такъ называемыхъ тюремныхъ инспекторовъ. За тѣмъ опыты исправленія преступниковъ были поручены въ Ирландіи особой дирекціи (Board of Directors of Convict Prisons). Послѣ долгихъ колебаній и споровъ, принята была слѣдующая система обращенія съ преступниками: а) лица подозрѣваемые никогда не смѣшваются съ обвиненными и содержатся на особомъ положеніи,

b) послѣ приговора преступники на нѣкоторое время подвергаются полному уединенію и самому суровому труду; c) за тѣмъ для нихъ наступаетъ періодъ общихъ работъ, при чемъ, впрочемъ, каждому дается келья для отдыха и сна, d) учреждаются такъ называемыя посредствующія тюрьмы (только въ Ирландіи), гдѣ преступники могутъ по нѣсколькимъ часамъ работать на себя, получаютъ преміи, а нѣкоторые, достойные особеннаго довѣрія, освобождаются отъ надзора сторожей; e) выпущенные изъ тюремъ на извѣстное время отдаются подъ присмотръ полиціи. Этому плану, который впоследствии былъ развитъ и въ частности немного измѣненъ, до-сихъ-поръ твердо слѣдуетъ англійское правительство по-крайней-мѣрѣ въ ирландскихъ тюрьмахъ. Но, разумѣется, въ немъ находятъ слабыя стороны, особенно въ нынѣшнее время, когда пенитенціарная система подвергнута критикѣ. Притомъ же всякая общественная мѣра способна къ усовершенствованію и не скоро даетъ окончательные результаты. Главнымъ защитникомъ дѣйствующихъ исправительныхъ учреждений на ливерпульскомъ конгрессѣ, былъ одинъ изъ ирландскихъ директоровъ, капитанъ Крафтонъ. Противъ него выступили строгіе сепаратисты (приверженцы одиночной или келейной системы) и скептики. Кромѣ того департаментъ обсуживалъ исправительные опыты, сдѣланные въ другихъ государствахъ, напримѣръ въ Германіи, о чемъ ему представлена была любопытная записка извѣстнымъ криминалистомъ Гиллемъ (Hill, Transactions, II, 390), и разсматривалъ разные проекты общества для помощи выпущенныхъ изъ тюрьмы (Discharged Prisoners' Aid Societies). Необходимость и пользы такихъ обществъ, едва ли нужно кому доказывать: они учреждены теперь вездѣ, гдѣ сколько нибудь заботятся о предупрежденіи преступленій.

Другой важный вопросъ, о которомъ много толковали социологи на конгрессѣ въ Ливерпулѣ, касается реформаторій или воспитательно-исправительныхъ заведеній для молодыхъ преступниковъ. Эти заведенія были устроены первоначально частными лицами. Только въ 1854 году правительство оказало имъ денежную поддержку и обезпечило закономъ ихъ существованіе. Въ настоящее время реформаторій въ Англійи считается болѣе сорока. Замѣчательно, что почти въ каждой изъ нихъ прилагается особенная метода обученія и особенная дисциплина. Диктаторамъ и наставникамъ открыто здѣсь широкое поприще для опытовъ и наблюденій. Реформаторіи больше всего необходимы въ многочисленныхъ городахъ, гдѣ есть толпы брошенныхъ или

испорченныхъ дѣтей, которыя съ малолѣтства ничего не видали передъ собою, кромѣ порока. Кто желаетъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ этихъ заведеній, тотъ найдетъ въ разбираемыхъ нами томахъ множество фактовъ и указаній. Объемъ этой статьи не позволяетъ намъ на нихъ остановиться; наше дѣло облегчить читателю обзоръ главныхъ вопросовъ, поднятыхъ или рѣшенныхъ на конгрессѣ.

Департаментъ народнаго здоровья разсуждалъ преимущественно о медицинской полиціи въ городахъ. Намъ остается пожелать, чтобы отпосыщіяся сюда пренія, были просмотрѣны знатоками и специалистами, такъ какъ мы не беремъ на себя смѣлости, приносить мнѣніе о вопросахъ, исключительно доступныхъ врачамъ. Но нѣкоторыя записки, представленные департаменту, имѣютъ общій интересъ, изложены популярно и заслуживаютъ вниманіе даже обыкновенныхъ, неприспособленныхъ читателей, напр. мемуаръ Флоренсы Найтингаль (Nightingale) объ устройствѣ госпиталей. Эта удивительная дѣвушка, извѣстная подвигами милосердія въ Крыму, вынесла изъ своей филантропической практики много наблюденій и женскимъ инстинктомъ угадала потребности страждущаго человѣчества. Мемуаръ, о которомъ мы говоримъ, возбудилъ восторгъ на конгрессѣ. Въ немъ заключаются, кромѣ критическаго описанія больницъ, сравнительные выводы, основанные на долговременномъ опытѣ и осмотрѣ лучшихъ заведеній этого рода въ Парижѣ и Лондонѣ; къ нему приложены таблицы и планы четырехъ образцовыхъ госпиталей, также проектъ самой Флоренсы Найтингаль. *) Transactions, II, 462).

Любопытна также статистическая записка д-ра Фарра о вліяніи брака на смертность французскаго народа! Цѣль этой записки состоятъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы доказать цифрами, какъ полезно для здоровья своевременное вступленіе въ семейный союзъ. Изъ вычисленій д-ра Фарра видно, что холостяки и вдовцы, также незамужнія женщины и вдовы умираютъ во Франціи несравненно въ большей пропорціи, чѣмъ супруги, за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ, которые заключили бракъ слишкомъ рано, именно до 20 лѣтъ. Измельчаніе и слабое размноженіе народа въ этой странѣ, д-ръ Фарръ приписываетъ больше всего общест-

*) Нельзя не порадоваться тому, что Флоренса Найтингаль, не смотря на свое слабое здоровье, продолжаетъ сообщать публикѣ свои драгоценныя замѣтки. Въ нынѣшнемъ году она издала превосходное (по словамъ критиковъ) руководство для ухода за больными (notes on nursing. Lond. 1860).

венному разврату. Не оспаривая совершенно мѣтнѣй почтеннаго статистика, позволяемъ себѣ замѣтить, что военныя конскрипціи западно-европейскихъ государствахъ истощаютъ населеніе скорѣе, чѣмъ какіе бы то ни было пороки.

Намъ остается обозрѣть труды департамента общественной экономіи. Они касаются преимущественно вопроса о переселеніи и колонизаціи. Вопросъ этотъ имѣетъ для Англичанъ практическое значеніе съ половины XVII вѣка. Эмиграція, какъ справедливо замѣтилъ Стивнъ, президентъ департамента, въ своей вступительной рѣчи, есть потребность жителей страны, густо населенной и не представляющей средствъ къ пропитанію нарождающихся поколѣній. Оно поддерживается не только духомъ предпримчивости, свойственнымъ англо-саксонскому племени, но также экономическими обстоятельствами метрополіи, т. е. умноженіемъ бѣднаго класса. Между тѣмъ правительство до послѣдняго времени почти не заботилось о судьбѣ переселенцевъ и предоставляло ихъ самимъ себѣ. Правда, частная благотворительность оказывала имъ пособіе, но ея средства и дѣятельности безсильнѣе противъ общественнаго бѣдствія. Даже встрѣчая радушный пріемъ и поддержку въ колоніяхъ, эмигранты не обезпечены за свою будущность. Имъ предстоитъ длинный путь и множество лишеній. Самое оставленіе отечества всегда соединено съ потерями и страданіями, о которыхъ едва можетъ составить себѣ понятіе тотъ, кто ихъ не испытывалъ. Лорду Джону Росселю принадлежитъ честь учрежденія комисіи о переселенцахъ (Colonial Land and Emigration Commissioners) въ 1840 году. Эта комисія существуетъ до сихъ поръ и, нужно отдать ей справедливость, принесла нѣкоторую пользу. Англія назначаетъ для отправки эмигрантовъ нѣсколько судовъ, на которыхъ они находятъ довольно удобное помѣщеніе. Кромѣ того министерство колоній приняло мѣры къ надѣленію ихъ землями. По мысли Джоббона, у Экфильда составляется даже капиталъ, изъ котораго раздаются на мѣстѣ пособія нуждающимся. Такъ какъ жители метрополіи обложены слишкомъ большими податями, чтобы жертвовать для этой цѣли, то обязанность помогать эмигрантамъ, возложена на жителей колоній. Именно принято за правило обращать часть суммы, вырученной съ продажи незаселенныхъ участковъ, въ пользу вновь прибывающаго народа. Къ сожалѣнію, эти мѣры не вездѣ добросовѣстно выполняются, такъ какъ во многихъ мѣстахъ лучшія и привольныя земли захватываются по произволу скваттерами.

Вопросъ объ эмиграціи важенъ для Англичанъ еще въ полнѣтческомъ отношеніи. Колоніи составляютъ въ ихъ глазахъ источникъ могущества и силы, которымъ метрополія до сихъ поръ удачно пользовалась. Какъ бы ни слабою казалась связь британскихъ поселеній съ имперіею, — однакоже она существуетъ и едва ли скоро разрушится. «Если у насъ нѣтъ, говоритъ Стивнъ, писанныхъ и дипломатическихъ договоровъ съ колоніями, то есть договоры подразумеваемые и неписанные. Они продиктованы старыми привязанностями, чувствомъ долга, сознаниемъ взаимнаго интереса; они поддерживаются застарѣлыми привычками, и, быть можетъ, нѣкоторыми *честными* предразсудками. Сама природа гарантировала эти договоры; они будутъ имѣть цѣну даже послѣ споровъ и столкновеній... Насъ соединяетъ во первыхъ домашній союзъ, т. е. сознание, что мы — одинъ народъ, во вторыхъ, общая война и общій миръ, въ третьихъ союзъ религиозный, т. е. уважаемая нами свобода совѣсти, и наконецъ, союзъ торговый. Этотъ послѣдній также, какъ союзъ религиозный, не въ силахъ уничтожить никакая вражда: въ доказательство можно привести теперешнія отношенія Англій къ Соединеннымъ Штатамъ. *)

Кромѣ рѣчи Стивна, читатель найдетъ въ трудахъ Ливерпульскаго конгресса, еще два мемуара объ эмиграціи (II, 557—575), изъ которыхъ особенно любопытенъ второй, такъ какъ въ немъ приведены статистическія цифры, доказывающіе, что состояніе эмигрантовъ улучшилось въ настоящее время, благодаря заботамъ правительства и благотворительныхъ лицъ объ ихъ участи. Что касается до вопросовъ внутренней экономіи, между ними вниманіе департамента было обращено больше всего на бытъ рабочаго класса. Сюда должно отнести двѣ записки объ обществахъ соединеннаго труда (Associated Labour), устроенныхъ въ Ливерпулѣ, **) безъ участія капиталистовъ, и множество замѣтокъ о сберегательныхъ кассахъ, копѣчныхъ банкахъ, гостиницахъ для ремесленниковъ и т. п. (II, 576—655). Изъ всѣхъ мемуаровъ, представленныхъ конгрессу по этому отдѣлу, намъ показался лучшимъ мемуаръ архитектора Роберта объ устройствѣ дешевыхъ и удобныхъ жилищъ для рабочаго народа.

*) Эта рѣчь помѣщена цѣликомъ въ Transactions II, 97—109.

**) Одно изъ нихъ, именно общество портныхъ имѣетъ большой успѣхъ. Кромѣ того, какъ мы слышали, есть нѣсколько подобныхъ компаній въ Лондонѣ.

(583—620) Г. Робертъ, какъ видно, много путешествовать по Европѣ, изучилъ свой предметъ глубоко и заслуживаетъ полного довѣрія. Его мемуаръ можетъ принести практическую пользу и намъ, Русскимъ, въ настоящее время. Г. Роберту было извѣстно, что въ Петербургѣ сдѣлано предположеніе, учредить новыя помѣщенія для фабричныхъ и ремесленниковъ. Вопросъ, о которомъ мы говоримъ, былъ поднятъ прежде всего въ Англіи, но въ настоящее время занимаетъ всю Европу. Кромѣ знаменитаго *city ouvrière* въ Мюльгаузѣ (Mulhouse), — въ Швеціи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи и наконецъ въ Америкѣ, построены дома, предназначенные исключительно для квартиръ рабочимъ. Желательно, чтобы наши филантропы обратили вниманіе на мемуаръ г. Роберта и подумали о судьбѣ низшаго класса въ мануфактурныхъ городахъ Россіи: они найдутъ здѣсь не только всѣ нужныя указанія, но даже архитектурные планы и приблизительную оцѣнку нужнымъ постройкамъ.

Разсуждая, о рабочихъ домахъ, департаментъ общественной экономіи принялъ нѣкоторыя практическія мѣры къ ихъ улучшенію. Еще 8 Іюня 1858 г. въ засѣданіи комитета экономическаго, положено было основать общество съ цѣлью посѣщать эти заведенія (*workhouse — visiting society*). Во главѣ общества находились дамы. Онѣ замѣтили, что надзоръ за населеніемъ рабочихъ домовъ довольно слабъ, что дѣти здѣсь смѣшаны съ взрослыми, больные съ здоровыми, что начальство распределяетъ между ними трудъ по произволу, а потому рѣшились добровольно и безъ вознагражденія принять на себя обязанность инспектрисъ. Конгрессъ одобрилъ ихъ филантропическое предпріятіе. Секретаремъ общества была избрана Луиза Твайнингъ (Twining). Ея мемуаръ о рабочихъ домахъ помѣщенъ во второмъ томѣ трудовъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими замѣтками (II 655—71). Далѣе любопытны пренія департамента по вопросу о прямыхъ и непрямыхъ податяхъ. Они были возбуждены мемуаромъ Макквина, секретаря общества финансовой реформы въ Ливерпулѣ (II, 672). Въ немногихъ словахъ, но сильно, Маквинъ доказываетъ несостоятельность нынѣшней податной системы въ Англіи и защищаетъ радикальную мысль о замѣнѣ косвенныхъ налоговъ одною всеобщою податью съ земли и капитала. Эта любимая идея Брайта и манчестерской школы встрѣчена въ Англіи враждебно со стороны всѣхъ зажиточныхъ классовъ. Конгрессъ также принялъ ее съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Президентъ экономическаго департамента, Стивинъ сдѣлалъ противъ

мемуара нѣсколько серьезныхъ возраженій. По его словамъ, опыты подати съ дохода показали, какъ трудно открыть количество капитала у купцовъ и предпринимателей разнаго рода, и какъ несправедливо принять за мѣрило подобнаго налога одну цѣнность земли. «Говорятъ, замѣтилъ Стивнъ, что подати должны падать на *однихъ* богатыхъ людей. Я думаю, что это софизмъ. Собственность и трудъ такъ тѣсно связаны между собою, что правительство не можетъ, облагая владѣльцевъ, не касаться работника. Далѣе говорятъ, что если отмѣнить косвенныя налоги, народъ будетъ покупать продукты дешевле. Но, кажется, забываютъ, что заработная плата должна непременно упасть при этомъ и, что слѣдовательно потребитель не выиграетъ ничего, а казначейство останется въ убыткѣ. Человѣческое общество есть самая сложная машина на землѣ, и тотъ, кто хочетъ ее перестроить, не зная связей между разными ея частями, поступаетъ необдуманно и играетъ въ опасную игру». Не смотря на этотъ не благопріятный отзывъ своего президента, департаментъ положилъ обсудить вопросъ о податяхъ въ особомъ комитетѣ и на будущемъ конгрессѣ.

Напротивъ, необходимость отмѣнить пошлину съ бумаги (paper duty) была признана социологами единодушно. Они пришли къ такому убѣжденію, потому что желали освобожденія науки отъ всякихъ оковъ. По ихъ мнѣнію, налогъ на книги и журналы вредитъ народному просвѣщенію и мѣшаетъ развитію дѣловой литературы. Только книгопродавцы-монополисты, присутствовавшіе на конгрессѣ, защищали старый, выгодный для нихъ порядокъ и приводили слабыя доказательства въ защиту пошлины. Къ сожалѣнію, она до сихъ поръ не отмѣнена въ Англіи по причинѣ сопротивленія палаты лордовъ.

Департаментъ экономическій коснулся также вопроса о децимальной системѣ мѣръ, вѣсовъ и монеты. Введеніе этой системы занимаетъ въ настоящее время многихъ экономистовъ; ея приверженцы составили даже общества во Франціи, Англіи и Америкѣ, которыя, не смотря на трудность реформы, надѣются раньше или позже достигнуть своей цѣли. Впрочемъ на конгрессѣ въ Ливерпулѣ этотъ вопросъ не былъ обсужденъ окончательно; пренія объ немъ были отложены до другаго времени.

Какъ ни слабъ сдѣланный нами очеркъ, читатели могутъ составить изъ него нѣкоторое понятіе о трудахъ ливерпульскаго конгресса. Что они разнообразны и плодородны, противъ этого трудно спорить, что они зрѣлѣе трудовъ перваго конгресса, —

въ этомъ также едва-ли есть основаніе сомнѣваться. Но мы не думаемъ съ другой стороны утверждать, что соціологи рѣшили всѣ свои задачи удовлетворительно. Главная ихъ заслуга состоитъ — повторяемъ — въ соединеніи силъ, въ признаніи свободы мнѣній, въ практичности, въ отсутствіи схоластики и ученыхъ претензій, въ стремленіи призвать общество къ свободному и спокойному обсужденію тяготящихъ надъ нимъ вопросовъ. Мы завидуемъ странѣ, въ которой подобныя предпріятія возможны, которая доросла до такой терпимости и публичности. Намъ удивляетъ доступность науки для англійскаго народа; мы сочувствуемъ популярному изложенію ея истинъ, радуемся ея успѣхамъ и привѣтствуемъ отъ души полезную пропаганду соціологовъ. Но странно было бы отрицать, что въ разбираемыхъ томахъ есть чувствительные пробѣлы и недостатки: мы бы желали даже, чтобы они были замѣчены и выставлены на видъ знатоками отдѣльныхъ отраслей государствовѣденія. Въ настоящей статьѣ мы не имѣли ни мѣста, ни повода къ критикѣ. Цѣль наша состояла только въ томъ, чтобы обратить вниманіе русской публики на новые способы, которыми распространяются теперь общественныя идеи и обозрѣть труды, которые, хотя кажутся съ перваго взгляда отдѣльными и спеціальными, но на самомъ дѣлѣ интересны для каждаго, кому сколько нибудь знакомы и близки мысли и дѣла нашего вѣка. Вопросы, поднятыя соціологами возникаютъ и могутъ возникнуть не въ одной Англій; мнѣнія, ими высказанныя, пригодятся не для однихъ Англичанъ. Чтобы не потеряться въ этой огромной массѣ мемуаровъ, преній и проэтовъ, нужно имѣть прежде всего руководящую нить, стать на исходную точку, понять смыслъ задачъ, затропутокъ въ Англій обществомъ соціальной науки. Вотъ почему мы старались больше о томъ, чтобы облегчить читателю усвоеніе богатаго и разнообразнаго матеріала, оставляя другимъ критику, практическую оцѣнку и спеціальные выводы.

Въ слѣдующей статьѣ мы поговоримъ о третьемъ конгрессѣ соціологовъ.

Д. КАЧЕНОВСКІЙ.

27 Сентября 1860
Харьковъ.

ГЕРМАНСКІЕ СОБРАНІЯ И СЪѢЗДЫ НЫНѢШНЯГО ГОДА:

Preussischer Landes-Handwerkertag, deutscher Juristentag, deutscher Nationalverein, Kölnischer Volkswirtschaftlicher Congress.

Во всей почти Европѣ, и въ особенности въ Англіи, Бельгіи и Германіи утвердился въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ чрезвычайно важный общественный обычай: люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, назначаютъ мѣсто для общихъ съѣздовъ, и соединенными силами рѣшаютъ вопросы, относящіеся къ ихъ кругу и интересамъ. Рѣшенія, принимаемыя въ подобныхъ собраніяхъ, предъ глазами многочисленной публики и подъ контролемъ журналистики, всегда отличаются тою жизненностію и вліяніемъ, какихъ не въ состояніи дать имъ кабинетъ отдѣльнаго лица. Прекрасная сторона этихъ съѣздовъ заключается еще и въ томъ, что на нихъ являются люди не по оффиціальнымъ приглашеніямъ, не по выбору и рекомендаціи распорядителей; каждый, чувствующій какой нибудь интересъ къ дѣлу, вноситъ очень небольшую плату и дѣлается членомъ собранія.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобные съѣзды есть одно изъ лучшихъ явленій новаго времени, и что въ нихъ богатое зерно будущей общественной и политической жизни Европы. Но нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что они обязаны своимъ постояннымъ усиленіемъ чрезвычайной легкости и удобству западныхъ европейскихъ путей сообщеній: безъ этого условія самое горячее желаніе съѣзда, самый трепещущій интересъ, не въ состояніи такъ легко и быстро соединить людей для общаго дѣла. Безконечныя пространства, отсутствіе сколько нибудь годныхъ къ ѣздѣ дорогъ, невозможность найти пріютъ для ночлега и отдохновенія, страшная дороговизна почтовой ѣзды охлаждаютъ *горячность желанія* и заставляютъ замолкнуть самый близкій и важный интересъ.

Конецъ нынѣшняго лѣта и начало осени въ Германіи были особенно богаты подобными съѣздами и собраніями. Спѣшимъ сообщить о болѣе важныхъ изъ нихъ, обратившихъ на себя общее вниманіе.

I. *Собраніе ремесленниковъ* (Handwerkertag) было въ Берлинѣ; онъ состояло изъ мастеровъ всего прусскаго королевства, отлич-

Отд. II.

6

чалось своимъ глубоко-консервативнымъ характеромъ, — и съ этой стороны заслуживаетъ серіознаго вниманія всякаго, занимающагося общественными вопросами. Разсужденія и рѣшенія принятыя прусскими ремесленниками доказали еще разъ, что большинство стоитъ всегда на сторонѣ устарѣлыхъ идей, и что человѣкъ касты, сословія, — если только онъ пользуется какими нибудь исключительными правами, — не въ силахъ подняться надъ интересами своего узкаго круга и отречься отъ монопольнаго положенія. Это послѣднее обстоятельство не должно быть упускаемо изъ виду: оно имѣетъ большое значеніе по отношенію къ современнымъ явленіямъ и другихъ странъ, и неминуче должно охладить тѣхъ довѣрчивыхъ людей, которые вѣрятъ, что цѣлое сословіе (не говорю, — отдѣльныя лица) въ состояніи сдѣлать добровольную жертву.

Берлинское собраніе ремесленниковъ обнаружило полный разладъ между собою и современнымъ направленіемъ образованныхъ германцевъ. Оно требовало сословнаго выдѣленія себя изъ общаго состава народа, особеннаго представительства въ общинѣ и въ landtag, громко и рѣзко говорило противъ свободы ремесла, и выразило самое горячее желаніе установить бюргерскій феодализмъ со всѣми его несправедливостями и негѣпостями.

И странно! нельзя сказать, чтобы собравшіеся ремесленники были люди, жившія вдали отъ общаго европейскаго движенія, совершенно незнакомые съ требованіями науки и экономической жизни. Ни сколько! какъ увидимъ изъ самыхъ ихъ разсужденій, они знаютъ направленіе современной науки, знаютъ положеніе ремесла во Франціи, Англии, Бельгій, понимаютъ очень хорошо и свои цѣли и свое положеніе въ собственномъ отечествѣ. Еще болѣе странно то, что тѣ же ремесленники, которые такъ консервативны въ кругѣ собственныхъ интересовъ, чрезвычайно либеральны какъ граждане: они выбираютъ либеральныхъ депутатовъ въ общинныя и земскія засѣданія, и съ неудовольствіемъ смотрятъ на увеличеніе прусской арміи.

Но всѣ эти странности объясняются однимъ и тѣмъ же: передовая мысль всегда принадлежитъ мепьшинству, а голосъ касты часто заглушаетъ голосъ истины и общей жизни.

Берлинское собраніе прусскихъ ремесленниковъ составилось по слѣдующему поводу. Въ концѣ 18 столѣтія въ Пруссіи, какъ и во всей Европѣ, ремесленная промышленность была подчинена цеховому порядку, со всѣми его ограниченіями и эгонистическими

цѣлями. Французская революція, подорвавшая средневѣковой феодализмъ, не пощадила и цеховъ; сперва она уничтожила ихъ у себя дома, а потомъ разнесла свои идеи и по другимъ странамъ. Въ 1802 и 1807 годахъ были уничтожены цехи по ту сторону Рейна и въ Вестфалии, а въ 1810 году и по эту сторону Рейна; они сохранились только въ нѣкоторыхъ частяхъ Помераніи. Уничтоженные силою и безъ предварительнаго приготовленія ремесленнаго сословія, цехи продолжали, однакожь, существовать какъ полудобровольные союзы мастеровъ и подмастерьевъ: они находили опору въ силѣ обычая, въ оставшихся воспоминаніяхъ о прежнемъ блескѣ городской жизни и городскихъ учреждений, и еще болѣе въ сговорѣ мастеровъ. Между тѣмъ послѣ 1813 года въ Германіи началось гоненіе на все французское, а вмѣстѣ и на либеральныя французскія идеи; къ этому присоединилась боязнь всемогущаго преобладанія англійской торговли и промышленности; и уже въ 1817 и 1818 годахъ въ Германіи образовалась рѣшительная реакція противъ свободы торговли и промышленности. Наука поддержала это направленіе; видя бѣдствіе развивающагося пролетаріата и скопленія имуществъ въ одиѣхъ рукахъ, она думала, что главное зло въ безусловной свободѣ, которую проповѣдывала школа Смита, и стала искать спасенія въ отжившихъ установленіяхъ среднихъ вѣковъ: корпоративной организаціи ремесленнаго сословія, и застоѣ земледѣльческихъ отношеній. Этотъ новый поворотъ общества и науки выразился уже въ 1824 году въ прусскихъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ было высказано общее желаніе регулировать ремесленную промышленность, а потомъ нашло осуществленіе, хотя и не полное въ положеніи 1845 года: оно вводило многія полицейскія и корпоративныя ограниченія, но сохраняло однако-же нѣкоторую степень камунальной и ремесленной свободы.

Для ремесленнаго сословія, въ особенности для цеховыхъ мастеровъ, этого было мало. Не приготовленные къ реформѣ 1810 года, они видѣли въ полной свободѣ ремесла страшный для себя вредъ, и готовы были употребить всѣ усилія для полного восстановленія средневѣковыхъ цеховъ. Прусская реакціонная политическая партія 1848 и 1849 годовъ воспользовалась этимъ настроеніемъ ремесленниковъ, и отчасти изъ нерасположенія и непризнанія свободы вообще, во всѣхъ проявленіяхъ, а отчасти, желая привлечь къ себѣ ремесленниковъ, содѣйствовали къ изданію извѣстнаго ремесленнаго и торговаго положенія 1849 года. На основаніи этого положенія, ремесла были раздѣлены на раз-

ряды и для каждаго учрежденъ былъ особенный цехъ. Каждый желающій заниматься ремесломъ, долженъ принадлежать къ цеху, и для этого пробыть опредѣленное число годовъ въ обученіи, выдержать испытаніе на подмастерья, а потомъ на мастера. Всѣ ремесленники извѣстнаго города или общины, составляютъ вмѣстѣ съ фабрикантами и купцами одно общество и имѣютъ особенные промышленные совѣты (Gewerbsräthe), которые, впрочемъ, завѣдуютъ дѣлами, отнѣсящимися только къ кругу ихъ дѣятельности; во всемъ же остальномъ ремесленники и купцы подлежатъ общей комунальной и городской власти.

Вскорѣ, однакожъ, послѣ изданія этого положенія, общество начало убѣждаться въ своей ошибкѣ и несвоевременности воскрешать средневѣковыя призраки. Само прусское правительство, начавшее въ послѣдніе годы болѣе прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія, расположено въ пользу измѣненія или даже и уничтоженія положенія 1849 года. Въ этомъ случаѣ много подѣйствовалъ на него примѣръ Австріи и Виртемберга, гдѣ въ 1859 году изданы новыя ремесленныя положенія, которыя не уничтожаютъ цеховъ совершенно, но признаютъ полную свободу обученія, перехода изъ одного мѣста въ другое и занятія тѣмъ или другимъ ремесломъ, уничтожаютъ испытанія и требуютъ отъ ремесленника одного условія: каждый, вошедшій въ извѣстный городъ или коммуну, по этому самому, долженъ принадлежать къ какому ему угодно цеху и нести соединенныя съ нимъ обязанности.

Подъ вліяніемъ новаго направленія, члены палаты Дункеръ и Вейтше, сдѣлали въ нынѣшнемъ году предложеніе объ отмѣненіи положенія 1849 года и составленіи новаго, основаннаго на свободѣ ремесла. Правительство уже приготовило проектъ, который, вѣроятно, и будетъ предложенъ въ наступающія засѣданія.

Довольно близкая и вѣроятная возможность потерять монопольныя права, заставили прусскихъ ремесленниковъ подумать объ опасности положенія и приготовить мѣры для своей защиты. Съ этою цѣлю они и составили свое собраніе.

Собраніе было открыто 27-го августа и состояло изъ депутатовъ ремесленныхъ цеховъ прусскаго королевства, всего около двухсотъ пятидесяти человекъ. Оно имѣло свои засѣданія въ залѣ Голи, украшенной знаменами цеховъ, и отличавшейся простымъ, бюргерскимъ характеромъ; испросило благословеніе Бога «на на-

чало и исходъ преній, на спасеніе и благо всѣхъ ремесленниковъ и ихъ потомства», три раза превозгласило Носъ прусскому королю, какъ виновнику положенія 1849 года (принцъ-регентъ, подъ вліяніемъ котораго составилось предложеніе Дункера и Вейтше, не былъ удостоенъ Носъ), и затѣмъ приступило къ опредѣленію порядка и предметовъ засѣданій и назначенію особыхъ комиссій по вопросамъ наиболѣе важнымъ. Непремѣнное пиво сопровождало начало нѣмецкихъ преній. Главнѣйшій предметъ разсужденій составлялъ вопросъ объ испытаніяхъ, такъ какъ въ нихъ собственно и заключается все существо привилегіи, данной мастерамъ положеніемъ 1849 года; по поводу-то этого вопроса и высказалась вся ограниченность, отсталость и недобросовѣстность прусскаго ремесленнаго состоянія. Ораторы выходили одинъ за другимъ и каждый хотѣлъ сказать слово въ пользу дорогой для него монополіи.

Вотъ главныя основанія ихъ выраженій: «полная свобода промышленности есть дитя красной республики (ein kind der rothen «Republik): она даетъ права и не налагаетъ никакихъ обязанностей; она основана на началѣ эгоизма, и устраняя одну монополію, вызываетъ другую, болѣе опасную и вредную, — явленіе но-«вѣйшаго времени, могущество денегъ! Но это негѣпо и можетъ «быть защищено только врагами порядка, людьми принциповъ, «а не убѣжденій и жизни. Въ природѣ нѣтъ ничего безусловно-«свободнаго, а все подчиняется извѣстному порядку.» «Свобода «промышленности, введенная въ Пруссіи въ 1810 году была вред-«на: явилось переполненіе производства, готовился пролетаріатъ. «Законъ 1849 года спасъ ремесла отъ конечнаго паденія, и де-«сять лѣтъ мы спокойно наслаждались его благотѣльными слѣд-«ствіями. Теперь опять поднимается опасность, опять хотятъ «ввести гибельную свободу; но прямымъ ея плодомъ будетъ унич-«тоженіе самостоятельности ремесленнаго сословія, отвлеченіе отъ «ремеслъ всѣхъ маленькихъ капиталовъ, возникновеніе акціонер-«ныхъ обществъ, въ руки которыхъ попадутъ всѣ ремесла, и «которыя погубятъ всѣхъ отдѣльныхъ ремесленниковъ. Противъ «всѣхъ этихъ несчастій мы должны стать твердою ногою и если «возможно предупредить ихъ!» «Цехи, въ ихъ правильномъ ви-«дѣ, нисколько не стѣсняють развитія и благосостоянія ремеслъ; «напротивъ, устраняють эгонстическую, и равно для всѣхъ вред-«ную неограниченную конкуренцію, даютъ порядокъ и незави-«симость ремесленному сословію и, свидѣтельствуя о способно-«стяхъ и знаніи мастеровъ, обезпечиваютъ публику отъ обмановъ

«и негодной работы». «Испытаніе мастеровъ и подмастерьевъ; «введенное положеніемъ 1849 года было благодѣтельно для развитія не только ремесль, но и моральнаго состоянія работниковъ; «известно, что ремесленные ученики принадлежатъ къ низшему «классу людей, гдѣ не всѣ умѣютъ даже писать и читать; «испытаніе устранило этотъ недостатокъ и заставило учениковъ «получить предварительно, хоть небольшое, элементарное образованіе; «оно же заставляетъ учениковъ и подмастерьевъ быть честными «и не щадить ни трудовъ, ни издержекъ для возможно-совершеннаго изученія своего ремесла. По признанію англійскихъ и «французскихъ мастеровъ лучшіе ихъ работники — Нѣмцы: этому «счастливому явленію мы обязаны введенному въ 1849 году цеховому порядку и неразлучныхъ съ нимъ испытаній!»

Нѣкоторые изъ ораторовъ довели свое поклоненіе цехамъ до того, что требовали установленія опредѣленнаго числа лѣтъ обученія, возстановленія двадцати-четырёхъ-лѣтняго возраста для полученія званія мастера, болѣе точнаго отдѣленія цеховъ (напримѣръ, ткачей отъ вязальщиковъ; столяровъ отъ плотниковъ, такъ какъ многіе изъ послѣднихъ занимаютъ въ настоящее время столярною работою, и тѣмъ отнимаютъ у первыхъ хлѣбъ), устраненія купцовъ и фабрикантовъ отъ занятія ремеслами, и т. п. призраковъ среднихъ вѣковъ.

Всѣ филиппики противъ свободы и въ пользу цеховъ встрѣтились всеобщимъ одобреніемъ и вызвали самыя единодушныя bravo. Изъ 250 депутатовъ, вышелъ только одинъ портной изъ Потсдама, который рѣшился защищать свободу; онъ сказалъ: «не по принципу, но изъ практики я утверждаю, что испытаніе не нужно, что лучшій испытатель — публика, что цеховой порядокъ 1849 года нисколько не устранилъ зла и не подѣйствовалъ благодѣтельно: нѣмецкіе работники дѣйствительно считаются во Франціи и Англій лучшими, но это происходитъ не отъ испытаній, а оттого, что въ чужія страны всегда направляются лучшія силы.» Но его рѣчь была голосомъ вопіющаго въ пустынь, все собраніе вооружилось противъ него; его назвали weiser Sperling, предложили отправиться въ Бельгію или Англій, гдѣ нѣтъ цеховъ, — и дальше не захотѣли слушать. Необходимость испытаній была принята всѣми, исключая четырехъ голосовъ.

Разсужденія о другихъ предметахъ не были такъ интересны и одушевлены, и потому мы опустимъ ихъ, и скажемъ только объ окончательныхъ рѣшеніяхъ, которые состояли въ слѣдующемъ: Прусскіе ремесленники видятъ въ положеніи 1849 года

основное условіе развитія ремеслъ и потому желаютъ удержать его. Но считаютъ необходимымъ сдѣлать къ нему слѣдующія дополненія: болѣе точное отдѣленіе цеховъ; уничтоженіе теперешнихъ промышленныхъ совѣтовъ; отдѣленіе ремесленниковъ отъ купцовъ и фабрикантовъ (такъ какъ купцы и фабриканты желаютъ уничтоженія цеховъ и введенія свободы); освобожденіе ремесленниковъ отъ общей коммунальной власти и подчиненіе ихъ провинціальнымъ и городскимъ ремесленнымъ совѣтамъ, которые завсѣли-бы отъ одного общаго высшаго ремесленного совѣта, подчиненнаго прямо министерству; учрежденіе для ремесленниковъ школъ и инвалидныхъ домовъ; образованіе ремесленныхъ ассоціаціи, основанныхъ на началахъ корпораціи и гарантированныхъ цехамъ. Собраніе опредѣлило составить обо всемъ этомъ прошеніе и представить въ министерство и законодательныя палаты. Были нѣкоторые члены, которые требовали помѣстить въ прошеніи желаніе ремесленниковъ особеннаго представительства въ палатахъ, но предсѣдатель нашелъ этотъ вопросъ очень деликатнымъ и отклонилъ исполненіе требованія.

По окончаніи разсужденій (было три полныхъ засѣданія), собраніе назначило постоянную комисію, избрало *Preussische Zeitung* своимъ исключительнымъ и непосредственнымъ органомъ и разошлось, напустуемое слѣдующею рѣчью предсѣдателя: «всѣ страна и всѣ газеты слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за нашими разсужденіями. И не мудрено: они важны для насъ, важны и для всей Пруссіи. Теперь они окончены и намъ предстоитъ борьба: въ ней мы побѣдимъ или проиграемъ. Въ первомъ случаѣ мы должны идти дальше, во-второмъ, должны собираться чаще, чтобы держаться крѣпче и не отдать себя въ руки купцовъ, фабрикантовъ и людей принциповъ. Дадимъ же другъ-другу руки для взаимнаго поддержанія и докажемъ, что наше сословіе не мертво, что оно умѣетъ защищать себя, пожелаемъ, чтобы оно не погибло въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ оно есть столпъ государства и скажемъ ему: *Noch!*»

Дѣйствительно, ремесленное сословіе въ настоящемъ случаѣ доказало, что оно не мертво; но что за жизнь, что за интересы, какая узкость, какой эгоизмъ! Впрочемъ оно не вызвало сочувствія къ себѣ; общій голосъ журналистики успѣшилъ возстать противъ его ограниченныхъ стремленій и заклеймить ихъ позоромъ. Только одна старая ретроградная политическая партія 1849 года отозвалась симпатически и обѣщала ремесленникамъ поддерживать въ палатахъ ихъ стремленія. Но что зна-

чить партія, которая все забываетъ и ничему не умѣетъ учиться, и что значитъ отсталый кругъ ремесленниковъ съ запоздалыми мечтамъ о цехахъ противъ голоса всего общественнаго мнѣнія, противъ свѣта науки и цивилизаціи!

II. Почти одновременно съ собраніемъ прусскихъ ремесленниковъ, состоялся въ Берлинѣ *первый общій съездъ германскихъ юристовъ* (der deutsche Juristentag); они собрались сюда по приглашенію берлинскаго юридическаго общества, съ цѣлю содѣйствовать общими силами наукѣ права вообще, и въ частности, образованію и развитію общаго нѣмецкаго права. Ученые юристы собрались со всѣхъ частей Германіи и въ довольно большемъ числѣ, болѣе 500 человекъ; между ними особенно были замѣтны Вертеръ, Блунчли и Игерингъ.

Засѣданій было всего два (29 и 30 Августа). Они происходили въ залѣ Sing-Akademie, въ той самой, гдѣ двѣнадцать лѣтъ назадъ засѣдало національное собраніе. Но времена и нравы измѣнились, и сходство въ засѣданіяхъ представляли только внутренность залы. Тогда одна партія боролась съ другою, трибуна была осаждаема слушателями, густая масса народа толпилась на улицѣ, подлѣ залы, и жадно ждала рѣшенія своихъ насущныхъ вопросовъ. Ничего похожего теперь. Въ собраніи царствовало братское единодушіе, на всѣхъ лицахъ написано было спокойное, почти безстрастное выраженіе, посреди залы сидѣлъ министръ юстиціи г. Simon, докладчики выслушивались очень невнимательно, публика же присутствовала скорѣе ради любопытства, чѣмъ интереса къ дѣлу, на улицахъ народъ и не зналъ о чемъ идетъ дѣло въ залѣ.

Подобное измѣненіе конечно и къ лучшему. Къ чему горячія и неумѣстныя волненія, для чего эта масса любопытныхъ, всегда готовая осаждать всякое зрѣлище, всякій горячій споръ? Все это неумѣстно при рѣшеніи высокихъ вопросовъ права. Совершенно согласны; но собраніе нѣмецкихъ юристовъ въ Берлинѣ было уже черезъ-чуръ вяло, черезъ-чуръ охотно приняло бюрократическо-реакціонную наружность, и слишкомъ легко рѣшилось отказаться отъ серьезнаго вліянія на общество и науку.

Отчего же это? Отвѣтъ даетъ рѣчь президента собранія. Въ ней прямо было сказано, что «собраніе желаетъ избѣгать рѣчей, мало относящихся къ дѣлу и могущихъ вовлечь въ бесполезные споры, и желаетъ ограничиться разсмотрѣніемъ вопросовъ только изъ области частнаго, уголовнаго права и судопроизводства». Такое ограниченіе задачъ едва-ли можетъ быть оправдано поло-

женіемъ германскаго права; и съѣхавшіеся юристы знали лучше чѣмъ кто нибудь, что единство права одинаково важно въ частномъ и публичномъ правѣ, и что въ области послѣдняго по преимуществу представляются тѣ запутанные вопросы, въ которыхъ нужна помощь науки и руководящее мнѣніе специалистовъ. И неужели члены Juristentag могли думать, что они въ состояніи заинтересовать общество, руководить его мнѣніемъ, вносить въ него мысль о необходимости единства юридической жизни и права своими тощими разсужденіями о тонкостяхъ ученія, объ обязательствахъ и процессѣ.

Сообразно своей программѣ, берлинское собраніе юристовъ разсуждало главнымъ образомъ о предметахъ частнаго, уголовнаго, торговаго права и судопроизводства. Адвокатомъ Левальдомъ было сдѣлано довольно интересное предложеніе о расширеніи права частнаго лица преслѣдовать преступника; но его отвергли на томъ основаніи, что подобное расширение откроетъ поприще для кляузъ и ябедъ. Но особенное участіе возбудило вопросъ о томъ, какъ долженъ дѣйствовать Juristentag? силою ли убѣжденія, или же можетъ обращаться къ германскимъ правительствамъ (которые допускаютъ это) съ прошеніями и предложеніями. Само собою разумѣется, реакціонное собраніе рѣшило его въ послѣднемъ смыслѣ.

Всѣ предложенія, выходившія изъ программы собранія, были устраняемы и отвергаемы. Такъ были устранены предложенія объ учрежденіи общаго высшаго для всей Германіи судебнаго мѣста, объ учрежденіи постоянной депутаціи, которая служила бы органомъ для доставленія свѣдѣній объ особенныхъ правахъ, дѣйствующихъ въ различныхъ частяхъ Германіи. Предложенія Миттермеера объ обработкѣ общихъ проектовъ германскаго законодательства, и Кровеля о составленіи проекта общаго уголовного кодекса были отвергнуты. Если два первыя изъ этихъ предложеній быть можетъ дѣйствительно были рановременны, то едва ли можно сказать тоже самое о двухъ послѣднихъ; очень жаль, что они не встрѣтили сочувствія.

Избравъ постоянную депутацію, первое собраніе германскихъ юристовъ окончило свои засѣданія, условившись составить въ слѣдующемъ году новый съѣздъ.

Какъ и слѣдовало ожидать занятія этого собранія не вызвали сочувствія ни въ берлинскомъ обществѣ, ни въ германской

журналистикѣ. Большая часть лучшихъ газетъ прямо указала на бесплодность его засѣданій; одна изъ нихъ (Publicist) даже упрекала юристовъ въ томъ, что съѣхавшись, «они занимались болѣе ликованіями и развлеченіями,» чѣмъ принятою задачею. «Предметъ права, говоритъ она, требуетъ глубокаго и внимательнаго размышленія, а не жалкихъ двухъ дней засѣданій, которыя перемѣшивались обѣдами и вечерними пирами. Напудренная голова плохо работаетъ, и хотя въ настоящее время пудра не употребляется, но есть другія тягости, которыя затрудняютъ силу мышленія и труда!»

III. 4-го и 5-го Сентября происходили въ Кобургѣ засѣданія *національнаго германскаго союза* (Deutscher Nationalverein). Этотъ союзъ образовался нѣсколько лѣтъ назадъ, ему очень сочувствуетъ герцогъ кобургъ-готскій, и число членовъ его постоянно увеличивается. Въ концѣ Августа нынѣшняго года къ нему принадлежало болѣе 5,000 человекъ, а имущество составляло болѣе — 13.000 гульденовъ.

Главная цѣль союза состоитъ въ томъ, чтобы путемъ мирныхъ съѣздовъ, разсужденій и рѣшеній поддерживать Германію въ ея стремленіи къ политическому единству и готовить средства къ достиженію этой цѣли. «Мы не имѣемъ матеріальной силы, сказалъ одинъ изъ ораторовъ настоящаго собранія; наша работа есть чисто духовная; наши рѣшенія имѣютъ только нравственное значеніе, и какъ образуются изъ нашей дѣятельности результаты — неизвѣстно. Но что союзъ есть, что онъ составляетъ пунктъ тяготѣнія, въ этомъ нѣтъ сомнѣній, а это существенное: мы разрываемъ почву, плоды взойдутъ!»

Въ собраніи нынѣшняго года были приняты слѣдующія опредѣленія, имѣющія общій интересъ: 1) «Нѣмецкій народъ никогда не отказывался отъ своего стремленія къ союзному единству, которое нашло свое юридическое выраженіе въ государственномъ устройствѣ 1849 года; и собраніе считаетъ своею задачею содѣйствовать образованію центральной власти, съ высшею военною властію и исключительнымъ представительствомъ виѣ, и образованію общаго нѣмецкаго парламента со всѣми законодательными атрибутами. Въ этомъ случаѣ національное собраніе надѣется, что каждое германское племя добровольно принесетъ въ жертву свои частныя интересы, и въ-особенности надѣется на Пруссію, которой народъ вручить, вѣроятно, центральную власть, если только Пруссія будетъ дѣйствовать въ пользу гер-

манскаго единства». Предложеніе о гегемоніи Пруссіи вызвало нѣкоторыя возраженія со стороны узтра-монтановъ и австрійскихъ кружковъ, но они остались безъ вліянія; большинство членовъ было въ пользу его. Предложеніе о самыхъ основаніяхъ новаго государственнаго устройства Германіи, къ сожалѣнію, было отклонено, на томъ основаніи, что здѣсь господствуютъ самыя противоположныя воззрѣнія, которыя повлекутъ къ цѣлому ряду безкладныхъ споровъ.

2) Относительно Италіи союзъ опредѣлялъ, что германскія силы не должны быть употребляемы для подавленія итальянской независимости, и что въ случаѣ борьбы Австріи за Венецію, Германія должна сохранить нейтралитетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, союзъ положилъ, что германскія правительства должны заботиться о сохраненіи границъ Германіи и не допускать усиленія Франціи.

3) Затѣмъ было обрѣдѣлено дѣйствовать въ пользу общей амнистіи дѣятелей 1848 года, способствовать къ учрежденію обществъ для упражненія въ военномъ дѣлѣ, и введенію военныхъ упражненій въ элементарную часть образованія юношества. Были еще неизбѣжныя разсужденія о Шлезвигъ-Голштиніи и о Гессенъ-Кассельскомъ герцогствѣ.

Въ концѣ засѣданій президентъ прочелъ адресъ, присланный германскому національному союзу, итальянскимъ національнымъ обществомъ. Въ немъ итальянцы выражаютъ желаніе полнаго успѣха національному союзу и убѣждаютъ членовъ его видѣть въ Италіи не врага, но друга и дѣйствовать общими силами. Такъ какъ по правиламъ германскаго союза запрещены связи германскихъ политическихъ обществъ съ подобными же обществами иностранными, то президентъ прочелъ въ собраніи адресъ и объявилъ, что онъ отвѣчалъ итальянскому обществу отъ своего имени, благодарилъ его за сочувствіе и послалъ ему протоколы нынѣшнихъ засѣданій національнаго союза.

Таковы рѣшенія германскаго національнаго союза. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ состоитъ не столько въ ихъ основательности и глубинѣ, сколько въ ихъ силѣ и вліяніи на политическую жизнь Германіи. Едва ли можно сказать, чтобы съ этой стороны рѣшенія союза пользовались большимъ значеніемъ; и мы не понимаемъ, изъ за чего правительство Виртембергское такъ энергически требовало въ баденскихъ конференціяхъ 17-го Іюня принятія серьезныхъ мѣръ противъ успленія

національної асоціації, а теперь ту же бурю піднімаєть правительство ганноверское.

Партія крайнихъ либераловъ и дѣятелей 1848 года рѣшительно сомнѣвается въ сколько нибудь серіозномъ значеніи національнаго союза и его опредѣленій, и чрезвычайно враждебно относится къ его членамъ, которыхъ называетъ вообще Готаерами. Одинъ изъ лучшихъ представителей этой партіи Валесроде, въ своей статьѣ (*Ueber vaterländische Gessinnungsleiden, Demokr. st.*), говоритъ противъ нихъ очень сильно: «Что такое Готаеры, спрашиваетъ онъ? это не есть общество, потому что они не имѣютъ символа, катехизиса; это не есть и партія, потому что они не имѣютъ принципа, стражи, лозунга. Это есть просто *Philisterium der rettenden That*. Они явились на полѣ битвы для спасенія отечества уже тогда, когда трава выросла надъ могилою мертвыхъ. Ихъ дѣла, — суть простыя желанія (*Gesinnungen*), ихъ желанія — простыя слова, слова и слова; правда, слова хорошія, возвышенныя, и могли бы попасть въ любимую хрестоматію или въ *livre des orateurs*. Всѣ Готаеры люди глубоко конституціонныя, уважають право и законъ, ненавидятъ безразсудную рѣшительность, политическія волненія и страсти, которыя ведутъ къ революціи; прежде всякаго шага они хотять спросить авгуровъ: куда идутъ облака, откуда полетъ птицы? Только въ крайнихъ случаяхъ они приходятъ въ негодованіе, и тогда какъ грозно и громко звучатъ у нихъ слова: законъ, отечество, Германія, измѣна! Какъ досталось отъ нихъ не давно ганноверскому министру Борріесу! «Но позвольте гг. Готаеры; къ чему такіе горячіе нападки на демократовъ и либераловъ? Не мѣшаетъ вамъ вспомнить, что все ваше нынѣшнее государственно-гражданское положеніе, вашъ *hohe Haus*, въ которомъ вамъ такъ удобно, ваши конституціонныя звучныя фразы, трибуны, даже ваши *Gesinnungen* куплены кровію бойцевъ баррикадъ. Вы наслѣдники тѣхъ, которые спятъ въ мирныхъ рошахъ (подлѣ Берлина есть роща *Friedrichshain*, гдѣ погребены убитыя въ мартовскіе дни 1848 года, и куда публика не допускается)! И почему вы, гг. Готаеры, кричите такъ громко теперь, и такъ ловко молчали прежде? Гдѣ вы были съ вашею любовію къ конституціонному порядку тогда, когда представители народа были насильственно прогнаны изъ франкфуртнаго парламента (а многіе изъ васъ были его членами); гдѣ вы были тогда, когда въ 1852 году 2-го Юля заключался постыдный трактатъ съ Данією; гдѣ вы были, когда слышали про борьбу и страданія Куръ-Гессенцевъ? И на-

конецъ, сказали ли вы, во всѣхъ вашихъ пылкихъ рѣчахъ, хоть одно горячее слово въ пользу изгнанниковъ 1848 года, вашихъ бывшихъ товарищей, и ваши уста произнесли ли хоть разъ: амнистія! И отчего же вы теперь такъ кричите, такъ разгнѣвались на г. Борріеса, посылаете смѣлые филиппики, адреса, протесты, ноты? Ужъ не потому ли, что теперь вѣтеръ потянулъ въ другую сторону: небо стало синее, солнце снова пригрѣло, воздухъ снова мягокъ и тихъ. Теперь безъ опасности для груди и легкихъ (отъ ноябрьскаго воздуха, помните!), вы можете снова свободно дышать и громко говорить!»

Приведенныя строки мы считаемъ очень рѣзкими и рѣшительными; но не можемъ не сказать, что въ положеніи Готаероу и національнаго союза есть много фантастическаго, ложнаго. Начать съ того, что главный пунктъ этого союза есть великое герцогство кобургъ-саксен-готское, самое незначительное изъ владѣній германскаго союза. Оно имѣетъ двѣ резиденціи, Кобургъ и Готу, маленькіе городки, съ десятью и пятнадцатью тысячами жителей, среди тюрингенскихъ горъ и лѣсовъ; и въ нихъ-то центръ движенія германцевъ къ политическому единству? Не странно ли подобное явленіе? неужели такая важная задача не могла найти себѣ поприща болѣе широкаго, гдѣ дѣйствительно былъ бы пунктъ общественной и торговой жизни Германіи, напримѣръ, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, Кельнѣ, Майнцѣ, Лейпцигѣ (не говоримъ — въ Берлинѣ или Дрезденѣ). И неужели скромная Гота, какъ называютъ ее сами Нѣмцы «*verschidenes Gotha*», можетъ вести твердо такое дѣло, передъ которымъ останавливалась не одна смѣлая рука? Есть что-то болѣзненное, призрачное, безнадежное въ подобномъ соединеніи слабыхъ силъ и великихъ цѣлей!

Да и какъ шатки и незначительны самыя рѣшенія союза. Спрашиваемъ, почему союзъ отказался отъ разрѣшенія вопроса о самомъ государственномъ устройствѣ Германіи? потому что здѣсь существуютъ радикальныя противорѣчія, потому что это трудно. Но что и должно было побудить союзъ, желающій стоять во главѣ движенія, взяться за вопросъ? Неужели Готаеры думали сказать что нибудь новое, объявивъ, что Германія всегда стремилась и стремится къ единству? Это всѣ знали прежде, знаютъ и теперь. Все дѣло состоитъ въ томъ, какъ достигнуть этого единства, въ какихъ формахъ осуществить его. И потомъ, неужели въ этомъ случаѣ можно имѣть серьезныя надежды на

Пруссію? Пруссія, конечно, не прочь отъ единства Германіи, въ особенности если ей отдадутъ центральную власть; но она знаетъ, что здѣсь есть препятствія, которыя можно уничтожить только силою, открытымъ разрывомъ, а гогенцолернская династія, съ своимъ девизомъ *visum sine qua*, никогда не рѣшится на подобный шагъ.

И наконецъ къ чему эти милитарныя упражненія? они какъ-то мало идутъ къ мирной, трудолюбивой личности добродушныхъ Нѣмцевъ.

IV. Перейдемъ, наконецъ, къ *народно-хозяйственному конгрессу* (Volkswirtschaftlicher Congress), заключившему собою нынѣшняго года сѣзды германскихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Конгрессъ собрался въ городѣ Кельнѣ, какъ говорятъ сами Нѣмцы (stolzer Köln), имѣлъ четыре полныхъ засѣданія, которыя начались 10-го и окончились 14-го Сентября. Этотъ конгрессъ собирается уже третій годъ (первое собраніе было въ Готѣ, второе — въ Франкфуртѣ на Майнѣ); при немъ же существуетъ постоянная депутація, которая въ продолженіе года подготавливаетъ вопросы, по нѣкоторымъ изъ нихъ даже составляетъ брошюры, и вообще устанавливаетъ программу засѣданій.

Кельнское собраніе представляло явленіе чрезвычайно утѣшительное: отъ него вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, полнымъ силой и богатыхъ надеждъ. Здѣсь не было ни узкихъ сословныхъ интересовъ, ни эгоистическихъ взглядовъ торговцевъ и ремесленниковъ, ни бюрократическихъ стремленій юристовъ, ни сладкихъ, но шаткихъ грезъ молодыхъ и старыхъ патріотовъ. Собранныя члены (ихъ было болѣе 150) были люди самой современной науки, самой дѣятельной и разумной жизни; и явились не для заявленія своихъ личностей, но ради общихъ стремленій, которыми многіе изъ нихъ преданы всею душою и доказали это на дѣлѣ. Болѣе другихъ обратили на себя вниманіе Шульце-Делигъ и Летте.

Засѣданія начались рѣчью президента конгресса, въ которой прекрасно былъ объясненъ характеръ конгресса и значеніе его въ хозяйственной жизни Германіи. «Въ настоящее время во всей Германіи мы замѣчаемъ живое, хозяйственное движеніе, которое имѣетъ то преимущество, что исходитъ изъ просвѣщенной дѣятельности независимаго, самостоятельнаго класса людей; и выбираетъ своимъ средствомъ просвѣщеніе массъ и мирное вліяніе на общественное мнѣніе и законодательство. Многіе отдѣльные

классы и города въ послѣдніе годы имѣли свои частныя собранія: сельскіе, лѣсовые, хозяева, инженеры, техники, промышленники, купцы; были сѣзды въ Берлинѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и т. д. Во главѣ этого движенія и этихъ собраній стоимъ, надѣюсь, мы; и нашъ конгрессъ имѣетъ своею задачею служить пунктомъ соединенія всѣхъ отдѣльныхъ, частныхъ стремленій, быть органомъ общихъ хозяйственныхъ интересовъ всей Германіи. Въ такомъ направленіи мы дѣйствовали прежде, такъ будемъ дѣйствовать и теперь!»

Доклады отдѣльныхъ комиссій и разсужденія конгресса казались главнымъ образомъ хозяйственныхъ интересовъ одной Германіи, и отличались глубоко-спеціальнымъ характеромъ, а потому многія изъ нихъ мы опустимъ и укажемъ только на рѣшенія, имѣющія общій интересъ.

Изъ нихъ, по поводу вопроса о правѣ перехода промышленниковъ, ремесленниковъ и работниковъ (*Freigügigkeit*), конгрессъ призналъ безусловную свободу cadaго жить и основывать свои ремесла и занятія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ найдетъ для себя выгоднымъ. О дѣлимости поземельной собственности, конгрессъ опредѣлилъ, что право свободнаго дѣленія есть существенное условіе для улучшенія земледѣлія и народнаго благосостоянія, и что ограниченія вредны для хозяйственнаго развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, конгрессъ прибавилъ, что добровольное соединеніе небольшихъ поземельныхъ владѣній есть явленіе весьма полезное и выгодное. По поводу торговаго трактата между Пруссіею и Франціею, о которомъ идутъ теперь дипломатическіе переговоры, конгрессъ опредѣлилъ, что достоинство трактата будетъ зависѣть отъ степени, въ какой онъ облегчитъ международныя сношенія, соединитъ мирные интересы народовъ, и что выгоднѣе всего, чтобы облегченіе торговыхъ международныхъ сношеній составило общес направленіе таможеннаго законодательства и относилось бы къ всѣмъ пародамъ земли, а не къ одной націи.

Особенно интересенъ былъ докладъ Шульце-Делига о значеніи ремесленныхъ и земледѣльческихъ ассоціацій, о необходимости ихъ распространенія, и вмѣстѣ проектъ закона объ облегченіи условій, требуемыхъ для легитимации ассоціацій. Конгрессъ выразилъ чрезвычайное сочувствіе Шульце-Делигу, какъ основателю и распространителю ремесленныхъ ассоціацій въ Германіи, и призналъ самую настоятельную необходимость въ принятіи за-

конодательствомъ представленнаго проекта. По поводу этого доклада профессоръ Губеръ сообщилъ очень интересныя свѣдѣнія объ ассоціаціяхъ въ Англіи и Франціи, собранныя имъ во время своего пребыванія въ этихъ странахъ. Въ Англіи въ 1843 году составилаь ассоціація изъ двадцати бѣдныхъ ткачей, и въ 1844 году весь ея капиталъ состоялъ изъ двадцати восьми фунтовъ стерл. Въ 1859 году число членовъ этой ассоціаціи простиралось до 3,000 челов., рабочій капиталъ — 35,000 фунт. стерл., оборотный капиталъ — 160,000 фунт. стерл., и доходъ — 14,000 фунт. стерл. Во Франціи составилаь ассоціація изъ капиталистовъ и работниковъ — плотниковъ; участники — работники (*associés travailleurs*) должны были откладывать въ фондъ ассоціаціи небольшую часть своей задѣльной платы; участники — капиталисты же составили оборотный капиталъ. Втеченіе года, за вычетомъ резервнаго капитала, выигрышь для работниковъ состоялъ изъ 60%, для капиталистовъ 40%; вся годовая сумма участія работника простиралась отъ 500 до 600 фр. Остальные вопросы, о которыхъ разсуждалъ конгрессъ, были часто частныя и мѣстные: такъ объ улучшеніи германскаго таможеннаго тарифа, объ уменьшеніи пошлины на желѣзо и мѣха, о единствѣ въ Германіи монеты, о курсахъ сельскаго хозяйства въ германскихъ университетахъ, о транзитной пошлинѣ на берлино-гамбургской желѣзной дорогѣ, и наконецъ, о необходимости распространить и облегчить образованіе въ Германіи ипотекарныхъ учреждений. По поводу этого послѣдняго вопроса назначена особая коммиссія, которая должна обработать его и приготовить объ немъ докладъ къ собранію конгресса въ слѣдующемъ году.

Говоря о народно-хозяйственномъ кѡлнскомъ конгрессѣ, мы не можемъ не упомянуть въ заключеніе объ одномъ интересномъ случаѣ, который былъ въ первое засѣданіе. Нѣкто Морицъ Виггеръ изъ Ростома представилъ въ прошлогоднее собраніе конгресса докладъ о хозяйственномъ положеніи Мекленбурга; официальные мекленбургскія газеты упрекали его за ложное представленіе дѣла, а мекленбургское правительство просто-на-просто отказало ему въ позволеніи отправиться въ нынѣшній кѡлнскій конгрессъ. Не смотря на запрещеніе, онъ явился, объявилъ въ первомъ же засѣданіи о своемъ контробандномъ положеніи, сказавъ, что въ Мекленбургѣ ничто не измѣнилось къ лучшему и прибавилъ къ прошлогоднему докладу слѣдующія новыя данныя: отъ 1808 до 1817 года въ Мекленбургѣ отношеніе незаконно-

рожденныхъ къ законнымъ дѣтямъ было 1: 12; отъ 1818. года до 1827 — 1: 9; отъ 1828 года — 1837 — 1: 7¹/₁₀; отъ 1838 — 1847 года — 1: 5⁷/₁₀; отъ 1848 — 1857 года 1: 14²/₁₀; въ 1858 году — 1: 3³/₁₀; въ 1859 году 1: 2¹/₁₀.

Рѣшенія народно-хозяйственнаго конгресса и дѣятельность постоянной депутаціи его, встрѣтили самое полное сочувствіе и въ образованныхъ германскихъ кругахъ, и въ германской журналистикѣ: и безъ всякаго сомнѣнія они будутъ имѣть вліяніе на законодательныя опредѣленія хозяйственныхъ отношеній въ Германіи.

Занимаясь очень серьезнымъ дѣломъ и занимаясь чрезвычайно усердно, кѣльскій конгрессъ сумѣлъ примирить дѣятельность мысли и потребность въ развлеченіи, и блистательнымъ образомъ опровергъ основательность мнѣнія газеты Publicist, высказаннаго ею по поводу ликованій берлинскаго Juristentag.

Еще наканунѣ засѣданій всѣ собравшіеся члены ѣздили вечеромъ въ Siebenbirde и провели его очень весело въ прекрасномъ Casino; потомъ послѣ перваго засѣданія ѣздили въ Rolandseck, небольшую деревню, немного ниже Бонны; это одно изъ лучшихъ мѣстъ на берегахъ Рейна. Здѣсь, въ виду самой прекрасной и живописной природы, въ виду Рейна, «всегда милого сердцу германца,» члены конгресса предлагали тосты за успѣхи современныхъ движеній и собственной дѣятельности, и наконецъ, одушевленные разговоромъ и виномъ, перенеслись къ воспоминаніямъ о бывшихъ, хотя и недавнихъ, годахъ Германіи, о ея теперешнемъ положеніи и политическихъ надеждахъ, и при всеобщемъ одобреніи было прочтено стихотвореніе къ Рейну. Оно было воинственнаго духа, не совсѣмъ подходившаго къ мирнымъ цѣлямъ конгресса, но тѣмъ не менѣе встрѣтило горячее сочувствіе, особенно тѣ строки его, въ которыхъ авторъ грозилъ французамъ:

Hört, was mein Lied vom Rheine singt,
Der Rhein bleibt deutsch, das wandelt nicht,
Nun, Franzmann, komm und singe mir
Was vom *französ'schen Rheine* für,
Und wisse, das der Lüge Wort
Dem Schelme selbst die Kchle dorr't!

Р. Н.

Берлинъ, 20 сентября 1860 г.

Отд. II.

7

Историческіе труды Кассаньяна по поводу его новой книги.

Ни одна историческая эпоха Франціи не изслѣдована съ такимъ вниманіемъ, какъ эпоха огромнаго переворота, совершившагося въ исходѣ прошлаго столѣтія; груды книгъ написаны о французской революціи, безчисленные мемуары сохранили мельчайшія подробности современной жизни, и не смотря на это литературное богатство, на свѣжесть традицій, истерія далеко не вполне выяснила многія стороны этой эпохи и не произнесла еще окончательнаго приговора о нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ ея дѣятелей. Духъ партій и различныя соціальныя вѣрованія мѣшаютъ французскому историку взглянуть на дѣло прямо, безъ увлеченія въ ту или другую сторону, и потому въ этой необъятной массѣ монографій—одни и тѣ же факты являются въ совершенно противоположномъ свѣтѣ, одни и тѣ же люди тутъ возведены на пьедесталъ, тамъ затоптаны въ грязь. Цѣлый рядъ писателей благоговѣнно преклоняется предъ фанатизмомъ идеи, во имя которой разыгралась кровавая трагедія террора, и въ развитіи плановъ и довольно темныхъ системъ, бывшихъ послѣднимъ словомъ большой революціи, заходятъ гораздо дальше, чѣмъ сами творцы ихъ. Рядомъ съ живыми, осмысленнымъ взглядомъ на вещи какое-то наивное, театральное увлеченіе величіемъ событій и людей, выкинутыхъ наверхъ революціей и вырастающихъ подъ ихъ перомъ въ небывалыхъ героевъ гражданской доблести. Другіе, кажется, только и хлопочутъ изъ за того, чтобы уронить въ общественномъ мнѣніи все, что только способствовало выходу Франціи изъ безобразнаго феодализма.

Какъ при томъ, такъ и при другомъ направленіи, истина мало выигрываетъ, и этимъ объясняется отчасти какимъ образомъ могли явиться въ наше время опозтизированные жирондисты Ламартина и нѣчто въ родѣ слѣдственнаго дѣла о нихъ, составленнаго Кассаньякомъ и предлагаемаго суду читателей.

Кассаньякъ давно уже извѣстенъ своими запоздалыми воззрѣніями. Для него развязка неестественнаго порядка, тяготившаго цѣлыя вѣка надъ его отечествомъ, не болѣе какъ случайное явленіе, подготовленное толпою безпокойныхъ людей, искавшихъ господства, и онъ съ одинаковою ненавистью смотритъ на умѣреннаго реакціонера восьмьдесятъдевятаго года и на по-

дозрительнаго фанатика времени террора, и чуть чуть не бросает той же грязью въ Балли, которою марааетъ какого нибудь Фукье-Тенвиля. Сила обстоятельствъ, бросающихъ свѣтъ на событія и на людей, имѣютъ по видимому для него весьма мало значенія, и при изолированныхъ фактахъ, собранныхъ какъ обвинительные пункты, его послѣдняя книга представляетъ рядъ недодѣланныхъ, уродливыхъ портретовъ, мрачную картину честолюбивыхъ замысловъ, движущихся страстями. Заслонивъ себя ложными возрѣніями отъ пониманія глубокаго смысла этой драмы, онъ не видитъ исторической необходимости и знать не хочетъ, что близорукіе принципы и притязанія его партіи, были первоначальнымъ, главнымъ источникомъ даже тѣхъ событій, которыя составляютъ дѣйствительно черныя страницы въ исторіи революціи. Но жирондисты не участвовали въ этихъ событіяхъ; вся вина ихъ въ томъ, что они не были достаточно сильны, чтобъ остановить ихъ, въ чемъ можно именно убѣдиться, прочтя два полновѣсные тома послѣдней книги Кассаньяка. Недовольный иллюзіями Ламартина, авторъ поставилъ себѣ задачей — раскрыть истину со всею строгостію безпристрастнаго историка, но увлекаемый враждебнымъ духомъ партіи, впалъ въ другую крайность; вамъ такъ и кажется, что онъ для того только рылся въ архивахъ полиціи и ратуши, отыскивая новые документы, чтобы на основаніи ихъ составить обвинительный актъ противъ жирондистовъ. Кассаньяку нужно, во что бы то ни стало, увѣрить читателя въ совершенномъ ничтожествѣ этихъ людей, и вотъ онъ заглядываетъ въ ихъ частную жизнь, выискиваетъ неосторожное слово, отдѣльный случай и на нихъ строитъ цѣлую характеристику. Вотъ образчики его сужденій въ этомъ родѣ.

М-те Роланъ, говоря въ своихъ мемуарахъ о своей ранней склонности къ чтенію и къ умственнымъ занятіямъ, откровенно признается, что ей не доставляло большаго удовольствія ходить съ матерью каждое утро на рынокъ за салатомъ или приготовить на кухнѣ яичницу. Дѣло кажется очень простое: дѣвушка любила болѣе книги, чѣмъ костюли; но г. Кассаньякъ пускается поэтому случаю въ такія глубокомысленныя разсужденія: «Вотъ въ нѣсколькихъ строкахъ вся душа М-те Роланъ. Ей ненавистно ея положеніе; она чувствуетъ, что не можетъ поправить своего происхожденія и съ беспорядочнымъ энтузіазмомъ, набрасывается на науку.... Смотрите съ какой аффектаціей она ставитъ литературную славу рядомъ съ хозяйственными мелочами, которые ее унижаютъ и компрометируютъ! Ей случалось иногда

покупать салатъ, но она въ то же время читала серьезныя книги; она снимала пѣну съ горшка, дѣлала яичницу, и объясняла круги небесной сферы; и если въ послѣдствіи, сдѣлавшись главою политической партіи и женою министра, она еще признается, что умѣетъ сварить супъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ всѣхъ увѣрить, что въ ея наружности не было ничего похожаго на кухарку.... И между-тѣмъ, для дочери ремесленника, живущаго трудами рукъ своихъ, пѣтъ ничего естественнѣе скромныхъ, но необходимыхъ занятій по хозяйству; что сдѣлалось бы съ страной, въ которой бы всѣ молодыя дѣвушки занимались алгеброй, метафизикой, геологіей и проводили время въ чтеніи Кларке, Св. Августина, Монтеスキе и Борламаки.» Мы можемъ на это замѣтить только, что страна бы значительно поумнѣла и не была бы лишена обѣда, еслибъ прекрасный полъ удѣлялъ при этомъ часть времени на хозяйственные хлопоты, но что такую замѣчательную дѣвушку, изъ которой можетъ выйти М-ме Роланъ, рѣшительно не нужно посылать на кухню.

Въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ, М-ме Роланъ говоритъ, что ея бракъ былъ основанъ единственно на уваженіи къ человѣку, съ которымъ она соединила свою судьбу, что о страсти, которой можно было ожидать отъ такой впечатлительной женщины, тутъ не было и помину. Для Кассаньяка этого довольно — и онъ на нѣсколькихъ страницахъ розыскиваетъ -- кто бы могъ быть ея любовникомъ, перебираетъ разныхъ лицъ, появившихся въ салонѣ М-ме Роланъ, и не придя ни къ какому открытію, оставляетъ ее въ сильномъ подозрѣніи.

Бриссо имѣлъ несчастье въ своей *Bibliothèque philosophique* написать такого рода фразу: «Антропофаги, не руководимые никакими общественными установленіями, слѣдуютъ только внушенію природы;» конечно, — Бриссо защищаетъ людоедство.

Кассаньякъ, кажется, готовъ обвинить Кондорсе за то, что тотъ занимался алгеброй и геометрией; по-крайней-мѣрѣ, онъ прямо ставитъ ему въ вину, что онъ внесъ алгебраическія формулы въ область политики.

Послѣ этого можно судить, къ какимъ незлымъ выводамъ приходитъ бюрократъ-историкъ, кажется, потерявшій всякій историческій смыслъ среди архивной пыли и канцелярскаго хлама. Мы извинили бы ему отсутствіе провинцательнаго взгляда, но мы не можемъ простить ему пристрастія, съ которымъ разо-

брана общественная дѣятельность жирондистовъ; вы не видите въ пей никакого руководящаго принципа, никакой разумной цѣли; вся она вертится на безотчетномъ стремленіи къ господству, для достиженія котораго не разбираются средства, не щадятся люди. Опозитивированные жирондисты становятся мноомъ; это — ничтожные агитаторы, которые не умѣли ни жить, ни умереть достойнымъ образомъ. Авторъ совершенно отказываетъ имъ въ человѣческомъ достоинствѣ, потому-что иѣкоторые изъ нихъ, въ своихъ показаніяхъ передъ трибуналомъ, позволяли себѣ невинныя хитрости, въ надеждѣ ускользнуть изъ когтей торжествовавшихъ монтаньеровъ.

Зато историкъ не отказываетъ ни въ одной гражданской доблести противной партіи. По мнѣнію его одни роялисты умѣли умирать съ достоинствомъ.

Примѣры хладнокровія, съ которымъ они встрѣчали смерть во время революціи, рассказываются обыкновенно со всеѣми подробностями писателями ихъ партіи. Кому неизвѣстна знаменитая фраза Кюстина, которую онъ, идя на эшафотъ, бросилъ толпѣ, кричавшей — «на гильотину его» — *On y va, canaille!*; или хладнокровіе какого-то гренадера стариннаго полка д'Артуа, обвиненнаго въ попыткѣ эмигрировать, который, получивъ обвинительный актъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ закурилъ имъ трубку; на другой день, во время страшнаго допроса, этотъ гренадеръ охотно признавалъ все обвиненія, которыя ввоздилъ на него, и положительно запретилъ оффиціальному адвокату зацпщать себя.

Пренебреженіе смерти доходило иногда до дерзости. Въ *st. Relagie* находилась въ числѣ заключенныхъ Шуазель Станвиль, принцесса Монако, двадцатипятилѣтняя женщина, осужденная съ пятьюдесятью другими жертвами, въ числѣ которыхъ были актрисы, служанки и католическіе попы. Принцесса объявила себя беременною и была переведена въ Консьержери. Отсюда она написала слѣдующія строка публичному обвинителю, Фукуе Тенвилю.

«Гражданинъ Фукуе Тенвиль очень обязатъ бы меня, еслибъ пришелъ сюда и удѣлилъ мнѣ минуту для аудіенціи. Я настоятельно прошу его неотказать мнѣ въ этомъ.»

Но публичный обвинитель не приходилъ и принцесса снова написала ему:

«Предупреждаю васъ, гражданинъ, что я вовсе небеременна. Я только и просила васъ придти, чтобъ объявить вамъ объ»

этомъ. Я позволила себѣ эту ложь не изъ страха смерти, не для того, чтобы избѣгнуть ея, но мнѣ нужно было прожить днемъ больше, чтобы имѣть время обрѣзать мои волосы и не допустить до нихъ руки палача. Они — единственное наслѣдство, которое я оставляю моимъ дѣтямъ; пусть оно будетъ покрайней мѣрѣ не осквернено.»

Принцесса Монако была въ тотъ же день казнена. Безъ этой выходки она была бы спасена, какъ Г-жа де-Молье, допросъ которой былъ отложенъ, послучая сдѣлавшагося съ нею обморока, до 10-го термидора; но 10-го термидора не существовало уже ни революціоннаго трибунала, ни террора.

Вообще это было время классическаго равнодушія къ жизни, и никогда беззаботность французскаго характера не проявлялась такъ рѣзко, какъ въ грозные дни террора. Инструментъ доктора Гильотена, вполне оправдавшій рекомендацію своего изобрѣтателя, который увѣрялъ представителей національнаго собранія что съ помощью его машины — онъ въ одинъ мигъ снесетъ съ плечъ ихъ головы,—былъ забавою Парижанъ. Въ нѣкоторыхъ салонахъ, къ концу ужина, являлась на столъ маленькая гильотина и хозяйка дома собственноручно казнила куколку, изображавшую Робеспьера или Лафайета, смотря по политическимъ антипатіямъ общества: изъ обезглавленной куклы выходила красная душистая жидкость и дамы обмакивали въ нее платки.

По поводу гильотины ходила тѣмъ забавныхъ остротъ, разсказовъ, сочинено множество куплетовъ, которые пѣлись, на примѣръ, на голосъ арій «пятнадцатилѣтній влюбленный» и забавляли беззаботныхъ французовъ. Вотъ одинъ изъ этихъ куплетовъ, пародировавшій рѣчь доктора Гильотена, предлагавшаго въ восемьдесятъ девятомъ году ввести въ употребленіе изобрѣтенную имъ машину.

C'est un coup que l'on reçoit
 Avant qu'on s'en doute,
 A peine on s'en aperçoit,
 Car on n'y voit goutte,
 Un certain ressort caché,
 Tout à coup étant lâché,
 Fait tomber, ber, ber,
 Fait sauter, ter, ter,
 Fait tomber,

Fait sauter,
Fait voler la tête,
C'est bien plus honnête.

Но чтобы имѣть полное понятіе о неподражаемомъ характерѣ Парижанъ въ эту эпоху и убѣдиться, что гильотина была для нихъ не богѣе, какъ «une chiouenaude sur le cou», по выраженію епископа Ламурета, надо заглянуть въ парижскіе тюрьмы того времени.

Революціонные трибуналы, въ своемъ безпримѣрномъ усердіи къ охраненію свободы, до такой степени переполнили наконецъ тюрьмы, что ихъ оказалось вскорѣ недостаточно. Это было время, когда человѣкъ подвергался преслѣдованію за то, что изъявлялъ сожалѣніе о судьбѣ народа, оставался равнодушнымъ къ новому порядку вещей или не сочувствовалъ общему дѣлу свободы. Во время террора, когда число заключенныхъ простиралось обыкновенно въ одномъ Парижѣ, отъ трехъ до пяти тысячъ, многія зданія, какъ напримѣръ, монастыри, дворцы, были обращаемы въ тюрьмы; кромѣ того, часто приходилось, за недостаткомъ помѣщенія, занимать частные дома для политическихъ преступниковъ, причемъ издержки по найму относились на ихъ же счетъ; маркизъ Таларю, главный метръ-д'отель королевы, платилъ за маленькую камбату, которую ему отвели въ его великолѣпномъ отелѣ, восемнадцать ливровъ въ сутки. Тогда вообще всѣ издержки по содержанію падали на заключенныхъ, въ особенности богатыхъ: на ихъ же деньги содержали тюремную стражу и собакъ, которые выпускались по ночамъ на тюремные дворы для предупрежденія побѣга; въ *Port-Libre*, за одну изъ такихъ собакъ съ нихъ брали двѣсти франковъ. Въ Консержерии, собака по имени Ravage, охранявшая большой дворъ, приобрѣла историческую извѣстность по слѣдующему случаю. Заключенные, думавшіе бѣжать, никогда не могли обмануть бдительность Ravage, отличавшагося безпримѣрною яростью: но одинъ разъ какъ-то собака оплошала и нѣсколько человѣкъ ускользнуло ночью изъ тюрьмы. Утромъ у ней нашли на хвостѣ ассигнацію съ билетикомъ, на которомъ было написано: «съ помощію ассигнаціи во сто су можно подкупить (corrompre) даже Раважа *).»

*) Въ этой выходкѣ была насмѣшка насчетъ республиканцевъ, у которыхъ слово *incorruptibilité* было въ большомъ ходу; Робеспьера иначе не называли какъ *incorruptible*.

Въ первое время террора, когда въ тюрьмахъ почувствовалась внезапная тѣснота, заключеннымъ пришлось очень плохо; политическія преступники жили вмѣстѣ съ уголовными и принуждены были спать на соломѣ. Но вскорѣ ихъ отдѣлили отъ воровъ и убійцъ, позволили обставиться нѣкоторымъ комфортомъ на собственныя деньги, перевозить изъ ихъ домовъ все что было нужно, и тамъ гдѣ содержались зажиточные люди — тюрьма утрачивала свой мрачный видъ. Умники обѣдали также хорошо, какъ въ своихъ отеляхъ, принимали родственниковъ и знакомыхъ, но потомъ, однакожъ, по случаю огромнаго стеченія посѣтителей, имъ запрещены были эти свиданія и дозволено ограничиться письменными сношеніями съ посторонними лицами.

Одна старинная гравюра сохранила видъ тюрьмы *Madelonnettes*, двухъ-этажнаго, мрачнаго зданія, съ его мавсардами и желѣзными рѣшетками. На крышѣ видна небольшая террора съ маленькою караульней, надъ которою возвышается игла громоотвода съ торчащею на ней республиканскою красною шапкой; по террасѣ расхаживаетъ часовоі. Дворъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ стѣнами тюрьмы, наполненъ заключенными; одни изъ нихъ въ поношенныхъ платьяхъ, стоятъ прислонившись къ стѣнѣ, другіе упражняются въ бѣганьи; между ними расхаживаютъ въ карманьболахъ и красныхъ шапкахъ тюремщики; огромныя собаки тамъ и сямъ лежатъ на землѣ или лаютъ на курицахъ.

Въ этомъ то непривѣтливомъ зданіи и въ покояхъ Люксембургскаго дворца доживали свой вѣкъ остатки с. жерменскаго предмѣстья, въ лицѣ разныхъ виконтовъ, маркизовъ, бароновъ, а вмѣстѣ съ ними правы стараго французскаго общества. Близость смерти не могла заставить ихъ позабыть сословныя неравенства и они жили замкнуто въ своемъ кругу, несближаясь съ другими заключенными. Время отъ времени приходила вѣсть о неудачѣ Австрійцевъ, объ отраженіи Прусаковъ, и они съ досадою уединялись въ свои отдѣленія, чтобъ не видѣть, какъ остальное населеніе тюрьмы шумно торжествовало, вмѣстѣ съ цѣлою Франціей, побѣду національной арміи. Феодалы въ тюрьмѣ — оставались вѣрны себѣ, попрежнему расшаркивались другъ передъ другомъ, расточали любезности и учтивости и иначе не величали другъ друга, какъ изгнанными изъ употребленія титулами графовъ и маркизовъ. Непріютныя комнаты обращены въ салоны, въ которыхъ собираются точно также, какъ въ былое время собирались въ великолѣпныхъ отеляхъ с. жерменскаго

квартира. Не забыты приемы, визиты; сегодня принимают у *M-sieur le marquis*, завтра у *M-me la duchesse*, и если *M-me la duchesse*, чувствует себя нездоровою, то никто не преминет занести ей карточку. Соблюдение этикета было доведено до того, что бывший полицеймейстеръ, въ напудренномъ парикѣ и со шляпою подъ мышкой, постоянно являлся какъ бы съ оффиціальнымъ визитомъ къ бывшему министрамъ и совѣтникамъ парламента, раздѣлявшимъ вмѣстѣ съ нимъ заключеніе; и тѣ, съ своей стороны, платили ему тѣмъ же.

Роялистъ гордо выслушивалъ смертный приговоръ, и когда его вели переодѣваться, чтобы передать потомъ на руки Сансона, онъ никогда не забывалъ проститься съ заключенными, какъ того требовала вѣжливость. «*Ma foi, mes amis, je m'en vais*», сказалъ имъ генералъ Биронъ, идя приготовиться къ смерти и раскланиваясь совершенно также, какъ это дѣлаютъ каждый день, прощаясь съ обществомъ.

И рядомъ съ этими послѣдними представителями стараго режима — истрый мѣръ людей, увлеченныхъ потокомъ революціи и гибнувшихъ въ анархическомъ броженіи новаго порядка, рядомъ съ изысканными манерами и гордыми приемами аристократа — шумныя пѣсни, оглашавшія по ночамъ окрестности тюремъ, и лхорадочная веселость республиканцевъ. Это мрачное время обнаружило въ полной мѣрѣ оригинальный, беззаботный характеръ французовъ, которые на канунѣ смерти готовы забыть обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ удовольствій. Одинаковая судьба сблизала заключенныхъ; они составляли маленькія общества, въ которыхъ каждый принималъ на себя поочередно хозяйственные хлопоты, все соединяли свои капиталы для издержекъ на содержаніе, богатый помогалъ бѣдному, и въ тюрьмахъ, по замѣчанію Тьера, осуществилось то равенство, о которомъ такъ горячо и такъ напрасно хлопотали тогдашніе реформаторы. Въ общихъ залахъ, многочисленное тюремное населеніе размѣщалось отдѣльными группами въ разныхъ углахъ, замѣнявшихъ ему салоны, и тутъ начинался веселый говоръ; иногда звуки прекрасной музыки оглашали тюремные своды. Жизнь здѣсь была также полна, какъ и за стѣнами тюрьмы. Въ *Port-Libre*, гдѣ было заперто много актеровъ и поэтовъ, у нихъ былъ свой кафе, свои гулянья — на дворѣ; если въ воздухѣ дѣлалось сыро и холодно, общество перебиралось въ салонъ, устроенный въ концѣ корридора, всякій приносилъ свою свѣчу и размѣщался вокругъ

столовъ; женщины вязали или вышивали, мужчины писали или занимались чтеніемъ. Въ концѣ вечера всякій ставилъ на столъ свой кувертъ и начинался ужинъ, за которымъ поэтъ Виже угощалъ общество своими одами, или какой нибудь артистъ — музыкой.

Перспектива близкой смерти никого не смущаетъ. Фелиппо, арестованный за благородный протестъ противъ варварствъ въ Вандеѣ, преспокойно читалъ Гельвеція; Фабръ д'Англеантинь больше всего хлопоталъ о своей комедіи, оставшейся въ рукахъ комитета общественнаго спасенія, и безпокоился только о томъ, чтобъ Билло-Варентъ не присвоилъ ее себѣ. Поэты никогда не были такъ дѣятельны, какъ во время своего заключенія; въ тюрьмѣ написаны лучшія оды Андреся Шенье, изъ однихъ эпиграмъ и *bouts-rimés*, явившихся тамъ, можно составить хорошую книгу.

Время отъ времени, въ это пестрое общество, въ которомъ въ виду эшафота возникала теплое дружба, загоралась любовь, — являлась злобѣщая фигура агента революціоннаго трибунала, и десять, пятнадцать человѣкъ оставляли навсегда своихъ товарищей. Отъ этого появленія замрала на время веселость, лица омрачались, но проходило нѣсколько минутъ и все принимало прежній видъ: тутъ танцовали карманюлу, тамъ продолжали прерванную игру въ карты, бросали мячъ или пѣли хоромъ гимнъ свободы, которой завтра, послѣ завтра фанатизмъ утопистовъ приносилъ въ жертву весь этотъ хоръ.

Но сколько затаеннаго отчаянія проглядывало минутами среди этой веселости. Намъ представляется несчастный Камилъ Демулень, который оставляетъ «Ночи Юнга» и изъ тѣсной темницы печально глядитъ на аллеи Люксембургскаго сада, гдѣ началась его трогательная любовь, гдѣ плачетъ его обожаемая жена; актеръ Флери, который въ безсильномъ негодованіи смотритъ, какъ подъ окномъ жандармъ отгоняетъ его четырехлѣтнюю внучку, приходившую каждый день пожелать ему добраго утра. Сколько грустнаго въ этомъ спокойствіи, съ которымъ Руше, поэтъ и другъ Шенье, учитъ въ тюрьмѣ своего сына.

Намъ бы понадобилось написать нѣсколько страницъ, еслибы мы вздумали подтвердить примѣрами, что такъ называемые патристы большею частію оказывали столько же твердости въ послѣднія минуты, какъ и роялисты; но мы думаемъ, кромѣ Кассаньяка и подобныхъ ему писателей, никто не сомнѣвается въ этомъ фактѣ. Возвращаемся къ жироидитамъ.

Предшественникъ Кассаньяка, нѣтъ спору, пожертвовалъ значительной долей исторической истины — поэзи, которая ни подычимъ перомъ не мирится безусловно съ дѣйствительностію; но дѣло-то въ томъ, что Кассаньякъ поправилъ Ламартина очень мало. Открытіе, что жирондисты никогда не сидѣли въ кармской темницѣ и что знаменитаго предсмертнаго банкета, которымъ они заключили свое земное странствованіе, никогда не было — собственно доказываетъ только, что сочинители, этихъ картинъ не всегда были строги въ выборѣ источниковъ, по значеніе жирондистовъ отъ этого нисколько ни измѣняется.

Въ улицѣ Вожираръ находился когда-то монастырь Les Carmes, который во время революціи былъ обращенъ въ тюрьму. Впослѣдствіи зданіе это было не разъ исправляемо и перестраиваемо, отчего оно утратило свой первоначальный видъ, но въ немъ до послѣдняго времени сохранилась небольшая комната, на которую указывали какъ на мѣсто заключенія жирондистовъ; въ этой комнатѣ, оставшейся запертою втеченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, уцѣлѣли даже надписи, которыми были испещрены стѣны на языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Бѣдныя узники утѣшались примѣрами классическаго самоотверженія и философскими размышленіями. Ламартинъ, со всею довърчивостію поэта, положился на традицію и, очутившись въ этой комнатѣ, далъ волю воображенію и, въ силу поэтическаго прозрѣнія, узналъ въ нѣкоторыхъ надписяхъ руку Фоме, Верньо и другихъ, узналъ даже, что Верньо написалъ кровью: «Potius mori quam foedari». Ламартину вѣроятно не совсѣмъ пріятно будетъ узнать, что жирондисты никогда не сидѣли въ Кармской тюрьмѣ, но тѣмъ не менѣе это не подлежитъ сомнѣнію, потому-что г. Кассаньякъ по тюремнымъ регистрамъ опредѣлилъ положительно время ихъ перехода изъ одвой тюрьмы въ другую, до самой смерти.

На счетъ знаменитаго банкета доводы автора не въ такой степени неопровержимы, чтобъ ихъ можно было принять на слово. Прежде всѣхъ заявилъ объ этомъ банкетѣ Тьеръ: на нѣсколькихъ словахъ Тьера Шарль Нодье построилъ цѣлый діалогъ, въ родѣ платоновскихъ, а Ламартинъ нарисовалъ полную картину предсмертнаго шара жирондистовъ со всѣми мельчайшими подробностями; у него записано каждое слово, сказанное на немъ, обозначены самыя позы, выраженіе лицъ. Объ этомъ банкетѣ не существуетъ никакого историческаго документа, не упо-

минается ни въ одномъ изъ безчисленныхъ мемуаровъ и никому дѣйствительно неизвѣстно изъ какихъ источниковъ добыты свѣдѣнія о немъ; но съ другой стороны трудно предположить, чтобъ эпизодъ родился въ головѣ современныхъ историковъ.

Въ то время, какъ Тьеръ писалъ свою революцію, а Шарль Нодье — *Le dernier Banquet des Girondins*, въ Парижѣ жилъ пѣкто Бальель, раздѣлявшій участь жирондистовъ въ Консьержери, отъ котораго, вѣроятно, и получено первоначальное извѣстіе о банкетѣ. Кассаньякъ не раскрываетъ и этого событія вполне; все, что можно видѣть изъ всѣхъ его соображеній, что эпизодъ съ банкетомъ рассказанъ историографами жирондистовъ съ значительными прикрасами; въ его доводахъ и въ самомъ молчаніи современниковъ мы не видимъ еще достаточнаго основанія, чтобъ считать мною этотъ пиръ. Но Кассаньяку хочется во-что-бы то ни стало, чтобъ его не было и онъ, истощивъ всевозможныя доказательства, ссылается на голодъ, отъ котораго бѣдствовалъ въ это время Парижъ, какъ на неизбѣжную помѣху — устроитъ богатый пиръ.

Виродолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ сряду поля Франціи давали обильную жатву, но въ 92-мъ году сборъ былъ повсемѣстно бѣденъ. При другихъ обстоятельствахъ — дѣло обошлось бы, можетъ быть, безъ кризиса, но революція повела за собой и другія бѣдствія, которыя увеличили и распространили голодъ по цѣлой Франціи. Ужасы въ Вандеѣ лишили рынки мяса, а то, которое давали другія провинціи, поглощалось арміей, требовавшей его для прокормленія миліона двухъ сотъ тысячъ чезовѣкъ. Въ то же время Питтъ придумывалъ все средства для повышенія во Франціи цѣнъ на товары, думая этимъ произвести реакцію: и наконецъ, къ довершенію бѣды, нежданный морозъ истребилъ въ одну ночь все овощи. Вслѣдствіе всего этого цѣны на жизненные принасы поднялись до невѣроятной дороговизны.

Мѣшокъ пшеницы стоилъ двѣсти франковъ.

Фунтъ рыбы — восемнадцать франковъ.

За картофель, ввезенный во Францію только въ 1785 году, платилось семьдесятъ франковъ за четверикъ.

Конвентъ думалъ по возможности задержать развитіе голода насильственнымъ установленіемъ равномѣрности въ потребленіи и декретировалъ слѣдующія мѣры:

Каждый гражданинъ обязанъ былъ, втеченіе трехъ дней отъ обнаруженія декрета, явиться въ комитетъ благотворительности (*comité de bienfaisance*) своего квартала и объявить:

Число лицъ, составляющихъ его семейство или домъ, обозначая при этомъ женщинъ и дѣтей.

Количество хлѣба, необходимое для ихъ потребленія.

Имя и жителство булочника, у котораго онъ беретъ хлѣбъ.

Сдѣлавъ сообщеніе о числѣ лицъ, записавшихся на извѣстнаго булочника, и о количествѣ хлѣба, на которое предъявлено требованіе, комитетъ выдавалъ каждому гражданину карту или таблицу, обязывавшую хлѣбника отпускать ежедневно предъявителю условленное количество хлѣба.

Трактирщики, продавцы вина, лимонаду и пр. должны были объявить приблизительно о ежедневномъ потребленіи своихъ пасовъ. На всѣ жизненные предметы былъ установленъ тахітум; и не смотря на то, что стѣны Парижа были облѣплены таксами, торговцы и недумали соблюдать ихъ.

Каждый день, раннимъ утромъ, по улицамъ Парижа тянулись несмѣтные толпы людей, стремившихся, перегоняя другъ друга, занять болѣе выгодную позицію у какойнибудь булочной; тутъ были старики, женщины въ лохмотьяхъ, дѣвочки въ мужскихъ жилетахъ, которымъ приходилось ждать дольше другихъ, отогрѣвая дыханіемъ посинѣвшія руки, потому что взрослые и болѣе сильные занимали обыкновенно лучшія мѣста, при помощи локтей. Аппетитъ заставлялъ забывать Французовъ ихъ обычную учтивость; голодное населеніе давило, толкало другъ друга и тѣснота доходила до того, что у дверей одной булочной была задавлена какая-то старуха. Простоявъ нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ, всѣ эти бѣдняки получали полфунта, иногда четверть фунта, а зачастую двѣ унціи хлѣба на человѣка; въ рѣдкіе, счастливые дни имъ отпускалось три четверти фунта.

«Этихъ двухъ унцій, писалъ нѣкто М-г. Одо къ Кассаньяку, я — двѣнадцати-лѣтній мальчикъ — ждалъ обыкновенно съ четырехъ часовъ утра, стоя позади толпы, въ улицѣ Ancienne Comédie, и получалъ ихъ изъ рукъ Локена, булочника, котораго заведеніе и теперь еще существуетъ».

Для полученія мяса и другой провизіи представлялись тѣ же стѣснительныя формальности, но и при полномъ соблюденіи ихъ Парижанину едва отпускали фунтъ мяса на десять дней. Правительство, опасаясь общаго возстанія, обратилось къ жителямъ съ просьбою отказаться отъ употребленія мяса и предоставить его беременнымъ женщинамъ и больнымъ; былъ даже предложенъ гражданскій постъ. Въ отвѣтъ на эти гуманныя предло-

женія появлялись объявленія во вкусѣ Мара, который находилъ, что разграбленіе нѣсколькихъ магазиновъ скоро положило бы конецъ эгоизму, особенно если при этомъ повѣсить на дверяхъ лавокъ нѣсколькихъ барышниковъ. Подобные совѣты имѣли свое дѣйствіе, и изъ с. антуанскаго предмѣстья было похищено нѣсколько телегъ съ мукой. Голодь, всегдашній источникъ кровавыхъ драмъ, самъ по себѣ способенъ былъ раздражать толпу, а къ нему еще присоединились ковы Англичанъ, убѣждавшихъ народъ, что враги республики — исключительные виновники его бѣдствій. Въ Лиллѣ однажды было перехвачено письмо слѣдующаго содержанія: «Повысьте цѣны на все товары; везите торговцамъ скоплять предметы первой необходимости. Если вы можете убѣдить Кот... скупать свѣчи и сало по какой бы то не было цѣнѣ, то отдавайте ихъ народу по пяти франковъ за фунтъ». Эти реакціонныя мѣры достигали всегдѣ не той цѣли, и еще больше ожесточали народъ противъ Питта и роялистовъ.

Кассаньякъ отыскалъ въ числѣ манускриптовъ, находящихся въ библиотекѣ арсенала — письмо, которое лучше всего характеризуетъ тогдашнее состояніе Парижа. Вотъ оно:

«Любезный батюшка,

«Я съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ вѣстей. Отъ всей души желаю, чтобъ мое письмо не застало васъ въ той же нищетѣ, въ какой находимся мы.

«Фунтъ хлѣба стоитъ восемь франковъ; бобы — шесть франковъ.

«Мы рѣшительно не въ состояніи пробавяться. Очень было бы хорошо, еслибъ вы могли прислать намъ немного муки. «Тетка постоянно проситъ хлѣба; но мы не можемъ покупать его по означенной цѣнѣ. Ей невозможно долго просуществовать».

«Видѣть какъ женщина, такая больная, умираетъ съ голода, — это ужасно грустно».

Какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, народное бѣдствіе вызвало общество на маленькія пожертванія; такъ напримѣръ, актрисы и вообще дамы перестали употреблять пудру, крахмалили свои юбки крахмаломъ, приготовленнымъ изъ ячменной, а не изъ пшеничной муки, но при всемъ томъ госпитали были наполнены больными отъ недостатка пищи и отъ дурнаго

ея свойства, и половина Парижа страдала растройствомъ пищева-
ренія, отъ прихвѣси къ хлѣбу вредныхъ веществъ.

При такихъ обстоятельствахъ хороший обѣдъ или ужинъ съ
тонкими винами долженъ былъ конечно обойтись весьма дорого;
но мы знаемъ, что достаточные роялисты или даже французскія
актрисы, сидѣвшія въ это время въ тюрьмахъ, ужинали чуть
не каждый вечеръ и притомъ очень хорошо; почему же жиронди-
сты не могли устроить банкета хоть одинъ разъ во время ихъ
заключенія? Г. Кассаньякъ самъ же приводитъ современную са-
тиру, изъ которой видно, что за порядочныя деньги можно бы-
ло многое достать въ Парижѣ:

Plus cher qu'au *maximum*, si l'on veut de la viande,
On en trouve partout autant qu'on en demande;

.
Le riche met chez lui chaque jour pot au feu,
Et le pauvre est toujours celui qui perd au jeu.

Для насъ собственно нѣтъ особеннаго интереса въ историче-
ской достовѣрности банкета; онъ не прибавляетъ и не отнимаетъ
ни одной нравственной черты у физиономіи жирондистовъ. При
всемъ томъ Кассаньякъ, но что бы то ни стало, хочетъ настоять
на своемъ мнѣніи. Онъ вообще даетъ безусловную вѣру только
роялистамъ: слова Мольвиля, заподозрѣнные мемуары Дюмурье—
для него неопровержимые источники. Но увлекаясь своими со-
ображеніями о несуществованіи банкета, онъ дѣлаетъ выписку изъ
записокъ Риуффа, раздѣлявшаго съ жирондистами ихъ заключе-
ніе въ Консьержери, который, описывая послѣдніе часы ихъ
жизни, дѣйствительно ничего не упоминаетъ о банкетѣ, но въ
то же время является отъявленнымъ ихъ поклонникомъ. Мы при-
водимъ эти слова Риуффа, которыя показываютъ лучше всего по-
веденіе жирондистовъ передъ смертью и свидѣлствуютъ о вы-
сокомъ мнѣніи, которымъ они пользовались у современниковъ.
Странно, что Кассаньякъ, предпринявшій свой трудъ съ един-
ственною цѣлью разоблачить жирондистовъ, самъ совершенно
вѣритъ этому свидѣтельству.

«Въ ночь на 29-е оятября, въ одиннадцать часовъ, говоритъ
Риуфъ, имъ прочли смертный приговоръ. Они всѣ безъ исклю-
ченія были осуждены на смерть; напрасно надѣялись за Дюко и
Фонфреда, которые, можетъ быть, сами еще питали надежду.

«Условленный между нами сигналъ былъ поданъ, и внезапно раздались патриотическія пѣсни.

«Въ первый разъ еще умерщвляли гуртомъ столько замѣчательныхъ людей. Молодость, красота, добродѣтели, дарованія, все, что только могло быть интереснаго въ людяхъ, все это было уничтожено однимъ ударомъ. Если-бы каннибалы имѣли представителей, они не рѣшились бы на подобное злодѣяніе».

«Мы были въ такомъ восторженномъ состояніи отъ ихъ храбрости, что почувствовали ударъ спустя долгое время послѣ того, какъ онъ былъ нанесенъ.

«Съ торжествующимъ духомъ спѣшили мы удостовѣриться, какъ прекрасная смерть окончить эти прекрасныя жизни, и были полны желанія, чтобъ они выполнили достойнымъ образомъ послѣдній подвигъ, — подвигъ смерти.

«Но когда сообщенная ими бодрость охладѣла въ насъ, тогда мы почувствовали все значеніе нашей потери и отчаяніе овладѣло нами. Со слезами на глазахъ смотрѣли мы на бѣдную кровь, съ которой великій Верньо отправился, съ связанными руками, на эшафотъ. Намъ поминутно представлялись — Валазе, Дюко и Фонфредъ. Мѣста, которыя они занимали, сдѣлались предметомъ благоговѣйнаго обожанія; сами аристократы приходили съ участіемъ и почтеніемъ взглянуть на постели этихъ великихъ людей».

Мы нарочно привели здѣсь рассказъ, чтобъ показать до какой степени были далеки жирондисты отъ малодушія, которое навязываетъ имъ Кассаньякъ потому только, что двое или трое изъ нихъ употребляли при допросѣ все средства къ своему оправданію. Мы еще будемъ имѣть случай видѣть жирондистовъ при допросѣ и на эшафотѣ, а теперь обратимся къ болѣе важнымъ обвиненіямъ, которыми клеймимъ ихъ авторъ. Большая часть фактовъ, собранныхъ имъ для этой цѣли, давно уже извѣстна, но никто еще до него не позволялъ себѣ такихъ странныхъ заключеній.

Кассаньякъ рассказываетъ особенно подробно потрясающія сцены, происходившія въ тюрьмахъ въ началѣ сентября 1792 года. По этой части авторъ открылъ много мелкихъ неизвѣстныхъ подробностей, пополнилъ извѣстныя до сихъ поръ списки убійцъ и ихъ жертвъ, записалъ мельчайшіе эпизоды, но во всемъ этомъ личность жирондистовъ играетъ болѣе, чѣмъ второстепенную роль; событія идутъ помимо ихъ воли и участія, и представляютъ яв-

леніе до такой степени звѣрское, дикое и ненужное, что послѣ него невольно вѣрится въ теорію паталогической кровожадности французовъ.

Многіе лучшіе историки нашего времени принимаютъ на слово традиціонное объясненіе сентябрьскихъ убійствъ и смотрятъ на нихъ, какъ на печальное слѣдствіе очаяніятъ народа, который услышавъ вѣсть о занятіи Пруссакими Вердена и опасаясь въ тоже время роялистскаго заговора, грозившаго будто-бы истребить женъ и дѣтей волонтеровъ, отправлявшихся на границу, вторгся въ тюрьмы и беспощадно заплатилъ за свои опасенія. Мнѣніе это опровергается давно извѣстными фактами, изъ которыхъ видно, что народъ не принималъ никакого активнаго участія въ сентябрьскомъ дѣлѣ и можетъ быть обвиненъ только въ томъ, что не сдѣлалъ при этомъ случаѣ ни какой демонстраціи для прекращенія гнусной рѣзни, что объясняется, впрочемъ, нерѣшительнымъ, боязливымъ настроеніемъ, въ которомъ онъ находился. Съ театра войны приходили самые неутѣшительные слухи. Лонгви былъ сданъ безъ всякаго сопротивленія; армія, находившаяся на границахъ была относительно довольно малочисленна и неуспѣла еще зарекомендовать себя, офицерамъ не довѣряли и безпрестанно смѣяли ихъ, а между тѣмъ одинъ голецъ за другимъ извѣщали о приближеніи герцога Брунсвика. Опасность была дѣйствительно близка и слухъ о реакціи, готовившейся внутри самой Франціи, имѣлъ всѣ признаки вѣроятія. Патриотическій порывъ охватилъ всю страну; въ Парижѣ и въ другихъ городахъ площади были полны людей, вступавшихъ въ волонтеры, которые огромными массами отправлялись на границу; законодательное собраніе на-скоро принимало мѣры къ доставленію подкрѣпленія арміи и къ ободрѣнію населенія, причемъ депутаты жиронды выказали всю энергію для одушевленія страны. Но въ то время какъ всѣхъ одушевляло одно прекрасное чувство — спасенія родины отъ вторженія нѣмцевъ и защиты правъ, добытыхъ восемьдесятъ девятымъ годомъ, фанатики, съ деспотическимъ произволомъ готовили въ комюнахъ катастрофу, которою они думали уничтожить всякую возможность контр-революціи, а можетъ быть еще болѣе — заслониться ужасомъ отъ всякихъ посягательствъ на ихъ непризнанный произволъ. Эти подготовленія панически дѣйствовали на массу, которая ждала чего-то роковаго и не смѣла противиться.

Комюны или прежнія ратуши утратили во время революціи остатки феодальныхъ правъ; дѣятельность ихъ была ограничена

предѣлами городской администраціи. Парижская ратуша, лишенная раньше другихъ права гражданскаго и уголовнаго суда, оставлена революціей въ томъ видѣ, въ какомъ застала ее восемьдесятъ девятый годъ, т. е., она завѣдывала — продовольствіемъ города, приписанными къ нему землями, городскими зданіями, въ ней сосредоточивался полицейскій трибуналъ и финансовая камера, черезъ которую, съ образованіемъ общественнаго кредита, постоянно производились госуда; ственные займы и уплачивались государственные долги. Но все это еще не могло дать парижской коммюнѣ того громаднаго значенія, которое она получила во время революціи: вліяніемъ своимъ она обязана учрежденію при ней особаго полицейскаго комитета (*comité de police et de surveillance*) и публичности засѣданій ея главнаго совѣта. Въ этомъ главномъ совѣтѣ засѣдали, подъ предсѣдательствомъ мера, всѣ администраторы и нотабли (ихъ было сто сорокъ четыре человекъ), составлявшіе муниципальную власть; тутъ же находилось бюро Марата, который присутствовалъ при шумныхъ преніяхъ совѣта въ качествѣ оффиціального журналиста ратуши. Коммюна была сильна, опираясь на авторитетъ народа, и имѣла въ ней самыхъ вѣрныхъ и вліятельныхъ агентовъ во всѣхъ кварталахъ Парижа; поэтому ей ничего не стоило набрать многочисленную депутацію и отрядить ее въ національное собраніе, гдѣ именемъ всего парижскаго населенія предъявлялись разныя требованія, или произвести возмущенія въ разныхъ частяхъ города, если собраніе противилось желанію ея коноводовъ. Сверхъ того, въ распоряженіи ея находилась военная сила всего департамента и полиція съ безграничною властью.

Съ такими средствами коммюна мало по малу приобрѣла сильное вліяніе на ходъ дѣлъ и законодательное собраніе, не смотря на то, что было верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ, не смѣло открыто противодѣйствовать ей и волей неволей терпѣло ея самовластіе. Облекшись диктаторскою властью, она издавала декреты по предметамъ, требовавшимъ разрѣшенія вышей власти; такъ напримѣръ она уничтожила революціонный трибуналъ, подвергла аресту женъ и дѣтей эмигрантовъ, приказала не употреблять словъ «*monsieur* и *madame*», замѣнивъ ихъ словами «гражданинъ и гражданка» и т. д.; всѣ повиновались безпрекословно ея распоряженіямъ, о которыхъ даже не было заявлено законодательному собранію. Въ началѣ второй половины девяносто втораго года значеніе коммюны еще болѣе усили-

лось по случаю приближавшагося упраздненія законодательнаго собранія и учрежденія конвента; всѣ желавшіе получить представительство въ новомъ социальномъ собраніи должны были заискривать вниманія Коммюны, располагавшей массами, а слѣдовательно и самими выборами.

Мысль сентябрьской катастрофы родилась въ головѣ ея коннодуховъ, видѣвшихъ въ ней политическую мѣру, которая была давнымъ давно систематически обдумана; въ журналахъ, на трибунахъ — высказывалась положительно надежда на скорое освобожденіе Франціи отъ *дурныхъ гражданъ* и отъ Нѣмцевъ, и въ законодательное собраніе не разъ являлись депутаціи отъ Коммюны съ требованіемъ рѣшительныхъ мѣръ противъ старой партіи. Не смотря на страхъ, который внушала Коммюна, собраніе противилось остатками силы фанатизму крайнихъ патріотовъ, но оно уже не могло опереться на свою власть въ подобныхъ случаяхъ и дѣйствовало только убѣжденіемъ-

Фанатики коммюны, пользуясь своей силой, ждали только политическаго предлога для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ, для которыхъ соединились самые вліятельные демагоги— Дантонъ и Мара. 28 Августа Дантонъ, бывший министромъ юстиціи, явился въ вечернее засѣданіе законодательнаго собранія и съ обычною силой говорилъ о необходимости энергическихъ мѣръ противъ внѣшняго врага и измѣнниковъ, разсѣянныхъ по лицу Франціи. Вслѣдствіе его предложенія было положено произвести обыски въ частныхъ домахъ, чтобы собрать оружіе, котораго недоставало волонтерамъ, и въ тоже время обезоружить подозрительныхъ лицъ. Сильное меньшинство собранія было на сторонѣ крайнихъ мѣръ; остальные хотя и понимали настоящій смыслъ смутныхъ и законическихъ фразъ министра юстиціи, но не смѣли выказать оппозиціи, которая при возбужденномъ состояніи умовъ въ эту минуту, ни къ чему бы непришлась и могла обрушить грозу на депутатовъ. Притомъ, санкція собранія была совершенно лишнею формальностью; Парижская полиція уже развернула свою дѣятельность и безъ всякаго предлога врывается къ частнымъ лицамъ даже въ окрестностяхъ Парижа, не заботясь о мѣстной власти, распечатывала на почтѣ письма, закрывала журналы и отводила ихъ редакторовъ въ тюрьмы, которыя начинали значительно наполняться. Вслѣдъ за принятіемъ законодательнымъ собраніемъ предложенной Данто-

номъ мѣры, главный совѣтъ коммюны распорядился о немедленномъ избраніи комиссаровъ, назначенныхъ для ареста подозрительныхъ гражданъ и для отобранія оружія. Всѣ лица, бывшія въ отсутствіи, обязаны были немедленно возвратиться въ свои жилища, всѣ дома въ продолженіе цѣлой ночи были освѣщены, заставы заперты, полицейскіе агенты шмыгали изъ дома въ домъ, роясь въ бумагахъ и вещахъ гражданъ, останавливали на улицахъ пѣшеходовъ; въ жандармахъ и въ каретахъ чувствовался явный недостатокъ. Въ управленіи мера комнаты были набиты арестованными, изъ которыхъ однихъ выпускали на свободу, другихъ отправляли въ тюрьмы; въ залахъ ратуши стояли горы чемодановъ, сундуковъ, ящиковъ. Городомъ овладѣлъ страхъ; всѣ видѣли, что готовилось что-то роковое и что отобраніе оружія было только предлогомъ.

Пользуясь правомъ обыска, главный совѣтъ Коммюны дѣлалъ, чтò хотѣлъ; по его распоряженію, вооруженные люди обложили домъ военнаго министра и разогнали комитетъ продовольствія. Все это наконецъ пробудило энергію законодательнаго собранія и депутаты Жиронды вмѣстѣ съ тѣми, которые примкнули къ ихъ партіи, громко протестовали противъ самовольныхъ распоряженій муниципальной власти и потребовали измѣненій въ личномъ составѣ Главнаго Совѣта. Одинъ изъ редакторовъ журнала «Французскій патріотъ», бывшаго органомъ жирондистовъ, Жирей Дюпре, преслѣдуемый муниципалитетомъ, жаловался законодательному собранію, на злоупотребленія коммюны въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ: «Пора наконецъ Собранію, говоритъ онъ между прочимъ, положить предѣлъ всей этой неурядицѣ; оно должно возвратитъ народу его права и оградить личную свободу и свободу прессы отъ посягательствъ враговъ. Ждать некогда; избранія (въ Конвентъ) не далеки, нужно принять всѣ мѣры къ охраненію ихъ отъ вліянія нѣсколькихъ интригантовъ». — Не смотря на домогательства партизановъ коммюны, Верньо и другіе жирондистскіе депутаты добились декрета, которымъ уничтожались мѣры, принятыя противъ Дюпре муниципальною властью, и которыми предписывалось этой власти не выходить изъ за конныхъ предѣловъ. Эта энергическая настойчивость не замедлила вызвать взрывъ негодованія въ агитаторахъ противъ депутатовъ; въ городѣ появились афиши, подписанныя Мара и призывавшія мщеніе на ихъ головы; въ законодательное собраніе явилась многочисленная депутація съ дерзкимъ заявленіемъ,

что народъ никогда не ограничивалъ власти парижской Коммюны и что она намѣрена повиноваться ему одному. Не смотря на угрожающіе приемы этой депутаціи, собраніе вело себя съ твердостью и достоинствомъ и когда она потребовала, чтобъ пришедшая съ нею толпа была впущена въ залу для выраженія своего уваженія находившимся тутъ представителямъ Коммюны, Верньо отвѣчалъ ей: «Неуваженіемъ къ представителямъ націи вы можете повредить народному дѣлу; собраніе предлагаетъ вамъ сообщить вашимъ согражданамъ, что оно позаботится какъ объ охраненіи свободы народа, такъ и объ удержаніи его въ предѣлахъ должнаго уваженія къ установленнымъ властямъ». — Другими словами это значило: вы можете выйти и впередъ не являться съ подобными требованіями; но народные ораторы оставались въ засѣданіи и ихъ велѣно подвергнуть аресту.

Кромѣ этой твердости у жирондистовъ не было другой силы для противодѣйствія могуществу совѣта, царившаго въ ратушѣ; они не могли даже располагать національной гвардіей, потому что городской меръ-Петіонъ, человекъ ихъ партіи, утратилъ въ эту пору всякое значеніе и національная гвардія находилась въ полномъ распоряженіи своего непосредственнаго начальника Сантерра, на котораго нельзя было положиться. По этому ихъ попытка удержать за собою власть ускорила развязку сентябрьскаго дѣла; коммюна, только выжидавшая благовиднаго предлога, какъ мы уже сказали, воспользовалась роковымъ извѣстіемъ объ осадѣ Вердена, чтобъ поднять на ноги весь Парижъ. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на улицѣ появились конные муниципалы, съ черными знаменами, которые убѣждали смущенный народъ идти на встрѣчу непріятелю — и успокаивали его увѣреніемъ, что заговорщики и измѣнники находятся въ рукахъ патріотовъ, въ ожиданіи народнаго мщенія. По городу разносились зловѣщіе звуки набата, барабанъ билъ тревогу; на улицахъ страшная сумятица, лавки запираются, прохожіе бѣгутъ, спрашиваютъ съ испуганнымъ видомъ о случившемся; многіе несутъ бывшее у нихъ оружіе на площади, гдѣ набираются волонтеры въ армію. Въ это самое время изъ тюремъ выводили людей, пользовавшихся протекціей Дантона, Мара, Робеспьера, и также посаженныхъ за долги. Заключение ждали чего-то не добраго; въ этотъ день имъ покрыли столъ равнѣе обыкновеннаго, не дали ножей, тюремщики были смущены; — все это наводило на страшныя догадки. Съ третьимъ выстрѣломъ изъ пу-

шки неизвѣстные люди ворвались въ нѣкоторыя тюрьмы и тамъ начались сцены, на которыя мы опускаемъ завѣсу молчанія.

Но какое же участіе, прямое или косвенное, принимали Жирондисты въ этой тюремной драмѣ и какую связь имѣеть «исторія великой партіи съ исторіей великаго преступленія»? Авторъ самъ предвидитъ этотъ вопросъ, но разрѣшаетъ его, подъ угломъ ложной точки зрѣнія.

Мы не знаемъ, — за чѣмъ жирондистамъ нужны были, по выраженію Кассаньяка, кровавыя развалины, но изъ того, что мы привели выше, достаточно видно какъ велико было уваженіе къ нимъ, о которомъ говоритъ авторъ. Замѣчательнѣе всего, что выводы его относительно преступнаго бездѣйствія законодательнаго собранія находятся въ явномъ противорѣчій съ фактами, которые онъ самъ же приводитъ; онъ какъ нельзя лучше доказалъ, что во время сентябрьскаго кризиса законная власть совершенно утратила значеніе и въ тоже время обвиняетъ жирондистовъ, что они не воспользовались своею властью для прекращенія убійствъ. Если, какъ думаетъ авторъ, сентябрьская катастрофа была подготовлена для того, чтобы подчинить національное собраніе коммюнѣ и, путемъ ужаса, заставить его принять ея демагогическіе принципы, то жирондисты, никакъ уже не могли видѣть въ ней средства для утверженія своей власти; напротивъ, они очень хорошо понимали, что съ торжествомъ сентябризеровъ, какъ называли тогда виновниковъ сентябрьскихъ событій, неразлучно связано ихъ собственное паденіе, и потому, если не изъ гуманнаго чувства, то изъ политики должны были страшиться этихъ событій. Но мы видѣли, что въ ихъ распоряженіи не было никакой матеріальной силы; дѣйствовать на общественное мнѣніе, возбужденное опасностью положенія Франціи и если не сочувствовавшее убійствамъ, то видѣвшее въ нихъ вынужденную обстоятельствомъ и отчасти заслуженную кару, было бесполезно. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней не было сдѣлано въ парижскомъ населеніи ни одной попытки къ прекращенію ихъ, ни въ одномъ журналѣ не появилось слова, похожаго на протестъ. Правда, законодательное собраніе не расходилось, посылаю изъ среды своей депутатовъ въ тюрьмы, для увѣщанія народа, требовало вмѣшательства вліятельнаго Дантона, но всѣ его попытки остались безуспѣшны; оно само съ каждой минутой ожидало, что залы собранія наводнятся убійцами и потому неудивительно, что

представители націи сами находились подъ вліяніемъ ужаса, который овладѣлъ цѣлымъ Парижемъ. Жирондисты очень хорошо понимали, что ихъ головы были нужнѣе, чѣмъ головы самихъ роялистовъ для партіи крайнихъ республиканцевъ, которые не могли окончательно упрочить своего политическаго положенія, не уничтоживъ совершенно ихъ вліянія. Одинъ искусный ударъ и они были бы увлечены потокомъ движенія. Робеспьеръ уже донесъ совѣту Комюны, въ то время когда умы больше всего были взволнованы приближеніемъ внѣшняго врага, что, среди представителей націи, сильная партія составила заговоръ для возведенія на престолъ герцога Брунсвика и у члена законодательнаго собранія, Бриссо, стоявшаго во главѣ жирондистовъ, былъ сдѣланъ домашній обыскъ, захвачены бумаги; другой жирондистъ — Роланъ, бывший въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ, едва не былъ арестованъ по требованію того же Робеспьера.

Послѣ этого подозрѣвать жирондистовъ въ косвенномъ содѣйствіи сентябрьскому движенію черезъ чуръ наивно и если въ средѣ ихъ могъ найтись человекъ въ родѣ Петіона, который можетъ быть дѣйствительно думалъ больше всего объ устраненіи себя отъ всякой отвѣтственности, хотя и его бездѣйствіе, какъ мера — объясняется общимъ безсиліемъ власти, то одинъ человекъ не составляетъ еще цѣлой партіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что неотразимая сила обстоятельствъ вызвала Жирондистовъ на энергическую борьбу съ будущими террористами. Притомъ, внѣшняя опасность и внутреннія раздоры одушевили ихъ новыми чувствами, которымъ если нельзя отказать въ увлеченіи, то нельзя и не признать ихъ законнаго негодованія. Они не могли не видѣть неблагоприятнаго исхода этой борьбы, но тѣмъ не менѣе — до самаго эшафота — вели ее съ тѣмъ героическимъ самоотверженіемъ, которое осталось не безплоднымъ урокомъ для потомства; столько мужества, столько энергіи могли явиться только при глубокомъ уваженіи къ гражданской чести, а не вслѣдствіе однихъ мелкихъ расчетовъ на господство. Правда, на ихъ сторонѣ было сочувствіе провинцій и всѣхъ людей, желавшихъ выхода изъ не нормальнаго состоянія, въ которомъ находилась тогда Франція, къ нимъ примкнуло большинство національнаго собранія; но въ то же время всѣ умы находились подъ вліяніемъ ужаса и ни общество, ни представители

націи, боявшіеся за себя, не смѣли открыто оказать содѣйствіе великодушнымъ усиліямъ нѣсколькихъ человекъ, которые съ первыхъ засѣданій конвента настойчиво потребовали формальнаго преслѣдованія убійцъ и смѣло разоблачили главныхъ виновниковъ безурядицы. Не ровная борьба дѣлалась съ каждымъ днемъ ожесточеннѣе; могущественные коноводы коммюны и монтаньяровъ, державшіе въ своихъ рукахъ мечъ революціи, подготовляли общественное мнѣніе къ новому насилию, но начавшійся процессъ Лудовика XVI отвелъ на время грозу отъ жирондистовъ и задержалъ на нѣсколько мѣсяцевъ ихъ паденіе.

Роль, которую они играли въ судьбѣ несчастнаго короля, послужила автору новой темой для обличительныхъ изслѣдованій, въ которыхъ мы не намѣрены слѣдить за нимъ, потому что для обстоятельнаго и безпристрастнаго обсужденія дѣла намъ пришлось бы слишкомъ далеко уклониться въ сторону. Главною причиною катастрофы, увлекшей за собою и монархію и Лудовика XVI, была его нерѣшительность, не позволявшая ему пристать ни къ одной изъ партій. Принявъ повидимому искренно конституцію, онъ не переставалъ питать смутныя надежды на Кобленца, и въ то время когда вступленіе иностранныхъ войскъ, въ предѣлы Франціи увеличило опасность его положенія, онъ не принялъ ни одного изъ великодушныхъ предложеній, сдѣланныхъ ему людьми, еще преданными его интересамъ; онъ не хотѣлъ склониться ни на одну сторону, не довѣрялъ ни Лафаету, который, оставивъ армію, явился въ національное собраніе съ сильною и благородною рѣчью въ пользу короля, ни Жирондистамъ, которые тогда не простирали своихъ видовъ дальше конституціонной монархіи. Впрочемъ, каковы бы ни были принципы депутатовъ Жиронды, всѣ они хотѣли поддержать монархію, пока это было возможно; нерѣшительность короля разстроила ихъ планы, и когда они увидѣли, что дѣло его окончательно потеряно, то пристали къ крайнему мнѣнію, чтобы сохранить собственные головы. Но и во время самаго суда они не теряли послѣдней надежды и настойчиво требовали перенесенія его изъ конвента въ народныя собранія (*assemblées primaires*) и представленія имъ окончательнаго приговора. Въ этомъ заключалось существенно поведеніе жирондистовъ, старавшихся предупредить катастрофу 21 Января 1793 года и поневолѣ подчинившихся силѣ обстоятельствъ. Но Кассаньякъ не изъ тѣхъ изслѣдователей, для которыхъ расположеніе обстоятельствъ имѣетъ главное зна-

ченіе, и не принимая во вниманіе, что мнѣніе, выраженное депутатомъ національнаго собранія восемьдесятъ девятого года, не всегда могло быть высказано въ Конвентѣ, ловить жирондистовъ на противорѣчіяхъ. Все это относится до проникательности и безпристрастія автора, но обвиненіе ихъ въ томъ, что во время іюльскихъ смуть, они предлагали свои услуги двору въ надеждѣ получить за это плату — уже принимаетъ характеръ пошлой клеветы. И на чемъ же онъ основываетъ такое обвиненіе? На одной фразѣ одного изъ приближенныхъ короля, Редерера, который объясняя ихъ намѣреніе склонить дворъ на свою сторону, прибавляетъ въ видѣ собственнаго соображенія, что они вѣроятно рассчитывали на *благодарность*. Если бы эта фраза и дѣйствительно имѣла смыслъ, придаваемый ей авторомъ, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало основывать на ней обиднаго подозрѣнія, не принявъ во вниманіе общій характеръ обвиняемыхъ и отсутствіе болѣе очевидныхъ доказательствъ.

Что-то особенно важное для памяти жирондистовъ, авторъ видитъ въ письмѣ, которое было написано Верньо, Гаде и Жансонне къ живописцу Бозу и передано, по ихъ просьбѣ, королю. Это письмо показываетъ въ настоящемъ свѣтѣ побужденія жирондистовъ, а потому мы и приводимъ его сполна:

«Искренно и неизмѣнно преданные интересамъ націи, отъ которыхъ мы никогда не отдѣлимъ ихъ, мы видимъ единственное средство предупредить бѣдствія, угрожающія государству, въ томъ, чтобы король устранилъ своимъ поведеніемъ всѣ поводы къ недовѣрію и окружилъ наконецъ себя довѣріемъ народа, который составляетъ его силу и источникъ его благополучія.

«Почему король не выберетъ министровъ изъ среды людей, наиболѣе преданныхъ народному дѣлу?.. Выборъ министерства, во всѣ времена, былъ одною изъ важнѣйшихъ обязанностей королевской власти; это термометръ, по которому общественное мнѣніе всегда судило о расположеніяхъ двора; можно себѣ представить какое значеніе теперь имѣютъ эти выборы, которые во всякое другое время могутъ возбудить сильнѣйшій ропотъ.

«Министерство, удачно составленное изъ патриотовъ, одно изъ лучшихъ средствъ, какія находятся во власти короля для возвращенія ему довѣрія.»

Отд. II.

1/9

Кто имѣетъ какое нибудь понятіе о состояніи умовъ въ тогдашнюю эпоху, тотъ пойметъ какъ могла быть спасительна и надежна предложенная жирондистами мѣра. Изъ приведеннаго письма не видно прямо, что они хотѣли сами быть министрами, въ чемъ заподозрилъ ихъ Кассаньякъ, но еслибъ это было и такъ, то нѣтъ ничего естественнаго, что партія, которая одна только могла еще представить оплотъ анархіи, желала упрочить за собою власть; но изъ этого не слѣдуетъ еще, что она продала себя.

Упуская изъ виду почти всѣ обстоятельства, которыя такъ явно говорятъ за усилія жирондистовъ предотвратить событія 21 января, авторъ забываетъ, между прочимъ, что ихъ попытки сохранить для Франціи конституціоннаго монарха послужили главнымъ обвиненіемъ противъ нихъ самихъ. Въ то время, когда въ Конвентѣ длился знаменитый процессъ, имъ приписывали главное участіе въ возбужденіи умовъ въ пользу короля, и, конечно, не безъ основанія...

Выше мы указали только на главные факты, послужившіе Кассаньяку поводомъ для порицанія политики жирондистовъ; въ дальнѣйшихъ обличеніяхъ мы не считаемъ нужнымъ слѣдовать за нимъ, тѣмъ болѣе что это не приведетъ къ полному уразумѣнію ни личнаго ихъ характера, ни публичной ихъ дѣятельности; для этого нужно ихъ видѣть въ борьбѣ съ конвентомъ, въ ихъ усиліяхъ къ восстановленію порядка, при которыхъ такъ широко развернулась ихъ энергія. Но эта борьба не сломила бы ихъ такъ скоро, еслибъ ихъ противники не употребили въ дѣло другихъ средствъ; какъ не мало нуждались тогда въ юридическихъ уликахъ для обвиненія, однако-же ихъ вовсе не было противъ жирондистовъ и полныя вражды и злобы рѣчи, раздавшіяся на трибунахъ, все-таки звучали пустыми фразами. Робеспьеръ обратилъ на нихъ безпощадное перо Демулена, которое нанесло имъ послѣдній ударъ.

Натадки знаменитаго журналиста начались вслѣдствіе его частной ссоры съ Бриссо, которая, при помощи необыкновенно подвижнаго и увлекающагося характера Демулена, немедленно преобразила его изъ друга въ закятаго врага этого жирондиста. Партизаны Бриссо отплачивали Демулену его же монетой и не уступали ему въ остроуміи. Такъ, напримѣръ, однажды появи-

лась карикатура, представлявшая колоссальную статую свободы, сдѣланную изъ снѣга и подтаивавшую снизу подъ палящими лучами солнца; около нея люди съ метлами и лопатами, очищаютъ пространство отъ мусора, состоящаго изъ санкуловъ, и складываютъ ихъ на огромную телѣгу, откуда торчатъ ноги сотрудника Демулена; самъ Демулень, вмѣстѣ съ другими, спасается бѣгствомъ отъ разрушающейся статуи и отъ негодной телѣги, унося свой знаменитый фонарь; но подъ его тяжестью онъ изнемогаетъ и падаетъ. Вскорѣ однакожь Демулень, настроенный Робеспьеромъ, который ловко воспользовался его ссорой для своихъ видовъ, зашелъ въ полемику гораздо дальше, чѣмъ было позволительно и отъ частнаго дѣла перешелъ къ обличенію цѣлой партіи; въ то же время, когда борьба между жирондистами и монтаньярами все болѣе и болѣе ожесточалась, онъ написалъ свою *исторію Бриссо-тинцевъ*, которая упрочила за ними это названіе. Въ этомъ памфлетѣ, наполненномъ доносами, съ необыкновеннымъ искусствомъ были собраны всевозможныя обвиненія, непощажена ни частная, ни общественная жизнь и Жирондисты представлены злѣйшими врагами народнаго дѣла. Демулень выдаетъ за факты, что они преданы душой и тѣломъ Питту, герцогу Орлеанскому и Пруссіи, — что во всемъ, что написалъ Бриссо, нѣтъ ни слова, которое бы не было написано въ интересахъ Англіи. И все это высказано въ мплой, полной неподражаемаго остроумія болтовнѣ, въ которой въ то же время каждое слово дѣйствовало смертельно.

Неистовый восторгъ овладѣлъ слушателями, когда Демулень прочелъ свою брошюру въ клубѣ, который отпечаталъ ее на свой счетъ и разослалъ по департаментамъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Она появилась именно въ то время, когда политическія обстоятельства расположились самымъ неблагоприятнымъ образомъ для революціи: Дюмурье, которому не удалось возбудить войско противъ якобинцевъ и повести его на Парижъ, оставилъ армию; въ Вандеѣ вспыхнула революція и къ ней готовы были присоединиться многіе департаменты, въ которыхъ начиналось замѣтное движеніе въ пользу умѣренной партіи. Демулень своей брошюрой докончилъ паденіе жирондистовъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая, монтаньяры прибѣгнули къ обыкновенному своему средству; Франція была объявлена въ опасности, Парижъ принялъ грозный видъ и депутаціи отъ па-

рижскихъ секцій потребовали исключенія изъ Конвента представлеи Жиронды, которые отчаянно, до послѣдней крайности отстаивали свои права, но наконецъ принуждены были уступить насилию и пали въ ту самую минуту, когда ихъ помощь всего нужнѣе была для Франціи. Двадцать два депутата были подвергнуты заключенію въ ихъ собственныхъ домахъ, подъ присмотромъ жандармовъ; нѣкоторые изъ нихъ воспользовались слабостью присмотра и бѣжали въ разные департаменты, гдѣ рассчитывали возстановить народное мнѣніе противъ диктатуры Парижа, или укрылись въ самомъ городѣ. Участь жирондистовъ уже была заранѣе рѣшена террористами, но для послѣдняго удара они выжидали пока поуспокоятся провинціи, возмущенныя насиліями. Наконецъ, сопротивленіе вездѣ было побѣждено и новый актъ тираніи могъ совершиться безнаказанно. Жирондистовъ изъ домашняго заключенія перевели въ тюрьму, куда вскорѣ присоединили къ нимъ нѣкоторыхъ убѣжавшихъ товарищей; въ увѣренности на свою правоту, они не теряли надежды на спасеніе и рассчитывали обезоружить судей, если имъ позволятъ оправдываться, — забывая, что судъ былъ только пустой формальностью, которую допустили лишь ради приличій. Имъ ставили въ вину то, что въ сущности составляло истинную доблесть, ихъ энергическія протестаціи противъ сентябристовъ, борьбу съ коммюной, оппозицію насильственному займу и всѣмъ возмутительнымъ мѣрамъ; защита была неумѣстна тамъ, гдѣ возможны подобныя обвиненія.

Вечеромъ 30 октября обвиненнымъ депутатамъ былъ сдѣланъ послѣдній допросъ въ революціонномъ трибуналѣ. Это была обширная комната съ большимъ окномъ въ каждой стѣнѣ. Въ глубинѣ стояли бюсты Брута, Мара и Лепельтье, передъ которыми находилось кресло президента, сидѣвшаго за большимъ столомъ; около него сидѣли, въ шляпахъ съ перьями, съ правой стороны трое судей, съ лѣвой — публичный обвинитель; за отдѣльными столами находились — секретарь, присяжные и офиціальныи защитникъ, за которымъ возвышались скамьи для обвиненныхъ съ кресломъ для главнаго изъ нихъ; въ углубленіи на скамьяхъ располагались жандармы, а часть залы, къ которой сидѣлъ лицомъ президентъ, занимала публика. Здѣсь не зачѣмъ было трагитъ слова для защиты; когда краснорѣчіе осужденнаго грозило склонить слушателей на его сторону, какойнибудь присяжный подымался со скамьи и объявлялъ, что «la conscience des jurés

était suffisamment éclairée.» Журналистъ Дюпре, принадлежавшій къ партіи жирондистовъ, вмѣсто оправданія, разстегивалъ воротъ у своей рубашки и такимъ образомъ являлся въ этомъ трибуналѣ.

На этотъ разъ совѣщаніе присяжныхъ продолжалось цѣлыхъ три часа: время приближалось къ полночи, когда они вернулись въ залу суда, куда вслѣдъ за ними ввели осужденныхъ. Лица присяжныхъ были взволнованы, публика была въ трепетномъ ожиданіи. Наконецъ президентъ прочелъ приговоръ; осужденные разомъ поднялись съ своихъ скамей; въ толпѣ зрителей раздался крикъ Демулена: «Боже мой, это я, это моя брошюра причиною ихъ смерти, — я не могу здѣсь оставаться», и онъ вышелъ изъ залы со всѣми признаками отчаяніями. Въ группѣ жирондистовъ чей-то голосъ произнесъ «я умираю» — и Валазе, поразившій себя ножомъ, упалъ на полъ. Бриссо стоялъ въ нѣмомъ молчаніи, опустивъ руку и склонивъ голову на грудь; — Въ то время какъ Фоше благоговѣнно молился, на лицѣ Верньо было написано гордое негодованіе; Фонфредтъ сжималъ въ своихъ объятіяхъ Дюко: «это я тебя убиваю», говорилъ онъ ему; «будь спокоенъ, отвѣчалъ ему Дюко, мы умремъ вмѣстѣ». Ласурсъ повторялъ слова: «я умираю въ тотъ день, когда разумъ оставилъ народъ; вы умрете, когда разумъ возвратится къ нему». Всѣ, кромѣ Буало, который со слезами заявлялъ о своей невинности, вели себя съ необыкновенною твердостью. Послѣ перваго, минутнаго испуга, большая часть жирондистовъ разразилась страшнымъ негодованіемъ противъ судей, противъ неслыханнаго насилія правосудія. Негодованіе это, выражавшееся въ крикахъ и жестахъ, готово было сообщиться публикѣ, начинавшей волноваться, но президентъ призвалъ стражу и осужденные вышли изъ трибунала, распѣвая хоромъ національный гимнь.

На другой день въ полдень жирондистовъ, обвиненныхъ въ заговорѣ противъ единства и нераздѣльности республики везли на эшафотъ между рядами несмѣтной толпы народа. Ихъ палачи боялись какой нибудь демонстраціи и разставили по всей дородѣ своихъ агентовъ, которые наполняли воздухъ ругательствами и угрозами. Осужденные отвѣчали презрительнымъ молчаніемъ на эти выходки и вели себя съ достоинствомъ, которое не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на умы, и въ которомъ никто неотказываетъ имъ, кромѣ Кассаньяка, находящаго, что они умерли «sans peur, mais sans éclat». Одни изъ нихъ во всю дорогу пѣли гимны, другіе кричали «à bas les traitres»

Особеннымъ хладнокровіемъ между жирондистами отличался Дюпре, который самъ сочинилъ свой погребальный гимнъ и пѣлъ его въ продолженіи всего переѣзда изъ тюрьмы къ эшафоту. Проѣзжая мимо дома, гдѣ жилъ Робеспьеръ, онъ замѣтилъ на балконѣ двухъ дочерей хозяина этого дома, Дюлен, изъ которыхъ одна была женою Робеспьера, и изъ всей мочи закричалъ «à bas le traître, à bas le tiran.»

Намъ нечего прибавлять, что на эшафотѣ твердость ни на минуту не измѣняла имъ. Сильери первый взмогъ на него и раскланялся съ публикой. Веселость, которою обладалъ Дюко, и въ эту минуту не оставила его... «Конвентъ хорошо бы сдѣлалъ, сказалъ онъ, смотря на гильотину, еслибъ установилъ декретомъ нераздѣльность головы и туловища.»

«Таковъ былъ конецъ, говоритъ одинъ французскій историкъ, этихъ благородныхъ и неустрашимыхъ людей, павшихъ жертвою своихъ великодушныхъ попытокъ. Непонявъ вполне чело-вѣчества, ни его пороковъ, ни средствъ, необходимыхъ для того, чтобъ вести его, они вознегодовали на него за нежеланіе сдѣлаться лучше, и были раздавлены имъ. Почтимъ ихъ память! никогда гражданскіе войны не являли столько талантовъ и добродѣтелей, и нужно сказать къ ихъ чести, что если они непоняли необходимости сильныхъ средствъ для спасенія Франціи, то враги ихъ руководились въ выборѣ этихъ средствъ скорѣе страстями, чѣмъ гениемъ.»

В. БЛАГОВЪЩЕНСКІЙ.

СМѢСЬ.

Нѣсколько словъ по поводу Воскресныхъ школъ.

Есть двѣ главныя силы, которыя управляютъ ходомъ событій и общественныхъ реформъ — сила матеріальная и сила идеи. Первая господствуетъ во имя всѣхъ средствъ, дозволенныхъ человѣческому произволу и отмѣчаетъ собой періодъ варварскаго состоянія; она требуетъ войны, убійства, хитрости, самовластия и воздвигаетъ свое величіе на разрушеніи и несчастіи всего, что слабѣе или благороднѣе ея. Это — сила дикихъ обществъ, которыя обманомъ, разбоемъ и мечомъ пролагаютъ себѣ дорогу къ исторической жизни. Рабство и насиліе составляютъ непременное условіе ихъ существованія. Въ иномъ свѣтѣ и съ инымъ характеромъ представляется сила идеи: торжество ея, чистое отъ крови и тиранніи тамъ, гдѣ она не встрѣчаетъ на пути своемъ противодѣйствія и упорства, совершается во имя убѣжденія ума и образованія сердца. Къ сожалѣнію, влияние идеи доселѣ остается случайнымъ явленіемъ. Замкнутая, въ кругу самого тѣснаго меньшинства, встрѣчаясь на каждомъ шагѣ съ препятствіями и отраженіемъ противной ей силы, она дѣйствуетъ, подобно лучу, преломленному въ темномъ тѣлѣ. Между тѣмъ, значеніе ея постепенно возрастаетъ; мы начинаемъ чувствовать, что степень умственнаго развитія въ народѣ опредѣляетъ степень его матеріальнаго счастья, соціального прогресса, успѣха его реформъ и болѣе или менѣе быстрого движенія къ своей цѣли. Поэтому образованіе массъ становится однимъ изъ первостепенныхъ во-

просовъ нашего времени. Правительства и народы одинаково убѣждаются, что нѣтъ другого болѣе дѣйствительнаго средства, для мирнаго выхода изъ современнаго положенія европейскихъ обществъ. «Если хотите, сказалъ одинъ мыслитель, замѣнить господство пушки властію идеи, — образуйте народъ».

Но съ чего же начать это образованіе и какъ лучше распространить его между народами? Повидимому, нашъ вѣкъ такъ богатъ разнообразными органами просвѣщенія, что большаго желать трудно; на пользу его работаютъ типографскіе станки, телеграфическія проволоки, желѣзные рельсы, ученые общества, постоянныя изысканія и открытія въ области искусствъ и знанія; но не надо забывать, что сила идеи отнюдь не обуславливается количествомъ свѣдѣній или счетомъ книгъ, а практическимъ смысломъ ея и направленіемъ. Притомъ, въ современномъ образованіи участвуютъ только извѣстныя сословія, для которыхъ оно, болѣею частью, составляетъ праздную роскошь, а самый многочисленный и дѣловой классъ, — миллионы земледѣльцевъ и фабричныхъ работниковъ, стоятъ внѣ всякаго умственнаго движенія. Передъ ними и часто ихъ же собственными руками воздвигаются академіи, университеты, музеумы, но они не могутъ даже прочитать надписей на этихъ великолѣпныхъ зданіяхъ, гдѣ остались слѣды ихъ пота и труда. Вслѣдствіе такого односторонняго направленія, образованіе едва коснулось коренныхъ слоевъ человѣчества. Было время, когда серьезно думали, что образованіе необходимо только дворянину или чиновнику, а всѣ прочіе не имѣютъ въ немъ надобности; и доселѣ есть люди, готовые утверждать, что умѣнье читать и писать положительно бесполезно и даже вредно извѣстнымъ лицамъ и при извѣстныхъ условіяхъ жизни. Для защитниковъ брака, рутины и смерти знаніе — горькій плодъ, не потому, что оно требуетъ усилій и жертвъ, а потому, что нарушаетъ ихъ животное спокойствіе и ту обычную апатію, въ которой они прожили свой сонливый и безплодный вѣкъ. Одни видятъ въ образованіи орудіе смуты и революцій, какъ будто для тишины необходимо невѣжество, которое, собственно, всегда было источникомъ внутреннихъ мятежей и въ политикѣ; другіе заподозрили въ немъ врага нравственныхъ началъ, какъ будто истинная нравственность неразлучна только съ предразсудкомъ и стоячимъ суевѣріемъ. Эти софизмы, отчасти искренно и на вѣру принятыя, отчасти прикрытыя эгоистическими цѣлями, нѣтъ сомнѣнія, повредили человѣчеству гораздо больше, чѣмъ всѣ вой-

ны и эпидеміи вмѣстѣ; невѣжество загородило дорогу лучшимъ стремленіямъ людей; оно разрушило много великихъ предпріятій, плановъ и долго водило человѣка, съ завязанными глазами, окольными путями лжи и несчастія. Но послѣ продолжительной борьбы тьма начинаетъ уступать свѣту, и опытъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что знаніе есть дѣйствительная сила, вездѣ и всегда необходимая человѣку. Она особенно необходима тому, кто живетъ трудомъ своихъ рукъ или головы; она необходима пахарю, потому что обработка и плодородіе земли совершенствуются въ прямой пропорціи съ успѣхами образованной агрикультуры; она необходима ремесленнику, потому что знаніе облегчаетъ его трудъ и открываетъ ему новыя стези къ побѣдѣ надъ природой; она необходима каждому, потому что нѣтъ дѣятельности безъ знанія, а гдѣ нѣтъ дѣятельности, тамъ нѣтъ жизни.

Но возможно-ли образованіе, въ нашемъ школьномъ значеніи, для ремесленныхъ сословій, при современномъ устройствѣ общества? Есть ли какая нибудь возможность человѣку, занятому десять часовъ въ сутки механической работой, къ вечеру усталому и часто голодному, ежеминутно встревоженному одной заботой — дневнаго обезпеченія себя и своего семейства, — есть ли ему возможность не только удѣлать часы досуга умственному занятію, но даже подумать о немъ? При такомъ положеніи вещей, вопросъ народнаго воспитанія, очевидно, переходитъ съ шаткой филантропической на твердую соціальную почву, и становится вопросомъ величайшаго интереса для законодателя, философа и публициста. До сихъ поръ его разсматривали только съ первой точки зрѣнія; въ такомъ видѣ его поняла западная Европа и, въ числѣ другихъ благотворительныхъ мѣръ, употребила его, какъ палліативное средство для закрытія ранъ, слишкомъ глубоко разъѣдающихъ общественный организмъ. Но время показало, что народное воспитаніе не можетъ ограничиваться одной филантропіей или случайнымъ подаяніемъ его массамъ; оно составляетъ первую и главную обязанность того общества, которое не хочетъ прекратить движеніе своей исторіи и предоставить начетѣ и невѣжеству миллионы людей, соединенныхъ съ нимъ, если не одинаковымъ соціальнымъ положеніемъ, то равными правами на благосостояніе и образованіе. Теоретически эта идея разработана и принята, но практическое примѣненіе ея еще далеко отъ результата. Какъ обезпечить время и средства для образованія рабочимъ клас-

самъ? — вотъ проблема, разрѣшеніе которой неизбежно соединяется съ общимъ переворотомъ промышленнаго міра, сословнаго антагонизма, организаціи труда и почти всѣхъ общественныхъ учреждений. Доселѣ въ народномъ воспитаніи предвидится возможность распространенія въ массахъ одной *грамотности*, которой отчасти удовлетворяютъ воскресныя школы.

Грамотность есть первый шагъ, но самый важный шагъ къ умственному развитію. Само собою разумѣется, что и помимо ея есть много путей, ведущихъ къ образованію, — опытъ, наглядное знакомство съ природой, путешествія, бесѣда съ людьми умными и т. п., но всѣ эти средства такъ затруднительны для бѣднаго человѣка, такъ продолжительны въ своемъ процессѣ, что школа и книга пока остаются единственными лучшими проводниками знанія. Они даютъ тотъ же опытъ жизни, но сокращаютъ его изученіе, и въ системѣ предлагаютъ то, что разбросано въ природѣ между безконечнымъ множествомъ предметовъ. Поэтому, учрежденіе воскресныхъ школъ для ремесленныхъ сословій, въ одно и то же время, удовлетворяетъ и нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ народной жизни: онѣ бесплатно преподаютъ свои уроки самому бѣдному классу и открываютъ ему способы къ дальнѣйшему совершенству. Положимъ, что изъ пятидесяти воспитанниковъ сорокъ девять, остановятся на одномъ процессѣ чтенія, но одинъ пойдетъ дальше, усвоитъ науку въ полномъ ея развитіи, тогда и этотъ одинъ будетъ величайшимъ приобрѣтеніемъ для общества. Можетъ быть, въ головѣ этого одного созрѣетъ благотворная мысль, способная дать міру полезное открытіе. Не надо забывать, что мы, Русскіе, бѣдны изобрѣтеніями, которыми такъ богатъ нашъ вѣкъ, — бѣдны не потому, чтобъ въ насъ было менѣе любознательности или дарованія, чѣмъ у другихъ народовъ, а потому, что на одну дѣйствующую силу приходится сотни тысячъ дремлющихъ силъ; мы вообще бѣдны дѣятельностію, и опять не потому, чтобъ лѣнь или пустота жизни были въ нашемъ національномъ характерѣ, а потому, что всякому труду предшествуетъ умственная работа, и чѣмъ она полнѣе и разнообразнѣе, тѣмъ общество дѣлается болѣе занятымъ и довольнымъ. Кажется, пора перестать думать, что образованіе намъ нужно для разныхъ прістязныхъ цѣлей — для званія чиновника, для отличія отъ крестьянина, для эполетъ офицера, для празднаго изведенія бумаги въ качествѣ литератора, и тѣтъ, оно необходимо для подготовленія намъ человѣка и гражданина.

Приступая къ основанію народныхъ школъ, какъ новаго явленія въ нашей исторіи, мы должны помнить, что отъ первыхъ пріемовъ въ организаціи ихъ будетъ зависѣть послѣдующая судьба этихъ учрежденій. Мы кладемъ только сѣмя, а жатвой воспользуются грядущія поколѣнія. Три обстоятельства надо имѣть въ виду въ настоящую минуту: 1) общество должно какъ можно больше взять на себя труда; 2) ученію необходима свобода — какъ воздухъ нашему дыханію, и потому всякое стѣсненіе предварительными программами должно быть удалено; 3) намъ надо проникнуться одной великой мыслью, что такой трудъ, какъ народное образованіе, требуетъ и жертвъ и сочувствія, и потому постараемся поддержать его успѣхъ и съ честью вынести его тягость. Мы поздно начинаемъ учиться, но, по крайней мѣрѣ, будемъ же учиться небезплодно.

Г. Б.

Воскресныя школы.

Учрежденіе воскресныхъ школъ, давно уже распространившееся въ разныхъ странахъ Европы, — у насъ, въ Россіи, стало возникать только съ недавняго времени. При прежнемъ порядкѣ дѣлъ, оно и не могло быть иначе. Конечно и прежде были люди, которые сознавали пользу и необходимость народнаго образованія, но, при существованіи прежняго порядка, они могли оставаться только при одномъ безплодномъ сознаніи. Крѣпостное право, охватывавшее всѣ наши взаимныя отношенія, проникавшее во всѣ изгибы нашей частной и общественной жизни, представляло неодолимые препятствія къ усиленному осуществленію мысли, можетъ быть, не разъ возникавшей въ головѣ не одного изъ нашихъ передовыхъ людей. Значеніе этихъ препятствій было слишкомъ очевидно.

Но когда словомъ нынѣ царствующаго Государя, крѣпостное право осуждено было на изгнаніе, причины, связывающія ходъ поступательнаго движенія въ нашей государственной и общественной жизни, на пути къ нормальному развитію, должны были потерять свѣю прежнюю силу и значеніе. Людямъ, неравнодушнымъ къ народному благу, развязаны были руки, и они, съ полной надеждой на успѣхъ, могли идти къ цѣли, при прежнемъ порядкѣ вещей, рѣшительно, недостижимой. Учрежденіе

бесплатныхъ училищъ быстро распространяется, что доказываетъ сознание потребности ихъ и порывъ общества къ умственному и слѣдовательно матеріальному улучшенію своего положенія.

Первая мысль объ устройствѣ воскресныхъ школъ въ Россіи принадлежитъ бывшему профессору университета св. Владиміра, П. В. Павлову, а инициатива осуществленія ея — студентамъ этого университета.

Молодые люди, руководимые своимъ профессоромъ, сумѣли усвоить себѣ прочное убѣжденіе, что въ дѣлѣ народнаго образованія усилія одного правительства не могутъ принести тѣхъ результатовъ, какіе могли бы быть достигнуты, еслибъ все общество подоспѣло на помощь ему и своими собственными усиліями содѣйствовало распространенію, по крайней мѣрѣ, грамотности. Имѣя въ виду примѣръ Англіи, которая обязана своимъ элементарнымъ школамъ лучшими реформами въ ремесленныхъ сословіяхъ, великими открытіями въ промышленномъ и социальномъ мірѣ, — кіевскіе студенты составили общество и, въ октябрѣ прошлаго года, заложили первый камень въ основаніе воскресныхъ школъ.

11 го числа этого мѣсяца, съ разрѣшенія начальника учебнаго округа, была открыта первая школа, въ зданіи кіево-подольскаго дворянскаго училища, преимущественно для рабочаго населенія города. Черезъ двѣ недѣли (25 ч.) такая же школа была основана въ зданіи кіевского уѣзднаго училища.

Къ обученію грамотѣ допускались не только дѣти, но и взрослые. Кругъ ученія ограничивался преподаваніемъ чтенія и письма, для совершенно безграмотныхъ: закона божія, начальныхъ правилъ арифметики и вычисленій на счетахъ и бумагѣ для тѣхъ, которые могли, по крайней мѣрѣ, читать свободно. Ученики опять раздѣлялись на двѣ категоріи, на тѣхъ, которые ничего еще не знаютъ и должны начинать съ азбуки, и тѣхъ, которымъ болѣе или менѣе извѣстно уже употребленіе алфавита. Преподаваніе грамоты и арифметики возложено на студентовъ, участвовавшихъ въ учрежденіи общества; общій надзоръ за ходомъ ученія, а равно направленіе преподаванія, поручено было профессору Павлову и штатнымъ смотрителямъ тѣхъ училищъ, гдѣ помѣщаются школы. Правила обученія въ этихъ школахъ, принятые въ руководство первыми ихъ учредителями, впоследствии послужили основаніемъ и для другихъ воскресныхъ школъ, открытыхъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Главныя основанія этихъ правилъ были слѣдующія: для первоначальнаго уп-

ражненія въ чтеніи и письмѣ принята извѣстная метода Золотова. Преподаватель, въ виду всѣхъ учениковъ, раскладываетъ билеты, на которыхъ изображены въ большемъ форматѣ буквы печатнаго алфавита, и распредѣляетъ эти буквы такимъ образомъ, чтобы они составляли отдѣльные слоги, а вмѣстѣ взятые слоги — цѣлыя слова. Ученики обязаны при этомъ выводить буквы предлагаемыхъ словъ, на розданныхъ имъ аспидныхъ доскахъ, и за тѣмъ слушать учителя, который принимается толковать, что эти слова состоятъ изъ такихъ-то частей или слоговъ, а въ слогахъ этихъ слышатся такіе-то звуки, которые и изображаются извѣстными знаками или буквами. Указывая на слова, слоги и буквы, преподаватель долженъ удерживаться отъ грамматическихъ названій: слово, слогъ, буква; все это онъ долженъ показать нагляднымъ образомъ, то складывая рядомъ, то разставляя буквы или, лучше, билеты съ изображеніемъ буквъ. Такимъ образомъ, ученику разомъ представляется цѣлое слово, выражающее извѣстное ему понятіе, и тѣмъ, облегчающее памяти его удерживать въ умѣ самыя знаки, которыми изображено это слово. Употребленіемъ различныхъ словъ, раздѣленіемъ ихъ на слоги и указаніемъ одинаковыхъ буквъ въ слогахъ, въ памяти учениковъ напечатлѣвается весь алфавитъ; при чемъ преподаватель долженъ выбирать слова малосложныя — сначала двусложныя, для того, чтобы не затруднять учениковъ въ соединеніи слоговъ; эти слова должны выражать понятія, наиболѣе доступныя простой рѣчи; а въ сложеніи слоговъ и произношеніи словъ, должны участвовать всѣ ученики безъ исключенія. Рядомъ съ обученіемъ чтенію идетъ обученіе письму. Въ то время, когда преподаватель раскладываетъ буквы для составленія извѣстнаго слова, ученики, имѣя каждый передъ собою аспидную доску и грифель, копируютъ эти буквы у себя на доскахъ. Это копированіе, давая ученику понятіе о начертаніи буквъ, въ тоже время, способствуетъ къ удержанію ихъ въ памяти, къ заучиванію наизусть: здѣсь чтеніе и письмо одно другому помогаютъ. Впослѣдствіи, когда сознаніе учащихся укрѣпится, и они не будутъ ошибаться въ различеніи и начертаніи буквъ, употребляемыхъ въ печати, преподаватель долженъ показать уже болѣе свободное начертаніе ихъ — начертаніе письменное. По арифметикѣ предположено было сообщеніе учащимся практическаго навыка, разрѣшать первыя четыре правила надъ цѣлыми, а если возможно, дробными числами. Тѣхъ, кому это будетъ особенно полезно, предположено ознакомить съ правилами: тройнымъ, учета

пекселей, товарищества и смѣшенія, а также съ счисленіемъ на счетахъ, но особенно, предположено имѣть въ виду, дразвитіе въ учащихся навыка къ быстрому умственному счету (метода Груббе). Впрочемъ, что касается до изложенія правилъ ариѳметики и упражненій въ вычисленіяхъ на счетахъ и бумагахъ—здѣсь всякая дидактика, всякое общее правило, предполагались для преподавателя стѣснительными. Ему только было вмѣнено въ обязанность не забывать, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми, которыхъ кругъ понятій ограниченъ, которые въ ученіи преслѣдуютъ цѣли чисто практическія, житейскія; а потому въ выборѣ задачъ и примѣровъ, онъ не долженъ упускать изъ виду этихъ цѣлей. Стараясь быть понятнымъ и общедоступнымъ для каждаго, въ то же время онъ долженъ развивать собственную самостоятельность ихъ: поощрять прилежныхъ, побуждать къ общему труду, къ взаимному содѣйствію въ учебныхъ занятіяхъ.

Въ день открытія первой воскресной школы въ Кіевѣ, на Подолѣ, 11-го числа октября, пришли учиться до 50-ти человекъ. Впослѣдствіи, это число возрастало и доходило до 100 и болѣе. Постоянный численный составъ учащихся подвергался незначительнымъ колебаніямъ. Изъ отчета, въ февралѣ мѣсяцѣ представленнаго попечителю кіевскаго учебнаго округа о состояніи кіево-подольской воскресной школы, видно, что число записанныхъ, и болѣе или менѣе посѣщающихъ школу, доходило до 101 человекъ; въ дѣйствительности же, еженедѣльно бывало въ классахъ отъ 67 до 80 человекъ. Изъ нихъ, большая часть была изъ сословія мѣщанъ (33) и крѣпостныхъ крестьянъ (29). За тѣмъ приходило въ школу: изъ кантонистовъ 9, дворянъ 5, одноподворцевъ 4, казаковъ 3, вольноотпущенныхъ 2. Всѣ они, за исключеніемъ пяти дворовыхъ людей и двадцати мальчиковъ, которыхъ занятія еще не опредѣлились, принадлежали ремесленному классу. Въ новоустроенной школѣ, въ самое короткое время — въ теченіи перваго мѣсяца со дня открытія ея — число учащихся дошло до 60, потомъ постоянно возрастало и въ концѣ марта простиралось уже до 148 человекъ. Изъ нихъ были, по сословіямъ: крестьянъ 92, мѣщанъ 25, кантонистовъ 25, дворянъ 5, купецъ 1; по занятіямъ: ремесленниковъ 112, лакеевъ 13, неимѣющихъ занятій 14; по возрасту — отъ 8 до 15 лѣтъ 56 чел., отъ 15-ти до 20 л. 63, отъ 20 до 30 л. — 29. Замѣчательно, что число взрослыхъ (свыше 16 лѣтъ) превышало число малолѣтнихъ, а число крѣпостныхъ составляло болѣе половины

всей пиеры учащихся. Преобладающій въ школахъ классъ былъ ремесленный.

Учащимся давали въ школахъ всѣ необходимыя пособія, т. е., книги, бумагу, аспидныя доски, перья и т. п. Все это добровольно было доставлено людьми, сочувствующими дѣлу. Въ началѣ открытія въ Кіевѣ воскресныхъ школъ, на содержаніе ихъ пожертвовано было до 230 рублей. Впослѣдствіи съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, открыта въ Кіевѣ подписка на принятіе добровольныхъ приношеній, для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ, которые въ воскресныхъ школахъ должны быть безденежно раздаваемы учащимся.

Такимъ образомъ упрочивъ существованіе открытыхъ въ Кіевѣ воскресныхъ школъ, студенты университета св. Владиміра не ограничились однимъ этимъ подвигомъ. Ободренные успѣхомъ своего благороднаго дѣла и вполне сознавая, что теперь, въ Россіи, болѣе чѣмъ когда нибудь, настало время народнаго образованія, они вошли въ сношеніе съ студентами другихъ русскихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, приглашая своихъ собратьевъ по наукѣ способствовать распространенію грамотности возможно-болѣе повсемѣстнымъ устройствомъ воскресныхъ школъ. Призывъ молодыхъ людей вездѣ встрѣтилъ болѣе или менѣе дружный откликъ: во всѣхъ сословіяхъ и концахъ Россіи отозвались общимъ желаніемъ — раздѣлить трудъ элементарнаго народнаго образованія, едва ли не самаго важнаго въ умственномъ развитіи націи. Съ наступленіемъ 1860 года, черезъ два-три мѣсяца, послѣ открытія первой воскресной школы въ Кіевѣ, онѣ стали распространяться и въ другихъ городахъ. Правительство, вполне сознавая ту пользу, какую можетъ принести участіе общества, въ дѣлѣ распространенія образованности въ народѣ, поспѣшило развязать руки стремленію частныхъ лицъ къ достиженію этой цѣли. Циркуляръ министра къ начальникамъ губерній узаконилъ дозволеніе — открывать воскресныя школы и опредѣлилъ значеніе ихъ въ системѣ народнаго образованія.

Болѣе значительное развитіе воскресныхъ школъ, въ непродолжительное время, достигшее самыхъ отрадныхъ результатовъ, послѣдовало въ Петербургѣ. Оно происходило слѣдующимъ образомъ: съ разрѣшенія начальства, 10-го числа прошлаго апрѣля открыто было первое бесплатное училище рабочихъ, въ залахъ учебнаго фехтовально-гимнастическаго кадра стрѣлковаго баталіона. Здѣсь занимали воспитанниковъ гимнастикой и читали

имъ отрывки изъ книгъ, близкихъ ихъ понятію. Обязанности распорядителей и наставниковъ приняли на себя офицеры разныхъ полковъ. 17-го числа апрѣля бесплатное упражненіе въ гимнастикѣ и чтеніи сложилось въ воскресную школу, принявъ въ основаніе и руководство своихъ дѣйствій слѣдующія правила:

1) Бесплатная воскресная мужская школа учебнаго фехтовально-гимнастическаго кадра, состоящая въ вѣденіи попечителя с. петербургскаго учебнаго округа, и подъ надзоромъ директора училищъ и одного изъ штатныхъ смотрителей, имѣеть цѣлю, обученіе лицъ мужскаго пола рабочаго класса — закону божію, чтенію, чистописанію и арифметикѣ. Вновь поступившимъ, стоящимъ, по объему своихъ знаній, выше этой программы, можно преподавать геометрію и рисованіе. Дополненіе занятій школы составляютъ гимнастическія упражненія.

2) Школа открыта по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Число приходящихъ опредѣляется размѣрами помѣщенія.

3) Учащіеся раздѣляются на кружки: умѣющихъ читать и писать въ каждомъ кружкѣ полагается — отъ 4 до 8 человѣкъ; начинающихъ съ азбуки или складовъ — до 15 человѣкъ; эти цифры должны быть принимаемы только за норму, но не за предѣлъ. Какъ наставники, такъ и учащіеся приглашаются къ соблюденію порядка. Такъ какъ, при первоначальномъ обученіи, весьма важна нравственная связь между ученикомъ и наставникомъ, то принято за правило, чтобы кружокъ имѣлъ постоянно одного учителя; перемѣна послѣдняго допускается только какъ исключеніе. По тому же необходимо, чтобы каждый преподаватель въ кружкѣ имѣлъ постоянного помощника, который могъ бы замѣнить его, въ случаѣ надобности. Въ каждомъ кружкѣ учитель — полный распорядитель умственныхъ занятій и руководствуется въ томъ смыслѣ § 1 и правилами, изложенными ниже.

4) Контроль занятій предоставляется каждому посѣтителю школы, которая по существу своему — заведеніе открытое. Посѣтителю приглашаются удостовѣряться въ характерѣ занятій и сообщать свои замѣчанія, словесно и письменно, распорядителю школы, но отнюдь не тѣмъ учителямъ, которые подавъ поводъ къ замѣчаніямъ, и тѣмъ менѣе не во время занятій ихъ съ учащимися. Для записыванія замѣчаній заведена въ школѣ особая книга.

5) Замѣчанія разбираются, въ свободное отъ занятій время, учебнымъ совѣтомъ изъ участвующихъ въ веденіи школы. Совѣты эти также не составляютъ закрытыхъ засѣданій. Посѣтители школы приглашаются къ присутствію при нихъ и къ выраженію своего мнѣнія, съ соблюденіемъ необходимой постепенности въ ходѣ совѣщанія: составляющіе учебный персоналъ школы разбираютъ предложенный вопросъ, и полагаютъ проэктъ рѣшенія, который и предлагается посѣтителю для замѣчаній. Дѣльныя замѣчанія принимаются въ соображеніе при составленіи окончательнаго рѣшенія, остальные же отвергаются съ представленіемъ доводовъ, по которымъ они не могутъ быть приняты.

6) Школа обязывается публиковать еженедѣльно въ періодическихъ изданіяхъ о числѣ приходящихъ, учащихся и учащихся, о предметахъ и ходѣ занятій и о важнѣйшихъ постановленіяхъ учебнаго совѣта.

7) Желающіе быть учителями принимаются не иначе, какъ, по рекомендаціи уже занимающихся обученіемъ въ школѣ, при томъ безъ принужденія и всякаго вознагражденія, въ строгомъ смыслѣ этого слова.

8) Чтобъ дать возможность школѣ, — удовлетворять своему назначенію въ болѣе степені, поступающіе въ нее учителями соглашаются признать нравственнымъ обязательствомъ: строго и постоянно имѣть въ виду удовлетворять потребности учащихся, — знать, а не своей потребности — учить. Поэтому, во-1-хъ, учителя, при объясненіи читаемаго, должны строго сформироваться съ степенью развитія понятій своихъ слушателей, не вдаваясь въ безцѣльныя и непонятныя отвѣченныя теоріи; во-2-хъ, между учителями устанавливается нравственная круговая порука для успѣха общаго дѣла, во имя котораго всякій, замѣтивъ, что его товарищъ отклоняется отъ цѣли, имѣетъ право указать ему на это, а получившій указаніе, принимаетъ его добросовѣстно, устранивъ вопросъ личнаго самолюбія; въ 3-хъ учителя внимательно слѣдятъ за впечатлѣніемъ, производимымъ на учащихся; если послѣдніе невнимательны, то приписываютъ такое явленіе скорѣе не слабостямъ учениковъ, а недостаткамъ преподаванія; въ-4-хъ, учениковъ, къ общему составу кружка не подходящихъ (т. е. слишкомъ сильныхъ или слишкомъ слабыхъ), учителя передаютъ распорядителю школы; послѣдній переводитъ такихъ учениковъ въ другіе кружки, къ ко-

тому они болѣе подходят по способностямъ или объему знаній.

9) Матеріальныя средства школы составляютъ изъ пособія, опредѣляемаго ремесленнымъ сословіемъ и приношеній желающихъ. Отъ приношеній школы не отказываются, но не просятъ ихъ. Сумма, составленная изъ добровольныхъ приношеній, хранится въ совершенно безопасномъ мѣстѣ, и находится въ вѣденіи комитета изъ нѣсколькихъ лицъ, избранныхъ учебнымъ совѣтомъ школы.

10) Необходимымъ условіемъ со стороны наставниковъ, равно какъ и учащихся, поставляется — вѣжливость обращенія.

11) Для занятій опредѣляется приблизительно три съ половиною часа (до 5 или до 4-хъ часовъ пополудни, смотря по времени года). Распредѣляется это время приблизительно, такимъ образомъ: $\frac{1}{2}$ часа на законъ божій, $1\frac{1}{2}$ часа на чтеніе съ объясненіемъ и чистописаніе, $\frac{1}{4}$ часа на отдыхъ, $\frac{1}{4}$ часа на арифметику и $\frac{1}{4}$ часа на гимнастику.

12) Для гимнастическихъ упражненій, ученики раздѣляются на разряды, соображаясь съ тѣлеснымъ складомъ и состояніемъ здоровья. Каждому изъ нихъ назначаются гимнастическія приемы, соответствующіе этимъ условіямъ. Раздѣленіе на разряды дѣлаетъ докторъ.

13) Годовой бюджетъ школы на 150 учениковъ, — отъ 150 до 200 р. сер.

14) При школѣ, во время занятій, должно всегда находиться нѣсколько учителей для замѣны неявившихся, а также и для занятій съ тѣми, которые приходятъ нерегулярно. Наставникамъ, принявшимъ на себя добровольно обязанность бесплатнаго обученія, учебный совѣтъ вмѣняетъ себѣ въ непремѣнный долгъ, въ интересѣ общей пользы, дѣлать замѣчанія, въ случаѣ неисполненія этой обязанности.

15) Распорядитель школы избирается учебнымъ совѣтомъ изъ его среды. Одинъ и тотъ же распорядитель, можетъ быть избранъ нѣсколько разъ. Въ пособіе распорядителю избираются учебнымъ совѣтомъ изъ его среды нѣсколько помощниковъ, изъ которыхъ одинъ его замѣняетъ, въ случаѣ его отсутствія. О своей отлучкѣ распорядитель обязанъ дать знать учебному совѣту заблаговременно. Распорядитель руководитъ преніями въ учебномъ совѣтѣ; правъ же имѣеть совершенно одинакія съ другими членами учебнаго совѣта.

На основаніи этихъ правилъ, и зѣ лицъ, участвующихъ въ вее-
ніи школы, образовался учебный совѣтъ, который, въ видахъ, до-
стиженія цѣли наилучшаго развитія бесплатныхъ училищъ, нашелъ
нужнымъ войти, черезъ посредство редактора «Педагогическаго
Вѣстника» Григоровича, въ сношеніе съ учредителями провинці-
альныхъ школъ, для отобранія отъ нихъ статистическихкихъ свѣде-
ній и вопросовъ, изложенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Въ слѣдствіе какой потребности учреждена воскресная
школа?

2) Какія лица основали воскресную школу, когда и гдѣ?

3) На какія суммы содержится воскресная школа, кто ими
завѣдуетъ и на какомъ основаніи?

4) Какіе предметы преподаются въ воскресной школѣ? Не
обучаютъ ли гимнастикѣ, рисованію, пѣнію, музыкѣ?

5) Въ какіе часы дня преподается каждый предметъ?

6) Какимъ методамъ слѣдуютъ наставники въ преподаваніи
каждаго предмета? Раздѣлены-ли ученики на классы или же на
кружки, и одинъ ли и тотъ же наставникъ руководитъ однимъ
и тѣмъ же кружкомъ?

7) Какія учебныя пособія въ школѣ? Гдѣ и какъ они при-
обрѣтаются? Находится ли школа въ сношеніяхъ съ книгопро-
давцами, мѣстными и столичными, непосредственно, или же по-
средственно (т. е. чрезъ комисіонеровъ)?

8) Есть ли учебный совѣтъ изъ наставниковъ, своими сооб-
раженіями содѣйствующій успѣхамъ школы? Если есть, то ке-
лейный или открытый — для суда публики?

9) Есть ли распорядитель школы, и не избирается ли изъ
среды учебного совѣта?

10) Какъ велико число учениковъ въ школѣ, какого пола,
возраста, народности, вѣроисповѣданія, состоянія и занятія?
Приходятъ ли учащіеся постоянно или непостоянно? *Платятъ
ли и сколько платятъ за право ученія, или же, посѣщаютъ вос-
кресную школу бесплатно?*

11) Какъ велико число преподающихъ, какого пола, возраста,
народности, вѣроисповѣданія, состоянія и занятія? Гдѣ получили
образование? Обучаютъ ли безвозмездно, или же за плату?

12) Изгнаны ли принудительныя мѣры при обученіи, какъ-то:
выговоры, побои и тѣлесное наказаніе? Изгнаны ли поощритель-
ныя мѣры въ родѣ слѣдующихъ: почетной доски, почетныхъ

мѣсть и т. п. Принято ли за правило вѣжливое обращеніе съ учащимися?

13) Есть ли при школѣ кабинетъ для чтенія (бесплатный или же за плату)? *Есть ли книгосудная библіотека (бесплатная или же за плату)?* Есть ли при школѣ систематическое собраніе рисунковъ по разнымъ отраслямъ науки? Открыты ли въ воскресные и праздничные дни, въ опредѣленное время, музеи и кабинеты мѣстныхъ училищъ, для публики вообще и рабочаго класса въ особенности, и кто объясняетъ предметы, хранящіеся въ музеяхъ и кабинетахъ, посѣтителемъ и посѣтительницамъ?

14) Выдаются ли учащимся билеты (печатные или письменные), въ удостовѣреніе въ дѣйствительномъ посѣщеніи ими школы ихъ родителей, родственниковъ, опекуновъ, хозяевъ и господъ?

15) Допускается ли публика, обоего пола, къ присутствію въ воскресной школѣ, также къ участію въ совѣщаніяхъ учебнаго совѣта?

16) Въ какихъ періодическихъ изданіяхъ публикуетъ школа, отъ времени до времени, о своихъ учебныхъ занятіяхъ?

17) *Начальству какого вѣдомства подчинена воскресная школа, и каковъ характеръ внимательства этого начальства въ дѣла школы?*

Внослѣдствіи мы постараемся оцѣнить значеніе этой программы, а теперь обращаемся къ изложенію фактовъ.

Ремесленное отдѣленіе петербургской общей думы, ревнуя съ своей стороны, распространенію образованія въ здѣшнемъ рабочемъ сословіи, въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, составило приговоръ, утвержденный высшимъ начальствомъ, объ открытіи въ С. Петербургѣ воскресныхъ школъ для ремесленниковъ. Въ этихъ школахъ предполагено было преподавать: законъ божій, чтеніе, письмо, ариметику, рисованіе и черченіе. Ремесленный старшина, посредствомъ напечатаннаго въ здѣшнихъ полицейскихъ вѣдомостяхъ объявленія, доводя о томъ до свѣденія мастеровъ, просилъ тѣхъ изъ нихъ, у кого между рабочими окажутся желающіе посѣщать школы, сообщить о числѣ ихъ, письменно или словесно въ ремесленную управу, въ теченіи двухъ недѣль, чтобы можно было заблаговременно распредѣлить учениковъ по школамъ, сообразно ихъ мѣстожительству и размѣру помѣщенія школъ.

Содержаніе школы, открытой въ залахъ стрѣлковаго кадра, ремесленная управа приняла на свой счетъ. Потомъ, на счетъ ремесленной же управы, открыты были воскресныя школы: владимірская въ московской части, андреевская въ зданіи Андреевскаго уѣзднаго училища, на Васильевскомъ островѣ, сергіевская, при сергіевскомъ ланкастерскомъ училищѣ, на Литейной.

Независимо отъ того, нѣкоторые лица изъявили готовность распространить бесплатное обученіе на всѣ сословія; съ этою цѣлю, была открыта подписка для желающихъ трудомъ или денежнымъ пособіемъ — содѣйствовать этому предпріятію. По просьбѣ этихъ лицъ, получено было отъ начальства разрѣшеніе на открытіе воскресныхъ школъ. Развитіе круга и дѣятельности ихъ шло необыкновенно быстро, какъ мы увидимъ это ниже. Въ основаніе учрежденія легли слѣдующія правила:

Обучать бесплатно, въ этихъ школахъ, можетъ быть допущенъ каждый, знающій читать, писать и ариметику: но служащіе должны получить разрѣшеніе своего ближайшаго начальства, а не служащіе и не получившіе права на преподаваніе, — разрѣшеніе г. попечителя учебнаго округа, которому и сообщается свѣденіе о всѣхъ преподавателяхъ въ школахъ.

Вознагражденіе обучающимъ, въ какой бы формѣ оно ни было, допущено быть не можетъ, какъ несогласное съ характеромъ самаго основанія школъ.

Школѣ можетъ посѣщать каждый, желающій учиться грамотѣ; во время занятій она также открыта для каждаго, желающаго ознакомиться съ методомъ обученія и проч.

На основаніи этихъ правилъ, возникли воскресныя школы въ Петербургѣ: первая — въ залахъ гвардейскаго экипажа, вторая — въ гальванопластической ротѣ инженернаго вѣдомства, третья — введенская, на Петербургской сторонѣ, въ зданіи введенскаго уѣзднаго училища, четвертая — самсоньевская на Выборгской сторонѣ. Число учениковъ въ этихъ школахъ, постоянно возрастаая, доходитъ: въ залахъ стрѣлковаго кадра до 114 чел., владимірской 350 ч., андреевской 127 ч., сергіевской 49 ч., въ зданіи гвардейскаго экипажа 102 ч., въ помѣщеніи гальванопластической роты 130 ч., введенской 28 и самсоньевской 141 ч. Инициатива открытія этой послѣдней школы принадлежитъ лицамъ, пригласившимъ къ содѣйствію студентовъ медико-хирургической академіи, которые съ полною готовностію отозвались на предложеніе; а фабриканты Выборгской стороны, вызва-

лись поддержать школу деньгами и побужденіемъ рабочихъ къ ученію.

Въ дѣлѣ преподаванія, петербургскія воскресныя школы болѣе или менѣе руководствуются тѣми основаніями, на которыя мы указали выше. Но вообще онѣ не стѣсняются никакими общими или указными правилами, а живутъ каждая своею жизнію. Въ каждой школѣ есть свой учебный совѣтъ, который заботится о ней. Такъ, по предварительному обсужденію, въ учебномъ совѣтѣ андреевской воскресной школы, приняты въ ней слѣдующія правила, доведенныя до свѣденія публики, въ одномъ изъ періодическихъ изданій; мы означимъ здѣсь болѣе замѣчательныя изъ этихъ соображеній.

1) Ученье въ школѣ бываетъ по воскреснымъ днямъ, отъ двухъ до пяти часовъ пополудни.

2) Выборъ методы преподаванія вполне свободный.

3) *Принудительныя* и поощрительныя мѣры устранины. Въ случаѣ нарушенія порядка будетъ оплаемо замѣчаніе, но не личное.*

4) Школа открыта для посѣтителей, замѣчанія которыхъ передаются не лично тому, до кого они относятся, но или распорядителю, или же вносятся въ особую книгу. Обязанность распорядителя исполняется по очереди всѣми преподавателями. Эта обязанность состоятъ: а) въ распредѣленіи вновь приходящихъ учениковъ по кружкамъ, согласно со степенью ихъ познаній; б), въ ознакомленіи посѣтителей и посѣдительницъ съ школою; в), *съ собраніи статистическихъ свѣдѣній.*

5) Учебный совѣтъ школы собирается еженедѣльно, по субботамъ, въ шесть часовъ вечера, въ зданіи андреевскаго уѣзднаго училища. Засѣданія совѣта открыты для посѣтителей, которыхъ замѣчанія вносятся въ особую книгу.

6) Статистическія данныя о числѣ, возрастѣ, народности, вѣроисповѣданіи, состояніи и занятіи преподавателей будутъ еженедѣльно печататься, вмѣстѣ съ главнѣйшими положеніями учебныхъ совѣтовъ.

7) *Образъ обхожденія учащихъ съ учащимися принять, само собою разумѣется, вѣжливый.*

Вотъ общая идея, поставленная въ основу нашего элементарнаго народнаго образованія. Мы уже замѣтили, что каждая школа, въ области своихъ дѣйствій, распоряжается независимо отъ другой; сообразно тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ и условіямъ,

она можетъ измѣнять свои воззрѣнія на систему преподаванія, метода и практическое выполненіе его, но въ сущности идея остается та же, и различіе въ приѣмахъ преподавателей, въ составѣ самой школы и матеріальномъ ея состояніи, не нарушаетъ общаго стремленія къ одной великой цѣли.

По мѣрѣ того, какъ движеніе вопроса о народномъ образованіи возбуждало общественный интересъ, учебный совѣтъ воскресной школы стрѣлковаго кадра — первый заявилъ о возможности открыть частныя женскія школы. Мысль его немедленно осуществилась. Преподаваніе въ ней предполагалось поручить дамамъ, которыя, на помощь себѣ, могутъ, въ случаѣ надобности, пригласить мужчинъ, опытныхъ въ дѣлѣ элементарнаго преподаванія. Вслѣдъ затѣмъ, 27 августа, была открыта первая воскресная женская школа въ классахъ второй гимназіи. Обученіе приняли на себя нѣсколько дамъ и дѣвицъ. Общее распорядженіе по школѣ взяла на себя М. С. Шпилевская. По проекту, составленному распорядительницей, методъ преподаванія предоставленъ усмотрѣнію преподающихъ, въ томъ предположеніи, что каждая преподавательница будетъ заниматься въ школѣ такъ же, какъ бы она занималась съ своими сестрами или дѣтьми, и слѣдовательно употребитъ всѣ старанія, чтобы способъ преподаванія былъ, по возможности, легкій и доступный учащимся. Число ученицъ втеченіе недѣли возрасло до 200. Въ октябрѣ, явилась вторая женская школа въ Маринскомъ училищѣ, въ этомъ простоя, но благородномъ заведеніи. Ремесленная управа обязалась доставлять школѣ все необходимое для поддержанія ея матеріальныхъ средствъ.

Въ Москвѣ мысль о воскресныхъ школахъ, возникла среди студентовъ тамошняго университета, приглашенныхъ, какъ мы уже сказали, студентами кievскаго университета. Скоро кружокъ молодыхъ людей увеличился присоединеніемъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе преподавать въ воскресныхъ классахъ. Попечитель кievскаго учебнаго округа, г. Пироговъ, по просьбѣ московскаго общества, сообщилъ подробныя свѣденія объ устройствѣ кievскихъ воскресныхъ школъ и ходѣ преподаванія въ нихъ, такъ что при составленіи проекта московскихъ бесплатныхъ училищъ, уже можно было воспользоваться нѣкоторыми данными, провѣренными первымъ опытомъ. Соображенія, представленные въ ноябрѣ прошлаго года на разсмотрѣніе правительства были утверждены въ апрѣлѣ текущаго года, и тогда приняты были нѣкоторыя мѣры для матеріальнаго обезпеченія

будущихъ школъ. По добровольной подпискѣ, открытой въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, собрано было 449 р. сер. Литературное утро, устроенное литераторами и артистами театра, доставило въ распоряженіе учредителей школъ 350 р. Съ такими средствами приступили къ открытію въ Москвѣ бесплатныхъ воскресныхъ школъ, для помѣщенія которыхъ, начальство Московскаго учебнаго округа предоставило начальныя и уѣздныя училища.

Первая воскресная школа открыта 12 іюня въ зданіи 1 уѣзднаго училища (въ Ипатьевскомъ переулкѣ, противъ Городской Части). Число явившихся въ самый день ея открытія (156 чел., изъ нихъ грамотныхъ 85, остальные неграмотные) заставило озаботиться немедленнымъ устройствомъ новыхъ школъ, которыя могли бы отвлечь часть учениковъ городского училища и принять въ себя вновь поступившихъ. 19 іюня открыта была вторая школа, въ мѣщанскомъ начальномъ училищѣ (у Адриана и Наталіи, на 2-й мѣщанской); 26-го іюня — третья, у серпуховскихъ воротъ, въ домѣ серпуховскаго училища; 3-го іюля — четвертая, на Лубянкѣ, въ домѣ 3-й реальной гимназіи. Число учащихся было: въ мѣщанской школѣ отъ 28 до 42, въ серпуховской отъ 42 до 51 и въ лубянской отъ 180 до 134. Такимъ образомъ, 3-го іюля, во всѣхъ четырехъ школахъ было на лицо 267 человекъ, по спискамъ 321. Хотя въ объявленіи объ открытіи воскресныхъ школъ не было упомянуто о женскихъ воскресныхъ классахъ, но явилось очень много дѣвицъ, съ просьбою принять ихъ въ число воспитанниковъ. На 20 учениковъ приходится 5 лицъ женскаго пола, изъявившихъ желаніе учиться по воскресеньямъ и праздникамъ. Чтобы удовлетворить высказанной такимъ образомъ потребности, предложено было открыть въ непродолжительномъ времени женскую воскресную школу на Твердомъ Бульварѣ, въ тверскомъ начальномъ училищѣ. Каждая воскресная школа раздѣляется а) на отдѣленіе грамотное, и б) отдѣленіе неграмотное. Въ отдѣленіи неграмотномъ обучаютъ: 1) закону божію, 2) чтенію и 3) письму. Отдѣленіе грамотное занимается: 1) отчетливымъ чтеніемъ, 2) письмомъ, 3) арифметикою до сложнаго тройнаго правила включительно и практическими упражненіями на счетахъ. Желающіе учатся техническому рисованію. Преподаваніе сложилось въ такомъ видѣ:

1) *Чтеніе въ грамотномъ отдѣленіи.* Вмѣстѣ съ учениками учитель читаетъ какой нибудь краткій рассказъ; онъ заставляетъ воспитанниковъ повторить прочитанное; поясняетъ содержаніе отрывка подробностями изъ естественной исторіи, технологіи,

исторіи отечественной; иногда подкрѣпляетъ свои объясненія указаніями на рисунокѣ. Въ настоящее время читаются въ классѣ 1) отрывки изъ книги о великомъ божіемъ мірѣ, Максимовича и 2) 4 и 5-й выпускъ Народныхъ бесѣдъ, г. Григоровича (Русскіе знаменитые простолудины и нравы и обычаи разныхъ народовъ *). II) *Чистописаніе*. Ученики пишутъ съ прописей, а болѣе набившіе руку въ письмѣ съ книги, для механическаго навыка въ правописаніи. III) *Арифметика*, по методѣ Грубе. Въ неграмотномъ отдѣленіи обучаютъ кромѣ закона божія чистописанію, по американской методѣ. Большую часть времени занимаетъ обученіе чтенію. Отстранивъ методу Золотова, въ московскія воскресныя школы приняли такъ-называемую звуковую методу, обще-извѣстную въ народныхъ школахъ Германіи. При этой методѣ употребляется складной букварь. Преподаватель технического рисованія, дѣлитъ учениковъ на группы и занимается съ каждою рисованіемъ, примѣнительно къ тому ремеслу или производству, которое избираетъ воспитанникъ. Двери воскресной школы, во всякое время года, открыты всякому новичку.

Положительно запрещая всякія наказанія, московскія воскресныя школы считаютъ не лишнимъ поощрять наградами прилежаніе въ своихъ добровольныхъ ученикахъ; эти награды будутъ состоять въ раздачѣ полезныхъ книгъ тѣмъ, которые окажутъ наиболѣе усердія и ревности къ ученію. Тѣ, которые вслѣдствіе неправильнаго посѣщенія классовъ или другихъ причинъ, отстали отъ товарищей, — составляютъ въ каждой школѣ особое отдѣленіе — новичковъ и отстающихъ. Оно имѣетъ своихъ наставниковъ. Преподаваніемъ въ четырехъ воскресныхъ школахъ занимаются 23 человекъ — изъ нихъ 16 студентовъ университета, 3 священника, 1 діаконъ, 1 ученый садовникъ, 2 принадлежащихъ къ университету лица, имѣющихъ право на преподаваніе.

*) *Примѣчаніе*. Доселѣ мы не касались критическимъ анализомъ тѣхъ фактовъ и соображеній, которыя изложены въ этой статьѣ; но здѣсь не можемъ умолчать, что книга г. Григоровича, такъ дурно принятая литературнымъ и общественнымъ мнѣніемъ, книга, наполненная всевозможными промахами, недосмотрами и ошибками, а главное — написанная, если не съ отвращеніемъ, то съ глубоко-невѣжественнымъ равнодушіемъ къ предмету и дѣля ея, — и эта книга принята въ системѣ элементарнаго образованія. Такое явленіе можно объяснить только пословицей: «на безрыбьи и ракъ рыба.»

даваніе. Черезъ каждыя четыре урока, всѣ преподаватели воскресной школы, балотируются на право продолжать въ нихъ преподаваніе; неспособные уstraпаются посредствомъ балотировки. Изъ суммы, до сихъ поръ собранной, издержано на приобретеніе книгъ и другихъ учебныхъ пособій 132 руб. 70 коп. сер; остается 666 руб. 30 коп. Изъ книгъ, нѣкоторыя употребляются только въ классахъ, другія выдаются для чтенія на домъ, третьи раздаются ученикамъ въ видѣ подарковъ.

Москва, запоздавшая передъ Петербургомъ въ открытіи мужскихъ воскресныхъ школъ, не отстала отъ него въ учрежденіи женскихъ; 28 августа, открыта, при частномъ учебномъ заведеніи генераль-маіорши баронесы Фитинговъ-Шиль, первая бесплатная женская школа, въ которой учатъ закону божію, чтенію и письму. Ученіе взяли на себя классныя дамы и воспитанницы пансіона г-жи Фитинговъ.

Для провинцій кіевскія воскресныя школы также послужили сигналомъ къ основанію такихъ заведеній въ разныхъ частяхъ Россіи. Съ наступленіемъ нынѣшняго года, онѣ начали открываться одна за другою. 28 февраля, открыта была въ Одессѣ воскресная школа. Въ день открытія учениковъ явилось 42, черезъ четыре дня ихъ было уже 70, черезъ двѣ недѣли 100. Число учащихся заставило раздѣлить открытую школу на двѣ, а познанія учениковъ вынудили дѣленіе каждой школы на два отдѣленія: неграмотныхъ и малограмотныхъ. Въ каждомъ отдѣленіи каждое воскресенье предположены три урока, продолжающіеся каждый отъ сорока до шестидесяти минутъ. Въ отдѣленіяхъ неграмотныхъ первый урокъ назначенъ на обученіе чтенію по методѣ Золотова; второй письму, по той же методѣ; третій писанію цифръ и первымъ ариѳметическимъ правиламъ, устно, письменно и особенно по счетамъ. Въ отдѣленіи малограмотныхъ первый урокъ посвящается на правописаніе по практическимъ и теорическимъ методамъ; второй урокъ идетъ на чтеніе, при чемъ поправляется произношеніе и объясняется значеніе словъ. Чтеніе сопровождается простымъ, доступнымъ смыслу воспитанниковъ, рассказомъ изъ русской исторіи, географіи, объясненіемъ нѣкоторыхъ физическихъ явленій, какъ напримѣръ, грома, молніи, радуги и проч., объясненіемъ употребленія термометра.

Въ третьемъ урокѣ занимаются упражненіемъ въ первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ. Ученикамъ, уже знаю-

щимъ арифметику положено преподавать наглядно-элементарныя понятія изъ геометріи, примѣнительно къ ихъ спеціальнымъ ремесламъ. Въ Одессѣ учрежденіе воскресныхъ школъ встрѣчено было общимъ сочувствіемъ, заявленнымъ щедрыми приношеніями въ ихъ пользу. При самомъ началѣ устройства ихъ извѣстныя артистки, сестры Неруды, въ пользу воскресныхъ школъ, дали нѣсколько концертовъ. Отъ этихъ концертовъ и другихъ пожертвованій получено на воскресныя и приходскія школы 3,615 руб. Такимъ образомъ представилась возможность удовлетворить неизбежной потребности, для которой собираютъ деньги. Съ этой цѣлью, одесская городская дума пригласила на собраніе въ биржевую залу нѣсколько лицъ, принимавшихъ наиболѣе-дѣятельное участіе въ присканіи матеріальныхъ средствъ для школъ и нѣкоторыхъ изъ преподавателей. Въ собраніи разсуждали о томъ, какъ и на что употребить собранныя деньги? Большинствомъ голосовъ было принято: открыть школу грамотности, состоящую изъ одного класса, на Пересыпѣ, какъ предмѣстьи, имѣющемъ значительное населеніе и давно уже нуждающемся въ подобномъ заведеніи. На наемъ дома и первоначальное устройство этой школы опредѣлено употребить 250 р. и на жалованье учителю 200 р. въ годъ; сверхъ того, назначить ему квартиру въ домѣ училища и особо премію за каждаго ученика, выученнаго имъ порядочно читать, писать, считать и знать основныя молитвы — по два руб. сер. Въ школѣ этой учать до обѣда мальчиковъ, а послѣ обѣда дѣвочекъ, сдѣлавъ это на первое время въ видѣ опыта. Жалованье учителю школы грамотности на Новой Слободкѣ опредѣлено также въ 200 р. годъ, съ такимъ же вознаграженіемъ его особою платою, въ видѣ преміи, какъ опредѣлено для пересыпской школы. Профессору Ричельевского лицея, Орбинскому, и почетному смотрителю Одесскаго уѣзднаго училища, графу Толстому, предложено осматривать приходскія училища въ городѣ и пригородныхъ селеніяхъ, по нѣскольку разъ въ годъ, и давать съ общаго согласія вознагражденіе тѣмъ учителямъ, которые оказали особое усердіе къ своей обязанности и у которыхъ ученики наиболѣе успѣли въ ученіи. На этотъ предметъ опредѣлено 800 р. Лица, ревизующія школы, обязаны давать отчетъ, кому и за что признано ими выдавать вознагражденія. Составленіе бібліотеки при воскресныхъ школахъ и собраніе книгъ положено возложить на А. И. Серебрякова, изъявившаго на это полную свою готовность.

Въ Казани воскресная школа открылась подъ вѣденіемъ адъ-

юнкта тамошняго университета Чугунова. Преподаваніе въ ней приняли на себя студенты — филологическаго и отчасти математическаго факультетовъ. Число преподавателей дало возможность раздѣлить школу на нѣсколько отдѣленій. Директоръ казанскихъ училищъ предоставилъ для воскресной школы помѣщеніе въ домѣ уѣзднаго училища. Нѣкоторые хозяева разныхъ мастерскихъ, магазиновъ и лавокъ изъявили готовность посылать въ школы живущихъ у нихъ мальчиковъ. Принимая въ соображеніе, что въ Казани много стремленія къ грамотности и образованію, что тамъ дѣтскіе приюты и приходскія училища полны учащихся — можно полагать, что въ этомъ городѣ потребуется не одна воскресная школа.

Далѣе воскресныя школы были открыты въ Рязани, въ Твери и въ Нѣжинѣ. Тверская школа, обязана своимъ существованіемъ учителямъ тамошней гимназій и уѣзднаго училища. Открытіе ея въ Нѣжинѣ состоялось трудами и пожертвованіями студентовъ тамошняго лица. Потомъ воскресныя школы, одна за другой, возникли въ Могилевѣ, Самарѣ, Пензѣ, Александріи, Костромѣ, Архангельскѣ, Астрахани и Оренбургѣ. Въ Могилевѣ въ пользу воскресной школы данъ былъ концертъ, доставившій 266 р. Въ Полтавѣ воскресную школу открыли гимназисты седьмаго класса, и сами, вмѣстѣ съ тремя священниками, преподають въ ней. Для наблюденія за преподаваніемъ въ этой школѣ учрежденъ педагогическій совѣтъ. Въ Воронежѣ воскресная школа открыта дѣятельнымъ участіемъ бывшаго директора тамошней гимназій, который снабдилъ школу всѣми необходимыми матеріалами и взялъ на свой счетъ плату жалованья учителю. Въ Орлѣ открыта воскресная школа съ помощію спектакля, даннаго въ ея пользу, который доставилъ 200 р. Въ Ярославлѣ, при тамошнемъ уѣздномъ училищѣ открыты воскресные классы. Потомъ они учреждены въ Нижнемъ Новгородѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Хотинѣ и Старой Руссѣ. Изъ нихъ *въ нижегородской, саратовской и симбирской школахъ, безплатное преподаваніе приняли на себя учителя тамошнихъ гимназій.* Въ Симбирскую школу учениковъ явилось до 200. Въ Хотинѣ почтенный блюститель еврейскихъ училищъ, Добрылинъ, просилъ дозволенія посѣщать школу еврейскимъ мальчикамъ. Разумѣется, оно было дано и въ первый день открытія школы явилось учениковъ 101, изъ коихъ 49 христіанъ и 52 еврея. Въ Старой Руссѣ составилось частное общество обученія. Воскресная школа открыта тамъ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя приняты петербургскими воскресными школами; но въ пра-

вила старорусскаго общества вошли, независимо отъ правилъ петербургскихъ школъ, слѣдующія положенія: 1) Общество старорусской бесплатной воскресной школы состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ — обоюго пола. 2) *Всѣ преподаватели даровые, и друить бытъ не можетъ.* 3) Всѣ преподающіе считаются дѣйствительными членами, и имена ихъ вносятся въ книгу. 4) Лица, содѣйствующія существованію школы денежными или другими пособіями, а равно и нравственнымъ вліяніемъ на городскихъ жителей, будутъ считаться почетными членами, и имена этихъ благотворителей вносятся въ особенную книгу.

Какіе бы результаты ни ожидали первый опытъ въ нашемъ народномъ образованіи, но и тѣ факты, которые изложены здѣсь, ясно доказываютъ глубоко-сознающую необходимость умственнаго развитія въ такъ называемыхъ низшихъ рядахъ общества. Какъ привьется это развитіе, какое направленіе оно приметъ въ будущемъ поколѣніи и насколько окажетъ услугъ нашему будущему прогрессу, — теперь трудно предвидѣть; во всякомъ случаѣ основаніе воскресныхъ школъ мы считаемъ лучшимъ явленіемъ нашего времени. Какъ жьво, по крайней мѣрѣ, на первый разъ принята идея ихъ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ проявленій общественнаго стремленія:

1) Въ началѣ настоящаго года открыта въ Кіевѣ женская гимназія, для которой бывший кіевскій губернаторъ, Фундуклей, пожертвовалъ два каменные дома, и сверхъ того по 1200 р. ежегодно, пока будетъ существовать это учебное заведеніе, на обезпеченіе его содержанія. Въ настоящее время учреждается при немъ особое отдѣленіе на Подолѣ, на чтѣ купеческое сословіе уже пожертвовало до 25,000 р.

2) Кіевского уѣзда въ селѣ Козаровичахъ помѣщицы Бояръ-Петровецкой — приходскимъ священникомъ Пасинскимъ, вмѣстѣ съ другими лицами, открыты школы при церквахъ.

3) Кіевской губерніи радомысльскаго уѣзда въ Каменно-Бродской вотчинѣ помѣщиками Владиміромъ и Вареоломеемъ Ивановичами Савицкими учреждено приходское для крестьянскихъ мальчпковъ училище.

4) Бѣльскаго уѣзда въ деревнѣ Клематинѣ открыто училище для крестьянскихъ дѣтей. Мысль объ учрежденіи этой школы принадлежитъ самимъ крестьянамъ деревни Клематины. На первый разъ, школа помѣстилась въ домѣ одного крестьянина Павла Медвѣдова, какъ главнаго дѣятеля въ осуществленіи этой мысли.

5) Купецъ Я. Г. Кокоревъ пожертвовалъ 180 руб. для усиленія средствъ на покупку дома подъ училище для дѣвицъ въ г. Тотмѣ.

6) Въ Иркутскѣ положено основать школу для приходящихъ дѣвицъ. Съ этою цѣлью тамошнее городское общество жертвуетъ ежегодно по 2,000 руб. и даетъ временное помѣщеніе для школы.

7) Ковенское дворянство пожертвовало 30,000 руб. на устройство въ г. Ковно женской гимназіи, открытой по желанію императрицы Маріи Александровны, пожертвовавшей съ этою цѣлью 3,000 руб.

8) Въ селѣ Тарандаевѣ вологодскаго уѣзда открыта женская школа, основанная иждивеніемъ тамошняго крестьянина Сорокина.

9) Въ тольвуйскомъ погостѣ петрозаводскаго уѣзда жена пономаря, безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, воспитываетъ крестьянскихъ дѣтей въ своемъ домѣ.

10) Въ міаскомъ заводѣ открыта женская школа въ домѣ священника, принявшаго на себя обученіе дѣтей грамотѣ бесплатно, при помощи церковно-служителей и дочери дьячка.

11) Въ Москвѣ дьякономъ софійской церкви Борисоглѣбскимъ устроена частная праздничная школа для дѣтей ремесленниковъ.

12) Въ слободѣ Аргополовѣ галичскаго уѣзда на счетъ владѣльца г. Оболенскаго открыта школа грамотности для крестьянскихъ дѣтей.

13) Въ Минусинскѣ на предполагаемое женское училище собрано до 1,800 руб.

14) Въ Уфѣ собрано на учрежденіе женскаго училища до 8,000 руб.

15) Въ Вытегрѣ предположено открыть женское училище. Нашлись лица, изъявившія желаніе заниматься обученіемъ дѣвицъ бесплатно.

16) Въ Саратовѣ признана потребность въ учрежденіи училища для образованія дѣтей мѣщанскаго сословія. Въ осуществленіи этой мысли самое дѣятельное участіе принимаетъ купецъ Жегинъ, пожертвовавшій 500 руб. Тѣкую же сумму жертвуетъ купецъ Никитинъ, а всего надѣются собрать по подишкѣ до 10,000 руб.

17) Въ Козельскѣ, открыто дворянствомъ училище для дѣтей бѣдныхъ родителей.

18) Въ Кияшневѣ при приходскомъ училищѣ устроены женскіе классы, на что г. Кассо изъявилъ готовность жертвовать ежегодно по 300 руб.

19) Коломенскаго уѣзда въ селѣ Бѣлы-Колодцы на собственный счетъ крестьянина Мосолова учреждено училище для крестьянскихъ дѣтей, получившее съ высочайшаго соизволенія названіе: училище крестьянина Т. Мосолова.

Всѣ эти факты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ сильно развивающемся сочувствіи всѣхъ нашихъ сословіи къ дѣлу народнаго образованія.

Разсматривая воскресныя школы, какъ новое явленіе въ нашей жизни, надо замѣтить, что въ неожиданномъ и быстромъ распространеніи ихъ всего отраднѣе встрѣтить сочувствіе, которое онѣ нашли въ народѣ. Учениками воскресныхъ школъ являлись не только мальчики и молодые люди, но и пожилые, лѣтъ за 30-ть и болѣе. Женскій полъ вездѣ, гдѣ открывались училища для дѣвицъ, выказывалъ особенную охоту къ усвоенію грамоты. Въ Москвѣ, при самомъ началѣ открытія воскресныхъ школъ, стали являться въ нихъ дѣвицы, что и показало дѣйствительную потребность въ учрежденіи училищъ для женскаго пола. Въ Одесской воскресной школѣ постоянно преобладалъ женскій элементъ, въ сравненіи съ мужчинами. Молодыя дѣвочки отъ 10 до 14 лѣтъ, аккуратно, рано утромъ являлись въ школу каждое воскресенье, не смотря на отдаленность своего жительства, и разъ начавъ занятія, продолжали ихъ съ усердіемъ. Вообще число учащихся въ воскресныхъ школахъ постоянно возрастаетъ; къ посѣщенію ихъ, какъ въ первые дни ихъ открытія, такъ и въ послѣдующее за тѣмъ время никакихъ принудительныхъ мѣръ не употреблялось. Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній предписано было не прибѣгать къ такимъ мѣрамъ и не заставлять мастеровъ непременно посылать учениковъ въ школы, потому что принужденіе можетъ произвести нерасположеніе и недовѣріе къ первоначальному ученію. Впрочемъ и не было никакой надобности въ принужденіи. Вездѣ гораздо больше чувствовалось недостатка въ помѣщеніи или матеріальныхъ средствахъ, чѣмъ въ необходимости собирать или упрашивать охотниковъ учиться.

Съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдуетъ отдать справедливость заслугамъ тѣхъ лицъ, которые умѣли понять насущныя требованія современной эпохи, и высказали свои благородныя стремленія не однимъ словомъ, но и дѣломъ. Лица эти явились изъ круга, болѣе

образованнаго у насъ: это были большею частію студенты, профессоры, учителя, офицеры, при нѣкоторомъ матеріальномъ содѣйствіи со стороны купцовъ.

Въ петербургскихъ воскресныхъ школахъ самостоятельность каждой изъ нихъ составляетъ одно изъ главныхъ условій существованія ихъ. Но не подчиняя воскресныхъ школъ никакимъ общимъ стѣснительнымъ правиламъ, учредители ихъ вполне сознаютъ ту пользу, какая можетъ происходить отъ взаимнаго между ними сношенія. И дѣйствительно, имѣя одну цѣль, онѣ должны стремиться къ достиженію ея общими силами. Поэтому взаимный обмѣнъ мнѣній, плановъ и соображеній между отдѣльными школами въ высшей степени полезенъ. Онъ облегчитъ наблюденія и сократитъ время опытовъ, которыми пройдетъ только-что начатое предпріятіе, столь трудное для отдѣльныхъ силъ и столь важное не въ теоріи, а въ его жизненномъ примѣненіи. И чѣмъ этотъ обмѣнъ будетъ шире, искреннѣй и добросовѣстнѣй, тѣмъ успѣхъ вѣрнѣй и дѣло ближе къ своей цѣли.

Другое общее правило воскресныхъ школъ — это чувство деликатности, вѣжливости отношеній между учениками и наставниками, выражаемая формулою «вы», а не «ты.» Здѣсь, конечно, говорится не о превосходствѣ того или другаго мѣстоимѣнія, а о томъ внутреннемъ смыслѣ, который оно выражаетъ. Мы понимаемъ, что слово *вы* оскорбляетъ искренность семейнаго, дружескаго и родственнаго чувства; намъ всегда кажется страннымъ, когда сынъ говоритъ отцу или дочь матери это свѣтски-натянутое и холодное *вы*; но разъ допущенное въ обращеніи воспитанниковъ съ своими наставниками, оно обязываетъ той же взаимностью послѣднихъ; оно показываетъ, что въ аудиторіи, прежде всего должно быть сознаніе равенства въ отношеніяхъ и челоѳеческаго достоинства. Съ той минуты, когда бѣдный мальчикъ, оставивъ свою суровую мастерскую и вошедъ въ школу, слышитъ отъ своего учителя, по видимому, пустое слово *вы*, онъ вырастаетъ въ своемъ собственномъ мнѣніи, и отъ страха переходитъ къ довѣрію въ свои силы и къ симпатіи съ наукой. Воскресныя школы, въ самомъ началѣ открытія ихъ, независимо отъ своего прямаго назначенія, сдѣлали уже обществу большую услугу, наводя его на мысль, дальнѣйшее развитіе которой и необходимое ея осуществленіе — составляетъ одну изъ главныхъ потребностей нашего времени....

Въ петербургскихъ воскресныхъ школахъ, строго принять принципъ бесплатнаго преподаванія. Вознагражденіе учителей, въ какой бы то ни было формѣ, рѣшительно не допускается. Здѣшняя ремесленная управа, составляя проектъ для учрежденія воскресныхъ школъ, первоначально предполагала производить плату учителямъ. Но такъ какъ во всѣхъ открытыхъ ею ремесленныхъ школахъ обязанность преподавателей приняла на себя лица, безкорыстно раздѣляющія трудъ элементарнаго образованія, то безденежное обученіе въ этихъ школахъ постановлено общимъ правиломъ.

Въ программѣ, какъ петербургскихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ воскресныхъ школъ заключается положеніе, заслуживающее особенное вниманіе. До сихъ поръ, во всѣхъ нашихъ училищахъ оно не имѣло еще никакого примѣненія. Этимъ положеніемъ опредѣлено: объ отступленіи, кѣмъ-либо отъ установленныхъ правилъ, дѣлается замѣчаніе въ общемъ совѣтѣ, *безъ обращенія къ лицу, возбудившему это замѣчаніе*; но если такого рода замѣчанія не будутъ имѣть дѣйствія, тогда общою балотировкою, лицо подавшее къ нимъ поводъ, устраняется отъ преподаванія. Такимъ образомъ, соблюденіе принятыхъ правилъ гарантировано общою отвѣтственностію, въ основаніи которой лежитъ взаимное ручательство другъ за друга, и за тѣмъ значеніе всякаго нарушенія принятаго порядка опредѣляется путемъ общаго балотированія.

Мы убѣждены, что это превосходное начало еще больше выиграло бы въ благотворныхъ результатахъ, если бы распространили его и на массу воспитанниковъ. Въ случаѣ выговора или взысканія, вызваннаго тѣмъ или другимъ ученикомъ, оно должно относиться не прямо къ виновному, а ко всѣмъ его товарищамъ, къ цѣлому классу. Тогда чувство отвѣтственности приметъ характеръ общественнаго чувства, и поступокъ каждаго найдетъ круговую поруку въ цѣлой массѣ питомцевъ. Но допустить такое правило, логически надо уничтожить всякія награды и отлічія, потому что если дурная сторона школы надаряетъ на всѣхъ учениковъ, то и хорошая должна быть отпесена на счетъ ихъ общаго достоинства.

Въ правилахъ старорусскаго частнаго общества воскресныхъ школъ положено, чтобы оно состояло изъ членовъ дѣйствительныхъ и членовъ почетныхъ. Первыми считаются всѣ преподающіе, вторыми — лица, содѣйствующія существованію шко-

лы матеріальнымъ участіемъ или нравственнымъ вліяніемъ на городскихъ жителей. Но только одни дѣйствительные члены имѣютъ право голоса.

Думаемъ, что такое дѣленіе членовъ на двѣ категоріи — дѣйствительныхъ и почетныхъ едва ли можетъ имѣть рациональное основаніе. Конечно, въ дѣлѣ учрежденія воскресныхъ школъ, значеніе бесплатныхъ преподавателей представляется предметомъ большой важности, но не меньшую важность должно имѣть значеніе и тѣхъ лицъ, которыя содѣйствуютъ существованію школъ денежными взносами и нравственнымъ побужденіемъ. Для бесплатныхъ школъ, гдѣ народъ можетъ получать даромъ образованіе, не подвергаясь ни прямому, ни косвенному налогу, денежные средства также необходимы, какъ и преподаватели, даже болѣе, если смотрѣть на дѣло съ прямой и безпристрастной точки зрѣнія: денежные средства могутъ создать преподавателей, дать возможность имѣть ихъ за вознагражденіе, а преподаватели не могутъ создать денежныхъ средствъ, въ особенности тогда, когда общество будетъ руководствоваться правиломъ — не отказываться отъ принятія пожертвованій, но ни какъ не испрашивать ихъ. Что же касается нравственнаго вліянія, которое требуется отъ лицъ, оставленныхъ безъ голоса въ самомъ совѣтѣ, это еще болѣе даетъ имъ право быть дѣйствительными членами, потому что нравственныя заслуги обществу, сгромающемуся къ такой широкой цѣли, какъ *распространеніе образованія въ народѣ*, могутъ быть весьма важны, и во многихъ случаяхъ ни какъ не меньше заслугъ бесплатнаго преподаванія. На какомъ же основаніи, съ какою цѣлью старорусское общество обученія отнимаетъ у этихъ лицъ право голоса, и въ замѣнъ этого права бросаетъ имъ титулъ почетныхъ членовъ — этотъ пустой звукъ, избитый до бессмыслицы канцелярской рутинной? Ужь не для того ли старорусское общество хочетъ завести у себя эту почетность, чтобы на нее, какъ на ловушку поймать и заманить къ себѣ вліятельныхъ и наиболѣе достаточныхъ лицъ?.. Но подобная мысль недостойна общества, долженствующаго идти къ цѣли своего назначенія путемъ прямымъ, съ полнымъ сознаніемъ высокаго значенія своихъ обязанностей, чувствомъ благородной гордости и законнаго самоуваженія. Никакія уловки тутъ не должны имѣть мѣста. Да и къ чему онѣ?... И въ публикѣ и въ народѣ воскресныя школы встрѣчены общимъ сочувствіемъ; правительство съ своей стороны, разрѣшивъ повсемѣстное учрежденіе этихъ училищъ,

признаетъ ихъ необходимость и несомнѣнную пользу. Такъ, напримѣръ, на просьбу старорусскаго общества отъ мѣстнаго начальника губерніи и директора училищъ полученъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «ни чѣмъ не стѣснятъ открытія школы и не затрудняютъ учителей въ ихъ весьма полезномъ для города предпріятіи!»

Еще одно утѣшительное и съ тѣмъ вмѣстѣ весьма важное явленіе представили намъ воскресныя школы. Изъ этихъ народныхъ училищъ изгнана всякая мысль о наказаніяхъ, могущихъ оскорбить чувство человѣческаго достоинства. А давно ли, даже въ большей части нашего образованнаго общества, существовало убѣжденіе, что изъ русскаго человѣка безъ палки ничего не сдѣлаешь. Какъ ни пошло такое убѣжденіе, тѣмъ не менѣе оно принадлежало большинству... да можетъ быть, и теперь еще есть у насъ люди, тупо сохранившіе вѣтхое вѣрованіе въ эту *палочную* мораль, наслѣдованную отъ тѣхъ временъ, когда у насъ провинившихся бояръ поролли кнутомъ на площади, а у простыхъ людей за самыя обыкновенныя преступленія отрѣзывали уши, рубили пальцы на рукахъ и били пещадно, т. е. сколько угодно душѣ палача или судьи. Не надо забывать, что розги или палки, разъ побывавшія на тѣлѣ человѣка, унижаютъ его до степени животнаго.

Когда мы оканчиваемъ эту статью, развитіе и организація воскресныхъ школъ продолжается. Мы увѣрены, что онѣ въ скоромъ времени сдѣлаются однимъ изъ главныхъ органовъ нашего народнаго образованія; только черезъ нихъ пройдетъ тотъ яркій, но холодный лучъ свѣта, который блестятъ на верхушкахъ нашего общества, не проникая въ глубь народной жизни. Остается желать, чтобъ эти первые опыты и энергія силъ не устали и не обратили въ дѣло моды -- великаго вѣпроса.

В. ИВАНОВЪ.

Томасъ Моръ.

Sir Thomas More was a man
of eminent talents.

Macauley.

Въ ряду первоклассныхъ дѣятелей эпохи возрожденія, Томасъ Моръ (*) занимаетъ не послѣднее мѣсто. Было время, когда считали его красой своего вѣка, когда его «Утопію» серьезно ставили выше утопій Аристотеля и Платона, стихи его выше стиховъ Горация и Каллимаха, услуги его классической философіи выше услугъ Эразма Роттердамскаго, Рейхлина, Петрарки и Боккачіо. Онъ былъ героемъ многочисленныхъ «de vita», предметъ всевозможныхъ панегириковъ, надписей и *краткихъ* элогій in-folio. Гуманисты гордились честью ставить его въ своихъ рядахъ и не щадяли краснорѣчія для восхваленія его универсальныхъ дарованій. Въ свое время онъ былъ душою литературнаго братства XVI вѣка, другомъ Эразма, Дорнія, Эгидія, участникомъ всякаго научнаго или художественнаго предпріятія. О немъ говорили, шумѣли, восхищались каждымъ его произведеніемъ, удивлялись его искусству владѣть латинскимъ стихомъ, его щегольскому слогу, его добродѣтелямъ и самоотверженію. Но прошло три столѣтія, и взглядъ на значеніе Томаса Мора существенно измѣнился: на его «Утопію» мы смотримъ съ улыбкой; его тщательно отполированные латинскіе куплеты не даютъ намъ больше эстетическаго наслажденія; его теологическіе трактаты и памфлеты многимъ не нравятся...

Что же было виною этого переворота въ общемъ мнѣніи о Томасѣ Морѣ? Отчего имена Эразма, Макиавелли, Петрарки и Боккачіо извѣстны каждому гимназисту, а о Томасѣ Морѣ многіе, даже серьезно образованные, люди никогда не слышали, а если и слышали, то забыли? Отчего мы во всякомъ учебникѣ читаемъ объ услугахъ, оказанныхъ европейской наукѣ гуманистами XV и XVI вѣка, а о Томасѣ Морѣ, котораго современники ставили выше Эразма и Платона, только мимоходомъ упоминаютъ историки, говоря о разводѣ Генриха VIII?

*) Мы пишемъ *Моръ*, а не *Морусъ*, потому что дѣйствительное, англійское имя его — *More*, а латинизированное *Morus* встрѣчается только на его латинскихъ сочиненіяхъ.

Въ предлагаемой статьѣ мы надѣемся дать отвѣтъ на эти вопросы, а покамѣстъ спѣшимъ оговориться: какъ канцлеръ Англіи, какъ опонентъ Генриха VIII, какъ невинная жертва королевскаго деспотизма, Томасъ Моръ до сихъ поръ возбуждаетъ самую горячую симпатію ученыхъ. Къ какой бы партіи ни принадлежалъ историкъ, рассказывая борьбу Мора съ Генрихомъ VIII за духовную супрематію, онъ всегда становится на сторонѣ перваго. Даже даровитѣйшіе люди нашего времени смотрятъ на Мора не иначе, какъ на одного изъ самыхъ благородныхъ мучениковъ, павшихъ когда либо въ борьбѣ за правое дѣло; самъ Макозъ, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ поклоненіи авторитетамъ, говоря о жертвахъ преслѣдованія всѣхъ вѣковъ и народовъ, выбралъ въ примѣры только Сократа и... Томаса Мора! *) Въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ требованію исторической критики подобный взглядъ на Томаса Мора, мы надѣемся показать изъ обзора біографическихъ фактовъ; теперь же позволимъ себѣ замѣтить, что историкъ, говорившій о Томасѣ Морѣ, встрѣчался съ нимъ большею частью только въ періодъ его позднѣйшей общественной дѣятельности, и никто — за исключеніемъ развѣ Низара, очень плодовитаго, но лишеннаго всякой критической способности и притомъ литературнаго ренегата — никто не взялъ на себя труда прослѣдить жизнь Мора съ самыхъ раннихъ лѣтъ его молодости; оттого личныя свойства, индивидуальная жизнь Мора поглощались интересомъ его политической дѣятельности, трагическая развязка которой оглушала зрителей и не допускала ихъ до объективно вѣрныхъ критическихъ изслѣдованій. А между тѣмъ, нигдѣ не чувствуется до такой степени потребность самой скептической критики, какъ при оцѣнкѣ нравственнаго характера Томаса Мора: довольно указать хоть на то обстоятельство, что всѣ извѣстія о жизни и дѣятельности его записаны или имъ самимъ, или его друзьями и родственниками, наконецъ людьми однихъ съ ними убѣжденій и одного направленія **); противная партія не оста-

*) Въ статьѣ въ защиту англійскихъ евреевъ, переведенной въ № 8 Отеч. Зап. за 1859 г.

**) Въ доказательство, укажемъ на главнѣйшіе изъ такъ называемыхъ непосредственныхъ источниковъ для біографіи Томаса Мора: 1) Apology, написанная самимъ Моромъ; 2) рассказъ о послѣднихъ годахъ его жизни, переданный самимъ Моромъ въ письмѣ къ его дочери, Маргаритѣ Рупертъ; 3) Life of Sir Thomas More, написанная его внукомъ; 4) Vita et obitus Thomae

вила о немъ своего свидѣтельства. (Мы говоримъ здѣсь, конечно, о современникахъ Мора; изъ историковъ же послѣдующаго времени очень многіе авторитеты науки — Юмъ, Мэкинтошъ, и др. — касаясь мимоходомъ характера Томаса Мора и единогласно обвиняють его въ звѣрскомъ фанатизмѣ и въ противодѣйствіи всякому умственному движенію *).

Отецъ Томаса Мора, Джонъ Моръ, долгое время занималъ мѣсто королевскаго судьи въ Лондонѣ и пользовался репутаціей честнаго и строгаго юриста. Безъ сомнѣнія, въ этихъ качествахъ должны мы искать объясненіе, почему онъ, несмотря на свое трудолюбіе и бережливое, близко подходящую къ скупости, не успѣлъ составить себѣ почти никакого состоянія, между тѣмъ какъ его сослуживцы, одинъ за другимъ приобрѣтали дома, помѣстья и роскошныя дачи. О матери Томаса Мора мы имѣемъ самыя ограниченныя свѣдѣнія, что впрочемъ не составляетъ для насъ слишкомъ важнаго пробѣла, такъ какъ она умерла вскорѣ послѣ рожденія Томаса. Молодой Моръ (онъ родился въ 1480 г.) съ раннихъ лѣтъ отдавъ былъ учиться латинскому языку въ лондонское королевское училище (коллегія св. Антонія, по Низару), подъ руководство Гольта — *preceptoris non incelebris* — какъ замѣчаетъ его біографъ. Тамъ отличался онъ многими похвальными качествами, вынесенными имъ изъ родительскаго дома, «благодѣиємъ», остроуміемъ, и въ особенности необыкновеннымъ усердіемъ, такъ что въ короткое время оказалъ самыя

Mori, è Thomae Stapletoni tribus Thomis, etc. Стаплетонъ былъ отчаянный консерваторъ и фанатикъ; кажется, онъ принадлежалъ къ ордену іезуитовъ. Кромѣ того, см. отрывки въ сочиненіяхъ Экзерхія, Гервета, Копа, Генриха Голландуса, Будеуса, Іоанна Палудана, и другихъ борцовъ католической партіи.

*) Говоря о жизни и литературной дѣятельности Томаса Мора, мы считаемъ не лишнимъ указать на источники, которыми мы пользовались при составленіи этой монографіи. Мы не имѣли подъ руками *Life of Sir Thomas More, by his grandson* (жизнь сэра Томаса Мора, написанная его внукомъ), точно также, какъ не могли найти нѣкоторыхъ впрочемъ весьма не важныхъ англійскихъ его сочиненій. Для біографіи героя нашего очерка, мы пользовались преимущественно обширнымъ трудомъ Стаплетона: *Vita et obitus Thomae Mori*, и не менѣе обширнымъ этюдомъ Низара: *Thomas Morus*, содержащимъ въ себѣ очень полное извлеченіе изъ *Life of Sir Th. More*. Главнѣйшимъ же матеріаломъ для очерка литературной дѣятельности Мора, служило намъ франкфуртское полное собраніе его сочиненій (*Opera omnia, quotquot reperiri potuerunt*). Кромѣ того мы нашли очень важныя замѣтки о Морѣ въ сочиненіяхъ Эразма, Пуццини, Сорбьера, Юма и др.

блестательные успѣхи въ наукахъ. Но недостаточныя средства отца его, по всей вѣроятности, не позволили бы ему продолжать образованіе безъ посторонней помощи. Къ счастью, въ то время у высшихъ духовныхъ лицъ существовалъ обычай брать къ себѣ въ домъ для воспитанія мальчиковъ, одаренныхъ счастливыми способностями, но не имѣвшихъ средствъ къ серьезному образованію. Между представителями тогдашней англійской іерархіи особенно отличался этого рода филантропіей архіепископъ кентерберійскій Мортонъ. Услышавъ о необыкновенныхъ дарованіяхъ молодаго Мора, онъ взялъ его къ себѣ и ревностно занялся его воспитаніемъ, безъ сомнѣнія, въ надеждѣ приготовить изъ него будущаго пастыря церкви. Стараніе почтеннаго архіепископа не пропало даромъ. Моръ съ свойственнымъ ему прилежаніемъ занимался науками, изучалъ классиковъ, и въ то же время развивалъ свои литературныя способности, сочиняя драматическія пьесы и разыгрывая ихъ лично у архіепископа.

Пятнадцати лѣтъ Томасъ Моръ поступилъ въ оксфордскій университетъ, куда только-что передъ тѣмъ прибылъ знаменитый профессоръ Гроцинусъ, первый познакомившій Англію съ греческой литературой. Любовь Мора къ ученымъ занятіямъ развилась въ Оксфордѣ съ необыкновенной силой, тѣмъ болѣе, что скудное содержаніе, какимъ снабжали его отецъ и архіепископъ, не позволяло ему участвовать въ празднои жизни товарищей. Для біографической ясности необходимо здѣсь замѣтить, что тогдашняя оксфордская молодость состояла большею частью изъ людей знатнаго происхожденія, богатыхъ баричей, собиравшихся въ университетъ не столько для учебныхъ занятій, сколько для кутежа и грубаго молодечества. Шатаясь толпами по улицамъ, затѣвая ежедневныя ссоры съ мирными гражданами и проводя ночи среди нескончаемыхъ оргій, они косили въ грубыхъ предразсудкахъ, хвастали высокоуміемъ, удалью, презрѣніемъ ко всему честному и вѣрностью чудовищно-искаженнымъ понятіямъ о благородствѣ. Естественно, что такая жизнь не могла воспитать въ нихъ уваженіе къ человѣческой личности: бѣдные товарищи, не имѣвшіе средствъ участвовать въ ихъ дорогихъ удовольствіяхъ, подвергались всевозможнымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, отвѣчать на которыя не позволяли имъ понятія времени. Моръ, по своему состоянію, принадлежавшій къ числу самыхъ недостаточныхъ, долженъ былъ вынести, во время пребыванія въ Оксфордѣ, тяжелую борьбу съ предразсудками вѣка, съ презрѣніемъ гордыхъ баричей, съ непрерывнымъ нравственнымъ униженіемъ.

Въ этой трудной борьбѣ онъ долженъ былъ рано закалить свои духовныя силы, развить въ себѣ энергію и независимость воли, которыя, какъ мы увидимъ впоследствии, проявляются во всѣхъ его дѣйствіяхъ и ведутъ его къ трагической смерти. Съ другой стороны, одинокое и безвыходное положеніе, въ которомъ стоялъ онъ между своими товарищами, разрушительно подѣйствовало на его молодую и воспримчивую натуру, зачерствивъ его сердце и поселивъ въ немъ печальный разладъ между мыслью и чувствомъ, между словомъ и дѣломъ. Борьба съ физическими истинниками развила въ немъ аскетизмъ, выродившійся потомъ въ религіозную нетерпимость, а постоянное разобщеніе съ окружающимъ міромъ привило къ его нравственной организаціи значительную долю эгоизма. Воспитавъ въ себѣ самую строгія, неподкупныя убѣжденія, Мора былъ честенъ больше изъ принципа, по разсудочному побужденію, чѣмъ вслѣдствіе внутренней потребности; это была скорѣе сухая и самолюбивая честность чиновника, чѣмъ самоотверженное благородство человѣка, нравственно-высокаго. Стремленіе дѣлать все на выставку и по предварительному обсужденію сильно даетъ себѣ чувствовать во многихъ поступкахъ Мора. Онъ почти вездѣ является опытнымъ казуистомъ, который искусно торгуется съ своей совѣстью и при каждомъ сомнительномъ обстоятельствѣ справляется съ кодексомъ о наказаніяхъ въ загробной жизни... а такая скрупулезная святость, если и имѣетъ за собой право на уваженіе, потому-то выработана долгой и трудной борьбой съ искушеніями, то за-то очень непрочна, и при всякомъ сомнительномъ случаѣ уступаетъ напору болѣе естественныхъ побужденій.

Среди неутомимой умственной работы, будущій лордъ-канцлеръ находилъ время и для занятій чисто эстетическихъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить, какія изъ поэтическихъ произведеній Мора относятся къ этому періоду его литературной дѣятельности, потому что старыя изданія его сочиненій, находящіяся у насъ подъ руками, содержатъ весьма мало хронологическихъ указаній. Впрочемъ, и тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, какія мы находимъ у его немногочисленныхъ биографовъ, вполне достаточно, чтобъ показать, насколько эти оксфордскія произведенія его были ниже всякой посредственности. Не говоря уже о томъ, что почти всѣ они писаны на средневѣковой латынѣ, — на языкѣ, какъ извѣстно, далеко непоэтическомъ, — и по содержанию, и по внѣшней формѣ своей, они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ подобныхъ имъ произведеній того времени. Въ нихъ

воспѣвается скоротечность жизни, непрочность благъ земныхъ, превратность счастья, и т. п. предметы «высокаго содержанія». По временамъ, сквозь мусоръ безобразныхъ виршей, въ нихъ проглядываютъ проблески истиннаго чувства и спокойной, созерцательной меланхоліи, но все это черезъ минуту перестраивается на утомительный ладъ сокрушенія о потерянныхъ благахъ, о недостижимости высокаго идеала человѣческаго совершенства, и въ заключеніе предлагается разсужденіе о выгодахъ аскетической жизни. О достоинствахъ англійскихъ стихотвореній Мора можно судить по слѣдующему указанію: въ одной изъ самыхъ длинныхъ своихъ поэмъ, подъ заглавіемъ «Двѣнадцать правилъ для возбужденія человѣка къ духовной борьбѣ и направленія его въ ней» опъ съ самымъ изобильнымъ хладнокровіемъ перечисляетъ двѣнадцать мечей, служащихъ человѣку въ этой борьбѣ, подразумѣвая подъ ними двѣнадцать нравственныхъ правилъ и сентенцій: суетность жизни, умѣренность въ наслажденіяхъ, утрата любимыхъ предметовъ, подражаніе мученикамъ, и т. д. Вообще во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ Мора видно крайнее безсиліе фантазіи, страсть къ дидактизму, буддійскія и аскетическія воззрѣнія на жизнь. Но несмотря на все это, литературные триумфы молодого схоластика были блистательные, что вполне объясняется религіознымъ настроеніемъ общества и глубокой латинскою эрудиціей, которой щеголяли произведенія Томаса Мора. Въ то счастливое время, когда, по выраженію Низара, латынь придавала ума тѣмъ, кто въ ней нуждался, тщательно обработанный стихъ Мора не могъ пройти незамѣченнымъ, и въ глазахъ современниковъ достаточно выкупалъ пустоту и бѣдность поэтического содержанія. Что же касается до самого Мора, то опъ, какъ мы увидимъ впоследствии, оставался далеко равнодушенъ къ своимъ литературнымъ успѣхамъ.

Въ частной жизни Томаса Мора, во время пребыванія его въ Оксфордѣ, мы видимъ то же преобладаніе религіозныхъ стремленій и средневѣковой набожности. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, Моръ постоянно носилъ на голомъ тѣлѣ власницу и не снималъ ее даже въ званіи канцлера. Спать опъ не болѣе четырехъ или пяти часовъ въ сутки, на престои деревянной скамьи, подложивъ подъ голову бревно вмѣсто подушки; часто проводилъ цѣлыя ночи безъ сна, въ напряженномъ бдѣніи и молитвѣ. За обѣдомъ съѣдалъ онъ только кусокъ говядины; вина долгое время не употреблялъ вовсе, замѣняя его пивомъ. *О туалетѣ опъ нисколько не заботился, такъ что часто выходилъ на улицу въ разодран-

ныхъ башмакахъ. Любимѣйшимъ отдыхомъ его были литературныя занятія или игра на флейтѣ, которую онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ инструментамъ, — *honestissimae recreationis causa*, — какъ выражается его наивный біографъ. Вообще стремленіе къ духовному идеалу, созданному подъ вліяніемъ идей средневѣковаго аскетизма, было цѣлью всей жизни Томаса Мора. Религіозное чувство было преобладающей стихіей его нравственной организаціи, а борьбу съ физическими инстинктами ставилъ онъ, конечно, цѣлью своего существованія. Еще въ школѣ задумалъ онъ идти въ монастырь, и это намѣреніе оставалось любимѣйшей мечтой его молодости. Но оно не было приведено въ исполненіе: вскорѣ по окончаніи курса наукъ въ Оксфордѣ Томасъ Моръ женился.

Бракъ произвелъ очень мало существенныхъ измѣненій въ характерѣ и образѣ жизни героя нашего очерка. Все, что внесла жена Мора въ жизнь своего мужа, ограничивалось одними чисто внѣшними преобразованіями въ его домашнемъ быту и несколько не затрогивало его внутренней жизни. Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣденій, чтобы объяснить удовлетворительнымъ образомъ это обстоятельство, хотя и можемъ предположить не безъ основанія, что преимущественно виновата была здѣсь сухость и невпечатлительность натуры самого Мора, преждевременно дожившаго до той поры, когда сосредоточенность въ самомъ себѣ исключаетъ возможность всякаго внѣшняго вліянія. Скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній не позволяетъ намъ утверждать положительно, чтобы жена Мора была особенно богата внутреннимъ содержаніемъ; но, тѣмъ не менѣе, намъ извѣстно, что съ привлекательной наружностью она соединяла мягкое и любящее сердце, способное благотворно подѣйствовать на всякое впечатлительное сердце.

Первая жена Мора умерла черезъ четыре года, оставивъ по себѣ сына и трехъ дочерей, и вдовецъ поспѣшилъ жениться на другой, — единственно изъ заботливости о дѣтяхъ, какъ увѣряетъ насъ Эразмъ Роттердамскій. Алиса Мидльтонъ (вторая жена Мора) была женщина свѣтская, вдова и нехороша собой; несмотря на то, Томасъ Моръ, если вѣрить тому же Эразму, чувствовалъ къ ней нѣкоторое расположеніе, что впрочемъ несколько не мѣшало ему подчасъ изощрять надъ ней свое остроуміе. Справедливость заставляетъ насъ здѣсь замѣтить, что мистрисъ Моръ была во многомъ выше своего мужа: въ ней было несравненно болѣе здраваго практическаго смысла, чувства соб-

ственного достоинства и женственной мягкости характера, въ чемъ такъ нуждался будущій лордъ-канцлеръ. Призванная быть нянькой чужихъ дѣтей, она полюбила ихъ сильнѣе и разумнѣе, чѣмъ самъ отецъ; она всѣми силами старалась обратить вниманіе Мора на ихъ воспитаніе и вообще пыталась внушить ему правильныя понятія о родительскихъ обязанностяхъ. Что-же касается до обвиненія ея въ свѣтскости и расточительности, то въ этомъ случаѣ, какъ намъ кажется, свидѣтельство почтеннаго Эразма не можетъ быть принято безусловно, тѣмъ болѣе, что въ немъ заключается очевидное противорѣчіе: если Моръ искалъ въ женѣ только заботливой матери для своихъ дѣтей, то какимъ же образомъ выборъ его могъ остановиться на женщинѣ пустой и свѣтской?

Спокойствіе семейной жизни, начинавшее уже пріятно улыбаться будущему лордъ-канцлеру, было вскорѣ нарушено самымъ непріятнымъ образомъ. Еще будучи простымъ адвокатомъ, въ царствованіе Генриха VII, Томасъ Моръ нѣсколько разъ имѣлъ случай обнаружить свой стойкій и неуживчивый характеръ. Онъ открыто протестовалъ противъ побора, предложеннаго корыстолюбивымъ Генрихомъ по случаю бракосочетанія его дочери, безпрестанно ссорился съ людьми, стоявшими къ нему въ близкихъ оффиціальныхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ съ самимъ королемъ, и вообще велъ себя со всѣми чрезвычайно гордо и заискичиво. Такъ, одинъ разъ, потребованный къ королю во время обѣда, онъ рѣзко отвѣчалъ черезъ посланнаго: служба Богу важнѣе службы королю! — и остался въ церкви. Такое поведеніе сильно раздражало Генриха VII насквозь пропитаннаго благоговѣніемъ къ своему сану, и имѣло весьма печальныя результаты для всего семейства Моровъ: старикъ Джонъ подъ ничтожнымъ предлогомъ былъ посаженъ въ Тауэртъ, откуда послѣ выпущенъ былъ за деньги, а Томасъ, которому угрожала еще худшая участь, со всѣмъ семействомъ бѣжалъ во Францію *). Только смерть Генриха VII и восшествіе на престолъ его сына вызвали Мора обратно въ отечество.

Чрезвычайно неловко становится при первой встрѣчѣ съ Моромъ по возвращеніи его въ Англію... Счастливо боронившійся до сихъ поръ съ неудачами, онъ принужденъ былъ наконецъ уступить могуществу эгоистическихъ стремленій и подкупить свою,

*) Извѣстія о бѣгствѣ Мора во Францію вовсе нѣтъ у Стаплетона, и мы заимствуемъ его у Низара.

не всегда бдительную, совѣсть. Чуждый строго-нравственного принципа, сильный одной оффиціальной честностью, онъ способенъ былъ удивлять современниковъ величіемъ своего духа, но не всегда могъ противиться соблазну, если только этотъ соблазнъ казался извинительнымъ въ понятіяхъ времени. А что могло быть извинительнымъ придворной асти въ началѣ XVI вѣка? Тюдоры постоянно окружали себя толпой продажныхъ льстецовъ. Наука и искусство служили на жалованьи у сильныхъ міра сего; поэты и художники, не исключая самыхъ первоклассныхъ талантовъ, унижались до рабскаго ничтожества... Что же мѣшало Томасу Мору воспользоваться своимъ поэтическимъ дарованіемъ, признаннымъ всѣми современниками? И вотъ, на праздникѣ, данномъ въ честь бракосочетанія Генриха VIII съ Екатериной Арагонской, мы встрѣчаемъ нашего героя творцемъ великолѣпной эпитафамы. Не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколькихъ, самыхъ характеристическихъ, отрывковъ изъ этого стихотворенія: они покажутъ намъ, на сколько будущій мученикъ за правду умѣлъ подчасъ прикрыть неподкупной совѣстью.

Поэтъ начинаеть чѣмъ-то въ родѣ славословія Англіи, потомъ рисуеть въ довольно энергическихъ выраженіяхъ темныя стороны мпнуваго царствованія, затѣмъ переходитъ къ изображенію восторга цѣлой націи, привѣтствующей новаго монарха; наконецъ, прямо обращается къ Генриху VIII и пишетъ его портретъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Онъ превосходитъ тысячи спутниковъ высотой своего роста и одаренъ силою, достойною его величественной наружности. Онъ столь же ловокъ наруку, какъ мужественъ сердцемъ, дѣйствуетъ-ли мечомъ, сражается ли копьемъ, или бьетъ стрѣлою въ цѣль. Взоры его горятъ огнемъ, Венера видна въ его лицѣ, ланиты его окрашены алымъ цвѣтомъ розы. Этотъ образъ, въ которомъ сила споритъ съ граціей, походитъ и на молодую дѣвушку, и на взрослого мужа. Таковъ былъ Ахиллесъ, когда онъ прятался подъ платьемъ нимфы; таковъ онъ былъ, когда влачилъ трупъ Гектора на своихъ вессалійскихъ коняхъ». Еслибъ Томасъ Моръ былъ нѣсколько умѣреннѣе въ выраженіяхъ, похвалы его не казались бы преувеличенными. Генрихъ VIII, какъ извѣстно, обладалъ величественной осанкой и отличался силою и ловкостью, по-крайней-мѣрѣ, на турнирахъ. О его гордой, царственной поступи и цвѣтущемъ здоровьѣ кричали всѣ современники и считали его въ этомъ отношеніи опаснымъ соперникомъ Франциска I. Но въ

чертахъ лица его не было ничего привлекательнаго: выдавшіяся скулы, широкая, тупая челюсть, толстыя губы, выраженіе грубой физической силы и сладострастія во всей наружности — таковъ портретъ Генриха VIII и на полотнѣ Гольбейна и въ запискахъ современниковъ.

Но какъ ни очевидна была лесть въ приведенныхъ нами стихахъ Мора, суровый противникъ деспотизма не удовольствовался восхваленіемъ однихъ видныхъ качествъ Генриха VIII. Нужно было воскурить опіямъ его нравственнымъ достоинствамъ, изобразить его сыномъ чести и добродѣтели, истиннымъ отцемъ отечества. Талантливый Моръ не ударилъ лицомъ въ грязь и при этомъ, гораздо болѣе щекотливомъ подвигѣ. Вотъ, какъ рисуетъ онъ моральный портретъ своего «обожаемаго» монарха: «въ его лицѣ сквозитъ добродѣтель, ибо его наружность есть только видимый признакъ прекрасной души. Какая зрѣлость разума! Какая тишина въ этой мирной душѣ? Какъ хладнокровно будетъ онъ переносить всѣ превратности счастья! Какая заботливость о стыдливомъ цѣломудріи!» И потомъ, нѣсколько далѣе: «блага, которыми мы наслаждаемся, суть дѣло его правосудія, его искусства управлять, его царской доброты къ своему народу. Распущенность нравовъ часто истощаетъ лучшія души, величайшіе умы; Генрихъ же принесъ на тронъ нравы, достойные трона, хотя онъ былъ благочестивъ еще прежде, чѣмъ сдѣлался королемъ. Онъ съ перваго же дня даровалъ намъ счастье, котораго можно ожидать только отъ поздней старости другихъ монарховъ» и пр.

Здѣсь придворная лесть доходитъ уже до забвенія всѣхъ условій приличія. Мы еще можемъ кое-какъ помприться съ художникомъ, ловкая кисть котораго скрадываетъ неприятныя угловатости въ чьей-нибудь физиономіи и окрашиваетъ «алымъ цвѣтомъ розы» геморроидальную блѣдность; но когда поэтъ возводитъ въ идеалъ монарха капризнаго деспота, незнакомаго ни съ честью, ни съ совѣстью, когда самаго негоднаго изъ Стюартовъ изображаютъ «отцемъ отечества», подателемъ всѣхъ благъ земныхъ — воля ваша, мы теряемъ уваженіе къ такому поэту и гражданину. Намъ могутъ возразить, пожалуй, что Томасъ Моръ въ своей торжественной эпиграммѣ высказывалъ только надежды, обыкновенно пробуждающіяся при воцареніи новаго государя, и что въ то время ему нужно было обладать даромъ пророчества, чтобъ отгадать печальное будущее. Но зачѣмъ же поѣствовать въ такомъ случаѣ о многочисленныхъ подвигахъ, со-

вершенныхъ будто-бы этимъ государемъ для блага народнаго, — блага, о которомъ Генрихъ VIII никогда и не думалъ? Извѣстно, что при жизни отца своего, скупаго и наглаго деспота, Генрихъ VIII не имѣлъ равно никакого значенія и не вмѣшивался въ управленіе государствомъ; какимъ же образомъ могли быть его дѣломъ блага, которыми будто-бы наслаждалась Англія при его воярениі? Низаръ удивляется смѣлости, съ какой Томасъ Моръ выставляетъ передъ королемъ недостатки его предшественника; но для того, кто знаетъ, какую нравственную пытку выносилъ этотъ король при жизни Генриха VII, представляется сильное искушеніе подозрѣвать, не рассчитана-ли была эта смѣлость на не совѣмъ пріязненное чувство, питаемое Герникомъ VIII къ памяти отца своего?.. Вообще, мы видимъ въ эпиталямъ Мора не болѣе, какъ попытку подольститься къ молодому королю и вознаградить себя на его счетъ за несправедливости и гоненія его предшественника — поступокъ, объясняемый, по нашему мнѣнію, весьма понятной и естественной заботливостью о собственномъ благополучіи. Нечего и говорить, что мнѣніе Назара, будто возвращеніе Мора въ Англію было какимъ-то фатальнымъ событіемъ, не заслуживаетъ никакого вниманія.

Надежды Мора не остались напрасными: знаменитая эпиталама обратила на него вниманіе Генриха VIII, и при помощи могущественнаго въ то время Уольсея ему не трудно было поступить снова въ королевскую службу. Нѣсколько разъ участвовалъ онъ въ посольствахъ къ Карлу V и Франциску I, отличаясь вездѣ дѣятельностью и точностью; но вскорѣ, наскучивъ бродячею жизнью и получивъ мѣсто синдика, онъ навсегда поселился въ Лондонѣ и предался своимъ любимымъ занятіямъ. Сколько можно судить изъ словъ его біографовъ, Томасъ Моръ велъ жизнь очень комфортабельную, такъ какъ состояніе его позволяло ему удовлетворять своимъ, не совѣмъ ограниченнымъ, требованіямъ. Въ домѣ его совмѣщались все, чего искала его страсть къ наукѣ: тутъ были и звѣринецъ, и кабинетъ рѣдкостей, и богатая бібліотека. Онъ проводилъ время среди ученыхъ и литературныхъ занятій, наслаждаясь поэзіей, музыкой, философіей, и не забывая въ то же время служебныхъ обязанностей. Но главнымъ трудомъ, которому посвящалъ онъ большую часть свободнаго времени, и который доставлялъ ему высшее творческое наслажденіе, была его знаменитая «Утопія». Такъ какъ многимъ изъ нашихъ читателей, по всей вѣроятности, этотъ памятникъ политической философій XVI вѣка извѣстенъ только по имени,

то мы позволимъ себѣ изложить здѣсь въ краткомъ очеркѣ его содержаніе, тѣмъ болѣе, что многія идеи, въ немъ высказанныя, имѣютъ для насъ важное біографическое значеніе.

Авторъ разбилъ свою «Утопію» на двѣ части, рѣзко отличныя одна отъ другой. Первая, сравнительно меньшая по объему, служитъ введеніемъ во вторую и содержитъ въ себѣ много чрезвычайно дѣльныхъ, гуманныхъ и въ высшей степени благородныхъ идей; вторая, большая, составляетъ ядро всего сочиненія и наполнена незлыми фантазіями. Эти двѣ части такъ рѣзко отличаются одна отъ другой, такъ мало заключаютъ въ себѣ общаго, что съ трудомъ вѣрится, чтобъ онѣ принадлежали одному и тому же автору. Первая ставитъ Томаса Мора на ту высоту, на которой мы привыкли видѣть лучшихъ философовъ древняго и новаго міра, передовыхъ людей своего вѣка; вторая низводитъ его на степень жалкаго мечтателя.

Томасъ Моръ говоритъ въ своей «Утопіи» словами Рафаэля Гиелоддея (Hythlodacus), съ которымъ онъ встрѣтился въ Антверпенѣ, во время своей посольской миссіи во Фландрію, къ Карлу V. Рафаэль — человѣкъ бывалый; онъ бзднлъ три раза съ Америко Веспучи въ новый свѣтъ, побывалъ на всѣхъ островахъ, проникалъ далеко въ-глубь материка, много видѣлъ и слышалъ, и имѣеть о чемъ поразсказать. Вся вторая часть «Утопіи» ведется отъ его имени; въ первой же переданъ разговоръ его съ Томасомъ Моромъ, Петромъ Эгидіемъ, и еще нѣсколькими собесѣдниками. Они обсуживаютъ нѣкоторыя явленія европейской общественной жизни, нападаютъ на строгость законовъ, на бѣдственное положеніе высшихъ классовъ, на распутство и самоуправство привилегированныхъ. «Однажды, говоритъ Рафаэль, за обѣдомъ у архіепископа Мортоня я встрѣтился съ однимъ ученымъ юристомъ, который, не помню по какому поводу, началъ превозносить строгость, съ какой поступали тогда съ ворами; разсказывалъ, какъ ихъ вѣшаютъ иногда по двадцати на одной висѣлицѣ, и удивлялся, отчего, когда такъ мало преступниковъ избѣгаетъ рукъ правосудія, воровство такъ часто? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, позразплъ я ему. Такая строгость выходитъ изъ границъ правосудія и не приносить пользы обществу, потому-что она слишкомъ тяжка для наказанія за воровство, и слишкомъ недостаточна для предупрежденія его. Въ-самомъ-дѣлѣ: простое воровство вовсе не такое важное преступленіе, чтобъ заслуживать смерти, а съ другой стороны, никакія казни не въ состояніи прекратить грабительства тѣхъ,

которые не имѣютъ другаго средства къ жизни. Въ этомъ случаѣ вы подражаете дурнымъ педагогамъ, которые гораздо охотнѣе сѣкутъ своихъ учениковъ, чѣмъ учатъ. Вы опредѣляете суровыя и жестокия казни для грабителей, между тѣмъ, какъ должны бы были озаботиться, чтобъ каждый имѣлъ средства къ жизни и чтобъ никто не доведенъ былъ до необходимости грабить. Мнѣ кажется, говорить Рафаэль нѣсколько далѣе, что въ высшей степени несправедливо лишать человѣка жизни за воровство: ибо можетъ ли сравняться какое-бы то ни было богатство съ человѣческой жизнью? Скажутъ, что въ этомъ случаѣ вовсе не мстятъ за похищеніе собственности, а только удовлетворяютъ правосудію; но развѣ можно одобрить эти суровые законы, обнажающіе мечъ при каждомъ проступкѣ? Я никогда не соглашусь съ стойками, которые считаютъ всѣ преступленія равными и для которыхъ одно и то же — убить человѣка или украсть кошелекъ съ деньгами. Богъ запретилъ убійство — и однакожь мы совершаемъ его за каждую украденную копейку. Нельзя оправдываться здѣсь тѣмъ, что казнятъ смертью только за проступки, запрещаемые божескими и человѣческими законами: такъ, пожалуй, станутъ казнить и за прелюбодѣяніе, и за соблазнъ, и за ругательства. Никто не далъ намъ права не только на жизнь другихъ людей, но даже и на нашу собственную». Нельзя не согласиться, что эти строки сдѣлали бы честь любому изъ нынѣшнихъ криминалистовъ. Говорить такъ положительно о милосердіи къ преступникамъ, сколько намъ извѣстно, до того времени еще никто не рѣшался, и тѣмъ выше становится въ нашихъ глазахъ подвигъ Мора, что съ нимъ соединилась нѣкоторая опасность. Къ сожалѣнію, нашъ философъ не во всѣхъ своихъ сужденіяхъ остался одинаково благороднымъ и гуманнымъ. Мы увидимъ, какъ во второй части своей «Утопіи» разрушаетъ онъ положенія, высказанныя въ первой. Шаткія основанія нравственности, узкія и совершенно превратныя понятія объ общественномъ порядкѣ и спокойствіи, часто заставляли его измѣнять своимъ принципамъ и сворачивать съ широкой и свѣтлой дороги, на которую выступилъ онъ на первыхъ страницахъ «Утопіи». Такъ, напримѣръ, совѣтуя замѣнить смертную казнь ссылкой на временную каторгу, онъ предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзывать у слыльныхъ ухо... какъ вы думаете, зачѣмъ? Чтобъ отнять у нихъ всякую возможность къ побѣгу! Вы можете возразить, что, по всей вѣроятности, изъ ста слыльныхъ только одинъ имѣетъ твердое и рѣшительное намѣреніе бѣжать, и не

совсѣмъ справедливо подвергать девяносто девять невинныхъ звѣрскому истязанію, которое даже въ Турціи употребляется какъ наказаніе, а не какъ предохранительная мѣра; но что до этого за дѣло? Липь бы не было побѣговъ, т. е. липь бы не нарушался порядокъ!» И притомъ замѣтите, все это говорится о временной каторгѣ; слѣдовательно, когда минетъ срокъ и преступники возвратятся въ общество, какъ отличить ихъ отъ тѣхъ, которые бѣжали своевольно? Вѣдь и тѣ и другіе съ однимъ ухомъ; такъ для отличія, не подрѣзывать ли у помплованныхъ кончикъ носа?

Изложимъ теперь, въ краткомъ очеркѣ, содержаніе второй части Утопіи Томаса Мора.

По ту сторону атлантическаго океана лежитъ островъ «Утопія», получившій это знаменательное имя отъ царя Утопа (Utopus), завоевавшего его и даващаго ему законы. Онъ имѣетъ пятьсотъ миль въ окружности и защищенъ скалами и подводными камнями. Прежде онъ не отдѣлялся отъ твердой земли; но царь Утопъ, завоевавши его, тотчасъ велѣлъ прорыть громадный каналъ, отрѣзавшій Утопію отъ материка, — и объ этомъ безсмысленномъ предпріятіи, достойномъ египетскихъ фараоновъ, Томасъ Моръ говоритъ съ восторгомъ, какъ будто милліоны рукъ, копающія землю по прихоти тирана, явленіе совершенно законное (въ Утопѣ Моръ видитъ идеаль государя и норму царской власти). Правленіе на островѣ конституціонное представительное. Во главѣ народа стоитъ пожизненный царь (princeps), совершенно ограниченный въ отпращиваніяхъ своей власти, съ хлѣбнымъ колосомъ въ рукѣ вмѣсто скиптра. За нимъ слѣдуетъ консервативная корпорація — сенатъ, составленный изъ ста шестидесяти двухъ старцевъ, по три изъ каждаго города (на Утопѣ всѣхъ городовъ пятьдесятъ четыре). За основаніе гражданской организаціи принята фамилія, не какъ образецъ общественныхъ отношеній, а какъ политическая секція. Каждая фамилія состоитъ изъ двадцати мужчинъ и двадцати женщинъ, съ двумя рабами, и находится подъ управленіемъ старика и старухи. Надъ тридцатью фамиліями начальствуетъ филархъ; надъ десятью филархами — прото-филархъ. Тѣ и другіе вмѣстѣ составляютъ высшій государственный совѣтъ, рѣшающій безапелляціонно всѣ дѣла, за исключеніемъ особенно важныхъ, предоставляемыхъ народному совѣщанію; онъ же избираетъ изъ среды своей царя. Кромѣ особенныхъ случаевъ, народу не позволено разсуждать о дѣлахъ правленія; всякій, уличенный въ подобномъ вольно-

думствѣ, наказывается, какъ государственный преступникъ. Въ системѣ общественной организаціи на Утопіи господствуетъ коммунизмъ. Никто не имѣетъ своей частной собственности, но за всѣмъ нужнымъ обращается къ чиновнику, который обязанъ немедленно удовлетворить его требованія пѣз общаго складочнаго мѣста. Земледѣльческаго класса въ собственномъ смыслѣ на Утопіи не существуетъ: одна половина гражданъ постоянно обрабатываетъ поля, между тѣмъ какъ другая занимается въ городахъ мануфактурами. Смѣна происходитъ черезъ два года. Этотъ трудъ земледѣльческій и ремесленный обязателенъ для каждаго; исключенія допускаются только для тѣхъ, кто обнаруживаетъ особенное расположеніе къ наукамъ или искусствамъ.

На всемъ островѣ господствуетъ неограниченная централизація. Вся администрація сведена къ одному пункту, къ столицѣ Утопіи, Амавроту, расположенному на самой срединѣ острова. Всѣ города устроены на одинъ образецъ; домъ отъ дома не отличается ни однимъ гвоздикомъ. Всѣ граждане носятъ одинаковую одежду, покрой которой остается неизмѣннымъ со времени царя Утона. Порядокъ препровожденія-времени подчиненъ самымъ строгимъ законамъ. Каждый гражданинъ долженъ шесть часовъ въ сутки работать, десять часовъ отдыхать или предаваться удовольствіямъ и восемь часовъ спать. Въ свободное отъ занятій время можно посѣщать публичныя лекціи, заниматься у себя дома науками и искусствами, работать въ саду или забавляться правоучительною игрою въ шахматы, имѣющей на Утопіи символическое значеніе борьбы добродѣтелей съ пороками. Деньги пользуются у этого благоразумнаго народа безграничнымъ презрѣніемъ: приобретаемыя единственно черезъ вывозъ хлѣба въ чужія земли, онѣ хранятся подъ замкомъ, и только въ случаѣ вторженія непріятели ими платятъ жалованье наемнымъ войскамъ.

Столъ для всѣхъ общій. Тридцать фамилій, предводимыя своимъ филархомъ, собираются въ особо устроенной залѣ, обѣдаютъ и ужинаютъ при звукахъ восхитительной музыки, закусываютъ превосходными плодами, вареньемъ, конфетами.... Курпльницы разливаютъ по залѣ роскошный виніамъ, приятно раздражающій нервы, но несколько не вредный для здоровья. Вообще, всякое удовольствіе, неопасное въ гигиеническомъ отношеніи, дозволяется утопіяцамъ. Жизнь, по мнѣнію обитателей этого благословеннаго уголка земли, дана намъ для наслажденія; кто пре-

дается удовольствіямъ, не разстроивая здоровья, тотъ поступаетъ по законамъ природы.

За столомъ сидятъ только взрослые. Возлѣ нѣсколькихъ юношей помѣщается всегда старикъ, подающій имъ во время обѣда полезныя наставленія и награждающій хорошее поведеніе хорошимъ кускомъ мяса. Маленькія дѣти обѣдаютъ въ особой комнатѣ, подѣ надзоромъ нянекъ и кормилицъ; мальчики же и дѣвочки отъ семи до четырнадцати лѣтъ стоятъ все время позади обѣдающихъ и хватаютъ на-лету подачки, которыя бросаютъ имъ степенные старцы. Молодость или физическая слабость находятъ на Утопїи въ величайшемъ презрѣніи; уважаются только преклонныя лѣта, трезвое поведеніе и крѣпость мускуловъ. Полуумный старикъ управляетъ цѣлымъ городомъ, взрослый мужчина колотитъ юношу, юноша отрока, и т. д. жена, разумѣется, состоитъ въ безусловной зависимости отъ мужа. Только относительно больныхъ Утопїйцы показываютъ нѣкоторую заботливость; но и здѣсь, если кто заболѣетъ безъ надежды на выздоровленіе, его отправляютъ, доказавъ ему предварительно, что онъ не приприситъ никакой пользы обществу, да притомъ подверженъ сильнымъ страданіямъ.... такъ ужъ лучше умереть поскорѣе.

Въ сферѣ религіи, на Утопїи господствуетъ принципъ всеобщей вѣротерпимости. Всѣ граждане пользуются безусловной свободой совѣсти, и никто не имѣетъ права прибѣгать къ насилію въ религіозной пропагандѣ. Отъ Утопїйца требуется только вѣра въ Верховное существо и безсмертіе души. Одинъ христіанинъ, позволившій себѣ слишкомъ ревностно проповѣдывать свою религію и неуважительно отзываться о прочихъ культахъ, былъ схваченъ и изгнанъ, какъ нарушитель общественнаго спокойствія.

Въ примѣрѣ болѣе частныхъ постановленій царя Утопа приведенъ только его характеристическій законъ касательно брака. За нѣсколько до свадьбы, пожилая и благонадежная женщина показываетъ жениху его невѣсту *in naturalibus*, и потомъ точно такимъ же образомъ какой нибудь степенный гражданинъ показываетъ жениху невѣстѣ.... и если физическія качества обоихъ заслужатъ взаимное одобреніе, то бракъ совершается. Мужчина можетъ вступить въ супружество не ранѣе 26 лѣтъ, а дѣвушка не ранѣе 21. Незаконныя связи наказываются въ первый разъ обращеніемъ виновныхъ въ рабство, а во второй — смертною казнью. (Замѣчательно, что тотъ же Томасъ Моръ, въ первой

части своей «Утопін», говорить такъ; пожалуй, станутъ казнить и за прелюбодѣяніе!).

Такова, въ краткомъ очеркѣ, знаменитая «Утопія» Томаса Мора *). Читатели видятъ, что она вовсе не относится къ ряду философскихъ системъ, которыми такъ богата и древняя, и новая литература. Ее ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать съ отвлеченными построениями Платона, Аристотеля, Цицерона, Руссо, Шэфтесбѣри, Локка и новѣйшихъ коммунистовъ и социалистовъ. И по формѣ, и по содержанию, Утопія гораздо ближе къ беллетристическимъ, чѣмъ къ философскимъ произведеніямъ. Это скорѣе плодъ досужей фантазіи образованнаго человѣка. отдохновенія отъ служебныхъ занятій, чѣмъ серьезная логическая работа. Въ ней можно встрѣтить урывки изъ всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ социальныхъ системъ, отъ республики Платона до Домостроя Благовѣщенскаго попа Сильверста; но въ цѣломъ оно сохраняетъ сходство развѣ только съ Салентомъ Фенелона (въ его *les Aventures de Télémaque*). Самые рьяные поклонники Томаса Мора должны сознаться, что она не имѣетъ никакого социального значенія. Чтò новаго внесла она въ политическую науку, кромѣ грубо-чувственаго взгляда на человѣка и общество, доходящаго до отвратительнаго динизма? (мы говоримъ о рабствѣ и деспотизмѣ центральной власти). Читая «Утопію» Мора, невольно представляешь себѣ Римлянина времямъ имперіи, размышляющаго среди изысканной обстановки, въ чаду аравійскихъ куреній, подъ вѣяніемъ идей растлѣннаго, разлагающагося общества. Наряду съ небольшимъ количествомъ здоровыхъ мыслей, взятыхъ напрокатъ у классиковъ, въ этомъ незаконномъ дѣтищѣ философіи XVI вѣка стоятъ самыя грубые, самыя безобразныя принципы, соединяющіе въ себѣ все, что способно заковать человеческое общество въ самую узкую форму развитія.

«Утопія», по всей системѣ государственной и общественной организаціи, напоминаетъ намъ, какъ мы уже сказали, Салентъ Фенелона. Такъ и ждешь, что Томасъ Моръ, подобно своему

*) Мы сказали уже, что вся вторая часть «Утопін» ведется отъ имени Рафаэля Гиглоден. На послѣдней страницѣ, Томасъ Моръ высказываетъ о ней собственное мнѣніе. Онъ находитъ въ государственной системѣ «Утопін» два существенныя недостатка: равенство сословій и отсутствіе роскоши! Мы посоветовали бы Томасу Мору лучше вовсе воздержаться отъ замѣчаній, чѣмъ говорить въ пользу своего рабства.

знаменитому послѣдователю, ввести йдоменеевскую сортировку гражданъ на семь классовъ, съ особеннымъ ярлыкомъ и цвѣтомъ одеждъ для каждого. Впрочемъ, чѣмъ же семь классовъ Фенелона хуже моровскаго дѣленія на фамиліи? Въ Салентѣ ярлыки имѣють, по крайней мѣрѣ, благоразумное практическое назначеніе — изгнаніе роскоши — а дѣленіе на классы по состоянію все-таки болѣе органично, чѣмъ раздробленіе на фамиліи, вызванное одною старческою страстью къ порядку». Желаніе подвести всѣ государственныя отправления подъ одинъ уровень показываетъ только полное отсутствіе политическаго такта, узкое пониманіе гармоніи общественныхъ отношеній. Въ экономической сферѣ мы видимъ въ «Утопіи» самыя дѣтскія, незрѣлыя понятія о народномъ богатствѣ, подведенныя подъ меркантильное воззрѣніе. Отсутствіе земледѣльческаго класса, непониманіе истиннаго значенія монеты, негнѣная организація государственнаго фонда, основанная единственно на вывозѣ хлѣбныхъ продуктовъ за границу — все это ничѣмъ не отличается отъ плюзій другихъ меркантилистовъ того времени. Но Утопія Томаса Мора, лишняя строгаго философскаго анализа, не могла имѣть и временнаго, нравственнаго вліянія на общество. Чтò могла дать она современникамъ, кромѣ минутнаго развлеченія? Первая часть ея прошла незамѣченной, а вторая... но вторая не могла имѣть соціальнаго примѣненія, особенно въ Англіи, столь осмотрительной въ политическихъ реформахъ и такъ далеко разившей начало индивидуальной свободы. Томасъ же Моръ смотритъ на общество, какъ лошадиннй аматеръ на свой конскій заводъ.

За всѣмъ тѣмъ «Утопія» произвела на современниковъ сильное впечатлѣніе: къ ней писали посланія, надписи, переводили ее на всѣ языки, сравнивали ее съ республиками Платона, Аристотеля, Цицерона и отдавали ей предпочтеніе. Самого Мора превозносили до небесъ и считали величайшимъ гениемъ. *) Мы не будемъ разбирать здѣсь, чтò было тому побудительной причиною: каждому извѣстно, какъ падко плохо-развитое общество на соціальныя парадоксы. Читателю XVI вѣка было очень пріятно созерцать обворожительные образы, рисуемые утопистомъ; они отвлекали его отъ горькой дѣйствительности и уносили въ сферу заоблачныхъ мечтаній, всегда пріятныхъ за неимѣніемъ

*) Приводимъ подлинныя слова Стаплетона.... *Omnesque qui Utopiam legerunt, de eo (Thoma Moro) scribunt, incomparabile, homine majus et prope divinum fuisse hominis ingenium.* (Cap. IV, p. 15.)

твердой положительной почвы. Для насъ гораздо интереснѣе узнать, что чувствовалъ самъ Моръ въ чаду громкаго успѣха, и насколько дѣйствительнымъ оказался въ этомъ случаѣ его непоколебимый стоицизмъ. Приводимъ съ этою цѣлью отрывокъ изъ письма его къ Эразму Роттердамскому, написаннаго вскорѣ послѣ изданія «Утопiи»: «Ты не знаешь, какъ я счастливъ, какъ я выросъ въ собственныхъ глазахъ, какъ высоко поднимаю я свою голову! Мнѣ кажется, будто мои утопiицы назвали меня своимъ пожизненнымъ царемъ; я вижу, какъ я иду во главѣ ихъ, увѣнчанный хлѣбными колосьями, знакомъ царскаго достоинства на Утопiи, прекрасный въ своемъ францисканскомъ платьѣ и шествующій, въ этомъ простомъ великолѣпiи, впереди иностранныхъ посланниковъ и припцевъ, этихъ несчастныхъ, которые гордятся тѣмъ, что носятъ женскія украшенія, цѣпи изъ золота, презираемаго всеми нами на Утопiи, изъ пурпура, жемчуга и другихъ бездѣлокъ, дѣлающихъ ихъ столь смѣшными. *Я не хочу, однакожъ, чтобы ты и Тонсталь судили обо мнѣ какъ о друшкѣ, у которыхъ счастье перемѣняетъ характеръ. Хотя богамъ угодно было возвести меня отъ униженiя къ высочайшему величию, до котораго не достигалъ еще ни одинъ монархъ, — я никогда не забуду старинной дружбы, соединившей меня съ вами, когда я былъ еще простымъ смертнымъ».* Считаемъ изъяснимъ комментировать это характеристическое посланiе; просимъ только читателя не забывать, что слова, написанныя нами курсивомъ, обращены къ Эразму Роттердамскому, одна строчка котораго дороже десяти «Утопiи» Мора.

Мы имѣемъ подъ руками портретъ нашего героя, начертанный Эразмомъ въ письмѣ къ Ульриху Гуттену *). Мору было тогда около сорока лѣтъ. Онъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста, хорошо сложенъ, блѣденъ и худощавъ, съ темнорусыми волосами, голубыми глазами, и головой нѣсколько склоненной на бокъ, отчего правое плечо его казалось выше лѣваго. Выраже-

*) Мы видѣли еще другой, гравированный портретъ Томаса Мора, приложенный къ франкфуртскому изданiю его сочиненiй. Онъ не вполне соответствуетъ описанiю Эразма: на немъ Моръ изображенъ широкоплечимъ, неуклюжимъ, съ головою несоразмѣрно большой, съ жесткими, неприятными чертами лица. Брови его высоко подняты, глаза широко раскрыты, и вся наружность имѣетъ выраженiе недоумѣвающее, озадаченное. Мы не знаемъ, откуда снять этотъ портретъ, и потому не можемъ рѣшить, на сколько слѣдуетъ ему вѣрить.

піе всей его наружности было добродушное и слегка задумчивое, улыбка, никогда не сходявшая съ лица его, была вмѣстѣ и беззаботная, и грустная. Голосъ его былъ ровный и незвучный, говорилъ онъ нѣсколько вяло, кротко и съ убѣжденіемъ. Туалетомъ онъ не занимался вовсе, какъ это мы имѣли уже случаи замѣтить; на немъ никогда не было ни золота, ни шелка, ни модныхъ украшеній. Руки его были грубы, приемы нѣсколько угловаты, хотя чрезвычайно прѣсты и радушны. Вообще, наружность его была пзъ тѣхъ, которыя никогда не поражаютъ съ перваго раза, но оставляютъ тихое и пріятное впечатаніе, когда къ нимъ приглядншься. Если мы прибавимъ къ этому портрету, переданному намъ Эразмомъ, необыкновенную мягкость въ словахъ и поступкахъ, остроуміе, искусство припоровляться къ обстоятельствамъ и подлаживаться подъ тонъ собесѣдника, то намъ не трудно будетъ понять, почему Моръ въ скоромъ времени завладѣлъ совершенно сердцемъ Генриха VIII. Этотъ своеправный король, жестокій, какъ восточный деспотъ, и капризный, какъ женщина, руководимый всю жизнь одними прихотями своей причудливой природы, былъ рѣшительно неспособенъ къ обыкновенному, естественному чувству. Если онъ избиралъ кого-нибудь своимъ любимцемъ, то привязывался къ нему, какъ къ женщицѣ, не отпуская его отъ себя ни на шагъ, ревновалъ, — потомъ вдругъ становился къ нему совершенно холоденъ, не хотѣлъ его видѣть, и черезъ нѣсколько времени призывалъ сына, или посылалъ на эшафетъ. Участь Томаса Мора была въ этомъ отношеніи совершенно сходна съ участію Анны Болзѣнъ: и фаворитъ, и фаворитка одинаково возбудили въ Генрихѣ самую пламенную привязанность и одинаково поплалились за нее жизнью.

Объемъ журнальной статьи не позволяетъ намъ изложить здѣсь слишкомъ обстоятельно біографію Томаса Мора; мы по необходимости должны ограничиться только самымъ краткимъ очеркомъ его административной дѣятельности и перейти къ той эпохѣ, когда, назначенный канцлеромъ Англій, онъ вступилъ въ роковую борьбу съ королемъ, оконченную такой трагической развязкой.

Въ первое время службы, награда за наградою, повышение за повышеніемъ сыпались на счастливаго философа: въ самое короткое время онъ прошелъ степени члена тайнаго совѣта, канцеля, канцлера Ланкастера, и въ то же время съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выигрывалъ въ привязанности короля. Генрихъ въ то время начиналъ уже чувствовать холодность къ сво-

ей такъ недавно еще обожаемой супругѣ и сильно тяготился ея присутствіемъ. Ловкій собесѣдникъ, избавлявшій его отъ труда поддерживать обѣденный разговоръ и сокращавшій своимъ остроуміемъ этотъ неприятный супружескій tête-à-tête, былъ въ то время для короля истинной находкой. Всякій день, за нѣсколько минутъ до обѣда, Моръ обязанъ былъ являться во дворецъ, садился за столъ съ августѣйшей четой, болталъ все время безъ умолку, и наконецъ, когда надобность въ немъ проходила, возвращался домой. Нельзя сказать, чтобы Моръ чувствовалъ себя особенно хорошо отъ этихъ королевскихъ мпостей; роль придворнаго шута, какъ видно, была не совсѣмъ по вкусу автору Утопіи. Какъ только Генрихъ VIII окончательно разошелся съ Катериной и сталъ обѣдать одинъ, Моръ совершенно измѣнилъ свое поведеніе: сталъ очень рѣдко являться во дворецъ, приходилъ всегда нахмуренный, серьезный, и рѣшительно не поддавался усиліямъ короля вызвать его на остроуміе. Тактика эта удалась, какъ нельзя лучше: Генрихъ VIII очень скоро охладѣлъ къ своему любимцу, пересталъ за нимъ посылать и не оказывалъ ему прежняго вниманія. Слѣдующее обстоятельство еще болѣе ихъ разсорило.

Расточительность Уольсея, державшагося въ сношеніяхъ съ иностранными дворами системы подкуповъ, истощила въ скоромъ времени государственную казну и принудила Генриха VIII подумать о средствахъ подвергнуть несчастный народъ новому побору. Чтобы привлечь на свою сторону большинство парламента, Уольсей рѣшился назначить въ немъ президентомъ челоуѣка, пользовавшагося значительной популярностью. Выборъ палъ на Томаса Мора.

Въ 1523 году парламентъ собрался. Уольсей открылъ засѣданіе длинной и ловкой рѣчью, въ которой доказывалъ необходимость чрезвычайнаго налога, по причинѣ будто бы угрожающей войны съ Франціей, и потребовалъ суммы въ восемьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ *). Все собраніе пришло въ ужасъ отъ такого требованія и молчало. Раздраженный Уольсей подошелъ къ Муррею, члену парламента, и спросилъ его вызывающимъ тономъ: что онъ объ этомъ думаетъ? — Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ г. президенту, отвѣчалъ Муррей. Тогда

*) Около пяти милл. рубл. сер. Какъ значительна была эта сумма, видно изъ того, что годовой государственный доходъ Англійи рѣдко превышалъ въ то время 200 т. фунт. стерл.

Томасъ Моръ бросился на колѣни и принялся доказывать въ смиренныхъ выраженіяхъ беззаконіе такого побора. «Что до меня касается, сказалъ онъ въ заключеніе — я никогда не соглашусь на это требованіе!» Уольсей повернулся къ нему спиною и съ шумомъ вышелъ изъ залы.

Съ этихъ поръ Моръ окончательно разошелся съ королемъ и почти пересталъ являться во дворцѣ, посвящая все свое время семейству.

Въ двухъ миляхъ отъ Лондона, на берегу Темзы и доселѣ лежитъ небольшая деревня Чельсп, тѣсно связанная съ воспоминаніями о нашемъ героѣ. Тамъ стояла маленькая часовня, построенная Моромъ, въ которой было погребено потомъ его обезглавленное тѣло; подлѣ нея находился домикъ, служившій постояннымъ мѣстопребываніемъ семейства Мора, и въ которомъ самъ хозяинъ любилъ иногда отдыхать послѣ утомительныхъ служебныхъ занятій. Здѣсь провелъ онъ почти безвыходно небольшой промежутокъ времени между первой размолвкой съ королемъ, о которой мы только-что говорили, и вторичнымъ поступленіемъ на службу въ званіи лорда-канцлера. Освобожденный отъ должностныхъ и придворныхъ обязанностей, онъ занялся теперь на свободѣ воспитаніемъ своихъ дѣтей, воспитаніемъ, мимоходомъ замѣтить, нѣсколько запоздавшимъ: изъ трехъ дочерей его, двѣ были уже замужемъ, а меньшая дочь и сынъ приходили въ возрастъ. Моръ занялся ихъ литературнымъ образованіемъ, читалъ съ ними классиковъ и задавалъ имъ упражненія на древнихъ языкахъ, требуя непременно остроумія и изящества слога. Даже всѣ письма, которыя посылалъ онъ тогда къ дѣтямъ во время непродолжительныхъ отлучекъ, наполнены разнообразными выдержками изъ стилистикъ, совѣтами обдумывать каждую фразу по частямъ и въ цѣломъ, разборами различныхъ выраженій древнихъ авторовъ и поясненіями на риторикѣ Квинтиліана; вездѣ видѣнъ ученый педантъ и литераторъ, а не человѣкъ и отецъ семейства. Вообще, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, чтобы предполагать въ Томасъ Морѣ сильную привязанность къ семейству: съ женой онъ почти былъ холоденъ, а въ дѣтяхъ любилъ, какъ кажется, не дѣтей, а ученыхъ. Его старшая дочь Маргарита, искушенная въ философіи, болѣе другихъ пользовалась его расположеніемъ. Она знала въ совершенствѣ древніе языки, переводила Евсевія съ греческаго на латинскій, разрѣшала къ удовольствію Мора риторическія тонкости Квинтиліана, комментировала греческихъ и римскихъ

авторовъ и проводила почти въ астрономическихъ наблюденіяхъ. Моръ былъ отъ нея безъ ума и снабжалъ ее, кромѣ уроковъ стилистики, мудрыми поученіями: не носить узкихъ башмаковъ и тѣсныхъ платьевъ, не пинуроваться, не взбивать волосъ кверху, и т. п. Домъ въ Чельси, со времени пріѣзда Мора, превратился въ монастырь; все въ немъ было подведено подъ самыя строгія правила, и надъ всѣмъ возвышалась воля домашняго деспота. Казалось, Моръ хотѣлъ здѣсь примѣнить на практикѣ свою замечательную «Утопію»: каждый гражданинъ этой маленькой монархіи, отъ хозяйки до послѣдняго грума, подчиненъ былъ непреложному уставу, преступить который считалось чѣмъ-то въ родѣ государственной пзмѣны. Днемъ все должны были работать, мужчины на одной половинѣ, женщины на другой; отъ обѣда до ужина позволялось каждому выбирать себѣ занятіе по своей волѣ; за ужиномъ одна изъ дочерей Мора читала какую нибудь книгу, на-расиѣвъ, по-церковному; затѣмъ читала молитву, и день кончался игрой на лютнѣ или на монохордѣ.

Самъ Моръ въ это время все болѣе и болѣе склонялся къ исключительно-религіозному настроенію. Для него, такъ рано умертвившаго въ себѣ все инстинкты человѣческой природы, давно уже сдѣлались ничтожными интересы, стоящіе въ религіи.

Католицизмъ переживалъ въ то время самый трудный моментъ своего существованія: уже поднялось, по слову шуттенбергскаго теолога, великое міровое движеніе, и папская булла ваялась въ грязи, потоптанная ногами. Приверженцы преданія спѣшили вооружиться для противодѣйствія новому ученію. Генрихъ VIII, въ то время еще покорный сынъ святѣйшаго отла, написалъ противъ Лютера извѣстное обличительное посланіе, на которое реформаторъ отвѣчалъ съ свойственнымъ ему жаромъ, на своемъ обыкновенномъ рѣзкомъ языкѣ, сильно оскорбившемъ самолюбиваго монарха. Тотчасъ послѣ того явилась въ печати грязная книжонка Мора, направленная противъ Лютера. Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе объ этомъ характеристическомъ памфлетѣ, мы приведемъ изъ него небольшой отрывокъ, озаглавленный у автора: *Senatus combibonum*.

«Когда Лютеръ получилъ книгу короля и потребовалъ ее — говорить Томасъ Моръ — эта спасительная пища показалась горькою его испорченному вкусу. Не будучи въ состояніи переварить ее и желая запить горечь, онъ созвалъ сенатъ изъ своихъ собутыльничковъ. Тамъ, — хотя онъ гораздо лучше желалъ, чтобы эта книга осталась въ вѣчномъ мракѣ, — подкрѣпившись хоро-

пенько виновтъ, онъ рѣшился представить ее взорамъ собранія. Чтеніе первыхъ страницъ начинало кусать всѣ эти ослепныя уши. Книгу закрываютъ, открываютъ, перелистываютъ, чтобы хоть что нибудь осудить въ ней; но ничего не встрѣтилось тамъ, способнаго дать пищу злословію. Какъ это дѣлается во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, обратились къ подачѣ мнѣній. Сенатъ становился мраченъ, и Лютеръ хотѣлъ уже идти повѣситься, какъ вдругъ Биціасъ *) успокоилъ его слѣдующими словами: «Экая важность, что пишетъ король Англіи и во что нужно вѣрять, для тѣхъ, у кого одна цѣль: возбуждать раздоры и мятежи и тѣмъ прославлять свои имена! Чего мы хотимъ, какъ не тянуть деньги у простаковъ и забавляться гнѣвомъ людей, болѣе насъ ученыхъ? Чѣмъ можетъ повредить намъ истина словъ короля и обличеніе нашей собственной ереси? Только бы Лютеръ отвѣчалъ по своей обыкновенной методѣ, т. е. насмѣшками и ругательствами! Пусть же онъ не унываетъ; въ особенности, пусть не думаетъ, будто нужно сражаться разумными доводами» и пр.

«Это мнѣніе воодушевило Лютера, который уже ускользнулъ былъ въ дверь. Но такъ какъ онъ видѣлъ, что потребуется гораздо больше ругательствъ, чѣмъ сколько могли ему доставить его прежнія упражненія въ этомъ родѣ, то онъ убѣдилъ своихъ товарищей разбрестись повсюду, гдѣ только они могли набрать глупыхъ шутокъ и плоскостей, и принести ему все, добытое въ этомъ родѣ. Вотъ изъ чего хотѣлъ онъ составить свой отвѣтъ. Съ этимъ приказаніемъ онъ распустилъ собраніе. Совѣтники разбрелись въ разныя стороны, каждый по своему вкусу. Они посѣщаютъ паромы, бани, игорные дома, цирюльни, кабаки, мельницы, развратные дома, вездѣ наблюдаютъ, слушаютъ, и записываютъ въ своихъ книжечкахъ все, что было при нихъ сказано грубаго кучерами, нахальнаго лакеями, сквернаго привратникамъ, шутовскаго — паразитами, неприличнаго постыднаго **). Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тщательныхъ поисковъ, всѣ ругательства, которыя они собрали, всѣ насмѣшки, скверныя шутки, неприличности, грязь, навозъ, все это бросаютъ они въ помойную яму, называемую головой Лютера. И весь этотъ грязный потокъ, все съѣденное имъ?.... ***) извергаетъ онъ своимъ нечистымъ ртомъ въ эту ругательную книгу».

*) Литературный врагъ Томаса Мора.

***) Въ подлинникѣ: cacator.

***) Въ подл. merda comesa.

Мы полагаемъ, что этого небольшого отрывка, переданнаго нами въ очень и очень смягченномъ видѣ, вполне достаточно, чтобъ показать, къ какому рязряду принадлежала книга Мора. Краснорѣчиво проповѣдуя принципъ вѣротерпимости въ «Утопію», Томасъ Моръ, когда представилась возможность привести въ дѣло убѣжденія, явился самымъ грубымъ фанатикомъ, авторомъ памфлета, достойнаго балаганныхъ подмостокъ.

Результаты этого литературнаго подвига можно было предвидѣть заранѣе: онъ долженъ былъ возвратити Морю потерянное расположеніе короля. Въ самомъ дѣлѣ, самолюбіе было преобладающимъ элементомъ въ характерѣ Генриха VIII, и задѣтъ это самолюбіе значило пріобрѣсти себѣ смертельнаго врага въ король Англіи. Никого въ мірѣ ненавидѣлъ Генрихъ до такой степени, какъ дерзкаго реформатора, осмѣлившагося пренебречь его высокимъ саномъ и поразившаго его своей безпощадной насмѣшкой.

Возраженія Лютера на книгу о тайнствахъ задѣли въ одно время и королевское, и авторское, и католическое, — если можно такъ выразитися, — самолюбіе Генриха; а при такихъ условіяхъ не трудно было автору брошюры, направленной противъ Лютера, заслужитъ величайшую признательность короля, сдѣлаться его другомъ, его братомъ по оружію. И дѣйствительно, въ сердцѣ Генриха снова загорѣлась вспышка страстной любви къ Морю, быстро дошедшей до энтузіазма и еще быстрѣе исчезнувшей при первомъ столкновеніи взаимныхъ интересовъ и убѣжденій. Почти каждую недѣлю, иногда нѣсколько дней сряду, король пріѣзжалъ въ Чельси, садился съ Моромъ за его скромный обѣдъ, и потомъ долго прохаживался съ нимъ, обнявшись, по аллеямъ деревенскаго сада, толкуя о самыхъ разнородныхъ предметахъ. Послѣ одной изъ такихъ дружескихъ бесѣдъ, Генрихъ поздравилъ своего любимца съ званіемъ канцлера Англіи.

Довольно трудно рѣшить, что побудило Мора принять эту должность. Мы можемъ предполагать отчасти, что нашъ герой не чуждъ былъ тайнаго расположенія къ почестямъ и славѣ, но не имѣемъ достаточныхъ основаній — дать этому предположенію полную силу. Антагонизмъ Лютера былъ далеко не похожъ на творца эпиталямы. Пренія мелочныя стремленія и эгоистическія страстишки были значительно подавлены опытомъ жизни, самоуглубленіемъ, религиозными подвигами; усталость и духовное расслабленіе отчуждали Мора отъ новыхъ трудовъ и лишеній и манили его на покой, къ физическому и нравственному

сибаритству. Кромѣ того, невозможно предположить, чтобы Морю было неизвѣстно намѣреніе короля развестись съ Катериной Аррагонской; онъ зналъ также, что совѣсть его не одобряетъ развода, и что, занявъ должность канцлера, онъ принужденъ будетъ вступить въ оппозицію противъ упорнаго короля, неразборчиваго въ выборѣ средствъ къ достиженію предположенной цѣли. Такимъ образомъ, перспектива канцлерскаго званія не могла быть особенно заманчива для нашего героя. Что же заставило его принять это званіе? Было ли то слѣдствіемъ его честолюбія, или происходило изъ благородной готовности жертвовать собою на пользу общества, готовности, подкрѣпленной сознаніемъ своихъ дарованій и способности къ управленію? Или, наконецъ, Морь обольщалъ себя надеждою, что въ званіи канцлера ему будетъ легче отклонить Генриха отъ его незаконнаго намѣренія? Можетъ быть и то, и другое, и третье; но преимущественно здѣсь дѣйствовали, по нашему мнѣнію, бюрократическія наклонности Томаса Мора, постоянно звавшія его къ административной дѣятельности. Канцелярія была настоящей, законной сферой нашего героя. Литературными трудами онъ платилъ дань направленію вѣка, удовлетворялъ своимъ эстетическимъ и научнымъ потребностямъ; но административная дѣятельность всегда имѣла для него обаятельное значеніе, ослабѣвавшее, какъ кажется, только для того, чтобы черезъ нѣсколько времени овладѣть имъ еще съ большею силой. И, нужно сказать правду, нигдѣ не былъ Морь такъ благороденъ и возвышенъ, такъ полезенъ обществу и такъ способенъ возбудить симпатію, какъ на служебномъ поприщѣ. Здѣсь лучше всего могли получить приложеніе его самыя свѣтлыя качества — честность, безкорыстіе, трудолюбіе — и здѣсь же менѣе всего давали себя чувствовать темныя стороны его характера. Тамъ, гдѣ дѣло касалось долга и чиновничьей чести, Морь былъ непритусенъ для искушенія. Въ его понятіяхъ существовалъ только одинъ родъ благородства — благородство чиновника; и онъ дорожилъ имъ больше всего на свѣтѣ.

Мотивы, двигавшіе Генрихомъ VIII, при избраніи новаго канцлера, гораздо скорѣе поддаются объясненію. Задумавъ развестись съ Катериной и посадить на тронъ фаворитку, онъ долженъ былъ подумать о средствахъ обезопасить себя со стороны первыхъ сановниковъ государства, устранить всякую возможность сопротивленія его замысламъ. Мѣсто канцлера, какъ перваго лица послѣ короля, прежде всего должно было представиться его вни-

манію. До сихъ поръ, хранителями государственной печати назначались только лица знатнаго происхожденія, преимущественно изъ духовенства; отъ нихъ, всего естественнѣе, Генрихъ могъ ожидать самой упорной оппозиціи. Теперь ему нужно было замѣстить эту должность, вакантную со времени паденія несчастнаго Уольсея, человѣкомъ, всѣмъ ему лично обязаннымъ, на признательность и преданность котораго онъ имѣлъ полное право рассчитывать, — однимъ словомъ, своей креатурой. Такимъ условіямъ, какъ нельзя болѣе, удовлетворялъ Томасъ Моръ. Удостоенный дружбы Генриха, возведенный отъ ничтожества къ величайшимъ почестямъ, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, онъ всѣмъ былъ обязанъ исключительно королевскимъ милостямъ, и отъ него болѣе, чѣмъ отъ кого либо, могъ ожидать Генрихъ VIII содѣйствія своимъ планамъ. Поэтому, едва только Моръ приступилъ къ отиравленію своей должности, Генрихъ неспѣшилъ дать ему понять, какого воздаянія ожидаетъ онъ за свои милости. Моръ, очень хорошо знавшій намѣреніе короля, при первомъ намекѣ на разводъ узналъ передъ нимъ на колѣни, заклиная его не требовать такой огромной жертвы отъ своего вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго подданнаго. Онъ напоминалъ ему клятву, данную имъ при вступленіи въ должность — служить прежде всего Богу; говорилъ, что вопросъ о разводѣ самый щекотливый для его совѣсти, и въ заключеніе молилъ не забывать его прежнихъ услугъ и не лишать его своихъ милостей. Генрихъ VIII умѣлъ на первый разъ скрыть свою досаду. Онъ поднялъ Мора, увѣрялъ его, что это небольшое разногласіе не помѣшаетъ ему цѣнить достойнымъ образомъ услуги, оказанныя имъ королю и государству, и обѣщавъ не касаться болѣе этого щекотливаго вопроса.

Между тѣмъ Моръ спѣшилъ оправдать довѣріе короля, вручившаго ему такой важный постъ въ администраціи, и ревностно предавался служебнымъ занятіямъ. Во время владычества Уольсея, мало вникавшаго въ народныя нужды и нерѣдко пренебрегавшаго своими обязанностями, многія отрасли государственнаго управленія пришли къ крайнему разстройству. При существовавшей въ то время въ Англіи системѣ административной централизаціи, для правильнаго теченія дѣлъ потребна была постоянно напряженная дѣятельность главнаго контролирующаго пункта; министерство же Уольсея, болѣе блистательное, чѣмъ существенно-полезное, никогда не отличалось ни трудолюбіемъ, ни добросовѣстостью. Поэтому множество дѣлъ лежало подъ спудомъ, ожидая своей очереди, и судебныя дѣйствія шли чрезвычайно

медленно. Моръ съ свойственной ему энергіей занялся исправленіемъ упущеній своего предшественника, отрывая изъ-подъ архивной пыли множество дѣлъ, не получившихъ окончательнаго рѣшенія, безостановочно разбирая вновь поступающія и просиживая цѣлыя ночи надъ бумагами. Строгій и неподкупный, онъ не позволилъ себѣ ни одного корыстнаго, эгоистическаго поступка: мѣсто канцлера, самое доходное во всемъ государствѣ, не обогатило его ни однимъ шиллингомъ. Въ примѣръ его честности и правосудія, не лишеннаго впрочемъ своего рода аффектаціи, приведемъ здѣсь слѣдующій разсказъ, заимствованный нами у Низара. У одной бѣдной женщины украдена была собака и продана женѣ Мора. Когда обокраденная явилась къ лорду-канцлеру и потребовала, чтобъ ей возвратили ея любимицу, Моръ позвалъ свою жену въ присутствіе, поставилъ обѣихъ тяжущихся на разныхъ концахъ залы и велѣлъ имъ разомъ звать къ себѣ собаку. Умное животное тотчасъ бросилось на голосъ своей прежней госпожи. Тогда Моръ, очень довольный этой пародіей на судъ Соломона, приказалъ женѣ разстаться съ собакой; когда же раздраженная леди протестовала противъ такого рѣшенія, онъ купилъ у бѣдной женщины собаку и подарилъ ее своей супругѣ.

Но какъ ни много оказалъ Моръ услугъ своему отечеству въ званіи канцлера, ему не удалось приобрѣсти популярности на этомъ поприщѣ. Въ то смутное время, когда умы всѣхъ были взволнованы релігіозной бурей, поднятой Лютеромъ, когда всѣ желанія и помысленія сосредоточивались исключительно на борьбѣ между католицизмомъ и реформой, мирная гражданская дѣятельность имѣла мало значенія. Къ тому же, самые релігіозные интересы, такъ сильно занимавшіе современниковъ Мора, враждебно относились къ убѣжденіямъ и образу дѣйствій лорда-канцлера. Значительная часть народонаселенія Англіи успѣла уже въ то время втайнѣ усвоить принципы новаго ученія, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приобрѣтавшаго себѣ послѣдователей. Безпрестанно появлялись въ печати сочиненія, направленные противъ злоупотребленій духовенства, въ особенности противъ монаховъ, открыто грабившихъ бѣдный народъ подъ предлогомъ духовной привилегіи. Часто печатнымъ образомъ опровергались многіе догматы католической вѣры, подвергалась сомнѣнію непогрѣшительность папской власти, и т. п. Моръ въ релігіозномъ развитіи перешедшій уже въ то время за грань христіанской вѣры и предавшійся фанатизму и грубому

еуевѣрію, поспѣшилъ ополчиться на еретиковъ всею властью и поднялъ знамя преслѣдованія. Вопросъ о томъ, какого рода были эти преслѣдованія, представляетъ много трудностей для рѣшенія. По свидѣтельству Юма, съ которымъ согласенъ и добросовѣстный Мэкинтошъ, Томасъ Моръ довелъ религіозное пзувѣрство до той крайней степени, до какой не доводилъ его ни одинъ инквизиторъ; Низаръ, напротивъ, посвящаетъ цѣлую главу оправданію памяти Мора отъ такого ужаснаго обвиненія. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ нихъ не представляетъ положительныхъ фактовъ въ пользу своего мнѣнія. Низаръ ссылается на слова самого Мора, утверждавшаго, что «онъ ни одного еретика не щелкнулъ по лбу» и вслѣдъ затѣмъ, приведя нѣсколько крупныхъ доказательствъ въ подтвержденіе противнаго мнѣнія, заключаетъ: «по я знаю, что Моръ никого не казнилъ». Мы, конечно, не можемъ дать этому вопросу удовлетворительнаго рѣшенія, хотя, взвѣсивъ все обстоятельства, скорѣе готовы согласиться съ Юмомъ, нежели съ Низаромъ: утратить способность къ широкому, христіанскому пониманію религін, Моръ остался всторонѣ отъ великаго историческаго движенія, взволновавшаго весь мыслящій міръ XVI вѣка, и внесъ въ свою дѣятельность узкія, іезуитскія воззрѣнія на православіе и ересь.

Но пока Томасъ Моръ ревностно исправлялъ свои новыя обязанности, Генрихъ VIII съ неменьшимъ усердіемъ работалъ надъ проектомъ развода. Папа, которому было уже давно извѣстно его намѣреніе, издалъ буллу, запрещавшую англійскому духовенству подавать мнѣніе въ пользу развода. Генрихъ VIII, съ своей стороны, приказалъ богословамъ оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ подобрать доказательства въ пользу его законности. Эти послѣдніе должны были быть представлены на обсужденіе въ палату лордовъ, въ которой Томасъ Моръ, какъ канцлеръ, былъ президентомъ. Такимъ образомъ, нашему герою предстояло выбирать только изъ двухъ: или одобрить разводъ и тѣмъ заслужить милость Генриха VIII, или открыто возстать противъ него и тѣмъ подписать свой смертный приговоръ. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Моръ потерялъ свое обычное присутствіе духа. Совѣсть не позволяла ему подать голосъ въ пользу развода, а боязнь за свою жизнь удерживала его отъ положительной рекламации. Онъ рѣшился выбрать среднюю—сложить съ себя канцлерское званіе.

Генрихъ VIII очень милостиво принялъ его прошеніе объ отставкѣ и обѣщали не забывать его великихъ заслугъ передъ го-

сударемъ и отечествомъ. Лордъ Одлей замѣстилъ Мора въ должности канцлера Англіи.

Томасъ Моръ попрежнему поселился въ Чельси. Такъ какъ его доходы, вслѣдствіе отставки, значительно уменьшились, то онъ увидѣлъ себя въ необходимости отказаться отъ всякой роскоши и сократить издержки на содержаніе дома. Огромное количество слугъ было распущено; любимый шутъ Мора, *мистеръ* Пэтенсонъ, былъ подаренъ лондонскому мэру; богатая мебель была распродана; вмѣсто пышной и изысканной обстановки, явилась во всемъ самая строгая экономія, живо напомнившая Мору его житье въ Оксфордѣ. Для леди Моръ, не чуждой своего рода честолюбія, отставка мужа пришлась вовсе не по ея сердцу. Она энергически упрекала его въ неумѣньи держать себя при дворѣ, въ эгоизмѣ, въ равнодушіи къ дѣтямъ, о судьбѣ которыхъ Моръ дѣйствительно очень мало заботился. Бывшій лордъ-канцлеръ, задѣтый за живое такими упреками, началъ насмѣхаться надъ туалетомъ жены и укорять ее въ томъ, что она небрежетъ своею наружностью. Пораженная такимъ неслыханнымъ въ устахъ Мора обвиненіемъ, почтенная леди съ ужасомъ обращается къ дѣтямъ и спрашиваетъ, есть ли какой безпорядокъ въ ея туалетѣ? Но безпорядка не оказалось. «Э! возразилъ Моръ — развѣ вы не видите, что у вашей матери носъ нѣсколько набокъ?»

Вскорѣ затѣмъ семейство Мора разсѣялось, и блестящій нѣкогда домъ въ Чельси опустѣлъ. Одинъ Томасъ съ женой остался въ этихъ заброшенныхъ покояхъ, съ тоскливымъ предчувствіемъ ожидая развязки своей долгой жизни и ища единственнаго успокоенія въ молитвѣ. Онъ не мало не сомнѣвался въ томъ, что ожидало его въ самомъ непродолжительномъ будущемъ; онъ зналъ, что жестокій и самолюбивый Генрихъ VIII не затруднится для собственнаго спокойствія послать его на эшафотъ при первомъ удобномъ случаѣ. А этотъ случай долженъ былъ скоро представиться: бракъ съ Анной Болэнъ былъ уже окончательно рѣшенъ въ умѣ Генриха и долженъ былъ повести за собой двойную присягу — новой королевѣ и новой главѣ церкви *). Моръ зналъ, что отказъ въ присягѣ будетъ для него смертнымъ приговоромъ, и готовился къ смерти. Онъ велѣлъ приготовить себѣ гробъ въ часовнѣ, построенной имъ въ Чель-

*) Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что югда папа объявилъ себя противъ развода, Генрихъ прервалъ съ нимъ всѣ сношенія и объявилъ себя единственной главой англійской церкви.

си; перенесъ туда же прахъ своей первой жены и повѣсилъ на стѣнѣ мраморную доску съ эпитафией, имъ самимъ составленной. Мы не приводимъ здѣсь этой эпитафii, потому что она слишкомъ длинна и представляетъ только перечень фактовъ изъ жизни Мора, извѣстныхъ уже читателю. Моръ говоритъ въ ней о себѣ съ величайшимъ смиренiемъ, но за-то съ возмутительной лестью отзывается о благодѣтелѣ своемъ, несравненномъ Генрихѣ VIII.

Между тѣмъ этотъ несравненный благодѣтель рѣшилъ уже участь Томаса Мора. Для него, никогда не отступавшаго ни передъ какимъ злодѣянiемъ, связаннымъ съ его личными интересами, ничего не стоило отослать на эшафотъ человѣка, отъ котораго онъ желалъ избавиться. Говорить о привязанности Генриха къ Мору было нечего: прежнiй любимецъ его былъ теперь не болѣе, какъ мятежнымъ подданнымъ, противящимся королевской волѣ, слѣдовательно затронувшимъ самыя чувствительныя струны эгоистической природы Генриха VIII. Моръ возставалъ противъ беззаконнаго поступка короля; на его сторонѣ было общественное мнѣнiе, сильное въ своемъ видимомъ безсилiи, и потому — необходимо было избавиться отъ такого человѣка. Нужно было только найти достаточное основанiе, сколько илбудъ оправдывавшее его насильственную смерть въ глазахъ народа; нужно было соблюсти формальности. Для этой цѣли употреблены были въ дѣло многочисленные клеветы Генриха, готовые продать свою совесть за королевскую милость, за кошелекъ съ золотомъ. Начался длинный рядъ обвиненiй, направленныхъ противъ опальнаго канцлера, которыми тщетно старались очернить его совесть. Сначала обвинили его въ составленiи опроверженiй на книгу, въ которой излагались доказательства законности развода; потомъ обратились къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ, относившимся до его судебной дѣятельности, возвели на него обвиненiя въ недобросовѣстности, въ лхонствѣ, въ сношенiяхъ съ мнимыми прорицательницами, грозившими бѣдствiями Англiи, наконецъ даже вмѣнили ему въ преступленiе участiе; которое принималъ онъ въ составленiи книги Генриха VIII о семи таинствахъ. Мору не трудно было оправдаться отъ всѣхъ этихъ нелѣпныхъ и пошлыхъ обвиненiй; но все было напрасно, потому что ему грозила уже другая, рѣшительная, давно предвидѣнная имъ опасность.

Въ 1534 году парламентъ объявилъ Анну Болѣнъ королевой и законной супругой Генриха, со всѣми наследственными правами англiйской короны, а самого Генриха единственной главой

церкви. Все лондонское духовенство, подъ предсѣдательствомъ архіепископа кенторбѣрійскаго, собрано было въ замкѣ Кромвеля и тамъ должно было подписать оба акта, обнародованные парламентомъ. Только одинъ мирянинъ — Моръ — потребованъ былъ туда же. Ему подали листъ, содержащій формулу присяги. Онъ внимательно прочелъ ее и объявилъ, послѣ непродолжительной борьбы съ самимъ собою, что совѣсть запрещаетъ ему подписать подъ ней свое имя. Судьи указали ему на многочисленныя подписи, данныя важнѣйшими лицами англійской іерархіи. «Я не порицаю никого изъ нихъ, отвѣчалъ Моръ; но самъ не могу послѣдовать ихъ примѣру.» Его выслали изъ залы, вѣроятно желая дать ему время одуматься; потѣмъ, собравъ еще нѣсколько десятковъ подписей, потребовали снова. Но Моръ и на этотъ разъ не согласился.

Черезъ четыре дня послѣ того, король, руководимый частью собственнымъ чувствомъ мести за оскорбленное самолюбіе, частью внушеніями Анны Болѣнтъ, смертельно ненавидѣвшей Мора, осудилъ его на вѣчное тюремное заключеніе.

Нельзя сказать утвердительно, чтобы король желалъ въ это время смерти Мора: онъ еще не терялъ надежды склонить его къ уступкамъ, вырвать у него присягу. Для него гораздо выгоднѣе было привлечь его на свою сторону, чѣмъ казнить его, какъ мятежника. Поэтому, въ первое время заключеніе Мора было очень снѣсно: ему позволяли заниматься въ своей кельѣ учеными трудами, прогуливаться въ тюремномъ саду и видѣться съ семействомъ и друзьями. Въ то же время, клеветы Генриха руководили людьми, наиболѣе близкими къ Морю, побуждая ихъ склонить узника къ примиренію съ королемъ. Даже жена и дѣти Мора не остались свободными отъ этого вліянія. Маргарита, старшая дочь Мора, о которой мы упоминали уже нѣсколько выше, часто посѣщала отца и убѣждала его покориться необходимости, за что получила отъ него шутовское прозвище «матушки Евы.» Бесѣды Мора съ дочерью начинались обыкновенно пѣніемъ псалмовъ, потомъ переходили въ грустные, часто натянуто-шутливые разговоры о королѣ, о новыхъ статутахъ, изданныхъ парламентомъ, объ успѣхахъ реформаціи и объ опасностяхъ, угрожавшихъ католицизму въ Англии. О собственной участи своей Моръ говорилъ мало и неохотно. Предавшись исключительно религіи и вѣрившій въ загробную жизнь, онъ начиналъ свыкаться съ мыслью о смерти. «Безразсудно губить жизнь вѣчную за нѣсколько лѣтъ земной жизни» — отвѣчалъ онъ обыкновенно на

всѣ увѣщанія друзей и родственниковъ, и передъ твердою вѣрою въ силу этого религіознаго принципа начинали мало-по-малу ослабѣвать всѣ мірскіе инстинкты и побужденія. Маргарита, въ отчаяніи отъ неудавшихся попытокъ спасти Мора, прибѣгла къ послѣднему средству — попыталась поколебать его вѣру въ правоту своего дѣла. Она указала ему на авторитетъ пастырей церкви и богослововъ, давшихъ присягу и печатно доказывавшихъ законность развода и расторженія духовнаго союза съ папой. Но и эта попытка осталась безъ всякихъ послѣдствій. «Я знаю многихъ, говорилъ Моръ, которые прежде порицали разводъ, а теперь сдѣлались его защитниками. Они или хотятъ заслужить милость короля, или боятся его гнѣва; но я не хочу подражать имъ, и также вѣрую въ правоту своего дѣла, какъ въ бытіе Божіе.»

Какъ только при дворѣ узнали о безуспѣшности всѣхъ увѣщаній, направленныхъ противъ совѣсти Мора, тотчасъ приказано было лишить его всѣхъ удобствъ и подвергнуть самому строгому заключенію. Въ то же время старались разрушить благопріятное впечатлѣніе, произведенное на народъ его смѣлой и упорной оппозиціей. Съ этою цѣлью распускали ложные слухи, будто онъ согласился дать присягу, дѣлали въ его комнатѣ частые обыски, подъ предлогомъ спрятаннаго въ ней золота, возводили на него самыя неслѣпыя обвиненія. Наконецъ, передали Мору приказаніе короля — высказать свое рѣшительное мнѣніе за или *противъ* эдикта, чтобы тѣмъ положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ и разомъ покончить дѣло. Его позвали въ судъ.

— Читали ли вы это? спросилъ его судья, указывая на парламентскій статутъ, о которомъ мы уже говорили. «Читалъ,» отвѣчалъ Моръ. — Законенъ онъ, или нѣтъ?

Моръ молчалъ.

Тогда его снова отвели въ темницу и подослали къ нему королевскаго клеветы, Рича, человѣка самой сомнительной нравственности, съ порученіемъ вывѣдать настоящее мнѣніе Мора о статутѣ и отобрать у него всѣ книги, бумаги, перья и чернила. Первое не удалось, второе было ревностно выполнено. Когда шпіонъ ушелъ, Томасъ Моръ сталъ заперать окно. — «Что это вы дѣлаете?» спросилъ его тюремщикъ. «Когда всѣ товары взяты, пора заперать лавочку,» отвѣчалъ Моръ.

Съ этого времени, Мору не оставалось болѣе никакой наде-

жды на спасеніе. Король нарядилъ комиссію для изслѣдованія его преступленій и снабдилъ ее своими инструкціями.

Пѣшкѣмъ, отпраясь на палку, пришелъ Моръ изъ тюрьмы въ Вестминстеръ, гдѣ были собраны его судьи. Прокуроръ прочелъ длинный обвинительный актъ, наполненный частью искусно составленными, частью совершенно незлыми клеветами. Затѣмъ лордъ-канцлеръ и герцогъ порфолькскій отъ имени короля обѣщали Морѣ помилованіе, если онъ отречется отъ своего мнѣнія. «Молю Бога, отвѣчалъ Моръ, чтобы онъ укрѣпилъ меня и помогъ устоять до самой смерти.» Ему указали на стулъ и предложили защищаться.

Первое обвиненіе касалось его оппозиціи браку Генриха VIII съ Анной Болэнъ. Моръ не отрицался; но онъ прибавлялъ, что считасть себя достаточно наказаннымъ за это вѣчнымъ тюремнымъ заключеніемъ. — Потомъ обвинили его въ нежеланіи высказать свое мнѣніе о статутѣ. «Я не знаю такого закона, который осуждалъ бы человѣка, не говорящаго ни *за*, ни *противъ* чего бы то ни было», отвѣчалъ Моръ. Вслѣдъ затѣмъ обвинили его въ заговорѣ противъ статута, доказательствомъ чего служили его письма къ епископу Флшеру, раздѣлявшему его убѣжденія; потомъ выѣнили ему въ преступленіе сравненіе, сдѣланное имъ насчетъ этого статута, будто онъ похожъ на обоюдо-острый мечъ, умерщвляющій душу, если ему покоряются, и тѣло, если ему противятся. Затѣмъ обратились къ свидѣтельствамъ донощиковъ, слышавшихъ будто ропотъ Мора на королевскія распоряженія и проч. Наконецъ, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Томасъ Моръ обвиненъ былъ въ государственной измѣнѣ и приговоренъ къ смертной казни.

Лордъ Одлей всталъ, чтобы громко прочесть рѣшеніе судей. «Милорды! Въ мое время, передъ чтеніемъ приговора спрашивали подсудимаго, не можетъ ли онъ возразить чегонибудь» — перебилъ его Моръ. — «Говорите», отвѣчалъ канцлеръ. Тогда Моръ въ первый разъ съ жаромъ началъ на статутъ, объявлявшій короля главой англійской церкви, напоминалъ великое значеніе св. престола, признательность, какой была обязана ему Англія, благодѣянія, какія она отъ него получила. Долго сдержанное негодованіе его вырвалось наконецъ наружу. Осужденный на смерть, онъ не боялся теперь никого, и далъ полную свободу своей рѣчи. Канцлеръ, ошеломленный неожиданно прорвавшимся потокомъ возраженій, желая снять съ себя отвѣтственность, обратился къ министру юстиціи, сэру Джону Фитцъ-Джемсу, съ вопросомъ:

что онъ думаетъ о приговорѣ? «Милордъ, отвѣчалъ тотъ уклончиво, если актъ парламента законенъ, то и рѣшеніе судей законно.» Тогда лордъ Одлей прочелъ приговоръ: удавить Мора на висѣлицѣ до полусмерти, потомъ разорвать его на части, брюхо распороть, внутренности сжечь, части тѣла выставить на городскихъ воротахъ, а голову на мосту. Король, въ неизрѣченной милости своей, приказалъ смягчить наказаніе, замѣнивъ его отсѣченіемъ головы на эшафотѣ. «Да избавитъ Богъ моихъ друзей отъ состраданія короля и все мое потомство отъ его милостей!» вскричалъ Моръ.

Его повели пѣшкомъ въ Тоуеръ. Налачъ впереди несть топоръ. При выходѣ изъ залы, сынъ Мора, Джонъ, бросился передъ нимъ на колѣни и просилъ у него благословенія. Моръ обнялъ его и благословилъ. На тюремномъ дворѣ ждала его Маргарита. Она пробилась сквозь густой рядъ алебардъ и топоровъ, охранявшій узника, и упала безъ чувствъ къ нему на грудь. Моръ далъ ей свое благословеніе и старался ее утѣшить. Она отошла, потомъ черезъ нѣсколько минутъ снова бросилась къ нему и, рыдая, повисла у него на шеѣ. Моръ изнемогалъ подъ тяжестью этихъ впечатлѣній; слезы полились изъ глазъ его. Толпа, празднично стоявшая вокругъ, была глубоко потрясена этой сценой; раздались всеобщія рыданія. Наконецъ солдаты вырвали Маргариту изъ объятій Мора. Къ нему подвели остальныхъ дѣтей его и внуковъ; онъ всѣхъ ихъ благословилъ.

Семь сутокъ провелъ Моръ въ тюрьмѣ, дѣлая послѣднія распоряженія, прощаясь съ друзьями и приготовляя себя къ загробной жизни.

Шестаго іюля (1535 г.) рано утромъ сэръ Томасъ Попъ явился къ нему съ извѣстіемъ, что въ девять часовъ должна совершиться казнь его. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ передалъ ему приказаніе короля не говорить рѣчи передъ казнью.

— «Вы хорошо сдѣлали, сэръ Попъ, отвѣчалъ Моръ, что передали мнѣ волю короля, потому что я предполагалъ сказать нѣсколько словъ къ народу, вовсе не оскорбительныхъ впрочемъ ни для короля, ни для кого другаго. Но какое бы ни было мое желаніе, я готовъ повиноваться приказанію государя.»—Я васъ прошу, сэръ Попъ, исходатайствовать у короля разрѣшеніе моей дочери Маргаритѣ присутствовать на моихъ похоронахъ. «Король уже позволилъ это вашей супругѣ, вашимъ дѣтямъ и вашимъ друзьямъ», отвѣчалъ Попъ.—«Какъ я ему благодаренъ за это!» заключилъ Моръ.

Томасъ Попъ, прощаясь съ нимъ, не могъ удержать своихъ слезъ. Моръ старался его утѣшить. «Мы увидимся другъ съ другомъ... скоро, скоро... въ лучшей жизни,» говорилъ онъ.

Въ девять часовъ его повели на казнь. Лицо его было блѣдно и морщинисто, борода запущена. Онъ шелъ съ крестомъ въ рукѣ, безпрестанно поднимая взоры къ небу и тихо читая молитву. Остановясь у эшафота, онъ началъ-было говорить къ народу, но шерифъ прервалъ его. Моръ долженъ былъ ограничиться только просьбой молиться за него и свидѣтельствовать, что онъ умеръ какъ истинный католикъ. Потомъ, опустясь на колѣни, онъ твердымъ голосомъ прочелъ всаломъ «Помилуй мя, Боже!» Палачъ пришелъ съ нимъ проститься. Моръ обнялъ его и сказалъ: «Ты готовишься оказать мнѣ важнѣйшую услугу; не бойся исполнить свою обязанность. Моя шея очень коротка — старайся не осрамиться и попасть какъ слѣдуетъ.»

Съ этими словами онъ самъ завязалъ себѣ глаза и положилъ голову на плаху.

Палачъ поднялъ топоръ.—«Дай мнѣ припрятать свою бороду», сказалъ Моръ; она вовсе не виновата въ государственной изменѣ.»

Это были его послѣднія слова.

Палачъ исполнилъ свое дѣло.

В. Г. АВСѢНКО.

Кіевъ.

О выставкѣ.

Письмо 2-е.

Если въ первомъ письмѣ моемъ многого недостаетъ, если не все мною высказанное равно справедливо, то прежде чѣмъ судить меня, вообразите какую массу всякаго рода впечатлѣтнѣй я долженъ былъ вынести, проходя между рядами картинъ, какъ бы въ толпѣ мнѣ незнакомыхъ лицъ, съ которыми я далъ слово и самъ познакомиться и васъ съ ними познакомить. Конечно, я знакомился ближе только съ такими прѣзведеніями, которыя, такъ сказать, сами напрашивались на знакомство.

Отд. III.

5

Очутившись въ малой, а потомъ и въ большой библиотекѣ, на перепутьѣ въ остальные залы выставки, я остановился. Кругомъ меня пестрѣли акварели, гравюры, политипажи, рисунки, сдѣланные перомъ, образцы фресковъ, фотографическія снимки съ бюстовъ, съ гравюръ, съ человѣческихъ фигуръ и наконецъ, образчики китайской живописи. Я сталъ искать глазами, все что можно похвалить, и если хотите знать мое искренное мнѣніе — я все на шелъ достойнымъ вниманія: и гравюру на деревѣ четырнадцати лѣтней дѣвушки, Маріи Мейеръ и попытки г. Шевченко (знаменитаго поэта малороссійскаго) гравировать на мѣди — *Eau forte*, по способу, имъ самимъ изобрѣтенному, и образчики фресковъ г-на Беллони, и акварели, очень хорошія для альбомовъ, для кабинетныхъ стѣнъ; но не на столько хорошіе, чтобъ составить красоту и славу выставки.

И такъ, — все это хорошо, но не останавливаетъ и не удерживаетъ. Я не слишкомъ долго отдыхалъ въ библиотекѣ и вступилъ въ 2-ую античную галерею. Первое, что въ этой залѣ бросается въ глаза, это програмы, заданныя ученикамъ академіи на золотые медали. Это публичный экзаментъ: умѣютъ ли ученики твердо и красиво выводить буквы, слагать ихъ въ слова, а изъ словъ составлять періоды на заданное предложеніе. Это грамматика живописи, — и несправедливъ тотъ, кто смотря на эти «олимпійскія игры,» хочетъ непременно видѣть въ нихъ изображеніе олимпійскихъ игръ (т.-е. статью опытнаго и ученаго писателя, а не тетрадь ученика, начинающаго учиться греческой исторіи). Ученики, выставившіе свои програмы, дѣлаютъ честь академіи въ томъ смыслѣ, что выучились не только ловко писать человѣческое тѣло, драпировать ихъ въ складки, но какъ видно изъ програмъ — умѣютъ тѣламъ этимъ придать движеніе и соединять ихъ въ группы. Изъ нихъ *могутъ быть* со временемъ художники. Чего же больше! — О, если вы потребуєте чегонибудь большаго, то я подведу васъ къ произведеніямъ учениковъ другаго сорта, а именно: учениковъ, работающихъ самостоятельно, и по большей части пребывающихъ за границей. Эти ученики также работали для полученія золотыхъ медалей; но очевидно смотрѣли на себя не какъ на учениковъ, а какъ на художниковъ. Изъ числа картинъ, ими выставленныхъ, я по прежнему знакомлю васъ только съ тѣми, которыя сами навязались мнѣ на знакомство. И такъ:

- 1) Картина В. И. Якоби: *Свѣтлый праздникъ.*

Не смотря на свое праздничное названіе, производитъ грустное, даже тяжелое впечатлѣніе: — Нидцій старикъ принесъ домой, въ пищенской уголь свой, кусокъ пасхи и красное яйцо, — пришелъ, сѣлъ на скамью и задумался. Жена, въ такихъ же лохмотьяхъ, какъ и мужъ, посматриваетъ на него не ласково; мальчишка, сынъ его показываетъ ему щенка, но старикъ, утомленный, а быть можетъ даже и выпившій, не обращаетъ на него никакого вниманія. Сцена, какъ видите, очень не веселая. Лица старика и старушки, написаны съ большимъ мастерствомъ. Что касается до одежды ихъ, то кто-то сказалъ: ужъ не черезъ чуръ ли много лохмотьевъ! А что касается до ребенка, я замѣчу только, что онъ написанъ нѣсколько плоско, не круглится, не выдается впередъ — и вотъ мое единственное замѣчаніе. Очень буду радъ, если мнѣ докажутъ, что и оно несправедливо. Г. Якоби хотя ученикъ, но уже сталъ на ту дорогу, на которой служатъ искусству.

2) Картина барона М. А. Кюдта 2-го: *Норманскіе рыбаки*. (домашняя сцена).

По колориту она лучше картины г. Якоби. По правдѣ, она ей не уступаетъ, но съ перваго разу не производитъ такого впечатлѣнія; надо долго и долго вглядываться въ эти добродушные физиономіи, краснѣющіяся при свѣтѣ пылающаго огня, чтобъ понять наконецъ, какъ много симпатическаго и даже поэтическаго заключаетъ въ себѣ простой бытъ какихъ нибудь норманскихъ рыбаковъ. Г. Кюдтъ, какъ видно, глубоко прочувствовалъ семейную жизнь ихъ, а потому и насъ невольно заставилъ сочувствовать своему произведенію.

3) Алекс. Ант. Риццони: *Жиды-контрабандисты*.

Я могъ бы и пропустить эту картину, потому что она не производитъ никакого впечатлѣнія; но г. Риццони, человекъ не безъ таланта. Жаль только, что талантъ этотъ тратитъ онъ на выписываніе микроскопическихъ подробностей, а главное упускаетъ изъ виду. Что хотѣлъ изобразить г. Риццони? Подвалъ, наполненный контрабандистами, ихъ костюмъ, тюки товаровъ, и множество всякаго рода драгоценностей: алмазы, кораллы и жемчугъ. Или хотѣлось ему представить испугъ этихъ жидовъ, при извѣстіи о томъ, что они открыты? Если первое, то картина лишена всякаго содержанія. Это дагеротипъ, писанный не солнечнымъ лучемъ, а кистью. Если второе, то о содержаніи можно только догадываться. Нѣтъ ни общаго испуга, ни общей тревоги — нѣтъ даже просто той таинственности, которая могла

бы быть. Еслибъ каждая имъ поставленная и такъ тонко написанная фигура, по свѣду выразила испугъ, сколько бы комическаго и въ тоже время ни чуть не забавнаго, выразила собой вся сцена! Однимъ словомъ, главное опущено, и неимоვნно тонкое исполненіе подробностей (вы можете видѣть на столѣ не только брошку, но различить что это мозаикъ и даже представить себѣ его рисунокъ) не выкупаютъ такого опущенія.

Впрочемъ, я знаю такихъ любителей живописи, которыя любятъ приближать глаза свои на вершокъ отъ холста и разсматривать картину въ лупу или просто въ увеличительное стеклышко. Для такихъ любителей, картина г-на Риццони сокровище неоцѣненное.

4) Г. В. Перова: *Сцена на мошль и*

5) Его же: *Сынъ дьячка, произведенный въ коллежскіе регистраторы.*

Г-нъ Перовъ рѣшительно дѣлаетъ честь московскому училищу живописи, хотя, быть можетъ, не столько ей, сколько своему замѣчательному таланту обязанъ онъ успѣхомъ двухъ картинъ своихъ, особливо послѣдней. Конечно, училище или Академія много значутъ для художника, но не болѣе какъ Гимназія или университетъ для даровитаго писателя. Ни какой университетъ не создастъ поэта или романиста, но и тотъ и другой, все таки будутъ ему кой-чѣмъ обязаны. Многіе считаютъ г-на Перова подражателемъ покойнаго Федотова, но онъ на столько же ему подражаетъ, на сколько на примѣръ въ литературѣ Писемскій подражаетъ Гоголю. Оба они натуральной школы, оба ищутъ русскихъ типовъ, но между ними все-таки ничего нѣтъ общаго, кромѣ той среды, въ какую поставлены они неотразимой судьбою, какъ русскіе писатели. Глядя на картину г-на Перова «Сынъ дьячка,» конечно придетъ въ голову, что это тотъ же міръ, изъ котораго покойный Федотовъ черпалъ свои вдохновенія. Федотову слава — онъ первый открылъ его, но слава и тому, кто вслѣдъ за нимъ, не подражая ему ни въ манерѣ, ни въ замыслахъ, законно и смѣло вступилъ въ него. Міръ этотъ — обширное поприще для нашихъ жанристовъ, сатириковъ. Міръ этотъ не только самый близкій къ намъ, онъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ жизнь нашу съ колыбели до могилы. Художникъ, который будетъ имѣть смѣлость со всѣхъ сторонъ изучить его, и заклеить на-вѣки вѣковъ своею творческою кистью, будетъ и націоналенъ и современенъ, и его картины на расхватъ бу-

дуть покупаться русской публикой. Дай Богъ, чтобъ такая завидная участь досталась г-ну Перову.

О картинѣ «Сынъ Дьячка» и писали и говорили. Не знаю, нужно ли рассказывать вамъ ее содержаніе.

Сынъ дьячка примѣряетъ вице-мундиръ, въ первый разъ облачается въ чиновничество; на такое событіе — ничтожное само по себѣ, сошлась вся семья, и мать и отецъ, и сестра — всѣ принимаютъ въ немъ участіе, и каждый по своему. Будущій правитель дѣлъ смотритъ такъ гордо, что напоминаетъ собой развѣ только Наполеона, когда тотъ былъ еще консуломъ. — Сколько правды, сколько неотразимой прони заключается въ этой сценѣ! Портной весь проникнутъ тою мыслию, что шить форменное платье не бездѣлица; онъ отмѣчаетъ мѣломъ гдѣ-то на лацканахъ; мать толстая и рыхлая, обдергиваетъ сзади фалду; кривой отецъ, дьячокъ, смотритъ на сына съ умиленіемъ и такъ доволенъ, что готовъ подтрунить надъ будущимъ высокоблагородіемъ. Дѣвушка, которая стоитъ около старика-дьячка, смотритъ на преобразование своего братца довольно равнодушно; но и это понятно; она сама, быть можетъ, думаетъ выйти замужъ за чиновника. Что ей чиновники! видала она ихъ! Композиція этой небольшой сатирической картины, такъ же какъ и характерическія подробности, ничего лучшаго не заставляютъ желать. Говорятъ только, что исполненіе сухо, но я и этого не замѣтилъ, потому быть можетъ, что засматривался на картинку г. Перова, не думая о краскахъ. Много бы я могъ вамъ сказать и еще кой-чего по поводу этой картинки, но то будутъ мои собственные мысли, а не выставка, которая такъ интересуетъ васъ.

6) Ник. Густ. Шильдера: *Сюжетъ*.

Картина эта не безъ достоинствъ. Но почему женихъ на колѣняхъ передъ своей невѣстой? вотъ вопросъ. Обыкновенно люди такого сорта, считаютъ за одолженіе сватовство свое, и при постороннихъ, въ наше время по крайней мѣрѣ, на колѣни становиться не стануть, какъ бы ни были они влюблены въ свою жертву. Не оттого ли, что невѣста еще не рѣшается произнести роковое *да* и колѣнопреклоненіе жениха есть, такъ сказать, мольба его; но все это только можетъ быть, и мнѣ кажется, идея картины выиграла бы, еслибъ женихъ, какъ Беневоленскій въ комедіи г. Островскаго, воображалъ себя, что онъ дѣлаетъ великое благодѣяніе, губя дѣвушку, неспособную, уже по одному развитію своему, любить или даже просто уважать

его. Кольнопреклоненіе въ этомъ случаѣ напоминаетъ скорѣе сватовство маркиза, а не богатаго чиновника. Если жъ это и было, то это случай, а художникъ долженъ избѣгать всего случайнаго, особливо художникъ-сатирикъ. Сатира должна бить по такимъ только ранамъ, которыя какъ эпидемія заражаютъ цѣлое общество, а не по тѣмъ, которыя случайно возможны вездѣ и всегда.

7) Анд. Мак. Волкова: *Прерванное обрученіе*, также принадлежитъ къ числу картинъ сатирическихъ, не смотря на то, что въ ней много чего-то мелодраматическаго. Лица, въ особенности лице священника — очень хороши по своей экспрессіи. Выраженіе лица дѣйствительно лучшее достоинство этой картины; главный же недостатокъ тотъ, что вся сцена кажется происходящею на сценѣ и разыгрывается искусными актерами. Письмо немного жестко, впечатлѣніе же не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, въ чемъ дѣло, а это одно изъ первыхъ достоинствъ въ жанрѣ.

8) А. Е. Корнѣева: *Общество трезвости*.

Написать картину изъ народной жизни въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ множествомъ лицъ дѣло не легкое. Изобразить событіе намъ современное и немногими счастливыми видѣнное, т.-е. изобразить, какъ крестьяне наши отрекаются отъ водки, до такой степени трудно, что быть слишкомъ строгимъ къ художнику (ученику) было бы слишкомъ несправедливо. Картина эта и любопытна и интересна. Лица мужиковъ, это намъ знакомыя лица и какъ будто съ натуры писаны. Но сочиненіе картины не вездѣ удачно. Г. Корнѣевъ былъ какъ будто связанъ своей задачей и работалъ больше головой, больше думалъ, чѣмъ творилъ.

Многіе полагаютъ, что онъ написалъ сатиру на общество трезвости и изобразилъ отрекающихся отъ вина въ нетрезвомъ видѣ. Я этаго вовсе не думаю. Крестьянка, которая стоитъ на лѣво и крестится, какъ бы благодаря Бога, что мужъ ея не будетъ ужъ больше бить ее подъ пьяную руку, и гнѣвный поворотъ головы какого-то, должно быть акцизнаго или откупнаго чиновника, выѣзжающаго изъ села въ тележкѣ, ясно говоритъ въ пользу мужиковъ, составляющихъ это общество. При сочиненіи картины, въ особенности вышло неудачнымъ помѣщеніе соломенной кровли, или она дурно придумана или не въ тонѣ написана. Эта кровля, почему-то первая бросилась мнѣ въ глаза, и сначала показалась мнѣ холмомъ, потомъ стогомъ сѣна, и наконецъ уже кровлею.

9) Андрея Попова: *Складъ чая на Нижегородской ярманкѣ.*

Въ этой картинѣ хороши фигуры Бухарь и молоденькой русской торговки. Написаны онѣ добросовѣстно, сочно, и производятъ пріятное впечатлѣніе; но въ пейзажѣ мало воздушной перспективы; онѣ весь написанъ какою-то неувѣренной въ себѣ, слишкомъ ужъ ученической кистью.

И такъ въ одной 2-й античной залѣ девять знакомствъ, — неужели это мало? Кромѣ этихъ девяти, напрашивались на замѣчанія еще двѣ, три картинки, но я не чувствуя къ нимъ особенной симпатіи, не рѣшаюсь говорить объ нихъ; ошибиться въ томъ, что намъ нравится — простиительно, но ошибиться въ приговорѣ надъ тѣмъ, что не привлекаетъ насъ или къ чему мы холодны — значитъ невольно показаться недобросовѣстнымъ.

Теперь мнѣ слѣдуетъ написать вамъ мое остальное путешествіе по выставкѣ. Меня ждетъ 1-я античная галерея; тамъ, говорятъ, собраны перлы нашей живописи. Но, прощайте до слѣдующаго письма. Какое намъ дѣло, что до слѣдующаго письма, публика успѣетъ уже забыть о выставкѣ! Мы докажемъ, что мы ее не забыли, и что говорить о произведеніяхъ искусства, можно не только осенью, но и зимой.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

Русскій театръ.

Въ августовской и сентябрьской книжкахъ «Русскаго Слова» мы представили критическое обзорѣніе драматической дѣятельности за прошедшій театральнй сезонъ 1859—1860 года.

Приступая къ продолженію этого обзорѣнія, мы съ сожалѣніемъ должны замѣтить, что съ открытія русскихъ спектаклей въ настоящій сезонъ, — кромѣ «картинъ изъ московской жизни» Г. Островскаго, о которыхъ мы будемъ говорить подробно, досихъ-поръ не появилось ни одной новой пьесы, заслуживающей упоминанія. «Въ первый спектакль, 16 го ч. августа, дана

была драма Шекспира «Отелло.» Въ предшествующей статьѣ мы уже говорили о представленіи этой пьесы. Вѣроятно, въ распоряженіи нашихъ сценическихъ дѣятелей не нашлось ничего новаго, и они, по необходимости, въ день открытія театра, должны были ограничиться представленіемъ не одинъ разъ игранный драмы.

Но этотъ день — 16 число августа 1860 года — долженъ остаться памятнымъ днемъ въ лѣтописи русскаго театра. Въ то самое время, когда наши артисты, съ грѣхомъ пополамъ, представляли «Отелло» на александровскомъ театрѣ, въ харьковѣ кончилъ жизнь Александръ Евстафійевичъ Мартыновъ, возвратившійся въ Петербургъ изъ Одессы.

Въ ежедневныхъ газетахъ были описаны всѣ подробности похоронъ гениальнаго представителя русскаго драматическаго искусства. Мы не будемъ повторять этого описанія: безъ всякаго сомнѣнія, оно прочтено уже всѣми нашими читателями; скажемъ только, что никого еще не хоронили у насъ такъ, какъ хоронили Мартынова.

Даровитые люди, на артистическомъ ли, на другомъ ли поприщѣ, появляются слишкомъ рѣдко, и когда они не зарываютъ своего таланта въ землю — должны быть дорого цѣнимы обществомъ, если только общество доросло до уразумѣнія и сознанія своихъ обязанностей ко всему великому и прекрасному.

Утрата такого знаменитаго артиста, какимъ былъ А. Е. Мартыновъ, всегда и вездѣ признана бы была величайшею потерей. Но у насъ, при настоящемъ состояніи русскаго театра, эта утрата представляется рѣшительно незамѣнимой: въ послѣднія семь лѣтъ, на нашей театральной сценѣ мы видѣли одни только потери, и никакихъ приобрѣтеній *). Начиная съ 1853 года, одинъ за другимъ сходили со сцены наши лучшіе драматическіе дѣятели: В. А. Каратыгинъ, В. В. Самойлова, Брянскій, Сосницкая, Григорьевъ и Н. В. Самойлова. Наконецъ мы лишились и Мартынова. Его погребальное шествіе замыкаетъ собой то поколѣніе которое мы привыкли уважать не только на сценѣ, но и въ общественной жизни.

(*) За исключеніемъ развѣ только одной Снѣтковой З, подающей весьма большія надежды.

10 го октября въ новомъ Маринскомъ театрѣ данъ былъ бенефисъ въ пользу семейства покойнаго Мартынова; при чемъ, также какъ и при похоронахъ его, сильно выразилось сочувствіе къ памяти незабвеннаго артиста.

Въ первый же день объявленія объ этомъ спектаклѣ — билеты въ нѣсколько часовъ были всѣ разобраны; такъ что къ 7 часамъ вечера въ кассѣ не оставалось ни одного мѣста. Лица, уважающія память покойнаго, платили за ложи до 250 и за кресла до 50 рублей. Представленіе началось комедію Г. Тургенева «Завтракъ у предводителя, или полюбовой дѣлежъ,» потомъ шла шутка «На хлѣбъ и наводу,» потомъ новая піеса Г. Островскаго «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», картины изъ московской жизни.» Въ первомъ антрактѣ, артистъ нѣмецкой труппы Г. Гаазе, прочелъ балладу Гете «Лѣсной Царь,» артистъ русской оперной труппы Г. Петровъ пропѣлъ пѣсню «Борода моя, моя бородушка,» Г-жа Муравьева и Г. Ивановъ танцевали *pas des deux*, артистка французской труппы Г-жа Стелла Коласъ прочла «*Les enfants de la morte*» *poésies* de M. Charles Lafont; Г. Тамберликъ пропѣлъ русскій романсъ; Г-жа Лядова 2 и Г. Богдановъ протанцевали мазурку (*mazurka pétulance*.)

Мы не будемъ говорить о «Завтракъ у предводителя,» піесѣ, весьма хорошо известной и театральной, и читающей публикѣ, а перейдемъ къ шуткѣ «На хлѣбъ и наводу,» написанной для дочери покойнаго Мартынова, которая играла въ этой піесѣ роль «Сашеньки.» Дѣвица Мартынова еще не вышла изъ дѣтскаго возраста: ей не больше 12 лѣтъ; но она исполнила свою роль съ такимъ замѣчательнымъ, истинно-артистическимъ искусствомъ, выказала такъ много несомнѣннаго таланта, что это сдѣлало бы честь и совершенно взрослой актрисѣ. Публика встрѣтила ее изъявленіемъ самаго искренняго одобренія. Ей было брошено нѣсколько букетовъ и продолжительныя рукоплесканія долго не давали ей произнести ни одного слова. Конечно, эти аплодисменты, прежде всего, были данью памяти покойнаго родителя юной артистки, но потомъ они уже служили справедливымъ вознагражденіемъ игры ея, увѣнчанной, по окончаніи піесы, неоднократными единогласными вызовами. Можно сказать, безъ малѣйшаго преувеличенія, что дѣвица Мартынова подаетъ самыя блистательныя надежды, и обѣщаетъ сдѣлаться одной изъ замѣчательныхъ актрисъ русскаго театра.

Не меньше восторга произвелъ русскій романсъ, пропѣтый Г. Тамберликомъ. Слова его относились къ покойному Александру Евстафьевичу, и съ первой строки вызвали въ публикѣ энергическое сочувствіе. Мы приведемъ ихъ здѣсь, сколько можемъ припомнить:

Его ужь нѣтъ... любимца славы!
 Кто такъ искусство уважалъ,
 Кто изучалъ родные нравы,
 Кто самъ творилъ, не подражалъ.
 Тебя ужь нѣтъ... ты взятъ могилой,
 Такъ покоримся же судьбѣ,
 Но ты зажегъ таланта силой
 Во всѣхъ сердцахъ любовь къ себѣ.
 Тебя ужь нѣтъ, товарищъ милый!
 Но память вѣчная тебѣ!!!

Г. Тамберликъ пропѣлъ этотъ романсъ съ искреннимъ одушевленіемъ. Сильное чувство звучало въ каждой нотѣ знаменитаго пѣвца, и обаятельно дѣйствовало на аудиторію. Романсъ заставили повторить три раза: вызовамъ не было конца; а когда Г. Тамберликъ вывелъ на сцену дочь и меньшаго сына Мартынова, зало Маринскаго театра огласилось такими энергическими рукоплесканіями, какихъ, можетъ быть, и не удавалось еще слышать многимъ изъ зрителей.

Не можемъ пройти молчаніемъ и гжи Муравьевой, исполнившей «*pas des deux*» съ увлекательнымъ искусствомъ. Не смотря на то, что публика находилась подъ вліяніемъ печальнаго и видимо серьезнаго чувства — граціозныя и симпатичныя танцы лучшей артистки нашего балета, вызвали громкіе аплодисменты.

Послѣ артистическаго чтенія Г. Гаазе и Гжи Стелы-Колась, послѣ пѣнія Гг. Петрова и Тамберлика и танцевъ Муравьевой и Лядовой, даны были «Картинны изъ московской жизни» Г. Островскаго, которыя онъ озаглавилъ одной изъ русскихъ поговорокъ: «Старый другъ лучше новыхъ двухъ.»

Приступая къ разбору этой піесы, прежде всего замѣтимъ, что поговорка «старый другъ лучше новыхъ двухъ» несовсѣмъ удачно выбрана авторомъ: въ новомъ произведеніи его рѣши-

тельно нѣтъ такого стараго друга, который бы былъ *лучше* новаго. Въ доказательство, изложимъ содержаніе этихъ «Картичъ изъ московской жизни.» Первое дѣйствіе начинается въ небольшой комнатѣ небольшого деревяннаго дома, принадлежащаго мѣщанкѣ, Татьянѣ Никоновнѣ. Олинька, ея дочь, портниха, 20 лѣтъ, сидитъ у стола, шьетъ, поетъ и вздыхаетъ. Ей хочется быть барыней. Она гадала у Ивана Яковлича, и онъ сказалъ ей хорошо. «А вѣдь что жъ мудренаго?» — говоритъ сама съ собою портниха Олинька: «нешто не бываетъ? На грѣхъ мастера нѣтъ. Прохоръ Гаврилычъ вѣдь обѣщалъ жениться, такъ можетъ и сдержитъ свое обѣщаніе. Хорошо бы было: *доходы онъ получаетъ — большіе; можно бы тону задать.* Вотъ только развѣ семья-то у него, а то бы онъ женился, онъ на это простъ. Да и всѣ они судейскіе-то такіе. Я прежде сама дивилась, какъ это они при своихъ чинахъ да на нашей сестрѣ женятся; а теперь, какъ поглядѣла на нихъ, такъ ничего нѣтъ удивительнаго. Тяжелые все, да лѣнивые, компанію такую водятъ, что имъ хорошихъ барышенъ видѣть негдѣ; ну и по жизни по своей они въ хорошемъ обществѣ быть не могутъ, — ему тяжело, онъ долженъ тамъ тяготиться. Ну, а съ нами то ему ловко, за нимъ ухаживаютъ, а онъ и радъ. Ему безъ няньки одного дня не прожить, — ему и платокъ-то носовой въ карманъ положи, а то онъ забудетъ. Ходитъ только въ свой судъ, да денегъ носить, а ужъ другимъ чѣмъ заняться ему лѣнь. Пристану-ко я къ Прохору, Гаврилычу: что жъ, молъ, ты жениться обѣщаль; разные ему резоны подведу, авось у насъ дѣло-то какъ нибудь и сладится. Ужъ какъ я тогда одѣнусь! Вкусу-то мнѣ незанимать стать, — сама портниха.»

Мы нарочно привели весь этотъ монологъ, потому что въ немъ заключается вся програма пьесы. Портниха Олинька дала себѣ задачу выйдти замужъ за своего любовника, титулярнаго совѣтника, Прохора Гаврилыча Васютина — одного изъ тѣхъ тяжелыхъ, лѣнивыхъ судейскихъ, которые ходятъ только въ свой судъ, да деньги носить, а въ хорошемъ обществѣ не бываютъ и хорошихъ барышенъ не видятъ, оттого и женятся на мѣщанкахъ. Какимъ образомъ Олинька достигаетъ своей цѣли — это и представляетъ Г. Островскій въ картинахъ московской жизни.

У Олиньки есть мать, Татьяна Никоновна — мѣщанка въ полномъ смыслѣ этого слова. По преданію, она питаетъ убѣж-

деніе, что за шаши дочери подобаеъ убить ее до смерти, разорвать пополамъ, но на дѣлѣ чувствуетъ всю несостоятельность этого преданія. Олинька тоже очень хорошо понимаетъ, что времена переѣнились, что угрозы матери не болѣе какъ одни слова, и даже подсмѣивается надъ ними, нисколько ихъ не боясь. Происходящая между нею и матерью сцена вполне показываетъ ихъ взаимныя отношенія...

Въ концѣ ихъ разговора приходитъ Пулхерія Андревна, жена чиновника, сплетница и вѣстовщица. Она знаетъ про связь Олиньки съ Прохоромъ Гаврилычемъ, и между прочимъ рассказываетъ, что у Васютиныхъ скоро будетъ свадьба: «сыну невѣсту наши, съ крестьянами, образованную.» Олинька, видимо встревоженная этою неожиданною вѣстью, надѣваетъ шляпку и уходитъ. Пользуясь ея отсутствіемъ, Пулхерія Андревна открываетъ матери, что Васютинъ обольстилъ Олиньку тѣмъ, что жениться на ней обѣщалъ. «Да когда же, когда? спрашиваетъ, плача, Татьяна Никоновна. «А когда она жила у хозяйки.» — отвѣчаетъ вѣстовщица: «они и теперь видятся, и я знаю гдѣ.» Потомъ Пулхерія Андревна жалуется на своего мужа, который отказалъ ей купить бурнусъ, да еще унижилъ при постороннихъ людяхъ. «Вы,» — сказалъ онъ: «ее не слушайте, это она къ зубамъ гресить.» Слово за слово, собесѣдницы между собою поразмолвили, и Пулхерія Андревна ушла раздосадованная. По уходѣ ея возвращается Олинька. Татьяна Никоновна начинаетъ бранить ее. Но когда Олинька опять собирается уйти, снисходительная мать подходитъ къ дочери, гладитъ ее по головѣ и садится подлѣ нея. Съ этой минуты Татьяна Никоновна перестаетъ быть строгою матерью. Объ угрозахъ нѣтъ болѣе и помину. Она даже позволяетъ Олинькѣ принять у себя Прохора Гаврилыча, и когда онъ приходитъ, оставляетъ ихъ на единѣ, а сама скрывается за перегородку. Васютинъ зашелъ къ Олинькѣ «такъ на минуточку,» сказать ей, что по желанію своей маменьки онъ женится на барышнѣ, которая воспитывалась въ пансіонѣ; но что онъ любитъ Олиньку и видитъ самъ, что поступаетъ противъ нея дурно, «даже можно сказать — подло.» Олинька держитъ себя съ достоинствомъ, и не показывая вида огорченія, хладнокровно отвѣчаетъ ему: «Если вы такъ понимаете объ себѣ, пускай это при васъ и останется.» Прохоръ Гаврилычъ еще разъ сознается, что дѣлаетъ подлость, говоритъ: «мпѣ до смерти жаль тебя... «Пожалуста, коли тебѣ что понадобится: день-

ги, или что другое, ты сдѣлай милость — пришли.» Олнѣнка отъ всего отказывается и сухо прощается съ любовникомъ, не позволяя ему больше приходиться къ ней. Прохоръ Гаврилычъ уходитъ, а Олнѣнка, оставшись съ матерью, садится къ столу и плачетъ; потомъ проситъ мать позвать идущую мимо ихъ дома Пулхерію Андревну, которой и поручаетъ разузнать хорошенько, хороша-ли невѣста Прохора Гаврилыча, любитъ ли онъ ее, любитъ ли она его. Этимъ кончается первый актъ.

Второе дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Васютиныхъ. Собственно дѣйствія — почти никакого въ немъ нѣтъ. Оно главнѣйше посвящено на объясненіе, что за человѣкъ Прохоръ Гаврилычъ. Сначала лакей Орестъ рассказываетъ о немъ публикѣ. «У всякаго плута» — говоритъ онъ — свой расчетъ! Вотъ хошь бы нашего барина взять! *Ума у него нѣтъ.* Съ судейскими со своими, или съ нашимъ братомъ, хорошаго разговору отъ него нѣтъ, умнаго, чтобы стоило вниманія. Лепечеть много языкомъ-то, а ничего не складно, безъ всякаго разсудка, что къ мѣсту, что не къ мѣсту — такъ, какъ *шалашъ* какой. А вотъ съ просителями, такъ онъ свое дѣло знаетъ, — такой тонъ держитъ, что любо дорого смотрѣть... Нужды нѣтъ, что не уменъ, а на эти дѣла тонокъ... «Потомъ мать Прохора Гаврилыча, Анфиса Карповна, въ разговорѣ съ купцомъ Вавилою Осипычемъ, описываетъ своего сына слѣдующими словами: «Я вамъ скажу Вавила Осипычъ, я никакъ не думала, что онъ такой дѣльный будетъ. Ученье ему не давалось, — понятія ни къ чему не было, такъ что чрезъ великую силу мы его грамотѣ выучили, — большихъ хлопотъ это намъ стоило. Ну, а ужъ въ гимназіи и совсѣмъ ничего не могъ понять: такъ изъ втораго класса и взяли. Къ этому времени отецъ-то его совсѣмъ ослабъ. Сколько я горя перенесла тогда, просто, выразить вамъ не могу! Опредѣлила я его въ судъ, тутъ у него вдругъ понятіе и открылось. Что дальше, то все лучше: да вотъ теперь всю семью и кормитъ. Вавило Осипычъ въ свою очередь дорисовываетъ характеръ» Прохора Гаврилыча, говоря, что онъ «отъѣнный человѣкъ-съ, «что его» нельзя не любить-съ, потому, первое дѣло, человѣкъ дѣловой-съ, всякому нужный, а второе дѣло, незыскательны-съ; съ нашимъ братомъ компанію водить, все равно, что съ равнымъ, безобразія нашего не гнушается, даже я такъ замѣчаю, что имъ это очень нравится. «Вавило Осипычъ считаетъ себя весьма обязаннымъ Прохору Гаврилычу за одно поконченное дѣло,

и благодарноеть свою изъявляетъ весьма оригинальнымъ образомъ. Съ кулькомъ вина онъ преслѣдуетъ Прохора Гаврилыча какъ тѣнь, пить его и самъ пьетъ, что называется, напрапалую. Для этого собственно онъ явился и теперь въ квартиру Васютинныхъ съ кулькомъ въ рукахъ. Пріятели тотчасъ же порядочно выпили и, по настоянію Анфисы Карповны, которой очень хочется женить сына на воспитанной барышнѣ помѣщицѣ, поѣхали къ невѣстѣ. Послѣ ихъ явилась Пульхерія Андревна, поссорилась съ Анфисой Карповной и ушла.

Въ третьемъ дѣйствіи Олинъка и ея мать узнаютъ отъ приходшей къ нимъ Пульхеріи Андревны, что Прохоръ Гаврилычъ пріѣзжалъ къ невѣстѣ съ Вавилою Осипычемъ, оба пьяные, часу въ одиннадцатомъ ночи, и что послѣ этого невѣста ему отказала. Само собой разумѣется, что это извѣстіе было Олинъкѣ очень пріятно. Она тотчасъ же обратилась къ своей любимой мысли — выйдти замужъ за своего любовника. Зная его характеръ, она увѣрена, что онъ въ тотъ же день явится къ ней. И дѣйствительно, Прохоръ Гаврилычъ пріѣзжаетъ. Пульхерія Андревна уходитъ отъ него за перегородку; а Олинъка съ матерью пускаются на хитрость: увѣряютъ простяка подъячаго, что Олинъка выходитъ замужъ, что скоро придетъ женихъ, ей надо одѣваться, да и въ комнатѣ-то нужно прибрать, что Олинъка хотя и любитъ Прохора Гаврылыча, хотя и плачетъ о немъ, но должна исполнить волю матери, противъ которой такъ много виновата. Прохоръ Гаврилычъ, съ одной стороны, отверженный благородною невѣстой, съ другой, прогоняемый изъ дома любовницей, почувствовалъ себя въ очень непріятномъ положеніи. Онъ рѣшился не уступать своей любовницы другому и объявилъ, что самъ женится на Олинъкѣ. Принявъ это рѣшеніе, онъ идетъ къ маменькѣ испросить на бракъ ея согласіе, обѣщаясь возвратиться назадъ чрезъ полчаса. По уходѣ его является изъ за-перегородки Пульхерія Андревна. Ей очень не понравилось, что Васютинъ, челоуѣкъ благороднаго званія, хочетъ жениться на мѣщанкѣ. Она безъ церемоніи, высказываетъ это, и побранившись съ Татьяной Никоновной, удаляется. Тутъ является Прохоръ Гаврилычъ. Мать позволила ему жениться на Олинъкѣ, «Теперь ужъ вашъ, — говоритъ онъ: хоть въ телегу запрягайте.» Для заключенія «Картинъ» Вавило Осипычъ входитъ съ кулькомъ вина, и піеса кончается попойкой.

Изъ содержанія этой піесы очень ясно видно, что идеи въ

ней никакой нѣтъ. Вопреки названію: «старый другъ лучше новыхъ двухъ,» Олянька представляется такимъ другомъ, который не только что не лучше «новыхъ двухъ,» но положительно хуже всякаго друга, и новаго и стараго. Въ ней нѣтъ и капли любви къ Прохору Гаврилычу. Она выходитъ за него для того только, чтобъ сдѣлаться барыней и послѣ свадьбы прибрать мужа къ рукамъ, или, какъ выражаются Испанцы «поймать быка за рога.» Далѣе весь комизмъ пьесы заключается въ болтовнѣ Пульхеріи Андревны и въ кулъкѣ съ виномъ, приносимомъ Вавилою Осипычемъ всякій разъ, какъ только онъ является на сцену. Но этотъ водевильный, жиденькій комизмъ, разведенный въ потокѣ словъ многорѣчивой сплетницы и винныхъ воззніяніяхъ пьянаго купца, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ истинной драмы. Пульхерія Андревна и Вавило Осипычъ слишкомъ не новые типы, давно уже пѣбитые, какъ самимъ Г. Островскимъ, такъ и другими писателями. Повторяясь весьма замѣтно, — въ особенности Пульхеріи Андревны, болтающая въ послѣднемъ дѣйствіи тоже, что въ первомъ и второмъ, наконецъ надоѣдаетъ даже и не весьма взыскательнымъ зрителямъ.

Что касается до главнаго лица въ пьесѣ, Прохора Гаврилыча Васютина, — это одно изъ самыхъ неудачнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесахъ Г. Островскаго. Какаа, на примѣръ, разница между нимъ и Беневоленскимъ въ «Бѣдной невѣстѣ!» Тотъ тоже чиновникъ, какихъ поставяетъ намъ одна Москва, какихъ мы не видимъ въ Петербургѣ, но онъ взятъ живьемъ изъ дѣйствительной жизни, чего никакъ нельзя сказать о Васютинѣ. Авторъ хотѣлъ представить въ немъ одного изъ тѣхъ чиновниковъ, которые до-сихъ-поръ еще водятся въ глухихъ закоулкахъ нашей первопрестольной столицы, но противорѣчіе качествъ, приданныхъ имъ этой личности, трудно объяснить, и потому дѣйствительность ея существованія дѣлается крайне подозрительною. Васютинъ, по природѣ, человекъ въ высшей степени тупоумный: у него «понятія ни къ чему не было, такъ что чрезъ великую силу его грамотѣ выучили... а въ гимназіи и совѣмъ ничего не могъ понять... ума у него нѣтъ... онъ такъ, какъ шалапъ какой... «Но тотъ же Васютинъ, когда» опредѣлили его въ судъ, «является дѣльцомъ, обладающимъ ловкостью и особымъ умѣньемъ обращаться съ просителями, выигрывающимъ дѣла и получающимъ за то много денегъ. Здѣсь авторъ весьма ошибается, полагая, что безъ ума и понятія можно быть дѣль-

цомъ, хотя бы и въ томъ смыслѣ этого слова, какъ понимается оно между чиновниками. Умъ необходимъ даже для того, чтобъ умѣть злоупотреблять имъ. Прибавьте къ тому, что Васютинъ-большой пьяница, и что просители, будь они хоть бы и купцы, не могутъ быть такъ простодушны, чтобъ прибѣгать съ своими убѣдительными просьбами о дѣлахъ къ глупому и пьяному идиоту, осыпая его деньгами, которымъ цѣну, конечно, они знаютъ очень хорошо. Все это рѣзко бросается въ глаза и подрываетъ вѣру въ возможность существованія главнаго типа «Картинъ изъ Московской жизни».

Столько же, если не болѣе, вредитъ пьесѣ отсутствіе всякаго человѣческаго чувства во всѣхъ ея дѣйствующихъ лицахъ; въ нихъ нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни доброты, ни злобы. Говоря вообще, типы г. Островскаго, иногда очень вѣрные дѣйствительности, крайне не симпатичны. Повидимому, въ этомъ надо обвинять ту уродливую, бессмысленную среду, изъ которой онъ беретъ своихъ героевъ. Но это значило бы ложно понимать искусство. Дѣло въ томъ, что истинная драма, изъ какой бы сферы не почерпала свои образы, сближаетъ ихъ съ нашими собственными воззрѣніями, инстинктами и страстями: любимъ ли мы ихъ или ненавидимъ, во всякомъ случаѣ мы не отдѣляемся отъ нихъ; мы плачемъ надъ ними или прогибаемъ ихъ. Казимодо или Отелло, при всей отвратительной обстановкѣ физическаго и внутренняго міра, вызываютъ къ себѣ такое участіе, такъ сильно овладѣваютъ нашимъ вниманіемъ, что зритель, забывая на время о себѣ, живетъ ихъ жизнію и чувствуетъ ихъ чувствомъ. Въ этомъ и состоитъ истинное значеніе искусства. Какъ бы вѣрно оно ни воспроизводило природу, какъ бы отчетливо ни выполняло подробности, какъ бы ни были ярки его краски и выразительны образы, но этого мало. Кромѣ пластической красоты ему необходимо еще созерцаніе общей идеи, которая постепенно зрѣетъ въ душѣ поэта и художника, и безъ вѣдома его, разливаетъ свой свѣтъ на всѣ его типы и отдѣльныя части каждаго цѣлаго произведенія. И чѣмъ глубже эта идея, чѣмъ ближе она сходится съ общечеловѣческими интересами и чувствами, тѣмъ выше и сильнѣе самое творчество. Поставьте рядомъ любую картину Мурильо съ суздальской лубочной гравюрой, и сравните ихъ между собой. И въ томъ и въ другомъ вы найдете ту же природу, но какая бездна различія раздѣляетъ ихъ въ искусствѣ! — именно потому, что на одной лежитъ идея

художника, а на другомъ ея нѣтъ и быть не могло. Тамъ всѣ части сливаются въ одномъ общемъ планѣ задуманнаго идеала, а здѣсь — всѣ подробности идутъ врозь, и каждая, какъ оторванный членъ, поражаетъ безжизненной тупостью. г. Островскій никогда не возвышался до общей художественной концепціи, а потому онъ остановился на однихъ портретахъ, но бѣденъ сценами и идеями.

Возвращаемся къ вопросу: Что же хотѣлъ сказать авторъ своими «Картинами изъ московской жизни»?... Осмыслилъ ли онъ ихъ чѣмънибудь?... Намъ кажется, что на этотъ вопросъ большинство отвѣтитъ отрицательно. Всѣ сцены въ этихъ картинахъ набросаны такъ-сбѣ, безъ всякаго отношенія къ какой-либо мысли. Новая пьеса г. Островскаго — слабѣйшая изъ всѣхъ его произведеній. Но разыграна была она съ замѣчательнымъ искусствомъ. Участвовавшіе въ исполненіи ея артисты сдѣлали изъ своихъ ролей все, что было можно. Больше всѣхъ понравилась публикѣ г-жа Линская въ роль Пульхеріи Андревны. Г-жа Снеткова 3 въ роль Олиньки выказала весьма много ума и таланта. Глубоко изучивъ свою роль, она передала ее съ замѣчательнымъ смысломъ и отчетливостію. Но натура этой прекрасной артистки слишкомъ изящна, для того, чтобы вполне осуществить тотъ типъ, который представляетъ Олинька. Истинное призваніе г-жи Снѣтковой не состоитъ въ исполненіи подобныхъ ролей. Всѣ эти Олиньки въ «Старомъ другѣ», или, Вари въ «Грозѣ», должны быть исключены изъ ея репертуара. Ея артистическія претензіи, по всей справедливости, могутъ идти гораздо дальше. Доказательствомъ тому служатъ роли Корделии и Дездемоны, въ которыхъ такъ блистательно проявились преобладающія стороны таланта г-жи Снѣтковой. Г. Максимовъ 1 исполнилъ роль Васютина очень добросовѣстно: онъ не позволилъ себѣ никакихъ преувеличеній, никакихъ искаженій характера представляемаго имъ лица; былъ глубоко вѣренъ автору съ перваго слова до послѣдняго; и не его вина, если вялая и безцвѣтная роль кретина-чиновника не вызвала сочувствія публики.

Въ заключеніе спектакля г. Горбуновъ прочелъ сцену изъ народнаго быта — одну изъ тѣхъ, сочиняемыхъ имъ сценъ, которыя онъ обыкновенно читаетъ для развѣзда публики, нежелающей дожидаться конца спектаклей. Но въ это представленіе, до окончанія его, никто изъ зрителей не оставлялъ своихъ мѣстъ.

По закрытіи занавѣса раздались шумныя рукоплесканія и единогласные вызовы дѣтей Мартынова. Это была со стороны публики послѣдняя дань памяти великаго артиста, — и если мы еще не умѣемъ воспитать и оцѣнить при жизни истинное дарованіе, то мы, по крайней мѣрѣ, умѣемъ плакать надъ его могилой. И это признакъ жизни!...

В. ИВАНОВЪ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 23.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Теорія киперганей К. А. Яниша (статья 3-я). — Письмо В. В. Пеликана о его состязаніяхъ съ И. С. Шумовымъ. — Парти: Шумова съ Пеликаномъ. — Кронеберга съ Долгоруковымъ. — Колиша съ Сабуровымъ. — Задачи. — Корреспонденція.

ТЕОРІЯ КИПЕРГАНЕЙ. К. А. ЯНИША.*) (статья 3-я).

Первыя двѣ статьи нашей теоріи заключаютъ все относящееся до правильныхъ окончаній кпперганей, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя основаны на сочетаніи ферзя и ладьи; ибо надо было бы ужъ слишкомъ не искусно распоряжаться игрою, чтобы, при значительномъ превосходствѣ силъ, обратить все пѣшки противника и поставить себя такимъ образомъ въ необходимость вынуждать обратный матъ посредствомъ непріятельскаго офицера. Этотъ послѣдній случай долженъ, по справедливости, быть отнесенъ къ разряду условныхъ кпперганей или проблемъ въ собственномъ смыслѣ. Конечно, оставалось бы еще изслѣдовать вопросъ о томъ, нельзя ли иногда съ выгодною замѣнить ферзя и ладью ферземъ и двумя мелкими офицерами (или нѣсколькими офицерами безъ ферзя). Но мы предоставляемъ этотъ трудъ, который привелъ бы вѣроятно къ упрощенію обратнаго мата посредствомъ непріятельской центральной пѣшки (см. діагр. X—XIII), позднѣйшимъ изыскателямъ. Дель-Ріо составилъ простую кппергань въ пять ходовъ (см. діагр. XXIV), въ которой обратный матъ вынуждается посредствомъ ферзя,

*) См. Шахм. Лист. N°N° XI и XIV и N° XVII стр. 133—135.

слона и коня слѣдующимъ образомъ 1) $\frac{f3-f4+}{h4-h3}$ 2) $\frac{e3-g1}{f6-f5}$ 3) $\frac{f4-g5}{f5-f4}$
 4) $\frac{g7-f5}{f4-f3}$ 5) $\frac{g5-g2+}{f3-g2^{\circ}}$. Полезно было бы заняться составленіемъ
 такого рода киперганей, идти дагѣ по указанному дель-Ріо пути,
 старательно избѣгая неумѣстной искусственности и придерживаясь
 такой же методы, какою руководствовались мы въ сочиненіи
 «*Découvertes sur le Cavalier*».

Если ни одинъ шахматный писатель не думалъ, до настоящаго
 времени, о возможности играть, съ самаго начала партіи,
на кипергань, то это именно потому, что для концовъ такого
 рода партій не было еще выведено твердыхъ, общихъ правилъ.
 Древнѣйшая, довольно впрочемъ еще нескладная кипергань,
 принадлежитъ италіянскому писателю XVII вѣка Сальвіо (см.
 изд. 1723 года стр. 65). Знаменитые классики моденской шах-
 матной школы: дель-Ріо, Лолли и Понціани создали нѣсколько
 уже гораздо болѣе изящныхъ киперганей, не изложивъ однако
 общихъ, теоретическихъ основаній этого рода игры. При всемъ
 томъ, въ ихъ проблемахъ внимательный изслѣдователь могъ бы
 уже открыть нѣкоторыя указанія на тѣ начала, которыя, въ
 полнѣйшемъ своемъ развитіи, составляютъ теорію киперганей.
 Наконѣцъ, шахматные писатели XIX вѣка довели составленіе ки-
 перганей до высокой степени совершенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ
 вполнѣ отдалились отъ началъ теоретическихъ, обративъ этого
 рода задачи въ чисто искусственныя. Однѣ лишь киперганы
 А. Д. Петрова и г-на Фонъ-Оппена составляютъ замѣчательное,
 въ этомъ отношеніи, исключеніе. Въ нихъ, можно сказать, уже
 изложено *практически*, т. е. рядомъ образцовыхъ примѣровъ, уче-
 ніе, развитое нами въ предыдущихъ статьяхъ*).

Задача, изображенная въ діагр. XXV, напечатана была въ
 большомъ собраніи задачъ Александра, но съ ошибочнымъ рѣ-
 шеніемъ. Согласно развитымъ нами правиламъ, бѣлые, прежде
 всего, должны стараться освободиться отъ своей пѣшки, и это,—
 равно какъ и окончательная цѣль проблемы, — достигается слѣ-
 дующимъ чрезвычайно красивымъ способомъ:

*) Киперганы нашего знаменитаго соотечественника, заслужившія всеобщую
 извѣстность за границу, до сихъ поръ не были еще напечатаны въ
 Россіи. За тѣмъ, слѣдующій въ текстѣ критическій разборъ ихъ, пред-
 принятый К. А. Янишемъ, которому А. Д. Петровъ сообщалъ даже первоначальные
 ихъ концепты, будетъ, безъ сомнѣнія, весьма любопытенъ для рус-
 скихъ читателей.

Прим. Ред.

1) f1—f6	h7—h6*)
2) h1—g1	h6—h5
3) g1—f1	h5—h4
4) f1—g1	g4—h5
5) f6—g7	f7—f6
6) g1—f1	f6—f5
7) f1—g1	f5—f4
8) g1—f2	f4—f3
9) g7—f6	f3—g2°(A)
10) f2—g1	h5—g4
11) f6—e5	g4—h3°
12) e5—e4	h3—g3
13) e4—f5	h4—h3
14) f5—e4	h3—h2 x

(A.)

9)	h5—g4
10) f6—e5	f3—g2°
11) f2—g1	g4—h3
12) e5—e4	h3—g3
13) e4—f5	h4—h3
14) f5—e4	h3—h2 x

Замѣчательно, что для вынужденія обратнаго мата, бѣлые ни разу не даютъ шаха и не сдвигаютъ своей ладьи.

Слѣдующее положеніе (діагр. XXVI), представляющее какъ бы варіантъ предыдущаго, сообщено было изъ Петербурга г-нѣ Петровымъ покойному Лабурдоне, который и помѣстилъ его въ своемъ *Паламедѣ*. Г-нѣ Петровъ не опредѣлилъ во сколько именно ходовъ разрѣшается его проблема, а объяснилъ только, что бѣлые предоставляютъ противнику указать, которою изъ пѣшекъ желаетъ онъ быть вынужденъ сдѣлать матъ. Тогдашній сотрудникъ Паламеда Кальви разрѣшилъ задачу посредствомъ ладейной пѣшки въ сорокъ восемь ходовъ, но для выполнения обратнаго мата пѣшкой слона ему потребовалось болѣе ста ходовъ и второй ферзь. Сообщая этотъ трудъ г-на Кальви, Паламедъ далъ ясно замѣтить, что рѣшеніе пѣшкой слона онъ не считаетъ

*) Конечно, черные могли бы на первомъ ходѣ подвинуть пѣшку прямо на h5, такъ точно какъ на пятомъ ходѣ на f5, но это не измѣнило бы игры бѣлыхъ; они должны наблюдать одно: ходить королемъ тамъ, чтобы онъ не попалъ уже на клеткѣ f2 въ моментъ достиженія неприятельскаго пѣшкой клетки f8.

настоящимъ*). И дѣйствительно, по мысли автора проблемы, бѣлая пѣшка вовсе не должна быть производима въ какого бы то ни было офицера. Я съ своей стороны тогда же нашелъ совершенно иное рѣшеніе, и г. Петровъ былъ имъ вполне доволенъ, хотя и тутъ для вынужденія обратнаго мата пѣшкою слона требовалось не менѣе *шестидесяти двухъ ходовъ*. Дѣло въ томъ, что г. Петровъ разсматривалъ свою проблему какъ шахматный этюдъ, имѣлъ въ виду единственно систему рѣшенія и даже вовсе не предпринималъ утомительнаго труда относительно точнаго опредѣленія числа ходовъ. Только много лѣтъ спустя, пришло мнѣ на мысль пересмотрѣть еще разъ мое прежнее рѣшеніе и удалось значительно сократить его; сверхъ того, изслѣдованія по этому предмету привели меня мало по малу, къ общимъ, изложеннымъ въ настоящемъ мемуарѣ понятіямъ о киперганияхъ.

Впрочемъ, руководствуясь вступительными правилами, выведенными въ началѣ нашей теоріи, даже и не очень опытный игрокъ успѣетъ выполнить требованіе этой проблемы, которую мы предлагаемъ теперь въ слѣдующемъ видѣ:

«Бѣлые начинаютъ и заставляютъ противника сдѣлать матъ тою пѣшкою, какую онъ имъ заранѣе укажетъ, обязуясь при этомъ не проводить своей пѣшки въ офицеры. При такихъ условіяхъ обратный матъ вынуждается ладейной пѣшкой *въ тридцать два хода*, а пѣшкою слона *въ тридцать пять ходовъ*. «Если же проблема задана будетъ просто, безъ всякаго ограничительнаго условія, то для вынужденія обратнаго мата бѣлымъ потребуется никакъ не болѣе двадцати ходовъ».

Чтобъ дать читателямъ возможность заняться рѣшеніемъ этой проблемы, мы отлагаемъ его до слѣдующей статьи, а здѣсь займемся обсужденіемъ положенія діагр. XXVI съ иной точки зрѣнія, а именно: разсмотримъ его не какъ проблему, а какъ образцовый конецъ партіи, игранный на кипергань. Въ этомъ случаѣ нѣтъ уже надобности изыскивать ходы остроумнѣйшіе,

*) По этой причинѣ оно и не вошло въ энциклопедію Александра. Не лишнимъ считаю сообщить здѣсь, что въ 1839 году собраніе русскихъ любителей намеревалось отправить парижскому клубу нѣсколько проблемъ г. Петрова для разрѣшенія ихъ на пари, о чемъ я сообщалъ тогда же этому клубу письмомъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ Паламеда 1840 года. (Предложеніе не было принято). Къ сожалѣнію, вскорѣ за тѣмъ, г. Петровъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву, откуда лишь изрѣдка пріѣзжаетъ сюда на короткое время.

тончайшіе, соображеніе которыхъ всегда затруднительно на практикѣ; тутъ надо играть тѣми ходами, которые вѣрно, хотя бы и не такъ быстро, привели къ пѣли. Очевидно, что на основаніи общихъ правилъ о киперганяхъ, бѣлымъ всего удобнѣе взять непосредственно пѣшку слона, задержать ладейную пѣшку на занимаемомъ ею мѣстѣ, провести свою собственную на восьмую полосу доски, превратить ее тамъ въ слона, и за тѣмъ, вынудить обратный матъ способомъ, показаннымъ при діагр. VI. Все это потребовало бы сорокъ ходовъ, а именно:

- 1) f1—f3+ g3—h4
- 2) g2—g3+ h4—g5
- 3) a3—a5+ g5—g6
- 4) f3—f5+ g6—g7
- 5) a5—a7+ g7—h6
- 6) a7—a6+ h6—g7
- 7) f5—f6+ g7—g8
- 8) a5—a8+ g8—h7
- 9) a8—a7+ h7—g8
- 10) f6—g6+ g8—h8
- 11) g6—h6+ h8—g8
- 12) a7—g7+ g8—f8
- 13) h6—f6+ f8—e8
- 14) g7—e7+ e8—d8
- 15) f6—d6+*) d8—c8
- 16) d6—d7+ c8—b8
- 17) d7—c7+ b8—a8
- 18) c7—c6+ a8—b8
- 19) e7—b7+ b8—a8
- 20) b7—b2+ a8—a7
- 21) b2—h2 a7—b8
- 22) g3—g4 b8—a7
- 23) g4—g5 a7—b8
- 24) g5—g6 b8—a7
- 25) g6—g7 a7—b8
- 26) g7—g8 сл. b8—a7
- 27) g8—d5 a7—b8

*) Бѣлые могли бы прямо играть 15) e7—e2+ и уже на слѣдующемъ ходѣ поставить ладью на h2, но этотъ способъ дѣйствія, предоставляя черному большую свободу игры, могъ бы повести къ потерѣ времени.

28)	h1—g1	b8—a7
29)	d5—h1	a7—b8
30)	c6—b6+	b8—c8
31)	b6—b7+	c8—d8
32)	h2—d2+	d8—e8
33)	b7—d7+	e8—f8
34)	d2—f2+	f8—g8
35)	d7—e8+	g8—h7
36)	f2—f7+	h7—g6
37)	e8—e6+	g6—g5
38)	f7—f5+	g5—g4
39)	e6—e4+	g4—g3
40)	f5—f1	h3—h2 ×

Тотъ же самый матъ, посредствомъ вспомогательнаго коня, по образцу рѣшенія діагр. VIII, былъ бы вынужденъ въ сорокъ одинъ ходъ. Первые 25 ходовъ останутся безъ измѣненія, а затѣмъ продолжается такъ:

26)	g7—g8 к.	b8—a7
27)	g8—h6	a7—b8
28)	h6—g4	b8—a7
29)	h2—a2+	a7—b8
30)	c6—b6+	b8—c8
31)	a2—a8+	c8—d7
32)	a8—d8+	d7—e7
33)	b6—d6+	e7—f7
34)	e8—f8+	f7—g7
35)	g4—h2	g7—h7
36)	d6—e7+	h7—h6
37)	f8—f6+	h6—g5
38)	e7—e5+	g5—h4
39)	f6—f4+	h4—g3
40)	f4—g4+	g3—f2
41)	g4—g2+	h3—g2 °×

Мы уже имѣли случай замѣтить, что для вынужденія обратнаго мата неприятельскою пѣшкой необходимо, чтобы она не достигла еще седьмой полосы доски. Конечно легко, когда собственный король находится въ углу, пригнать неприятельскаго короля на возможно близкое къ нему разстояніе и за тѣмъ заставить помянутую пѣшку ступить на послѣднюю полосу дос-

ки, такъ что произошелъ бы матъ, еслибъ эта пѣшка превра-щена была въ ферзя или ладью. Но неоспоримое право всякаго игрока, обращать свою пѣшку въ мелкаго офицера, уничтожаетъ возможность такой кипергани, а вынудить обратный матъ позднѣе, посредствомъ этого новосозданнаго офицера, возможно лишь при особенно благоприятномъ расположеніи пашекъ. Поэтому обратный матъ пѣшкой, пропускаемому предварительно въ офицеры, есть ничто иное какъ частный случай подобнаго же мата офицеромъ вообще, и, по существу своему, относится къ области искусственныхъ или условныхъ киперганей. Еще въ 1840 году, г. Петровъ придумалъ любопытное положеніе, въ которомъ обратный матъ такого рода вынуждается посредствомъ возможно малаго количества силъ (ферзь, ладья и слонъ). Проблема эта (см. діагр. XXVII) чрезвычайно поучительна и въ томъ отношеніи, что въ ней мы встрѣчаемъ весьма сложныя примѣненія основныхъ приѣмовъ игры на кипергань. Впослѣдствіи, лейпцигскіе любители Шурихъ и Польмерхъ напечатали въ прусской Schachzeitung 1849 года, подобнаго же рода задачу (см. діагр. XXVIII); она разрѣшается въ гораздо меньшее число ходовъ чѣмъ проблема г. Петрова, но за то требуетъ присутствія на доскѣ уже всѣхъ бѣлыхъ офицеровъ, и въ этомъ отношеніи безъ сомнѣнія подлежитъ еще исправленію.

Простѣйшая (искусственная) кипергань посредствомъ непріятельскаго коня, принадлежитъ Лолли (см. діагр. XXIX). Рѣшеніе такъ легко, что излишне было бы его выписывать. Надо замѣтить, что въ числѣ огромнаго количества обнародованныхъ до нашего времени киперганей, лишь весьма не многіе основаны на какомъ нибудь общемъ, удобоприложимомъ въ практикѣ принципѣ, а между тѣмъ такія только проблемы истинно поучительны. Красота же и *скрытность* основной идеи важны преимущественно въ шахматной *загадкѣ*.

Слѣдующая проблема (діагр. XXX), заимствованная изъ сочиненія фонъ-Оппена «Stamma's hundert Endspiele», представляетъ довольно простое положеніе, въ которомъ обратный матъ вынуждается посредствомъ непріятельской ладьи. Основная мысль этого положенія изображена здѣсь на діагр. XXXI.

Сколь ни остроумно задумано это окончаніе, но всё же естественно приходитъ на мысль, что ладья а1 весьма удобно могла бы быть замѣнена слонемъ на а6, въ слѣдствіе чѣго обратный матъ непріятельскою ладьєю вынуждался бы возможно малымъ количествомъ силъ. На этомъ основаніи помянутая проблема могла бы

быть изменена какъ показано на діагр. XXXII, гдѣ кшпергамъ выполняется въ 20 ходовъ слѣдующимъ образомъ:

- 1) h7—b7+ b8—a8 *)
- 2) b7—c7+ a8—b8
- 3) c7—c8+ b8—a7
- 4) c8—a8+ a7—b6
- 5) d5—b5+ b6—c7
- 6) a8—a7+ c7—d8(A)
- 7) b5—d5+ d8—e8
- 8) a6—b5+ e8—f8
- 9) a7—f7+ f8—g8
- 10) f7—f6+ g8—h8(B)
- 11) d5—d8+ h8—g7 **)
- 12) d8—e7+ g7—g8
- 13) e7—e8+ g8—g7
- 14) f6—f7+ g7—g6
- 15) e8—e6+ g6—h5
- 16) f7—f5+ h5—g4
- 17) e6—e4+ g4—h3
- 18) e2—g1+ h3—g3
- 19) f5—g5+ g3—f2
- 20) g1—h3+ a3—h3^o ✕

(A.)

- 6) c7—d6
- 7) a7—d7+ d6—e6
- 8) b5—d5+ e6—f6
- 9) d7—f7+ f6—g6
- 10) d5—e6+ и обратный матъ вынуждается въ 5 ходовъ.

(B.)

- 10) g8—g7
- 11) d5—f7+ g7—h8
- 12) f7—e8+ и вынуждаютъ матъ въ 7 ходовъ.

*) При b8—c8, проблема разрѣшается скорѣй.

**) На этомъ ходѣ, равно какъ и на нѣкоторыхъ послѣдующихъ ходахъ, король имѣетъ выборъ между двумя клетками, но на которую бы онъ ни ступилъ, маневры бѣлыхъ не изменяются.

Какъ принципъ рѣшенія заимствованъ изъ вышеприведенной проблемы, то нѣтъ уже надобности разрѣшать здѣсь эту послѣднюю. Кстати приводимъ еще два замысловатыхъ положенія (см. діагр. XXXIII и XXXIV), имѣющія много сходства съ задачею діагр. XXX. Последнее изъ нихъ отличается отъ діагр. XXX единственно положеніемъ бѣлаго коня; любопытно, что это, по видимому, ничтожное различіе совершенно измѣняетъ систему рѣшенія: Г-нъ Петровъ придумалъ другую, простѣйшую комбинацію для обратнаго мата ладьей, комбинацію, которая применяется и къ ферзю (діагр. XXXV и XXXVI). Оставалось еще скрыть основную мысль этого мата, какъ расположеніемъ шашекъ, такъ и сочетаніемъ ея съ разными другими остроумными комбинаціями, и это вполне удалось автору*). Эту задачу (см. діагр. XXXVII) мы считаемъ совершеннѣйшимъ созданіемъ русскаго маэстро; она разрѣшается такимъ образомъ:

- 1) f6—f7°+ h7—h8
- 2) f7—f6+ h8—g8
- 3) e1—e8+ g8—h7
- 4) e8—e7+ h7—g8
- 5) e7—g7+ g8—h8
- 6) g7—g6°+ h8—h7
- 7) g6—g7+ h7—h8
- 8) g7—f7+ h8—g8
- 9) f7—f8+ g8—h7
- 10) f6—e7+ h7—g6
- 11) f8—f6+ g6—g5°
- 12) f6—f8+ g5—h6 (или g6)
- 13) e7—f6+ h6—h7
- 14) f8—f7+ h7—g8
- 15) f7—g7+ g8—h8
- 16) g7—d7°+ h8—g8
- 17) d7—g7+ g8—h8
- 18) g7—c7+ h8—g8
- 19) f6—f7+ g8—h8
- 20) c7—c8+ g4—c8°
- 21) f7—f6+ h8—h7
- 22) g2—g7+ h7—h8

*) Проблема, вслѣдствіе недоразумѣнія, напечатана была въ Chess Chronicle 1841 года съ инымъ, менѣ красивымъ расположеніемъ шашекъ, и въ такомъ испорченномъ видѣ перешла въ собраніе Александра.

- 23) g7—g1+ h8—h7
 24) f6—g6+ h7—h8
 25) g6—h5°+ b5—h5°×

Къ проблемѣ того же автора, изображенной въ діагр. XL, необходимо предпослать слѣдующее объясненіе.

Въ Chess Chronicle 1841 года, а также въ собраніи Александра была помѣщена шахматная загадка, перепечатанная у насъ въ діагр. XXXVIII. Г-нъ Петровъ употребилъ всѣ средства шахматнаго искусства, чтобъ сколь возможно болѣе затруднить ее. Основная мысль рѣшенія заключалась въ слѣдующемъ: пригнать непріятельскаго короля къ его ладьѣ такъ, чтобы ей не осталось инаго хода кромѣ a8—a7 и a7—a8; затѣмъ, во время этихъ передвиженій стѣсненной ладьи, привести своего короля на восьмую полосу доски, и замкнувъ его собственными его шапками, вынудить матъ посредствомъ шаха на вскрышу. Фонъ-Оппенъ, воплѣвъ оцѣнивъ эту остроумную идею, воспользовался ею для составленія новой, упрощенной (посредствомъ удаленія слона и измѣненія въ расположеніи шашекъ) задачи, которая появилась въ Schachzeitung 1851 г., а впоследствии вошла въ сборникъ проблемъ, составляющій приложение къ Stamma's hundert Endspiele. Впрочемъ, еще нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, г. Петрову сдѣлалось извѣстнымъ, что англичанинъ Болтонъ, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ въ дѣлѣ шахматныхъ проблемъ, разрѣшилъ его загадку совершенно инымъ путемъ и притомъ не въ семьдесятъ три хода, а въ двадцать восемь. Г-нъ Болтонъ, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ бѣлаго короля, вовсе не трогаетъ его съ мѣста, а заставляетъ непріятельскую ладью дать матъ на первой полосѣ доски, отчего нѣкоторыя шашки, необходимыя въ рѣшеніи г. Петрова, дѣлаются ненужными.

Рѣшеніе Болтона.

- 1) b6—f6+ h8—h7
 2) g6—g7+ h7—h8
 3) g7—f7+ h8—g8
 4) f6—g6+ g8—h8
 5) g6—h6+ h8—g8
 6) f7—g7+ g8—f8
 7) h6—f6+ f8—e8
 8) g7—g8+ e8—d7
 9) f1—d1+ d7—c7
 10) f6—e7+ c7—c6
 11) d1—d6+ c6—b5

- 12) e7—e5+ b5—c4
- 13) d6—d4+ c4—c3
- 14) e5—e3+ c3—b2
- 15) d4—d2+ b2—c1
- 16) e3—c3+ c1—b1
- 17) d2—b2+ b1—a1
- 18) b2—e2+ a1—b1
- 19) g8—b8+ a8—b8°
- 20) c3—c2+ b1—a1
- 21) c2—a4+ a1—b1
- 22) a4—a2+ b1—c1
- 23) a2—a1+ b8—b1
- 24) a1—c3+ c1—d1
- 25) e2—d2+ d1—e1
- 26) c3—e3+ e1—f1
- 27) d2—d1+ b1—e1°
- 28) e3—e2+ f1—e2°~~x~~

Такимъ образомъ одна лишь упрощенная проблема фонъ-Оппена осталась вѣрною, а сложное положеніе, придуманное г. Петровымъ должно быть отвергнуто. Считаю однако же долгомъ сказать, что въ первоначальномъ своемъ проектѣ задача эта была совершенно безошибочна и даже очень трудна. Она имѣла видъ діагр. XXXIX и рѣшалась вотъ какъ:

- 1) b6—g6+ g8—f8
- 2) h1—h8+ f8—e7
- 3) h8—h7+ e7—d8(A)
- 4) g6—f6+ d8—e8(B)
- 5) h7—e7+ e8—d8
- 6) e7—f7+ d8—e8
- 7) f6—e6+ e8—d8
- 8) b1—d1+ g3—d6
- 9) e6—e7+ d8—c8
- 10) e7—d7+ c8—b8
- 11) d1—b1+ d6—b4
- 12) d7—d6+ b8—c8
- 13) f7—c7+ c8—b8
- 14) d6—c5 a8—a7
- 15) c7—c8+ b8—b7
- 16) f3—f4 a7—a8
- 17) c8—c7+ b7—b8
- 18) f4—f5 a8—a7

- 19) c7—c8+ b8—b7
- 20) f5—f6 a7—a8
- 21) c8—c7+ b7—b8
- 22) f6—f7 a8—a7
- 23) c7—c8+ b8—b7
- 24) g2—f3 a7—a8
- 25) c8—c7+ b7—b8
- 26) f3—e4 a8—a7
- 27) c7—c8+ b8—b7
- 28) e4—f5 a7—a8
- 29) c8—c7+ b7—b8
- 30) f5—e6 a8—a7
- 31) c7—c8+ b8—b7
- 32) e6—d7 a7—a8
- 33) c8—c7+ b7—b8
- 34) d7—e8 a8—a7
- 35) c7—c8+ b8—b7
- 36) b1—b3 a7—a8
- 37) c5—b6+ b7—c8°
- 38) b6—c7+ c8—c7°×

(A.)

- 3) e7—f8
- 4) h7—f7+ f8—e8
- 5) g6—f6+ e8—d8
- 6) b1—d1+ g3—d6

и т. д. какъ въ главной игрѣ.

(B.)

- 4) d8—c8
- 5) f6—e6+ c8—d8
- 6) b1—d1+ g3—d6

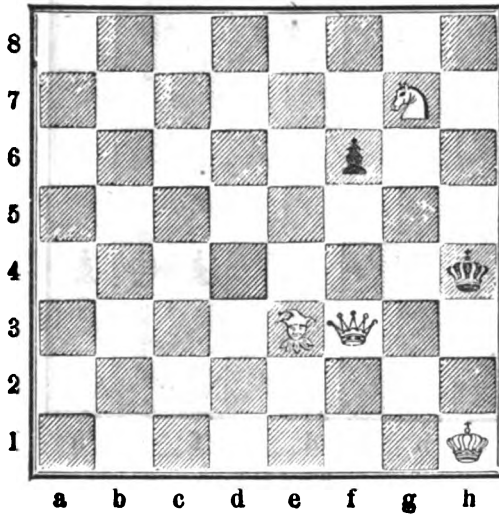
и т. д. Въ обоихъ этихъ вариантахъ, матъ вынуждается въ 36 ходовъ. Но въ этомъ видѣ задача показалаея г-ну Петрову еще не довольно трудною, онъ усложнилъ ее (какъ видно изъ діагр. XXXVIII), прибавленіемъ пѣшекъ и нѣкоторымъ измѣненіемъ положенія, не замѣтивъ притомъ, что именно вслѣдствіе этихъ перемѣнъ вляется возможность разрѣшить ее инымъ, кратчайшимъ путемъ.

Узнавъ о сокращеніи Больтона, г-нъ Петровъ всетаки не возстановилъ ее въ первоначальномъ видѣ, а предпочелъ замѣнить слона конемъ, такъ какъ бѣлымъ еще труднѣе заставить чернаго коня занимать предназначенныя ему кѣтки. Рѣшеніе діагр. XL мы сообщимъ, вмѣстѣ съ другими, въ четвертой статьѣ.

XXIV.

Дель-Рио.

ЧЕРНЫЕ.

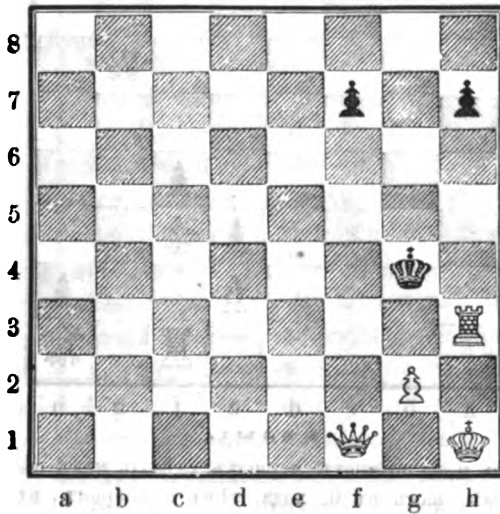
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ЗАСТАВЛЯЮТЪ СДѢЛАТЬ СЕБѢ МАТЬ ВЪ 5 ХОДОВЪ.

XXV.

А. Д. ПЕТРОВА.

ЧЕРНЫЕ.

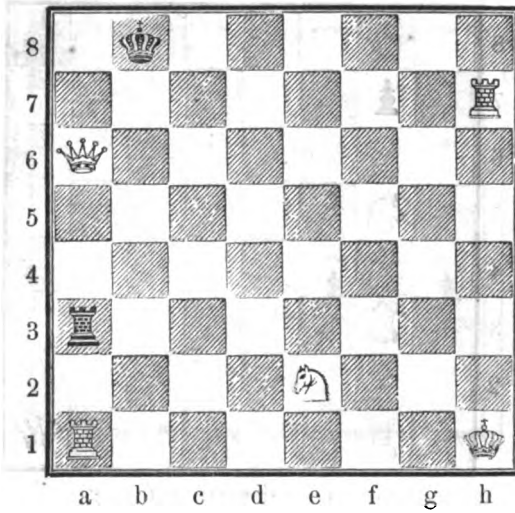
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ЗАСТАВЛЯЮТЪ ЧЕРНЫХЪ СДѢЛАТЬ МАТЬ ВЪ 14 ХОДОВЪ.

XXX.

РОСМАННА.

ЧЕРНЫЕ.

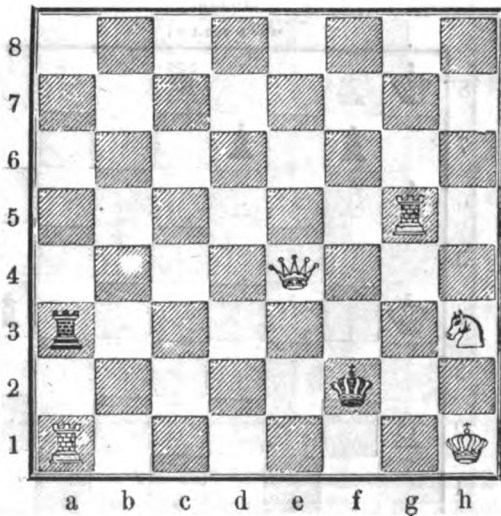

БЕЛЫЕ.

Белые начинают и заставляют черных сделать мат в 15 ходов.

XXXI.

ЧЕРНЫЕ.

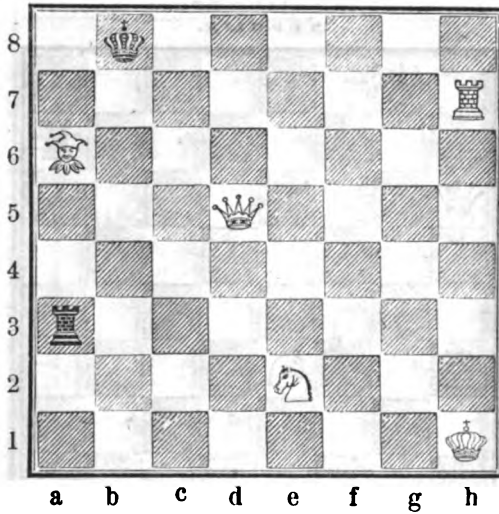

БЕЛЫЕ.

(См. стр. 293.)

XXXII.

ЧЕРНЫЕ.

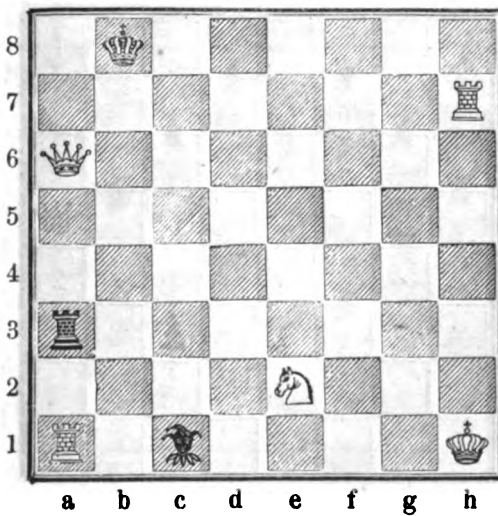
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 20 ходовъ.

XXXIII.

Фонъ-Оппена.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

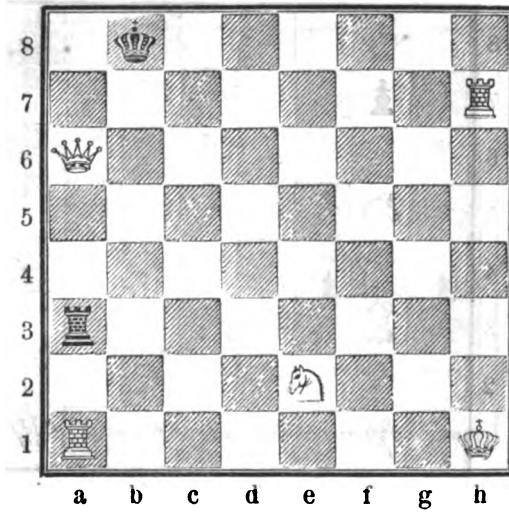
БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 17 ходовъ.

Отд. VI.

XXX.

РОСМАНА.

ЧЕРНЫЕ.

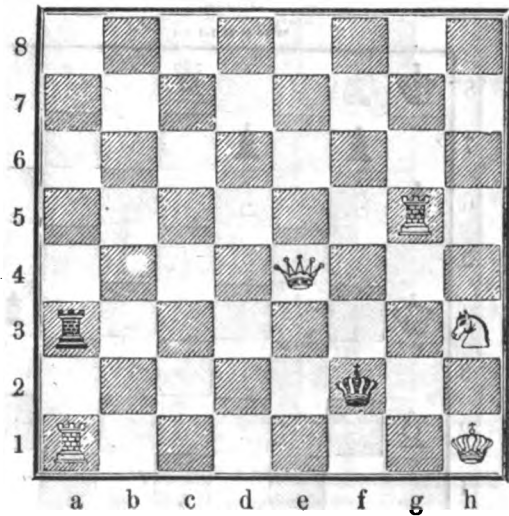

БЕЛЫЕ.

Белые начинают и заставляют черных сделать матъ въ 15 ходовъ.

XXXI.

ЧЕРНЫЕ.

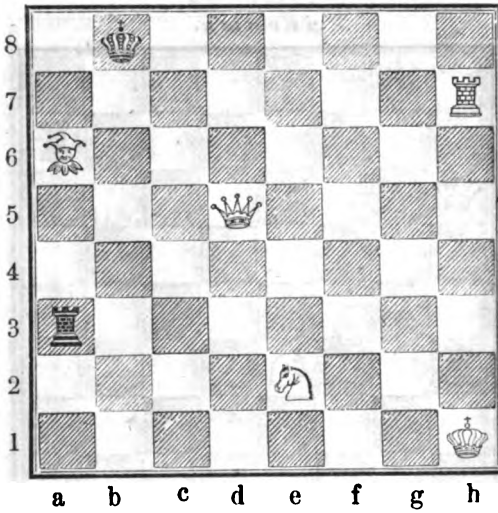

БЕЛЫЕ.

(См. стр. 293.)

XXXII.

ЧЕРНЫЕ.

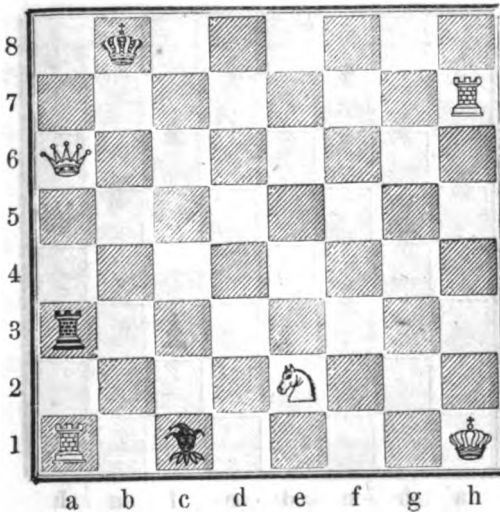
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 20 ходовъ.

XXXIII.

Фонъ-Оппена.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

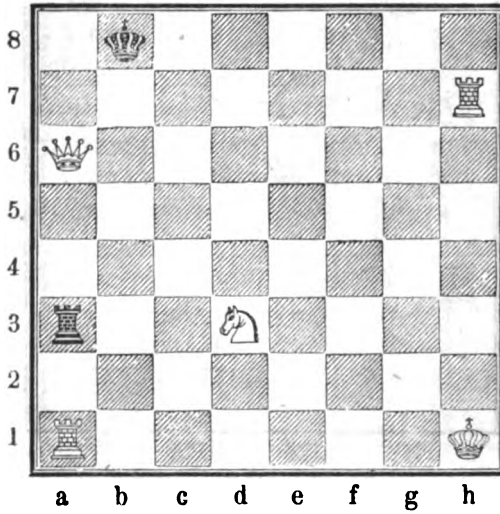
БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 17 ходовъ.

Отд. VI.

XXXIV.

РОСМАНА.

ЧЕРНЫЕ.

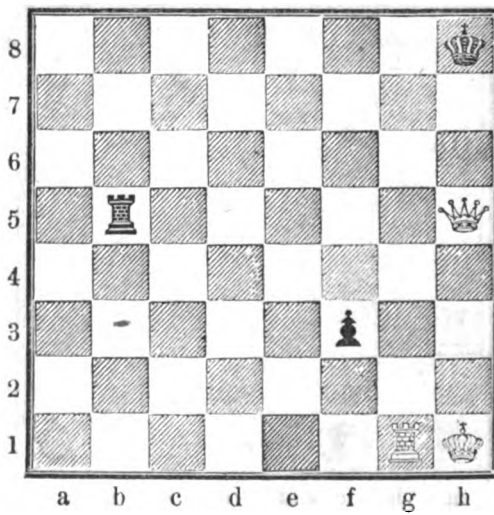

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ЗАСТАВЛЯЮТЪ ЧЕРНЫХЪ СДѢЛАТЬ МАТЬ ВЪ 17 ХОДОВЪ.

XXXV.

ЧЕРНЫЕ.

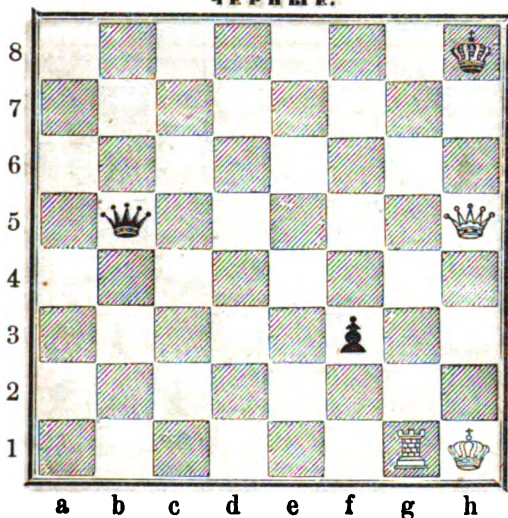

БѢЛЫЕ.

(См. стр. 293).

XXXVI.

ЧЕРНЫЕ.

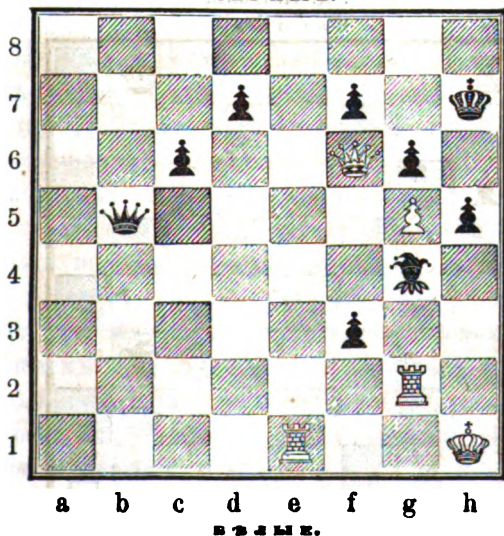

(см. стр. 293).

XXXVII.

А. Д. ПЕТРОВА.

ЧЕРНЫЕ.

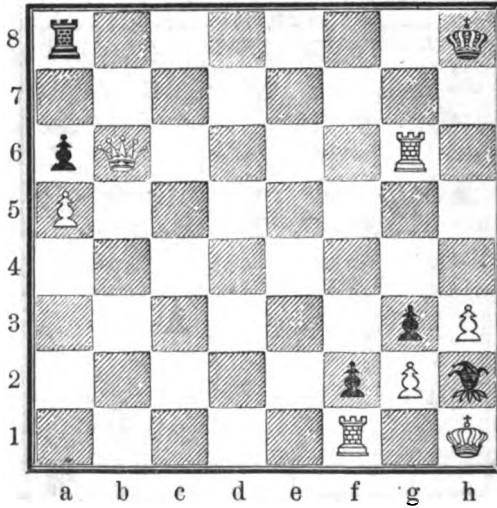

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 25 ходовъ, обязуясь при томъ не брать неприятельскаго слона.

XXXVIII.

А. Д. ПЕТРОВА.

ЧЕРНЫЕ.

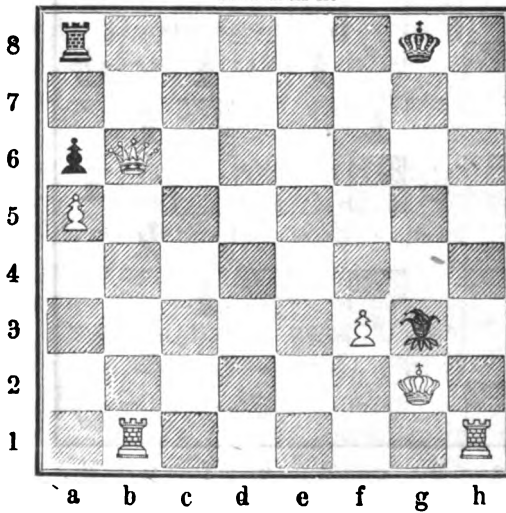
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 73 хода, обязуясь при томъ не брать непріятельскаго слона и не проводить ни одной изъ своихъ пѣшекъ въ офицеры. Разрѣшена Больтономъ въ 28 ходовъ (смотри стр 294 и 295).

XXXIX.

А. Д. ПЕТРОВЪ.

ЧЕРНЫЕ.

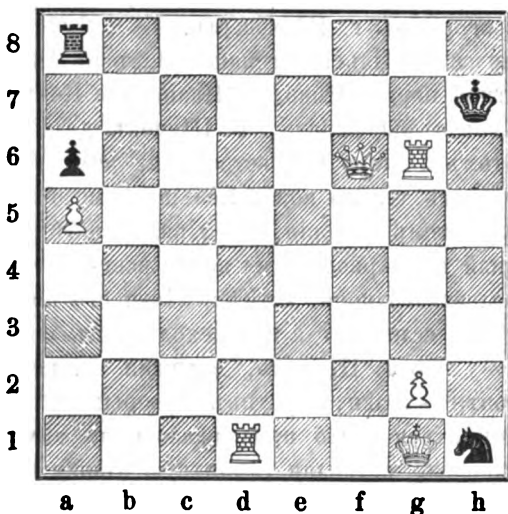
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ ладьёю въ 88 ходовъ.

XL.

А. Д. ПЕТРОВА.

ЧЕРНЫМ.

БѢЛЫМ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ ладьей въ 67 ходовъ, обязуясь при томъ не брать ни одной неприятельской шашки.

Г-нъ Пеликанъ, извѣстный читателямъ Шахматнаго Листка составленіемъ остроумныхъ проблемъ и побѣдою, одержанною имъ на турнирѣ, бывшемъ въ прошломъ году у графа Г. А. Кушелева-Безбородко, доставилъ намъ на дняхъ партію выигранную имъ у г. Шумова. По строгимъ правиламъ шахматнаго этикета, ее не слѣдовало бы печатать, такъ какъ побѣдителемъ въ ней остался игрокъ менѣе сильный. Но при крайней недостаточности русскихъ партій, было бы совершенно неумѣстно стѣснять себя еще какими то китайскими церемоніями; къ тому же мы поощряемъ здѣсь письмо г-на Пеликана, которое, заключающае подробныя свѣдѣнія о его состязаніяхъ съ г. Шумовымъ, устраняетъ всякую возможность недоразумѣнія объ относительной силѣ обоихъ противниковъ.

«Посылаю вамъ партію, игранную мною противъ Иліи Степановича Шумова 30 сентября нынѣшняго года на обыкновенное намѣ, весьма незначительное пари. Такъ какъ партія эта пред-

ставляет нѣкоторый интересъ, то я не сомнѣваюсь, что вы согласитесь напечатать ее въ Шахматномъ Листкѣ. Но чтобы не ввести читателей въ заблужденіе относительно силы состязавшихся, считаю нужнымъ сообщить нѣкоторыя подробности, касающіяся вообще моихъ игоръ съ г. Шумовымъ.

Я познакомился съ Ильею Степановичемъ въ 1850 году у любителя шахматной игры, Николая Ивановича Козлянинова. Въ первый разъ когда мы играли, г. Шумовъ далъ мнѣ впередъ ладью, но потомъ я скоро почувствовалъ, что этого слишкомъ много и сталъ брать только коня. Большее число партій, игранныхъ нами при этомъ условіи, доставило побѣду моему противнику, который въ первое время почти всегда открывалъ игру гамбитомъ королевскаго коня. Смѣлая атака его поддерживалась до конца партіи, а если иногда и переходила въ мои руки, то не на долго, потому что г. Шумовъ, отражая ее, всегда приготавлиалъ такія контръ-атаки, противъ которыхъ я уже не былъ въ силахъ защищаться. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока я не рѣшился, оставляя гамбитную пѣшку безъ защиты, жертвовать еще одною пѣшкою съ тѣмъ, чтобы имѣть только возможность взять послѣдняго неприятельскаго коня за своего слона, слѣдующимъ маневромъ:

Шумовъ. (Бѣлые.)	Я. (Черные.)
(Нужно снять съ доски коня b1.)	
1) e2—e4	e7—e5
2) f2—f4	e5—f4°
3) g1—f3	d7—d5
4) e4—d5°	c8—g4
5) d2—d4	g4—f3°
6) d1—f3°	d8—h4+

Не имѣя ни одного коня, Ильи Степановичъ сталъ проигрывать довольно часто, я продолжалъ игру осторожно, стараясь постоянно мѣняться оферрами, потому что концы партій зналъ довольно хорошо. Это принудило г. Шумова перемѣнить дебютъ; онъ перешелъ сначала къ гамбиту Эванса а потомъ къ шотландскому и продолжалъ разбивать меня еще довольно долго, но потомъ, постоянно играя съ сильнѣйшими противниками, и занявшись нѣсколько изученіемъ теоріи игры, я сдѣлалъ такіе успѣхи, что получая съ Илии Степановича коня, не бывалъ уже въ

проигрышѣ. Обыкновенно мы играли въ вечеръ по двѣ партіи, изъ которыхъ одну я выигрываю, а другую проигрываю. На этихъ условіяхъ продолжали мы играть до турнира у графа Куселева-Безбородко (см. Шахм. Лист. No XIV), гдѣ въ первый разъ мнѣ пришлось состязаться съ Ильей Степановичемъ, такъ и такъ. Читателямъ Листка извѣстно, что я взялъ на этомъ турнирѣ второй, а г. Шумовъ первый призъ, — слѣдовательно партію, игранную съ нимъ, я проигралъ. Не смотря на то, побѣды одержанныя надъ другими противниками, возвысили меня въ собственномъ мнѣніи, и я предложилъ г. Шумову измѣнить условія нашихъ обыденныхъ состязаній. Мы продолжали играть по двѣ партіи въ вечеръ, но я получалъ коня впередъ только въ одной партіи, а другую игралъ такъ и такъ. Партіи съ конемъ впередъ, по большей части были мною выигрываемы, за то тѣ, въ которыхъ я ничего не получалъ впередъ, были проиграны мною всѣ, за исключеніемъ только одной, которую теперь и посылаю вамъ для напечатанія.

Послѣ того мы съиграли съ г. Шумовымъ нѣсколько такихъ партій, гдѣ я получалъ впередъ *échange*, т. е. я давалъ Ильѣ Степановичу коня, а онъ мнѣ ладью. Разъ играли мы такъ, что г. Шумовъ долженъ былъ дать матъ пѣшкой, указанной до начала партіи (*rien coiffé*), но ему это не удалось, потому что я взялъ пѣшку очень скоро, пожертвовавъ за нее конемъ, слономъ и ферземъ. Теперь мы недавно начали играть на новыхъ условіяхъ: я получаю впередъ пѣшку и два хода. Мы съиграли только двѣ партіи такимъ образомъ; изъ нихъ одну я выигралъ а другую проигралъ; къ сожалѣнію онѣ не были записаны, но со временемъ я надѣюсь сообщить вамъ нѣсколько подобныхъ партій, которыя, вѣроятно, мы будемъ играть съ Ильей Степановичемъ на тѣхъ же условіяхъ. Партіи съ авантажемъ довольно рѣдки вообще, а тѣ, въ которыхъ дается впередъ пѣшка и два хода, сами по себѣ очень поучительны и интересны. Борьба въ нихъ завязывается съ самаго начала игры очень оживленная, а первая ошибка получающаго впередъ, не доставляя еще побѣды сильнѣйшему игроку, уравниваетъ только силы воюющихъ сторонъ.

И такъ вотъ единственная партія, которую я выигралъ у Илии Степановича Шумова à but.

ПАРТІЯ № 139.

РУССКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

В. В. Пеликанъ. И. С. Шумовъ.			
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	18) e6—d8°+	a8—d8°
2) g1—f3	g8—f6	19) d3—f5°	d7—e5
3) f4—e5°	d7—d6	20) f2—f4	e5—c4
4) e5—f3	f6—e4°	21) g2—g4	c4—e3
5) b1—c3	e4—c3°	22) f5—e6+	f7—e7
6) d2—c3°	f8—e7	23) f1—f3	e3—c2°
7) f1—c4	0—0	24) a1—c1	c2—d4
8) 0—0	c7—c6	25) f3—e3	d4—e6°
9) c1—e3	c8—e6	26) c1—e1	f6—h4
10) e4—d3	b8—d7	27) e3—e6°+	e7—d7
11) d1—d2	h7—h6(1)	28) e1—e2	d8—g8
12) e3—h6°(2)	f7—f5(3)	29) h2—h3	h4—g3
13) f3—d4	f8—f6	30) e6—e7+	d7—d8
14) h6—g7°	g8—g7°	31) e7—b7°	g3—f4°(4)
15) d2—g5+	g7—f8	32) b7—b8+	d8—d7
16) g5—f6°+	e7—f6°	33) b8—g8°	и послѣ нѣсколь-
17) d4—e6°+	f8—f7		кихъ еще ходовъ черные
			сдались.

Примѣчанія къ партии No 139. *)

(1) Ошибка.

(2) Имѣя въ перспективѣ играть вторую партію, въ которой я долженъ былъ получить коня впередъ, мнѣ уже было выгодно дѣлать ничью изъ той, которая игралась такъ и такъ, а этимъ ходомъ я приобрѣталъ возможность, по крайней мѣрѣ, давать вѣчный шахъ, если бы черные взяли слона пѣшкой: 11) $\frac{g7-h6}{g7-h6}$

12) $\frac{d2-h6}{d7-f6}$ 13) $\frac{h6-g5+}{g8-h8}$ 14) $\frac{g5-h6+}{h8-g8}$. Тутъ могутъ быть атаки еще сильнѣе, но скажу откровенно, что онѣ не входили въ мои соображенія, когда я обдумывалъ 11-й ходъ, — я довольствовался вѣрною ничьей.

(3) Угадавъ мои намѣренія, (г. Шумовъ сказалъ даже: «на ничью?!») противникъ мой, увѣренный въ превосходствѣ своихъ силъ, рѣшился лучше сдѣлать рискованный ходъ, чѣмъ отдавать

*) Примѣчанія эти составлены самимъ г-мъ Пеликаномъ.

добровольно игру за ничью. Вообще г. Шумовъ принадлежитъ къ числу игроковъ смѣлыхъ, презирающихъ опасности и великодушныхъ. Если напримѣръ для того, чтобы не дѣлать ничьей, одному изъ насъ приходилось перемѣнить повторявшіеся ходы, то онъ всегда на это рѣшался первый, потому что я часто считалъ своей побѣдой, если успѣвалъ окончить игру ничьей. Въ этотъ разъ онъ поплатился проигрышемъ партіи.

(4) Новая ошибка, но спасти партію уже не было возможности.

ПАРТІЯ № 140.

ГАМБИТЬ МУЦЮ.

Лукьяновичъ.	Юкельзонъ.	16) d2—c3	e8—d7
(Бѣлые.)	(Черные.)	17) c3—h8°	0—0—0
1) e2—e4	e7—e5	18) d5—c7°+	c6—e7°
2) f2—f4	e5—f4°	19) h8—c3	d6—g6
3) g1—f3	g7—g5	20) h5—a5	d7—c6
4) f1—c4	g5—g4	21) f1—f2	d8—g8
5) 0—0	g4—f3°	22) e1—g1	f4—f3
6) d1—f3°	d8—f6	23) g2—g3	h6—c3
7) e4—e5	f6—e5°	24) c3—e5	c3—b6
8) d2—d3	f8—h6	25) a5—d2	b6—f2°
9) c1—d2	g8—e7	26) d2—f2°	e7—f5
10) b1—c3	c7—c6	27) g1—e1	g6—h5
11) a1—c1	e5—c5+	28) e1—g1	f5—e3
12) g1—h1	d7—d5	29) h2—h4	c3—g4
13) f3—h5	c5—d6	30) f2—f1	h5—c5
14) c4—d5°	c6—d5°		и бѣлые сдаются.
15) c3—d5°	b8—c6		

ПАРТІЯ № 141.

GAMBITTO LUNGO.

Кронвергъ.	Кн. Долгоруковъ.	6) d2—d4	c8—e6
(Бѣлые.)	(Черные.)	7) c4—b5+	c7—c6
1) e2—e4	e7—e5	8) d4—d5	e6—d5°
2) f2—f4	e5—f4°	9) d1—d5°	d8—b6+
3) g1—f3	g7—g5	10) g1—h1	b6—b5°
4) f1—c4	f8—g7	11) d5—b5°	c6—b5°
5) 0—0	d7—d6	12) f3—g5°	h7—h6

Отд. VI.

40

13) g5—h3	g7—e5	36) c4—g4	g8—g4°
14) h3—f4°	g8—f6	37) h3—g4°	a2—c2
15) f4—d5	f6—d5°	38) b6—c6	e6—d7
16) e4—d5°	b8—d7	39) c6—c4	d6—d5
17) b1—a3	a7—a6	40) c4—c5	d7—d6
18) c2—c3	0—0—0	41) c5—c8	c2—d2
19) a3—c2	f7—f6	42) c8—h8	e5—e4
20) c1—d2	d7—b6	43) h8—h6°+	d6—e5
21) c2—e3	b6—c4	44) g4—g5	d2—d3
22) e3—c4°	b5—c4°	45) h6—c6	e4—e3
23) a2—a4	c8—d7	46) g5—g6	e3—e2(1)
24) a4—a5	d8—c8	47) g6—g7	e2—e1♠
25) d2—f4	c8—c5	48) c6—e6+	e5—e6°
26) f4—e5°	f6—e5°	49) g7—g8♠+	e6—f6(2)
27) a1—a4	c5—d5°	50) g8—h8+	f6—g5
28) a4—c4°	d5—a5°	51) h8—g7+	g5—f4
29) h2—h3	a5—b5	52) g7—h6+	f4—e5
30) b2—b4	a6—a5	53) h6—g5+	e5—d6(3)
31) b4—a5°	b5—a5°	54) g5—d8+	d6—c5
32) f1—f7+	d7—e6	55) d8—c7+	c5—b5
33) f7—b7°	h8—g8	56) c7—b7+	b5—c5
34) b7—b6	a5—a1+		партія ничья.
35) h1—h2	a1—b2		

Примѣчанія къ партіи № 141.

(1) Съ перваго взгляда кажется, что черные непремѣнно должны выиграть (см. діагр. А), но г. Кронебергъ мастерскимъ маневромъ успѣлъ сдѣлать ничью.

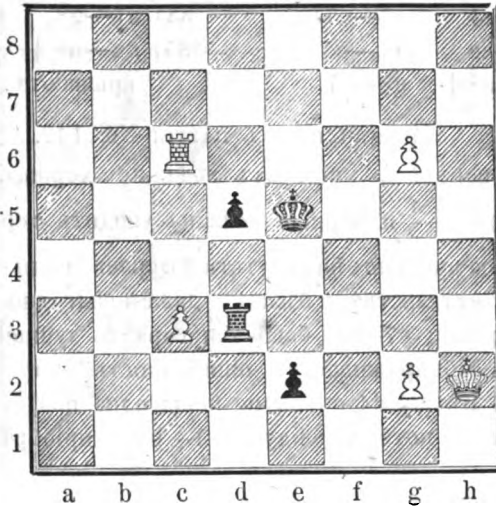
(2) Теперь бѣлые приобрѣли возможность давать вѣчный шахъ, если только противникъ ихъ не хочетъ потерять ладью или ферзя. Приглашаемъ любителей внимательно рассмотреть это любопытное окончаніе.

(3) Послѣ безполезныхъ усилій подвести короля къ своему ферзю на королевскомъ флангѣ, черные устремляютъ его на ферзевъ флангъ, но и здѣсь не могутъ достичь цѣли по причинѣ пѣшки с3, не позволяющей пройти черезъ кѣтки b4 и d4.

А.

Кн. Долгоруковъ.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

КРОНЕНБЕРГЪ.

Ходъ за бѣлыми; игра ничья.

ПАРТІЯ № 142.

(Играна въ Лондонѣ, въ Сентъ-Джемскомъ клубѣ лѣтомъ 1860 г.)

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

Колишъ. (Бѣлые.)	Слабуровъ. (Черные.)	11) c3—d4°	f6—e5°(3)
1) e2—e4	d7—d5(1)	12) d4—e5°	b8—c6
2) e4—e5	d5—d4(2)	13) c1—b2	b7—b5
3) f1—c4	e7—e6	14) a4—b5°	a6—b6°
4) g1—f3	a7—a6	15) c4—b5°	c6—b4°
5) a2—a4	f8—c5	16) e2—e4	b4—d5
6) 0—0	f7—f6	17) b5—c6	a8—d8
7) d1—e2	g8—h6	18) b2—a3	d5—c3
8) d2—d3	h6—f7	19) e4—c4	c3—e2+
9) c2—c3	0—0	20) g1—h1	a7—d4
10) b2—b4	c5—a7	21) a1—e1	f7—e5
		22) f3—e5°	d4—e5°

23) a3—f8°	d8—f8°	30) c3—c2	b4—b2
24) e1—e2°	b8—b4	31) c2—d1	d7—b5
25) c4—c1	e5—f4	32) d1—h5+	f7—e7
26) c1—c3	f8—d6	33) h5—h7°	d6—b4
27) c6—e4	c8—d7	34) h7—g8	b2—f2°
28) e2—a2	f4—e5	35) g8—d8+	и бѣлые выигрываютъ.
29) a2—a8+	g8—f7		

Примѣчания къ партии No. 142.

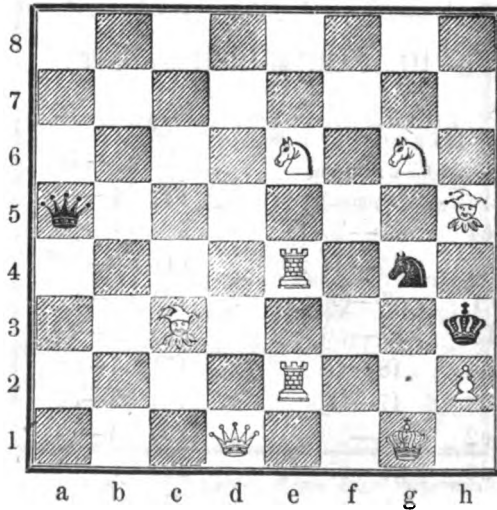
- (1) Въ партии à but этотъ ходъ не хорошъ по причинѣ
- 2) $\frac{e4-d5^\circ}{d8-d5^\circ}$ 3) $\frac{b1-c3}{}$ и черные должны уводить ферзя, что составляетъ потерю времени; но отсутствие ферзева коня совершенно измѣняетъ обстоятельства, и бѣлымъ даже невыгодно брать пѣшку.
- (2) Нехорошо; e7—e6 было бы гораздо лучше.
- (3) Тутъ обнаруживается ошибочность втораго хода черныхъ; брать пѣшку d4 очевидно невыгодно ибо бѣлые возьмутъ слона конемъ, а потомъ пойдутъ c1—b2 и приобретутъ сильную атаку.

З а д а ч и.

№ 63.

Г-на З. (въ Екатеринодарѣ).

ЧЕРНЫЕ.

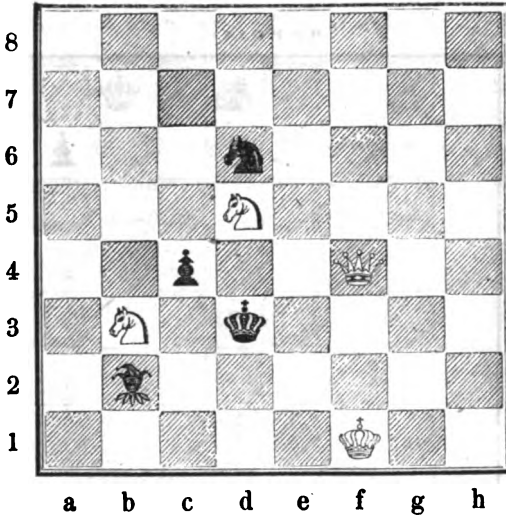
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 5 ходовъ.

№ 64.

Его же.

ЧЕРНЫЕ.

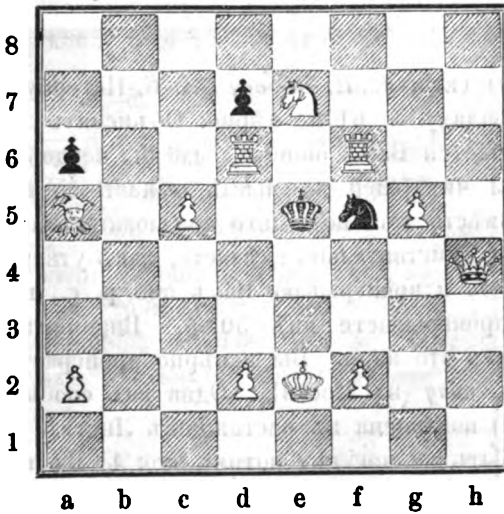
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 65.

Его же.

ЧЕРНЫЕ.

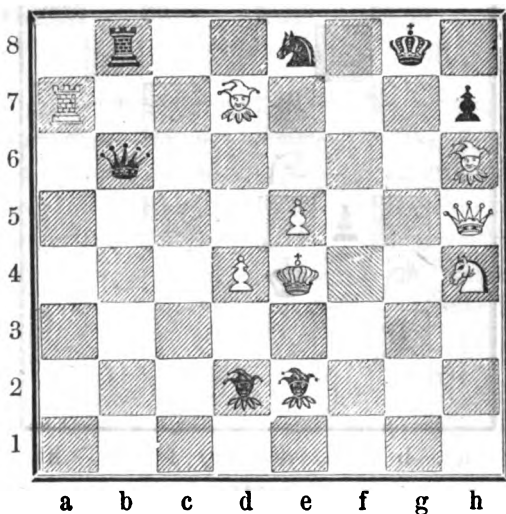
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 7 ходовъ.

№ 66.

Н. В. Боголѣнова (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Корреспонденція. II. З—ову (въ С.-Петербургѣ). Замѣчаніе Ваше на задачу N° 61 не вѣрно. Объяснять здѣсь въ чемъ именно заключается Ваша ошибка было бы неудобно, такъ какъ это навело бы читателей на мысль о настоящемъ разрѣшеніи проблемы. Въмѣсто того позвольте предложить Вамъ слѣдующее пари: если Вы дѣйствительно сдѣлаете, какъ утверждаете, матъ въ два хода, то я проигрываю Вамъ 500 р. с., въ противномъ случаѣ Вы проигрываете мнѣ 50 р. Впрочемъ не совѣтую Вамъ принимать это пари: Вы навѣрно проиграете.

Н. В. Бог—ову (въ Москвѣ). Одна изъ сообщенныхъ Вами задачъ (N° 1) помѣщена въ настоящемъ Листкѣ, остальные же напечатаны быть не могутъ, потому что: 1) Въ проблемѣ N° 2 черные послѣ показаннаго Вами хода бѣлыхъ королемъ 4) f6—e6, возьмутъ слова g7 ладьей a7 и мата въ 4 хода не будетъ. 2)

Въ положеніи, объясняющемъ задачу № 3, Вы показали у бѣлыхъ одну только шашку, а именно: короля на a8, и затѣмъ говорите: бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 8 ходовъ. Какъ же это матъ однимъ королемъ?! 3) При рѣшеніи проблемы № 4, Вы вовсе не разсматриваете варіанта, который произойдетъ если черные послѣ непріятельскаго хода 2) $\frac{g7-e8+}{}$ уведутъ короля на прежнее его мѣсто, т. е. на d7. Мнѣ кажется, что тогда матъ въ 5 ходовъ не будетъ; можетъ быть впрочемъ и будетъ, но во всякомъ случаѣ на сочинителѣ проблемы лежитъ обязанность указать всѣ существенные варіанты; отыскивать и разрѣшать ихъ редакция рѣшительно не имѣетъ времени. — Позвольте надѣяться, что настоящая маленькая неудача, происшедшая, конечно, единственно отъ недосмотра, не помѣшаетъ Вамъ и впредь, согласно любезному Вашему обѣщанію, сообщать проблемы для помѣщенія въ Листкѣ.

Г. З—у (въ Екатеринодарѣ). Мы не можемъ согласиться съ возраженіемъ Вашимъ на одиннадцатое замѣчаніе къ партіи № 115. Вы утверждаете, что если бѣлые отойдутъ королемъ на f1, а послѣ хода 35) $\frac{c6-d4}{}$ поставятъ ферзя на d3, то положеніе ихъ будетъ едва ли не лучше, такъ какъ они имѣютъ лишнюю пѣшку. По нашему же мнѣнію, послѣ всѣхъ указанныхъ Вами ходовъ, игра будетъ продолжаться такъ: 36) $\frac{f1-f2}{d2-c1+}$ 37) $\frac{f1-f2}{d4-f5c}$; теперь если бѣлые не берутъ коня, то потеряли офицера, а если возьмутъ, т. е. 38) $\frac{d3-f5c}{}$, то 38) $\frac{f2-g3}{c1-d2+}$ 39) $\frac{f2-g3}{}$ (если иначе, то неизбежный матъ) 39) $\frac{f2-g3}{d2-e1+}$, королю остается только три хода: на h3, g4 и f4; въ первыхъ двухъ случаяхъ бѣлые теряютъ ферзя вслѣдствіе 40) $\frac{f7-e6}{}$, а въ последнемъ 40) $\frac{f4-g4}{g7-g5+}$ 41) $\frac{f4-g4}{d8-h4}$ матъ. Задачи Ваши очень хороши; три изъ нихъ помѣщены въ настоящемъ Листкѣ; въ одной (простой матъ за № 1) есть къ сожалѣнію странная ошибка: бѣлые слоны показаны на b6 и c7, т. е. на одноцвѣтныхъ кѣткахъ, почему задача эта и не можетъ быть напечатана.

Г. В. Ст—ху (въ Саратовѣ). Редакция весьма признательна Вамъ за сообщенныя свѣдѣнія. Задачъ не помѣщаемъ единственно потому, что онѣ, какъ бывшія уже не разъ въ печати, извѣстны многимъ любителямъ. Вы ошибаетесь, принимая руковод-

ство А. Д. Петрова за переводъ Лабурдоне: это два совершенно отдѣльные сочиненія.

Г. фонъ-Рам—ху (въ Перемышлѣ). Задача Ваша напечатана быть не можетъ, потому что: 1) Она до крайности легка. 2) Можетъ быть разрѣшена не въ три хода, какъ вы ее предлагаете, а въ два: 1) $\frac{g1-e3+}{c5-e3^o}$ 2) $\frac{a5-d5 \times}{}$. 3) Въ означеніи положенія шашекъ вкралась ошибка: на h7 показанъ черный конь, а да-лѣе на той же клѣткѣ черная пѣшка.

Г. Юкельзону (въ Умани). Партія Ваша напечатана въ настоящемъ Листкѣ; замѣчанія на задачи совершенно основательны. Что касается желанія Вашего видѣть подвиги Морфи на поприщѣ проблемъ, то мы, къ сожалѣнію, не можемъ удовлетво-рять ему, такъ какъ Морфи вовсе не занимается составленіемъ задачъ.

Г. Влад. Фодз—му (въ Переславлѣ Залѣскомъ). Мы не успѣли еще разобрать всѣхъ варіантовъ Вашей любопытной проблемы.

Г. К. О. Цлх—чу
(въ Херсонѣ).

Г. В. Ласт—ну
(въ Витебскѣ).

Г. П. Г—ко
(въ Екатеринославлѣ).

Получивъ письма Ваши передъ са-мымъ отправленіемъ Листка въ типогра-фію, мы принуждены отложить отвѣты до слѣдующаго выпуска.

МАРКИЗА Д'ЭСКОМАНЪ

(Les Drames Galants)

Романъ А. Дюма (отца)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи С. Свѣдницкаго, въ Торговой ул., № 17

1860

МАРКИЗА Д'ЭСКОМАНЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВЪ КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ТРУДНЕЕ ВЫТАЩИТЬ ЗАНОЗУ ИЗЪ НОГИ, ЧЕМЪ ЗАНОЗИТЬ НОГУ.

Въ четыре часа, окончивъ служебныя занятія, Лудовикъ де-Фонтанье отправился къ Маргаритѣ. Онъ шелъ скорыми шагами, какъ человѣкъ нерѣшительнаго характера, который старается сохранить твердость духа посредствомъ самыхъ сильныхъ возбужденій.

Повернувъ въ улицу Клюни, Лудовикъ очутился передъ самымъ окномъ Маргаритиной квартиры, изъ котораго молодая дѣвушка обыкновенно посылала ему свой первый воздушный поцѣлуй. Но на этотъ разъ, противъ обыкновенія, въ оконѣ не было видно ея хорошенькаго личика. До-сихъ-поръ этого еще не случалось.

Мелькнувшая въ головѣ Лудовика мысль, что Маргариты нѣтъ дома, сильно его встревожила, потому что въ эту минуту онъ былъ особенно настроенъ исполнить свое намѣреніе, собрать всю силу воли и характера.

Поднимаясь на лѣстницу, онъ услышалъ сдержанный смѣхъ Маргариты.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Лудовикъ охладѣлъ къ ней, она никогда еще не казалась такой веселой и беззаботной.

— Иди скорѣе, кричала она сверху, увидѣвъ Лудовика: — ты не знаешь какую интересную исторію я разскажу тебѣ. Ну иди-же.

И какъ обѣщанный разговоръ нисколько не мѣшалъ ей пользоваться своими правами, то Маргарита тотчасъ бросилась въ объятія Лудовика, какъ только онъ вошелъ въ комнату, и, обвивъ его обѣими руками, привилась страстно цѣловать. Ласки ея постоянно такъ выражались.

Пока молодой человѣкъ находился въ полу-сумракѣ, Маргарита все еще висѣла у него на шеѣ; но какъ только онъ вышелъ на свѣтъ, она замѣтила, что лицо его было чрезвычайно мрачно.

Нахмуренныя брови и сердитое выраженіе лица его предвѣщали близкую бурю. При видѣ этого у Маргариты опустились руки и она отступила отъ него на два шага.

— Что съ тобой, мой другъ? спросила она.

— Мнѣ надо переговорить съ вами, сухо отвѣтилъ Лудовикъ.

— Ну что-жь? тѣмъ лучше для меня, сказала дѣвушка, стараясь шуткой отвести бурю: — надо отдать тебѣ справедливость, — ты не говорилъ со мной цѣлыхъ двѣ недѣли, и потому я вовсе не устала тебя слушать.

— Я хочу сказать вамъ кое-что по серьезнѣе, Маргарита.

— Ты меня пугаешь, Лудовикъ! Не дошли-ли до тебя какія-нибудь сплетни?... Но я надѣюсь, что ты имъ не повѣришь, — не такъ-ли, мой другъ?

Каждая женщина хоть разъ въ своей жизни любитъ мужчину, которому не въ силахъ измѣнить. Это вполне оправдалось безукоризненнымъ поведеніемъ Маргариты во все время ея связи съ Лудовиномъ.

— Подумай самъ, могу-ли я обмануть тебя, Лудовикъ, продолжала Дюнуэжа: — когда одна мысль объ измѣнѣ тебѣ возмущаетъ всю мою душу.

— Я вовсе не обвиняю васъ, Маргарита; отдаю, напротивъ, полную справедливость вашей вѣрности.

— А, такъ вотъ онъ — эти серьезныя вещи, которыхъ я такъ сильно испугалась! Bravo! Но только, пожалуйста, мой несравненный Лудовикъ, не говори мнѣ больше это несносное *вы*.... умоляю тебя!.... Если-бъ ты зналъ, какъ это тревожитъ меня; что можетъ быть лучше говорить другъ-другу ты? — въ этомъ словѣ заключается все, что остается намъ лучшаго изъ самыхъ счастливыхъ минутъ нашей жизни и все, что только свѣтъ оставляетъ намъ въ память этихъ чудныхъ мгновеній. Если

ты не дорожишь этимъ словомъ, значить ты не любишь меня такъ, какъ я люблю тебя.

И говоря это вкрадчивымъ голосомъ, Маргарита хотѣла сѣсть къ Лудовику на колѣни, но онъ легко оттолкнулъ ее.

— Наконецъ, вы должны же когда-нибудь приготовиться къ своей участи, — сказалъ Лудовикъ: — съ-этихъ-поръ мой другъ, другаго обращенія между нами не будетъ.

Маргарита, изумленная тѣмъ, что Лудовикъ оттолкнулъ ее, вовсе не разслышала его словъ.

— Боже мой! вскричала она: — все также какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ всякій день! И у тебя нѣтъ ни одной ласки, ни одного поцѣлуя для бѣдной Маргариты?... Боже мой! какъ я несчастна!

И въ подтвержденіе своей жалобы, молодая дѣвушка горько заплакала.

Положеніе Лудовика становилось затруднительнымъ. Отправляясь въ улицу Клопп, онъ надѣялся, что для предстоящей драматической сцены у него достанетъ энергіи и воли, но покорность Маргариты, совершенно неожиданная, потребовала отъ него хладнокровной стойкости, совершенно недоступной нѣкоторымъ характерамъ. Чтобъ устоять въ своемъ намѣреніи, онъ рѣшился употребить лицемѣріе, и посадилъ на колѣни, за минуту предъ тѣмъ оттолкнутую имъ женщину.

— Ты права, мое бѣдное дитя! Я понимаю твои страданія и всю тяжесть того положенія, въ которое я тебя поставилъ. За чемъ же продолжать его?

Маргарита не поняла двусмысленности сказанныхъ имъ словъ.

— За чѣмъ! И ты спрашиваешь за чѣмъ! Возразила она: — за тѣмъ, что одинъ твой поцѣлуи въполнѣ выкупаютъ всѣ мои страданія; за одинъ этотъ поцѣлуи я готова вынести всѣ мученія ада, за тѣмъ, что страданія и печали, на которыя ты обрекаешь меня, кажется, усиливаютъ любовь мою! Когда ты называлъ мою любовь къ тебѣ безуміемъ, тогда я вовсе не любила тебя такъ сильно, какъ теперь, — когда ты отказываешься мнѣ не только въ ласкѣ, но даже въ словѣ любви и участія.

Борьба началась и отступленіе было уже невозможно для Лудовика.

Какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ нравственномъ, страшно нанести только первый ударъ. Слезы, точно также какъ и кровь, охмеляютъ того, кто вызываетъ ихъ.

— Послушайте, Маргарита, началъ Лудовикъ де-Фонтанье голосомъ, явно противорѣчившимъ его нѣжному обращенію: — вамъ извѣстны какія случайныя обстоятельства сблизили насъ. Мнѣ всегда было отвратительно искать въ любви одного только минутнаго наслажденія, и потому мнѣ казалось, что нашему случайному сближенію нѣтъ никакого основанія продолжаться далѣе одного дня. По слабости моей, въ которой я уже не разъ глубоко раскаявался, я заглушилъ въ себѣ голосъ разсудка. Но чѣмъ больше мы сближались, тѣмъ выше я сталъ цѣнить васъ, открывая въ душѣ вашей качества, которыхъ никогда не подозревалъ и потому все еще надѣялся, что вы оправдаете мнѣ мечты, будете для меня идеаломъ любимой женщины. Но теперь, я чувствую, что мнѣ невозможно носить на себѣ личину любви, я не въ состояніи отвѣчать вамъ, потому что никогда не любилъ васъ.

При первыхъ же словахъ Лудовика, Маргарита поднялась съ его колѣнъ и стала передъ нимъ, пристально уставивъ дикій взглядъ на молодаго человѣка, какъ-будто слова его имѣли какой-нибудь осязательный образъ и цвѣтъ, въ которые она желала бы лучше взглядѣться.

— Что онъ говоритъ? медленно повторяла она, потирая себѣ рукой лобъ и, повидимому, собираясь съ мыслями; но потомъ ея разсудокъ, совершенно отуманенный жестокими словами Лудовика, мало-по-малу сталъ проясняться и, наконецъ, она быстро перешла изъ оцѣпенѣнія къ отчаянію, крикамъ и рыданіямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала она: — всѣ слова твои — ложь! Ты лжешь, если говоришь, что не любилъ меня никогда!... Да неужели я не съумѣю различить любовь отъ равнодушія?... Я не любила д'Эскомана; но развѣ я обращалась съ нимъ такъ, какъ обращался ты со мной? Развѣ нелюбимой женщинѣ говорятъ когда-нибудь такія нѣжныя слова, какія говорилъ ты.... Они еще до-сихъ-поръ звучать въ моихъ ушахъ!... Не думаешь-ли ты, что я потеряла память?... Нѣтъ, ты любилъ меня — я знаю это.... Но если теперь ты измѣнилъ мнѣ, такъ почему же не сказать прямо, откровенно; къ чему всѣ эти уловки, вся эта лицемѣрная деликатность?... Не хочешь-ли, чтобъ я сама избавила тебя отъ затруднительнаго признанія, отъ стыда быть лжецомъ, такъ пожалуй, я сама выскажу за тебя всю истину.... Ты полюбилъ другую, я стѣсняю тебя и потому ты хочешь избавиться. Не правда-ли?... Боже мой! какъ-бы только узнать мнѣ, кто она, эта женщина..... Если я узнаю ее — берегись

за нее... берегись.... Безъ малѣйшей жалости, безъ зазрѣнія совѣсти, я убью ее, какъ собаку. Слышишь-ли ты? Берегись за нее Лудовикъ.

Маргарита говорила это съ раздутыми ноздрями, со взоромъ сверкающимъ какъ молнія, съ распустившимися по плечамъ волосами, размахивая рукой, какъ-будто сцена убійства уже совершилась.

Въ эту минуту она была до того страшна, что герой нашъ невольно поблѣднѣлъ. Но потомъ, несмотря на всѣ ея угрозы, мягкое чувство женщины одержало верхъ и наконецъ усмирило въ ней дикій порывъ ревности. Молодая дѣвушка повидимому впала въ пзнеможеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я не вѣрю — это ложь! сказала она и упала на колѣни передъ Лудовикомъ, цѣлуя и обливая слезами его руки. Нѣтъ, — это неправда!... Ты хотѣлъ только испытать меня, хотѣлъ посмѣяться.... Неправда-ли?... Ты хотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно-ли твоя глушенькая Маргарита любитъ тебя такъ сильно, какъ увѣряетъ въ томъ. Нѣтъ, ты хотѣлъ только пострадать меня! Боже мой! Да если это тебѣ нравится, если это тебя радуетъ — мучь меня сколько тебѣ угодно!... Вѣдь я твоя... твоя собственность... твоя вещь.... А между тѣмъ я страдаю отъ этого, и такъ сильно страдаю, что кажется согласилась-бы лучше умереть.

Сердце судьи едва ли такъ жестоко и упрямо, какъ сердце человѣка, псключительно преданнаго какой-нибудь одной идеи и одному чувству, если только не сумѣютъ затронуть именно эту идею, это чувство. Такъ и Лудовикъ де-Фонтанье, готовый на всевозможныя пожертвованія, чтобъ осушить хоть одну слезу на лицѣ маркизы д'Эскоманъ, не повелъ даже бровью при видѣ обливавшейся слезами и лежавшей у ногъ его Маргариты.

Онъ думалъ только объ одномъ, что дѣло уже начато и подвигается къ развязкѣ.

— Перестаньте, Маргарита; будьте благоразумны, сказалъ онъ самымъ ледянымъ голосомъ. Теперь вы проклинаете меня, но впоследствии поймете, что я именно потому-то былъ вашимъ истиннымъ другомъ, что считалъ подлостью пользоваться вашею молодостью и любовью, не отвѣчая тѣмъ взаимнымъ чувствомъ, котораго вы достойны.

— Моя молодость!... Да развѣ ты не видишь, что если эти муки, эти страданія продолжатся еще десять минутъ, то я непременно посѣдѣю?... Моя молодость!... да какое же мнѣ

дѣло до нее?... Моя молодость — это ты, моя жизнь — это опять ты.... Лудовикъ, милый Лудовикъ! Люби меня хоть изъ состраданія; если нѣтъ въ тебѣ любви ко мнѣ, то хоть обмани и скажи, что ты любишь меня!

— Вы требуете невозможнаго, Маргарита! Я виновать, что молчалъ до-сихъ-поръ, но дальнѣйшее молчаніе съ моей стороны было-бы преступленіемъ. Я собирался двѣ недѣли, чтобъ открыть вамъ истину, и въ продолженіе этихъ двухъ недѣль, я заставилъ и себя и васъ страдать невыносимо.

Но Маргарита Жели не слушала его, или, вѣрнѣе сказать, вовсе не хотѣла слушать.

— Такъ научи-же меня, какъ тебѣ понравится, продолжала она: — научи, что надо сдѣлать, чтобъ заставить тебя полюбить меня... да развѣ я жаловалась когда-нибудь, что онъ не любитъ меня?... Скажи, Лудовикъ, какъ я могу расположить тебя къ себѣ. Да говори-же... Я готова совершенно перевоспитать себя, чтобъ только быть твоей навсегда.

На лицѣ Лудовика отразилось нетерпѣніе.

— Послушайте, Маргарита, отвѣчалъ онъ: — если вы хотите продолжать разговоръ, то сохраните хоть не много присутствіе разсудка.

— Разсудка!... Но вѣдь это лѣкарство хорошо только для безумныхъ. Я никогда не имѣла его и не хочу имѣть... я желаю одного—твоей любви, и если ея уже нѣтъ, то, по-крайней-мѣрѣ, не разочаровывай меня—въ моемъ пріятномъ обманѣ.

— Но къ чему все это послужить, бѣдняжка? Нѣтъ, лучше кончимъ теперь нашъ разговоръ, и я приду поговорить о томъ же, когда вы будете спокойнѣй.

— Ты не выйдешь отсюда! вскричала Маргарита, бросившись къ дверямъ. — Нѣтъ! ты не выйдешь—увѣряю тебя!... Да и что будетъ со мною, если ты уйдешь? Я знаю, что ты любишь другую, — иначе ты не былъ-бы такъ неумолчимъ. О! я хорошо понимаю это, потому-что сама, цѣ любя д'Эскомана, точно также поступала съ нимъ, какъ ты теперь со мной. Но вѣдь я... я зла, тогда какъ ты, напротивъ, добръ... Нѣтъ я увѣрена, что тебя подстрекнули къ тому, тебѣ внушили, посовѣтовали... Ну, признайся, скажи мнѣ откровенно, и тогда только я выпущу тебя отсюда. Ты понимаешь — я не изъ тѣхъ женщинъ, чтобъ равнодушно терпѣть соперницу... И такъ, расскажи же мнѣ все, признайся во всемъ и тогда я успокоюсь. Ну,

неправда-ли, что ты влюбленъ въ другую?... Не обманывай меня и, глядя мнѣ прямо въ лицо, отвѣчай: да или нѣтъ.

— А если-бъ это и было такъ, развѣ я не вправѣ располагать своими чувствами?

— Кто же отнимаетъ у тебя это право?... Но ты говори откровенно, чтобъ я хоть разъ въ жизни, услышала правду изъ твоихъ устъ. Твое признаніе — мой приговоръ; имѣй же смѣлость его высказать, какъ палачъ!

— Маргарита, вы клеветеете на меня... Я никогда не лгалъ предъ вами и никогда не говорилъ, что люблю васъ. Это также справедливо, какъ и то, что между нами подобная сцена — послѣдняя... Вы уже не въ первый разъ обвиняете меня въ равнодушіи къ вамъ.

— А! произнесла Маргарита голосомъ Архимеда, рѣшившаго великую задачу: — а! это она!

— О комъ вы говорите?

— О ней, о ней...

— Да о комъ-же?

— О маркизѣ д'Эскоманъ! А, такъ ты остался ей вѣренъ? Такъ твое постоянство еще продолжается?... Ты отмстилъ за меня такъ, какъ я не ожидала.

— За васъ? маркизѣ д'Эскоманъ?... да какое же можетъ-быть сближеніе между Эммой и...

— И мною, — хотите вы сказать, или, иначе, между знатной дамою и потерянной дѣвушкой. Не такъ-ли?... Ну, что же вы молчите?... Не смущайтесь и договоривайте... Впрочемъ, въ эту минуту я не знаю къ кому изъ насъ, — ко мнѣ или къ ней — приличнѣе отнести названіе потерянной... Боже мой! какъ долго ты терпишь несправедливость людей!... Мы родимся бѣдны и въ шестнадцать лѣтъ еще ходимъ въ рубищѣ, до котораго вамъ отвратительно прикоснуться даже пальцемъ. Но вотъ предъ нами раскидываютъ шали и драгоценности, рассыпаются въ лесты и любезностяхъ, столько-же заманчивыхъ для насъ, какъ и самыя шали и драгоценности. И что-жъ?... Разумѣется мы не въ страхъ устоять противъ такихъ обольщеній и отдаемъ вполне нашиму тиранамъ; они покупаютъ насъ на вѣсь золота, если не за черствый кусокъ хлѣба... И вотъ вамъ потерянная женщина!... Другіе же родятся во всемъ блескѣ счастья; природа даетъ имъ съ колыбели все, чего только можно пожелать, — все о чемъ только можно мечтать, и что мы приобретаемъ только цѣной чести и здоровья, служба низкимъ прихотямъ мужчинъ... И вдругъ

эти-то знатныя дамы, при такой блестящей обстановкѣ, пользуясь всѣми земными благами, также низко падаютъ изъ одного каприза, какъ мы падаемъ изъ крайней бѣдности и нужды... И что-жъ?... это самое паденіе, пятнающее честь бѣдной дѣвушки, нисколько не пятнаешь знатное имя свѣтской дамы!... Нѣтъ, нѣтъ! Я довольно терпѣла, и скажу все, что на душѣ мой. Слушай меня, .Лудовикъ!...

— Маргарита, — молчите!... Ни слова больше!... Прошу васъ не произносить имени всѣми уважаемой женщины, — остерегитесь! иначе я не отвѣчаю за себя...

— А-а-а! Такъ ты меня ударишь, ты меня прибьешь за нее... Такъ вотъ какъ?... Видишь-ли теперь, что моя правда — ты ее любишь!... Ну пусть, я замолчу; но за-то покажу тебѣ на дѣлѣ, что если ты бросаешь меня ради маркизы, то ты мѣняешь только одну падшую женщину на другую.

— Маргарита! вскричалъ .Лудовикъ, схвативъ ее за горло: я не отвѣчаю больше за себя...

— Такъ пойдѣмъ, пойдѣмъ! отвѣчала она, увлекая его на лѣстницу, по которой быстро поднялась навѣрхъ съ какой-то лихорадочной торопливостью.

Всѣ три двери комнатокъ втораго этажа на этотъ разъ были заперты.

Маргарита указала .Лудовику на одну изъ этихъ дверей, за которой жилъ одинъ изъ фабричныхъ мастеровыхъ, молодой человѣкъ прекрасной наружности, прозванной шатодеискимъ Адонисомъ.

— Вотъ здѣсь будуаръ маркизы д'Эскманъ, громко сказала Маргарита:—здѣсь она назначаетъ любовныя свиданія.

— Свиданія!... кому?... вскричалъ .Лудовикъ де-Фонтанье уязвленный прямо въ сердце демономъ ревности.

— Кому?... Спроси у нея!... Вѣроятно, какому-нибудь скромному мастеровому... Пока ты, дворянинъ, проводишь время у гризетки, маркиза наслаждается у какого-нибудь простаго работника. — Вотъ это ужъ чистое равенство!... Не правда-ли?... Ну что-жъ ты молчишь?... Отвѣчай, какъ тебя? — виконтъ, графъ, баронъ, что-ли?... Я право до-сихъ-поръ не знаю, кто ты такой.

— Неужели?! вскричалъ .Лудовикъ, закрывая лицо руками:— Нѣтъ я не вынесу этого!...

И онъ бросился отворять показанную дверь, но она, не смотря на его усилія, нисколько не поддавалась.

А между-тѣмъ громкій голосъ Дюнуазки вызвалъ на лѣст-

лицу всѣхъ жильцевъ нижняго этажа, и матушка Бригита, выбѣжавъ на шумъ изъ своей комнатки вмѣстѣ съ маленькимъ внукомъ, изъ всѣхъ силъ старалась помѣшать Лудовику вломить-ся въ чужую комнату.

Маргарита Жели поняла, что если она упустить еще нѣсколько минутъ, то задуманное ею мщеніе вовсе неудастся. Она боялась, что Лудовикъ, не удостовѣривъ лично въ справедливости ея словъ, никогда больше не повѣритъ имъ. Чтобы разомъ закончить дѣло и достигнуть своей цѣли, Маргарита стремительно бросилась къ двери и оттолкнула отъ нея самого Лудовика и матушку Бригиту такъ сильно, что первый едва устоялъ на ногахъ, а вторая растянулась навзничь на полу. Потомъ однимъ ударомъ ноги она растворила дверь.

Тогда глазамъ Лудовика де-Фонтанье представилась узенькая комнатка и въ ней двѣ женщины. Одна изъ нихъ смѣло выступила впередъ и онъ узналъ въ ней Сусанну Моле; другая же закрыла свое лицо руками; по ея стану, по шелковистымъ русымъ локонамъ, выбившимся изъ-подъ шляпки, и особенно по необычайно-сильному бѣнію собственнаго сердца, — Лудовикъ де-Фонтанье тотчасъ догадался, что это была Эмма.

Но Маргарита Жели ошиблась въ одномъ: въ комнаткѣ не было и слѣдовъ мужчины. Этого мало, стоявшая въ ней кровать была вынесена и на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, полъ былъ разобранъ и насыпь подъ нимъ повидимому вынута затѣмъ, чтобъ сдѣлать сколь возможно тоньше потолокъ надъ комнатами перваго этажа, въ которыхъ жила Маргарита.

Увидѣвъ это, молодая Дюнуазка поняла въ чемъ дѣло, и блѣдное лицо ея помертвѣло.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ТОМЪ, КАКЪ ИНОГДА ОПАСНО ПОДСЛУШИВАТЬ ВЪ ЗАПАДНЪ.

И такъ, не было сомнѣнiя, что въ жалкой и узенькой комнаткѣ, смежной съ горенкой Бригиты, дѣйствительно находились маркиза д'Эскоманъ и Сусанна Моле.

Намъ остается теперь объяснить, какимъ образомъ попала сюда Эмма съ своей кормилицей.

Мы ужъ рассказали, что по выздоровленiи маркизы д'Эскоманъ, въ ней опять заговорило чувство долга и угрызенiе совѣсти.

Нѣтъ сомнѣнiя, Эмма любила Лудовика, но въ то же время она предвидѣла неодолимья препятствiя къ осуществленiю своего мечтательнаго счастья. Главной преградой, раздѣлявшей ее отъ Лудовика, по мнѣнiю ея, была Маргарита. Сусанна Моле дала слово, во-что-бы то ни стало, уничтожить эту преграду.

Странная роль, принятая Сусанной въ этомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнiя была слишкомъ не по душѣ ей, такъ сильно любившей свою питомицу. Но мы обязаны отдать справедливость доброй кормилицѣ и заявить, что она рѣшилась на эту роль, не давъ себѣ ни минуты на размышленiе; здѣсь былъ для нея вопросъ жизни и смерти, — вопросъ для нея столь важный, что она почла-бы преступленiемъ всякое уклоненiе, или нерѣшительность съ своей стороны. Вопросъ этотъ заключался въ томъ: останется-ли Эмма жива или болѣзнь сведетъ ее въ могилу? Фанатическая привязанность къ питомицѣ Сусанны, не дала ей времени одуматься. Впослѣдствiи она приводила весьма основательныя причины въ свое оправданiе, что играла такую незавидную роль въ этомъ торжественномъ случаѣ своей жизни. Даже религiозныя убѣж-

денія Сусанны подчинились требованіямъ той постоянной мысли, которая овладѣла всѣми силами ея души.

Всѣ планы, составленные Сусанною Моле, чтобы осуществить свои мечты, сильно отзывались восторженнымъ состояніемъ ея мозга. Она постоянно думала только о томъ какъ-бы отыскать Маргариту и предложить ей значительную сумму денегъ, скопленныхъ экономіей Сусанны, чтобы тѣмъ склонить ее уѣхать куда-нибудь изъ города. Пользуясь полной свободой, кормилица неустанно хлопотала объ этомъ дѣлѣ. Она не сомнѣвалась, что Лудовикъ де-Фонтанье снова возвратится къ ногамъ маркизы, которая, не зная вовсе тайныхъ пружинъ интриги, приметъ это обращеніе Лудовика за искреннюю привязанность.

Разспрашивая о Маргаритѣ и собирая разные свѣдѣнія, необходимые для осуществленія ея плана, Сусанна Моле убѣдилась, что выполнить его вовсе не такъ трудно, какъ она думала. Узнавъ между прочимъ, что Лудовикъ де-Фонтанье болѣе чѣмъ холоденъ къ молодой дѣвушкѣ, Сусанна, съ свойственной женщинамъ логичностью, заключила, что молодой человѣкъ никогда не переставалъ думать объ Эммѣ, которой онъ нѣкогда высказалъ самое пламенное признаніе въ любви своей.

При этой мысли кормилица подпрыгнула отъ радости и надежды. Теперь она хотѣла увѣриться въ своемъ мнѣніи. Какъ полицейскій сыщикъ, она слѣдила за всѣми движеніями Лудовика; цѣлые дни, какъ тѣнь, преслѣдовала его по пятамъ; даже провожала издали на прогулкахъ по берегу Луары, куда молодой человѣкъ уходилъ помечтать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣтился въ первый разъ съ маркизой д'Эскоманъ. Сусанна не терпела его изъ виду и въ то время, когда онъ въ раздумьи бродилъ около ихъ дома, и изъ всего видѣннаго ею, наконецъ убѣдилась, что онъ вовсе не похожъ на счастливаго любовника.

И такъ она узнала много, но ничего положительнаго.

А между тѣмъ необходимы были самыя вѣрныя свѣдѣнія, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать на Эмму.

Находясь подъ вліяніемъ *idé-fixe*, чувства человѣка обыкновенно изощряются до чрезвычайной тонкости и дѣлаются необыкновенно воспріимчивыми.

Сусанна Моле до такой степени сочувствовала своей питомицѣ, что существованія ихъ слились повидимому въ одно, такъ что первая страдала тоскою послѣдней и радостно оживала при ея радости. И это внутреннее чувство говорило Сусаннѣ, что по-

стоянные переходы от надежды къ разочарованію убьютъ ея дорогую Эмму.

Единственное было средство разузнать всё подробности — обратиться къ матушкѣ Бригитѣ, которая вмѣстѣ съ Моле принадлежала одному и тому же приходу. Это обстоятельство облегчило ихъ сближеніе. Однажды, передъ началомъ мессы, Сусанна, замѣтивъ, что Бригита разговаривалась съ раздавателемъ святой воды, — подошла къ нимъ и вмѣшалась въ ихъ бесѣду. Такъ завязалось знакомство двухъ кумушекъ. Сначала онѣ вели между собою разговоръ религіозный, потомъ незамѣтно перешли къ мирскимъ предметамъ и притомъ принялись такъ легко злословить всѣхъ въ городѣ, какъ будто христіанское смиреніе и кротость никогда не принадлежали къ числу ихъ добродѣтелей.

Вообще провинціальныя мѣщанки презираютъ болѣе, чѣмъ свѣтскіе люди, женщинъ своего сословія, ведущихъ не скромную жизнь и въ-особенности тѣхъ, которыя живутъ на содержаніи. Внушается-ли имъ это чувство завистью, или нравственнымъ инстинктомъ, или просто отвращеніемъ къ падшимъ женщинамъ, неумѣвшимъ безукоризненно перенести свою бѣдность — мы неберемъ этого рѣшить. Достоверно только то, что матушка Бригита, постоянно обязанная благодѣяніями Маргаритѣ и безцеремонно принимавшая подаванія отъ Лудовика, не заставила Сусанну долго просить себя и подробно рассказала ей все, что только можно было сказать дурнаго о Маргаритѣ.

Во имя оскорбленной нравственности, Сусанна Моле сначала подстрекала въ матушкѣ Бригитѣ сильную антипанію къ Маргаритѣ; но потомъ, противъ тѣхъ же правилъ нравственности, принялась сама такъ отчаянно лгать, что едва-ли не перешеголяла въ этомъ искусствѣ всѣхъ женщинъ, которыхъ только-что безпощадно позорила и ругала. Нисколько не запинаясь, она рассказала своей новой знакомой, что молодой человѣкъ, о гибели котораго онѣ обѣ сейчасъ такъ искренно сожалѣли, приходится сродни ея госпожѣ, и притомъ прибавила, что онѣ женаты и что безпутнымъ поведеніемъ своимъ довелъ молодую жену до страшнаго отчаянія. Тутъ Сусанна до того живописно очертила все отчаяніе страдающей женщины, что матушка Бригита разсвѣрѣгла и озлилась на Маргариту, едва-ли не болѣе самой Сусанны. Въ припадкѣ своего гнѣва старуха рѣшила, что слѣдовало-бы взять сотню сноповъ соломы, развести огонь и непременно сжечь на этомъ кострѣ живіемъ всѣхъ чародѣекъ, нарушающихъ своимъ колдовствомъ счастье супружеской жизни.

Чтобы сколько-нибудь умирить чрезмерное усердіе старухи Бригиты, Сусанна заговорила съ ней о чародѣйствѣ этихъ женщинъ и, мало-по-мало, высказала свое желаніе узнать тѣ чары, которыми безпутная женщина околдовала Лудовика.

— Только-то? отвѣчала матушка Бригита: — да это вовсе не трудно узнать. Надъ квартирой этой безпутной живутъ мастеравые; они приходятъ къ себѣ только ночевать. Мой внучекъ Николашка, пользуясь этимъ, ходитъ днемъ въ ихъ комнатки играть и глядѣть изъ окна на улицу. Въ одной комнаткѣ проведена изъ квартиры Маргариты труба отъ камина. Вотъ какъ-то разъ, внучекъ мой, играя, сдвинулъ въ трубѣ три или четыре кирпичика, такъ-что стоитъ только вынуть и приложить ухо къ отверстию, чтобы не проронить ни одного слова, и даже одного вздоха этой развратницы.

Но не время было Сусаннѣ спрашивать старуху Бригиту, какимъ-образомъ она дошла до этого открытія. Хотя любопытство считается грѣхомъ и настоящій случай, въ которомъ играли роль такія невинныя шалости, какъ вздохи Маргариты, ни сколько не уменьшать важности этого грѣха, однакожь Сусанна считала неумѣстнымъ обвинить въ немъ старуху Бригиту, потому-что предложеніе ея правилось доброю кормилицѣ. Сусанна Моле поспѣшила воспользоваться открытіемъ и лично убѣдиться въ справедливости словъ Бригиты.

Въ то самое время Лудовикъ де-Фонтанье только-что пришелъ къ Маргаритѣ, и подстерегавшая Сусанна не проронила ни одного слова изъ разговора его съ любовницей.

Съ-тѣхъ-поръ Моле ежедневно приходила въ свою западную, и въ одно изъ такихъ посѣщеній встрѣтилась на лѣстницѣ съ Лудовикомъ.

Хотя при этой встрѣчѣ онъ не совсѣмъ еще призналъ кормилицу и сомнѣвался, чтобы это была дѣйствительно она; но за то Сусанна хорошо разглядѣла Лудовика и, опасаясь преслѣдованія, быстро вбѣжала наверхъ. Она, не заходя уже въ комнатку красавца мастеравого, прямо бросилась въ горенку Бригиты и спряталась за дверь, такъ-что послѣдняя, принимая Лудовика, совершенно заслонила дверь Сусанну Моле.

И бабушка и внучекъ, посвященные въ тайны этого дѣла, превосходно разыграли свою роль, какъ опытные актеры, и Лудовикъ де-Фонтанье, не подозрѣвая вовсе близкаго сосѣдства Сусанны, даже не переступилъ порога бригитиной лачужки.

И такъ Сусанна, сдѣлавшись тайнымъ свидѣтелемъ домашнихъ сценъ Маргариты, скоро убѣдилась, что она вовсе не такая опасная соперница Эммы, какой представлялась ей прежде. Съ тѣмъ вмѣстѣ она дагадалась, что Лудовикъ тяготится своей любовницей и, при первомъ удобномъ случаѣ, готовъ бросить ее ради маркизы. Отъ наблюденій Сусанны не ускользнула даже его затаенная, но съ каждымъ днемъ больше и больше раздуваемая страсть къ ея питомицѣ.

И кормилица, собравъ всѣ эти свѣдѣнія, поспѣшила сообщить ихъ Эммѣ.

Но маркиза д'Эскоманъ, наперекоръ ожиданіи Сусанны, приняла это извѣстіе очень холодно и осталась въ высшей степени недовольна ея дѣйствіями. Она довела до слезъ кормилицу, получившую въ первый разъ въ жизни строгій выговоръ отъ той, которую она возрастила какъ собственное дитя свое.

Эмма серьезно старалась доказать ей всю низость ея поступка, всю пошлость ея плана и средствъ, принятыхъ къ его осуществленію. Но тамъ, гдѣ безспленъ голосъ совѣсти—безспленны и всѣ убѣжденія. Сусанна вовсе не имѣла въ виду какой-нибудь преступной связи Лудовика съ маркизой, а старалась единственно спасти ей жизнь и вернуть здоровье; но, по понятіямъ старой няньки, цѣль достигалась не иначе, какъ когда Эмма вполне увѣрилась-бы, что Лудовикъ нисколько не любилъ Маргариты.

И никакіе доводы маркизы д'Эскоманъ не могли вывести Сусанну изъ заблужденія.

Съ этого самого вечера, она снова повела атаку противъ сердца своей Эммы, съ непреклоннымъ упорствомъ, свойственнымъ только дѣтямъ и дикарямъ. Встрѣтивъ оппозицію, она нисколько не смутилась такой неудачей и на другой день опять возобновила свои нападенія. Сусанна не давала ни малѣйшаго отдыха своей питомицѣ; безпрестанно твердила ей о Лудовикѣ, о его страстной любви къ маркизѣ, о его тоскѣ и страданіяхъ, о его великодушій и рыцарской чести.

Если вода, падающая капля-за-каплей со скалы, подтачиваетъ камень,—то неудивительно, что искушающія слова Сусанны, наконецъ, смягчили Эмму. Они затронули женское самолюбіе, прямо подѣйствовали на чувство маркизы, вызвали у нея сожалѣніе и сочувствіе къ страданіямъ молодаго человѣка, котораго, точно также какъ и ее, безнадежная любовь могла свести въ могилу. Все это имѣло сильное вліяніе на любящее сердце Эммы.

еще колебавшееся единственно изъ боязни нарушить приличіе, такъ строго обязательное для свѣтской женщины.

Прошло немного времени и Эмма уже не запрещала своей кормилицѣ говорить о любви Лудовика и не осуждала ее, а только оспаривала ея доводы. Съ этой минуты маркиза д'Эскоманъ могла считаться погибшей: паденіе ея зависѣло только отъ времени и случая...

Торжествующая Сусанна побѣдоносно опровергала каждый доводъ своей госпожи, кромѣ одного, противъ котораго она не могла ничего отвѣчать. Вопросъ заключался въ томъ: если Лудовикъ де-Фонтанье дѣйствительно не любитъ Маргариту, то почему онъ не прерываетъ съ нею связь;—этотъ вопросъ сбивалъ съ толку самою Сусанну. Она старалась избѣгать его и вкрадчиво повѣряла Эммѣ только свои наблюденія.

И на этотъ разъ она не щадяла ни красокъ для соблазнительныхъ картинъ, ни унизительнаго усердія, съ которымъ она подслушивала и подсматривала Лудовика съ Маргаритой; она не стыдилась передавать Эммѣ самыя скандальзныя сцены, лишь бы онъ горячли воображеніе маркизы и убѣждалъ ее въ равнодушій де-Фонтанье къ его любовницѣ.

Случай или, лучше сказать, натура женщины всего болѣе помогла Сусаннѣ.

Разказы ея возбудили въ Эммѣ до того невѣдомыя ей чувства. Описаніе страстныхъ нѣжностей, расточаемыхъ Маргаритой своему возлюбленному, сразу разожгли въ маркизѣ д'Эскоманѣ и чувственность и ревность, которыхъ она не знала прежде. Въ мягкой и кроткой душѣ маркизы вдругъ зародилась ненависть, и непорочное сердце стыдливой молодой женщины, возмущавшееся нѣкогда подобными проявленіями чувственности, теперь уже осуждало ихъ изъ одной только зависти.

Съ этихъ поръ здоровье маркизы д'Эскоманъ опять стало хуже. Она почти совсѣмъ потеряла и безъ того слабый сонъ, и даже боялась его, такъ ужасны были ея сновидѣнія. Дѣйствія этой бессонницы обнаружались быстрымъ упадкомъ силъ молодой женщины.

Въ одну изъ такихъ мучительныхъ ночей, усталая Эмма совсѣмъ было заснула, какъ вдругъ встрепенулась съ страшнымъ и пронзительнымъ крикомъ.

Сусанна Моле тотчасъ же прибѣжала на крикъ маркизы и нашла ее въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи, съ тупымъ взоромъ и багровымъ лицомъ. Эмма едва дышала.

— Я хочу сама все видѣть, вскричала она рѣзкимъ и прерывающимся голосомъ: — Да!... лично удостовѣриться... но если, Сусанна, ты обманула меня — я умру... умру непременно и безъ сожалѣнія!... Если-же онъ любитъ меня?... Нѣтъ, нѣтъ!... Тогда я не умру прежде, пока не услышу отъ него слова любви и не скажу ему сама, что я также люблю его...

— И вы не умрете, милое дитя; нѣжно отвѣчала кормилица внѣ себя отъ радости, что наконецъ-то Эмма избавится отъ своихъ страданій.

На другой же день, съ самаго ранняго утра, Сусанна отправилась къ Бригитѣ, содрогаясь при одной мысли, что вдругъ по какимъ-нибудь непредвидимымъ обстоятельствамъ намѣреніе ея не исполнится. Старая нянька опять осквернила свои уста ложью, сообщивъ Бригитѣ, что родственница молодого человѣка желала бы лично удостовѣриться, что происходитъ между нимъ и Маргаритой, такъ-какъ онъ все еще продолжаетъ обманывать свое семейство ложными обѣщаніями-бросить связь свою съ безпутной женщиной.

Убѣдительныя слова и еще болѣе убѣдительная звонкая монета, врученная Сусанной старой Бригитѣ, совершенно склонили благочестивую старуху на содѣйствіе и скромность. Услужливая Бригита вызвалась даже покараулить Сусанну и своего внучка, пока они будутъ заняты расширеніемъ обличительнаго отверстія.

Кормилица съ такимъ усердіемъ принялась за работу, что, казалось, готова была не только разобрать трубу каминна, но даже цѣлый домъ. Ссаживая кожу съ рукъ и ломая ногти о затвердѣлые кирпичи, она весело распѣвала, какъ-будто работала надъ шитьемъ тонкаго тюля или собраніемъ цвѣтовъ.

Кумушки условились между собою, что Сусанна ровно въ три часа придетъ къ Бригитѣ вмѣстѣ съ родственницей Лудовика, а за полчаса до ихъ прихода Николай выйдетъ къ подъѣзду дома, чтобъ подать условный знакъ, въ случаѣ если-бы оказались какія-нибудь непредвидѣнныя препятствія взойдти дамамъ на лѣстницу.

Сильное нетерпѣніе, овладѣвшее Эммой съ самаго утра, обратило всѣ эти предосторожности въ совершенно безполезныя мѣры.

Когда она пришла съ Сусанной въ улицу Кюви, то Николай еще не было на условленномъ мѣстѣ, за-то Маргарита, по обыкновенію, была уже на своемъ, то-есть, стояла у окна, задернутого занавѣской.

Наружность одной изъ женщинъ, вошедшихъ въ домъ, поразила молодую дѣвушку. Она тихо отворила дверь на лѣстницу и, не смотря на плотность вуаля, покрывавшаго голову маркизы д'Эскоманъ, Маргарита тотчасъ узнала ее.

До такой степени репутація Эммы была безукоризненна, что Маргарита, при всемъ своемъ недоброжелательствѣ къ ней, вообразила себѣ сперва то же, что и Лудовикъ при встрѣчѣ своей съ Сусанной, то-есть, что маркиза пришла наверхъ, въ лачушку матушки Бригиты, единственно съ христіанской цѣлью.

Маргарита немного подождала, но Эмма и Сусанна не возвращались.

Тогда черная мысль мелькнула въ головѣ молодой Дюнуазки. Она подумала, что, можетъ-быть, маркиза д'Эскоманъ носить только личину добродѣтели, и, можетъ-быть, подъ скромной наружностью искусно скрываетъ такое же развращенное сердце, какъ и многія другія.

Это общее мнѣніе лоретокъ о свѣтскихъ женщинахъ, которыя, въ ихъ глазахъ, умѣютъ сберечь свою репутацію только съ помощію искусной маски лицемѣрія.

Подъ вліяніемъ этой мысли, Жели вдругъ услышала на верху попотъ; потомъ скрыть отворившихся дверей въ комнату красавца мастераго и затѣмъ осторожные шаги, легкостью своею обличавшіе женскую поступь.

Подозрѣнія Маргариты въ отношеніи нравственныхъ принциповъ маркизы д'Эскоманъ, повидимому, оправдывались. Жели рѣшила, что знатная дама, избѣгая огласки въ своемъ обществѣ, выбрала себѣ въ любовники человѣка, неизвѣстнаго высшему кругу, темнаго подмастерья шляпнаго мастера.

Маргарита, опытная въ дѣлахъ такого рода, не удовольствовалась однимъ только подозрѣніемъ, а хотѣла непременно удостовѣриться на дѣлѣ въ своихъ предположеніяхъ.

Съ этой цѣлью она поднялась по лѣстницѣ и вошла въ комнату матушки Бригиты.

Старуха приняла неожиданную гостью точно также, какъ днѣи десять назадъ встрѣтила Лудовика де-Фонтань.

За то внучекъ старухи теперь не расчесывалъ, какъ было при входѣ Лудовика, собственною пятерней свои волосы и не пользова-

ся невниманіемъ бабушки, чтобъ вытащить что-нибудь съестное изъ печки; онъ преслѣдовалъ теперь безпрестанными пинками огромную черную кошку, съ которою онъ постоянно находился въ враждебныхъ отношеніяхъ.

На этотъ разъ Маргарита, также какъ и Лудовикъ, не нашла никакихъ слѣдовъ замѣченныхъ ею женщинъ; но заключеніе, которое она вывела изъ этого обстоятельства, было совершенно различно съ предположеніемъ Лудовика на счетъ встрѣтившейся ему и мгновенно исчезнувшей Сусанны.

Дюнуазка, одаренная необыкновенной смѣтливостью, рѣшила, что благотворительныя особы хотя изъ скромности и дѣлають свои добродѣтели до такой скрытности, чтобы просиживать по цѣлымъ часамъ въ бѣдной комнаткѣ мастераваго.

Въ Маргаритѣ, какъ видно, было довольно своей логики. Оставивъ комнату Бригиты, она бросила бѣглый взглядъ на дверь сосѣдней комнаты и замѣтила, что ключъ былъ вложенъ въ замокъ изнутри. Возвратившись къ себѣ, Дюнуазка отъ души смѣялась этому приключенію и дала себѣ слово непременно поклониться дамамъ, когда онѣ будутъ возвращаться изъ западни, гдѣ наслаждалась любовью прелестная маркиза д'Эскманъ. Наконецъ, рассчитавъ всю пользу, которую предположила извлечь изъ этого обстоятельства въ отношеніи Лудовика, Маргарита пришла въ неописанный восторгъ. Мы уже видѣли, какъ оправдались ея восторженныя надежды и какъ удалось ей поймать въ западнѣ маркизу д'Эскманъ. Но къ величайшему сожалѣнію молодой дѣвушки, Эмма была тамъ съ одной своей кормилицей.

Ни одно слово изъ разговора Лудовика съ Маргаритой не ускользнуло отъ слуха маркизы. Всѣ его жесткія выраженія, вся суровость обращенія его съ молодой дѣвушкой,—возвысили Лудовика въ глазахъ Эммы гораздо болѣе, чѣмъ самыя преувеличенныя похвалы Сусанны.

Ревнивое сердце маркизы не простило-бы Лудовику сожалѣнія его къ Маргаритѣ и потому Эмма заключила о силѣ любви его къ себѣ, только изъ неумолимаго равнодушія его къ Жели. Находя де-Фонтанье вполне достойнымъ своей любви, Эмма съ ужасомъ спрашивала себя, чѣмъ она замѣнитъ ему эту неистовую страсть пылкой Маргариты.

Разговоръ молодой дѣвушки и Лудовика такъ неожиданно прекратился и они такъ внезапно явились въ комнаткѣ мастера-ваго, что захватили врасплохъ маркизу среди этихъ размышленій.

Сусанна Моле, владѣя отлично слухомъ, не проронила не одного слова, сказаннаго въ комнатѣ Маргариты и, вполне понявъ намѣренія ея, хотѣла увести маркизу и скрыться съ ней у старой Бригиты. Но въ это время Эмма, услышавъ свое имя, произносимое Маргаритой въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, совершенно уничтоженная, упала въ изнеможеніи на единственный стулъ, стоявшій въ комнаткѣ, и потому бѣгство оказалось рѣшительно невозможнымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

о томъ, какъ неожиданно совершилась развязка для тѣхъ, кто болѣе всего ее желалъ.

По одному бѣглому взгляду, брошенному Маргаритой во внутрь комнаты, она догадалась въ чемъ дѣло.

Полу-признаніе, только-что сдѣланное Лудовикомъ де-Фонтанье, необыкновенное волненіе маркизы д'Эскоманъ, бѣшенство Сусанны, беспорядокъ въ мансардѣ мастерового и особенно огромная разсѣлина въ трубѣ камина, — ясно объяснили Жели весь ходъ ловко задуманной интриги.

Если поводомъ къ такому похиженію маркизы была только любовь; то понятно, что предметомъ этой любви не могъ быть никто другой, кромѣ Лудовика.

Но подозрѣнія Маргариты превзошли даже самую истину.

Она вообразила себѣ, что маркиза д'Эскоманъ не иначе рѣшилась-бы на такое постыдное шпионство, какъ только для того, чтобы лично удостовѣриться въ исполненіи даннаго ей Лудовикомъ обѣщанія разстаться съ молодой Дюнуазскою, и что она пришла сюда съ цѣлью насладиться отчаяніемъ и слезами своей соперницы.

При этой мысли бѣшенство овладѣло Маргаритой, и она съ дикимъ воплемъ бросилась на Эмму.

Лудовикъ де-Фонтанье предупредилъ Маргариту. Онъ загорлою собой полу-живую Эмму и, обхвативъ ее одной рукой, другой удержалъ Жели, которая разразилась самыми неистовыми проклятіями.

Никто не можетъ избѣжать тѣхъ невыразимыхъ ощущеній, которыя проявляются въ организмѣ двухъ любящихъ существъ, при одномъ легкомъ и даже невольномъ прикосновеніи ихъ другъ

къ другу. То же случилось и съ маркизой д'Эскоманъ. Когда она почувствовала близкое біеніе сердца любимаго человѣка, то не смотря на отчаяніе, страхъ и сильное изнуреніе отъ болѣзни, по всему тѣлу ея мгновенно пробѣжала электрическая струя.

Правда — молодая женщина сначала находилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи, которое впрочемъ продолжалось очень недолго. Обвитая крѣпкими объятіями Лудовика, прижавшаго ее къ груди своей, она затрепетала, словно подъ вліяніемъ гальваническаго тока. Оцѣпенѣніе, парализовавшее на время ея члены, еще не разсѣялось, но душа ея мгновенно пробудилась. Въ страстномъ упоеніи, уступая силѣ магнитическаго притяженія, Эмма обвилась вокругъ шеи молодаго человѣка, опрокинула назадъ свою бѣлокурую головку и, прислонясь ею къ плечу Лудовика, съ невырозимой нѣжностью томно проговорила:

— Я страдаю изъ любви къ вамъ, Лудовикъ, и вы должны защитить меня отъ этой женщины.

Эмма назвала его теперь по имени, какъ привыкла уже называть его въ мечтахъ своихъ.

Крики Сусанны Моле переположили всѣхъ жильцовъ дома; въ страшномъ безпокойствѣ и недоумѣніи они сбѣжались во второй этажъ.

Тогда Сусанна Моле, занятая борьбой и безпощадной перепбранкою съ Маргаритою, оставила ее и бросилась запереть двери комнаты; но Маргарита, разбѣшенная словами Эммы до изступленія, собравъ всю энергію оскорбленнаго сердца, опередила кормилицу и ростворила двери настежь. Жели поняла, что часъ ея мщенія наконецъ насталъ.

— Милости просимъ, закричала она, милости просимъ, тутъ никто не будетъ лишнимъ. Маркиза д'Эскоманъ должна отнынѣ нагло смотрѣть всѣмъ въ глаза съ дерзко-откинутой головой, какъ и я смотрю впродолженіе трехъ лѣтъ. Здѣсь скромность вовсе неумѣстна, да и не къ лицу намъ обѣимъ!..... Можетъ быть вы думаете, что предъ вами одна только я — такая женщина!.... Нѣтъ, — насъ двѣ Маргариты.... Маргарита Жели, желавшая снять съ себя позоръ и искупить свои ошпбки и заблужденія вѣрностью къ одному..... и еще маркиза д'Эскоманъ — знатная, замужняя и, какъ всѣ думали, честная женщина, явившаяся сюда, чтобъ отнять любовника у несчастной, потерянной дѣвушки.....

Шопотъ недоумѣнія вырвался у слушателей.

— Вы еще сомнѣваетесь, добрые люди?—продолжала Марга-

рита съ тѣмъ же одушевленіемъ. Поглядите, вотъ гдѣ маркиза изволила подсматривать за мной и за своимъ любовникомъ..... Взгляните, какъ они оба покраснѣли..... Смотрите, какъ они страстно любятъ другъ-друга, такъ-что даже при васъ стоятъ обнявшись.... Но что мнѣ въ этихъ доказательствахъ? У меня найдется ихъ много, если только я захочу... Что-же вы молчите?... Опровергайте меня, сударыня; скажите что я лгу, если у васъ хватить на столько присутствія духа. Постарайтесь же разувѣрить нашихъ слушателей.... Они ждутъ этого, они еще самнѣваются, чтобъ такая знатная дама была способна на такое безстыдство подъ личиною добродѣтели; на такую наглость — подъ маской скромности. Убѣдите ихъ, что все это ложь, что вовсе не любовь ваша къ де-Фонтанье вынудила васъ на подобный низкій поступокъ—подсматривать за потерянной дѣвушкой! Увѣрьте ихъ, что я ошибаюсь.... нѣтъ мало этого, что я клевету на васъ, утверждая публично, что вы, маркиза, женщина потерянная.....

Вовсе это время Сусанна Моле старалась, но тщетно, прервать, перекричать Маргариту. Едва только молодая дѣвушка успѣла произнести послѣднее слово, какъ Лудовикъ де-Фонтанье, покинувъ маркизу д'Эскоманъ, кинулся къ Маргаритѣ и схватилъ ее за горло, —но было поздно, — она успѣла заклеить позорнымъ эпитетомъ любимую имъ женщину.

Свидѣтели этой пошлой сцены бросились отнимать несчастную изъ рукъ молодаго человѣка. Они увели его въ горенку старушки Бригиты; а Маргариту, въ сильныхъ конвульсіяхъ, перенесли въ ея комнату.

Какъ только Лудовикъ освободился отъ докучливыхъ посредниковъ, онъ тотчасъ же бросился назадъ въ комнату къ Эммѣ, полагая, что она нуждается въ его помощи; но маркизы тамъ уже не было.

Сусанна Моле воспользовалась общей суматохой во время борьбы Лудовика съ осаждавшими его жильцами, желавшими помѣшать его возмутительному насилию, и скрылась, увлекая за собой Эму, изъ этого ненавистнаго дома.

Не найдя маркизы, герой нашъ поспѣшилъ также удалиться и, проходя мимо дверей квартиры Маргариты Жели, Лудовикъ даже не подумалъ остановиться подлѣ нихъ. Она казалась ему теперь какимъ-то чудовищемъ, съ которымъ встрѣтиться онъ рѣшился-бы развѣ только для того, чтобы растоптать его въ прахъ. Ни страстная любовь, ни глубокое отчаяніе не извиняли Марга-

риту въ глазахъ Лудовика; онъ считалъ поступокъ ея страшнымъ преступленіемъ, за который, если-бъ это отъ него зависѣло, онъ осудилъ-бы ее на эшафотъ.

Лудовикъ де-Фонтанье шелъ, блуждая глазами и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ пьяный; онъ даже не узнавалъ встрѣчающихся ему друзей.

По временамъ, когда въ умѣ его проносились мысли, что любимѣйшая мечта его жизни, наконецъ, такъ неожиданно и чудесно осуществилась; когда онъ говорилъ самому себѣ, что добродѣтельная маркиза д'Эскоманъ такъ ужасно опозорила себя единственно изъ любви къ нему, — сердце его наполнялось тогда чувствомъ гордости и самодовольствія. Но чувство это проявлялось въ немъ на мгновеніе, и къ чести его надо сказать, что все вниманіе и весь умъ его были поглощены заботой о судьбѣ Эммы.

Понимая, что маркизъ послѣ такой огласки уже невозможно возвратиться къ мужу, Лудовикъ сильно опасался, чтобы безвыходное положеніе Эммы не помутило ея разсудка или, чтобы она съ отчаянія не посягнула на жизнь свою.

Встревоженный такими опасеніями Лудовикъ де-Фонтанье незамѣтно подошелъ къ дому маркизы д'Эскоманъ. Наступилъ уже вечеръ. Внутри мрачнаго, стараго зданія было темно, безмолвно и безжизненно. Сѣрыя, высокія стѣны имѣли какой-то зловѣщій видъ, какъ будто-бы въ немъ поселились и смерть и могильное запустѣніе.

При одномъ взглядѣ на замокъ, ледяной холодъ охватилъ Лудовика. Онъ вдругъ почувствовалъ такую невыносимую тоску, что рѣшился проникнуть за эти мрачныя стѣны, во что-бы то ни стало, и, подкунивъ перваго встрѣчнаго, узнать отъ него о всѣмъ, что происходило въ комнатахъ.

И вотъ Лудовикъ уже взялся рѣшительно за ручку звонка, какъ вдругъ въ эту самую минуту съ нимъ столкнулась какакто женщина, которая, прибѣжавъ опрометью и запыхавшись, старалась дрожащими руками вложить ключъ въ замокъ двери.

Лудовикъ и столкнувшаяся съ нимъ женщина взглянули другъ на друга, и оба вскрикнули отъ удивленія. Это была Сусанна

— Ради самага Бога, Сусанна! скажите, гдѣ маркиза и что съ нею? воскликнулъ Лудовикъ.

— Идите къ ней, идите скорѣй! въ попыткахъ кричала кормилица. — Спѣшите-же, или мы не застанемъ ее въ живыхъ!....

И увѣренная въ могущественное вліяніе Лудовика на Эмму, потерявшую свое доброе имя изъ любви къ нему, Сусанна позабыла даже за чѣмъ прибѣжала домой, какъ будто-бы со встрѣчею Лудовика, она нашла болѣе чѣмъ искала, и снова кинулась бѣжать назадъ такъ быстро; что несмотря на молодость и свѣжесть своихъ силъ, Лудовикъ едва поспѣвалъ за нею.

Долго бѣжали они, и наконецъ очутились за городомъ.

На всѣ распросы, которыми закидывалъ ее Лудовикъ, Сусанна ровно ничего не отвѣчала. Ей было не до того, потому что грудь ея и такъ уже колыхалась, поднимаясь и опускаясь съ шумомъ раздувающихся мѣховъ.

Наконецъ они достигли берега Луары, сдѣлавъ не болѣе ста шаговъ вдоль сплошной стѣны тополей; Сусанна до того утомилась скорой ходьбой, что споткнулась и упала на колѣни. Сколько не старалась она приподняться, но силы оставили ее совершенно. Приливъ крови къ груди, до такой степени расширилъ артеріи, что совершенно стѣснилъ дыханіе Сусанны. Она хотѣла было говорить, но голосъ ея оборвался, такъ-что нѣсколько сказанныхъ ею словъ, походили на стонъ умирающей.

— Дальше, дальше... едва проговорила она: — и вы ее отъщипите. Ради Бога проводите ее, ради всего, что вамъ дорого, — не дайте ей умереть.

Но Лудовикъ уже не слышалъ ея словъ, а опрометью бросился далѣе, не заботясь о Сусаннѣ, которая, впрочемъ, и не требовала ни чьихъ заботъ.

И быстро уничтожая растояніе, онъ озирался во всѣ стороны, стараясь прорѣзать глазами мракъ ночи. Вдругъ въ темнотѣ онъ чуть было не задѣлъ за какую-то массу, которую замѣтилъ, когда уже прошелъ мимо. Лудовикъ тотчасъ вернулся къ ней и увидѣлъ маркизу д'Эскманъ.

Она сидѣла на землѣ, прислонившись къ стволу тополя, и склонивъ голову на колѣни, которыя охватила руками. Въ двухъ шагахъ отъ маркизы Лудовику ясно послышался стукъ ея зубовъ.

— Маркиза, маркиза! вскричалъ молодой человѣкъ: — ради Бога!... что съ вами?...

При звукѣ его голоса Эмма вздрогнула, какъ-бы отъ прикосновенія стали.

— Кто здѣсь? спросила она, испуганная нечаяннымъ появленіемъ Лудовика.

— Я... Лудовикъ де-Фонтань... тотъ, который васъ такъ горячо любитъ, который не переставалъ васъ никогда любить и

который был-бы счастливъ, если-бы вы простили ему ошибки его и не отказали въ вашей любви.

— И я не узнала его... вскричала Эмма: — и я еще сомнѣвалась, что это онъ!... Нѣтъ! сердце мое не обманулось, когда шептало мнѣ, что вы великодушны и не оставите меня въ несчастіи.

И маркиза совершенно безсознательно прижалась къ Лудовику съ тѣмъ энергическимъ отчаяніемъ, съ которымъ осужденный на смерть падаетъ на грудь своего единственнаго друга. И могло-ли быть иначе, когда эта грудь, къ которой она прижалась, теперь была единственной ея защитой.

Въ этомъ объятіи ихъ соединилъ первый пламенный поцѣлуй.

— Нѣтъ!... нѣтъ!... Ты не покинешь меня — не правда-ли, другъ мой? говорила она выразительнымъ голосомъ. О! какъ я страдала въ эти послѣдніе два часа!... Я думала, что умру здѣсь, подъ этимъ деревомъ... Но смерть, которую я звала, не пришла и къ счастію... И могла-ли я умереть, не увидѣвъ тебя, Лудовикъ!... Нѣтъ, это было-бы слишкомъ жестоко!... Лудовикъ, ты любишь меня?... не правда-ли?... Я вѣрю въ твою любовь, я купила ее долгими страданіями и безчестіемъ моего чистаго имени.

— Эмма! милая Эмма! Вся жизнь моя принадлежитъ тебѣ: все, что есть для меня самого дорогаго въ этомъ мірѣ, я отдаю тебѣ, чтобы искупить мою вину и спасти тебя на краю гибели.

— Да, я погибла... прошептала маркиза, которой послѣдніе слова Лудовика напомнили всѣ пропущенныя дни. — Боже мой, я, кажется, покраснѣла-бы теперь отъ взгляда каждаго ребенка.

— Ты погибла изъ-за меня, продолжалъ Лудовикъ: — и я клянусь тебѣ, что съумѣю оцѣнить эту жертву и моей безпредѣльной любовью, моимъ постоянствомъ, возвращу тебѣ и счастье и потерянные дни спокойствія; я заставлю тебя позабыть эту грустную жертву, принесенную ради меня... да, ты не будешь раскаяваться!... клянусь тебѣ!... И да буду я проклять, если измѣню этой клятвѣ, произнесенной теперь въ самую торжественную минуту моей жизни!

— За чѣмъ мнѣ твои клятвы?... Кто любить, тотъ не въ силахъ обмануть, Лудовикъ!... И можешь-ли ты думать, что я раскаялась-бы, когда-нибудь и въ чемъ-нибудь?... Знаешь-ли, что всѣ мои мысли до такой степени заняты тобою, что когда я слышу твой голосъ, то ничего не помню, что случилось се-

годня, вчера, — забываю все прошедшее. Мнѣ кажется, что я только-что родилась. Повтори, повтори-же еще разъ слово люблю, — вѣдь я такъ давно мечтала его слышать отъ тебя и никакъ не могла вообразить себѣ, чтобъ это слово было такъ от-радно.

Послѣ первыхъ порывовъ восторженной любви, послѣ обоюд-наго упоенія, необходимо было однакожь сойти съ неба на землю и подумать о затруднительномъ положеніи, въ которое поставила маркизу грубость Маргариты.

Въ то самое время, когда молодые люди занялись этимъ во-просомъ, Сусанна подошла къ нимъ.

Когда она увидѣла ихъ рядомъ, когда она услышала нѣжный и звучный голосъ Маргариты, кормилица вздохнула свободнѣе: она поняла, что Эмма уже вышла изъ своего ужаснаго оцѣп-нѣнія. Радость произвела на Сусанну то же самое дѣйстви-е, ка-кое имѣла на нее, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, усталость: ноги ея подкосились и она, припавъ къ колѣнамъ Лудовика, принялась дѣловато ихъ съ тѣмъ восторгомъ, которымъ добрая кормилица до-сихъ-поръ была способна одушевляться только для одной Эммы. По-томъ Сусана Моле прижала Лудовика къ груди своей, какъ-бы это сдѣлала родная и самая нѣжная мать, только-что отыскавшая своего пропадаващаго сына.

— Вы сдѣлаете ее счастливой, мою ненаглядную Эмму!... неправдали? говорила восторженная Сусанна. — Но если-бъ это было не такъ.. да, я только что думала объ этомъ.... Вѣдь это также возможно!... Боже мой! эта мысль ужасаетъ меня!... И кто-же тогда будетъ виновницей несчастья Эммы, какъ не я одна, потому что.... Да, можетъ-быть, я очень опрометчиво и очень дурно поступила!... Но нѣтъ, нѣтъ! я просто какая-то сумасшедшая, съ моими вздорными опасеніями и страхомъ. Да развѣ я могла по-ступить иначе, когда я знала, что Эмма умретъ, непременно умретъ отъ сильной любви къ вамъ?.... Развѣ я могла равно-душно сносить страданія и, наконецъ, видѣть смерть ребенка, ко-торого я вскормила моею грудью?... Это было невозможно! Нѣтъ!... Она будетъ счастлива, она должна-быть непременно счастлива, — я въ этомъ увѣрена!... Вѣдь вы непохожи на другихъ мужчинъ и не успѣли еще испортиться; она будетъ счастлива съ вами.... Да она и теперь уже успѣла измѣниться,— на губахъ ея улыбка, тогда какъ она уже давно не улыбалась! Выйди изъ того ужаснаго дома, она привела меня сюда, броси-лась къ этому самому дереву и ни мольбы мои, ни слезы не

могли убѣдить ее возвратиться домой.... Но зачѣмъ я завела ее въ этотъ гадкій домъ!... Когда я увидѣла, что она похолодѣла и совсѣмъ лишилась чувствъ, я побѣжала отсюда въ городъ искать помощи, какъ вдругъ само небо послало мнѣ васъ — ея избавителя!...

Хотя Лудовикъ де-Фонтанье и не догадывался, что Сусанна Моле была главною пружиною вовсе неожиданнаго для него происшествія; однакожь, зная все вліяніе кормилицы на Эмму, онъ повторилъ и передъ Сусанной тѣ же клятвы и обѣщанія, которыя до ея прихода только-что высказалъ маркизъ. Между тѣмъ упала ночь и необходимо было рѣшиться на что-нибудь.

Слабыя души съ трудомъ рѣшаются на какой-нибудь энергическій поступокъ; но если онъ уже разъ поставлены обстоятельствами въ двусмысленное и отчаянное положеніе, то ко всѣмъ его послѣдствіямъ онъ легко примѣняются.

Точно также и у маркизы не доставало на столько твердости воли, чтобъ встрѣтиться лицомъ къ лицу и съ упреками мужа и съ презрѣніемъ свѣта; неизбежными послѣдствіями утренней сцены, огласившейся по городу.

Рѣшительности ея способствовало болѣе всего воспоминаніе объ утреннемъ происшествіи. Въ маркизѣ зародилась ревность и она завидовала тому горячему чувству любви, которое выказала передъ Лудовикомъ Маргарита Жели въ порывѣ безнадежнаго отчаянія. Каковы-бы ни были послѣдствія, но маркиза не хотѣла уже ограничиться одной только молчаливой, сосредоточенной въ самой себѣ, любовью къ молодому человѣку; она готова была разорвать послѣднюю связь съ той сферой общества, въ которой она доселѣ жила, пожертвовать именемъ, всѣмъ, что она такъ свято сберегала до послѣдней минуты своего увлеченія. И наперекоръ предразсудкамъ свѣта, грозившимъ Эммѣ неизбежнымъ позоромъ, исключительное, спокойное обладаніе любимымъ человѣкомъ, представлялось ей какой-то побѣдой. Это обладаніе маняло ее къ себѣ картиной того блаженства, которое уже столько разъ лишало общество его лучшихъ и благороднѣйшихъ членовъ. Маркиза д'Эскоманъ надѣялась самою неизмѣримостію принесенной ею жертвы, на всегда приковать къ себѣ того, кого она такъ безгранично любила.

Привытое маркизою намѣреніе было такъ заманчиво, сулило въ будущемъ столько счастья, что разсудокъ влюбленныхъ совсѣмъ потемнѣлъ, и Лудовикъ не могъ противостать желанію Эммы, чтобы не разлучаться болѣе съ нимъ. Одна только Су-

санна Моле не поддалась увлеченію и, вѣрная голосу разсудка, принялась умолять Эмму гордо и смѣло идти на встрѣчу летѣвшей на нее бурѣ или, по-крайней-мѣрѣ, хладнокровно обсудить свое положеніе. Всѣ ея увѣщанія были напрасны — ее не слушали.

Между влюбленными было рѣшено въпродолженіе той-же ночи, непремѣнно, уѣхать въ троемъ изъ города, и маркиза д'Эскоманъ ожидала еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ Лудовикъ, этого побѣга: ей опротивилъ Шатодѣнъ и она хотѣла покинуть его какъ можно скорѣй. И много нужно было употребить неотступныхъ просьбъ со стороны Лудовика и Сусанны, чтобы умѣрить нетерпѣніе маркизы и уговорить ее возвратиться въ городъ: Эмма непремѣнно хотѣла дожидаться въ этой-же самой аллен экипажа, который Лудовикъ де-Фонтанье долженъ былъ достать, чтобъ бѣжать вмѣстѣ съ ней.

Сильныя потрясенія, испытанныя ею въ теченіе дня, совершенно разбили и безъ того уже слабый ея организмъ. Однакожь маркиза нисколько не сбрала вниманія на свое изнуреніе и только думала о счастьи, наполнявшемъ ея душу, счастья первой любви. Она забыла о своемъ изнеможеніи, и просила Лудовика не судить о ея сердцѣ по слабости ея физическихъ силъ. Даже тогда, когда они, наконецъ, отправились и Лудовикъ при первыхъ же шагахъ ея почувствовалъ, что силы оставляютъ ее и она начинаетъ шататься, Эмма все еще отказывалась отъ предложенія его донести ее до города.

Когда они вошли въ предмѣстье Шатодѣна, Эммой овладѣлъ какой-то ужасъ, такъ что каждый запоздалый пѣшеходъ, встрѣчавшійся съ ними, заставлялъ ее невольнo вздрагивать.

Къ счастью, улицы Шатодѣна были почти пусты, потому-что уже было десять часовъ вечера.

Лудовикъ не могъ предложить другаго убѣжища Эммѣ, кромѣ собственной своей квартиры и потому онъ рѣшился проводить ее туда.

Однакожь, какъ ни казались безлюдны улицы города, во всякомъ случаѣ было-бы слишкомъ не благоразумно вести маркизу прямо въ такое неугомонное мѣсто какъ префектура, не развѣдавъ предварительно кто тамъ можетъ имъ встрѣтиться.

Лудовикъ хорошо понималъ это, и потому, когда они проходили мимо церкви св. Петра, которую окружало тогда старое кладбище, уже оставленное, но еще не снесенное; молодому челоуку пришла мысль, что это мѣсто, не смотря на всю

его мрачность было-бы самымъ безопаснымъ убѣжищемъ для маркизы на то время, пока онъ сходитъ домой, чтобы обо всемъ подробнѣе развѣдать.

Онъ перелѣзъ черезъ развалившуюся ограду въ это печальное мѣсто, провель своихъ двухъ спутницъ въ самый уголъ кладбища и оставилъ ихъ подъ высокимъ кипарисомъ. Лудовикъ поручалъ Эмму Сусаннѣ и просилъ ее беречь маркизу, а главное не оставлять ее ни на минуту.

Осторожность де-Фонтанье оказалась какъ нельзя болѣе благоразумной. Передъ домомъ префектуры прохаживались взадъ и впередъ какихъ-то два человѣка и, казалось, поджидали кого-то.

Одинъ изъ этихъ господъ имѣлъ повидимому осанку маркиза д'Эскомана.

Само-собою разумѣется, что не смотря на все свое равнодушіе къ женѣ своей, онъ во всякомъ случаѣ не могъ остаться спокоенъ, узнавъ объ ея внезапномъ исчезновеніи.

И такъ не было сомнѣнія, что городская молва не преминула указать маркизу на Лудовика, какъ на единственнаго человѣка, который въ состояніи былъ сказать ему, что сдѣлалось съ его женою.

Необходимо было бѣжать и притомъ не теряя ни одной минуты. Лудовикъ тотчасъ же отправился прямо къ одному изъ шатодѣнскихъ извозчиковъ, который отпускалъ въ наймы экипажи и лошадей. Разбудивъ его, Лудовикъ сказалъ, что ему необходимо сейчасъ же ѣхать въ Шартре вмѣстѣ съ матерью и кузиной, по весьма важнымъ дѣламъ.

Извозчикъ посмотрѣлъ на молодого человѣка съ недовѣрчивой улыбкой, ясно выражавшей, что онъ хорошо знаетъ секретаря префектуры, у котораго въ Шатодѣнѣ нѣтъ ни матери, ни кузины, и что потому его трудненько одурачить. Однакожь, нѣсколько эки, опущенныхъ Лудовикомъ въ руку извозчика, тотчасъ убѣдили его и онъ обѣщался черезъ десять минутъ заложить въ самый пегольской экипажъ лучшихъ лошадей своей конюшни.

Надежда на скорый отъѣздъ оживила Лудовика, — точно камень свалился съ плечъ его и онъ весело пошелъ къ церкви св. Петра. Но смертельный холодъ охватилъ его сердце, когда войдя въ ограду кладбища, онъ не нашелъ Эмму на томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставилъ.

Нѣсколько разъ Лудовикъ тихо произнесъ имя маркизы д'Экоманъ, но отвѣта не было.

Онъ подумалъ, что испугавшись кого-нибудь, она спрята-

лась въ тѣни деревь, осѣнявшихъ безмолвныя могилы, и принялся раздвигать древесныя вѣтви, ощупывая всюду руками. Но Лудовикъ осязалъ только одинъ мохъ, которымъ поросли надгробныя камни и еще не упавшія могильныя кресты.

Голова Лудовика закружилась и ужась проникъ до костей его. Воображенію его представилось, что Эмма погибла и тайну ея гибели можно допросить только у замогильныхъ тѣней, единственныхъ свидѣтелей потрясающей сцены.

И до того забылся Лудовикъ, что совершенно пренебрегъ необходимой въ настоящихъ обстоятельствахъ осторожностью; онъ принялся бѣгать по всѣму кладбищу и громко звать къ себѣ маркизу.

Вдругъ ему послышался стонъ, раздавшійся по среди кладбища и онъ бросился туда съ сердцемъ, полнымъ отчаянія.

Большая часть могилъ давно уже обрушилась и онѣ были, какъ-будто, погребены подъ высокой и густой травой. Надъ одной только могилой гранитный крестъ, поставленный, можетъ быть, уже нѣсколько столѣтій посреди этого царства смерти и забвенія, остался неповрежденнымъ и осѣнял прахъ покоившихся подъ его тяжестью.

На пьедесталѣ этого креста, поросшемъ густымъ мохомъ и обвитымъ зеленымъ плющомъ, Эмма и Сусанна стояли на коленяхъ и молились. Глухія рыданія Эммы указали Лудовику ея убѣжище.

— Идемъ, идемъ! сказалъ онъ, приблизившись къ молящимся. Карета готова, терять времени нельзя и до разсвѣта мы должны быть далеко отъ города.

Маркиза д'Эскоманъ не отвѣчала, и только глухія рыданія ея тихо раздавались среди печальной тишины кладбища. Вѣроятно, она долго-бы осталась въ неподвижномъ состояніи, если-бъ не подоспѣла на помощь Сусанна.

— Эмма, дитя мое! сказала она: подумайте о своемъ положеніи. Намъ нѣтъ другаго способа, кромѣ бѣгства, и пока ночь скрываетъ насъ отъ людей, мы должны поспѣшить скрыться отсюда. Положитесь на Лудовика, онъ спасетъ васъ и вашу старую Сусанну.

Но Эмма не слышала ни голоса, ни просьбъ кормилицы. Въ душѣ ея быстро встрепенулось другое чувство, далекое отъ любви и ея чувственныхъ наслажденій. Подъ вліяніемъ окружающей ее картины, ночнаго сумрака, одѣвавшаго кладбищѣ, при видѣ могилъ и крестовъ, осѣненныхъ печальными ивами и кипариса-

ми, она невольно вспомнила свою мать, юность и прошлые дни, чистые отъ нареканій. Она одумалась, когда охладѣло разгоряченное воображеніе, и испугалась своего собственнаго намѣренія. Ей показался поступокъ ея безуміемъ, бредомъ болѣзненнаго мозга, величайшимъ преступленіемъ развратной души, но не высокимъ чувствомъ любви къ Лудовику.

— Нѣтъ, сказала она ему; я люблю тебя безпредѣльно, но я не въ силахъ забыть себя до послѣдней крайности и ввѣрить свою судьбу ужасной случайности.

Эти слова маркизы, произнесенныя съ полнымъ сознаниемъ женскаго достоинства, опрокинули всѣ планы Лудовика. При видѣ исчезнувшихъ надеждъ, которыя были такъ близки къ осуществленію, имъ овладѣло такое бѣшенство, что онъ готовъ былъ-бы сокрушить тотъ крестъ, — символъ вѣры и покоя, у котораго стояла Эмма. Но при ужасной этой мысли Лудовикъ остановился, упалъ на колѣни подлѣ Эммы и разразился тысячами проклятій противъ предопредѣленія судьбы.

Маркиза д'Эскоманъ нѣжно взяла его за руки и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Крѣпитесь, Лудовикъ! сказала она: — мы одинаково страдаемъ и я, быть-можетъ, еще болѣе васъ, — приношу первая эту жертву. Утѣштесь и не плачте, мой другъ! Я уже доказала вамъ, что ничего въ мірѣ не удержитъ меня быть вашей; я пренебрегла своей доброй славой, своимъ именемъ и все это изъ любви къ вамъ.... да, я ни чѣмъ не дорожила, но дорожу вашимъ уваженіемъ и не хочу навлечь на себя ваше презрѣніе.... Никогда! никогда!....

— Мое презрѣніе!.... Мнѣ презирать тебя, Эмма?

— Да, презрѣніе! Когда я пришла въ себя и спокойно обдумала свое настоящее положеніе, я поняла, что презрѣніе мужчины рано или поздно должно непременно обратиться на женщину, которая пренебрегла для него своими обязанностями. Здѣсь, предъ этой могилой и пошатнувшимся крестомъ, я постигаю все непостоянство человѣческихъ чувствъ!.... Проступокъ совершится и что останется мнѣ тогда, если, наконецъ, вы меня разлюбите!... Я не сохраню даже вашего уваженія!... Нѣтъ! настоящія страданія ничто предъ тѣмъ униженіемъ и предъ тѣми мученіями, которыя ожидаютъ меня въ будущемъ,.... Нѣтъ! не хочу.

— Презирать васъ и презирать за то, что вы пожертвовали мнѣ тѣмъ, что дороже даже самой жизни вашей. Но вѣдь это было

бы безуміемъ и ваши слова безразсудны, Эмма. Да развѣ презирають мать?.. Развѣ презирають друга... Какою же ничтожною и пустою считаете вы душу того, кого вы любите, какъ сами увѣрили сейчасъ!.. Нѣтъ, если-бы я захотѣлъ говорить вамъ о моей нѣжности, о моемъ самоотверженіи, о моей любви и преданности, о тѣхъ заботахъ, которыми я хотѣлъ окружить васъ, то и всей моей жизни не достало-бы, чтобы все это высказать... Презирать васъ? Да развѣ это возможно?.. Скорѣе мертвые встанутъ изъ гробовъ, чѣмъ въ душѣ моей зародится такое низкое чувство!.. Не я-ли долженъ вымалывать у васъ состраданія къ себѣ! Какъ мнѣ найдти слова, выраженія, которыя проникли-бы въ глубину вашей души и тронули-бы, наконецъ, ваше непреклонное сердце! О, какъ-бы я желалъ раскрыть передъ вами свою грудь, чтобы вы могли видѣть ту страшную тоску, которая грызетъ мое сердце, могли-бы сочувствовать тому, что происходитъ въ этой бѣдной груди. Повѣрьте, Эмма, что ваше подозрѣніе хуже ада, хуже смерти для меня.

Говоря это, Лудовикъ обнялъ Эмму и крѣпко прижалъ ее къ своей груди, съ невыразимымъ восторгомъ осыпая поцѣлуями ея хорошенькое личико. Слезы ихъ смѣшались.

— Скажитесь, скажитесь надо-мною, Лудовикъ, и не говорите такъ! И мое сердце, и мои мысли, давно уже вполне принадлежать вамъ; за чѣмъ-же вы отнимаете у меня только-что возвратившуюся ко мнѣ бодрость и разсудокъ!.. Если вы умоляете меня съ такимъ отчаяніемъ, если вы заговорили о подозрѣніи, развѣ я могу отказать вамъ въ чемъ-нибудь!... Я въ вашей волѣ, и молю только, чтобы вы сказались надо мною... Не-ужели у васъ не достанетъ великодушія или участія къ моему справедливому опасенію. Ждите, мой несравненный Лудовикъ, будьте терпѣливы и не подвергайте меня безчестію, позору, которыхъ я такъ боюсь. Я уйду одна, я скроюсь въ монастырь, затавивъ въ своемъ сердцѣ вашъ несравненный образъ до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ, не краснѣя, намъ можно будетъ броситься въ объятія другъ-другу... Во имя моей безумной любви къ вамъ не отказывайте моей просьбѣ; на колѣнахъ, на колѣнахъ передъ тобой, я умоляю тебя, Лудовикъ.

— Чѣртъ возьми! маркиза д'Эскоманъ совершенно права, сказалъ мужской голосъ, раздавшійся въ двухъ шагахъ отъ молодыхъ людей: и я не могу понять, какъ де-Фонтанье можетъ быть слабѣе женщины.

Герой нашъ бросился въ ту сторону, гдѣ послышался этотъ голосъ, и очутился лицомъ къ лицу съ швалье де-Монгла.

— Что вамъ здѣсь нужно, де-Монгла? воскликнулъ изумленный молодой человекъ.

— Прежде чѣмъ я стану вамъ отвѣчать, позвольте мнѣ исполнить обязанности свѣтскаго человека, отвѣчалъ швалье де-Монгла, вѣжливо раскланиваясь съ маркизой д'Эскоманъ и почтительно освѣдомляясь объ ея здоровьѣ, какъ будто-бы дѣло происходило не на кладбищѣ, а въ великосвѣтскомъ салонѣ маркизы.—Теперь, продолжалъ онъ обращаясь къ Лудовику:— мнѣ приходится разыгрывать очень затруднительную роль, мой другъ; роль наставника передъ человекомъ, которой упорно отстаиваетъ свое безуміе.

Швалье! запальчиво вскричалъ, Лудовикъ, щекотливость котораго еще болѣе раздражалась присутствіемъ маркизы д'Эскоманъ.

— Принимайте мои слова, какъ вамъ угодно. Я слишкомъ хорошо знаю свѣтъ и людей, и нисколько не удивлюсь, если-бы вамъ вздумалось въ знакъ благодарности перерѣзать горло доброму товарищу, который выбился изъ силъ, отыскивая васъ втеченіи трехъ часовъ по всему городу, и единственно для того, чтобы оказать вамъ услугу.

— Но кто-же вамъ сказалъ, что вы найдете меня именно здѣсь, на кладбищѣ?

— Кто? Разумѣется городское эхо, чортъ возьми! Неужели вы думаете, что оно замерло, и шатодёнскіе вѣстовщики уже не постарались надѣлать въ городѣ шуму, а для васъ горя и тревоги?... Слава Богу!...

Маркиза д'Эскоманъ вздрогнула отъ ужаса, услыхавъ, что едва знакомый ей человекъ могъ такъ опредѣлительно измѣрить всѣ изгибы ея сердца. Лудовикъ де-Фонтанъ, замѣтивъ выраженіе ужаса на лицѣ Эммы, тотчасъ же понялъ ея мысль.

— Успокойтесь, маркиза! сказалъ онъ обращаясь къ Эммѣ:— швалье де-Монгла мой искренній другъ, и мы вполне можемъ положиться на его благородное сердце и скромность.

Эмма привѣтливо протянула руку старому швалье и онъ поцѣловалъ ее съ свойственной ему утонченной вѣжливостью, которая составляла его вторую натуру.

— Говорятъ, возразилъ швалье де-Монгла:— что время, употребленное на вѣжливости дамѣ — время непотерянное; однакожъ, мы сдѣлаемъ лучше, если оставимъ любезности до другаго раза, а теперь поговоримъ о дѣлѣ. Маркиза, вамъ не слѣдуетъ терять

ни минуты и непременно уѣхать отсюда. Я говорю вамъ это отъ души, какъ искренній и опытный другъ.

Лудовикъ вздохнулъ свободнѣе, потому-что ему показалось будто-бы старый повѣса, вспомнивъ свою прежнюю разгульную молодость, говорить въ пользу своего молодаго друга о похищеніи маркизы д'Эскоманъ.

— Полчаса какъ карета уже готова, сказалъ обрадованный Лудовикъ:— Извозчикъ поручился мнѣ за своихъ лошадей.

Швалье де-Монгла презрительно пожалъ плечами.

— Едва только вы ушли отъ извозчика, какъ онъ отыскалъ маркиза д'Эскоманъ и продалъ ему тайну вашу объ отъѣздѣ маркизы изъ города; такъ-что если карета и готова, то развѣ только для того, чтобъ отвезти васъ вовсе не туда, куда вы думаете. Любезный другъ! прибавилъ швалье де-Монгла, котораго ни что не могло заставить отказаться отъ изложенія теорій стараго гуляки:— чтобы вполнѣ положиться на скромность человѣка, его или заливаютъ золотомъ, или убѣждаютъ кулаками. Конечно, я всегда предпочиталъ послѣднее средство по причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться. А вы, мой другъ, не употребили ни того, ни другаго, а потому извозчикъ васъ продалъ, и теперь маркизъ д'Эскоманъ, съ толпою своихъ негодяевъ-друзей, спрятанъ въ засадѣ. Согласитесь, что вамъ было-бы смѣшно и опасно бороться съ ними.

Эмма въ ужасѣ вскрикнула и бросилась на грудь Сусанны.

— Боже мой! что-же теперь намъ дѣлать? сказалъ Лудовикъ съ отчаяніемъ. Посовѣтуйте де-Монгла!

— Я пришелъ сюда именно съ этою цѣлью.

— Такъ говорите же, говорите! мы васъ слушаемъ.

— Теперь половина двѣнадцатаго, а малъ-постъ отходитъ въ двѣнадцать; мы дождемся его на дорогѣ и такимъ образомъ заставимъ маркиза д'Эскоманъ напрасно прождать насъ въ засадѣ съ его друзьями, которые ужъ навѣрно не предложатъ ему для препровожденія времени партію виста, прибавилъ швалье де-Монгла.

— Но кто намъ поручится, отвѣчалъ де-Фонтанье, что въ малъ-постѣ найдется три мѣста?

— Три мѣста? Вотъ тебѣ па! Вы все разсчитываете ѣхать вмѣстѣ съ маркизою?

— Какъ же я могу отпустить маркизу одну, когда мужъ преслѣдуетъ ее? Никогда!... мы поѣдемъ вмѣстѣ

— Нѣтъ, вы не поѣдете! хоть-бы вамъ нужно было сейчасъ умереть и лечь въ эту могилу.

— Прекрасно! очень кстати!... Я жажду этого!... По-моему лучше умереть, чѣмъ разстаться съ маркизою, воскликнулъ молодой человѣкъ.

Испуганная Эмма вмѣстѣ съ Сусанной Моле принялась успокаивать взволнованнаго Лудовика; но швалье де-Могла хладнокровно взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону.

— Чортъ возьми! сказала старикъ:—Недостаточно быть влюбленнымъ, де-Фонтанье, надо также быть и честнымъ человѣкомъ. Было время, когда и я на все рѣшался, но чортъ возьми!... никогда вашъ покорнѣйшій слуга не безчестилъ себя и не нарушалъ общественной нравственности. На своемъ вѣку я обезславилъ много женщинъ, потому-что подобныя похождения ихъ безславятъ, но не разорялъ ихъ и никогда не доходилъ до такой подлости, чтобъ увлечь ихъ изъ богатства въ нищету, — никогда!... А вы именно этого и хотите.

— Раззорить! раззорить мою Эмму!

— Конечно раззорить. Неужели вы не понимаете, что сегодняшнія ея похождения, все еще не загадочныя для меня, извѣстны всему городу. Впродолженіи пяти часовъ мнѣ прожужжали уши этимъ событіемъ. Неужели вы не понимаете, что оно можетъ способствовать маркизу осуществить свои задушевные мечты... Онъ только и думаетъ о томъ, какъ-бы безъ труда овладѣть ея состояніемъ, а вы какъ нарочно стараетесь помочь ему въ его подломъ замыслѣ.

— Но прежде я убью его!

— Это слѣдовало-бы сдѣлать еще тогда, когда вы держали его подъ клинкомъ вашей шпаги.... ребенокъ — вы; а теперь уже поздно! Неужели вы думаете, что мы люди стараго поколѣнія, когда-нибудь колебались нанести ударъ тому, кто намъ мѣшалъ? Чортъ возьми!... Жизнь-за-жизнь, желѣзо-за-желѣзо! Но теперь ужъ поздно, какъ я имѣлъ честь сказать вамъ, мой другъ; маркизь выбралъ другое поле битвы и тутъ-то необходимо побѣдить его; а вамъ легко это сдѣлать.

— Но какъ же?

— Пусть маркиза поступитъ по собственному влеченію, пусть уѣзжаетъ въ Парижъ; тамъ найдется десять, двадцать, сто адвокатовъ, которые возьмутся за это дѣло и оправдаютъ ее, а его очернятъ. Противъ него легко найти двадцать самыхъ законныхъ обвиненій и доказательствъ, тогда какъ противъ маркизы не найдется никакихъ уликъ, если только вы не отправитесь за нею, мой другъ. Злая клевета, распространенная по

городу, что вы въ короткихъ отношеніяхъ къ маркизѣ, будетъ тогда опровергнута ея прошедшей жизнью—это важное доказательство, которое маркиза можетъ употребить съ пользою; тогда какъ д'Эскманъ не можетъ съ своей стороны представить такихъ доказательствъ: не ссылаться же ему на незаконную связь свою съ Маргаритой. При такой обстановкѣ можно утвердительно сказать напередъ, что дѣло ваше выиграно—это вѣрно, какъ дважды два четыре.

— Но что-жъ будетъ со мной во время разлуки съ нею? А если она меня забудетъ?

— Полноте! Забыть васъ она не можетъ — этому помѣшаютъ ея опасенія на счетъ васъ. Развѣ она не будетъ беспокоиться, также какъ и вы? И это-то обоюдное беспокойство и сомнѣніе сохранить ее для васъ, такъ-что по окончаніи процесса вы соединитесь съ ней безъ всякихъ препятствій. Разлука ваша и сомнѣніе ея, правда, не много замедлятъ вашу побѣду, но зато маркиза не подвергнется стыду и безславію. Какъ забавны мнѣ всѣ эти опасенія, сомнѣнія, беспокойства, — сказалъ швалье де-Монгла, вздыхая съ видомъ сожалѣнія. Послушайтесь, мой другъ, моего совѣта... Чортъ возьми! вы должны поступить благородно, какъ поступилъ-бы старый дворянинъ нашего времени...

Потомъ, обратившись къ маркизѣ д'Эскманъ, швалье де-Монгла продолжалъ:

— Итакъ, маркиза, общій другъ нашъ сдѣлался гораздо разсудительнѣе и вамъ остается только отправиться въ путь.

Молодой человѣкъ ничего не возразилъ и молча понурилъ голову. Онъ не столько былъ огорченъ, сколько упалъ духомъ. Эмма также казалась не менѣе его убитой и даже не старалась скрыть своей скорби передъ постороннимъ свидѣтелемъ.

Наконецъ они отправились. Маркиза, поддерживаемая съ одной стороны старымъ швалье, съ другой опиралась на Лудовика де-Фонтанье. Влюбленные не могли предаться взаимнымъ изліяніямъ нѣжныхъ чувствъ, стѣняясь присутствіемъ старика. Швалье де-Монгла, съ свойственнымъ его лѣтамъ практическимъ здравымъ смысломъ, объяснялъ дорогою маркизѣ д'Эскманъ все, что ей необходимо предпринять, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое она поставила себя собственной неосторожностью. Занятая такимъ серьезнымъ разговоромъ, Эмма могла только однимъ пожатіемъ руки, опирающейся на руку молодого человѣка, повторять ему прощальное: «люблю тебя».

Она изрѣдка отвѣчала де-Монгла и только для того, чтобы поручить его заботамъ Лудовика. Она просила объ этомъ стараго швалье съ такой горячностью, которая впомнѣ выказывала, какъ чувствительна и тяжела для нее разлука съ милымъ другомъ.

Когда они отдалились отъ города на четверть мили и остановились на пригоркѣ, Сусанна подошла къ молодому человѣку проститься. Она сдѣлала это изъ опасенія, что въ минуту грустнаго разставанья съ маркизой, Лудовикъ позабудетъ объ ней и старалась заранѣе воспользоваться своею долею изъ этого печальнаго прощанія. Сусанна просила Лудовика не забыть той, которая изъ любви къ нему пожертвовала своимъ блестящимъ положеніемъ въ обществѣ и подверглась нареканіямъ. Добрая кормилица, вспоминая, сколько горя она причинила Эммѣ своимъ вмѣшательствомъ, почувствовала смутныя опасенія, всегда предшествующія угрызениямъ совѣсти. Ей необходимо было услышать отъ Лудовика слово утѣшенія, которое успокоило-бы ее на-счетъ будущаго Эммы; но видя слезы и отчаяніе Лудовика, ясно говорившій о сильной любви его къ Эммѣ, Сусанна не хотѣла вѣрить своимъ опасеніямъ.

Наконецъ вдали послышался, подобно отдаленнымъ громовымъ раскатамъ, стукъ колесъ кареты, катившейся по мостовой. Этотъ шумъ произвелъ на молодого человѣка такое же впечатлѣніе, какое производитъ на преступника, приговореннаго къ смертной казни стукъ отдвигаемыхъ засововъ и отпираемаго замка темницы.

Лудовикъ де-Фонтанье отъ души желалъ-бы этой каретѣ провалиться сквозь землю.

И вотъ вдали сталъ замѣтенъ отблескъ фонаря кареты, мелькавшій подобно блуждающимъ огонькамъ на черной завѣсѣ, закрывавшей весь горизонтъ.

Швалье де-Монгла, какъ человѣкъ предусмотрительный, еще заранѣе распорядился, чтобы маль-постъ остановился у того пригорка, на которомъ они дождались; подѣзжая къ тому мѣсту, лошади умѣрили свои бѣгъ.

Старый швалье окликнулъ почтальона, и тотъ отвѣчалъ ему, что въ каретѣ два свободныхъ мѣста.

У Лудовика исчезла и послѣдняя надежда.

Наконецъ настала минута разлуки. Влюбленные молодые люди въ послѣдній разъ бросились другъ-къ-другу въ объятія и долго пробыли въ этомъ положеніи.

Волненіе Эммы было такъ сильно, что Лудовикъ и швалье посадили ее въ карету почти въ безчувственномъ состояніи. Тамъ приняла ее на свои руки уже усѣвшаяся Сусанна.

Молодой человѣкъ сѣлъ на одну изъ кучекъ щепня, неслушавшая товарища своего, желавшаго увести его вмѣстѣ съ собою.

Онъ молча смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся каретѣ и прислушивался къ грохоту ея колесъ даже тогда, когда она исчезла изъ виду. Онъ сидѣлъ и прислушивался до-тѣхъ-поръ, пока могъ слышать этотъ грохотъ, пока вѣтеръ не разнесъ и послѣдній гулъ экипажа, пока наконецъ не замеръ въ отдаленіи почтовый колокольчикъ.

Бѣдному Лудовику казалось, что малъ-пость унесъ съ собой всѣ его радости, надежды и самую жизнь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

въ которой Лудовикъ де-Фонтанье забываетъ, что
будущность улыбается только терпеливымъ.

Швалье де-Монгла употреблялъ всевозможныя старанія, чтобъ какъ-нибудь пробудить энергію въ Лудовикѣ де-Фонтанье: сначала упреками, потомъ шутками и, наконецъ, картиной самой счастливой и увлекательной будущности.

Молодой человѣкъ, не смотря на всѣ старанія своего друга, былъ мраченъ и убитъ горемъ. Казалось, онъ вовсе не слушалъ болтовни стараго швалье и, только при входѣ въ городъ, у Лудовика вырвалось нѣсколько словъ отрицанія на предложеніе де-Монгла отправиться къ дому извозчика.

Старикъ утверждалъ, что Лудовикъ де-Фонтанье обязанъ былъ смѣнить д'Эскомана, стоявшаго на-сторожѣ уже болѣе трехъ часовъ. Отказъ Лудовика огорчилъ швалье, потому что онъ надѣялся позабавиться на-славу надъ маркизомъ.

Въ такомъ грустномъ настроеніи духа для Лудовика де-Фонтанье швалье былъ очень плохимъ собесѣдникомъ. Онъ вовсе не понималъ глубокой скорби, потому-что никогда не испытывалъ ее. Привязанности его никогда не имѣли ни чего похожаго на любовь Лудовика; предметомъ ихъ были всегда тѣ пухленькія, свѣженькія и румяныя личики, образчики которыхъ выставялись нѣкогда живописцами XVIII-го вѣка надъ дверями и каминами. Старый швалье любилъ въ женщинахъ не самую женщину, а разгульный и веселый характеръ ихъ; и онъ порхали кругомъ его, какъ бабочки, которыя высасываютъ золото изъ кармановъ молодыхъ людей, словно пчелы свой медъ изъ цвѣтовъ.

Понятно, что швалье де-Монгла не могъ сочувствовать грусти своего молодого друга.

— Не понимаю, къ чему тутъ грустить и плакать! сказала онъ:—на вашемъ мѣстѣ я вспрыгнулъ-бы отъ радости до самаго шпица церкви св. Петра. И говоря это, оно подтверждалъ слова свои прыжками по скользкой мостовой. — Какъ! Очаровательнѣйшая прелестнѣйшая изъ шатодѣнскихъ дамъ, образецъ истинной добродѣтели нашего общества, вдругъ таеетъ передъ вами... что я говорю таеетъ, просто безъ памяти внобляется въ васъ, а вы, неблагодарный! еще разыгрываете роль рыцаря печальнаго образа!... чортъ возьми! — чего бы я не сдѣлалъ на вашемъ мѣстѣ!... Ну, а чтобы вы тогда сказали, если-бъ маркиза велѣла своимъ лакеямъ выгнать васъ изъ дому, какъ-бы и слѣдовало ей поступить. Всему свое время, мой другъ; а потому вы поберегите свои вздохи и слезы для маркизы, когда они будутъ совершенно кстати. Пресловутая революція до такой степени изворотила всѣ вещи и понятія, что мужчины начинаютъ теперь нравиться женщинамъ своей притворной плаксивостью. Но къ чему-же такое кокетство въ отсутствіе маркизы? Будьте веселы, мой другъ; вамъ нѣтъ причины унывать... Жаль, что вы не хотите навѣстить храбраго д'Эскомана, вѣроятно нестерпимо скучающаго теперь въ своей засадѣ въ обществѣ голодныхъ лошадей. Было-бы очень забавно видѣть его въ такомъ положеніи и это непременно развлекло-бы вашу грусть. Но все-таки я не позволю вамъ предаваться вашему горю, потому-что я обѣщаль прелестной маркизѣ и хочу, чтобы при первомъ своемъ свиданіи вы могли засвидѣтельствовать ей, какъ дуракъ де-Монгла умѣетъ сдержатъ данное имъ слово. И такъ, если вы не согласны на мое предложеніе, то вотъ вамъ другое — идти и постучаться въ дверь очаровательнѣйшей госпожи Бертранъ. Конечно, мужъ ея не много покосится и поворчитъ на насъ; но если онъ слишкомъ заворчитъ, мы усадимъ его тотчасъ за котлы и кострюли. Что же касается до его дражайшей половинны, она будетъ рада видѣть меня,—въ этомъ я увѣренъ. Закончить тревожную ночь въ обществѣ добраго товарища и хорошенькой женщины за полдюжиной шампанскаго,—право, дѣло очень пріятное и я не отказался-бы отъ него даже въ самый день свѣтопредставленія.

Но замѣтивъ, что и это послѣднее предложеніе не произвело на Лудовика желаннаго дѣйствія, швалье де-Монгла продолжалъ.

— Вы, можетъ быть, пренебрегаете госпожей Бертранъ? Повѣрьте, другъ, моею стариковскою опытности и никогда не обращайтесь вниманія на лѣта женщины: молода-ли она или стара, а все-таки она даритъ васъ минутами самой теплой страсти.

Чтобы примирить васъ съ госпожею Бертранъ, мнѣ стоить только разсказать вамъ всѣ достоинства этой женщины, скрываемаыя ею отъ постороннихъ любопытныхъ взглядовъ, кромѣ моихъ.... Чего-же вы пожимаете плечами?.... Смотрите, другъ мой, не разѣвайте рта на чужой каравай, потому-что, сказать правду, красота ея такъ очаровала меня, что я въ состояніи поступить также глупо, какъ и маркизь д'Эскоманъ, а это было-бы мнѣ очень неприятно. Но послушайте, любезный другъ, прибавилъ швалье де-Монгла, съ видомъ глупо-простодушнымъ: — чтобы только чѣмъ-нибудь утѣшить васъ, я готовъ смотрѣть на васъ и очаровательную Бертранъ сквозь пальцы,—однимъ словомъ, поступлю, какъ слѣдуетъ поступать съ друзьями. Чортъ возми! чего мнѣ бояться?.... Что-бы тамъ у васъ ни случилось — это дивная женщина навсегда моя, она не такъ уже молода, чтобы увлекаться и забыть стараго друга.

Лудовикъ отказался и отъ этого предложенія; трудно было доказать швалье, что усталость и болѣзненное состояніе вовсе не позволяли молодому человѣку провести бессонную ночь. Еще труднѣе было убѣдить старика, что въ настоящую минуту удивленіе было единственнымъ и лучшимъ средствомъ, чтобы возстановить нѣсколько ослабѣвшія силы и успокоить раздраженный духъ.

Утомленный безплодностію своихъ убѣжденій, но самъ не убѣжденный, швалье кончилъ тѣмъ, что проводилъ своего друга до дверей его дома и тамъ расстался съ нимъ, повторивъ ему на прощанье свои философскія наставленія.

Рѣчистость старика была пыткой для молодаго человѣка и весь этотъ разговоръ и скептическое соболѣзнованіе нисколько не освѣжили сердца Лудовика: напротивъ еще болѣе ратравили его душевныя страданія. Каждое веселое слово швалье падало на душу нашего героя, какъ капля воды на раскаленное желѣзо и, разсѣваясь какъ паръ, нисколько не убавляло жара. Не смотря на всѣ услуги, оказанныя старымъ швалье Лудовику, послѣдній расстался съ нимъ съ какою-то лихорадочною радостію. За минуту до его ухода, Лудовикъ готовъ былъ отдать десять лѣтъ своей жизни, чтобы только на свободѣ помечтать объ Эммѣ, не стѣсняясь присутствіемъ посторонняго лица: это утѣшеніе казалось ему теперь самымъ высшимъ наслажденіемъ въ мірѣ.

Наконецъ онъ вошелъ къ себѣ въ квартиру.

До-сихъ-поръ онъ сдерживалъ слезы изъ уваженія къ самому себѣ, изъ опасенія дать новую безконечную пищу насмѣшкамъ и валье, которыя скорѣе утомляли его, чѣмъ раздражали. Оставшись одинъ, онъ зарыдалъ, какъ-будто только сей часъ разстался съ маркизой д'Эскоманъ.

Отдавшись уединенной тоскѣ, онъ впалъ въ состояніе близкое къ сумасшествію. Точно также, какъ и на кладбищѣ, онъ бросился на полъ, рвалъ на себѣ волосы и свое платье, громко призывая Эмму которая казалась Лудовику навсегда для него потерянной.

Онъ искалъ вокругъ себя предметъ, который-бы могъ напомнить ему объ Эммѣ, какую-нибудь вещь, сохранившую на себѣ слѣды своей обладательницы; но отчаяніе молодого человѣка было такъ сильно, что въ продолженіи пяти минутъ онъ даже не подумалъ о кошелькѣ маркизы, который постоянно носилъ на своей груди.

Наконецъ онъ вспомнилъ о немъ; снялъ его съ себя и принялся горячо цѣловать.

Но слишкомъ свѣжи были въ Лудовигѣ воспоминанія о страстныхъ объятіяхъ и поцѣлуяхъ Эммы, чтобъ разгоряченное воображеніе его могло замѣнить эти ласки и поцѣлуи, еще горѣвшіе на его губахъ.

Продолжая произносить имя Эммы, какъ-будто она находилась подлѣ него, Лудовикъ придавалъ своему голосу всѣ возможные оттѣнки нѣжности и страсти и съ наслажденіемъ прислушивался къ нему, находя въ этомъ занятіи какую-то особенную прелесть.

Потомъ онъ снова принимался плакать и плакалъ навзрыдъ, такъ-что сердце самаго равнодушнаго зрителя сжалось-бы при видѣ такого ужаснаго горя.

И въ припадкѣ своего отчаянія онъ растерялся до такой степени, что всѣ его мысли совершенно спутались и не могли сложиться въ какое-нибудь опредѣленное желаніе.

Наконецъ силы его истощились и тогда мысли его сосредоточились на одномъ желаніи видѣть Эмму.

Безсознательно онъ собралъ всѣ оставшіяся у него деньги, положилъ ихъ въ карманъ и потомъ, вынувъ изъ шкапа пару охотничьихъ сапоговъ, принялся натягивать ихъ на свои ноги.

Но въ одну секунду въ головѣ его промелькнула цѣлая драма, и онъ съ сердцемъ бросилъ прочь сапоги свои.—Ему представилось, что маркизу д'Эскоманъ, по требованію ея мужа, ве-

дутъ въ судъ; что онъ, де-Фонтанъ, обезславилъ и раззорилъ ее. Эта мысль ужаснула его.

И теперь началась упорная борьба между его горемъ и совѣстью.

Наконецъ наступила минута, когда Лудовикъ уже вовсе не чувствовалъ ни угрызеній совѣсти, ни остраго жала тоски; внутренняя борьба его стихла, какъ буря послѣ самаго сильного и послѣдняго взрыва.

Тогда молодой человекъ вздохнулъ свободнѣй. За тѣмъ наступило мгновеніе совершеннаго упадка нравственныхъ силъ, и Лудовикъ сдѣлался до-того равнодушенъ, что въ эту минуту онъ способенъ былъ совершить величайшее злодѣяніе безъ малѣйшаго упрека совѣсти.

Наконецъ онъ сталъ оправдывать свой собственный поступокъ, извиняя его въ своихъ глазахъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Это обыкновенное оправданіе людей, хрупкихъ характеромъ и слабоумныхъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, кто-же сказалъ, что маркизъ д'Эскманъ намѣренъ воспользоваться ошибками жены своей? — швалье де-Монгла. Но онъ былъ всегда противъ этой любви. По чему? Вѣроятно вслѣдствіе тайной ровности, отъ которой старикъ не могъ защитить себя. Характеръ маркиза д'Эскманъ оставилъ его выше подобнаго предположенія. Онъ былъ слишкомъ вѣтренъ и легкомысленъ, чтобъ преслѣдовать одну идею и рѣшиться на такой безчестный поступокъ.

Поведеніе самаго маркиза вовсе не было такъ безукоризненно, чтобъ онъ могъ смѣло вести жену свою къ гласному суду. Да наконецъ и самое зло уже сдѣлано и притомъ безъ всякаго повода. Разлука его съ маркизой не могла принести положительной пользы. Если онъ и отправился сегодня, развѣ онъ могъ поручиться, что удержится отъ поѣздки завтра. Скандальное происшествіе надѣлало столько шума, что нельзя было и подумать о томъ, чтобы подпрефектъ согласился оставить Лудовика у себя секретаремъ. И къ чему послужило-бы тогда это отчаяніе, которое, непременно отозвалось-бы пагубно на здоровьѣ маркизы, если-бы она предалась ему также какъ и Лудовикъ.

Всѣ эти размышленія привели Лудовика въ такое восторженное, конечно горячее состояніе, что разсудокъ его, казался, помутился.

И не во снѣ, но на яву онъ видѣлъ Эмму, простирающую къ нему руки; онъ слышалъ ея голосъ, говорившей ему:

— Приходи, безцѣнный другъ мой, я ожидаю тебя! Ты, также какъ и я, бѣдная жертва людской несправедливости; пріѣзжай ко мнѣ немедленно.

Ему казалось, что она прикасается къ его лицу; онъ чувствовалъ на себѣ ея палящее дыханіе.

Въ бреду онъ поспѣшно одѣлся и еще поспѣшнѣе вышелъ изъ дому и какъ сумасшедшій побѣжалъ улицами города по направленію къ дорогѣ, ведущей въ Парижъ, какъ-будто надѣясь догнать почтовую карету, въ которой уѣхала маркиза д'Эскоманъ.

Заря уже занималась на обширномъ горизонтѣ, когда Лудовикъ де-Фонтанье дошелъ до пригорка, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ простился съ Эммой.

Съ грустью онъ обернулся къ Шатодёну. Передъ глазами его разстился городъ, одѣтый туманомъ и объятый сномъ. Высокія башни древняго замка Монморанси господствовали надъ окрестностью, окрашенные слабымъ отблескомъ только-что занимающейся зари.

. Передъ этой величественной картиной утренняго восхода, передъ этой массой домовъ спящаго города, который мало-помалу выходилъ изъ мрака ночи и пробуждался отъ крѣпкаго сна для того, чтобы снова принятыя клеймить позоромъ Эмму,—Лудовикъ долго стоялъ въ молчаніи, повидимому что-то обдумывая.

Вдругъ подлѣ дорогѣ на травѣ ему показалось что-то бѣлое. Это былъ батистовый платокъ, оброненный второпяхъ Эммой. Платокъ былъ влаженъ,—но болѣе отъ ея слезъ, чѣмъ отъ утренней росы.

Лудовикъ принялъ эту находку за счастливый признакъ, обѣщавшій успѣхъ его намѣренію.

Это доказательство грусти и слезъ маркизы д'Эскоманъ снова повергло его въ прежнее безпокойство и сомнѣніе. Онъ отвернулся отъ города и пошелъ по дорогѣ къ Парижу, не оборачиваясь болѣе къ Шатодёну.

Такъ онъ шелъ до полудня, ни разу не подумавъ о пищѣ. Непривычный къ подобнымъ путешествіямъ, онъ утомился семи часовой ходьбою и истощилъ свои послѣднія силы; его разбитыя ноги на каждомъ шагѣ спотыкались и совершенно отказывались поддерживать его тѣло. Тогда только, въ первый разъ послѣ

разлуки съ Эммой, возвратилась къ нему способность мысли и онъ понялъ наконецъ, что нѣтъ никакой возможности продолжать путь. Онъ отъ души пожалѣлъ, что не догадался послѣдовать примѣру швалье, который наканунѣ еще запасся для маркизы д'Эскманъ мѣстомъ въ малъ-постѣ, и не сѣлъ, за неимѣніемъ послѣдняго, въ дилижансъ.

Утомленный Лудовикъ присѣлъ на сторонѣ дороги, съ твердымъ намѣреніемъ дожидаться какого-нибудь экипажа. Но терпѣніе его истощилось, и какъ ни болѣли его ноги, онъ всталъ и съ величайшимъ трудомъ добрался до ближайшей почтовой станціи; тамъ онъ нанялъ себѣ лошадей, и такъ безпощадно погналъ ее, что сопровождавшій его старикъ, почтальонъ, сердито нахмурилъ брови.

По быстротѣ ѣзды, Лудовикъ долженъ былъ пріѣхать въ Парижъ къ вечеру.

Между швалье де-Монгла и маркизой д'Эскманъ, при отъѣздѣ послѣдней, было условлено, что пріѣхавъ въ Парижъ, она тотчасъ скроется въ монастырь на гренельской улицѣ.

Приемные залы этихъ заведеній открываются постороннимъ посѣтителемъ только въ назначенные часы дня, пройти туда вечеромъ было невозможно; Лудовикъ зналъ это и при всемъ томъ, не смотря на крайнюю усталость, летѣлъ въ Парижъ, потому-что дышать однимъ воздухомъ съ Эммой уже казалось ему блаженствомъ. И эта мысль одушевляла его необыкновенными силами.

Въ семь часовъ вечера онъ былъ уже въ Ланжюмо. Торопя почтальона, сѣдлавшаго его лошадей, Лудовикъ вдругъ услышалъ стукъ кареты, подъѣзжавшей со стороны Шатоде́на и хлопанье бича, подававшего знакъ приготовить на станціи переменныхъ лошадей.

Де-Фонтанъ инстинктивно спрятался за стоящую на улицѣ колоду, которая служила для водопоя лошадей.

Карета остановилась противъ самой колоды. Спрятавшійся за нею Лудовикъ осторожно выглянулъ изъ своей засады и, при свѣтѣ двухъ фонарей, ярко освѣщавшихъ карету, увидѣлъ сидящаго въ ней маркиза д'Эскманъ.

Беззаботный, какъ и всегда, маркизъ спокойно курилъ сигару и даже не пропустилъ случая пощутить съ дѣвушкой, подававшей ему стаканъ воды. Хотя отъѣздъ жены его, повидимому, не произвелъ на него особеннаго впечатлѣнія; однакожъ не было сомнѣнія, что онъ рѣшился ее преслѣдовать.

Первымъ дѣломъ Лудовика было разразиться проклятіями надъ самимъ-собою за-то, что онъ не догадался семью часами ранѣе взять въ Шатодёнѣ почтовыхъ лошадей. Ему было досадно, что благодаря его празднымъ и слезливымъ мечтамъ, онъ упустилъ случай предупредить маркиза, пріѣхать прежде него въ Парижъ и увидѣться съ Эммой. — Что-же будетъ теперь? — Онъ не смѣлъ о томъ и подумать.

Но послѣ такой эгоистической мысли, послѣ нѣсколькихъ глухихъ порывовъ бѣшенства и негодованія противъ судьбы, онъ сталъ разсуждать хладнокровнѣе о важности значенія поѣздки маркиза д'Эскоманъ въ Парижъ и утомленный физически и нравственно, вовсе пересталъ волноваться и плакать.

Онъ убѣдился теперь на-дѣлѣ, что швалье де-Монгла говорилъ ему правду, утверждая, что маркизь д'Эскоманъ вовсе не такъ легко принялъ къ сердцу отъѣздъ своей жены, какъ предполагалъ Лудовикъ. И тутъ только герой нашъ началъ сознавать, что эта встрѣча могла нѣсколько измѣнить его рѣшительное намѣреніе, котораго послѣдствія легли-бы тяжелымъ камнемъ на его совѣсти, пятномъ на его честномъ имени. Неожиданную встрѣчу свою съ маркизомъ д'Эскоманъ, Лудовикъ принялъ за особенное покровительство судьбы.

Хотя онъ не имѣлъ на столько силы характера, чтобъ безъ порывовъ отчаянія и горькихъ слезъ отказаться отъ своего прежняго намѣренія; но наконецъ покорился судьбѣ своей. Когда маркизь д'Эскоманъ, поговоривъ нѣсколько минутъ съ содержателемъ станціи, приказалъ почталіону ударить по лошадямъ, Лудовикъ вышелъ изъ-зазасы и, мысленно поручая себя постоянству любви Эммы, объявилъ, что онъ усталъ и не въ состояніи продолжать путь.

Содержатель станціи въ Ланжюмо, держалъ въ тоже время и гостиницу для проѣзжающихъ. Войдя въ комнаты, Лудовикъ приказалъ приготовить себѣ постель. Молодая служанка, къ которой онъ обратился съ приказаніемъ и которую сильно заинтересовала, его личность, съ удивленіемъ спросила Лудовика неужели онъ ляжетъ безъ ужина.

Какъ-бы то ни было, а въ двадцать лѣтъ натура человѣческая рѣдко отказывается отъ своихъ правъ. Не смотря на избытокъ сердечныхъ изліяній, на міръ фантазій, въ который Лудовикъ былъ совершенно погруженъ въ продолженіе предшествовавшей ночи и настоящаго дня, желудокъ его сильно давалъ ему чувствовать свою пустоту.

Рѣзкій аппетитъ заставилъ его принять предложеніе служанки и она, проводивъ его черезъ кухню въ смежную столовую, поставила передъ нимъ приборъ.

Подъ вліяніемъ сытнаго ужина и освѣжительныхъ паровъ вина, мысли его снова перепутались; томный образъ любимой женщины опять промелькнулъ передъ его глазами; но физическія и нравственныя силы его до того ослабѣли и измѣнили ему, что у него не доставало уже воли удержать въ своемъ воображеніи этотъ прелестный образъ. Наконецъ, Лудовикъ облокотился на столъ и впалъ въ безсознательную дремоту, обыкновенную спутницу сильнаго утомленія.

Молодая служанка не могла не почувствовать такому прекрасному молодому человѣку, который казался такимъ грустнымъ и утомленнымъ; она заботилась, чтобы ничто не нарушило его покоя.

Не прошло и двадцати минутъ, какъ Лудовикъ заснулъ, какая-то женщина среднихъ лѣтъ прошла со свѣчкою въ рукѣ черезъ столовую въ кухню. Озабоченная своимъ дѣломъ, она не обратила никакого вниманія на спящаго посѣтителя; но когда она возвращалась, — служанка указала ей на спящаго, подавъ ей знакъ, чтобы она шла по-тише.

Незнакомка взглянула въ сторону Лудовика и, уронивъ свѣчку и чайникъ, вскричала съ удивленіемъ: «Господишь де-Фонганье.

— Сусанна! вскричалъ въ свою очередь Лудовикъ, пробужденный ея восклицаніемъ. Ему казалось, что онъ видитъ ее во снѣ.

— Сама мадонна послала васъ сюда. Идемъ, идемъ скорѣе! продолжала Моле, насильно уводя молодого человѣка за руку на лѣстницу, ведущую въ галерею перваго этажа и, не обращая нисколько вниманія на остолбенѣвшую служанку, которая ничего не понимала въ этой сценѣ.

— Знаете-ли вы, что въ эту ночь я думала, что потерю мою Эмму. Если-бы я не настояла на томъ, чтобы остановиться здѣсь, она непременно умерла-бы въ маль-постѣ. Но идемъ!... Если же кто-нибудь захотѣлъ-бы обидѣть васъ, то я съумѣю защитить моими когтями и зубами!... Клянусь, что только черезъ мой трупъ они достигнутъ до васъ,—клянусь Богомъ!... прибавила Сусанна, въ первый разъ въ жизни произнося такую ужасную клятву. Я хотѣла-бы видѣть, кто-бы посмѣлъ сдѣлать помимо меня какое-нибудь огорченіе моему ребенку! Но я бо-

юсь, чтобъ внезапная встрѣча съ вами не убила Эмму, проговорила почти шопотомъ добрая кормилица у самыхъ дверей комнаты маркизы.

Едва только Сусанна Моле, сказавъ послѣднія слова, отворила выходящую на галерею дверь, какъ Лудовикъ де-Фонтанье бросился туда быстрѣе молніи.

Онъ увидѣлъ передъ собой маркизу д'Эскманъ, сидѣвшую на бѣдной трактирной кровати. Она съ безпокойствомъ прислушивалась къ малѣйшему шуму, доходившему до нея съ улицы.

При видѣ Лудовика она протянула ему руки, но радость едва не задушила ее; кровь съ такой силой приступила къ сердцу, что она не могла произнести ни одного слова, — силы оставили ее; она опрокинулась назадъ и лишилась чувствъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ИЗЪ САМАГО ДУРНАГО ДѢЛА МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ПОЛЬЗУ.

Маркизь д'Эскоманъ серьезно принялся отыскивать свою пропавшую безъ вѣсти жену.

У него было слишкомъ много задушевныхъ друзей, чтобъ происшествіе, случившееся въ улицѣ Клюни могло надолго остаться для него въ тайнѣ.

На что-жь и задушевные друзья, какъ не для того, чтобъ сообщать пріятелю самую неприятную для него новость, ради дружбы, и еще получить за то благодарность друга, хотя объ этомъ они и не думаютъ?

Одинъ изъ самыхъ расположенныхъ къ маркизу друзей его, Жорикъ де-Гискаръ доказалъ ему въ этомъ случаѣ самую рыцарскую преданность и самоотверженіе. Когда достигъ до него слухъ о происшествіи въ улицѣ Клюни, онъ немедленно перевязалъ свою давнишнюю рану и отправился къ маркизу д'Эскоманъ, чтобъ съ участіемъ искренняго друга передать ему весьма неприятную для него городскую молву.

Въ городѣ ходилъ слухъ, что Маргарита Жели застала Лудовика наединѣ съ маркизою д'Эскоманъ; но какъ этого было слишкомъ недостаточно для стоустой молвы и шатодѣнскихъ сплетниковъ: то они, сказавъ происшествіе, вызванное запальчивостью Маргариты, прибавили отъ себя, что между двумя любовницами Лудовика произошла отчаянная драка. Само-собой разумѣется, что Жорикъ де-Гискаръ изъ дружбы къ маркизу не утаилъ отъ него ничего и рассказалъ множество такихъ подробностей, что при всемъ хладнокровіи къ женѣ у маркиза д'Эскоманъ волосы стали дыбомъ, и кровь бросилась въ голову.

Изъ всѣхъ вообще мужей самыми плохими философами бываютъ именно тѣ, которые при безпорядочной жизни пьбуютъ

добродѣтельную жену. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки, а потому намъ весьма пріятно замѣтить, что маркизь д'Эскоманъ принадлежалъ къ этому роду исключеній. Его тщеславіе было довольно тѣмъ, что, не смотря на свое дурное поведеніе, онъ не избѣжалъ общей участи прочихъ мужей, которой они такъ боятся. Эмма, противъ обыкновенія свѣтскихъ женщинъ, была безукоризненнаго поведенія; но маркизь д'Эскоманъ вовсе не относилъ этого къ ея добродѣтелямъ, и приписывалъ единственно личнымъ своимъ достоинствамъ. Успокоенный ни этотъ счетъ, онъ смѣло предавался разгульной жизни и, съ самоувѣренностію въ свою непогрѣшительность, надѣялся неподвергнуться никакой случайности.

Кромѣ-того, какъ ни мало цѣнилъ онъ любовь Эммы, но дорожилъ этимъ чувствомъ изъ уваженія къ значительному и богатому пмѣнію, принесенному ею въ приданое. Маркизь д'Эскоманъ вовсе былъ-бы не прочь растратить и прожить его, но ни когда-бы не потерпѣлъ, чтобъ у него отняли это состояніе.

Вотъ почему рассказъ Жоржа де-Гискара, гораздо болѣе тронулъ маркиза д'Эскомана, чѣмъ можно было ожидать.

Происшествіе въ улицѣ Клюни тѣмъ болѣе огорчило его, что героемъ приключенія съ его женой былъ тотъ-же самый де-Фонтанье, который такъ еще недавно нанесъ ему обиду, отнявъ у него любовницу; маркизь не могъ простить ему этой побѣды, хотя и казался по-наружности другомъ своего молодого соперника.

Выслушавъ Жоржа де-Гискара, маркизь д'Эскоманъ отвѣчалъ, что онъ намѣренъ опять вызвать Лудовика на дуэль, и что на этотъ разъ одинъ изъ нихъ долженъ непремѣнно умереть.

Но какъ шатодѣнская молва могла совершенно безвинно оклеветать маркизу д'Эскоманъ, то прежде чѣмъ послать вызовъ Лудовику, необходимо было объясниться съ Эммой. Маркизь д'Эскоманъ отсрочилъ вызовъ до слѣдующаго утра, а самъ сталъ ожидать возвращенія жены.

Но маркиза не пріѣхала домой.

До-сихъ-поръ сомнѣніе мужа было только вѣроятнымъ, но отсутствіе жены окончательно убѣдило его въ истинѣ происшествія.

Маркизь д'Эскоманъ уже думалъ не послать-ли тотчасъ-же къ Лудовику де-Фонтанье, какъ въ ту самую минуту кто-то осторожно постучался въ дверь кабинета.

Камердинеръ доложилъ ему о приходѣ его повѣреннаго по дѣламъ. Какъ присутствіе этого человѣка не могло стѣснить маркиза, то онъ приказалъ его принять; повѣренный явился въ кабинетъ и объявилъ маркизу, что онъ предоставляетъ себя въ полное его распоряженіе.

Послѣдній былъ сильно удивленъ такимъ страннымъ предложеніемъ. Ему никогда не приходилось слышать, чтобъ стряпчіе сопровождали своихъ кліентовъ на дуэляхъ.

Но повѣренный объяснилъ маркизу, что онъ предлагаетъ свои услуги по поводу распространившагося по городу другаго слуха, что будто маркизь д'Эскманъ намѣренъ развестись съ своей супругой.

Адвокаты чуютъ издали процессы, какъ коршуны чуютъ падаль.

Слово *разводъ* заставило задуматься маркиза; а какъ адвокатъ былъ у него подъ руками, то онъ счелъ не лишнимъ воспользоваться этимъ случаемъ, и обратился къ нему за совѣтомъ.

Адвокатъ бываетъ по обыкновенію честенъ въ отношеніи своего кліента только въ томъ, что касается лично до него самого. Его можно сравнить съ подкладкой, подшиваемой подъ платье для большей прочности матеріи. Каждый негодяй платитъ адвокату большія деньги единственно за-то, чтобъ найти въ немъ защиту своего интереса.

Адвокатъ маркиза д'Эскманъ охотно принялъ на себя обязанность.

Услужливый подъячій началъ съ того, что возсталъ противъ варварскихъ предразсудковъ, благодаря которымъ права человѣческія и справедливость общественнаго мнѣнія въ совершенной зависимости отъ кровавыхъ поединковъ.

Но между общими фразами, онъ высказалъ мимоходомъ нѣсколько словъ, полныхъ такого зловѣщаго смысла, что маркизь д'Эскманъ былъ пораженъ ими болѣе, чѣмъ всей рѣчью адвоката.

Вызывая на дуэль Лудовика, мужъ маркизы вступалъ въ неравный бой. Въ этомъ поединкѣ Лудовикъ подвергалъ опасности только жизнь свою, тогда какъ маркизь ставилъ тутъ на карту все свое состояніе.

Потомъ адвокатъ перешелъ къ тому, что при такой зависимости отъ жены со стороны маркиза было-бы весьма неблагоприятнымъ возстановлять ее противъ себя, не увѣрившись напередъ, что онъ въ силахъ нанести ей рѣши-

тельный ударъ. Тогда опытный юристъ прибавилъ, что съ тѣми сомнительными и двусмысленными доказательствами, которыя находятся теперь у нихъ подъ рукою, нечего было и думать о процессѣ. Какъ-бы ни было благопріятно для маркиза рѣшеніе суда первой инстанціи; во всякомъ случаѣ доказательства ихъ были такъ слабы, что апелляція со стороны жены маркиза имѣла-бы, безъ-сомнѣнія, гибельныя для него послѣдствія, если принять въ соображеніе его безпорядочную жизнь, известную всѣмъ жителямъ Шатоде́на.

Маркизь д'Эскоманъ, спокойно выслушавъ все это, спросилъ своего адвоката не принимаетъ-ли онъ его за сумасшедшаго и при этомъ очень любезно обѣщался выбросить его за-дверь.

Адвокатъ съ злобщей улыбкой вынулъ очень хладнокровно изъ своего портфеля не большую связку векселей и, предъявивъ ихъ маркизу д'Эскоману, равнодушно спросилъ его, можетъ-ли онъ выслать по этимъ документамъ около двѣнадцати тысячъ франковъ и притомъ не позже завтрашняго дни.

При такомъ, вовсе неожиданномъ оборотѣ дѣла, маркизь д'Эскоманъ нѣсколько поблѣднѣлъ и запнулся на первомъ словѣ. Адвокатъ воспользовался этимъ замѣшательствомъ, чтобъ нанести ему окончательный ударъ.

Маркизь былъ по-уши въ долгахъ, которые обезпечивались только собственною его жизнью и кредитомъ общества къ огромному богатству, полученному имъ въ приданое за женой. Первое обезпеченіе было очень не надежно, потому-что съ каждымъ днемъ здоровье его все больше и больше разстроивалось отъ безпорядочной жизни; второе-же было нѣсколько скомпрометровано приключеніемъ его жены въ улицѣ Кюни. Изъ преданности къ маркизу повѣренный доставалъ ему деньги въ долгъ отъ другихъ своихъ кліентовъ, которыхъ интересы онъ обязанъ былъ защищать также строго, какъ и выгоды маркиза. По этому слуху о намѣреніи послѣдняго развестись съ женой вмѣняетъ ему, повѣренному, въ обязанность предупредить кредиторовъ маркиза объ опасности, грозящей ихъ капиталамъ, и въ такомъ случаѣ, онъ увѣренъ, что всѣ кредиторы потребуютъ непременно или платежей по векселямъ или, по-крайней-мѣрѣ, болѣе надежнаго обезпеченія, чѣмъ жизнь маркиза д'Эскоманъ. Но существенное обезпеченіе кредиторамъ могла представить одна только маркиза.

Такимъ-образомъ дѣло видимо усложнилось.

Озадаченный маркизъ д'Эскоманъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, опутивъ голову и заложивъ руки въ карманы. Онъ судорожно тискалъ потухшую сигару между зубами, погруженный въ глубокую задумчивость.

• Адвокатъ не далъ ему перевести духъ и продолжалъ развивать передъ нимъ свои планы.

Онъ говорилъ, что совѣтуя не ссориться съ маркизой, онъ хотѣлъ сказать этимъ, чтобъ маркизъ д'Эскоманъ смотрѣлъ сквозь пальцы на беспорядочную жизнь своей жены; что, напротивъ, онъ ревностный защитникъ строгихъ мѣръ, но мѣръ разумныхъ и полезныхъ тому, кто ихъ употребляетъ въ дѣло. Онъ совѣтовалъ дѣйствовать, но дѣйствовать тогда уже, когда въ рукахъ маркиза будутъ такія неопровержимыя доказательства противъ жены, при которыхъ трибуналъ, не имѣя ни малѣйшаго основанія или повода къ снисхожденію, будетъ принужденъ примѣнить законъ во всей его силѣ, не принимая въ уваженіе никакихъ оправданій въ проступкахъ противной стороны. Процессъ, начатый самимъ маркизомъ, а не его женой, и подкрѣпленный подобными достовѣрными фактами, приметъ совѣтъ другой обротъ въ пользу д'Эскомана и послѣдній, безъ сомнѣнія, будетъ введенъ во владѣніе имѣніемъ своей жены, съ обязательствомъ выдовать ей ежегодно на содержаніе определенную пенсію. Адвокатъ такъ былъ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ подобнаго процесса, что ни мало не задумавшись, готовъ былъ немедленно доставить въ счетъ будущихъ благъ такую сумму въ задатокъ, какую только требуетъ его почтенный кліентъ.

Послѣдніе доводы повѣреннаго порѣшили дѣло. Маркизъ д'Эскоманъ съ довольнымъ видомъ закурилъ новую сигару и, сядя въ кресло, спокойно спросилъ своего адвоката, что такое онъ называетъ подъ словами «неопровержимыя доказательства»?

Послѣдній нѣсколько затруднился изложить маркизу, какіе нужны факты для подтвержденія подобнаго щекотливаго процесса и кончилъ объясненіемъ, что въ настоящемъ дѣлѣ необходимо уличить маркизу при свидѣтеляхъ въ любовномъ свиданіи.

При этихъ словахъ маркизъ д'Эскоманъ вскочилъ съ кресла. Его возмутила низость средствъ, предложенныхъ адвокатомъ. Но было поздно. Неосторожно раскрывъ передъ адвокатомъ свои слабыя стороны, онъ уже не могъ долѣе противиться нападеніямъ послѣдняго, сколько ни старался защищаться отъ нихъ личною рыцарскаго своего благородства. Прошло какъ-нибудь.

двадцать минут и всё сомнѣнія и доводы маркиза были ослаблены, разсѣяны или опровергнуты искуснымъ адвокатомъ. Маркизъ уступилъ требованіямъ юриста и какъ простѣйшій изъ простѣйшихъ мѣщанъ согласился призвать полицейскаго комиссара, для заявленія ему предосудительнаго поведенія своей жены.

Въ эту самую минуту камердинеръ доложилъ маркизу д'Эскоманъ, что Можень, содержатель экипажей изъ главной улицы, проситъ позволенія говорить съ маркизомъ.

Намъ уже извѣстно съ какою именно цѣлю явился этотъ человекъ.

Выслушавъ его, маркизъ устроилъ засаду въ домѣ, самого Можена.

Но швалье де-Монгла, отправившись къ своему молодому другу, чтобъ распросить его въ какой степени были справедливы распространенныя по городу слухи на счетъ его и маркизы д'Эскоманъ, нечаянно узналъ объ пзмѣнѣ извозчика и устроенной въ его домѣ засадѣ, и помѣшалъ бѣднымъ птичкамъ попасть въ разставленную имъ сѣтку.

Въ тоже время агенты маркиза были разставлены кругомъ префектуры, чтобъ неусыпно слѣдить за дѣйствіями Лудовика.

Они донесли адвокату, которому маркизъ поручилъ все это дѣло, что Лудовикъ возвратился домой около часа ночи и потомъ, спустя нѣсколько времени, снова вышелъ и болѣе уже не возвращался. Тутъ-же было сообщено маркизу, что жену его видѣли около одиннадцати съ половиною часовъ ночи, идущей по направленію къ парижской дорогѣ, вѣроятно, съ тою цѣлю, чтобы дожидаться тамъ проѣзда почтовой кареты.

Какою-бы антипатію ни чувствовалъ человекъ къ дѣлу, уже разъ имъ предпріятому, какъ-бы нехотя онъ не приступалъ къ нему, но желаніе преслѣдованія и упорство заставляютъ его идти до конца.

Маркизъ д'Эскоманъ велѣлъ заложить четверку лошадей въ карету и отправился послѣдамъ своей жены.

Мы видѣли его проѣхавшимъ черезъ Ланжюмо.

Онъ прибылъ въ Парижъ къ шести часамъ вечера и подѣхалъ прямо къ зданію главнаго почтамта.

По его просьбѣ директоръ почтъ приказалъ отыскать того почтальона, который прибылъ съ утренней почтой изъ Шато-

дѣна и повсѣмь догадкамъ и розыскамъ привезъ съ собой въ Парижъ маркизу.

Директоръ охотно исполнилъ желаніе богатаго барина и, какъ самъ женатый челоѣкъ, вполне сочувствуя негодованію обманутаго мужа, позвалъ явившагося почтальона въ свой кабинетъ.

На распросы маркиза почтальонъ отвѣчалъ вполне удовлетворительно. Онъ разсказалъ, что дѣйствительно въ небольшомъ разстояніи отъ города Шатодѣна, посадилъ въ маль-постъ двухъ дамъ, поджидавшихъ карету на дорогѣ. Описаніе наружности этихъ двухъ дамъ, вполне согласовалось съ наружностію Эммы и Сусанны, такъ-что не было никакого сомнѣнія, что это были онѣ. При этомъ почтальонъ утверждалъ, что двое провожавшихъ ихъ мужчинъ не взяли мѣстъ въ маль-постъ и остались на дорогѣ. Въ заключеніе онъ прибавилъ, что одна изъ дамъ, по-моложе, до такой степени утомилась ѣздой, что послѣ нѣсколькихъ остановокъ, вынужденныхъ ея ежемгнутыми нервными пароксизмами, она принуждена была выйти изъ маль-поста въ Ланжюмо вмѣстѣ съ своей спутницею и остановиться въ почтовой гостинницѣ.

Не худо припомнить, что адвокатъ маркиза д'Эскманъ, доказалъ своему кліенту, что ему даются только два средства, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія; именно начать процессъ противъ Эммы на указанныхъ имъ условіяхъ, или притворно примириться съ нею.

И такъ во всякомъ случаѣ, находился-ли Лудовикъ де-Фонтанье у ногъ Эммы или нѣтъ, маркизу необходимо было немедленно отправиться къ ней въ Ланжюмо.

Маркизь перемѣнилъ въ Парижѣ лошадей и поѣхалъ обратно прежней дорогой.

При вѣздѣ въ маленькій городокъ Ланжюмо, маркизь д'Эскманъ остановилъ карету, заплатилъ тройные прогоны почтальону и, условившись съ нимъ, чтобы отвезъ его обратно въ Парижъ, не кормя лошадей, самъ пошелъ одинъ къ почтовой гостинницѣ.

Какъ скромный пѣшеходъ, онъ тихо постучался въ двери станціоннаго дома и когда одинъ изъ ямщиковъ отперъ ее, то маркизь, сказавъ что въ его экипажѣ изломалась ось, просилъ отвести себѣ комнату съ постелью. Покуда будили служанку, спавшую въ особой комнатѣ, маркизь завелъ разговоръ съ ямщикомомъ и вызвалъ его на болтовню.

Путешественники, ѣздившіе до 1830 года верхомъ, послѣ Июльской революціи, сдѣлались рѣдки, потому-что это медленное путешествіе было замѣнено давно легкими почтовыми тюльбернъ въ одну лошадь. Средство это въ одно и тоже время представляло много удобствъ для путешественниковъ и было выгодно для почтъ-содержателей. Въ почтовомъ тюльбернѣ ямщикъ садился рядомъ съ путешественникомъ, который большею частію самъ правилъ лошадыю.

Прибытіе молодого человѣка, прискакавшаго верхомъ вовесь карьеръ, привело въ волненіе всѣхъ почталіоновъ. Это волненіе усилилось, удвоилось, и наконецъ достигло своего апогея, когда проницательная служанка станціоннаго дома рассказала о глубокой грусти пріѣзжаго молодого человѣка, о внезапной и радостной его встрѣчѣ съ кормилицей знатной дамы, остановившейся въ гостиницѣ съ утра. Еще болѣе разожгло ихъ любопытство въ рассказѣ служанки то обстоятельство, что пріѣзжій не выходилъ еще изъ комнаты этой дамы, не смотря, что уже давно было за-полночь.

Ямщикъ, сопровождавшій молодого человѣка и такъ уже съ величайшимъ нетерпѣніемъ дождался разсвѣта, чтобы сообщить сосѣдямъ свои предположенія объ этомъ происшествіи. Поэтому можно себя вообразить съ какимъ удовольствіемъ онъ далъ волю своему языку, когда нашелъ въ новомъ пріѣзжемъ, т.-е. въ маркизѣ, необыкновенно внимательнаго слушателя.

Когда ямщикъ окончилъ свой рассказъ, маркизъ д'Эскоманъ положилъ ему въ руку золотую монету, которую тотъ принялъ какъ знакъ благодарности за прелесть его разсказа. Потомъ д'Эскоманъ попросилъ проводить себя къ меру, говоря, притомъ, что онъ имѣеть къ нему весьма важное и спѣшное порученіе.

Ямщикъ выпучилъ свои глаза на маркиза, удивившись его требованію разбудить мера въ такую позднюю пору и, не скрывая своего изумленія, совѣтовалъ своему слушателю подождать разсвѣта. Однакожь, это похвальное уваженіе къ покою высокаго сановника продолжалось недолго. Убѣжденный словами маркиза, и, еще болѣе, блескомъ другой золотой монеты, ямщикъ рѣшился наконецъ посягнуть на спокойствіе мера.

И дѣйствительно, опасенія ямщика были напрасны; къ величайшему изумленію его, едва только меръ успѣлъ прочесть паспортъ маркиза д'Эскоманъ и открытое предписаніе, которымъ послѣдній запасся у королевскаго шатодеискаго прокуро-

ра, какъ уже успѣвши предоставить себя въ полное распоряженіе маркиза.

Впрочемъ недолго продлилось это изумленіе. Меръ, извинясь передъ маркизомъ, что принялъ его въ халатъ, позвалъ помощника своего и приказалъ ему немедленно собрать жандармовъ.

Нѣсколько минутъ спустя, не большая группа людей, увеличившаяся тремя жандармами, отправилась по тихимъ и пустыннымъ улицамъ маленькаго городка Лавжюмо, по направленію къ почтовой станціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВЪ КОТОРОЙ МАРКИЗЪ Д'ЭСКОМАНЪ, СОВЕРШЕННО ИНАЧЕ ЧѢМЪ ГОСПОДИНЪ ДЕ-КУСИ, МСТИТЬ ЗА ОСКОРБЛЕНІЕ СВОЕЙ ЧЕСТИ.

Въ комнатѣ, занимаемой маркизой д'Эскоманъ, на почтовой станціи въ городѣ Ланжюмо, стояли двѣ кровати.

На одной изъ нихъ, помѣщенной противъ камина и не убранной занавѣсами, спала глубокимъ сномъ Сусанна Моле, раскинувшись на парадномъ одѣялѣ.

Противъ самыхъ оконъ, среди комнаты, былъ устроенъ альковъ, занавѣшенный драпировкой изъ чрезвычайно пестраго ситца. Въ этомъ альковѣ покоилась Эмма, а на креслѣ, стоявшемъ подлѣ ея кровати, у самого изголовья, сидѣлъ Лудовикъ де-Фонтанье.

Всѣ трое, равно утомленные, никакъ не могли преодолѣть своей усталости и, наконецъ, крѣпко заснули; Лудовикъ склонилъ голову на край постели Эммы; руки ихъ сплелись между собой. По временамъ электрическая дрожь пробѣгала по жиламъ спящихъ молодыхъ людей и на блѣдныхъ щекахъ Эммы внезапно загорался яркій румянецъ; подъ прозрачнымъ батистомъ, едва прикрывавшимъ ея роскошно округленную грудь, замѣтно билось сердце.

Одна только свѣча, поставленная на столикѣ передъ кроватью Эммы, тускло горѣла въ комнатѣ, то совсѣмъ потухая, то отбрасывая на бѣлыя стѣны какія-то темныя и длинныя тѣни фантастическихъ очертаній. Изрѣдка частички воска вдругъ оживляли колеблющееся пламя и, оно, мгновенно вспыхнувъ, ярко освѣщало всю комнату.

Маркиза д'Эскоманъ проснулась. Первый предметъ, обратившій на себя ея вниманіе, разумѣется, былъ спящій подлѣ нея

Лудовикъ. Съ легкимъ трепетомъ она высвободила свои руки изъ рукъ молодаго челоуька; но потомъ, смѣясь въ душѣ надъ этимъ страхомъ, она прижалась щекой къ рукѣ молодаго челоуька. Облокотившись на подушку, Эмма вполне предалась созерцанію его блѣднаго, но прекраснаго лица, небрежно окоймленнаго черными шелковистыми кудрями.

Маркиза уже пережила минуты той лихорадочной восторженности, которая заставила ее наканунѣ кинуться въ объятія Лудовика. Первое свое движеніе она нашла теперь неприличнымъ и хотя въ комнатѣ никого не было, кромѣ спавшей Сусанны, но Эмма покраснѣла, потому что звучное всхрапываніе ея кормилицы, напомнило маркизѣ, что она совершенно одна съ любимымъ ею челоуькомъ. Приподнявъ на свои роскошныя и бѣлыя плечи спустившуюся батистовую кофточку, она вернулась ею какъ можно плотнѣе и потомъ протянула руку, намѣреваясь разбудить Лудовика.

Но онъ такъ крѣпко спалъ, что ей стало жалко нарушить его сладкій сонъ.

Въ эту минуту на улицѣ слышались шаги нѣсколькихъ челоуькъ.

Обыкновенно, каждая малѣйшая бездѣлица тревожитъ раздраженные нервы. Маркиза стала прислушиваться съ какимъ-то тоскливымъ ожиданіемъ и непонятнымъ опасеніемъ.

Но шаги умолкли, и все по прежнему стихло. Тогда Эмма упрекнула себя внутренно за напрасный страхъ, находя очень естественнымъ такой шумъ въ почтовой гостинницѣ, гдѣ проѣзжающіе безпрестанно перемѣняютъ лошадей.

Но волненіе ея было такъ сильно, что она почувствовала какое-то смутное желаніе быть поближе къ тому, ради кого она подвергала себя всевозможнымъ нравственнымъ пыткамъ и убѣдился, что ея другъ и защитникъ, находится возлѣ нея.

Эмма наклонилась къ Лудовику и поцѣловала его въ лобъ: но она не успѣла еще отнять губъ отъ лица возлюбленнаго, какъ раздался сильный ударъ въ дверь комнаты.

— Что такое? вскрикнули въ одинъ голосъ проснувшіеся отъ шума Лудовикъ и Сусанна, которымъ показало^{сь}, что они слышали этотъ ударъ во снѣ.

Эмма удержалась отъ подобнаго вопроса; она тотчасъ поняла, что новое несчастіе собирается надъ ея головой. Повинуясь первому движенію испуга, она спрятала лицо свое въ подушку.

Между-тѣмъ удары въ дверь повторялись, и наконецъ послышался повелительный голосъ мера; онъ приказывалъ отпереть дверь племемъ закона.

— Ради Бога, не отворяйте! кричала испуганная Сусанна, устраивая передъ входомъ барикаду изъ стульевъ и комода. Она вообразила, что подъ прикрытіемъ такой ограды имъ легко будетъ выдержать осаду.

Наконецъ и Лудовикъ повилъ, что пришла минута мести оскорбленнаго мужа. Онъ подбѣжалъ къ окну съ намѣреніемъ выпрыгнуть изъ него на улицу и разбиться о мостовую.

Меръ или маркизь вѣроятно предвидѣли этотъ случай, потому что подъ окномъ былъ поставленъ караульный жандармъ, и когда Лудовикъ, растворивъ окно, выглянулъ изъ него, — послышался ироническій смѣхъ маркиза д'Эскомана, котораго тѣнь промелькнула въ темнотѣ.

— Мы не у Маргариты, закричалъ маркизь д'Эскманъ съ улицы: — и мнѣ право жаль, что я помѣшалъ изліяніямъ вашей любви, любезный де-Фонтанье; но законъ предвидѣлъ этотъ случай.

— Вы подлецъ, маркизь д'Эскманъ! вскричалъ Лудовикъ въ бѣшенствѣ. Если когда-нибудь попадетесь подъ клинокъ моей шпаги, то я убью васъ безъ пощады, какъ негодную собаку.

— Да, если нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія не охладятъ вашей горячей крови, въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ приму на себя обязанность вашего хирурга, любезнѣйшій де-Фонтанье, — насмѣшливо отвѣчалъ маркизь д'Эскманъ. Его ироническій тонъ въ высшей степени раздражилъ Лудовика и онъ готовъ былъ разразиться страшною бранью, какъ вдругъ Эмма позвала его къ себѣ.

Онъ захлопнулъ окно и обернулся. Передъ нимъ сидѣла на кровати блѣдная, какъ смерть Эмма: она вся дрожала отъ нервнаго потрясенія. Однакожъ на лицѣ ея выражалась полная самоувѣренность, даже необыкновенная рѣшительность. Нѣсколько минутъ тревоги достаточно было, чтобъ Эмма поняла безвыходное положеніе, и вполне отдалась на волю судьбы.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, избранныя природы, если онѣ робки, кажутся такими же слабыми и безсильными, какъ и природы обыкновенныя; но тамъ гдѣ эти послѣднія совершенно изнемогаютъ, первыя крѣпнутъ. Въ серьезныхъ обсто-

ительствахъ жизни, онѣ разрываютъ помочи, мѣшавшія ихъ развитію, и становятся въ уровень съ несчастіемъ, которое казалось должно было-бы ихъ совсѣмъ уничтожить.

Такъ случилось и съ маркизой д'Эскоманъ.

Она подозвала къ себѣ .Людвика и, когда тотъ подошелъ къ ея кровати, сказала:

— Милый .Людвикъ! поклянись мнѣ, что любовь твоя насколько не измѣнится ко мнѣ, что-бы не случилось съ нами.

Молодой чловѣкъ исполнилъ желаніе Эммы и поклялся.

— Хорошо, отвѣчала она, пожимая его руку:— я также клянусь, что ничто на землѣ не пошатнетъ моей любви къ тебѣ, ничто не измѣнитъ моей рѣшимости принадлежать одному тебѣ въ этомъ мѣрѣ.... И такъ, отворите двери, друзья мои.

Удивленный .Людвикъ, молча, посмотрѣлъ на Эмму; а Сусанна вскричала, что она скорѣе умретъ чѣмъ уступить этому подлому насилію.

— Сусанна! сказала маркиза строгимъ голосомъ:— ты знаешь, что я рѣдко приказываю; но теперь прочту исполнить мое желаніе: отворите дверь!

Сусанна Моле утихла. Ей хотѣлось зарыдать, но она подвила въ себѣ рыданія и принялась помогать .Людвику разобрать баррикаду, изъ-за которой она надѣялась защищать свою шлющу.

И пора было бы сдѣлать это, потому-что худо сколоченныя двери начинали уступать напору жандарма, который ломился въ нее по приказанію мера.

Наконецъ дверь отворилась и меръ вошелъ въ комнату одинъ, приказавъ своимъ подчиненнымъ остаться на лестницѣ.

Медленность, съ которой отворили ему дверь, возбудила неудовольствіе мера, высоко цѣнившаго достоинство своей власти и заподозрившаго маркизу д'Эскоманъ и .Людвика въ прерѣніи къ законной власти. Притомъ меръ, также былъ женатъ и потому каждая преступная жена, измѣнившая своему мужу, не заслуживавши какой пощады въ глазахъ бюстителя порядка.

Онъ вошелъ въ комнату, не снимая шляпы и стараясь придать своей фizioноміи выраженіе грознаго авторитета. Но его мнѣнію это было столько же необходимо, какъ и прилично въ подобныхъ случаяхъ, и казалось неперемѣннымъ условіемъ званія мера.

— Кто изъ васъ, милостивыя государыни, зовется маркизой д'Эскоманъ? — сказалъ онъ протяжно и сановито-важнымъ голосомъ.

Изъ безграничной преданности, Сусанна Моле чуть было не назвалась маркизой д'Эскоманъ, чтобы стать на мѣстѣ Эммы передъ карающимъ закономъ. Преданная кормилица уже открыла ротъ, какъ вдругъ маркиза прервала ее, не давъ сказать ни одного слова.

— Я маркиза д'Эскоманъ, милостивый государь! отвѣчала Эмма.

Меръ обернулся къ алькову и увидѣлъ прелестное лицо маркизы д'Эскоманъ, обрамленное кружевнымъ чепчикомъ, изъ-подъ котораго небрежно спускались на плечи длинные локоны бѣлокурыхъ волосъ. Въ глазахъ ея было такъ много кроткаго и симпатичнаго выраженія, на физиономіи такъ ясно отразилась вся сила пламенной и чистой страсти, что строгій блюститель закона невольно опустилъ глаза внизъ и, машинально снявъ шляпу, остался въ неподвижномъ состояніи.

Наконецъ Эмма сама напомнила оторопѣвшему меру о его обязанностяхъ.

— Что вамъ угодно отъ маркизы д'Эскоманъ? — спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Извините, маркиза, отвѣчалъ меръ: — какъ ни тягостна моя настоящая обязанность, но я долженъ исполнить ее. Я не смѣлъ-бы нарушить вашего ночнаго сна, если-бъ правительство не обратило меня въ слѣпое орудіе своей воли и власти. Я представляюсь вамъ, не какъ Mr. Gagnier (такъ звали мера), а какъ меръ здѣшняго округа?

— Ради Бога! не стѣсняйтесь и начинайте дѣло. Проговорила Эмма съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.

— Какъ вамъ угодно, маркиза! сказалъ нѣсколько сухо меръ, видимо обиженный, что женщина, красотою которой онъ былъ сильно пораженъ и такъ восхищался, вовсе не обратила вниманія на его канцелярское влчїство: — мы сейчасъ приступимъ къ дѣлу, маркиза; но позвольте мнѣ спросить васъ, что дѣлаетъ въ вашей спальнѣ, въ такой поздній часъ ночи, вотъ этотъ молодой человекъ, который, повидимому, вовсе не мужъ вашъ? — И меръ указалъ на Лудовика.

— Онъ покровительствуетъ большой. Проѣзжалъ въ Парижъ, и сдѣлалась нездорова дорогою и принуждена была остановиться въ этой гостинницѣ. Горничная моя выбилась изъ силъ, ухе-

живая за мной, и ей необходимо было отдохнуть; въ это время господинъ де-Фонтанье, другъ нашего дома, случайно проѣзжалъ черезъ Ланжкомо, и я просила его замѣнить усталую женщину, посидѣть со мною, пока она отдохнетъ. Онъ былъ такъ добръ, что согласился.

— Еще-бы не согласиться, чортъ возьми! вскричалъ меръ, увлекаясь своимъ невольнo возрастающимъ удивленіемъ:— Повѣрьте, маркиза, что въ лѣта господина де-Фонтанье я то же не задумался-бы ни на одну минуту.

Послѣднія слова меръ произнесъ тихо; но потомъ, припомнивъ, что жандармы, стоявшіе за дверью, легко могли слышать, что сознание собственнаго достоинства мера уступало чувству восторга, при видѣ красоты Эммы, — онъ сталъ говорить громко, такъ, чтобъ подчиненные его не сомнѣвались, что онъ остался вѣренъ своему долгу и официальному положенію.

— Такое человѣколюбіе было-бы достойно всякой похвалы, если-бы я не имѣлъ въ виду одного обстоятельства, на которое я долженъ обратить ваше вниманіе. Общему мнѣнію, напротивъ, угодно называть друга вашего дома вашимъ любовникомъ.

Эта грубая шутка сначала смутила было маркизу д'Эскоманъ, и она покраснѣла; но потомъ, пока онъ бросалъ ей прямо въ лицо это грязное обвиненіе, увѣренность снова возвратилась къ Эммѣ.

— Милостивый государь! сказала она съ достоинствомъ, свойственнымъ дамѣ хорошаго тона: — если только подъ словомъ сейчасъ вами высказаннымъ, вы понимаете человѣка, который мнѣ дороже всего на свѣтѣ — вы правы; только въ такомъ случаѣ де-Фонтанье мой любовникъ... Если-же вы даете этому эпитету настоящій его смыслъ — вы очень ошибаетесь, могу васъ увѣрить и вразумить...

Достоинство, съ которымъ проговорила эти слова маркиза д'Эскоманъ и волненіе, невольнo откликнувшееся въ ея голосѣ, произвели на представителя закона вовсе не то впечатлѣніе, которое сдѣлала на него красота маркизы. Меръ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ выраженіемъ глубокаго уваженія.

— Бѣдная маркиза! сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, возвратившись опять къ обычному своему добродушію: — я согласенъ съ вами и увѣренъ, что все вами сказанное возможная истина: къ несчастію, не мнѣ придется рѣшить это дѣло.

Однакожь, прибавилъ онъ, приближаясь къ кровати Эммы: — я желалъ-бы быть вамъ полезенъ, какъ-бы послѣ не говорилъ о моей нравственности и добросовѣстности въ исполненіи моихъ обязанностей.... Я интересуюсь вашей судьбой и желалъ-бы поправить какъ-нибудь это неприятное дѣло. Въ подобныхъ случаяхъ правосудіе считаетъ за лучшее молчать, если только мужъ не подымаетъ голоса. Маркизь д'Эскоманъ самъ донесъ на васъ, и неужели нѣтъ никакихъ средствъ возвратить жалобу назадъ: онъ кажется мнѣ добрякомъ. На его мѣстѣ я разразился-бы страшнымъ громомъ и молніею, да и только.... Тутъ много шуму изъ пустяковъ, какъ видно изъ вашего отвѣта и потому я готовъ принять на себя роль примирителя, если только вамъ будетъ угодно. Не хотите-ли, чтобъ я отыскалъ и уговорилъ вашего мужа?

— Я очень благодарна вамъ и вполне тронута вашимъ теплымъ участіемъ ко мнѣ; но никакъ не могу воспользоваться вашей добротой и готовностью быть примирителемъ.

— Почему это? Развѣ по вашему мнѣнію это не возможно? Или вамъ другъ дороже для васъ, чѣмъ ваше личное счастье? Въ такомъ случаѣ, неужели при вашей молодости и красотѣ васъ пугаетъ такое ничтожное затрудненіе? Я знаю лично женщинъ, далеко не обладавшихъ такой красотой и достоинствами, какъ вы, а между тѣмъ эти женщины, находясь въ подобномъ же положеніи, нисколько не задумались-бы изъ этого молодого человѣка сдѣлать самаго искренняго друга своимъ мужьямъ.... А если только женщина достигнетъ этого, то чего-же болѣе ей желать?... *Nonny soit qui mal y pense*, какъ говорятъ обитатели туманнаго Альбіона.

Но тутъ, не смотря на громкій девизъ ордена Подвязки, почтенный меръ казался самъ испугался безнравственности идей, высказанныхъ имъ передъ обвиненными въ предосудительномъ поведеніи. И представитель закона постыбшиль добавить самымъ торжественнымъ тономъ:

— Маркиза! общество, въ лицѣ моего, предлагаетъ вамъ отказаться отъ вашихъ заблужденій и обратиться на путь правды.

— Господинъ меръ, кромѣ судей этого міра, меня обвиняющихъ, есть еще другой судья, который не служитъ правительству Франціи. Пусть онъ разсудитъ меня съ маркизомъ, — и не боюсь его приговора! Обстоятельства, разлучившія меня съ мужемъ, могу васъ увѣрить, болѣе зависѣли отъ воли его, чѣмъ отъ моей собственной. Я только скажу вамъ, что теперь

никакая мірская власть не заставитъ меня возвратиться къ моему мужу!.....

И говоря это, маркиза д'Эскманъ подняла къ небу руку, чтобы придать еще болѣе торжественности своимъ словамъ. Лудовикъ де-Фонтанъ не выдержалъ и, не смотря на присутствіе мера, съ восторгомъ бросился цѣловать поднятую руку Эммы.

— Какъ! передъ моимъ шарфомъ? вскричалъ изумленный меръ: — чортъ возьми! Да вы, молодой человѣкъ, злоупотребляете моимъ снисхожденіемъ и исполнѣ заслуживаете, чтобы я внесъ этотъ фактъ въ протоколъ!..... Только изъ уваженія къ маркизѣ я дѣлаю видъ, что ничего не замѣтилъ; но съ уговоромъ, чтобы этого болѣе не повторялось. Сказавъ это, меръ обратился къ маркизѣ д'Эскманъ и продолжалъ: — вы такъ твердо высказали свою волю, что я болѣе и не смѣю настаивать; но вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ объявить вамъ, маркиза, что для меня, человѣка исполнѣ желающаго предложить вамъ земной рай, или, по-крайней-мѣрѣ, роскошный дворецъ, чрезвычайно прискорбно и тягостно просить васъ отправиться въ тюрьму.

При словѣ тюрьма, энергія, съ которою маркиза выдерживала до-сихъ-поръ разразившуюся надъ головой ея грозу, — вдругъ исчезла и, рыдая, бѣдная Эмма залилась горькими слезами.

Между-тѣмъ пораженный словами мера, Лудовикъ упалъ въ отчаяніи на стулъ и закрылъ лицо руками. Одна Сусанна Моле не упала духомъ.

— Въ тюрьму! въ тюрьму! — вскричала она, приходя въ азартъ: — маркизу д'Эскманъ въ тюрьму! Такъ-ли вы сказали.

— Совершенно такъ моя милая!..... Передъ закономъ даже воля самаго короля Лудовика-Филиппа безсильна также, какъ и моя..... Законъ выше всего.

— Нѣтъ, этого нельзя! Вы не знаете всей правды, да и вамъ некому было высказать ее.... Слушайте: она цѣлыхъ три года предлагала своему подлему доносчику и преслѣдователю маркизу все, что вы только видите: и эту небесную красоту, поразившую васъ также, какъ она поражаетъ всѣхъ; и самую горячую любовь, и самую чистую добродѣтель, и ангельскую кротость..... Что-же сдѣлалъ этотъ чудовище? Чѣмъ онъ отплатилъ ей за все? — Вы не знаете, такъ знайте, что вирожденіе трехъ лѣтъ этотъ негодяй пренебрегалъ тѣмъ, чего онъ требуетъ теперь.

— Пожалуйста, перестань, Сусанна, сказала маркиза д'Эскомань.

— Оставьте меня, сударыня; не останавливайте — я хочу говорить и буду говорить! Правосудіе должно быть справедливо и, какъ господинъ меръ его представитель, то онъ меня выслушаетъ. — И говоря это, Сусанна Моле схватила въ азартъ мѣра за шарфъ и тащила его къ себѣ съ страшнымъ неистовствомъ.

— Вы ошибаетесь, моя милая!... говорилъ задыхающійся меръ, качаясь изъ стороны въ сторону, какъ приведенный въ движеніе маятникъ, и отъ тяжести собственнаго тѣла и отъ рьянаго усердія Сусанны: — чортъ возьми! Да увѣрю васъ, что я вовсе не правосудіе, а если-бы и дѣйствительно былъ правосудіемъ, то все-таки за чѣмъ-же его трясти, какъ лукошко съ грушами.

— Нѣтъ, господинъ меръ; вы должны меня выслушать, непременно должны, и тогда вы сами поймете, что вы жестоко ошиблись, присуждая маркизу къ тюрьмѣ!... Да помилуйте, самого-то мужа давно слѣдовало-бы посадить въ тюрьму и этого еще слишкомъ мало для него!... А то вдругъ невпннаго ребенка въ тюрьму!... Знайте господинъ меръ, что ей только исполнилось семнадцать лѣтъ, когда этому дикому звѣрю, маркизу д'Эскоманъ, захотѣлось овладѣть ся имѣніемъ. Онъ женился на ней, чтобъ поправить свое собственное состояніе, промотанное имъ въ молодости!... И вообразте, что онъ на другой-же день свадьбы пзмѣнилъ ей, хотя за нѣсколько только часовъ поклялся ей въ вѣрности и защитѣ!... И такую красавицу, и такого ангела онъ бросилъ, и бросилъ на другой-же день, говорю вамъ. Я знаю все его похождения, я подматривала за нимъ и слѣдила шагъ-за-шагомъ, какъ кошка слѣдитъ за мышью!... Я узнала все, могу доказать и докажу непременно! — Говоря это, Сусанна все неистовѣе и сильнѣе трясла бѣднаго мѣра за его коричневый шарфъ.

— Вѣрю вамъ, вѣрю!... но ради самого Бога, не трясите меня такъ!... Вѣдь я не картонъ съ канцелярскими бумагами. Сусанна Моле, казалось, не слыхала такого убѣдительнаго возванія задыхающагося мѣра и, не оставляя его шарфа, продолжала:

— Если-бы вы могли понять, сколько страданій переноситъ покинутая жена; но напрасно говорить объ этомъ — вы, мужчины никогда этого не поймете! Можно утѣшиться въ потерѣ состоянія, можно покориться одиночеству; — но беспорядочная

жизнь мужа уничтожает все.... все.... даже уважение, которого честная женщина вправе себя требовать..... Люди обыкновенно удивляются, как жена не в страх удержит при себе мужа и, говоря это, всегда обвиняют и клеветают на нее.... И бѣдная должна проститься со всеми радостями міра, со всеми свѣтлыми надеждами, — весна не имѣет для нее цвѣтовъ и день — свѣта, и даже жизнь, которой спокойно пользуется всякое животное, не имѣет для нея цѣны. Да, господниъ меръ! — женщина, которую вы теперь видите передъ собой — это моя Эмма, мое милое дитя, вскормленное моею грудью, перенесла все эти испытанія и горе!... И потому только, что какъ-то разъ, види себя осужденной на адскія пытки, она осмѣлилась поднять глаза изъ глубины бездны своей къ небу, и избрать себя единственнымъ друга въ жизни.... И по одной неосновательной и пустой жалобѣ мучителя, который самъ былъ причиною ея паденія, бывъ прежде самъ причиною всѣхъ ея несчастій и горя, — вы готовы тащить ее въ тюрьму!... Да гдѣ-же тутъ справедливость?.. Какое-же это правосудіе!.. Нѣтъ, нѣтъ! этого быть не можетъ, иначе пришлось-бы всемъ отказаться отъ имени человека.

— Вы говорите прекрасно, отвѣчалъ меръ зампрающимъ голосомъ отъ тряски, заданной ему Сусанной: — но, къ несчастію, я не могу тутъ ничего сдѣлать, и еще къ большому моему несчастію сейчасъ лишень буду способности слушать васъ, потому-что я совсемъ задыхаюсь....

И дѣйствительно бѣдный меръ, котораго Сусанна подъ конецъ своей рѣчи выпустила изъ рукъ, упалъ точно бревно на кресло, еще къ счастью находившееся по близости.

Но, не смотря на гнѣвъ свой, добрая кормилица сжаилась надъ своей жертвою и подала меру стаканъ холодной воды.

Когда представитель правосудія пришелъ въ себя и нѣсколько перевелъ духъ, — онъ обратился къ Сусаннѣ Моле съ просьбою отойти въ сторону и позволить ему переговорить съ маркизой д'Эскоманъ.

Сусанна, нисколько не сомнѣвавшаяся въ огромномъ вліяніи своего краснорѣчія на мнѣніе мера, послушалась его и спокойно подошла къ Лудовику де-Фонтанъ, сдѣвшему на стулѣ, облокотясь на окно.

Меръ занялъ кресло, на которомъ молодой человекъ провелъ несчастную ночь и выразилъ въ простыхъ словахъ полное сочувствіе къ незаслуженнымъ несчастіямъ маркизы. Покрен-

ность его возстановила упавшій духъ Эммы. Меръ обѣщалъ, что она найдетъ въ немъ участіе, совмѣстное съ его священными обязанностями и предложилъ отвести ее въ Версаль въ собственной каретѣ, безъ всякаго конвоя; но только поставилъ условіемъ, чтобы цѣль ихъ поѣздки осталась неизвѣстной ея кормилицѣ.

Наконецъ меръ оставилъ маркизу д'Эскоманъ, чтобы дать ей время одѣться. Выходя изъ комнаты, онъ просилъ ее поторопиться своимъ туалетомъ, потому-что имъ необходимо, какъ онъ говорилъ, выѣхать изъ Ланжюмо до разсвѣта, прежде чѣмъ на улицахъ покажется народъ, любопытство котораго никогда не обходится безъ неприятностей.

— Теперь ужъ поздно, господинъ меръ, — и ваши предосторожности напрасны, сказалъ Лудовикъ де-Фонтанье, съ котораго времени посматривавшій на улицу съ видимымъ безпокойствомъ.

— Боже мой! вскричала Эмма, простирая съ отчаяніемъ руки къ небу: — и такъ, я должна выпить до дна горькую чашу!....

Дѣйствительно, на улицы явственно слышался глухой ропотъ собравшейся толпы народа.

Въ это время Сусанна Моле подошла къ стеклянной двери, выходившей на балконъ, и прежде чѣмъ Лудовикъ де-Фонтанье понялъ ея движеніе, она уже растворила дверь и вышла.

При появленіи ея на балконѣ, въ толпѣ, состоявшей, по крайней-мѣрѣ, изъ пятисотъ человекъ, которые сбѣжались къ станціонному дому ради любопытства, желая узнать по какому случаю передъ гостинницей стоятъ жандармы, — раздалось пятьсотъ самыхъ насмѣшливыхъ восклицаній и нѣсколько камней полетѣло въ окна комнаты маркизы д'Эскоманъ.

Эмма съ ужасомъ вскрикнула и спрятала свое лицо на груди Лудовика де-Фонтанье, подбѣжавшаго къ ней при первомъ взрывѣ народнаго негодованія.

Испуганный меръ схватилъ сзади Сусанну и старался втащить ее въ комнату, говоря: — неужели вы хотите быть побитой камнями?

Но кормилица была гораздо сильнѣе мера и, ухватившись за перилы балкона, оттолкнула отъ себя представителя правосудія. Она нисколько не испугалась неистовыхъ криковъ толпы и нѣсколькихъ камней, брошенныхъ въ окна дома дѣтскими руками.

Сусанна Моле старалась доказать народу, также какъ доказывала меру, что онъ заблуждается на счетъ маркизы д'Эскоманъ; что ея Эмма, какъ прежде, достойна полнаго уваженія и вниманія общества. Наконецъ Сусанна пропзнесла рѣчь передъ жителями Ланжюмо.

И рѣчь ея, простая, но сильная, искренняя и горячая, если не убѣдила, то растрогала народъ.

Шумъ голосовъ постепенно затихалъ, вниманіе видимо возрастало и, наконецъ, на улицѣ воцарилась полная тишина.

Сусанна Моле повторила любопытнымъ слушателямъ все, что сказала меру; но, на этотъ разъ, возраженія ея были гораздо энергичнѣе. Съ такимъ истиннаго оратора, она тотчасъ поняла, что передъ толпой, стоявшей подъ балкономъ, необходимо говорить доступнымъ ей языкомъ; ея простонародный жаргонъ правился деревенской аудиторіи, ея рѣзкіе жесты подкрѣпляли сильные слова.

Неистовая нѣжность доброй кормилицы къ ребенку, вскормленному ея молокомъ; отчаянные крики обезумѣвшей матери; страшные порывы негодованія и ненависти къ проступкамъ ея мужа, къ несправедливости вообще, — все это сильно подѣйствовало на сердца женщинъ, стоявшихъ у балкона. И вотъ показались платки на глазахъ слушательницъ, и когда одушевленная Сусанна окончила свою энергическую рѣчь, изъ толпы раздались одобрителныя восклицанія: «браво! браво!»

Но взволнованнымъ народнымъ страстямъ этого мало, — имъ всегда нужна какъя-нибудь жертва. И въ толпѣ слушателей Сусанны нѣкоторыя кумушки, предложивъ показать на мужѣ пресѣдуемой жены примѣръ, въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ.

Къ счастью маркиза д'Эскомана, онъ прежде еще уѣхалъ изъ Ланжюмо въ Парижъ, передавъ меру подробную инструкцію, какъ дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ.

Смѣлость Сусанны Моле принесла однакоже пользу. И когда маркиза д'Эскоманъ, послѣ трогательнаго прощанія съ Лу-

довикомъ, котораго могла увидѣть не иначе какъ въ присутствіи судей, появилась въ дверяхъ гостиницы подъ руку съ меромъ, — толпа почтительно растушилась передъ нею и пропустила къ экипажу, сопровождая шопотомъ самаго симпатичнаго уваженія. Выраженіе такого сочувствія столпившагося народа къ маркизѣ д'Эскоманъ, нѣсколько облегчило ея горе.

Что же касается Сусанны Моле, она вполне торжествовала, пожимая съ гордымъ удовольствіемъ протиснутые къ ней руки импровизированныхъ слушателей. —

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О ТОМЪ, ЧТО ПОДРѢЗЫВАЕТЪ КРЫЛІЯ У ЛЮБВИ.

Скандальные процессы вовсе не рѣдкость въ наше время, и притомъ публика страстно любитъ такія зрѣлища, — особенно если обѣ стороны, и истецъ и отвѣтчикъ, принадлежать къ высшимъ классамъ общества. И потому, когда приходитъ очередь такого публичнаго процесса, залу судилища всегда бываетъ загромаждено народомъ. Если-бы изслѣдовать, какія именно чувства привели туда слушателей; то всю эту толпу можно было бы раздѣлить на нѣсколько категорій, рѣзко отличающихся одна отъ другой.

При такомъ анализѣ, на первомъ планѣ представляется категория дилетантовъ по части похпщеній и оболщевій; для этихъ людей процессъ составляетъ только прелестную и занимательную главу одного изъ тѣхъ романовъ, которыми они такъ восхищаются. Эти господа являются въ залу судилища, чтобы оцѣнить на дѣлѣ, собственными глазами, достоинства героини, и обсудить между собою не важность преступленія, но соблазнительную для нихъ процедуру грѣха. Они воображаютъ себя въ театрѣ; вооруженные биноклями и лорнетами, они безстыдно стараются, съ терпѣніемъ и смѣшленною истинныхъ дикарей, уловить мгновение, когда необходимость прибѣгнуть къ платку заставитъ бѣдную женщину приподнять нѣсколько вуаль, подъ которымъ она надѣялась скрыть и краску лица и свой позоръ. Дилетанты поднимаются на свои скамьи, стараясь подмѣтить, хороша ли попка у актрисы, и нѣтъ ли никакой нужды до слезъ, если только глаза, проливающие ихъ, прелестны. Если въ видахъ общественной нравственности публика не допускается въ залу судилища, дилетанты приходятъ въ рѣшительное отчаяніе, и рѣдко случается, чтобы обвинительный актъ могъ удовлетво-

рить ихъ своими эпизодическими подробностями. Минуты сильнѣйшей духовной пытки возбуждаютъ ихъ сожалѣніе; но они простодушно сожалѣютъ не столько въ видахъ нравственности, сколько собственнаго любопытства. Они обыкновенно снисходительны къ обвиненной, если она хороша собой; но ихъ шумныя и слишкомъ назойливыя изъявленія состраданія принадлежатъ къ числу тѣхъ пытокъ, которыя должна перечувствовать бѣдная женщина, выставленная судомъ къ позорному столбу до прознесенія надъ ней приговора.

За этой категоріей слѣдуетъ разрядъ тѣхъ, которые приходятъ смѣяться надъ несчастіемъ другихъ, въ полномъ убѣжденіи — доказать этымъ, что они сами недоступны такому паденію.

Соучастники въ дѣлѣ — къ числу которыхъ принадлежатъ и меръ города Ланжюмо, — эти господа такъ и смахиваютъ на купую лисицу. Это друзья, о роли которыхъ не стоило-бы даже распространяться, — такъ она понятна; обязанные какою нибудь благодарностію или мужу или женѣ, они приходятъ расплатиться съ тою или другою стороною. И если въ залѣ судилища поднимается глухой ропотъ во имя и въ защиту оскорбленной, — можно быть увѣреннымъ, что говоръ раздается изъ среды этой группы.

Остаются еще двѣ группы, категорія студентовъ, или, вѣрнѣе сказать, женщинъ, являющихся съ цѣлью изучить на-дѣлѣ, гдѣ именно слѣдуетъ имъ на будущее время остановиться, чтобы не подвергнуться ужасной необходимости занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. И наконецъ, группа глупцовъ, которые чисто-сердечно считаютъ чрезвычайно опаснымъ, если природа не дала сердцу женщины привязанности къ супружеской жизни.

Какъ ни различны тайныя побудительныя причины этой толпы, невоспитанной для истинно-гласнаго суда, положеніе всѣхъ ихъ представляется одинаково и бессмысленнымъ и жестокимъ, потому что ихъ наблюденіе не есть потребность общественной справедливости, а безстыднаго любопытства.

Рѣшительно непонятно, какую пользу можетъ извлечь общество, изъ подобной гласности, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго чувства законности и уваженія къ идеѣ правды.

Развѣ недовольно пяти человѣкъ, чтобы заставить покраснѣть преступницу, вмѣсто двухъ-сотъ зѣвакъ, которые идутъ въ палату суда съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и въ маскарадъ.

Кто знаетъ гражданское воспитаніе Франціи, тотъ повѣритъ,

что наша судебная гласность скорѣе походитъ на площадное гаерство, чѣмъ на общественный протестъ. Я не отвергаю влияния народнаго взора и волю въ подобныхъ случаяхъ; но я говорю, что мы привыкли искать въ судебныхъ процессахъ не смысла и правосудія, а скандальныхъ зрѣлищъ.

Послѣ этого легко представить, съ какимъ чувствомъ должна явиться на эту сцену женщина, съ душой и убѣжденіемъ. Законъ еще не знаетъ, обвинить онъ или оправдаетъ ее; но рука жандарма или палача срываетъ съ нея таинственный покровъ стыдливости и ставитъ ее лицомъ къ лицу съ обществомъ, подъ клеймомъ измѣнившей жены или падшей дѣвушки. И по какому праву это общество выставляетъ на позоръ брачную тайну, отдѣливъ семейную жизнь отъ публичной всевозможными ширмами. По какому праву, оно клеймитъ женщину преступницею, обставивъ ее со всѣхъ сторонъ скользкими стезями общественнаго положенія. Вѣдь это же самое общество позволяетъ продать дочь старому мужу, промѣнять молодую дѣвушку на ферму или замокъ, и потомъ оно же преслѣдуетъ измѣну мужу или оскорбленіе семейной нравственности. По-крайней-мѣрѣ, за чѣмъ оно ведетъ ее на скамью осужденныхъ, въ глазахъ многочисленной толпы и въ присутствіе судей, которые никогда не чувствовали сердцемъ женщины, никогда не думали ея головой.

Нѣтъ сомнѣнія, что для всякой женщины, кто-бы она ни была, должно быть ужасной пыткой сидѣть на этой скамьѣ, опозоренной прикосновеніемъ воровъ и убійцъ. По этому можно вообразить себѣ, что должна была перечувствовать маркиза д'Эскоманъ, увидя себя въ такомъ положеніи.

Она слишкомъ положила на свою нравственную силу и не думала, чтобы дѣйствительность была такъ ужасна. Переговоры ея съ знаменитымъ адвокатомъ, взявшимъ на себя защиту ея, прикрывали до-сихъ-поръ, на сколько можно было, мрачную сцену, которая ожидала ее впереди. Изслѣдовавъ основательно дѣло маркизы, адвокатъ позволялъ ей надѣяться; но Эмма поняла это слово не въ томъ смыслѣ, чтобъ любовь ея осталась безнаказанной; она вообразила себѣ, что она можетъ надѣяться на симпатичную снисходительность своихъ судей и зрителей, и что если эта снисходительность и не скроетъ ея вины отъ взоровъ правосудія, — по-крайней-мѣрѣ извинитъ и смягчитъ ея паденіе слезою состраданія. Она думала, что безпристрастное изслѣдованіе процесса, безъ всякаго лицепріятія къ вино-

вникамъ его, оправдаетъ ее въ глазахъ людей съ благородной душою, — единственныхъ, уваженіемъ которыхъ она теперь дорожила.

Съ своей стороны Сусанна также успокоивала маркизу. Она долго не могла свыкнуться съ мыслью увидѣть Эмму въ заключеніи, какъ преступницу; и не понимала, что малѣйшая улпка, представленная слѣдователями, требовала ни болѣе ни менѣе какъ публичнаго оправданія. Однакожъ, благодаря той самоувѣренности, которую внушило ей, какъ мы уже видѣли, торжество ея въ Ланжюмо, Сусанна была убѣждена, что маркиза получитъ блистательное удовлетвореніе, и что все это дѣло обратится въ стыдъ и позоръ тому, кого она считала единственнымъ преступникомъ.

Въ первое время заключенія Луdivика де-Фонтанье и маркизы д'Эскоманъ, Сусанна посѣщала ихъ поочередно, какъ посредница взаимныхъ утѣшеній, которыя влюбленные находили въ пересылкѣ изъявленій любви своей. Но адвокатъ настоялъ потомъ, чтобы кормилица Эммы прекратила свои визиты, такъ какъ ихъ легко можно было-бы истолковать въ дурную сторону для маркизы.

Съ этой минуты Сусанна уже не разставалась съ Эммой: добрая нянька имѣла у себя въ запасѣ множество самыхъ восхитительныхъ разказовъ и о восторженной любви молодого человѣка и о томъ, сколько выказывалось нѣжности въ глазахъ его, сколько трогательнаго волненія въ голосѣ, когда онъ говорилъ объ Эммѣ. Повторяя передъ маркизой, по настоянію ея, все что ни говорилъ ей Луdivикъ, и передавая ей даже какимъ-пменню тономъ онъ произносилъ эти слова, Сусанна доставляла питомницѣ единственное утѣшеніе.

Наконецъ насталъ день, въ который судьба маркизы д'Эскоманъ должна была рѣшиться.

Въ залѣ судилища скамья обвиненныхъ точно также требуетъ своего условнаго туалета, какъ балы или торжественные обѣды.

Адвокатъ предупредилъ Сусанну, что маркиза должна быть одѣта въ черное и Сусанна не упустила изъ виду ни малѣйшей бездѣлицы, употребивъ всѣ старанія, чтобъ эта одежда выказала еще рельефнѣе красоту Эммы. Добрая женщина не хотѣла пренебречь ни однимъ средствомъ, которое могло-бы оказать вліяніе на судей несравненной Эммы.

Маркизу д'Эскоманъ ввели въ залу суда.

Она съ ужасомъ отступила назадъ, при видѣ тысячей глазъ, сосредоточенныхъ на ней, при видѣ массы народа, толпившагося въ тѣсной оградѣ. Маркиза хотѣла бѣжать; но неумолимая дверь уже закрылась за ней и адвокатъ ее — единственный человѣкъ во всей этой толпѣ, на защиту котораго она могла рассчитывать предложивъ ей руку и проводилъ ее, чуть державшуюся на ногахъ, къ скамьѣ, гдѣ сидѣлъ уже Лудовикъ.

Засѣданіе открылось. Впечатлѣніе, произведенное на молодую женщину, было такъ глубоко и сильно, что всѣ ея члены дрожали какимъ-то судорожнымъ трепетомъ. Густой туманъ пронесся передъ ея глазами; въ ухахъ ея звенѣлъ какой-то смѣшанный гулъ, похожій на отдаленный говоръ моря, и мѣшала ей разслушать королевскаго прокурора, прочитавшаго обвинительный актъ. Составитель этой обыкновенной формальной бумаги, казалось, боялись слишкомъ далеко заходить въ прошедшее маркизы; изъ опасенія, чтобы объ это прошедшее не сокрушилось обвиненіе, взведенное на Эмму, а съ нимъ не упала и самый процессъ.

За прокуроромъ долженъ былъ говорить адвокатъ маркиза д'Эскоманъ.

Онъ былъ заранѣе подготовленъ; онъ не зналъ ни маркиза, ни жены его; но это былъ тотъ продажный подъячій, воспитанный въ сквозныхъ коридорахъ «Палаты Юстиціи», котораго совесть была растяжима пропорціонально кошельку кліента. За неимѣніемъ таланта, онъ вносилъ въ свою адвокатуру обильный источникъ желчи.

Онъ загремѣлъ во имя поруганной нравственности, во имя общественныхъ законовъ, безстыдно нарушенныхъ, во имя общественного возмездія, надъ которымъ наругались нарушители закона. Онъ призывалъ на голову виновной всю строгость трибунала съ такимъ грознымъ краснорѣчіемъ, какъ-будто дѣло шло объ одномъ изъ тѣхъ чудовищъ, которыхъ время-отъ-времени общество съ ужасомъ извергаетъ изъ нѣдръ своихъ. Онъ былъ увлекателенъ, былъ грозенъ, то вдохновляясь Дантомъ, то опираясь на тексты Моисея и римскаго кодекса.

Все это было еще сносно для маркизы.

Но вотъ адвокатъ обратился къ ей прошедшему, сталъ псаять ея мысли и дѣйствія, давать ложное преступное значеніе ея намѣреніямъ и, обрывая листокъ-за-листкомъ, цвѣтокъ-за-цвѣткомъ, сорвалъ съ нея дѣвственный вѣнокъ, принесенный ею къ алтарю. Выводя на сцену личность маркизы, онъ представилъ, какъ она злоупотребила довѣренностью одного пэра са-

мыхъ честныхъ и самыхъ почтенныхъ людей; обманывала его личиною духовнаго ханжества и предала имя, до-сихъ-поръ уважаемое, общественному презрѣнiю, давъ мѣсто преступной страсти у постели своего мужа. Когда Эмма почувствовала прикосновенiе грязи, которую адвокатъ кидаль ей прямо въ лицо полными горстями; когда, прибѣгнувъ къ фантастическому сравненiю, онъ сорвалъ завѣсу брачнаго алькова и представилъ глазамъ толпы маркизу д'Эскоманъ, обрисованную имъ въ видахъ пользы его кліента, нагую какъ Мессалину, и какъ Мессалину сладострастную, съ этой минуты молодой женщиной казалось, что ее давить кошмаръ ужаснаго сновидѣнiя. Пронзительный голосъ адвоката доходилъ до нея только урывками и въ этихъ рѣзкихъ звукахъ, ей слышались мѣрные удары похороннаго колокола. Тысячи взоровъ, которыхъ она такъ ужаснулась при входѣ въ залу, теперь обратились для нее въ желѣзо и сталь; они пронзали ее и наносили раны уже не душѣ ея, но самому тѣлу. Незамѣтное до-сихъ-поръ вздрагиванiе обратилось теперь въ сильный трепеть и, съ раздрающимъ душу крикомъ, она упала безъ чувствъ въ потрясающихъ конвульсіяхъ.

Что касается до Сусанны, то ее давно уже не было подлѣ Эммы. При первыхъ словахъ адвоката маркиза д'Эскомана, она быстро прервала рѣчь его, и, не смотря на ея крики, сопротивленiя, просьбы и угрозы, президентъ велѣлъ вывести ее изъ залы.

Лудовикъ де-Фонтанъ плакалъ. Все, что онъ не придумывалъ сдѣлать для маркизы могло только компрометировать бѣдную женщину, которую вынесли въ страшныхъ спазмахъ. Мало этого, адвокатъ Лудовика совѣтовалъ ему даже скрыть свои слезы.

За отсутствіемъ обвиненной, президентъ, по окончанiи рѣчи адвоката, закрылъ на время засѣданiе.

Когда Эмма пришла въ себя, ее спросили согласна ли она опять явиться передъ трибуналомъ.

Она ничего не отвѣчала; молчанiе было принято за согласіе.

Природа, положившая предѣлы нашимъ силамъ, положила границы и нашимъ страданiямъ. Какъ скоро послѣднiя достигаютъ извѣстной степени, человекъ болѣе не чувствуетъ ихъ. Сознаніе болѣе его покидаетъ, и пытки становятся безспильны. Въ эти минуты душа, повидному ускользаетъ на время изъ рукъ своихъ мучителей, оставляя имъ въ залогъ своего собрата,— бѣдное тѣло.

Эмма уже не плакала, она была какъ-будто парализована и

стояла едва держаась на ногахъ съ повислыми руками, неподвижными глазами, и совершенно ледянымъ взоромъ.

Подавая ей пособіе, нужно было приподнять вуаль, и при входѣ въ судилищѣ, она не подумала опустить его.

Когда она опять показалась въ залѣ, зрители, на которыхъ отчаянье Эммы произвело мало впечатлѣнія, были поражены красотой ея, скрытою до-сихъ-поръ отъ взоровъ ихъ по особенной снисходительности президента. Слезы, какъ мы уже сказали гдѣ-то, не безобразили Эммы; напротивъ, печаль придавала еще больше прелестей меланхолической ея физиономіи. Посреди шума, произведеннаго взволнованнымъ любопытствомъ, послышался легкій шопотъ состраданія, потому-что, изъ всѣхъ видовъ красоты только пластическая постоянно сохраняетъ свое вліяніе надъ человѣческимъ сердцемъ.

Эмма ничего не слыхала изъ того, что происходило во кругъ нее; адвокатъ, провожавшій ее въ залу, склонился и тихо сказалъ ей:

— Смѣли! Усердіе завлекло нашихъ противниковъ слишкомъ далеко: они погибли и я пришелъ въ восторгъ, когда увидѣлъ, что они даютъ дѣлу такой оборотъ. Если-бы вы ихъ подкупили, то и въ такомъ случаѣ они ни могли-бы оказать вамъ лучшей услуги. Они захотѣли представить маркиза д'Эскомана настоящимъ Катонемъ и, разумѣется, у его адвоката не достало краснорѣчія; я хорошо замѣтилъ это по проницательной улыбкѣ, которую уловилъ на лицахъ нашихъ судей, во время его рѣчи. Судьи за насъ. Вы то же, сударыня, упали въ обморокъ необыкновенно кстати. Посмотрите, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчаютъ насъ теперь публика. Я ручаюсь за выигрышъ процесса, и не только этого, но и за выигрышъ втораго, который мы поведемъ передъ гражданскимъ судомъ. Я тѣмъ болѣе увѣренъ въ благополучномъ исходѣ дѣла, что мы уже переговорили и условились съ адвокатомъ господина де-Фонтанье, и это очень облегчитъ наше общее условіе. Еще разъ говорю вамъ, будьте смѣли. Не болѣе какъ черезъ часъ, вы будете оправданы при всеобщихъ рукоплесканіяхъ.

Добрый адвокатъ чистосердечно былъ увѣренъ, что его кліентка точно также играла роль, какъ онъ исполнялъ свою. Изъ всего, что онъ сказалъ маркизѣ, она поняла только одно слово— имя Лудовика. Она повернулась къ адвокату и нашла въ себѣ еще столько силы, что могла улыбнуться.

Что касается до переговоровъ съ его собратомъ, о которыхъ

адвокатъ намекнулъ маркизѣ д'Эскоманъ, — они состояли въ слѣдующемъ:

Противъ Эммы существовала страшная уловка: маркизу д'Эскоманъ засталъ вмѣстѣ съ Лудовикомъ де-Фонтанье.

Но присутствіе Сусанны, спавшей въ одной комнатѣ съ Эммой, и отсутствіе малѣйшаго безпорядка въ одеждѣ Лудовика, ослабили нѣсколько фактическое заключеніе.

Конечно, повидимому можно было сослаться на свидѣтелей сцены, происшедшей въ улицѣ Клюни, но объ этомъ не смѣлъ и подумать повѣренный маркиза д'Эскоманъ: главнаго изъ этихъ свидѣтелей было весьма легко отвергнуть; а все то, что могли показать остальные, достаточно объяснило-бы несообразность дѣйствій маркизы, но не служило-бы убѣдительнымъ доказательствомъ для судей.

Полный самой пылкой преданности къ Эммѣ, Лудовикъ ни на одно мгновеніе не колебался принять на себя, ради ея спасенія, всѣ послѣдствія несправедливой или смѣшной роли.

Адвокатъ его, которому онъ сообщилъ принятое имъ твердое намѣреніе, переговорилъ объ этомъ съ адвокатомъ маркизы. Между послѣднимъ и Лудовикомъ де-Фонтанье было положено, что адвокатъ Эммы будетъ энергически отвергать, что между ею и Лудовикомъ существовали какія-нибудь особенныя отношенія, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ; адвокатъ маркизы обвинилъ Лудовика въ низкомъ намѣреніи употребить во зло дружбу молодой женщины, съ тою цѣлью, чтобы изъ самолюбія или не менѣе преступнаго легкомыслія, восторжествовать надъ любовью, на которую ему, однакожь, не дано было ни малѣйшаго поводу разсчитывать.

Адвокатъ маркизы д'Эскоманъ дошелъ уже до половины своей рѣчи, а Эмма все еще оставалась равнодушна ко всему окружающему. Онъ опровергъ клевету, жертвою которой сдѣлалась его кліентка: онъ возстановилъ всѣ факты, всѣ обстоятельства дѣла, въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Потомъ коснувшись самого маркиза д'Эскоманъ, онъ показалъ въ какой степени дѣйствительный, истинный маркизъ расходился съ идеальной добродѣтельной личностью, сложившейся въ умѣ краснорѣчиваго адвоката, точно также, какъ Минерва родилась изъ головы Юпитера. Онъ изложилъ передъ трибуналомъ безъ малѣйшей пощадки всѣ похождения маркиза, которыя были, какъ нельзя лучше, извѣстны Сусаннѣ, съ величайшей радостью передавшей ихъ защитнику своей питомицы. Онъ перечислилъ всѣ сцены разврата и

вывелъ балансъ между его имѣніемъ и расточительностью. Потомъ въ противоположность этой картинѣ, онъ представилъ маркизу съ ея честною и воздержною жизнью, посреди этого распутства и безпорядка, служившую предметомъ сожалѣнія и удивленія въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые ее знали; женщина, которая устояла предъ всѣми искушеніями и отвѣчала презрѣніемъ на всѣ легкомысленныя попытки. Ее обвинили въ преступной связи; адвокатъ раскрылъ передъ глазами трибунала домашній бытъ молодой женщины и показалъ съ какою грустною и стоическою покорностью судьбѣ она не искала утѣшенія даже въ состраданіи свѣта, но нашла его въ себѣ—въ благородномъ сознаніи своего достоинства.

Юристъ изобразилъ въ своей рѣчи .Людвика де-Фонтанье, если не соучастникомъ развратнаго маркиза, то молодымъ человекомъ въ высшей степени безхарактернымъ и пустымъ, бросившимъ любовницу, ради гордой мечты, — сдѣлаться обладателемъ маркизы.

При первыхъ-же словахъ адвоката, коснувшихся .Людвика, маркиза д'Эскоманъ подняла голову; яркая краска покрыла ея блѣдное до той минуты лицо, глаза ея переходили попеременно отъ .Людвика къ адвокату и отъ адвоката къ .Людovicу; останавливаясь на адвокатѣ, они, казалось, настоятельно требовали отъ него молчанія; обращаясь къ .Людovicу, они были полны вѣжливой мольбы.

Когда взоры .Людвика де-Фонтанье встрѣтились съ глазами маркизы, — онъ едва не измѣнилъ принятому имъ намѣренію; онъ понималъ ея страданія и спрашивалъ себя, не будетъ-ли предлагаемое имъ лѣкарство хуже самой болѣзни.

Чтобы избѣгнуть этого вліянія маркизы, .Людвикъ рѣшился сидѣть, потупивъ глаза свои. Въ этомъ положеніи человека, ставшаго теперь главнымъ преступникомъ, адвокатъ маркизы увидѣлъ превосходную тѣму для блестящей импровизаціи, которая должна была довершить побѣду его клиентки.

— Опустите голову, вскричалъ онъ;—подъ бременемъ угрызеній вашей совѣсти; склоните голову, на ней лежитъ презрѣніе всѣхъ васъ окружающихъ. Вы, никогда не любивъ этой женщины, употребили во зло ея дружбу, а потомъ продали ее. Вы заклеили доброе имя, до-сихъ-поръ ничѣмъ незапятнанное и, можетъ-быть, даже торговали имъ. Вы, котораго безумное тщеславіе сдѣлало клеветникомъ, примите достойное васъ на-

казаніе: съ этой минуты ваши глаза никогда не осмѣлятся встрѣтиться со взоромъ честнаго человѣка.

При этихъ громовыхъ словахъ, маркиза д'Эскоманъ встала, гордо поднявъ голову, съ сверкающими глазами, съ дрожащими отъ негодованія губами; она мгновенно и совершенно преобразилась въ глазахъ тѣхъ, которые были поражены нѣжнымъ и робкимъ выраженіемъ ея физиономіи.

— Вы клеветеете, милостивый государь, вскричала она:— Лудовикъ де-Фонтанье никогда не обманывалъ меня! Вы клеветеете! Лудовикъ де-Фонтанье никогда не предавалъ меня, никогда не клеветалъ на меня. Вы клеветеете, милостивый государь! Я люблю его.

И не смотря на присутствіе жандармовъ, она рванулась и упала въ объятія Лудовика.

И какъ адвокатъ ее придвинулъ, зала разразилась громомъ рукоплесканій; но предсказанія его сбылись только на половину: трибуналь присудилъ маркизу д'Эскоманъ къ заточенію на шесть мѣсяцевъ, и на три Лудовика де-Фонтанье.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

ИЗЪ

ИСТОРИИ ГРЕЦІИ.

ГРОТА.

Переводъ съ англійскаго

Ф. ПЕНАРОКОМОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ИЗЪ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ, ГРОТА *).

Первоначальное общественное устройство Грековъ,
выраженное легендами.

Хотя самыя лица и событія, изображенныя въ легендарныхъ поэмахъ Грековъ, и не могутъ быть относимы къ области исторіи въ собственномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе эти поэмы чрезвычайно важны въ историческомъ отношеніи, по встрѣчающимся въ нихъ очеркамъ быта и нравовъ древнѣйшихъ временъ. Вслѣдствіе тѣхъ самыхъ обстоятельствъ, которыя лишаютъ эти рассказы всякаго права на историческую достовѣрность, они становятся для насъ особенно дороги, такъ какъ въ нихъ, даже безъ вѣдома авторовъ, отразилось современное имъ общество. Повѣствуя о событіяхъ былого времени, ничѣмъ не подтверждае-

*) Редакція, начиная печатать переводъ «Исторіи Греціи», Грота, въ приложеніи къ Русскому Слову, считаетъ долгомъ предупредить своихъ читателей, что въ этомъ переводѣ будутъ переданы избранныя только извлеченія изъ этой классической книги. Въ этихъ извлеченіяхъ мы намѣрены представить одну, цѣльную идею Грота, — его взглядъ на постепенное развитіе гражданской и политической жизни древней Греціи, признанный европейской критикой лучшей частью этой исторіи. Полный же переводъ огромнаго, 12-ти томнаго сочиненія, былъ бы крайне неудобенъ при журналѣ; притомъ фактическая сторона Исторіи Грота можетъ интересовать нѣсколькихъ спеціалистовъ, изъ которыхъ, конечно, многіе въ состояніи прочитать его въ англійскомъ оригиналѣ; но не въ этомъ наша цѣль. Желая удовлетворить требованіямъ большинства, котораго интересъ въ результатѣ, а не въ подробностяхъ ученаго труда, мы рѣшились взять изъ него то, что составляетъ, такъ сказать, душу Исторіи Древней Греціи.

Прим. Ред.

мыхъ, поэты невольно берутъ всю обстановку своихъ картинъ изъ окружающаго ихъ настоящаго. Въ такомъ быту, какимъ жили древнѣйшіе Греки, безъ книгъ, безъ средствъ къ отдаленнымъ путешествіямъ — и безъ всякаго знакомства съ языками и нравами другихъ народовъ, воображеніе даже самыхъ даровитыхъ людей естественнымъ образомъ подчинилось всему тому, что ихъ окружало, въ несравненно большей степени, чѣмъ въ позднѣйшія времена Солона и Геродота; потому создаваемые ими характеры и описываемыя происшествія должны были имѣть несравненно болѣе сходства съ дѣйствительностью, среди которой они жили.

Произведенія поэзіи въ тѣ времена не назначались для ученыхъ литературныхъ критиковъ, неусыпно преслѣдующихъ слишкомъ близкое подражаніе другимъ писателямъ, — уже удовлетворенныхъ всѣмъ простымъ и естественнымъ, и требующихъ чего либо новаго и оригинальнаго отъ каждой вновь являющейся поэмы. Чтобы произвести сильное впечатлѣніе, тогда достаточно было изобразить, съ живостію, свойственною истинному дарованію, самыя естественныя проявленія судебъ и страданій человѣчества, и идеализировать тѣ виды взаимныхъ отношеній, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, съ которыми слушатели были наиболѣе знакомы. То же самое находимъ мы и въ изображеніи боговъ, въ которыхъ можно было-бы ожидать большей свободы фантазіи и большаго отклоненія отъ дѣйствительности. Гомеръ возводитъ на Олимпъ тѣ страсти и прихоти, ту жажду власти и преобладанія, ту способность переходить отъ величія къ слабости, — которыя проявлялись въ начальникахъ греческихъ племенъ *); эта склонность воспроизводить въ образахъ фантазіи тѣ человѣческія отношенія, которыя поэтъ привыкъ видѣть въ дѣйствительности, должна была проявиться еще гораздо сильнѣе, когда нужно было обрисовать обыкновенныя человѣческія личности, — предводителя и народъ его, война и его товарищей, мужа, жену, отца, сына — или едва зародившіяся начала судебныхъ и административныхъ учреждений. Нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что рассказъ Гомера, не смотря на вымышленность лицъ и происшествій, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ весь-

*) Καὶ τοὺς θεοὺς δὲ διὰ τοῦτο πάντες ῥαπὶ βασιλεύουσαι, ὅτι καὶ αὐτοί, οἱ μὲν εἰσὶ καὶ νῦν, οἱ δὲ τὸ ἀρχαῖον, ἐβασιλεύοντο. Ὅτι καὶ τὰ εἶδη ἑαυτοῖς ἀφομοιοῦσιν οἱ ἄνθρωποι, οὕτως καὶ τοὺς βίους τινὲν θεῶν, (Aristot. Politic. I 1,7.

ма близко подходить къ дѣйствительности *). Предстоявшая поэту необходимость почерпнуть матеріалы изъ источника, тогда еще къ счастью неистощеннаго и близкаго ему по собственному опыту и наблюденію, — составляетъ одну изъ причинъ той свѣжести и живости картинъ, по которымъ Гомеръ не имѣетъ соперниковъ и которыя составляютъ отличительную прелесть Илиады и Одиссеи въ числѣ всѣхъ другихъ произведеній, отъ начала и до конца греческой литературы.

И такъ, въ то же время, какъ мы отказываемся принять какую нибудь хронологію для событій, изображенныхъ въ греческихъ легендахъ, и даже вовсе исключаемъ ихъ изъ области истинной исторіи, — мы можемъ извлечь изъ нихъ большую пользу, какъ изъ памятниковъ того состоянія общественныхъ отношеній, нравственнаго и умственнаго развитія Грековъ, которое будетъ для насъ исходною точкою исторіи ихъ. Конечно, и это состояніе какъ всё послѣдовавшія за нимъ, имѣло свои причины и развилося на основаніи извѣстныхъ условій, которыя его и опредѣляли, но объ этихъ причинахъ и условіяхъ мы ничего не знаемъ, и потому должны принять положеніе, явившееся результатомъ ихъ, за первоначальный фактъ и тщательно изучить его съ тѣмъ, чтобы прослѣдить происшедшія въ немъ послѣдствія перемѣны. Представить себѣ абсолютное начало, или происхожденіе чего бы то ни было, какъ справедливо замѣчаетъ Нибуръ, намъ совершенно невозможно; мы способны постигнуть и наблюдать только движеніе, развитіе или разрушеніе, — т.-е. переходъ предмета изъ одного состоянія, опредѣляемаго суммою извѣстныхъ обстоятельствъ, въ другое, — переходъ, произведенный извѣстнымъ сочетаніемъ физическихъ или нравственныхъ законовъ **). Относительно Грековъ, легендарный періодъ, какъ са-

*) Въ изображеніяхъ гомеровыхъ героев нѣтъ никакой существенной и характеристической разницы между отдѣльными греческими племенами, равнымъ образомъ и между Греками и Троянцами. См. Гельбига Die sittlichen Zustände des griechischen Heidenalters. ч. II. стр. 53.

**) Нибуръ, Römische Geschichte ч. I. стр. 55. изд. 2-ое. «Erkennt man aber dass aller Ursprung jenseits unserer nur Entwicklung und Fortgang fassenden Begriffe liegt, und beschränkt sich von Stufe auf Stufe im Umfang der Geschichte zurückzugehen, so wird man Völker eines Stammes (das heisst durch eigenthümliche Art und Sprache identisch) vielfach eben an sich entgegen liegenden Küstenländern antreffen ohne dass irgend etwas die Voraussetzung erheische, eine von diesen getrennten Landschaften sei die ursprüngliche Heimath gewesen, von wo ein Theil nach der andern gewandert wäre.

мый ранній изъ сколько нибудь намъ извѣстныхъ періодовъ, долженъ быть принимаемъ за то первоначальное состояніе, отъ котораго начинается рядъ измѣненій. Потому на насъ лежитъ обязанность изобразить, по возможности, его главныя характеристическія черты и показать, какимъ-образомъ онъ отчасти воспиталъ Элиновъ для послѣдующихъ эпохъ Солона, Перикла и Демосеена, а отчасти стоялъ съ ними въ рѣзкомъ противорѣчїи.

I. Политическое состояніе, представляющееся намъ вездѣ въ легендахъ Грековъ, въ главныхъ чертахъ своихъ существенно отличается отъ того, которое повсемѣстно преобладало между ними во время пелопонезской войны. И олигархіи и демократіи вѣременъ историческихъ одинаково требовали извѣстной общепринятой системы управленія, заключающей въ себѣ три главныхъ элемента: опредѣлительность значенія должностей, срочность исполненія ихъ и окончательную отвѣтственность должностныхъ лицъ (въ томъ или другомъ видѣ) передъ всею совокупностью полноправныхъ гражданъ,—передъ сенатомъ или передъ народнымъ собраніемъ, или передъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Было, конечно, много существенныхъ различій между однимъ видомъ правительства и другимъ, относительно условій гражданской полноправности, атрибутовъ и степени власти народного собранія, правилъ допущенія къ должностямъ и т. д., и отдѣльныя лица часто могли быть недовольны тѣмъ, какъ всѣ эти вопросы разрѣшались въ родномъ городѣ ихъ. Но въ понятіяхъ каждаго отдѣльнаго Грека какая-нибудь система или извѣстные опредѣленные правила были необходимы для того, чтобы правительство могло считаться законнымъ и чтобы гражда-

»Dies ist der Geographie der Thiergeschlechter und Vegetation analog, deren grosse Bezirke durch Gebirge geschieden werden und beschränkte Meere einschliessen».

«Между тѣмъ, признавъ однажды, что всякое абсолютное начало лежитъ внѣ предѣловъ нашихъ познавательныхъ способностей, могущихъ постигнуть только развитіе и продолженіе, и стараясь только восходить въ предѣлахъ исторіи отъ послѣдующей ступени къ предъидущей, мы во многихъ случаяхъ найдемъ на противоположныхъ берегахъ одного и того же моря народы единоплеменные (т. е. отличающіеся отъ прочихъ торжествомъ обычаевъ и языка), не имѣя однакоже никакой причины предполагать, чтобы тотъ или другой изъ береговъ былъ первоначальною отчизною, изъ которой бы часть жителей переселилась на другой берегъ. Это явленіе аналогично съ тѣмъ, что мы видимъ въ царствахъ животномъ и растительномъ, въ которыхъ края имѣющіе одинъ общій характеръ, отдѣляются отъ другихъ горами, а внутреннія моря вообще заключаются въ предѣлахъ одного и того же края.

не считали себя нравственно обязанными повиноваться ему. Сановники, въ рукахъ которыхъ находилась власть, могли быть болѣе или менѣе способны, болѣе или менѣе популярны, но личные чувства каждаго Грека относительно ихъ, обыкновенно терялись въ расположеніи или отвращеніи, которое онъ питалъ ко всей системѣ. Если какому-нибудь энергическому человѣку удавалось смѣлымъ переворотомъ или происками ниспровергнуть конституцію и захватить безграничную власть, то какъ-бы онъ хорошо ни управлялъ, онъ никогда не могъ внушить гражданамъ убѣжденіе въ томъ, что они обязаны ему повиновеніемъ. Владычество его было незаконно по самому началу своему, и потому даже умерщвленіе его не только не воспрещалось тѣмъ нравственнымъ чувствомъ, которое осуждало убійство во всѣхъ другихъ случаяхъ, но еще считалось славнымъ подвигомъ. Въ самомъ языкѣ Грековъ для такого человѣка существовало одно только названіе (*τύραννος* *) тиранъ, которое клеймило его, какъ предметъ всеобщаго страха и ненависти. Обращая взоры назадъ отъ исторической къ легендарной Греціи, мы находимъ картину, прямо противоположную той, которую здѣсь очертили. Въ правительствахъ того времени или почти или даже совсѣмъ нѣтъ никакой системы — еще менѣе видна въ нихъ мысль объ отвѣтственности правителей передъ управляемымъ ими народомъ; главная пружина повиновенія со стороны подданныхъ заключается въ чувствѣ личнаго уваженія къ властителю. Первымъ и преобладающимъ лицомъ въ общинѣ является царь, за нимъ слѣдуетъ ограниченное число подчиненныхъ ему царей или начальниковъ; далѣе вся масса свободныхъ людей, носящихъ оружіе, сельскіе хозяева, ремесленники, воины, живущіе добычею и т. д., ниже всѣхъ вольнонаемные рабочіе и купленные рабы. Царь не отдѣляется никакою рѣзкою, непереходимою чертою отъ другихъ начальниковъ, которые носятъ титулъ *basileus*, (*βασίλειος*) также, какъ

*) Греческое названіе *τύραννος* собственно не можетъ быть передано словомъ тиранъ, такъ какъ многіе изъ *τύραννοι* совсѣмъ не заслуживали этого названія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ, и съ которымъ совершенно несогласно было бы, если бы кто сталъ называть тирана кроткимъ и благонамѣреннымъ. Слово деспотъ ближе всего подходитъ къ греческому смыслу этого имени, такъ какъ оно выражаетъ понятіе о человѣкѣ, имѣющемъ больше власти, чѣмъ бы ему слѣдовало, но притомъ не исключаетъ благотѣльнаго употребленія этой власти нѣкоторыми лицами; впрочемъ и это названіе далеко не выражаетъ всей силы чувствъ, возбуждаемыхъ въ Грекахъ первоначальнымъ греческимъ словомъ.

и онъ; преобладаніе его надъ всѣми прочими перешло къ нему по наслѣдству отъ предковъ и дагѣ переходитъ, по общему правилу, старшему сыну его; самому же роду царскому оно принадлежитъ какъ особая привилегія, дарованная благосклонностью Зевеса *). На войнѣ онъ является полководцемъ, первымъ изъ воиновъ по личной храбрости, и распорядителемъ всѣхъ движеній войска; во время мира онъ общій покровитель всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ; онъ же совершаетъ общественныя молитвы и жертвоприношенія, которыя должны умилостивить боговъ въ пользу народа. Какъ принадлежность его высокаго сана, ему отведены обширныя владѣнія, и онъ употребляетъ большую часть доходовъ съ своихъ полей и скота на широкое, хотя и грубое гостепрѣимство. Сверхъ того ему дѣлаютъ частыя подарки, чтобы отвратить его гнѣвъ, заслужить расположеніе **)

*) Примѣромъ этому можетъ служить феакійскій царь Алкиной (Одисс. XII—55—66). Кромѣ его упоминается двѣнадцать другихъ феакійскихъ βασιλεις, а онъ тринадцатый (VIII, 391).

Главные лица въ Илиадѣ и женихи Пенелопы въ Одиссеѣ называются безразлично и βασιλεις и ἄνακτες; послѣднее названіе выражаетъ собою, что они люди богатые, имѣющіе своихъ рабовъ (соотвѣтственно позднѣйшему названію δεσπότης, которое въ Илиадѣ еще не встрѣчается, хотя въ Одиссеѣ употреблено слово δεσπόσινα), между тѣмъ, какъ первое выражаетъ собою старшинство ихъ надъ соплеменниками. Предводитель народа могъ быть βασιλεύς только относительно свободныхъ людей, ἄναξ же и надъ свободными и надъ рабами.

Агамемнонъ и Менелай принадлежатъ къ самому царственному изъ родовъ (γένος βασιλευτέρων ср. Тиртея Fragm. III 8 стр. 9 изд. Шнейдевина)—къ роду Пелопидовъ, которымъ скипетръ, первоначально сдѣланный для Зевеса, былъ отданъ Гермесомъ (Илиад. II. 101; IX. 160; X. 239.) ср. Одисс. XV. 539. Поколѣніе Дардана особенно любимо Зевесомъ и потому оно βασιλευτάτων между Троянцами. Эти роды совершенно соотвѣтствуютъ царскимъ просаріае, носящимъ названія Амаловъ, Асдинговъ, Гунгинговъ и Литинговъ, между Готами, Вандалами и Лангобардами (Jornandes, de Rebus Geticis c. 14—21; Paulus Warnefrid. Gesta Longob. c. 14—21); то же представляеть и ἀρχικόν-γένος у хаонійскихъ Эпиротовъ (Θукид. II. 80).

**) Одисс. I. 392; XI. 184; XIII. 14; XIX. 109.

Οὐ μὲν γὰρ τε κακὸν βασιλεύμεν αἰψὰ τε οἱ δὲ
"Ἄνεϊον πίλεται, καὶ τιμητέρος αὐτός.

Илиад. IX, 154—297 (Агамемнонъ общается Ахиллесу, для утѣшенія его гнѣва, семь городов)

Εν δ' ἄνδρες ναίουσιν πολυῤῥήγες ποδύβουται,
Οἱ κέ σε δρωίγησι θεῶν ὡς τιμήσουσι,
Καὶ τοὶ ὑπὸ σκηπτρῷ λιπαρὰς τέλλουσι θίμιστῶν.

или избѣгнуть насилія; если же захватывается добыча отъ неприятеля, то царь получаетъ прежде общей раздачи значительный участокъ, заключающій въ себѣ, вѣроятно, и самыхъ красивыхъ пльнницъ *).

Таково положеніе царя въ героическія времена Греціи; за исключеніемъ герольдовъ и жрецовъ, имѣющихъ совершенно специальное и подчиненное значеніе, онъ — единственное лицо, которое

См. Илиады XII, 312; и упреки Терсита (II. 226) — βασιλῆας διαφροῦρους (Герода Раб. и Дн. 38—264).

Римскимъ царямъ былъ назначенъ обширный *τέμενος* — *agri, arva et arbusta et pascae laeti atque uberes* (Cicero, de Republ. V. 2); германскіе цари также принимали подарки: *Mos est civitatibus* (замѣчаетъ Тацитъ, *Mor. Ger.*) *ultra ac viritum conferre principibus, vel armentorum vel frugum, quod, pro honore acciptum, etiam necessitatibus subvenit.*

Доходъ персидскихъ царей до Дарія состоялъ только изъ такъ называемыхъ *δῶρα* или подарковъ (Герод. III. 89): Дарій первый ввелъ названіе подати и постоянное распредѣленіе ся. Царь Полидектъ, въ Серифѣ, приглашаетъ своихъ друзей на пирь, по условію котораго каждый изъ гостей долженъ участвовать въ сборѣ въ его пользу (Ферекида *Fragment. 26* изд. Дидо); и совершенно подобный случай представляетъ еракійскій пирь, приготовленный Севтомъ (Ксеноф. *Anab. VII. 3, 16—32* ср. Фукид. II. 97 и Велькера *Aeschyl. Trilogie* стр. 331). Подобныя вспомошествованія и приношенія, если даже и были сначала добровольными, то скоро сдѣлались обязательными. Въ европейскихъ монархіяхъ среднихъ вѣковъ, такъ называемые добровольные дары явились ранѣе народныхъ податей. Феодальныя вспомошествованія (*Aids*), замѣчаетъ Галламъ, были первымъ видомъ податей, которыя они долго собою замѣняли. Также о французской монархіи мы читаемъ: *La Cour des Aides avait été instituée, et sa jurisdiction s'était formée, lorsque le domaine des Rois suffisait à toutes les dépenses de l'Etat, les droits d'Aides étaient alors des suppléments peu considérables et toujours temporaires. Depuis, le domaine des Rois avait été anéanti: les Aides au contraire étaient devenues permanentes et formaient presque la totalité des ressources du trésor.* (*Histoire de la Fronde, par M. de St. Aulaire* гл. III. стр. 124).

*) *Ἐκὶ ῥητοῖς γύρασι πατρικί βασιλείαι*, говоритъ Фукидидъ о правительствѣ героическихъ временъ.

Аристотель выражаетъ почти тоже понятіе (*Polit. III, 10. 1*): *Ἡ βασιλεία— ἡ περὶ τοὺς ἡρωικοὺς χρόνους— αὐτὴ δ' ἦν ἐκόντων μὲν ἐπιότιαι δ' ἐρωστῆσιν— στρατιῶδες δ' ἦν καὶ δικαιοῦς ὁ βασιλεὺς, καὶ τῶν πρὸς τοὺς θεοὺς κῆρ τε.*

Едва ли можно однакоже сказать, чтобы власть царская была опредѣлена ничего не можетъ быть неопредѣленнѣе ся въ тѣ времена.

Агамемнонъ имѣлъ или покрайней мѣрѣ присвоивалъ себѣ право наказывать смертью неповинующихся воиновъ (*Arist. Polit. III. 9, 2*). Слова, которыя Аристотель читалъ въ рѣчи Агамемнона въ Илиадѣ — *Πάρ γάρ ἐμοὶ ἔμελλε* — не находятся въ дошедшихъ до насъ экземплярахъ: Александрійскіе критики исключали изъ Гомера много мѣстъ, составляющихъ слѣды древнихъ нравовъ.

представляется намъ облеченнымъ тѣмъ или другимъ индивидуальнымъ авторитетомъ, и которое всѣ функціи исполнительнѣйшей власти, требуемыя обществомъ, — въ то время весьма немногосложныя—или совершаетъ или по крайней мѣрѣ направляетъ. Его личное вліяніе, основанное на благосклонности боговъ, относящейся и къ нему и ко всему его роду, а вѣроятно и на убѣжденіи въ божественномъ происхожденіи — составляетъ главную черту въ картинѣ. Народъ внимаетъ его голосу, его предложеніямъ, и исполняетъ его волю: не только сопротивленіе ему, но и осужденіе его дѣйствій изображается какъ нѣчто ненавистное, и даже почти совсѣмъ не встрѣчается или приписывается исключительно одному или нѣсколькимъ изъ подчиненныхъ ему князей. Но чтобъ поддержать и оправдать подобное воззрѣніе въ народѣ, царь долженъ отличаться разными достоинствами физическими и нравственными и притомъ въ весьма высокой степени *). Онъ долженъ быть удалъ въ полѣ, уменъ въ совѣтѣ и краснорѣчивъ въ народномъ собраніи; онъ долженъ отличаться физической силою и дѣятельностью болѣе всѣхъ своихъ подданныхъ; онъ долженъ не только искусно владѣть оружіемъ, но и быть первымъ во всѣхъ атлетическихъ упражненіяхъ, которыми народъ привыкъ восхищаться. Даже знаніе самыхъ простыхъ видовъ ручнаго труда составляютъ необходимую принадлежность его; онъ долженъ быть хорошій плотникъ и кораблестроитель; какъ пахарь, долженъ уметь провести самую прямую борозду и какъ косецъ не утомляться и не требовать отдыха въ продолженіи самаго длиннаго лѣтняго дня**). Условіями добровольнаго повиновенія со стороны народа, въ героическія времена Греціи, были происхожденіе царя отъ извѣстныхъ родовъ, личное превосходство его какъ физическое, такъ и умственное и особая благосклонность къ нему боговъ: царь, дожившій до глубокой старости, какъ Пелей и

*) Нѣсколько сильныхъ рѣчей объ этомъ влагаются въ уста Сарнедона (Иліад. XII, 310—322).

Цари назначаются самимъ Зевесомъ Ἐκ δὲ Διὸς βασιλῆες (Гезіод. Θεог. 96; Каллимахъ Гим. Зев. 79) *κράτερη δερῶντος Διὸς* — перифразисъ, употребленный для выраженія царскаго достоинства Пелея и Нелея (Одисс. XI, 255 ср. Иліад. II, 204).

***) Одиссей самъ строитъ себѣ спальню и кровать и сколачиваетъ плоть (Одисс. XXIII. 188; V, 246—255): онъ хвалится искусствомъ косца и пахаря (XVIII. 365—375); о подвигахъ его въ атлетическихъ состязаніяхъ см. VIII. 180—230. Парисъ самъ участвовалъ въ постройкѣ своего дома (Иліад. VI. 314).

Лаэртъ, не можетъ удержать своего положенія *). Но, съ другой стороны, отъ человѣка, соединяющаго въ себѣ всѣ эти элементы власти, народъ готовъ выносить значительную степень жестокости, произвола и хищности; нравственное чувство не слишкомъ строго прилагается къ сужденію о поступкахъ лицъ, отличающихся такими блистательными качествами. Также какъ и въ отношеніи къ богамъ, общіе эпитеты *великодушный*, *справедливый*, придаются царямъ въ видѣ ублаженій, внушенныхъ покорностью и страхомъ, между тѣмъ какъ дѣйствія ихъ часто не только не оправдываютъ этихъ прилагательныхъ, но даже рѣзко противорѣчатъ имъ. Такого рода похвала обозначаетъ **) вообще человѣка знатнаго, богатаго, вліятельнаго и смѣлаго, котораго рука сильна и на защиту и на разрушеніе, какія бы ни были его нравственные качества; между тѣмъ какъ противоположный эпитетъ *злой* означаетъ человѣка бѣднаго, незнатнаго и безсильнаго, отъ нравственныхъ качествъ котораго, какъ бы они добродѣтельны ни были, обществу нѣчего надѣяться и нѣчего опасаться.

*) Одисс. XI. 496; XXVІІ 136 — 248.

**) См. пространное развитіе этого преобладающаго значенія словъ *αγαθός*, *ισθλός*, *καλός* и т. д. у Велькера въ его 'превосходныхъ Prolegomena къ Теогниду sect. 9—16. Камерарій въ своихъ примѣчаніяхъ къ этому поэту (V. 16) уже ясно сознавалъ значеніе, въ которомъ эти слова употребляются. Илиада XV, 323. *Ὅμη τε τοῖς ἀγαθοῖσι παραδράσσει χέρησ.* Ср. Гезіода Раб. и Дн. 216 и Атенея V стр. 178 *Ἀνθρώποι δ' ἀγαθοὶ δειλοὶ ἢ ἐπὶ δαίτρας ἰακύν.*

Moralis illarum vocum vis et civilis — quarum haec a lexicographis et commentatoribus plurimis et fere neglecta est — probe discernendae erunt. Quod quo facilius fieret, nescio an ubi posterior intellectus valet, majusculâ scribendum fuisset Ἀγαθοὶ et κακοί.

Если бы такой совѣтъ Велькера былъ принятъ, то избѣжалось бы много недоразумѣній. Значеніе этихъ словъ, относящееся къ могуществу человѣка, а не къ нравственному достоинству его, есть первоначальное значеніе ихъ въ греческомъ языкѣ, сохраняемое ими отъ Илиады до позднѣйшихъ временъ и послужившее къ опредѣленію обыкновеннаго названія партій въ періодѣ политическихъ боревій. О нравственномъ значеніи словъ *αγαθός*, *ισθλός* и т. д. не было и помину до философскихъ преній, начатыхъ Сократомъ и продолжавшихся его учениками, но, и тогда они употреблялись и въ прежнемъ смыслѣ.

Мы будемъ имѣть случай говорить обо всемъ этомъ подробнѣе, когда дойдемъ до объясненія существовавшихъ въ Греціи политическихъ партій. Въ настоящее время достаточно будетъ замѣтить, что употребленіе выраженій хорошіе люди, лучшіе люди, для обозначенія лицъ, принадлежащихъ къ аристократическимъ партіямъ, началось во времена величайшей неразвитости греческаго общества.

Аристотель, въ своей общей теоріи управленія *) выражаетъ мысль, что самыя раннія пружины повиновенія и власти между людьми были совершенно личныя, — такія, которыхъ совершеннѣйшее проявленіе есть власть родительская, и что поэтому правленіе монархическое, какъ наиболѣе подходящее къ такой общественной настроенности, было вѣроятно первымъ, утвердившимся повсемѣстно. Дѣйствительно въ его времена оно еще преобладало у всѣхъ иноплеменныхъ народовъ, окружавшихъ Грецію, хотя впрочемъ финикійскіе города и Карфагенъ, самыя просвѣщенные изъ государствъ, внѣ эллинскаго міра, были республиками. Тѣмъ не менѣе понятія о царской власти, существовавшія между современными ему Греками, были такъ различны противъ прежнихъ, что ему трудно представить себѣ повиновеніе, оказываемое его предками своимъ предводителямъ въ героическія времена. Онъ никакъ не можетъ удовлетворительно уяснить себѣ, какимъ образомъ одинъ человекъ могъ быть до такой степени во всѣхъ отношеніяхъ выше окружающихъ его, чтобы удержать за собою такое огромное личное значеніе: онъ подозреваетъ, что въ такихъ малочисленныхъ общинахъ блестящія достоинства рѣдко встрѣчались, и потому у предводителей могло быть очень мало соперниковъ **). Подобныя замѣчанія всего лучше выражаютъ переворотъ, совершившійся въ умахъ Грековъ въ послѣдующіе вѣка, относительно внутреннихъ причинъ политическаго повиновенія. Впрочемъ и между образомъ правленія гомерическихъ временъ и республиканскимъ существуетъ соединяющее ихъ звено—оно заключается въ двухъ административныхъ учрежденіяхъ гомерической монархіи, въ со-

*) Аристот. Polit. I. 1, 7.

**) Καὶ δὲ τούτ' ἴσως ἐβασιλεύοντο πρότερον, ὅτι σπάνιον ἦν εὐρεῖν ἕνδρας διαφέροντας κατ' ἀρετὴν, ἄλλως τε καὶ τότε μικρὰς οἰκουμένας πόλεις (Polit. III. 10, 7); и далѣе въ томъ же трактатѣ, V. 8, 5 и V. 8, 2. Οὐ γίνονται δ' ἐπι βασιλεῖται οὖν Аристотель говорить о монархіи несравненно менѣе подробно, чѣмъ объ олигархіи и демократіи: тѣмъ не менѣе весьма любопытно прочесть десятую и одиннадцатую главу его книги, которыя посвящены этому предмету.

По мнѣнію Платона также, чтобы монархическое правленіе было полезно, нужно, чтобы скипетръ находился въ рукахъ поколѣнія, одареннаго сверхъестественными доблестями.

Аеянскіе драматическіе поэты, и въ особенности Еврипидъ, нерѣдко влагаютъ въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ изъ героическихъ временъ рѣчи, приличныя демократической атмосферѣ Аеинъ — и весьма различны съ тѣмъ, что мы находимъ у Гомера.

вѣтъ старѣйшинъ (*βουλῆ*) и общемъ собраніи всѣхъ свободныхъ людей (*ἀγορά*).

Эти два рода собраній, болѣе или менѣе часто созываемыя, и неразрывно переплетенныя со всѣми самыми ранними обыкновеніями первоначальныхъ греческихъ общинъ, изображаются въ литературныхъ памятникахъ легендарныхъ временъ, болѣе какъ средства для царя совѣтоваться съ опытными людьми или объявлять свои намѣренія народу, — чѣмъ въ видѣ ограниченій его власти. Неоспоримо, на практикѣ собранія должны были имѣть и послѣднее значеніе, также какъ и первое, но гомерическія поэмь, по крайней мѣрѣ, не въ такомъ свѣтѣ представляютъ ихъ. Предводители, цари, князья или геронты (старцы) — такъ какъ въ греческомъ языкѣ одно и то же слово служить для означенія человѣка преклонныхъ лѣтъ и человѣка, имѣющаго значительный вѣкъ и положеніе въ обществѣ — составляютъ совѣтъ *)., въ которомъ, судя по Иліадѣ, съ одной стороны голосъ Агамемнона, а съ другой — Гектора, постоянно берутъ верхъ надъ всѣми прочими. Рѣзкость и даже пренебреженіе, съ которыми Гекторъ принимаетъ весьма почтительныя, хотя и противныя его мнѣнію представленія стараго сподвижника своего Полидаманта — покорный тонъ и сознание подчиненности со стороны послѣдняго, и единогласное одобреніе, выражаемое всѣми членами совѣта первому, несмотря на то, что онъ очевидно неправъ, все это весьма ясно изображается въ поэмѣ **); въ то же время въ греческомъ лагерѣ мы видимъ Нестора, предлагающаго свой совѣтъ Агамемнону въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ и съ величайшею осторожностью, — съ тѣмъ притомъ, чтобы совѣтъ былъ принятъ или отвергнутъ, какъ заблагоразсудитъ повелитель народовъ ***). Совѣтъ есть собраніе чисто—совѣщательное, установленное не съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности воспре-

*) Βουλῆν δὲ πρῶτον μεταβίβωμον ἴδε γερόντων (Иліада II, 53): ср. X 195—416
 *Τλου παλαίου δημογέροντος (XI. 371).

***) Иліада XVIII. 313:

Ἔκτορι μὲν γὰρ ἐπήγγεσαν κακὰ μετιβίωσι
 Πολυδάμαντι δ' ἄρ' οὐτις δὲ ἐσθλὴν φράζετο βουλῆν

Пѣсни XII. стр. 213, Полидамантъ говорить Гектору:

. : ἐκεῖ οὐδὲ μὲν οὐδὲ ἔσκε
 Δῆμον ἔδοντα παρ' ἑ ἀγορεύειμεν οὐτ' ἐνὶ βουλῇ
 Οὐτε ποτ' ἐν πολέμῳ, εὖν δὲ κράτος αἰὲν αἰεῖται.

***) Иліада IX. 95—101.

платствовать исполненію какихъ нибудь вредныхъ намѣреній царя, но единственно для того, чтобы служить ему своими свѣденіями и опытностью. Царь — предсѣдательствующій членъ собранія *) (*βουλευφορος*.), а всѣ прочіе, какъ отдѣльно взятые, такъ и въ совокупности, ему подчинены.

Отъ совѣта мы переходимъ къ народному собранію: повидимому, существовало обыкновеніе, чтобы царь, обсудивъ свои планы въ засѣданіи старѣйшинъ, затѣмъ объявлялъ ихъ всему народу. Герольды собираютъ его, заставляютъ устыться въ порядкѣ и молчаніи **). Каждый изъ предводителей или членовъ совѣта имѣетъ право — и кажется даже исключительное право *** — обращаться съ рѣчью къ народу. Но царь первый объявляетъ свои предположенія и затѣмъ уже другимъ предоставляется разсуждать о нихъ. Впрочемъ въ народныхъ собраніяхъ, изображенныхъ у Гомера, не происходитъ ни разу раздѣленія голосовъ на утвердительные и отрицательные и не принимается никакого формальнаго рѣшенія. Отсутствіе положительнаго значенія еще разительнѣе въ народномъ собраніи, чѣмъ въ совѣтѣ. Собраніе назначено для разговоровъ, совѣщаній и — до извѣстной степени — для споровъ о дѣлѣ между предводителями, въ присутствіи народа, безмолвно внимающаго и сочувствующаго имъ; при этомъ нерѣдко выказывается краснорѣчіе, иногда происходятъ ссоры — но тѣмъ и ограничивается значеніе собранія.

Народное вѣче или агора въ Итагѣ, описанное во второй кни-

*) Илиада VII, 126:

Πήλεος — Ἐσθλός Μυρμιδόνων βουλευφορος ἤδ' ἀγορήτης.

**) Повидимому считалось весьма важнымъ, чтобы народъ непременно устылся (Илиада II. 96): стояніе всѣхъ въ народномъ собраніи служило признакомъ волненія или страха (Илиада XVIII. 246); вечернее собраніе, на которое люди приходили разгоряченные виномъ, также предвѣщало бѣдствія (Одисс. III. 138). Всѣ эти признаки формальностей, соблюдаемыхъ при собраніи, весьма интересны.

***) Илиада II. 100:

. ἴπποτ' αὐτῆς
Σχοῖατ', ἀκούσειαν δὲ διατρεφῶν βασιλῆων.

Ницшъ (ad Odys. II, 14) оспариваетъ мысль объ исключительномъ присвоеніи права говорить однимъ старѣйшинамъ: мнѣніе О. Миллера кажется намъ болѣе справедливымъ; то же мнѣніе раздѣлялъ и Аристотель — *φησι τοίνυν Ἀριστοτέλης ὅτι ὁ μὲν δῆμος μόνου τοῦ ἀκούσαι κύριος ἔν, οἱ δὲ ἡγέμονες καὶ τοῦ πρᾶξαι*. (Схол. къ Ил. IX. 17.) Ср. показаніе о томъ же въ его Эникѣ III. 5.

гѣ Одиссеи, назначено юнымъ Телемахомъ, по внушенію Атѣны (Минервы) не для того, чтобъ сдѣлать жителямъ острова какое-нибудь предложеніе, но чтобъ формально и всенародно заявить женихамъ Пенелопы, чтобы они прекратили свои безнравственные преслѣдованія и перестали расхищать его имущество, — и сверхъ того освободиться отъ всякихъ обязательствъ относительно ихъ, если они откажутся удометворить его требованію. Умерщвленіе жениховъ, неожиданныхъ никакой опасности, среди торжественнаго пира (что составляетъ развязку Одиссеи) должно было въ значительной степени оскорблять нравственное чувство Грековъ *), и вслѣдствіе того ему должны были предшествовать всевозможныя формальности, которыя не оставили бы врагамъ ни гѣни оправданія и совершенно лишили остающихся сродниковъ ихъ права на обычное удовлетвореніе. Собственно съ этою цѣлью, Телемахъ приказываетъ герольдамъ созвать народное собраніе; но что всего страннѣе, такъ это то, что подобнаго собранія вовсе не было ни разу со времени отплытія самого Одиссея, въ продолженіи двадцати лѣтъ. «У насъ не было никакихъ собраній, ни совѣщаній, говоритъ сѣдой Эгиптіій, открывающій засѣданіе, — съ тѣхъ поръ, какъ отплылъ отъ насъ Одиссей: кто же теперь насъ созвалъ? кому, — юношѣ или старцу, пришла такая нужда? получилъ-ли онъ извѣстія о нашихъ отсутствующихъ войнахъ или хочетъ намъ сообщить другія для всѣхъ важныя свѣденія? Во всякомъ случаѣ я считаю его нашимъ другомъ, и о чемъ бы ни была его забота, молю Зевеса послать ему успѣхъ» *). Телемахъ, отвѣчая немедленно на этотъ вопросъ, объясняетъ жителямъ Итаки, что онъ не имѣетъ сообщить имъ никакого общественнаго извѣстія, а созвалъ ихъ по своему собственному дѣлу. Затѣмъ онъ яркими красками рисуеъ зло наносимое ему женихами матери, и лично обращается къ нимъ, требуя, чтобъ они оставили свои намѣренія, а народъ просить обуздать ихъ; въ заключеніе онъ торжественно предупреждаетъ своихъ враговъ, что, освободившись теперь отъ всякаго обязательства относительно ихъ, онъ призоветъ на помощь Зевеса-мстителя и что «послѣ этого, если они будутъ умерщвлены даже въ его домѣ, онъ считаетъ себя неподлежащимъ наказанію» **).

*) См. Ил. IX. 635; Одисс. XI. 419.

**) Одисс. II. 25—40)

***) Одисс. II. 48, 77, 145:

Νῆπινοι καὶ Ἰτακῆα δόμων ἔργοισιν ὀλοοῦσι.

Конечно мы не должны видѣть въ гомеровомъ описаніи ничего иного какъ идеаль, болѣе или менѣе близкій къ дѣйствительности. Но даже сдѣлавъ и ту уступку, которой можетъ требовать подобное ограниченіе, мы все же видимъ, что народное собраніе изображается здѣсь болѣе какъ средство обнародованія чего либо или сообщенія царя съ массою подданныхъ *), чѣмъ какъ учрежденіе, имѣющее цѣлью какую либо отвѣтственность со стороны перваго, или огражденіе интересовъ для послѣднихъ, хотя оно могло косвенно привести и къ этимъ послѣдствіямъ. Первоначальный образъ правленія въ Греціи по существу своему монархическій, основанный на личныхъ чувствахъ и на божественномъ правѣ: на практикѣ, судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣденіямъ, совершенно исполнялось достопамятное изрѣченіе Пліады: нехорошо управляться многими; — подчинимся одному правителю, одному царю, которому Зевесъ вручилъ скипетръ и передалъ охраняющія насъ священнодѣйствія **).

Вторая книга Иліады, при всей ея красотѣ и живости изо-

*) Такой же характеръ имѣли повидному въ первое время народныя собранія Франковъ и Лонгобардовъ (Pfeffel, Histoire du Droit Public en Allemagne т. I. стр. 18, Sismondi, Histoire des Républiques Italiennes т. I, гл. 2; стр. 71.)

Діонисій Галикарнасскій преувеличенно выхваляетъ умѣренность греческихъ царей героическихъ временъ.

Римскіе цари, подобно греческимъ, начали съ *αρχὴ ἀυτοκράτορος*: слова Помпонія (De Origine Juris I. 2) еще болѣе относятся къ послѣднимъ, нежели къ первымъ: *Juribus civitatis nostrae Populus sine certâ lege, sine jure certo, primum agere instituit: omniaque manu a Regibus gubernabantur.* Тацитъ говоритъ (Ann. III. 26): *Nobis Romulus ut libitum, imperitaverat: dein Numa religionibus et divino jure populum devinxit, repertaque quaedam a Tullo et Ancō: sed praecipuus Servius Tullius sanctorum legum fuit, quis etiam Reges obtemperarent.* Назначеніе диктатора во времена республики было какъ бы возобновленіемъ прежней неограниченной власти на краткое и заранѣе определенное время (Цицеронъ, De Republ. II. 32, Зонарасъ Ann. VII. 13 Діон. Галл. V. 75)

См. Рубино, Untersuchungen über Römische Verfassung und Geschichte. Cassel 1839, Buch I, Abschnitt 2, p. p. 112—132 и Ваксмута Hellenische Alterthumskunde I. sect. 18 pp. 81—91.

**) Иліады II. 204 Агамемнонь обѣщается передать Ахиллу семь хорошо населенныхъ городовъ съ богатыми жителями (Ил. IX. 153), а Менелай, убѣждая Одиссея оставить Итаку и поселиться возлѣ него въ Аргосѣ, вызывается выслать жителей изъ какого нибудь сосѣдняго города, чтобы очистить для него мѣсто (Одисс. IV. 176).

Манзо (Спарта I. 1, стр. 34) и Ницшъ. (ad Odyss. IV. 171) расподожени отвѣрнуть эти мѣста, какъ подложныя — на чтò по моему мнѣнію нельзя рѣшиться, не имѣя лучшихъ основаній, чѣмъ представляемыя ими.

браженій, не только подтверждает наше мнѣніе о страдательно-покорномъ и безусловно-подчиненномъ характерѣ народного собранія, но даже представляетъ картину униженія всей массы народа передъ предводителями, оскорбляющую наше нравственное чувство. Агамемнонъ созываетъ собраніе съ тѣмъ, чтобъ немедленно вооружить греческое войско, въ томъ убѣжденіи, что боги наконецъ рѣшились увѣнчать его усилія полнымъ успѣхомъ. Такое убѣжденіе поселено въ немъ особымъ посѣщеніемъ Опэйроса (бога сна), посланнаго къ нему Зевесомъ во время его сна — это былъ со стороны Зевеса преднамѣренный обманъ, чего впрочемъ Агамемнонъ не подозреваетъ. Въ то самое время, когда, по нашему понятію, онъ долженъ былъ-бы чувствовать болѣе чѣмъ когда либо нетерпѣніе вывести войско въ строй и овладѣть городомъ, на него находить необъяснимая фантазія: вмѣсто того, чтобы приказать войскамъ то, чего онъ дѣйствительно желаетъ, и возбудить въ нихъ мужество для этого послѣдняго усилія, онъ рѣшается испытать ихъ, притворившись, что считаетъ осаду безнадежною и что по его мнѣнію остается только сѣсть на корабли и возвратиться въ Грецію. Объявивъ Нестору и Одиссею, на предварительномъ совѣщаніи, свое намѣреніе держать такую странную рѣчь, онъ въ то же время выразилъ надежду, что они будутъ оспаривать ее и противодѣйствовать впечатлѣнію, которое она произведетъ на войско *). Агора тотчасъ же созывается и повелитель народовъ произноситъ слово, проникнутое самымъ безнадежнымъ отчаяніемъ въ успѣхъ дѣла, а въ заключеніе совѣтуетъ всѣмъ присутствующимъ сѣсть на корабли и воротиться въ отечество. Немедленно всѣ, какъ предводители, такъ и простые воины, встаютъ и отправляются исполнить приказаніе царя: каждый спѣшитъ спустить на море свое судно. Остается одинъ Одиссей, съ грустнымъ удивленіемъ смотрящій на эти сборы; дѣйствительно, въ скоромъ времени войско было-бы уже на обратномъ пути, если-бъ Гѣра (Юнона) или Атѣна не побудили Одиссея тотчасъ-же воспротивиться отплытію. Онъ спѣшитъ вмѣшаться въ толпу и отговорить ее отъ принятаго намѣренія: къ предводителямъ онъ обращается съ убѣдительною просьбой, стараясь пристыдить ихъ кроткими совѣтами, а на простыхъ воиновъ дѣйствуетъ рѣзкою бранью и ударами скипетра**), и такимъ-образомъ заставляетъ всѣхъ вернуться на мѣсто собранія.

*) Ил. II. 74. *Πρότα δ'ἔγχευ ἔπειτα περίγομας.*

**) Ил. II. 188—196:

Среди недовольной и насильно остановленной толпы дольше и громче всѣхъ слышится голосъ Терсита, челоѵка безобразнаго и невоинственнаго, но бойкаго въ рѣчахъ и особенно грубо и строго осуждающаго предводителей Агамемнона, Ахилла и Одиссея. При этомъ случаѣ, онъ обращается къ народу съ рѣчью, въ которой поноситъ Агамемнона вообще за эгоизмъ и корыстолюбіе и въ особенности за послѣднее оскорбленіе, нанесенное имъ Ахиллу, — и сверхъ того старается утвердить воиновъ въ намѣреніи возвратиться въ Грецію. На это Одиссей не только рѣзко укоряетъ Терсита въ дерзости, которую онъ себѣ позволилъ — осуждать главнаго начальника войска, — но и грозитъ, если это повторится, раздѣть его до-нага и выгнать изъ собранія постыдными ударами; а въ—задатокъ бьетъ его тутъ же изукрашеннымъ скипетромъ своимъ, отъ котораго остается кровавая полоса по всей спинѣ несчастнаго. Терситъ, испуганный и усмиранный, садится и плачетъ, между тѣмъ какъ окружающая его толпа смѣется и выражаетъ сильнѣйшее одобреніе Одиссею за то, что онъ заставилъ хулителя умолкнуть *).

Затѣмъ Одиссей и Несторъ обращаются къ собранію, выражая состраданіе къ Агамемнону, котораго отступление Грековъ должно покрыть позоромъ, и убѣждая всѣхъ въ томъ, что они обязаны остаться до счастливаго окончанія осады. Ни тотъ ни другой не выражаетъ порицанія противъ Агамемнона, ни за его поступокъ съ Ахилломъ, ни за ребяческую фантазію испытать духъ арміи **).

Не можетъ быть болѣе яснаго свидѣтельства объ истинномъ характерѣ народнаго собранія гомерическихъ временъ, какъ это происшествіе, столь живо обрисованное въ Илиадѣ. Толпа, составляющая собраніе, молчитъ и соглашается на все; — рѣдко

Ὅστινα μὲν βασιλῆα καὶ ἕξοχον ἄνδρα κηχεῖν,
 Τὸν δ' ἀγαυοῖς ἐπέειπεν ἐρητύσασκε παραστάς
 Ὅν δ' αὖ δῆμον τ' ἄνδρα ἴδοι βοοῶντά τ' ἐρεῦροι,
 Τὸν σκῆπτρῳ ἰλάσασκεν, ἐμοκλήσασκί τε μῦθῳ ἠ. δ.

*) Илиада II. 213—277.

***) Илиада II. 284—340. Терситъ, въ своей укорительной рѣчи противъ Агамемнона, совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ, хотя въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ рѣчь произносилась, такой упрекъ казался бы самымъ естественнымъ и былъ бы самымъ сильнымъ орудіемъ противъ Агамемнона.

колеблется и никогда не рѣшается на оппозицію *). Въ поступкѣ съ Терситомъ ясно выражено, какая судьба ожидала того, кто бы осмѣлился осуждать царей, хотя бы даже его упреки были въ существѣ своемъ справедливы. Нерасположеніе, возбуждаемое въ народѣ такою личностью, еще болѣе, чѣмъ поступкомъ Одиссея, доказывается заботою Гомера приписать Терситу самые отвратительныя физическіе недостатки: онъ представленъ хромымъ, плѣшивымъ, горбатымъ, съ уродливою головою и косыми глазами.

Но мы перестаемъ удивляться покорности народнаго собранія, когда читаемъ о поступкахъ Одиссея съ самимъ народомъ—о льстивыхъ рѣчахъ, съ которыми онъ обращается къ начальникамъ, и о презрительномъ обращеніи и даже насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ простолюдиновъ, въ такое время, когда и тѣ и другіе дѣлами совершенно одно и тоже — буквально исполняли приказаніе Агамемнона, противъ котораго Одиссей не дѣлаетъ ни малѣйшаго замѣчанія. Эта сцена, которая очень не нравилась Аѳинскимъ демократамъ историческихъ временъ**), доказываетъ, что чувство личнаго достоинства, которымъ греческіе мыслители Геродотъ, Ксенофонтъ, Гиппократъ и Аристотель хвалились, какъ отличіемъ свободнаго Элина отъ угнетеннаго рабствомъ Азіятца, было еще неразвито во времена Гомера***). Древнѣйшія эпическія поэмы вообще исключительно наполнены похужденіями царей, а народъ постоянно является орудіемъ ихъ, такъ что намъ весьма рѣдко удается видѣть такой ясной образецъ отношеній, существовавшихъ между тѣми и другими, какъ въ этомъ изображеніи народнаго собранія.

Еще остается намъ съ одной особой точки зрѣнія рассмотреть народное собраніе древнѣйшихъ временъ Греціи — а именно, какъ поприще проявленія судебной власти. Царь представляется назначеннымъ отъ Зевеса главнымъ судьей общества онъ получилъ изъ рукъ Громовержца скипетръ и вмѣстѣ съ нимъ право повелѣвать людьми и судить ихъ: народъ повинуетъ повелѣніямъ и исполняетъ приговоры царя, обогащая его въ тоже

*) Все это весьма ясно высказывается въ рѣчи Тезея, Еврип. Suppl 349—252:

Δόξαι δὲ χρῆζω κατὰ πόλιν πάση τάδε
Δόξαι δ' ἐμοῦ εἰληντος ἀλλὰ τοῦ λόγου
Προσδοῦς ἔχοιμι ἄν δῆμον ἐυμένεστορον.

**) Ксеноф. Memorab. II, 2, 9.

***) Аристот. Polit. VII, 6, 1. Гиппократ. De Aëre, Loc. et Aq. V. 85 — 86 Геродота VII. 135.

время дарами и разными сборами *). Иногда одинъ царь, иногда нѣсколько царей и предводителей или геронтовъ изображаются разрѣшающими споры и доставляющими удовлетвореніе обиженнымъ, но всегда это происходитъ въ присутствіи всего народа, посреди собранія **).

На одномъ изъ отдѣленій Ахиллова щита изображены подробности внѣшней обстановки суда. Агора наполнена любопытною и волнующею толпою, между противниками происходитъ споръ о вознагражденіи за смерть убитаго человѣка—одинъ доказываетъ, что судебная пеня уже заплачена, другой отрицаетъ это, и оба требуютъ суда. Геронты расположены на каменныхъ сѣдалищахъ,***) составляющихъ священный кругъ, передъ ними лежатъ два таланта золота, назначенные тому изъ двухъ противниковъ, которому удастся убѣдить ихъ въ правотѣ своего дѣла. Герольды со скипетрами, удерживая проявленіе горячаго сочувствія толпы къ тому или другому, наблюдаютъ,

*) *Σκῆπτρον, Θέμιστες* или *Θέμις* и *ἀγορῆ* составляютъ понятія нераздѣльныя и находятся подъ особымъ вѣденіемъ боговъ. Богиня Темида созываетъ и распускаетъ народное собраніе (см. Илиады XI. 806, Одисс. II, 67; и Илиады XX. 4).

Θέμιστες, воображаемые символы права повелѣвать и судить, собственно принадлежатъ Зевесу (Одисс. XVI, 403); онъ вручаетъ ихъ земнымъ царямъ въ вѣсть со скипетромъ (Ил. I, 238; II. 206).

Комментаторы Гомера опредѣляли *Θέμις* — кажется уже слишкомъ строго — *ἀγορῆς καὶ βουλῆς λέξιν* (см. Eustath. ad Odyss. XVI. 403).

О дарахъ и *λίταραι* *Θέμιστες* см. Ил. IX. 156.

**) Гезіода Theogon. 85, еще повидимому говорится о судѣ одного лица въ Одисс. XII, 439.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Спартѣ сенатъ производилъ судъ надъ убійцами, (Арист. Polit. III. 1, 7.): въ историческія времена Аѳинъ тоже право первоначально принадлежало Ареопагу, который даже послѣ уменьшенія его власти, сохранилъ судъ надъ преднамѣренными убійствами и надъ случаями нанесенія ранъ. О судебной власти первыхъ Римскихъ царей, Діониссій Галикарнасскій (A. R. X. 1) говоритъ: *Τὸ μὲν ἀρχαῖον οἱ βασιλεῖς ἐξ' αὐτῶν ἕτατον τοῖς θεομένοισι τὰς δίκας, καὶ τὸ δικαιοῦσθαι ὑπ' ἐκείνων, ταῦτο νόμος ἦν* (стр. IV. 25; и Цицер. Republ. V. 2; Рубино, Untersuchungen I, 2, стр. 122).

***) Ил. XVIII. 504:

..... Οἱ δὲ γέροντες

εἶατ' ἐπὶ ξέστοισι λίθοις ἱερῶ ἐνὶ κύκλῳ

Многія изъ сѣверныхъ сагъ изображаютъ старцевъ, собравшихся для суда, сидящими на большихъ камняхъ, расположенныхъ въ видѣ круга, который назывался Urtheilsring или Gerichtsring (Leitfaden der nordischen Alterthümer. Copenhag. 1837 г. стр. 31).

чтобы каждый могъ говорить въ свою очередь. *) Эта любопытная картина совершенно согласна съ нѣсколькими словами, сказанными Гезіодомъ о судебномъ дѣлѣ — безъ сомнѣнія дѣйствительно происходившемъ — между нимъ и братомъ его Персеемъ. Братья спорили объ отцовскомъ наслѣдствѣ и дѣло ихъ пошло на разсмотрѣніе старшинъ въ народномъ собраніи, но Персей подкупилъ ихъ и вслѣдствіе того состоялся несправедливый приговоръ**). Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ Гезіодъ, глубоко огорченный своею неудачею; притомъ онъ отъ души увѣщаетъ брата не тратить драгоценнаго времени, назначеннаго для необходимыхъ трудовъ, въ безплодномъ слушаніи тяжбъ и поддержаніи спорящихъ на судебной площади, — чему, прибавляетъ онъ, никто ни имѣетъ права отдавать свое время, развѣ только въ такомъ случаѣ, если запасы, нужные для годоваго содержанія его, уже собраны и хранятся у него въ закромахъ. ***) Онъ нѣсколько разъ повторяетъ свою жалобу на несправедливые и пристрастные приговоры, обыкновенно, постановляемые царями, называя судебныя злоупотребленія самымъ вопіющимъ зломъ своего времени и предсказывая, даже призывая мщеніе Зевеса для подавленія его. И Гомеръ приписываетъ страшную силу осеннихъ бурь гнѣву Зевеса на судей, унижающихъ судъ своими несправедливыми приговорами. *)

Хотя конечно справедливо, что при какой-бы то ни было организаціи общества, мнѣніе людей присутствующихъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, неизбѣжно должно имѣть нѣкоторый вѣсъ, однако мы видимъ, что въ судебномъ отношеніи, также какъ и въ политическомъ, значеніе народнаго собранія ограничивалось тѣмъ, что при посредствѣ его всѣ отправленія власти совершались публично. Главнымъ личнымъ двигателемъ общества въ героическія времена Греціи былъ царь. **) Онъ имѣетъ на землѣ тоже значеніе, какъ Зевесъ между прочими небожителями: верховное божество во многихъ случаяхъ обсуждаетъ дѣла міра передъ сонмомъ другихъ боговъ, выслушиваетъ нѣкоторыя разногласныя мнѣнія и уступаетъ льстивой

*) Гомеръ, Ил. XVIII, 497—510.

***) Гезіодъ, Раб и Дн. 27—33.

****) Гезіодъ. Раб. и Дн. 37.

*) Гезіодъ Раб. и Дн. 250 — 263; Гомеръ Илиада XVI. 387.

***) Титмакъ (Darstellung der Griechischen Staatsverfassungen кн. II. стр. 63), по моему мнѣнію, даетъ слишкомъ высокое понятіе о значеніи и дѣйствіяхъ гомерической агора.

Асредитѣ и упрямо-докучливой Гертѣ. Но последнее рѣшеніе его венарушимо и можетъ быть отклонено только преобладающимъ вліяніемъ Мойръ или Судебъ. *) И общество боговъ и всё общества человѣческія, по понятіямъ, выражающимся въ греческихъ легендахъ, управляются личною властью законнаго владыки, получившаго ее совершенно независимо отъ воли подданныхъ, но пользующагося ею съ полнаго ихъ согласія. Великія отдѣльныя личности властителей почти исключительно занимаютъ собою легендарныя повѣствованія. Вся раса или нація какъ-бы поглощается царемъ: въ особенности эпонимы (лица, давшія свое имя поколѣнію) должны быть признаваемы не только царями, но отцами и представителями племенъ — совершенно равнозначественными тому большому или меньшему количеству людей, которому они передали свое имя.

Впрочемъ, хотя въ первобытномъ образѣ правленія Грековъ царь есть законный и неограниченный монархъ, тѣмъ не менѣе онъ всегда изображается дѣйствующимъ посредствомъ совѣта и народнаго собранія. Оба эти установленія для него обычныя и существенно необходимыя органы, чрезъ которые его власть проявляется надъ обществомъ: отсутствіе подобныхъ собраній составляетъ отличіе дикарей, чему примѣромъ могутъ служить Циклопы.***) Вслѣдствіе того царь долженъ имѣть качества, необходимыя для успѣшнаго дѣйствія въ обоихъ собраніяхъ: глубокую мудрость для совѣта, увлекательное краснорѣчіе для народа.***) Чтобы осуществить идеалъ образа правленія героическихъ времёнъ, чтобы царь не только былъ мужественнымъ и предусмотрительнымъ, мотрительнымъ полководцемъ, но и превосходилъ бы умственными качествами всѣхъ окружающихъ его настоятельно, чтобы быть въ состояніи приобрести разъ навсегда созна-

*) Илиада I. 526 — 527; IV. 14 — 56; въ особенности объ собраніи боговъ (XX. 16).

**) Олисс. IX. 114:

Τοῖσι δ' οὐτ' ἀγοραὶ βουλευήροισι οὔτε θέμιστες
 Ἄλλ' οἷοι ὑψηλῶν ἔριων κείουσι κάρηνα
 Ἐν σπέσσι γλαφυροῖσι θέμιστεύει δὲ ἕκαστος
 Παίδων ἢ δ' ἀδελφῶν οὐδ' ἀλλήλων ἀλέγουσι.

Эти строки вполне разъясняютъ значеніе слова θέμιστες.

***) Это требованіе подробно развито въ пространной рѣчи Армоніада Пері Раторикѣ. (Ог. XIV т. II. стр. 99.) *Ἠείροδες... ταῦτα ἀντικρὺς Ὀμήρου λέγων... ἔτι τε ἢ ῥητορικῆ συνέδρος τῆς βασιλικῆς, и пр.*

тельное содѣйствіе старшинъ и полное сочувствіе народа. *) Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ идеалъ не всегда осуществлялся, но часто восхваляемыя качества достойныхъ царей доказываютъ, что онъ былъ постоянно присущъ уму повѣствующаго. **) Ксенофонтъ, въ своей Киропедіи изображаетъ Кира имѣющимъ въ высшей степени всѣ качества гомерова Агамемнона «хорошій правитель и превосходный полководецъ» — выражая этимъ идеалъ образа правленія, основаннаго на личности.

Чрезвычайно важно прослѣдить эти первоначальныя понятія о правительствѣ, проглядывающія уже задолго до начала историческихъ временъ Греціи, и слившіяся съ общественною жизнью народа. Это изученіе докажетъ намъ, что Греки во всѣхъ послѣдующихъ перемѣнахъ образа правленія и во всѣхъ политическихъ опытахъ, представляемыхъ безчисленнымъ множествомъ образовавшихся у нихъ самостоятельныхъ общинъ, — работали надъ существовавшимъ уже матеріаломъ, развивая и усиливая элементы, бывшія прежде подчиненными, и уничтожая или преобразовывая на совершенно новыхъ началахъ то, что сперва являлось преобладающимъ. Обращаясь къ исторической Греціи, мы находимъ, что вездѣ, за исключеніемъ Спарты, монархическая власть, бывшая въ героическіе вѣка наследственной и неограниченной и соединявшая въ одномъ лицѣ всѣ правительственныя функціи, исчезла, а понятіе о законности ея, побуждавшее народъ охотно повиноваться ей, замѣнилось нерасположеніемъ къ этой власти. Многоразличныя отправленія, прежде соединяющіяся въ лицѣ царя, распределены между сановниками, назначаемыми на извѣстныя

*) Пэлей, царь Мирмидонянь, названъ (Ил. VII. 126) *Ἰσθάριος Μυρμιδόνων βουλευφόρος ἢ δ' ἀγορευτής* — Диомедъ *ἀγορεύς δὲ τ' ἀμείνων* (IV. 400); Несторъ *Λεῖγος Πυλίων ἀγορευτής* — Сарпедонъ *Λυκίων βουλευφόρος* (V. 633); и Идаменей *Κρητῶν βουλευφόρος* (XIII. 219).

Гезіодъ (Theogon. 80—96) разъясняетъ еще болѣе идеалъ царя, управляющаго посредствомъ убѣжденія и вдохновляемаго музами.

**) См. разительную картину, начертанную Фукидидомъ (II. 65). Ксенофонтъ въ Киропедіи влагаетъ въ уста своего героя гомерическое сравненіе между добрымъ царемъ и добрымъ пастыремъ, требующее превосходныхъ качествъ физическоя организаціи, нравственности и ума (Сутораед. VIII р. 450 Hutchinson),

Volney замѣчаетъ объ эмирахъ Друзовъ въ Сиріи: все зависитъ отъ случайности: если правитель человекъ съ дарованіемъ, то власть его неограничена; если онъ слабъ, она совершенно ничтожна. Это происходитъ отъ недостатка опредѣненныхъ законовъ — недостатокъ обѣий всей Азіи. (Путешествіе по Египту и Сиріи ч. II стр. 66). Почти таково-же было положеніе царей въ первобытной Греціи.

срокъ. Съ другой стороны совѣтъ, или сенатъ и агора, бывшіе прежде лишь органами, черезъ которые дѣйствовалъ царь, стали независимыми и самостоятельными властями, контролирующими и подвергающими отвѣтственности всѣхъ лицъ, исполняющихъ какую либо правительственную должность. Это общее начало проявлялось одинаково и въ олигархіяхъ и въ демократіяхъ, существовавшихъ въ исторической Греціи: какъ ни велика была разница между этими двумя родами правительствъ, какъ ни многочисленны отгѣнки, различавшіе одну демократію или олигархію отъ прочихъ, но всѣ онѣ были одинаково противоположны началамъ правленія героическихъ временъ. Даже въ Спартѣ, гдѣ наслѣдственное царское достоинство было удержано, оно сохранилось лишь съ несравненно уменьшеннымъ блескомъ и вліяніемъ, *) и повидному такое своевременное уменьшеніе значенія его было однимъ изъ существенныхъ условій сохраненія самага существованія царской власти. **) Хотя Спартанскимъ царямъ принадлежало наслѣдственное право начальствовать надъ войсками, однако они, даже и въ иноземныхъ войнахъ, дѣйствовали обыкновенно по полученнымъ изъ Спарты приказаніямъ, между тѣмъ какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія высшая власть эфоровъ существенно затмѣвала ихъ значеніе. Такимъ образомъ, за исключеніемъ личностей, отличавшихся необыкновенными дарованіями, они главнымъ образомъ проявляли свою власть лишь какъ предсѣдательствующіе члены сената.

Есть еще одна точка зрѣнія, съ которой мы должны взглянуть на совѣтъ и на народное собраніе, въ качествѣ существенныхъ принадлежностей образа правленія греческихъ общинъ въ легендарныя времена. Существованіе этихъ установленій въ первобытной Греціи даетъ намъ возможность прослѣдить упот-

*) Тѣмъ не менѣе вопросъ, сдѣланный Леотихидомъ низложенному спартанскому царю Демарту: *ἔκαστον τι εἶναι τὸ ἀρχεῖν μετὰ τὸ βασιλεύειν* (Герод. VI. 65) и извѣстное значеніе, придаваемое этимъ словамъ, составляютъ одинъ изъ многихъ примѣровъ того высокаго уваженія, которымъ пользовалось въ Спартѣ царское достоинство, и на которое Аристотель въ своей «Politica» повидному не обратилъ достаточнаго вниманія.

**) О. Миллеръ (Истор. Доріявъ кн. III I 3) утверждаетъ, что основныя черты царской власти сохранились во всѣхъ дорійскихъ племенахъ, и исчезли только въ іонійскихъ, расположенныхъ къ демократіи. Этому мнѣнію его послѣдовали многіе другіе писатели (см. Гельбига Die Sittlichen Zustände des Heldenalters) но самое положеніе кажется мнѣ существенно неправильнымъ, даже въ отношеніи къ Спартѣ, и еще разительнѣе невѣрнымъ относительно прочихъ дорійскихъ государствъ.

ребленіе всенародной политической рѣчи, какъ главнаго орудія управленія и самой существенной пружины повиновенія народа, до самаго ранняго, младенческаго возраста эллинской гражданственности. Могущество рѣчи въ управленіи дѣлами общества болѣе и болѣе проясняется, развивается и становится непреодолимымъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ высшей точкѣ развитія Греціи — къ столѣтію, предшествовавшему херонейской битвѣ. Чтò это могущество сильнѣе проявилось въ самыхъ просвѣщенныхъ племенахъ Греціи и несравненно слабѣе въ менѣ развитыхъ и дѣятельныхъ, изъ этого составляетя несомнѣнный фактъ, столько же справедливый, что преобладаніе силы слова было одною изъ главныхъ причинъ умственнаго превосходства греческой народности надъ всѣми современными. Въ такое время, когда всѣ окрестныя націи, въ сравненіи съ Эллинами, были погружены въ состояніе умственнаго бездѣйствія, никакое другое побужденіе не могло бы быть довольно сильно и дѣятельно, чтобы произвести такое изумительное множество творческихъ умовъ — кромѣ значительности преимуществъ, приносимыхъ, при организаціи греческихъ общинъ, успѣхомъ въ политической рѣчи. Легкость, съ которою народъ подчинялся этому способу веденія его, укоренившаяся въ немъ привычка требовать происходящаго при слушаніи политической рѣчи возбужденія умственной дѣятельности и наслаждаться этою дѣятельностью, всенародность преній, соединявшихъ правильныя формы съ совершенною свободою оппозиціи — вотъ причины, которыя, дѣйствуя совокупно, создали такихъ несравненныхъ мастеровъ въ искусствѣ убѣждать. И не только ораторовъ въ собственномъ смыслѣ создали эти причины: за политическими способностями, на второмъ планѣ, возникали и научныя, и между тѣмъ, какъ основныя истины естествознанія были еще почти совершенно недоступны человѣку, тѣмъ не менѣе мыслителю представлялось множество любопытныхъ явленій для наблюденія и соображенія. Если первымъ послѣдствіемъ такой организаціи общества было пробужденіе въ сильнѣйшей степени силы слова, вторымъ, но не менѣе вѣрнымъ, послѣдствіемъ было развитіе потребности къ научному мышленію. Не только подвиги краснорѣчія Демосѣена и Перикла, и почти сверхъестественное діалектическое могущество, проявленное Сократомъ, но и философскія умозрѣнія Платона и созданіе Аристотелемъ системы, обнявшей политику, риторикку и логику — всѣ эти дивныя проявленія ума человеческого могутъ быть приписаны тому же общему направленію умовъ: а

зародыши этих громадных сил уже таились въ совѣтѣ и народномъ собраніи легендарныхъ временъ. Поэты, сначала эпическіе, а потомъ лирическіе были предшественниками ораторовъ въ могущество надъ чувствами народной толпы; поэмы Гомера — книга, по которой образовывались всѣ просвѣщенные Греки, — составляли общую для всѣхъ сокровищницу сильныхъ и яркихъ выраженій, полную живыми образами, при весьма рѣдко встрѣчающихся отвлеченностяхъ, и потому въ особенности обильную для оратора. Критикамъ послѣдующихъ временъ не трудно было выбрать изъ Иліады и Одиссеи образцы, краснорѣчиво всѣхъ самыхъ разнообразныхъ видахъ и фазисахъ его.

Изъ всего выше сказаннаго слѣдуетъ, что общество, изображенное въ поэмахъ древнихъ Грековъ, еще смутно и неустроено, и представляетъ для членовъ своихъ весьма мало законнаго стѣсненія, законнаго же покровительства еще менѣе, — но всю существующую политическую власть сосредоточиваетъ въ рукахъ царя, преобладаніе котораго надъ прочими старшинами болѣе или менѣе полно, смотря по его личнымъ дарованіямъ и свойствамъ. Но болѣе-ли, менѣе-ли это преобладаніе, масса народа въ обоихъ случаяхъ одинаково остается въ политически страдательномъ положеніи и лишена всякаго самостоятельнаго значенія. Хотя свободный гражданинъ въ Греціи героическихъ временъ не такъ низко поставленъ, какъ описанный Цезаремъ *) плебей въ Галліи, но онъ далекъ отъ той гордой независимости и того чувства собственнаго достоинства и собственной силы, которымъ отличились германскія племена до водворенія ихъ въ областяхъ Римской имперіи; еще менѣе соотвѣтствуетъ его положеніе и весь характеръ окружающаго его быта тѣмъ идиллическимъ мечтамъ объ искренней правотѣ и невинности, которымъ предаются Тацитъ и Сенека, изображая челоѡчество первобытныхъ временъ. **) (Продолженіе будетъ.)

*) Цезарь *Bell. Gallic.* VI. 12.

**) Сенека *Epist.* XC; Тацитъ *Annal.* III. 26. *Vetustissimi mortalium, говорить послѣдній nala adhuc mollâ libidine, sine probro, scelere, eoque sine poena et coercitione, agebant; neque praemiis opus erat, cum honesta suoapte ingenio peterent; et ubi nihil contra morem cuperent, nihil per metum vetabantur. At postquam exui aequalitas et pro modestiâ et pudore ambitio et vis incedebat, provenere dominationes, multosque apud populos aeternum mansere, etc.* Ср. Страбона VII стр. 301.

Это тѣже мечты, которыя такъ краснорѣчиво выражалъ Руссо въ прошедшемъ вѣкѣ. Несравненно болѣе вѣрный взглядъ на древнѣйшія времена видѣнъ въ предисловіи Бухида.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	стр.
Янъ Гуніади (историческая характеристика. Статья первая.)	
С. Н. ПАЛАУЗОВА	4
Трудъ и капиталъ. Романъ. (Окончаніе.) Ф. Г. ТОЛЯ . .	67
Стихотворенія Н. И. КРОЛЯ и Я. П. ПОЛОНСКАГО . .	204
Впечатленія Русскаго въ Америкѣ (Статья вторая.) Н. П. СОКАЛЬСКАГО	207
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЧУМЫ ВЪ МОСКВѢ И УБИЕНІЕ АР- ХІЕПИСКОПА АМВРОСІЯ 1771 ГОДА. И. К. КУПРІЯНОВА.	247

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА. Письмо изъ Парижа. ЖАКА ЛЕФРЕНЯ.	1
Обзоръ современныхъ событій	7
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Горькая судьбина. Графа Г. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО	1
Англія въ XVIII столѣтїи. Профессора Г. <i>Визинскаго</i> . В. П. ПОПОВА.	12
Переводы въ стихахъ изъ Гете, Шиллера, Шекспира, Гюго и Барбье. М. <i>Семперверо</i> . В. Д. Я—ВА. . . .	28
Пѣсни, собранныя П. В. <i>Кирьескимъ</i> . Л. М.	33
ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ. П. <i>Пирогова</i> . — Комнатная гимнастика съ шарами. — Космосъ. Составл. д-ромъ <i>Корберомъ</i> . — Микроскопъ, его устройство и упо- требленіе. Соч. <i>Ганновера</i> . В. Л. ХАНКИНА	41

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Труды общества, учрежденнаго въ Англии, для развитія социальной науки. Д. И. КАЧЕНОВСКАГО	59
Германскіе собранія и сѣзды нынѣшняго года. Р. Н.	84
Историческіе труды Кассаньяка, по поводу его новой книги. В. М. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО	98

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Нѣсколько словъ по поводу Воскресныхъ школъ. Г. Е. Б—ВА	1
Воскресныя школы. В. К. ИВАНОВА	5
Томасъ Моръ. В. Г. АВСѢНКО	30
О выставкѣ. (Письмо 2-е.) Я. П. П—АГО	65
Русскій театръ. В. И.	71
Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА.	

Къ этой книжкѣ прилагается третья часть романа А. Дюма, «Маркиза д'Эскоманъ» и переводъ изъ исторіи Греціи, Грота. **Ө. Н. НЕНАРОКОМОВА.**
